

$\bar{X} = \frac{42}{1}$

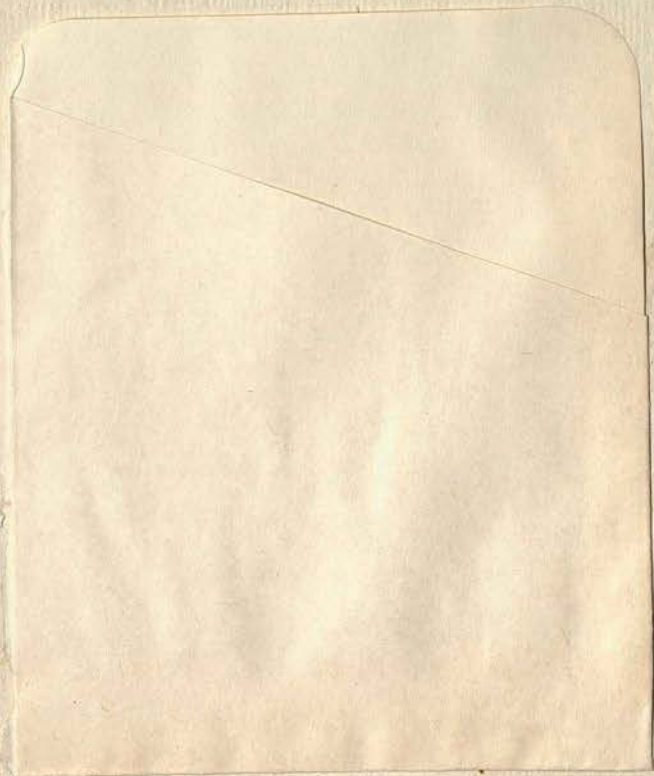
1916

n 1-20

160

Handwritten text, possibly a date or reference number: 18910
Handwritten text, possibly a name or location: 18910
Handwritten text, possibly a name or location: 18910

Handwritten scribbles and faint markings, possibly a signature or initials.

2015596399

802-03

823-8

42
1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XXXV.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. » 6 » . 3 » — » За границу на годъ 6 руб. Проби. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНИЯ въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просить адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
---	--	---

№ 1676.	10-го Января 1916 года.	№ 1.
---------	-------------------------	------

Содержаніе: 1) Отъ Редакціи.—2) Отъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества.—3) Мертвые не умираютъ М. Метерлинка.—4) Письмо къ осиротѣлымъ. Проф. О. Лоджъ.—5) По пути.—6) Два основныхъ вопроса Спиритизма. А. И. Б.—7) Тайственные явленія въ обыденной жизни. О. А. Дудченко.—8) **Объявленія**

Редакция журнала „Ребусъ“ поздравляетъ своихъ читателей, подписчиковъ и сотрудниковъ, всѣхъ друзей и братьевъ по духу

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

Всѣмъ сочувствующимъ, всѣмъ ищущимъ, изслѣдующимъ и работающимъ на нивѣ духа; всѣмъ тоскующимъ всѣмъ осиротѣвшимъ, всѣмъ плачущимъ и всѣмъ утѣшеннымъ и достигнутымъ великою Грозою текущаго Часа—шлетъ свое сердечное сочувствіе и братское пожеланіе, мира душевнаго, утѣшенія и всего лучшаго и свѣтлаго.

Редакція.

ОТЪ РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Гг. подписчики журнала „Ребусъ“—пользуются правомъ присутствовать на Собраніяхъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества, происходящихъ каждый понедѣльникъ при лѣчебницѣ А. И. Бобровой—Б. Дорогомиловская ул.—у Бородинскаго моста домъ № 3.—(Телеф. 2-28 93).

Начало собраній 8½ ч. вечера.

О желаніи присутствовать на Собраніяхъ Общества—слѣдуетъ предварительно сообщить письмомъ Предсѣдателю Общества—П. А. Чистякову по указанному выше адресу.

МЕРТВЫЕ НЕ УМИРАЮТЪ.

Морисъ Метерлинкъ.

Когда видишь ужасающую гибель столько молодыхъ жизней, когда видишь, что столько физическихъ и моральныхъ силъ, столько силъ интеллектуальныхъ, столько пышныхъ надеждъ безнаочно убиты при первой ихъ попыткѣ развернуться, то готовъ впасть въ отчаяніе. Никогда еще столь чудесныя энергіи, столь чудесныя надежды не бросались одна за другой, такъ беспорядочно и безостановочно, въ небытіе, откуда нѣтъ отвѣта. Никогда еще человечество, съ тѣхъ поръ, какъ оно стало существовать, не тратило подобнымъ образомъ своихъ сокровищъ, своей сущности, своего будущаго.

Вотъ уже болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ, какъ на всѣхъ поляхъ битвы первыми по необходимости умираютъ самые храбрые, самые искренніе, самые пылкіе и самые преданные. А менѣе мужественные, менѣе благородные, слабые, больные, словомъ, люди менѣе желательные одни имѣютъ нѣкоторые шансы уцѣлѣть въ настоящей рѣзнь.

Происходитъ какой-то чудовищный отборъ наоборотъ, который, какъ-будто методически осуществляетъ цѣль разрушенія рода. Начинаютъ съ безпокойствомъ спрашивать себя, въ какомъ же положеніи очутится земля послѣ великаго испытанія, что станетъ съ человечествомъ, обезглавленнымъ, ослабленнымъ въ всемъ, что было въ немъ лучшаго и высшаго.

Понятно, что это одинъ изъ самыхъ мрачныхъ вопросовъ, какіе только выдвигались тревожнымъ настроеніемъ людей. Видъ здѣсь налицо матеріальная истина, передъ которой остаешься безоружнымъ. И если принять ее такой, какою она представляется, то нельзя найти никакого средства противъ зла, намъ угрожающаго. Но матеріальная и осязательная истины всегда являются только отраженіемъ истинъ, болѣе

значительных и болѣе глубоких. Съ другой стороны, человѣческій родъ является какъ будто природной силой, столь необходимой и въ такой степени неистребимой, что доселѣ онъ всегда не только превозмогалъ всѣ, хотя бы самыя ужасныя испытанія, но умѣлъ даже извлекать изъ нихъ выгоду и выходить изъ нихъ болѣе великимъ — болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ былъ раньше.

Само собой понятно, что миръ предпочтительнѣе войны. Это два термина, которые бессмысленно и сравнивать. Само собой понятно, что если бы этотъ катаклизмъ, вызванный безуміемъ, которому нѣтъ названія, не обрушился на міръ, если бы треть, или даже четверть баснословныхъ суммъ, затраченныхъ на уничтоженіе и истребленіе, была удѣлена на мирныя задачи, то всѣ несправедливости, отравляющія атмосферу, которой мы дышимъ, были бы прекрасно исправлены, и социальный вопросъ, этотъ великій вопросъ, который справедливость ставить передъ будущимъ человѣчества, былъ бы развѣ навсегда разрѣшенъ для общаго благополучія; а между тѣмъ теперь, ни наши дѣти, ни наши внуки, быть можетъ, этого благополучія не узнаютъ. Само собой понятно, что исчезновеніе двухъ или трехъ милліоновъ молодыхъ жизней, подкошенныхъ въ моментъ, когда онѣ готовились расцвѣсти, оставить въ исторіи пропасть, и эту пропасть не легко будетъ заполнить, хотя бы потому уже, что среди этихъ мертвыхъ находились гениальные умы; они не вернуться назадъ, а между тѣмъ они несли съ собой рядъ открытій и изобрѣтеній, которыя теперь не будутъ, быть-можетъ, сдѣланы раньше, чѣмъ черезъ столѣтія. Но, конечно, мы никогда не узнаемъ всѣхъ послѣдствій этой задержки прогресса и безпримѣрной траты жизней.

Но и согласившись со всѣмъ сказаннымъ, все же можно приободриться. Непоправимыхъ потерь нѣтъ. Все преобразовывается, ничто не погибаетъ, и то, что кажется сведеннымъ къ небытію, на самомъ дѣлѣ отнюдь не уничтожено. Нашъ моральный міръ, подобно нашему міру физическому, является огромной сферой, сферой, герметически закупоренной, откуда ничто не можетъ уйти, откуда ничто не можетъ упасть, чтобы раствориться въ пространствѣ. Все, что существуетъ, все, что дѣлается на этой землѣ, на ней же остается и на ней же приносить свои плоды. И худшія расхищенія — это только матеріальныя или духовныя богатства, на мгновеніе выброшенныя, но возвращающіяся въ иной формѣ. Весь этотъ героизмъ, со всѣхъ сторонъ распространяемый, не оставляетъ нашего міра. И если храбрость нашихъ бойцовъ кажется всѣмъ имъ присущей и въ то же время такой необычной, то объясняется она тѣмъ, что вся мощь мертвыхъ перешла въ тѣхъ, кто остается въ живыхъ. Всѣ эти силы мудрости, терпѣнія, чести, самопожертвованія вырастаютъ со дня на день, и мы, находящіеся вдали отъ опасности, мы тоже чувствуемъ, какъ онѣ поднимаются въ насъ, хотя мы и не знаемъ, откуда онѣ приходятъ; эти силы ни что иное, какъ душа героевъ, которую собираютъ и поглощаютъ наши души. Хорошо, если хоть на минуту смотришь на невидимыя

вещи такъ, какъ будто бы ихъ можно видѣть. Къ этому и стремились всегда великія религіи, которыя, каждая въ свойственной ей формѣ, выставляли истины скрытыя, глубокія, инстинктивныя, универсальныя, — истины, руководящія человѣчествомъ. Всѣ религіи предчувствовали и признавали эту высшую изъ высшихъ истину: общеніе между живыми и мертвыми, и давали ей разнообразныя имена, подчеркивающія ту же мистическую увѣренность: отраженіе добрыхъ дѣлъ на судѣ умершихъ у христіанъ, переселеніе или перевоплощеніе душъ у буддистовъ, шинтоизмъ или культъ предковъ у японцевъ, которые, болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ, убѣждены, что мертвые не перестаютъ жить и управлять всѣми нашими поступками и, сами въ свою очередь, возвышаются нашей добродѣтелью и становятся богами.

„Одной изъ неожиданностей будущаго, — говорилъ какъ-то Лафкадіо Гернъ, писатель, лучше другихъ изучившій и понявшій этотъ удивительный культъ предковъ, — одной изъ неожиданностей будущаго будетъ, несомнѣнно, возвращеніе къ вѣрованіямъ и идеямъ, давно уже покинутымъ, въ силу убѣжденія, что въ нихъ нѣтъ никакой доли истины. Многие, слѣдуя простой рутинѣ, называютъ ихъ все еще варварскими, языческими, средневѣковыми. Однако, съ каждымъ днемъ научныя изслѣдованія приносятъ намъ новыя доказательства, что дикарь, варваръ, идолопоклонникъ, монахъ, что всѣ они разными путями подходили близко къ нѣкоторымъ пунктамъ той же вѣчной истины, какъ и какой-нибудь мыслитель нашего вѣка. Мы узнаемъ теперь также, что теоріи астрологовъ алхимиковъ оказываются ложными лишь отчасти, — не всецѣло. Мы имѣемъ даже основаніе думать, что будущая наука откроетъ зародыши истины во всякой грезѣ о мірѣ невидимомъ, во всякой гипотезѣ, о мірѣ скрытомъ отъ нашихъ взоровъ“.

Къ этимъ строкамъ можно было бы сдѣлать немало добавленій, а именно, все, что метапсихика, самая недавняя отъ нашихъ отраслей знанія, раскрываетъ относительно чудесныхъ способностей нашего безсознательнаго. Но чтобы непосредственно подойти къ тому, о чемъ мы уже говорили, укажемъ на слѣдующее. Развѣ не замѣчали, что послѣ грандіозныхъ битвъ временъ имперіи число рожденій умножалось поразительно, какъ-будто жизни, грубо скошенныя въ ихъ расцвѣтѣ, въ дѣйствительности не умирали, а только торопились появиться среди насъ, чтобы закончить свой жизненный бѣгъ. Если бѣ можно было слѣдить глазами за тѣмъ, что происходитъ въ идеальномъ мірѣ, господствующемъ надъ нами со всѣхъ сторонъ, то, безъ сомнѣнія, можно было бы констатировать, что тамъ дѣйствуютъ тѣ самыя моральныя силы, которыя, казалось, погибли на поляхъ рѣзни. Онѣ знаютъ, куда имъ направиться, онѣ знаютъ свою цѣль и не вѣдаютъ колебаній. Что оставляютъ наши удивительные мертвецы, они оставляютъ намъ, и когда они погибаютъ за насъ, то не метафорически, не иносказательно они оставляютъ намъ свою жизнь, а вполне реально, самымъ непосредственнымъ образомъ. Каждый человѣкъ, падающій на славномъ посту, выдѣляетъ доблесть,

спускающуюся на пасть, и насильственностью преждевременного конца ничто не затеривается, ничто не испаряется. Сразу, въ большомъ количествѣ онъ отдаетъ намъ то, что онъ далъ бы въ долгой жизни, полной долга и любви. Смерть не осиливаетъ жизни, она ничего не можетъ сдѣлать противъ нея. Совокупность жизненной силы всегда остается себѣ равной. Что отнимается у тѣхъ, кто падаетъ, передается тѣмъ, кто продолжаетъ держаться. Если уменьшается число свѣтильниковъ, то высота пламени поднимается. Смерть ничего не выигрываетъ, пока остаются живые. Чѣмъ больше опустошеній она дѣлаетъ, тѣмъ больше она уменьшаетъ интенсивность жизни, которой она недосагаетъ, чѣмъ больше она продолжаетъ свои иллюзорныя побѣды, тѣмъ больше даетъ намъ доказательствъ, что въ концѣ концовъ человечество ее побѣдитъ.

(Перев. съ французскаго Н. Г.).

ПИСЬМО КЪ ОСИРОТЪЛЫМЪ.

(Проф. Оливеръ Лоджъ).

«Страшно подумать о несмѣтномъ количествѣ ввергнутыхъ въ горе и одиночество осиротѣлыхъ семей, проводящихъ въ настоящее время въ тоскѣ и слезахъ часы своей жизни. И, дѣйствительно, нельзя не признать всю тяжесть понесенныхъ потерь. Начать съ того, что потеря жизни въ молодыхъ годахъ есть бѣдствіе очень серьезное, трагедія въ наши дни ежеминутная, неизбѣжная. Однако, вспомнимъ же, что для претерпѣвшихъ это бѣдствіе, существуетъ много обстоятельствъ утѣшительныхъ и компенсирующихъ потерю жизни: они умираютъ при исполненіи своего долга, они принесли въ жертву свою будущность, наконецъ они пожертвовали все, что имѣли. Вслѣдствіе этого вся тяжесть грѣховная, даже еще не реализованная въ жизни, въ зародышѣ имѣвшаяся, снимается съ нихъ; жертвой своей, понесенной во имя второй величайшей заповѣди, они искупили себя. Сочувствующіе имъ изъ духовнаго міра, друзья ихъ, опытные и могущественные, ожидаютъ ихъ; они облегчатъ имъ ихъ первые шаги въ новомъ мірѣ и научатъ въ свою очередь помогать тѣмъ, которые пойдутъ за ними.

Этимъ перешедшимъ героямъ нашимъ пріятно было бы, если бы ихъ близкіе по землѣ знали эти обстоятельства и не омрачали бы радость ихъ освобожденія чрезмѣрною горестью своею; въ особенности — не думали бы объ нихъ, какъ объ исчезнувшихъ изъ жизни вообще, какъ объ несуществующихъ болѣе. Огорченіе вслѣдствіе временной разлуки неизбѣжно, но безутѣшная горестъ по нимъ причиняетъ имъ въ свою очередь огорченіе.

Они исполнили свою работу здѣсь, они исполняютъ ее и тамъ и увѣрены въ будущемъ—въ воссоединеніи своемременномъ съ своими любимыми и близкими. Смерть не есть только зло, а иногда, какъ въ ихъ случаѣ, она есть счастливый жребій, имъ выпавшій: они скорѣе управились и съ меньшей затратой земныхъ невзгодъ и страданій, а конецъ въ видѣ смерти неизбѣженъ для всего человечества.

Наши умершіе на полѣ брани желали бы, чтобы истина эта стала болѣе распространенной, болѣе понятной и близкой людямъ; тогда—думаютъ они — разлука переносилась

бы болѣе терпѣливо и горе смерти утратило бы свое жало.

Оливеръ Лоджъ.

(Изъ англ. журнала «Light»). Ноябрь 1915 года.

ПО ПУТИ.

Любопытное письмо одного своего подписчика напечаталъ англійскій журналъ «Light». Любопытно оно съ точки зрѣнія того анализа «невѣдомаго», какой удалось этому господину провести въ своей повседневной жизни. Для насъ, изучающихъ область духа, его начинъ очень поучителенъ, такъ какъ направляетъ наше вниманіе, обычно устремленное на невидимыя не замѣтныя обычно проявленія жизни воплощеннаго еще духа, невидимыя, видъ его лежащія, маленькія причинности и непонятныя связи.

Этотъ господинъ N пишетъ.

— Я замѣтилъ, что, если я страстно желаю чего-нибудь, напряженно жду, и съ нетерпѣніемъ думаю объ немъ, то это желаемое какъ разъ и не исполнится. Наоборотъ если я о желаніи своемъ совѣмъ не думаю и считая его неисполнимымъ, не жду его, то обыкновенно, какъ правило, оно сбудется непременно».

Еще онъ замѣтилъ, какъ трудно бываетъ иногда отдѣлаться отъ вещи, которую поносилъ съ собой, въ карманѣ, скажемъ. Если вы выбросите ее вонъ, рѣшите не обременять больше себя ею, то она всюду начнетъ попадаться вамъ подъ руку; въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ она бросается вамъ въ глаза, точно напоминаетъ о вашемъ непостоянствѣ. Есть, наоборотъ, въ жизни другія вещи, которыя очень трудно удержать: онѣ вѣчно куда-то запропастаныя и обладаніе ими возможно, повидимому, только временное. Есть еще вещи, которыя никогда нельзя найти, когда онѣ бывають нужны; но за то, когда онѣ не нужны, отъ нихъ не знаешь куда дѣваться—онѣ вѣчно лѣзутъ на глаза.

Много странностей бываетъ въ нашей повседневной психической жизни и надлежало бы ихъ запоминать и записывать; онѣ наводятъ на смутную мысль объ атмосферѣ внушаемости и интуитивной растерянности, изъ которой надлежало бы высвободиться духу возможно полнѣй и скорѣе, какъ отъ досадливой паутины, которая можетъ тормозить нашъ духовный прогрессъ, мѣшать полнотѣ самосознанія духовнаго.

Этотъ же журналъ «Light» сообщаетъ объ одной дамѣ, ничего о спиритизмѣ не знающей, которая утверждаетъ, что нельзя жить въ одномъ и томъ же помѣщеніи или квартирѣ болѣе пяти лѣтъ. «Для меня вполне довольно и трехъ», — говоритъ она. По ея мнѣнію за этотъ срокъ времени «психическій воздухъ» въ помѣщеніи совершенно истощается, все «хорошее» изъ него выбрано, онъ утомляетъ, «чувствуешь себя какъ въ непровѣтренной комнатѣ». Въ новомъ помѣщеніи т. е. въ другомъ, не насѣженномъ, новыя вліянія, «свѣжая струя магнетизма» оживляетъ и укрѣпляетъ.

Очень желательно было бы знать мнѣнія нашихъ читателей по этому поводу. Не отзовется ли кто?

ДВА ОСНОВНЫЕ ВОПРОСА СПИРИТИЗМА.

I.

Въ англійскомъ журналѣ „Light“ помѣщенъ рядъ статей г-жи Г. А. Деллесъ по тѣмъ вопросамъ, которые приходятъ въ голову каждому при первомъ же знакомствѣ съ спиритизмомъ. Эти статьи подали намъ мысль разсмотрѣть и на страницахъ нашего журнала два вопроса, которые, по нашему мнѣнію, должны бы были заинтересовать изслѣдователя прежде всего, но которые, однако, обычно упускаются изъ виду въ погоню за феноменами, за пропагандой, или же ускользаютъ отъ вниманія вслѣдствіе какого-то немотивированнаго скептицизма.

И такъ, первый и главный вопросъ долженъ бы былъ быть:—даетъ намъ что-либо изученіе психической области вообще и Спиритизма въ частности?

И если даетъ то что именно?

На это приходится отвѣтить утвердительно. Но—увы! То „нѣчто“, что даетъ изученіе и изслѣдованія въ области Спиритизма далеко не всемъ оказывается нужнымъ, а нѣкоторымъ людямъ, оно даже неприятно, враждебно. Это „нѣчто“ есть *Истина*.

Для нѣкоторыхъ людей—къ сожалѣнію, для немногихъ,—знаніе истины дороже всего и эти люди, любящіе истину, вмѣстѣ съ истиной пріобрѣтаютъ кромѣ того и *счастье*, а знаніе истины даетъ еще и *свободу*, какъ то завѣщала намъ Спаситель — свободу отъ иллюзій и отъ связывающихъ человѣка живыхъ предубѣжденій.

И, тѣмъ не менѣе, для большинства людей иллюзій и самообманъ и даже неприятныя, грозныя суевѣрія, налагающія на нихъ цѣпи, гораздо пріятнѣе истины. Иллюзій и самообманъ тѣшатъ ихъ фантазію и подпадаютъ всякимъ личнымъ передѣлкамъ и выдумкамъ и, слѣдовательно, могутъ быть сфабрикованы по вкусу каждаго. Суевѣрія же, хоть бы и ужасающаго характера, если онѣ поддержаны лицами, за которыми признанъ извѣстный авторитетъ, даютъ многимъ умамъ спокойствіе, опору. Тѣ люди, которымъ вышеописанныя міровоззрѣнія правятся, долго не поймутъ запросовъ спиритизма; они инстинктивно (а нѣкоторые изъ нихъ и сознательно) сторонятся отъ него и имъ и не надо подходить къ исканію истины до тѣхъ поръ, пока ихъ иллюзій не покажутся имъ пустыми и суетными, а предубѣжденности не начнутъ давить ихъ и мучить. И Спаситель, обѣщая *свободу* въ знаніи истины, не говорилъ, что счастье свободы наступитъ тотчасъ же помимо всякаго труда съ нашей стороны, такъ какъ и знаніе—какое бы то ни было—не можетъ стать нашимъ достояніемъ помимо изученія и изслѣдованія. На опытъ мы убѣждаемся, что изученіе законовъ, управляющихъ природой человѣка, его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и судьбою его за гробомъ, дѣйствительно чрезвычайно расширяютъ нашу кругозоръ, даютъ полноту жизни, болѣшую осмысленность ея и—свободу и счастье. Отпадаютъ связывавшіе насъ страхи: страхъ непонятнаго, неизвѣстнаго, чувствуемаго, но невидимаго; исчезаютъ страхъ смерти, ужасъ передъ разлукой съ близкими и любимыми, отчаяніе передъ неизбѣжнымъ совершающимся, причину котораго мы раньше не понимали. Но этотъ же опытъ показываетъ, что жизнь за гробомъ не освобождена отъ заботъ и горя, не избавляетъ преступившаго порогъ смерти отъ работы и усилий въ дальнѣйшемъ развитіи личности. Превншія человѣческія вѣрованія о раѣ и блаженствѣ оказываются не вполне оправданными; это счастье и блаженство, какое мы еще и на землѣ, можемъ ощущать при надлежащемъ ростѣ духовномъ, и тамъ, не исключаютъ воспріятія земныхъ скорбей и печалей, которыя могутъ быть тѣмъ сильнѣе, что активное участіе въ помощи своимъ

ближнимъ не всегда доступно для развоплощеннаго духа; къ тому же мы узнаемъ, что привычки человѣка также слѣдуютъ за нимъ послѣ его смерти и обезсиливаютъ духъ. Мы узнаемъ, что смерть вовсе не знаменуетъ собою конецъ: она есть только проницательствіе въ жизни—не болѣе,—и оно ничуть не измѣняетъ личности; мы, человѣки, воплощенные духи, связаны лишь матеріей, но живемъ импульсами духовными и, слѣдовательно, одни и тѣ же законы управляютъ какъ міромъ духовъ, такъ и міромъ „проявленных“ въ матеріи—т. е. людей. Какъ духи, мы обладаемъ способностями, которые позволяютъ намъ подняться выше органической природы, позволяютъ намъ опредѣлять—хотя бы и относительно—зло и добро, красоту и безобразіе, возвышенное и низкое. Чѣмъ глубже воспринимаетъ человѣкъ отвлеченную сторону нашего существованія, тѣмъ острѣе онъ чувствуетъ горе, тѣмъ ярче его радости. Духъ, освобожденный отъ тѣла, попадаетъ именно въ такія условія отвлеченной жизни: онъ становится еще только сенситивнѣе въ этомъ отношеніи и вслѣдствіе этого горе его гораздо сильнѣе, тоска лютѣе, чѣмъ горе и тоска людскія. Но и радости духа больше нашихъ; у духовъ возвышенныхъ есть еще такое благословеніе, какое людямъ рѣдко доступно, а именно—соразработываніе Богу въ планахъ Его, единеніе съ Богомъ въ цѣляхъ Его, отсюда—пониманіе всей вселенной, работа въ міровой жизни и познание законовъ Творца все болѣе и болѣе полное. Однако, это счастье достигается тоже трудомъ и усилиями.

Спиритизмъ, знакомя насъ съ этими истинами, раскрываетъ передъ нами двери вселенной, позволяетъ намъ усматривать то, что за перепетіями нашего матеріальнаго строительства, мы совсѣмъ не видимъ: намъ становится понятенъ смыслъ проявленнаго бытія, бдущности всего живаго и живущаго, основныя законы *всего существующаго*. Мы начинаемъ понимать, что законы эти зиждутся именно на отвлеченномъ, на духовной сторонѣ жизни; что любовь, и солидарность и помощь другъ другу, какъ между всемъ видимымъ такъ и невидимымъ, представляетъ собою самый первый основной законъ.

Мы узнаемъ, что не только отшедшіе въ міръ духовный друзья могутъ помогать намъ въ нашихъ дѣлахъ, но и мы можемъ быть ихъ помощниками и сотрудиниками; не только они могутъ взіять на насъ, но и мы передаемъ имъ наши мысли и чувства и такимъ образомъ можемъ утѣшить ихъ, ободрить, привлечь ихъ вниманіе на наши стремленія, цѣли, на нашу работу и на помощь къ намъ. Мы начинаемъ убѣждаться, что все живое и живущее, а также и тѣ, кто перешелъ въ иной міръ, связаны между собою какъ бы круговой порукой и что ростъ духа, внѣ служенія окружающему въ смыслѣ одухотворенности и высшаго пониманія, невозможенъ.

Условія жизни перешедшаго духа вполне зависятъ отъ того, какъ онъ провелъ свою земную жизнь. Тѣ, кто погрязъ въ себялюбіи, сосредоточилъ на самомъ себѣ все свое вниманіе, служилъ только самому себѣ, — тѣ съ большимъ трудомъ пробиваются къ духовному свѣту; для нихъ тяжела новая жизнь и долго они мучатся во тѣмъ непониманіи и въ холодѣ кажущагося небытія. Но большинство людей, наоборотъ, перейдя, находятъ облегченіе отъ тягостей матеріальной жизни, чувствуютъ себя какъ бы вырвавшимися на свободу и неожиданно избавившимися отъ земныхъ условностей, столь обременяющихъ многихъ-многихъ изъ насъ. Однимъ словомъ, очень часто эта метаморфоза—смерть сдѣлаетъ то, что „последніе становятся первыми и первые—последними“, какъ-то обѣщала Иисусъ Христосъ. Поэтому мы, при общеніяхъ нашихъ съ духовнымъ міромъ, почти постоянно слышимъ, что у нихъ жизнь

гораздо лучше, гораздо легче и счастливее; поэтому обитатели потустороннего мира и относятся съ такимъ сочувствіемъ къ намъ, обитателямъ мира матерія, представляющей къ намъ, помимо духовныхъ законовъ, которыми мы, какъ духи, подчинены, еще и свои требованія законы. Эти земные законы несомнѣнно полезны и даже необходимы намъ, такъ какъ они гонятъ насъ, даже помимо воли нашей, по дорогѣ прогресса; но для духовъ сознательныхъ, появившихъ необходимость совершенствованія, они являются веригами; очень неудобными. И вотъ, перейдя въ духовный міръ, эти *появившіе* получаютъ долгожданный отдыхъ, обрѣтаютъ нѣжныхъ любящихъ братьевъ, свѣтъ и тепло, любимыя занятія, все большую и большую полноту знанія.

II.

Да не огорчимъ ихъ!.. И тутъ возникаетъ другой вопросъ: зачѣмъ нуженъ Спиритизмъ, какая отъ него польза?

Изъ всего предыдущаго явствуетъ насколько важно для человѣка имѣть знанія, какъ слѣдуетъ жить для того, чтобы въ неизбѣжномъ будущемъ не потерпѣть крушенія и не быть вынужденнымъ начинать сначала манкированную школу жизни.

Обратимся опять къ нашимъ изслѣдованіямъ. Мы находимъ подтвержденіе другого изреченія Иисуса Христа: — „Коею мѣрою мѣрите, тою и вамъ отмѣрится“ или же „Что посеешь, то и пожнешь“, какъ говоритъ пословица. Полное подтвержденіе тому получаемъ мы въ сообщеніяхъ изъ иного мира. Привитыя земною привычкою мысли и поступки слѣдуютъ за человѣкомъ и послѣ его смерти и, разумѣется, приносятъ свои плоды; предубѣжденія, пошлость, гордость, злоба, себялюбіе и многое другое какъ бы прилипаютъ къ душѣ и затемняютъ, давятъ ее. Съ другой стороны мы наблюдаемъ, что великодушіе, забота о ближнихъ, возвышенныя стремленія и т. д. создаютъ такой блескъ

счастіе за гробомъ, какіе мы едва понять можемъ въ нашемъ сумрачномъ, мірѣ. Разъ этотъ фактъ доходитъ до сознанія человѣка, то естественно, что убѣжденный въ этой истинѣ не пожелаетъ себѣ зла и постарается избѣгнуть въ будущемъ тягостей затемненной души.

Далѣе мы узнаемъ, что узлы любви и дружбы не расторгаются со смертию, что перешедшіе наши друзья и близкіе пристально слѣдятъ за духовнымъ ростомъ нашимъ, такъ какъ отъ этого роста зависитъ будущее наше благосостояніе, а также и дальнѣйшая близость съ дорогими и любимыми. Эта забота умѣряетъ горечь временной разлуки и заставляетъ упорно подготовляться, заботясь въ свою очередь объ отшедшемъ, которому на первыхъ его шагахъ мы можемъ помѣшать, обременить его собою или — наоборотъ — утѣшить его и облегчить его первое пробужденіе въ лучшій міръ. Этотъ фактъ доказываютъ наши опыты.

Такъ какъ очень многіе съ недоумѣніемъ относятся къ результатамъ нашихъ изслѣдованій на томъ основаніи, что они не получали самолично никакихъ чувственныхъ доказательствъ возможности общенія двухъ міровъ, то скажемъ объ этомъ тотчасъ же. Во 1-хъ и прежде всего *всякій*, кто способенъ создать *необходимыя* условія и кто способенъ отдавать себѣ отчетъ въ происходящемъ около него при его опытахъ — всякій сдѣлаетъ точно такія же наблюденія, какія получили всѣ, изучавшіе эту область. Мы говоримъ это съ точно такой же увѣренностью, какъ и о телефонѣ: всякій можетъ общаться съ друзьями по телефону, кто смогъ поставить его себѣ и выучился говорить черезъ него.

Но даже и въ этомъ трудѣ пѣтъ надобности для человѣка наблюдательнаго: наши выводы подтверждаются

въ жизни на каждомъ шагѣ, надо только умѣть внимательно смотрѣть и изучать самой жизнь.

Слышали мы и такіе возраженія: — „Если мои любимыя дѣйствительно пережили смерть, если они тутъ же, близко, то я отказываюсь вѣрить, что они проявятъ себя не прямо мнѣ, а будутъ черезъ чужихъ посылать мнѣ сообщенія“. — Но, вѣдь, если вы не умѣете говорить по телефону, то естественно, что другой, умѣющий, будетъ передавать вамъ относящіяся къ вамъ рѣчи. Да и самый телефонъ дѣлаютъ люди совсѣмъ посторонніе, такъ что только благодаря помощи чужихъ людей вы сможете бесѣдовать по телефону съ вашей матушкой, женой, мужемъ — тѣми, съ кѣмъ вы хотите общаться. Точно также и письма вы получаете отъ почталіона, исцѣленіе — можетъ быть и чудесное — вы получаете черезъ доктора, хотя бы оно было слѣдствіемъ помощи вамъ свыше, и т. д. Медіумъ тоже орудіе, хотя и одушевленное, а изслѣдователи тѣ же почталіоны, телефонисты, телеграфисты.

Слѣдуетъ, однако замѣтить сомнѣвающимся, что все таки, не смотря на всю законность сказаннаго нами выше, тѣмъ не менѣе, многіе люди такъ или иначе воспринимаютъ непосредственно вліяніе и мысли своихъ близкихъ отшедшихъ.

Такова сила любви.

По этому поводу сэръ Оливеръ Лоджъ говоритъ въ одномъ своемъ отчетѣ (Отчеты Лондонск. Общ-ва для Псих. Изслѣд. Томъ XXIII, стр. 284):

— „Надежить отмѣтить, что посредствомъ иногда мелочныхъ и тривиальныхъ фактовъ мы приходимъ къ убѣжденію, которое давно существуетъ у людей религіозныхъ, а именно — что мысленное общеніе всегда существовало между воплощенными и развоплощенными; причемъ общеніе это можетъ происходить помимо всякаго физическаго посредника.

Наблюдаемые факты показываютъ, что вліяніе духовнаго мира на человѣчество, какъ нѣкая руководящая и направляющая сила, дѣйствуетъ непрестанно“.

Если это такъ, спросятъ насъ — то зачѣмъ же непремѣнныя условія и постоянныя упорныя занятія въ этой области?

Во 1-хъ тѣ лица, которые отчетливо воспринимаютъ вліянія и мысли изъ потусторонняго мира, должны непремѣнно быть сами медіумичны. Во 2-хъ даже и этимъ, одареннымъ особыми способностями, лицамъ, часто не достаетъ яснаго пониманія того, что они воспринимаютъ. Въ 3-хъ не всегда человѣкъ бываетъ достаточно свободенъ и уравновѣшенъ, и поэтому многое можетъ ускользнуть отъ его вниманія, если общеніе его съ міромъ духовъ не поставлено въ извѣстныя точныя рамки и процессъ общенія не доведенъ до извѣстной высоты и ясности.

Тѣ, кто потрудился познакомиться съ нашимъ движеніемъ и нашими работами, должны знать какая масса имѣется самыхъ доказательныхъ фактовъ и какъ высока убѣдительность этихъ фактовъ. Для тѣхъ же, кому неизвѣстны ни наши пути, ни выводы, къ которымъ они привели, должны воздержаться отъ преждевременныхъ, вполне голословныхъ сужденій до тѣхъ поръ, пока они не познакомятся хотя бы съ литературой предмета. Наша наука еще очень молода. Не смотря на то, что явленія существовали отъ вѣка, они всегда значились въ разрядъ чудесъ и мало кто обращалъ на нихъ серьезное вниманіе. Болѣе критически отнеслись къ нимъ только въ 1848 году, со времени извѣстныхъ „ротчестерскихъ стуковъ“. Заинтересовались ими нѣкоторые ученые и дѣлая плеяду внимательныхъ, добросовѣстныхъ интеллигентовъ; имъ, какъ всякимъ пионерамъ пришлось претерпѣть много тяжелаго и горькаго, но тѣмъ не менѣе они положили начало огромной научной области, которая въ наше

время привлекает внимание знаменитѣйшихъ ученыхъ и всего прогрессивнаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человечества. Однако, наука эта началась не ранѣе 50—60 годовъ прошлаго столѣтія и, следовательно, существуетъ не болѣе 60—70 лѣтъ, а мы знаемъ, что даже ничтожнѣйшее изъ знаній требуетъ столѣтій для своего развитія. Надо это помнить и, изучая литературу Психизма, собирать пока блестящи и крошки знанія, въ одно систематическое цѣлое, въ стройное зданіе научныхъ обоснованій.

А. и Б.

ТАИНСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Со словъ члена Кіевскаго Спиритуалистическаго кружка Марты Васильевны Зарубиной).

„Угловая комната“.

Это случилось въ жаркій лѣтній день въ старомъ домѣ нашей усадьбы.

Мы, дѣти, (насъ было трое: сестра Машенька, братъ Петя и я, семилѣтняя дѣвочка) пользуясь отсутствіемъ взрослыхъ, затѣяли въ комнатѣ, называвшейся «угловой», нашу любимую игру въ «шахту».

Недалеко отъ насъ были каменно-угольные копи, и мы естественно подражали тому, что видѣли.

Состояла эта игра въ томъ, что одна изъ скамеекъ переворачивалась; въ нее садился кто-либо изъ насъ, а остальные участники игры съ страшнымъ крикомъ и шумомъ бѣгали вокругъ, изображая погонщиковъ и лошадей.

Двери и окна при этомъ плотно закрывались, чтобы шумъ игры не достигалъ ушей взрослыхъ; такъ было и на этотъ разъ.

Царило самое непринужденное веселье. Вдругъ одна изъ плотно затворенныхъ дверей отворилась какъ бы сама собою, и въ комнату вошла большая, черная, лохматая собака...

Мы оторопѣли... такой собаки не было ни у насъ, ни вообще въ окрестности... Въ испугѣ бросились мы за печку, прижались къ ней, спрятали головы подъ руки и замерли неподвижно...

Въ такомъ положеніи застала насъ мать. «Дѣти, гдѣ вы?»—спросила она, удивленная необыкновенной тишиной и нашими неподвижными позами за печкой: «что съ вами?»

«Мама, мама, собака»,—отвѣчали мы ей; «черная собака»...

Собака въ комнатѣ уже не было; куда и какъ она исчезла,—никто не видалъ...

Не помню, поняла ли мама нашъ рассказъ, и какъ вообще она отнеслась къ нему. Конечно, она успокоила насъ.

Года черезъ два, три меня отдали въ институтъ, а когда я пріѣхала домой на каникулы,—мама сказала мнѣ: «Ты уже большая дѣвочка и можешь спать одна; ложись въ угловой комнатѣ на диванѣ».

Слово «боюсь» вообще было запрещено произносить въ нашемъ домѣ,—да и нельзя сказать, чтобы я боялась. Я спокойно пошла вечеромъ въ угловую комнату, раздѣлась, легла и погасила лампу...

Черезъ нѣкоторое время мнѣ показалось, что по комнатѣ кто-то ходитъ; шаги были какъ бы босыхъ ногъ... Сердце у меня замерло, потомъ забилось усиленно... Кто-то ходилъ вокругъ стола и шарилъ по нему руками...

Я прислушивалась, не смѣя ни встать, ни закричать. Къ счастью, шаги не приближались къ моей кровати,—и таинственный босой человекъ все кружилъ по комнатѣ возлѣ стола, какъ будто ища на немъ чего-то руками...

Я дрожала, замирала... и, наконецъ, заснула, побѣжденная дорожной усталостью и непобѣдимой потребностью въ отдыхѣ молодого дѣтскаго организма...

Утромъ я сказала о своихъ ночныхъ страхахъ мамѣ, но она возразила мнѣ, что это «глупости» и запретила рассказывать другимъ о «подобныхъ пустякахъ». Пришлось покориться. Явленіе повторялось почти каждую ночь, такъ что я къ нему мало по малу привыкла.

Однажды братъ Саша сказалъ мнѣ: «Ты думаешь, только въ угловой комнатѣ? Да по всему дому ходитъ».

Въ послѣдніе годы моего пребыванія въ институтѣ, по заведенному обычаю, меня уже не пустили на каникулы домой.

Въ это лѣто къ одному изъ братьевъ былъ взятъ репетиторъ, и его положили спать въ угловой комнатѣ. Но онъ не спалъ тамъ, одѣлся и ушелъ въ другую комнату, а утромъ объявилъ мамѣ: «У васъ тамъ кто-то ходитъ».

И послѣ этого все лѣто ночевалъ на дворѣ, на дрогахъ.

Пріѣхавшій по дѣламъ изъ Екатеринославской губернии еврей былъ отведенъ на ночлегъ въ угловую комнату, но не успѣлъ онъ лечь, какъ сейчасъ же снова зажегъ лампу и такъ и просидѣлъ, не ложась болѣе, всю ночь.

На другое утро онъ сказалъ, что въ угловой комнатѣ спать невозможно, и что онъ ни за что тамъ больше не ляжетъ!..

Эти рассказы постороннихъ людей смутили маму и, по моему возвращенію изъ института, она какъ бы извинялась передо мною за свое недоверіе.

Однако и, по окончаніи института, мнѣ приходилось спать въ угловой комнатѣ. Пожелала тамъ спать и сестра Машенька, можетъ быть, изъ любопытства.

Сначала сестра ничего не слышала въ то время, когда я явственно различала шаги... Но вотъ въ одну ночь я услышала полный страха замирающій голосъ сестры: «Марточка, иди ко мнѣ!»

— «Есть у тебя спички?»—спросила я.

— «Нѣту; иди ко мнѣ! здѣсь кто-то есть!»

Голосъ сестры становился едва слышнымъ, умирающимъ,—и я поняла, что надо идти.

— «Гдѣ же онъ?»—спросила я опять, готовясь встать съ постели.

— «Къ тебѣ пошелъ»...

Въ комнатѣ было темно, хоть глазъ выколи... Превозмогая свое волненіе, я встала и пошла къ кровати сестры...

«Идемъ къ папѣ!» умоляла меня сестра: «Позовемъ его!..»

Мы встали и пошли, схватившись другъ за друга, но ночное путешествіе наше оказалось очень затруднительнымъ, такъ какъ сестра не хотѣла идти ни первой, ни послѣдней.

Наконецъ, кое-какъ добрались мы до спальни родителей и разбудили отца и мать; папа взялъ свѣчу и шашку и, въ сопровожденіи меня, поспѣшилъ въ угловую комнату; тамъ никого не было.

Осмотрѣли весь домъ и тамъ никого не нашли.

Успокоившись, мы съ сестрой вернулись на свои кровати, но лампы уже не гасили... И при свѣтѣ лампы снова слышались шаги, и такъ ходило до разсвѣта, пока мы не заснули съ сестрой.

Братъ Петя, заинтересованный всѣми этими происшествіями, попросилъ у меня позволенія лечь въ угловой комнатѣ; я согласилась, но братъ такъ храпѣлъ, что ничего и не могло быть слышно. Тогда я посоветовала ему лечь на дворѣ, подъ окномъ моей комнаты, обѣщая разбудить его, когда начнется явленіе.

Какъ только таинственный жилецъ угловой комнаты сталъ ходить,—я разбудила брата; онъ влѣзъ на подоконникъ и сталъ слушать, затѣмъ сказалъ, что совершенно явственно различаетъ шаги босыхъ ногъ; комната была освѣщена яснымъ свѣтомъ луны,—но въ ней никого посторонняго не было видно, какъ и тогда, когда лампа горѣла у меня съ сестрой всю ночь...

Помнится мнѣ еще и такой случай. На дворѣ стояла чудная, теплая, южная лунная ночь. Мы съ сестрою си-

дѣли у открытаго огня и совершали свой ночной туалетъ. Три остальныхъ окна угловой комнаты были закрыты, на дворѣ ни малѣйшаго вѣтерка. Мы сняли ботинки, поставили ихъ аккуратно рядышкомъ подѣ столъ и начали заплетать косы на почѣ...

Вдругъ среди полной ночной тишины, въ комнату, точно вихрь, влетѣло что-то, пронеслось по ней, — и наши ботинки подѣ столомъ разлетѣлись въ разныя стороны...

«Кошка!» — вскрикнули мы въ одинъ голосъ и бросились искать по комнатѣ...

Но кошки не было. На дворѣ стояла все такая же тишина...

Что это было — осталось неизвѣстнымъ и до сихъ поръ...

Случаи предвидѣнія будущаго, телепатіи и самопроизвольныхъ психическихъ явленій.

Въ одинъ изъ знойныхъ лѣтнихъ дней, столь частыхъ въ нашей мѣстности, мама сидѣла въ гостиной и читала книгу. Я, тогда еще совѣсьмъ небольшая дѣвочка, играла возлѣ мамы; мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ, было неприятно, что мама погружена въ чтеніе и мало обращаетъ вниманія на меня.

— «Мама! пойдѣмъ въ садъ!» говорила я, теребя маму за платье.

— «Жарко еще, дѣтка, позже пойдѣмъ!» отвѣчала мнѣ мать.

— «Мама, пойдѣмъ!»

Но видя, что усилія мои напрасны, я, наконецъ, отстала отъ мамы и занялась своими игрушками.

Черезъ нѣкоторое время мама, какъ бы что-то вспомнивъ, отложила книгу и обратилась ко мнѣ: «Вотъ ты очень хотѣла идти въ садъ, гойди и принеси мнѣ листьевъ черной смородины для огурцовъ».

Я оставила свои игрушки, посмотрѣла на маму, но не тронулась съ мѣста.

Мама въ свою очередь удивленно посмотрѣла на меня и повторила свое приказаніе.

— «Не могу, мамочка», возразила я: «я не могу идти».

Мнѣ было неловко, совѣстно не послушаться мамы, но я все-таки оставалась на мѣстѣ; что-то мѣшало мнѣ идти въ садъ; я мучилась борьбою двухъ чувствъ; желанія быть послушною и почти невозможностью этого сдѣлать.

Мама посмотрѣла на меня и перестала настаивать.

Прошло минутъ десять; на дворѣ залаяли собаки; я выглянула въ окно и увидѣла громадную бѣшеную собаку съ клоками пѣны у рта...

— «Мама! бѣшеная собака!» въ ужасѣ закричала я.

— «Боже мой, гдѣ всѣ, гдѣ остальные?» — заволновалась мама.

Къ счастью, всѣ были дома, и одна я, еслибы исполнила приказаніе мамы, должна была бы, обогнувъ уголъ дома и войдя въ садъ, натолкнуться прямо на бѣшеную собаку...

Въ первые годы своего пребыванія въ институтѣ, я часто болѣла лихорадкой и лежала въ лазаретѣ.

Какъ-то, находясь уже въ періодѣ выздоровленія, я проснулась ночью, мнѣ очень хотѣлось пить.

Вставать намъ запрещалось, — и я уже хотѣла позвать лазаретную даму, какъ вдругъ увидѣла надъ собою странное видѣніе: въ воздухѣ надо мною была бѣлая лошадь; шею ея обвивала веревка, концы которой были у меня въ рукахъ; на лошади стоялъ дядя Коля, молодой 23-лѣтній офицеръ, братъ моей матери...

— «Держи веревку, Марточка!» услышала я его голосъ: «лошадь будетъ вырываться».

Лошадь рванулась, но не вырвала веревки изъ моихъ рукъ.

— «Она дернетъ во второй разъ», — предупредилъ меня дядя.

Я сжала веревку въ рукахъ и снова удержала лошадь.

— Держи, держи, а то я улечу! — опять воскликнулъ дядя.

Лошадь рванулась и вырвала веревку изъ моихъ рукъ... видѣніе исчезло.

Я была въ недоумѣніи, но не испугалась: «что это было со мною?» подумала я; потомъ разбудила лазаретную даму и попросила у нея воды. Она дала мнѣ напиться, поправила мою постель и пошла спать.

Возвратившись въ іюнь домой, я рассказала мамѣ о видѣнномъ.

Въ началѣ іюля дядя Коля, бывшій въ Новочеркасскѣ, заболѣлъ тифомъ и въ концѣ іюля умеръ; онъ очень любилъ насъ, дѣтей, и передъ смертью часто меня вспоминалъ и звалъ. Въ августѣ заболѣла я и пролежала почти мѣсяцъ въ постели...

Въ одинъ изъ моихъ лѣтнихъ пріѣздовъ домой, мнѣ очень не понравился нанятый отцомъ кучеръ; я не влюбилась въ него съ перваго взгляда, когда онъ вошелъ во время обѣда въ нашу столовую за какимъ-то распоряженіемъ.

— «Ето это такой?» — спросила я. (Мнѣ было тогда лѣтъ 13, не больше, къ слову сказать).

— «Ето нашъ новый кучеръ», — отвѣтила мама.

— «Какой скверный человѣкъ!» — сказала я и отвернулась.

— «Напрасно ты такъ говоришь о немъ», — возразила мнѣ мама: «онъ отлично смотритъ за лошадьми; еще такого не было».

Слова мамы все-таки не убѣдили меня, и я продолжала относиться къ кучеру съ большой антипатіей.

Кучеръ это замѣтилъ и самъ сталъ избѣгать меня. Мама возмущалась моимъ отношеніемъ и даже упрекала меня за мое непонятное отвращеніе къ хорошему работнику. Но, осенью, когда я была уже въ институтѣ, я получила отъ мамы письмо, гдѣ она сообщала мнѣ, что кучеръ внезапно схваченъ полиціей, такъ какъ оказался — бѣглымъ каторжникомъ, убійцей.

По окончаніи института, я провела нѣсколько лѣтъ дома, въ деревнѣ.

Однажды зимою въ субботу вечеромъ, вспомнивъ, что у новой моей шерстяной кофточкы, которую я намѣревалась надѣть въ воскресенье, распоролся рукавъ, — я припала за шитье.

Матерія была сыпучая, надо было особенно аккуратно зашивать, — и я всецѣло погрузилась въ свою работу.

Внезапно, безъ всякой видимой причины, мнѣ вспомнилась бабушка, мать отца, жившая отъ насъ верстъ за триста.

«Вотъ и правду говорятъ, — подумала я: «что быстрѣе всего на свѣтѣ мысль». Почему это вдругъ пришла мнѣ въ голову бабушка?»

Мнѣ было всего восемь лѣтъ, когда я видѣла бабушку въ послѣдній разъ, и особенной привязанности у меня къ ней не существовало...

Я продолжала шить, но мысль о бабушкѣ становилась все неотвязнѣе и неотвязнѣе...

Шитье выпало у меня изъ рукъ; я взялась за книгу, но и читать не смогла; смыслъ прочитаннаго совершенно ускользалъ отъ моего вниманія.

— «Да что же это такое? Ужъ не больна ли бабушка?»

И вотъ эти слова: «бабушка больна, бабушка больна», стали повторяться въ моемъ мозгу.

— «Ужъ не умерла ли она?»

И снова: «бабушка умерла, бабушка умерла...» Да, Господи, что же это такое?!

Меня точно что-то толкало къ дверямъ: пойти сказать эти слова отцу.

Въ это же самое время и другіе почему-то вспомнили обо мнѣ; братья и сестры стали искать меня и звать къ себѣ.

Но я не откликнулась на ихъ зовъ, а забралась поскорѣе въ свою спальню и легла спать въ 9 часовъ, въ на-

деждѣ избавиться отъ неприятныхъ и неотвязныхъ мыслей, приходившихъ откуда-то извнѣ.

Утромъ меня разбудилъ голосъ мамы: «что это съ Марточкой?»— говорила мама брату: «легла рано и такъ долго спить; иди, разбуди ее, можетъ быть, она больна».

— «Саша, я встаю!»—крикнула я брату и стала одѣваться.

Слова «бабушка умерла» опять стали повторяться въ моемъ мозгу, какъ только я проснулась.

Я одѣлась и вышла въ столовую; за чайнымъ столомъ сидѣли отецъ и мать.

— «Папа, бабушка умерла»,—сказала я отцу.

— «Во спѣ видѣла?»

— «Нѣтъ, не во спѣ».

И сейчасъ же, какъ только я сказала отцу о смерти бабушки,—миѣ стало спокойно и легко,—и я принялась за свои обычные занятія.

Недѣли черезъ двѣ мы съ отцомъ поѣхали въ слободу (за 5 верстѣ) за покупками, были у священника, засидѣлись тамъ и вернулись поздно домой. Мама встрѣтила на крыльцѣ; она стояла, накинувъ шубку на плечи, со свѣчей и письмомъ въ рукахъ.

— «Твоя правда»,—сказала она миѣ.

— «Какая правда? въ чемъ правда?»—спросила я.

— «Бабушка умерла».

Мама, какъ оказалось, записала мои слова; письмо же *подтверждало не только фактъ смерти бабушки, но и время происшествія.* (суббота, вечеръ и т. д.).

Менѣ чѣмъ черезъ годъ, въ ноябрѣ, мною овладѣло какое-то *мучительное* состояніе духа; оно продолжалось нѣсколько дней; какъ-то утромъ я встала въ особенно томительномъ настроеніи; меня *что-то унетало* и снова это «что-то» *шло какъ бы извнѣ*; я мучилась, волновалась и въ какомъ-то *полузабытій* стала ходить по столовой...

Меня привелъ въ себя голосъ горничной: «Барышня, что же вы это дѣлаете?! Я мою полъ, а вы его затапываете».

Я посмотрѣла на мокрый полъ и смутилась: онъ былъ, дѣйствительно, весь затапанъ моими шагами...

— «Извини, пожалуйста!»—сказала я горничной и ушла, пристыженная.

Кончилось это мучительное состояніе тѣмъ, что я пришла къ родителямъ и сообщила имъ:

— «Дядя Петя умеръ».

Мама и папа переглянулись; сестра Анюта подбѣжала, взяла меня за руку и заглянула въ лицо. Никто ничего не сказалъ.

Дня черезъ два пріѣхалъ братъ Саша, гостившій у дяди Семы въ Таганрогѣ; онъ сталъ рассказывать роднымъ, что «получено было письмо изъ Петрограда, гдѣ писали, что дядя Петя сильно боленъ».

— «Не только боленъ, а уже и умеръ»,—возразилъ ему отецъ.

— «Какъ? Вы развѣ тоже получили письмо?»—удивился братъ.

Папа указалъ на меня; «она намъ сказала».

Братъ еще болѣе удивился, но ничего не возразилъ, только посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

Затѣмъ пріѣхалъ дядя Миша съ тою же вѣстью. «Мы давно уже объ этомъ знаемъ»,—отвѣчалъ отецъ.

(Дядя Петя умиралъ долго и очень мучительно; вѣроятно, этимъ можно объяснить мое томительное настроеніе).

Какъ-то, не припомню, когда именно, я шила себѣ кофточку и подошла къ зеркалу посмотрѣть, правильно ли сходятся переднія половинки.

Только что я наклонилась къ зеркалу, какъ въ немъ раздался сильный трескъ, какъ будто оно собиралось распасться на куски... Удивленная, я отшатнулась отъ зеркала и взглянула на его стекло: оно было совершенно цѣлое.

Тогда я пошла къ мамѣ: «что-то случилось»,—сказала я ей: «кто-то боленъ или умеръ»...

Дѣйствительно, въ это время умеръ нашъ сосѣдъ помѣщикъ, жившій отъ насъ въ 50 верстахъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Многие измѣнилось въ моей жизни, но лѣто я проводила въ нашей родной усадьбѣ.

23 іюня, не припомню, какого именно года, я сидѣла въ угловой комнатѣ, недалеко отъ стараго дѣдушкинаго стола съ опущенными откидными половинками. На дворѣ кричали куры, толпясь передъ крыльцомъ, гдѣ часто высыпали имъ кормъ...

Я читала книгу и услышала въ дѣдушкиномъ столѣ *легкій трескъ*...

— «Странно», подумала я: «такой старый столъ, а еще разсыхается»...

Трескъ повторился, но уже болѣе сильно. Я посмотрѣла на столъ и продолжала читать.

Трескъ послышался въ третій разъ. Я посмотрѣла на столъ и увидала, къ своему величайшему изумленію, что *одна изъ его опущенныхъ откидныхъ половинокъ сильно качается.*

Надо сказать, что, при раскладываніи стола, *два человека поднимали его откидную половинку*, такъ она была тяжела.

Я *взглянула подъ столъ: никого.* Тогда я пошла къ отцу: «Папа, кому-то что-то надо».

— «Кому же?»—спросилъ отецъ, сразу понявъ, что я говорю объ отшедшихъ.

— «Не знаю... Вообще я его мало знаю...»

Дня черезъ два, убирая на письменномъ столѣ папы, я нашла старый молитвенникъ съ записями дней рожденія и смерти родственниковъ.

И тамъ я прочла написанное рукою моей покойной матери: «23 іюня умеръ мой свекоръ Иванъ Осиповичъ». Когда отецъ возвратился съ полевыхъ работъ, я сказала ему: «Папа, вѣдь это дѣдушка напоминалъ о себѣ въ день своей смерти».

Дѣдушка я совершенно не знала при его жизни или не помнила его,—такъ что онъ являлся для меня лицомъ *малоизвѣстнымъ*.

Вслушавъ мое сообщеніе, папа позвалъ брата Сашу и велѣлъ ему ѣхать сейчасъ же въ церковь отслужить панихиду по дѣдушкѣ.

О. А. Дудченко.

3 февраля 1915 года.

Истинность рассказаннаго
подтверждаю М. Зарубина.

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

Открыта подписка на 1916 годъ.

„ЧЕРНОМОРСКІЙ АЛЬМАНАХЪ“.

Календарь Черноморскаго Побережья Кавказа III-й годъ изданія. Открыта подписка на еженедѣльный, политическій, общественный и сатирическій журналъ, органъ искусства, науки и художественной литературы. Въ 1916 году подписчики, кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ журнала, получаютъ отъ 2 до 4 хъ книгъ, въ которыя войдутъ повѣсти, рассказы, стихотворенія и литературныя описанія Черноморскаго края. Подписная цѣна: на годъ—2 р. 50 коп., на ¹⁰/₂₀ года—1 р. 40 коп., на 3 мѣс.—75 коп. на 1 мѣс.—25 коп. Подписныя деньги адресовать: гор. Новороссійскъ, конторѣ журнала „Черноморскій Альманахъ“.

Редакторъ-издатель И. Граминовскій.

1—1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XXXV.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР ИМ. В. И. ЛЕНИНА

П-4241-54

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к.
„ 6 „ „ 3 „ — „
За границу на годъ 6 руб.
Пробн. номеръ 25 коп.
За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.

ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.

Подписку и корреспонденцію просить адресовать:
П. А. ЧИСТЯКОВУ
редактору - издателю журнала „Ребусъ“.
Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.

№ 1677.

31-го Января 1916 года.

№ 2.

Содержаніе: 1) Отъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества. — 2) Остановившійся часъ. — 3) По пути. — 4) Къ вопросу объ аурѣ и объ эзравахъ д-ра Вильнера. — Н. в. — 5) Странные въ жизни. О. А. Дудченко. — 6) Необыкновенный сонъ. Е. С. — 7) Отчетъ бюро. — 8) Въ двухъ плавахъ (романа окультиста). (Прод.). — 9) Объявленія

ОТЪ РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Гг. подписчики журнала „Ребусъ“ — пользуются правомъ присутствовать на Собраніяхъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества, происходящихъ каждый понедѣльникъ при лѣчебницѣ А. И. Бобровой — Б. Дорогомиловская ул. — у Бородинскаго моста домъ № 3. — (Телеф. 2-28 93).

Начало собраній 8¹/₂ ч. вечера.

О желаніи присутствовать на Собраніяхъ Общества — слѣдуетъ предварительно сообщить письмомъ Предсѣдателю Общества — П. А. Чистякову по указанному выше адресу.

„ОСТАНОВИВШІЙСЯ ЧАСЪ“.

(Наше время по сообщеніямъ духовн. міра).

Тяжелая, страшная времена переживаемъ мы; содрагается душа и невольно у каждаго рождается мысль: какъ дошли мы до этого ужаса?

Непрестанно работаетъ человекъ надъ устройствомъ и улучшеніемъ быта своего; усовершенствованія въ земледѣліи и пользованіи силами природы; постоянныя заботы и неустанныя попеченія объ оздоровленіи людскомъ, объ излеченіи недуговъ, объ облегченіи страданій; изобрѣтаются все новые и новые методы леченія, образуются цѣлыя организаціи для борьбы со смертною дѣтей, съ заразными болѣзнями, создаются приюты, богадѣльни, благотворительныя учрежденія всякаго рода. Дальше — великое множество открытій, изобретеній, приспособленій сдѣлано въ смыслѣ облегченія пользованія благами земными; широко раскинулась промышленность, торговля, удобства и комфортъ (условные, конечно, какъ ихъ понимаетъ человекъ) достигли до отдаленнѣйшихъ угловъ такъ называемаго цивилизованнаго міра. Вся мысли, вся воля, все напряженіе ума человѣческаго направлены, повидимому, исключительно въ сторону преуспѣянія, блага, счастья человѣческаго...

Невольно является мысль: какъ? какимъ образом?

во имя чего же вся эта созидательная работа человека превратилась вдругъ, какъ кажется людямъ внезапно, въ кровь, въ слезы, въ безпримѣрное по своимъ размѣрамъ страданіе и ужасъ? Откуда обрушились на голову человека — вмѣсто жизни, вмѣсто покоя и довольства, — разореніе, нужда, голодъ, смерть?

Многое выучилъ человекъ, многое надумалъ, изобрѣлъ, приспособилъ, узналъ и наладилъ; но ужасной катастрофы не предусмотрѣлъ и въ полномъ непониманіи происходящаго ищетъ ему объясненія. Кайзеръ виноватъ во всемъ, онъ — антихристъ!.. Но забываютъ при этомъ люди, что одинъ человекъ не сможетъ подвинуть на зло миллионы людей, если эти люди не мыслятъ и не чувствуютъ такъ же, какъ онъ.

Еще говорятъ: „это уже не отъ насъ, мы только на благо и счастье работали; это — наказаніе отъ Бога, по Божіей волѣ мы терпимъ бѣдствія“. — Но забываютъ говорящіе такъ — или не знаютъ (забыли выучить), что самый первый законъ нашего существованія есть Законъ Свободной Воли.

Вся времена и сроки въ рукѣ Божіей и не въ волѣ человека сдѣлать изъ лѣта зиму, изъ дождя перлы и даже „ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы его безъ воли Бога“, но въ чувствахъ своихъ и мысляхъ человекъ свободенъ и творить по мысли и по чувству все дѣла свои.

Каждый наступающій новый часъ жизни нашей, дѣйствительно, несетъ на себѣ отблескъ мысли и воли Творца; по каждый прошедшій часъ уходитъ, проникнутый волею и мыслью человека, и налагаетъ свой отпечатокъ на часъ наступающій. И если часъ уходящій и дѣла въ немъ совершенныя не стояли въ противорѣчіи съ Закономъ и Волею Бога и не вступали въ споръ съ силами высшими и созидающими, онъ исполненъ смысла и значенія, какими отъ вѣка запечатлѣно все сущее и безъ чего ничто быть не можетъ. Но когда мысль и чувства человека — а слѣдовательно и дѣла, изъ нихъ истекшія — стояли въ противобореніи съ законами Предвѣчнаго Разума, тогда противодѣйствующее неизбѣжно обречено на гибель и уничтоженіе и неизбѣжно повлечется обратно къ исходному мѣсту своему, дабы „воскреснуть мертвому въ воскрешеніе Суда“.

Нынѣ совершается не наказаніе, не сваливается откуда-то кара, нѣтъ! Мы просто видимъ естественное

послѣдствіе того предъумышленнаго пренебреженія, которое высказывалъ доселѣ чловѣкъ къ своему назначенію. Мы пожинаемъ плоды нашего нежеланія понять то, что мы должны были бы выучить и знать прежде всего.

Нынѣ—говоритъ міръ духовный—остановился наступающій часъ! Прошлое стало опять настоящимъ ибо исполняется „воскрешеніе суда“—и родъ людской долженъ приготовиться къ принятію „часа будущаго“, долженъ очиститься огнемъ и мукой отъ своихъ заблужденій и отъ своего грѣха „прошлаго часа“.

Огонь этотъ зажженъ самимъ же чловѣкомъ, грѣхами его. Но онъ же—огонь этотъ—долженъ искупить и претворить грѣхъ въ очищеніе. Не рука Бога не сетъ наказаніе, не Его волею вызваны горе, страданіе, муки великія, а самимъ чловѣкомъ. Обо всемъ подумалъ и все охлопалъ онъ, только забылъ о духѣ своемъ, затемнилъ и загрязнилъ искру Божію, въ немъ заложенную, безъ которой не можетъ быть для него ни блага, ни счастья. И вотъ, наступилъ срокъ—„часъ пришелъ“! Смердомъ чернымъ поднялась ярость самоутвержденія, окутала сердца людей гнѣвомъ, и нуждою, и позоромъ, и злобою, и паденіемъ.

Воля Бога ясна: Онъ утвердилъ на землѣ жизнь, создалъ ее прекрасной, настолько обильной, что все свойства чловѣка, къ Богу поднимающагося, должны развиваться на ней въ гармоніи дивнаго свѣта, въ гимнѣ сыновьяго восхожденія къ Нему; въ сіяніи счастья своего рожденія къ духу, въ сіяніи радостной работы своего поднятія къ Отцу Небесному.

То же, что происходитъ теперь, есть только естественный ходъ вещей; естественный, хотя и болѣзненный, ростъ чловѣка—путь исторженія его изъ оковъ матеріальности и восхожденія къ духовности, въ горѣ и ужасѣ—ибо „отходящій часъ“ вступилъ въ противорѣчіе съ „часомъ наступающимъ“ и сталъ часомъ ужаса—часомъ прошлаго! Но и этотъ часъ отойдетъ и наступитъ новый и изъ точки ихъ соприкосновенія изойдутъ опять Силы исправляющія и направляющія. И тогда этотъ новый грядущій часъ будетъ часомъ примиренія, искупленія и просвѣтленія. И пройдетъ нынѣ стоящій часъ—„воскрешенія Суда“ и „исполненія числа“.

Но новый „часъ будущаго“ близокъ! Влизится и новое пониманіе, новая Божія благодать, новая жизнь, новая отвѣтственность. Пусть не падаютъ духомъ и не унываютъ люди. Свѣтъ и радость идутъ вслѣдъ за ужасомъ. Необходимо только, чтобы былъ понятъ и не забытъ урокъ настоящаго часа.

Необходимо помнить что иною мѣркою должна мѣряться жизнь и на другомъ фундаментѣ должна она строиться, и чтобы ни дѣлалъ чловѣкъ для того, чтобы уклониться, и отерочить часъ признанія духа и Бога—безплодны будутъ все его усилія, бесплодна работа его, ибо воля Отца Небеснаго совершится и совершается и на небѣ, и на землѣ и надлежитъ идти на встрѣчу этой волѣ и сливаться съ ней, а не уходить отъ нея и творить свою волю.

П О П У Т И.

Въ журналѣ «Ninetionth Century» имѣется статья подъ заглавіемъ «Когда Исчезнетъ Темная Сила», въ которой авторъ утверждаетъ и доказываетъ, что нападеніе Германіи на міръ людской есть дѣйствительно подлинное дьявольское нападеніе. Онъ говоритъ, что нѣмцы все послѣднее время были истиннымъ орудіемъ, хотя и таинственнымъ и замаскированнымъ, зла, стремившагося извратить и даже уничтожить прогрессъ чловѣческой расы.

Война эта по тому, какъ она задумана и какъ она ведется, является послѣднимъ натискомъ темной силы, послѣднимъ ея усиленіемъ уничтожить работу высшихъ и благодатныхъ духовъ, слугъ Господа Бога, стремящихся возвыситься и очистить отъ заблужденій и грѣха духъ чловѣческій. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ, которыя авторъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія это—страшныя преступленія, совершаемыя нѣмцами въ эту войну, преступленія, заранѣе задуманныя, хладнокровно выполняемыя и столь массовыя, что и примѣра имъ въ исторіи не найдется.

Мрачная, печальная статья! Но финалъ этой рѣшающей битвы авторъ предсказываетъ блистательный:—«Окончательно побѣжденный сатана—уже надолго будетъ оттѣсненъ отъ всякаго воздѣйствія на дѣла людей»—говоритъ онъ. Новая, свѣтлая эра наступитъ; свѣтлыя, благостныя вліянія не только сотрутъ дикія послѣдствія войны, но и поднимутъ, очистятъ души людей; помощь ихъ будетъ столь могущественна, столь очевидна для людей, что и представить себѣ этого доселѣ люди не могли.

Дай Богъ, чтобы было по слову автора! чтобы пророчество его сбылось.

«Уловитель Новыхъ Волнъ». Сообщенія объ этомъ аппаратѣ, изобрѣтенномъ г-номъ Вильсономъ*), вызвали отзывы еще двухъ, неизвѣстныхъ пока, изслѣдователей, которые, воплѣ самостоятельно каждый, работали надъ способами, какими возможно бы было облегчить процессъ передачи мыслей. Разница между этими изслѣдователями, г-г. Вестономъ и Вильямсомъ, и г-номъ Вильсономъ заключается лишь въ томъ, что послѣдній собираетъ въ свой аппаратъ мысли «другихъ интеллектовъ», а два первыхъ работаютъ съ цѣлю усиленія телепатіи. И эти трое изслѣдователей столкнулись на своемъ пути самымъ любопытнымъ образомъ, доказывающимъ еще разъ міру что, выраженіе «просто» («просто» телепатія, «просто» магнетизмъ и т. д.) вовсе уже не такъ-то просто.

Въ началѣ сентября 1915 года г-нъ Вильсонъ нѣсколько дней подрядъ упорно получалъ черезъ свой аппаратъ цифру „567, 704“. Это число, многозначное и довольно сложное, безъ измѣненій повторявшееся въ его аппаратѣ, показалось ему интереснымъ явленіемъ и онъ напечаталъ воззванія, прося сообщитъ ему, если это число касается кого либо или чего либо.

Только въ концѣ октября это воззваніе попало на глаза г-на Вестона и онъ тотчасъ же отозвался на него. Оказывается, что въ своихъ опытахъ по телепатіи съ однимъ изъ своихъ друзей, онъ упорно старался внушить ему именно это число, случайно взятое имъ изъ его чековой книжки.

Дѣйствительно, довольно трудно объяснить совпаденіемъ эту передачу числа, состоящаго изъ шести цифръ; возможность случайнаго совпаденія является въ 1 на много милліоновъ. Редакція журнала «Light» заинтересовалась этой перепиской и на ея запросы г-нъ Вестонъ отвѣчалъ слѣдующее:

— „Я уже много лѣтъ, занимаюсь опытами передачи мыслей и, наконецъ, попалъ на способъ, который помо-

*) См. «Ребусъ» за 1915 г.

гаетъ мнѣ передавать буквы и цифры съ большею точностью: я нашелъ, что для этого слѣдуетъ чертить въ воздухѣ магнитомъ желаемыя буквы или цифры, поэтому я устроилъ экранъ, весь покрытый металлическими шпильками и передъ нимъ вывожу въ воздухѣ магнитомъ то, что желаю телепатически передать. И вотъ, первое число, какое я такимъ образомъ вздумалъ внушить, было именно 567. 704. Случилось это какъ разъ передъ тѣмъ, какъ пошло оно въ аппаратъ г-на Вильсона*.

— Вспомнимъ мы при этомъ—пишетъ журналъ „Light“—первоначальное утверждение г-на Вильсона, а именно, что онъ получаетъ черезъ свой аппаратъ „мысленныя сообщенія живыхъ людей“ и затруднявшее его обстоятельство, что часто эти сообщенія передавались его аппаратомъ по системѣ Морса и другими телеграфическими знаками—чего даже и самъ Вильсонъ объяснить никакъ не могъ.

Эта же переписка о числѣ „567. 704“ вызвала и сообщеніе г-на Вильсона объ его опытахъ. Онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ прибѣгаетъ къ помощи электро-магнитнаго аппарата, благодаря которому, по его мнѣнію, происходитъ усиленіе мыслительныхъ волнъ или вибрацій и онѣ, направляемая волею, могутъ быть проецированы на подобіе Герцевскихъ волнъ въ беспроволочномъ телеграфѣ. Онъ добавляетъ, что этимъ способомъ онъ достигалъ полного успѣха въ 25 случаяхъ изъ ста, тогда какъ безъ аппарата успѣшны бывають лишь 10. Г-нъ Вильямсъ утверждаетъ, между прочимъ, что въ одномъ его сообщеніи, состоявшемъ изъ сорока словъ и посланнымъ этимъ способомъ, при полученіи вралось только четыре ошибки.

Однако, судя по письму г-на Вильямса, онъ большого значенія аппарату своему не придаетъ. По его мнѣнію въ этихъ опытахъ большее значеніе имѣють сила воли и способность концентрации.

Журналъ „Light“ упоминаетъ еще объ одномъ своемъ подписчикѣ, который уже лѣтъ 30 занятъ подобными же опытами, а также и опытами по Психизму и который утверждаетъ, что слѣдуетъ ожидать въ недалекомъ будущемъ открытія яснаго, отчетливаго телеграфическаго сообщенія между двумя мірами.

Таковы свѣдѣнія, полученные нами изъ журнала „Light“. Если же мы при этомъ вспомнимъ работы Лондонскаго Об-ва для псих. изслѣдованій по „перекрестному письму“, и опѣнимъ то громадное количество мыслей, начало которыхъ написано автоматически у одного медиума, проживающаго — скажемъ — въ Индіи, продолженіе—у другого, въ Шотландіи, и окончаніе у третьяго медиума, къ примѣру, въ Италиі или во Франціи, то получится унасъ странное впечатлѣніе: мысли наполняютъ собою все пространство, весь воздухъ вокругъ насъ; онѣ толпятся, мчатся, рѣютъ и только одного имъ недостаетъ — нитей, проволокъ, путей однимъ словомъ, для того, чтобы онѣ получили порядокъ и надлежащее направленіе. Когда это случится тогда наступитъ разсвѣтъ новой эры человѣческаго бытія, гораздо болѣе полного, справедливаго, честнаго и милостливаго.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АУРѢ И ОБЪ ЭКРАНАХЪ Д-РА КИЛЬНЕРА.

Одинъ изъ нашихъ друзей пишетъ слѣдующія строки, небезынтересныя для любителей экспериментированія въ области психизма:

...Основываясь на замѣткахъ появившихся въ „Ребусѣ“ относительно цвѣтныхъ экрановъ доктора Кильнера, черезъ которые можно видѣть и изучать ауру человѣческаго тѣла, а затѣмъ ознакомившись съ замѣтками потому же вопросу въ „Вѣстн. Теософіи“ за 1913 и 1914 г. и въ „Бюлл. Литерат. и Жизни“ за 1914 г.—я пытался повторить опыты д-ра Кильнера съ подручными средствами. Оказалось возможно, даже при томъ условіи, что я не обладаю способностями ясновидѣнія, и могу лишь при извѣстныхъ условіяхъ, освѣщенія видѣть излученія рукъ (по тому способу наблюденія, который указанъ въ Ребусѣ за стар. годы).

Оказалось, что темно-красные свѣтофильтры, обычно идущіе для фотографическихъ надобностей (не для проявленія, а для установки передъ объективомъ или пластинкой во время экспозиціи) даютъ возможность видѣть*) кое что. Еще лучше видно черезъ растворъ двухромовиднаго калия (обыкновенное продажное названіе — „хромпикъ“). Думаю, что если бы этотъ растворъ наливать не въ кювету со стеклянными стѣнками, а между какими либо прозрачными пластинками, не поглощающими крайнихъ „за-фіолетовыхъ“ лучей, то вышло бы еще лучше; къ сожалѣнію у меня нѣтъ возможности обставить опытъ соответственнымъ образомъ. Быть можетъ найдутся любители, которые пожелаютъ провѣрить опытъ при лучшей обстановкѣ. Вѣроятно можно бы воспользоваться и просто окрашеннымъ желатиномъ, употребляя краски не „секретнаго“, а любого состава. Думаю, что здѣсь дѣло не въ составѣ краски, а вообще въ дѣйствіи свѣтофильтра, которое извѣстно нынѣ большинству любителей фотографіи.

Н—овъ.

СТРАННОЕ ВЪ ЖИЗНИ.

Я передаю эти три случая со словъ г-жи И., не пожелавшей открывать своей фамиліи такъ же какъ фамиліи лицъ фигурировавшихъ въ этихъ событіяхъ.

1-й случай.

Съ тѣхъ поръ прошли года, но воспоминаніе живо, ярко и свѣжо! Тогда я жила въ санаторіи, находившейся въ бывшемъ имѣніи князей В. въ прекрасной мѣстности Южнаго берега Крыма, недалеко отъ Ялты. Санаторія состояла изъ группы отдѣльныхъ зданій, расположенныхъ одно близъ другого. Въ томъ, гдѣ произошелъ описываемый мною случай, въ столовой, комфортабельно обставленной, большой комнатѣ висѣли старинныя часы. Они были испорчены и не заводились. Однажды я рѣшила непременно ихъ починить и пригласила для этого опытнаго часовыхъ дѣлъ мастера. Когда тотъ явился и занялся разслѣдованіемъ причинъ порчи то послѣ тщательнаго осмотра механизма, совершенно отказался починить эти часы, утверждая, что нѣтъ возможности исправить поврежденіе потому что эти старинныя, прекрасныя часы англійскіе и здѣсь нельзя найти необходимыхъ для ихъ поправки частей. Это меня огорчило, тѣмъ болѣе, что часы дѣйствительно были очень хороши и я вспомнила, тогда же, что мнѣ говорили будто однажды имѣніе посѣтилъ какой-то англичанинъ страшно желавшій ихъ приобрести, но ему ихъ не продали, и

*) Лучшимъ—при боковомъ освѣщеніи (какъ въ ультрамикроскопѣ) и на черномъ матовомъ фонѣ.

они остались висѣть на своемъ мѣстѣ, гдѣ всегда висѣли и раньше. Такъ я и оставила свое намѣреніе привести эти часы въ порядокъ.

Приближалась весна. Солнце сильно пригрѣвало землю, воздухъ благоухалъ тѣми тонкими бальзамическими ароматами, которые вливаютъ жизнь въ ослабѣвшее тѣло. Я получила увѣдомленіе изъ Ялты отъ одного изъ знакомыхъ мнѣ извѣстныхъ всему району докторовъ, что въ санаторію непременно хочетъ переселиться, доживающій послѣдніе дни своей жизни князь Д. Мнѣ, откровенно говоря, было это непріятно, такъ какъ приговоръ такого опытнаго врача не допускалъ возможности ошибки. И дѣйствительно князь Д., пріѣхавшій вскорѣ послѣ этого извѣщенія былъ даже и самъ убѣжденъ въ томъ, что дни его сочтены. Я было сдѣлала слабую попытку разуверить его въ этомъ, но убѣдилась что это совершенно напрасно и что больной нисколько не падаетъ духомъ отъ такого сознанія.

Ему было абсолютно запрещено всякое вино, между другими вредными для него вещами, но онъ несмотря на это запрещеніе, однажды объявилъ мнѣ, что онъ привезъ съ собою любимое свое шампанское и передъ смертью, прощаясь съ жизнью хочетъ непременно его выпить. Я обратилась къ доктору—что онъ на это скажетъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что больной такъ плохъ, что нѣтъ смысла отнимать отъ него этого удовольствія. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ повидаться съ княземъ его большой другъ полковникъ Н. Н.

Онъ всѣми силами сталъ увѣрять больного въ томъ, что онъ смотритъ молодцомъ и непременно поправится. Но князь былъ такъ убѣжденъ въ своемъ предчувствіи, что разуверить его не было никакой возможности. Шампанское было выпито въ честь прощанія съ жизнью, давшей много грустнаго, но много и хорошаго, какъ говорилъ князь.

Небо заволакивали тучи, становилось душно, прогнѣтая солнцемъ земля была насыщена электричествомъ, чувствовалось приближеніе грозы; мы съ полковникомъ сидѣли у князя Д. въ комнатѣ, рядомъ со столовой гдѣ висѣли часы.—Сегодня я умру въ три часа дня!—сказалъ князь. Полковникъ опять убѣжденно сталъ увѣрять князя въ томъ, что онъ смотритъ молодцомъ и не только не умретъ сегодня, но скоро совсѣмъ поправится. Этотъ разговоръ происходилъ около одиннадцати часовъ утра. Видимо было, что увѣренія друга были скорѣе непріятны князю Д. и я замѣтила, что въ концѣ концовъ стали даже раздражать его. Тогда я постаралась увести полковника изъ комнаты больного и мы перешли въ столовую. Когда мы вошли туда раздался вдругъ необычайно звучный, но мягкій и бархатистый звонъ... то били часы! Разъ... два... три!.. Три удара! Мы были поражены... Часы стояли, но ихъ три удара совпадали съ тѣмъ часомъ, который князь Д. предсказалъ, какъ часъ перехода своего по ту сторону бытія. И это сбылось... Ровно въ три часа князь Д. отошелъ въ вѣчность.

2-й случай. (Гамаюнъ).

Тогда мы жили въ Судахѣ, (въ Крыму).—Я, съ маленькой своей Касей и наша бонна. Мы поселились у самого моря, но моя Кася очень любила бывать въ колоніи и я каждый день спускала ее съ бонной совершать эту прогулку. Путь ихъ шелъ мимо древней, по преданіямъ „генуэзской башни, прозванной татарами Хызъ-Кулеси т. е. башня дѣвы. Съ этой башней у нихъ связано преданіе что съ верху этой башни бросилась однажды дѣвушка-самоубійца... съ тѣхъ поръ башня и прозвана Хызъ-Кулеси. Я обыкновенно выходила при ихъ возвращеніи къ нимъ навстрѣчу. Такъ было и въ тотъ памятный мнѣ день... Солнце свер-

кало, вся природа въ своемъ лѣтнемъ уборѣ словно ликовала, я шла не торопясь по направленію къ колоніи, зная, что сейчасъ увижу свою милую Касю. И я ее увидела. Но Боже! что это? Она бѣжитъ безумно испуганная за нею бонна въ такомъ же ужасѣ какъ она, надъ моею дочерью летитъ какая то темная птица, испускающая душу раздирающіе стонущіе тоскливые крики. Не помня себя я бросаюсь къ нимъ навстрѣчу, обнимаю плачущаго, трепещущаго ребенка... Безсвязно задыхаясь отъ волненія рассказываетъ мнѣ бонна, что изъ башни внезапно вылетѣла птица и, кружась надъ головой ребенка, своимъ крикомъ и преслѣдованіемъ нагнала безумный страхъ и тоску на нихъ. Всѣ ихъ усилія прогнать зловѣщую птицу были напрасны и только вотъ теперь сейчасъ она куда-то безслѣдно исчезла...

Я и сама ясно видѣла, что надъ Касей, когда она бѣжала, какъ бы спасаясь отъ кого-то, послышалась темная птица, я сама слышала ея жуткія тоскливыя крики. Не безъ труда удалось мнѣ успокоить моего ребенка и самой мнѣ было какъ то безотчетно тяжело.

Вскорѣ послѣ этого снится мнѣ сонъ... Стою будто я у церковной паперти, а на паперти стоитъ гробъ. Кто лежитъ въ гробу никакъ не могу рассмотреть, потому что бѣлая кисея, которой укрытъ гробъ, все время шевелится развивается и свивается, движимая порывами вѣтра... Вслѣдъ за этимъ удручившимъ меня сномъ моя Кася, дотодѣ совершенно здоровая и бодрая внезапно сваливается больная. Температура страшно поднимается, краснота въ горлѣ... Выписываю экстренно доктора спеціалиста по горловымъ болѣзнямъ. Пріѣхавъ, онъ ничего опаснаго не нашель, пожуривъ меня за мой испугъ. Я ему тогда рѣшилась рассказать про свой сонъ. Докторъ совершенно скептически къ этому отнесся. Онъ пристыдилъ меня такими недостойными культурной женщины предразсудками. Тѣмъ не менѣе болѣзнь усиливается, ребенокъ горитъ и томится въ постели. Меня преслѣдуютъ страшныя предчувствія и начинаеть овладѣвать отчаяніе, но вотъ наступаетъ кризисъ, температура спадаетъ, начинается быстрая поправка, ребенокъ оживаетъ. Все говоритъ о вѣрномъ выздоровленіи и докторъ упрекаетъ меня въ малодушномъ суевѣрїи. Онъ уже ручается за скорое прекращеніе болѣзни. Но вдругъ совершенно неожиданно припадки возобновляются и наступаетъ несмотря на всѣ принятія мѣры, смерть... Крупозный дефтеритъ. Моя Кася умерла... Болѣзнь заразительная... въ церкви не отпѣваютъ.

И вотъ... я стою у церковной паперти, а на паперти гробъ... въ гробу моя Кася! Она покрыта бѣлой кисеей и порывы вѣтра то свиваютъ, то развиваютъ ея прозрачныя складки!.. Сонъ повторился точно.

3-й случай.

Мнѣ пришлось остановиться въ гостиницѣ; помещеніе не оставяло желать лучшаго. Старинная основательная мебель наполняла комнату уютно и я была очень всѣмъ довольна. Я пріѣхала по денежному дѣлу, намѣреваясь взять изъ предпріятія мужа, съ которымъ разводилась, свой капиталъ, вложенный въ это предпріятіе. Все идетъ должнымъ порядкомъ, никакихъ ни пререканій, ни препятствій ни съ чьей стороны нѣтъ и я увѣдомлена завѣдующимъ дѣлами мужа о днѣ, въ который мой капиталъ мнѣ будетъ возвращенъ. Мнѣ только ужасно непріятно, что внезапно, до той поры невозмутимая тишина моего помещенія, смѣняется потряскаивающими мебели, которая дѣлаются все интенсивнѣе и интенсивнѣе, наконецъ становятся назойливой. Къ довершенію всего, раздается оглушительный трескъ... оказывается дверца стариннаго шкафа разорвана вкось. Я призываю управляющаго и жалуюсь на все это.

Тотъ недоумѣваетъ, такъ какъ никогда ничего подобнаго не бывало, потому что это старинная мебель. Получаю уведомленіе управляющаго дѣлами мужа, что онъ проситъ меня получить деньги не сегодня, а завтра, такъ какъ владѣлецъ предпріятія завтра закрѣпитъ все это своею собственноручной подписью.

Для меня это было совершенно безразлично. Вставъ на другой день, въ обычный свой часъ, я съѣла пить чай и вдругъ на моихъ глазахъ, *самостоятельно* разбивается стаканъ безъ того чтобы кто-либо къ нему прикасался! Стаканъ разлетѣлся вдребезги... Въ это время мой испугъ былъ прерванъ внезапнымъ пріѣздомъ сестры. Она вошла ко мнѣ горестная съ соболѣзнованіями. Я, ничего не понимая стала спрашивать ее... отчего она такая огорченная. — Какъ? ты ничего не знаешь?! Ты собираешься вѣхать получать свой капиталъ, для чего нужна была подпись твоего мужа, а не знаешь, что онъ скоропостижно, неожиданно для всѣхъ сегодня скончался?.. Въ этомъ капиталѣ, который я такимъ образомъ потеряла, было все мое состояніе!

Вотъ три случая переданные мнѣ изъ жизни ея госпожею И. Изъ всего этого несомнѣнно, что она очень медіумична, хотя сама этого не ощущаетъ въ себѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ тѣ факты, которые она припоминала, они ясно указываютъ на ея богатые позидимому, способности этого характера. Не могу обойти молчаніемъ еще одного, на мой взглядъ очень важнаго, феномена изъ ея жизни, который еще болѣе подтверждаетъ медіумичность г-жи И.

Вотъ что она мнѣ еще сообщила. Ея мужъ, по первому браку, очень любилъ ее и послѣ смерти привязанности его нѣкоторое время выражалась въ постоянныхъ материализованныхъ явленіяхъ ей. Происходило это всегда въ одной и той же комнатѣ и всегда при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и длилось ровно шесть недѣль послѣ его перехода въ другую, жизнь... Достаточно ей было открыть дверь въ его, обычно запертый кабинетъ, — и онъ являлся ей, мгновенно тамъ во весь ростъ. Сначала она пугалась, а потомъ, даже привыкла. Призракъ имѣлъ *вполнѣ жизненный* видъ, но никакихъ другихъ проявленій своей личности не выказывалъ и такъ же *неуловимо* мгновенно и незамѣтно для глазъ разсѣивался и исчезалъ какъ и появлялся. Послѣ шести недѣль, со дня его перехода по ту сторону, явленія эти прекратились.

Юлія фонъ-Шульцъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОНЪ.

Въ половинѣ ноябрю 1915 г. я видѣла странный сонъ:

Я находилась въ какомъ-то большомъ и богатомъ домѣ, въ обществѣ многихъ женщинъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлое. Была ночь; мы всѣ находились въ сильномъ возбужденіи, вслѣдствіе того, что уже нѣсколько ночей на небѣ былъ видѣнъ крестъ, который появлялся близъ луны, съ лѣвой стороны ея, и казался фосфорическимъ. Хотя это явленіе и дѣйствовало на насъ угнетающе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы уже начинали привыкать къ нему.

Вдругъ къ намъ вбѣжало нѣсколько испуганныхъ женщинъ, которыя позвали насъ слѣдовать за собой. Мы вошли въ комнату выходящую на востокъ: въ ней было почти свѣтло отъ зари. Я подошла къ окну: передъ самымъ домою протекала широкая и свѣтлая рѣчка, на противоположномъ берегу тянулись безконечные лѣса, и среди нихъ виднѣлись села, а тамъ на горизонтѣ изъ-за темной черты лѣса, поднималось огромное солнце, красное, какъ кровь и пылающее,

какъ пламя, а съ лѣвой стороны его, горѣлъ такой-же огненный крестъ, на которомъ былъ видѣнъ распятый Христосъ. Лѣвая рука Христа, отдѣлилась отъ креста и была поднята вверхъ, какъ бы во время молитвы. Мы всѣ стояли изумленные и испуганные этимъ величественнымъ видѣніемъ. Меня привелъ въ себя чей-то громкій голосъ, сказавшій: „Молитесь всѣ о свѣтѣ міра, молитесь чтобы кончился ужасъ омрачившій міръ, молитесь, чтобы кровь не заливала землю или она зальетъ и солнце. Смотрите, самъ Христосъ молится о вашемъ спасеніи, молитесь и вы: только тогда зло потеряетъ свою силу“. При этихъ словахъ я проснулась въ сильномъ волненіи.

Е. С.

Бюро Всероссийскаго Съѣзда Спиритуалистовъ. Пенсіонъ вдовѣ и дѣтямъ Виктора Ивановича Прибыткова. Отчетъ за 1915 г.

Поступили взносъ этъ:

№ 1001 *)	40 р — к.
№ 1064 **)	5 р. — »
№ 1074	3 р. — »
№ 1288	50 р. — »
№ 1006	10 р. — »

Итого поступило 108 р.—к.

Эти деньги и были отосланы всѣ семьѣ Прибыткова въ мѣсѣцѣ 1915 г. и въ январѣ сего 1916 г.

Въ дальнѣйшемъ Бюро не находитъ болѣе возможности продолжать пересылки деньги и предлагаетъ немногимъ оставшимся посылать теперь свои взносы отъ себя лично по слѣдующему адресу: Петроградъ, 6 рота Изм. Полкъ д. 15 нв. 18. Екаторинѣ Васильевнѣ Прибытковой.

Секретарь Бюро С. Д. Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

Часть II.

Глава XII.

Ангель полуночи.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ моего отъѣзда изъ Англіи, я путешествовалъ по многимъ странамъ Востока, выполняя многосложныя обязанности и ведя самую дѣятельную, общественную жизнь. Никто не узналъ бы въ суровомъ солдатѣ, политикѣ и дѣятельномъ работникѣ, какимъ я сталъ, ясновидящаго Берлинскаго Братства. Количество и разнообразіе сферъ моей дѣятельности было такъ велико, что я уже не сомнѣвался, что профессоръ фонъ Марксъ сдержалъ свое слово, а послѣ своей смерти влилъ въ мой слабый организмъ свою силу, такъ, что благодаря вліянію его могущественнаго духа, я былъ въ состояніи выполнить такое громадное количество умственной и физической работы. Хотя въ общественной жизни я не пользовался ни однимъ моментомъ покоя, тѣмъ не менѣе я никогда не терялъ изъ виду грандіозную цѣль моей земной жизни — отысканіе возможнаго рѣшенія тайнъ невидимаго міра. Моя собственная жизнь доказала мнѣ

*) №№ подписки на „Ребусъ“ 1915 г.

**) № подписки „ „ „ 1916 г.

возможность существованія иныхъ, доступныхъ человѣческому уму, фазъ духовной жизни, чѣмъ тѣ, которыя служили предметомъ изученія и экспериментации членовъ Берлинскаго братства. Во время моего пребыванія у Джона Дудлей, я узналъ, что въ его семьѣ происходятъ сеансы, результатомъ которыхъ является общеніе съ отшедшими друзьями.

Не желая нарушать свою впечатлительностью и измѣчивымъ настроеніемъ ихъ полныя гармоніи сеансы, я никогда не принималъ въ нихъ активнаго участія, хотя мой духъ часто носился вокругъ нихъ. Благодаря этимъ и многимъ другимъ менѣ чистымъ сеансамъ, я узналъ, и способъ общенія съ духами, требовавшими возможной пассивности, или т. называемаго трансоваго состоянія. Оказалось, что и безъ магическихъ круговъ вызванія и разныхъ формулъ можно сносятся съ дорогими друзьями, исчезнувшими за мистическимъ потокомъ, на берегахъ котораго ихъ видѣли мои жадные глаза. Всѣ они возвращались оттуда, охраняли мою бурную жизнь и съ еще большей вѣрностью и нѣжностью, чѣмъ при жизни, заботились обо мнѣ.

Моя прекрасная подруга Констанція, мой добрый отецъ, моя мать, мой молодой братъ и много друзей и товарищей, павшихъ на пути и оставившихъ меня одного, прежде чѣмъ я могъ испытать слабость или силу человѣка, находящагося на порогѣ зрѣлости, — всѣ они приходили ко мнѣ, какъ и при жизни, говорили со мной, окружали меня, какъ солнечными лучами, своей любовью, давая возможность оцѣнить полное значеніе высокихъ словъ «миссія ангеловъ». Самый дорогой моему сердцу другъ, Феликсъ фонъ Марксъ, никогда не оставлялъ меня; въ недавнихъ испытаніяхъ, поразившихъ мои самыя дорогія, самыя священныя чувства, онъ не переставалъ окружать меня той глубокой, безкорыстной любовью, которая заставила его принести себя въ жертву ради меня. И что же? Повѣрите ли мнѣ, если я скажу, что несмотря на это сверхъестественное вмѣшательство, несмотря на эти явленія дорогихъ существъ и ихъ частыя, добровольныя сообщенія, я не могъ убѣдиться въ безсмертіи своей души, не могъ повѣрить въ самоличность этихъ духовъ. Я упорно приписывалъ имъ лишь краткій моментъ духовнаго существованія, переходное состояніе, въ которомъ они, на время, могли поддерживать свою индивидуальность, предназначенную погибнуть, быть поглощенной, уничтоженной и вынужденные, какъ я вѣрилъ, подчиниться страшной необходимости, снова начать вѣчный циклъ матеріальной жизни. Я упрекалъ себя за эти болѣзненные фантазіи, просилъ прощенія у своихъ дорогихъ утѣшителей по фантазіи, мои, исчезавшія въ ихъ блестящемъ присутствіи, какъ тѣни ночи при приближеніи дня, эти фантазіи снова овладѣвали моимъ умомъ, какъ только я оставался одинъ. Моя душа жадно стремилась къ болѣе высокому болѣе обширному пониманію божественнаго плана, чѣмъ то, которое могло лишь дать знаніе извѣстныхъ, обружающихъ насъ сферъ существованія. Я неутомимо стремился проникнуть въ философію настоящей и будущей жизни, стремился увидѣть персть Божій, направленный по ту сторону могилы, по ту сторону начала и конца жизни, и охотнѣе бы заснулъ, «свѣчнымъ сномъ, не имѣющимъ пробужденія», чѣмъ страдать отъ неувѣренности и

безъ руля и безъ якоря носиться по этому неизвѣданному океану.

Мнѣ часто случалось видѣть, чувствовать, встрѣчаться лицомъ къ лицу съ моимъ «атмосферическимъ духомъ». Это таинственное проявленіе двойственности моего существа не лишало меня физической силы, но всегда болѣзненно дѣйствовало на меня, вызывая чувства необъяснимаго ужаса, заставляя бѣжать отъ этого двойника, какъ отъ своего худшаго врага.

Это отвратительное видѣніе иногда обращалось ко мнѣ съ упреками, насмѣшками, съ ироніей, настаивало на своихъ отношеніяхъ ко мнѣ и дѣйствовало скорѣе какъ насмѣшливый демонъ, чѣмъ какъ астральная эссенція моей собственной духовной субстанции. Со мной бесѣдовали также духи тѣхъ, кого я больше всѣхъ любилъ, кому я вполне могъ довѣриться. Часто они говорили о совершенно неизвѣстныхъ мнѣ вещахъ, доказывали свое тождество съ извѣстными мнѣ лицами; однако эти сообщенія не могли освѣтить тѣ тайны, которыми я былъ окруженъ.

Кромѣ тысячи остроумныхъ средствъ, употребляемыхъ ими, чтобы доказать реальность, чуждаго мнѣ происхожденія сообщавшихся со мной агентовъ, и чтобы убѣдить меня въ ихъ дружбѣ и заботахъ обо мнѣ, ихъ сообщенія не имѣли большого значенія и состояли вообще изъ предвѣдомленій и пророчествъ правда, всегда исполнявшихся; но все-таки между нами, съ точки зрѣнія, идей, не находилось общей почвы.

Я искалъ чего-нибудь болѣе возвышеннаго и когда въ глубинѣ своего сознанія обращался къ моимъ духовнымъ посѣтителямъ съ мольбой о большемъ свѣтѣ, мною овладѣвало чувство необъяснимой тоски, и я, неудовлетворенный, прекращалъ сеансы. Иногда мнѣ приходила на умъ страшная теорія Берлинскаго братства, и я почти соглашался съ ними, что эти явленія были въ дѣйствительности ничто иное, какъ проявленіе астральныхъ духовъ, эманация матеріальной оболочки, и что души эти какъ и тѣла разсѣялись въ пространствѣ, или приняли уже новую форму, не имѣвшую ничего общаго съ ея прежнимъ существованіемъ. Долженъ прибавить, что какъ только эти неопредѣленные и ничтожныя теоріи зарождались во мнѣ, тотчасъ же являлся изъ загробнаго міра посланникъ и отвергалъ ихъ, доказывая, что мои самыя тайныя мысли были извѣстны. Онъ приводилъ очень простыя, но весьма убѣдительныя доказательства продолженія жизни за гробомъ, — доказательства индивидуальности посѣтившаго меня духа и убѣждалъ въ существованіи безсмертной жизни, безсмертной любви. Кромѣ многочисленныхъ оккультическихъ обществъ, къ которымъ я принадлежалъ въ Европѣ, во время моего пилигримства по Востоку, я вступилъ членомъ еще въ нѣсколько такихъ же обществъ, но я стремился скорѣе вернуться въ Индію, гдѣ протекали первые годы моего дѣтства. Я былъ очарованъ чрезвычайными сверхъестественными силами, которыми обладаютъ восточныя экстастики. Если бы эта книга была напечатана десять или двадцать лѣтъ тому назадъ, я могъ бы наполнить цѣлый томъ только одними рассказами о видѣнныхъ мною чудесахъ. Въ настоящее время феномены индусской магіи стали настолько извѣстны, что уличный мальчишка, чистящій ваши башмаки на улицахъ Парижа или Лондона, расскажетъ вамъ цѣлую дюжину исторій

объ очарователяхъ змѣй, и паризмахеръ, расчесывающій вашу бороду, — способенъ прочитатъ цѣлую диссертацию о воскрешеніи факировъ, о той легкости, съ которой деревши отрѣзаютъ себѣ голову, чтобы спустя моментъ поставить ее на мѣсто, или о томъ какъ факиры въ данное число секундъ выращиваютъ изъ сѣмечка манговое дерево. Народный умъ Европы насыщенъ *ad nauseum* рассказами о чудесахъ этого рода.

Я провелъ цѣлые годы въ разыскиваніи причины производящей эти феномены, и внимательно прислушивался къ подробнымъ рассказамъ о фактахъ, которые я и самъ наблюдалъ съ интересомъ, но я нигдѣ не слыхалъ, чтобы народная молва давала какое-нибудь объясненіе относительно происхожденія этихъ феноменовъ. Остается признать, что единственное значеніе этихъ феноменовъ зависитъ отъ ихъ оккультнаго происхожденія, каковое оказывается выше пониманія самыхъ свѣдущихъ изъ нашихъ ученыхъ. Наука, которая слишкомъ невѣжественна для того, чтобы освѣтить этотъ вопросъ и слишкомъ высоко-мѣрна чтобы касаться его серьезно, объясняетъ его фокусничествомъ, и однако чудесъ восточнаго спиритизма вы не встрѣтите ни въ одной странѣ. Во многихъ, если не во всѣхъ случаяхъ эти чудеса суть проявленія существующихъ въ природѣ оккультныхъ силъ. Я думаю, что здѣсь не бесполезно будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ методахъ, которые лично, я самъ примѣнилъ для того, чтобы проникнуть въ тайну ихъ воспроизведенія.

Моей первой заботой было заручиться услугами двухъ самыхъ искусныхъ и уважаемыхъ членовъ корпораціи — факировъ. Для того, чтобы привлечь ихъ къ моимъ интересамъ, я употребилъ все бывшія въ моемъ распоряженіи средства, не забывая однако держать ихъ вдали другъ отъ друга, чтобы обезопасить себя отъ возможныхъ мистификацій и шарлатанства. Такимъ образомъ, поставивъ себя въ самыя благоприятныя условія для наблюденія многихъ удивительныхъ феноменовъ, свидѣтельствовавшихъ о тѣхъ силахъ, которыми обладали эти люди, я могъ свободно анализировать проводимыя ими, для объясненія своихъ чудесъ теоріи. Факиры увѣряли, что агентами этихъ чудесъ были питри или духи предковъ.

Они неизмѣнно утверждали, что безъ помощи этихъ духовныхъ союзниковъ, сами они ничего не въ состояніи сдѣлать и что ихъ собственная роль ограничивалась лишь тѣмъ, чтобы привести себя въ состояніе служителей питри. Матеріальное тѣло было для нихъ лишь проводникомъ невидимой души, духовная или астральная одежда котораго была очевидно аналогична «духовному тѣлу» апостола Павла «магнетической субстанціи» или жизненному принципу спиритовъ, астральному духу Розенкрейперовъ и атмосферическому духу Берлинскаго братства. Индускіе экстастики и арабы называли этотъ элементъ *аказой* или жизненнымъ флюидомъ. По ихъ теоріи способность творить чудеса, при помощи духовъ пропорціональна качеству и потенциальности заключенной въ организмъ аказы. Аказа, — добавляли они, — есть элементъ, которымъ пользуются духи, чтобы войти въ соприкосновеніе съ матеріей; если она могущественна и находится въ изобиліи въ организмѣ, то невидимые могутъ извлечь ее изъ тѣла экстастиковъ и производить съ ней чудеса. «Изуродуйте тѣло человѣческое, отрѣжьте члены, говорилъ мнѣ Браминъ, приглашенный мною

въ качествѣ профессора оккультизма, и если вы имѣете въ своемъ распоряженіи достаточное количество аказы, вы сейчасъ же исцѣлите раны. Аказа есть элементъ, соединяющій атомы матеріи. Ножъ, иногда раздѣляетъ ее, огонь выдѣляетъ ее изъ атомовъ. Примѣните къ сожженнымъ или отрѣзаннымъ частямъ аказы, прежде чѣмъ они успѣютъ разложиться или иссохнуть, и эти части соединятся снова и составятъ какъ и раньше одно цѣлое». Благодаря аказѣ прорастаетъ сѣмя и становится деревомъ съ листьями, цвѣтами и плодами. Направьте на зерно достаточное количество аказы и вы въ одну минуту произведете то, что съ меньшимъ количествомъ жизненнаго флюида потребовало бы цѣлаго мѣсяца. Зарядите аказой, извлеченной изъ человѣческаго тѣла, камни или другіе неживленные предметы, и духи заставятъ эти предметы двигаться, летать, плавать и, по желанію, переноситься съ одного мѣста на другое. Однимъ словомъ аказа, (а подъ аказой я понимаю Силу, Жизнь вещей), по словамъ очень интеллигентныхъ индусовъ, моихъ учителей, есть агентъ, свойствамъ котораго и обязано производство сверхъестественныхъ чудесъ; однако для ея динамизаціи (приведенія въ дѣйствіе) необходима помощь питри, во первыхъ потому, что ихъ духовныя тѣла состоятъ только изъ аказы, а во вторыхъ потому, что они знаютъ суть этой живой и могущественной силы и умѣютъ ею управлять; знаніе это они могутъ сообщить и смертнымъ.

Методы подготовительнаго посвященія для обладанія способностями этихъ дѣлателей чудесъ, состоятъ, какъ меня увѣряли, въ аскетизмѣ, чистотѣ, омовеніяхъ, продолжительномъ постѣ, въ глубокой душевной собранности, въ концентраціи ума, поглощеннаго созерцаемъ Божества, неба и божественныхъ вещей и въ абсолютномъ освобожденіи души отъ земли и мірскихъ заботъ.

Если вѣрить утвержденіямъ индусовъ, исполненіе вышеизложеннаго даетъ господство надъ тѣломъ и на много увеличиваетъ количество переданной такимъ образомъ элементамъ аказы. Освобожденіе этой аказы, производимое подъ контролемъ духовъ, совершается гораздо легче.

«Посмотрите, я весь состою изъ аказы, — говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ моихъ учителей. — Не сведена ли до эфирности эта тонкая, покрывающая меня матеріальная оболочка и этотъ остовъ изъ костей, поддерживающій мое матеріальное существо? Они не могутъ затруднить мой полетъ въ пространство, ни удержать меня на землѣ».

Какъ бы въ подтвержденіи своихъ словъ онъ оттолкнулся ногами отъ земли и бросившись въ пространство, поднялся на воздухъ. Со скрещенными надъ головой руками, костлявыми мертвенно-блѣдными руками, съ неподвижно-устремленными вверхъ глазами онъ достигъ почти потолка обширнаго храма, въ которомъ мы находились. Въ предшествующихъ главахъ я уже говорилъ о средствахъ употребляемыхъ восточными мистиками, чтобы достигнуть состоянія «священнаго изступленія какъ напр. прыганье, танцы, вертенье, одуряющіе напитки, шумъ, музыка и другіе приемы служащіе для подавленія чувствъ и возбужденія духа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРУДЫ Всероссійскаго Създа Спиритуалистовъ.

(бывшаго въ Москвѣ 20—27 октября 1906 г.).
Свыше 350 печатныхъ страницъ съ массою рисунковъ и чертежей.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Доклады: *Л. А. Чистяковъ*. Современная наука спиритуализма. (Вступительная рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Създа). — *Н. фонъ-Меккъ*. Краткій историческій очеркъ современнаго спиритуализма. — *П. Мельниковъ*. Непокойный домъ въ Томской губерніи. — *Б. Тайцъ*. Случай непосредственнаго письма (съ рисунк.). — *А. и Б.* Два случая доказанной самоличности. — *П. Чистяковъ*. Безсмертіе по традиціямъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ. — *Сербовъ*. Очерки изъ исторіи русской мистики. — *Ал. К. Никольскій*. Религіозное движеніе алтайскихъ калмыковъ (съ рисунк.). — *П. Чистяковъ*. О фотографіи невидима-

го. — *А. и Б.* О психической—трансцендентальной фотографіи (съ рисунк.). — *Б. Армфельтъ*. Астральная фотографія. — *К. Кудрявцевъ*. Излученія человѣческаго тѣла и примѣненіе ихъ къ дѣленію болѣзней (съ рисунк.). — *П. Чистяковъ*. Экстеріоризація нервной силы и опыты доктора Жуара (съ чертеж.). — *Л. Оноре*. Гипнотическая амбулаторія въ городѣ Барнауль (съ рисунк.). — *А. К.* Теософія въ Германіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (рѣчь доктора Рудольфа Штейнера на Теософическомъ Конгрессѣ въ Парижѣ 1906). — *В. Н. Запругаевъ*. Изложеніе ученія оккультистовъ объ астральномъ свѣтѣ. — *П. Чистяковъ*. О воспитаніи и культурѣ медиумовъ. — *П. Чистяковъ*. Радій и ясновидѣніе. (Опытъ физиологическаго истолкованія явленій ясновидѣнія). — II. Протоколы всѣхъ засѣданій Създа. — III. Отчетъ организационнаго бюро. Цѣна 3 р.—для подписчиковъ журнала «Ребусъ»—2 р.

Расходы по пересылкѣ 20 к., съ налож. платережомъ 30.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ—ЮБИЛЕЙНЫЙ—ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РЕБУСЪ“

СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: ТЕЛЕПАТІИ, ЯСНОВИДѢНІЯ, ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЯ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЯ, СОМНАМБУЛИЗМА, ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА, ГИПНОТИЗМА и СПИРИТИЗМА.;—изслѣдов. въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ—ТЕОСОФІЯ, МАСОНСТВО и проч.

Загадочность человѣческаго существа и безсмертіе человѣческой личности.

Вотъ—главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ. Независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ мѣсто **ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ТАИНЪ И ЗАГАДОКЪ ПРИРОДЫ, НАУКИ И ЖИЗНИ.**

ОМПѢЩАЮТСЯ ОТЗЫВЫ о новыхъ и старыхъ книгахъ, **РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ** на запросы и письма подписчиковъ. **ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ** отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Выходить не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. *Ф. Майерса*—„О послѣднемъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. *А. Бутлерова*—„Статьи по медиумизму“; *А. Аксакова*—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. *Н. Вагнера*—„Фотографія невидимой руки“; *А. Дасье*—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. *Ш. Рише*—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра *Максвелла*—„Феномены Психизма“ проф. *Ч. Ломброзо*—„Непокойные дома“; *А. Шопенгауера*—„О духовидѣніи“, д-ра *Дю-Преля*—„Душа, какъ организующее начало“; и „Магнія, какъ естествознаніе“; *М. Сабуровой*—„Смерть—только метаморфоза“; проф. *Шарко*—„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра *Охоровича*—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; *Руккель*—„Спиритизмъ и оккультизмъ“, *А. Уоллеса*—„Духовный дарвинизмъ“; проф. *В. Крукса*—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; *П. Чистякова*—„Исторія волшебства и суевѣрій“, „Каитъ, какъ спиритуалистъ“, „Радій и ясновидѣніе“, „Чтеніе мыслей“, „Магн—quadrivium“, „Тайныя Общества и Франкъ-Масонство“; д-ра *Принса*—„Множественность человѣческой личности“; *Ст. Мозеса*—„Ученіе духовъ социальное, религіозное и этическое“; *А. Волгина*—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; *Губалке*—„Метампсихозъ (перевоспложеніе)“; проф. *В. Джемса*—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; проф. *О. Лоджа*—„О транссовыхъ сообщеніяхъ“; д-ра *Вишофа*—„Ученіе Каббалы“; *Рейхенбаха*—„Обо-Магнетическія письма“ и др.; затѣмъ **СООБЩЕНІЯ О РАБОТАХЪ: РУССКАГО-СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ МОСКВѢ, ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ** и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. За границу: на годъ 6 р. Пробный номеръ 25 коп. (Можно высылать почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Москвѣ, у редактора-издателя журнала *П. А. Чистякова*.—*Б. Дорогомиловская ул., (у Бородинскаго моста) д. № 3, (телеф. 2-28-93)* а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

X 42
1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ХХХV.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА и СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. „ 6 „ „ 3 „ — „ За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается дейгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС- ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просятъ адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
<p>№ 1678.</p>	<p>6-го Февраля 1916 года.</p>	<p>№ 3.</p>

Содержаніе: 1) Эволюція души. (Прод.) Д. О. Карбановичъ. — 2) По пути: о спиритуалистическихъ работахъ профессора Лоджа. — 3) Какъ устроить Кружокъ. В. С. Мозесъ. — 4) Обзоръ дѣятельности Кіевскаго Спиритуалистическаго Кружка. — 5) Вѣщіе сны. — 6) Случай въ семействѣ Артемьевыхъ. Ю. фонъ-Шульцъ. — 7) Объявленія.

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

(Безконечное развитіе человѣческой индивидуальности).

Д. О. Карбановичъ.

(Продолженіе *).

Отдѣлъ III-й.

Научно-экспериментальный методъ изслѣдованія вопроса о многихъ существованіяхъ души.

Глава I-я.

О населенности планетныхъ міровъ.

Множественность міровъ, обитаемыхъ душами, есть, какъ мы уже видѣли, одно изъ существенныхъ условій ихъ безконечнаго развитія и совершенствованія, такъ какъ на землѣ это развитіе можетъ достигать лишь извѣтнаго предѣла.

Значеніе обитаемости міровъ вселенной, можно сказать, необязательно. Кромѣ того, что оно свидѣтельствуетъ о существованіи органической жизни, т. е. жизни разумныхъ существъ, не на одной только сравнительно крошечной Землѣ, но и во всей вселенной; оно свидѣтельствуетъ еще о томъ, что эта жизнь и ея представители должны быть различныхъ степеней совершенства, потому что сами планеты и условія жизни на нихъ весьма различны въ смыслѣ совершенства. Отсюда открывается гармоническая система вселенной, которая представляетъ не беспорядочное скопленіе небесныхъ шаровидныхъ тѣлъ, одаренныхъ жизнью, а стройную систему постепеннаго развитія и совершенствованія населяющихъ ихъ индивидуумовъ. Все это свидѣтельствуетъ о единствѣ нашей земли со всей вселенной и, такъ сказать, о родствѣ ея обитателей съ обитателями всего міра. Но это еще не все. Обитаемость міровъ вселенной свидѣтельствуетъ о вѣчной или безсмертной жизни и, слѣдовательно, о безконечномъ совершенствованіи этой жизни, потому что начало міровъ теряется въ безконечно-

сти, причемъ одни изъ нихъ, совершивъ полную эволюцію, исчезаютъ, другіе нарождаются; съ ними исчезаетъ и ихъ органическое населеніе, а жизнь все-таки не прекращается во вселенной.

Идея обитаемости міровъ высказывалась многими астрономами, философами и богословами. Такъ, напримеръ, Джордано Бруно въ своемъ сочиненіи: „Безконечность, вселенная и міры“; астрономъ Кеплеръ въ его „Астрономическомъ снѣ“; Фонтенель въ „Всѣгдахъ о множественности міровъ“; Вейгенъ въ „Космотеоросъ“; Ньель-Климъ въ „Путешествіи на планеты“; Вольфъ въ „Планетныхъ этюдахъ“; Гюдень въ „Книгѣ о вселенной“; анонимный авторъ „Открытій, сдѣланныхъ на лунѣ астрономомъ Гершелемъ въ 1835 г.“; Буаторъ въ „Описаніи планетъ“; Бревстеръ въ сочиненіи „Міръ не одинъ“; Викторіенъ Сарду въ статьѣ „Объ обитаемости планеты Юпитеръ“, въ Revue Spirite за 1858 г. Г. Парвилъ въ книгѣ „Житель планеты Марсъ“; Бланки въ „Вѣчности Звѣздъ“.

Новѣйшія астрономическія наблюденія не отвергаютъ этой идеи; напротивъ, они даютъ очень многое для ея подтвержденія; и чѣмъ совершеннѣе дѣлались способы наблюденія, чѣмъ лучше изготовлялись телескопическія стекла, особенно же, фотографированіе небесныхъ тѣлъ, — тѣмъ это подтвержденіе великой идеи дѣлалось подробнѣе и ярче.

Вопросъ объ обитаемости планетъ нашей солнечной системы, о развитіи на нихъ органической жизни былъ поставленъ на научную почву въ новѣйшее время тремя извѣстными всему міру астрономами: французскимъ — Камилломъ Фламмаріономъ, англійскимъ — Персивалемъ Лауслемъ и итальянскимъ — Скьяпарелли. Я приведу краткія свѣдѣнія о ближайшей къ намъ и наиболѣе изслѣдованной въ этомъ отношеніи планетѣ Марсъ.

К. Фламмаріонъ ¹⁾ говоритъ о замѣчательныхъ ана-

* См. «Ребусъ» за 1915 г.

¹⁾ Les terres du Ciel и La planète Mars.

логіяхъ между міромъ Марса и тѣмъ, въ которомъ мы живемъ; замѣчательныя аналогіи между этими двумя мірами допускаютъ и тамъ два отдѣла: животный и растительный.

Поверхность планеты состоитъ изъ громадныхъ желтовато-красныхъ пятенъ, перерѣзанныхъ зеленовато-сѣрыми и темно-синими участками. Пятна эти сохраняютъ неизмѣнно свою форму и взаимное положеніе. На полюсахъ Марса замѣчаются блестящія бѣлыя пятна или шапки; онѣ бываютъ то больше, то меньше и иногда совсѣмъ исчезаютъ, что находится въ связи съ временами года. Когда одинъ изъ полюсовъ послѣ зимы поворачивается къ солнцу, онъ бываетъ покрытъ круглой бѣлой шапкой, величина которой уменьшается съ приближеніемъ къ лѣту. Все это приводитъ къ убѣжденію, что полярныя пятна суть снѣжные покровы. Дѣйствительно, сходство этихъ явленій съ подобными же явленіями на землѣ столь поразительно, что до послѣдняго времени не являлось сомнѣнія въ ихъ тождественности. На землѣ полярныя страны также покрыты зимою блестящимъ бѣлымъ покровомъ, размѣры котораго сокращаются по мѣрѣ того, какъ солнце подымается, и достигаютъ точно также наименьшей величины, спустя значительный промежутокъ времени послѣ начала лѣта. Извѣстный итальянскій астрономъ Скьяпарелли и съ нимъ другіе знатоки Марса считаютъ желтыя или оранжевыя области суши; а синія—морями. Желтыя области размѣрами далеко превосходятъ синія. Если первыя дѣйствительно представляютъ сушу, то поверхность, занятая морями на Марсѣ значительно меньше суши; на землѣ наоборотъ. По мнѣнію Пиккеринга болѣе свѣтлыя, сѣро-зеленоватыя области представляютъ не постоянную сушу, или море, но бываютъ попеременно тѣмъ и другимъ; онѣ часто мѣняютъ форму и окраску. Пиккерингъ указываетъ на тотъ фактъ, что если смотрѣть на зелень земного ландшафта съ горы, то она будетъ казаться менѣ зеленой, чѣмъ вблизи; если же на нее упадетъ тѣнь облака или тумана, то окраска переходитъ въ однообразный сѣрый топь. Нѣчто подобное наблюдается и на Марсѣ. Окраска и неизмѣняемость материковъ указываютъ на то, что здѣсь мы имѣемъ образованія, родственныя красноватымъ пустынямъ нашей земли. Нѣкоторые астрономы держатся того взгляда, что такъ называемыя моря суть глубже лежащія сухопутныя области, низины, куда прежде всего стекаетъ образовавшаяся отъ таянія снѣга вода, которая каждое лѣто, подобно разливу Нила, дѣлаетъ плодородной болотистую почву. Темнымъ цвѣтомъ эти области обязаны не водѣ, но растительности, которая мѣняется въ окраскѣ съ перемѣной временъ года. Марсъ является міромъ, бѣднымъ водою; вся жизнь его сосредоточивается въ морскихъ бассейнахъ, которые нѣкогда были наполнены водою, а нынѣ заливаются отъ времени до времени. Явленія, наблюдаемыя на поверхности Марса свидѣтельствуютъ о томъ, что это небесное тѣло пользуется умѣренной температурой, климатомъ и временами года, мало различающимися отъ земныхъ. Сутки содержатъ 24 часа 39 минутъ. Годъ въ два раза длиннѣе Земнаго, поэтому и времена года вдвое длиннѣе нашихъ. Наклоненіе оси къ эклиптикѣ почти такое же. Атмосфера чище, чѣмъ на землѣ, рѣже и выше. Облака и дожди рѣдки; сильныхъ бурь вовсе не замѣчается.

Замѣчательное явленіе представляютъ каналы на Марсѣ. Такъ называются голубовато-сѣрыя полосы отъ

800—4000 верстъ длины, при очень различной ширинѣ, обыкновенно *прямыя*, или слегка согнутыя; пересѣкаясь между собою подъ разными углами, эти полосы соединяютъ континенты и раздѣляютъ моря. Первая мысль при видѣ этихъ сѣтей та, что онѣ суть результатъ работы разумныхъ существъ. Астрономъ Скьяпарелли, открывшій каналы на Марсѣ, замѣчаетъ, что цвѣтъ ихъ приблизительно такой же, какъ и морей, иногда свѣтлѣе. Каждый каналъ впадаетъ обоими концами въ море, или въ другой каналъ.

Извѣстный берлинскій астрономъ Вильгельмъ Мейеръ ¹⁾

¹⁾ В. Мейеръ. *Мірозданіе*.

подтверждаетъ мнѣніе Фламмаріона о природѣ каналовъ Марса. «Каналы эти», говоритъ онъ,—самое удивительное изъ всего, что только можно наблюдать на поверхности Марса. Они идутъ прямолинейно черезъ сушу, начинаясь въ одномъ морѣ и оканчиваясь въ другомъ; никогда каналъ не оканчивается среди суши, никогда не дѣлаетъ извилинъ. Виѣшній видъ его не имѣетъ даже отдаленнаго сходства съ русломъ рѣки и образуетъ съ другими удивительную систему соединеній. Съ нашей земной точки зрѣнія трудно представить болѣе цѣлесообразную систему, систему сообщенія водныхъ бассейновъ. Такъ какъ у насъ, на землѣ природа не создаетъ ничего, что подходило бы такъ къ условіямъ легчайшаго сообщенія, то при взглядѣ на эту развѣтвленную систему линий, является мысль, что она *искусственна*.

Далѣе,—судя потому, что сѣть каналовъ (будутъ ли это водяные, или сухопутныя пути) покрываетъ всю планету по единому странному плану, что эта сѣть видна на громадномъ разстояніи (16.000.000 верстъ), мы приходимъ къ убѣжденію, что только единеніе всѣхъ существъ для единой цѣли могло произвести такую систему. Но, объединяющую силу, которая связываетъ группы существъ для общихъ дѣйствій, мы называемъ волею, руководимою разумомъ или инстинктомъ, свойственнымъ живымъ организованнымъ индивидуумамъ. Таковы выводы изъ наблюденій астронома профессора Мейера.

Всѣ эти догадки объ органической жизни на Марсѣ дополнены и приведены въ стройную систему, отличающуюся удивительной законченностью, извѣстнымъ англійскимъ астрономомъ профес. *Персивалемъ Лоуелемъ*, который въ теченіи 15 лѣтъ изучалъ поверхность Марса въ своей обсерваторіи, построенной имъ на Мексиканскомъ плоскогоріи въ Америкѣ, отличающемся замѣчательной ясностью и прозрачностью воздуха. Его наблюденія резюмированы въ сочиненіи „*Марсъ и жизнь на немъ*“. Вотъ краткое резюме изслѣдованій этого ученаго, свидѣтельствующее о жизни на планетѣ Марсѣ.

«Всякая теорія, чтобы считаться состоятельной, должна удовлетворять двумъ условіямъ: она не должна противорѣчить ни одному изъ фактовъ той области, которую охватываетъ, и должна давать руководящую нить для объясненія всѣхъ наблюдаемыхъ явленій.

Сперва совокупность фактическихъ данныхъ должна навести насъ на догадку; а затѣмъ эта догадка должна оказаться въ состояніи объяснить факты.

Хотя, въ общихъ чертахъ, ходъ развитія земли и Марса былъ одинаковый; но въ конечномъ результатѣ Марсѣ, вслѣдствіе своей меньшей массы, долженъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаться отъ земли. Во 1) поверхность его

должна быть ровнее земной, 2) океаны его должны быть сравнительно меньше, 3) атмосфера его рѣже. Эти три признака въ точности подтверждаются наблюдениемъ въ телескопъ. 1) Поверхность планеты оказывается необыкновенно ровной, совершенно лишенной горъ; 2) океаны ея въ прошломъ покрывали, самое большее $\frac{3}{8}$ поверхности, а не $\frac{3}{4}$, какъ на землѣ; 3) воздухъ на Марсѣ отличается сравнительной разреженностью.

Далѣе, потеря теплоты вслѣдствіе меньшей массы Марса должна была вызвать болѣе раннюю старость его, которая должна обнаружиться болѣе полнымъ высыханиемъ океановъ нѣкогда покрывавшихъ его, и болѣе широкимъ распространениемъ пустынь. Телескопическія наблюдения подтверждаютъ наличность этихъ двухъ особенностей: 1) на поверхности Марса теперь уже нѣтъ океановъ 2) $\frac{3}{8}$ ея заняты пустынями.

Итакъ, картина, представляемая въ настоящее время Марсомъ, подтверждаетъ принципы планетной эволюціи.

Два болѣе существенныхъ условій обитаемости суть: вода и тепло.

Вода обнаруживается въ полярныхъ покровахъ Марса; эти полярныя бѣлыя пятна, на подобіе шапокъ одѣвающихъ полюсы Марса служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ присутствія воздуха. Ихъ положеніе, прѣрость и убыль въ зависимости отъ смѣны времени года наводятъ на мысль, что эти образованія представляютъ полярныя снѣга, которые накапливаются въ теченіе марсовой зимы и таютъ съ наступленіемъ марсовой весны. Это положеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что когда полярное пятно таетъ, оно опоясывается темно-синей лентой, болѣе темной, чѣмъ остальные сине-зеленыя пятна на дискѣ. Этотъ поясъ перемежается вмѣстѣ со снѣгомъ по мѣрѣ сокращенія послѣдняго, неотступно сопровождая его. Около тающего снѣга образуется поясъ воды.

Температура Марса не только не исключаетъ возможности жизни, но вполне благоприятна для нея. Въ самомъ дѣлѣ, климатъ Марса оказывается климатомъ съ рѣзкими періодами, съ жаркимъ лѣтомъ, по нашему—континентальный. Изслѣдованія на землѣ показываютъ, что для существованія животныхъ рѣшающее значеніе имѣетъ температура жаркаго времени года, тогда какъ холода страшны не столько для животныхъ, сколько для растений. Въ присутствіи же растений убѣждаетъ видъ диска. Разсматривая его, мы замѣчаемъ явленія, которыя могутъ быть объяснены только какъ вегетация.

Разсмотрѣнныя полярныя шапки и температура свидѣтельствуютъ о томъ, что въ составъ атмосферы Марса входитъ водяной паръ. Но водяной паръ есть легчайшая составная часть воздуха и, слѣдовательно, труднѣе удерживается на поверхности планеты. Присутствіе его въ газовой оболочкѣ планеты представляетъ своего рода гарантію, что менѣе летучіе товарищи его—азотъ, кислородъ и углекислый газъ тоже находятся тамъ. Это одностороннее теоретическое доказательство существованія этихъ важныхъ газовъ въ атмосферѣ планеты ставится на прочное основаніе явленіями сине-зеленыхъ областей на поверхности Марса. По своей формѣ и по цвѣту эти области должны были казаться первымъ наблюдателямъ Марса морями и океанами. Даже Скьяпарелли придерживался этого взгляда. Но при болѣе тщательномъ наблюденіи въ этихъ моряхъ

обнаружились различія въ цвѣтѣ и въ этихъ различіяхъ—варианціи. Наблюденіе показало несомнѣннымъ образомъ, что большія площади, иногда въ теченіе немногихъ недѣль становятся болѣе свѣтлыми. Большая часть поверхности всего южнаго полушарія планеты мѣняла не только отблескъ, но даже окраску и облекалась въ другой цвѣтъ въ поразительно короткій срокъ, причемъ это не сопровождалось соответственнымъ потемнѣніемъ какой-нибудь другой области. Значитъ, это не жидкость. Въ самомъ дѣлѣ, если бы измѣненіе цвѣта являлось слѣдствіемъ какого-нибудь незамѣтнаго перехода вещества изъ одной области въ другую, то послѣдняя должна была бы приобрести то, что потеряла первая. Спрашивается, что же представляютъ эти синезеленыя области? Если наблюдать ихъ въ различные моменты и зарисовывать послѣдовательный видъ ихъ, то сравненіе съ очевидностью покажетъ, что метаморфозы, претерпѣваемые этими областями періодичны и что ихъ періодъ равенъ планетному году. Такимъ образомъ причина этихъ измѣненій кроется въ смѣнѣ времени года, т. е. зависитъ отъ солнца. Эти области тускнѣютъ во время зимы, когда дѣйствіе солнца болѣе слабо; а время ихъ наибольшей яркости совпадаетъ съ серединой лѣта.

Насколько извѣстно, есть одно лишь явленіе, которое находится въ подобной зависимости отъ солнца и обнаруживаетъ свою подчиненность ему смѣной цвѣта переходящаго изъ синезеленаго въ желтый. Это явленіе—*растительность*. Первый цвѣтъ говоритъ о весеннемъ расцвѣтѣ зелени; второй—о томъ, что листва высохла и пожелтѣла совершенно такъ, какъ это бываетъ на землѣ съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ. Въ такомъ же видѣ должна бы намъ представляться наша родная земля, если бы мы наблюдали изъ пространства, какъ она мѣняетъ свои цвѣта съ переменной времени года. Такимъ образомъ условія на Марсѣ оказываются благоприятными для обоихъ великихъ царствъ живой природы, изъ которыхъ растительное непосредственно обнаруживается передъ нашими глазами сезоннаго смѣной окраски диска.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы увидѣть на планетѣ непосредственно проявленія животной жизни на разстояніи 45.000.000 верстъ. Жизнь можетъ обнаружиться лишь совершенно другимъ путемъ. Не тѣло живыхъ существъ могло бы выдать тайну ихъ существованія, но проявленіе *ихъ разума*. Работникъ другого міра могъ бы открыться въ вещественныхъ измѣненіяхъ на поверхности планеты, произведенныхъ властью его разума надъ веществомъ.

Мы лучше уяснимъ себѣ это, разсмотрѣвъ, что говорить намъ опытъ нашей собственной планеты.

Исторія земли доказываетъ, что изобрѣтательность ума человѣка указала ему средства, съ помощью которыхъ ему суждено было завоевать земной шаръ. Настоящая исторія человѣка заключается не столько въ борьбѣ его съ себѣ подобными, сколько въ неустанномъ подчиненіи себѣ всѣхъ животныхъ и въ истребленіи всего остального. Затѣмъ онъ началъ подчинять своимъ цѣлямъ самыя силы природы. Этотъ процессъ завоеванія, измѣняя ликъ земли сообразно цѣлямъ человѣка, оставляетъ на своемъ пути слѣды, по которымъ можно прочесть его повѣсть. Онъ вырубилъ лѣса, провелъ каналы, построилъ пути сообщенія. Придетъ время, когда вся земля будетъ носить печать человѣка и

только его одного; на ней останется жить лишь то, что онъ пожелаетъ оставить и самый ландшафтъ превратится въ твореніе рукъ человѣческихъ.

Наши выводы относительно земли могутъ быть приложимы и къ другимъ планетамъ. И тамъ мы могли бы удостовѣряться въ существованіи живыхъ существъ, если бы ихъ дѣянія наложили свою печать на ихъ поверхность. Онъ открылся бы намъ не тѣмъ, что онъ есть, а тѣмъ, что онъ сдѣлалъ.

На дискѣ Марса оказываются такія особенности, которыя могли быть созданы только разумными существами: *это каналы и оазисы*. Наблюдателя поражаютъ эти линіи и точки и чѣмъ больше онъ изучаетъ ихъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, которое онъ производитъ, — впечатлѣніе чего-то, не принадлежащаго самой природѣ. Неестественная правильность, открытая наблюденіемъ, сказывается во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ этимъ линіямъ: въ ихъ поразительной прямолинейности, въ изумительной равномерности ихъ на всемъ протяженіи, въ чрезвычайной тонкости и длинѣ. Что касается ихъ ширины, то, чѣмъ благоприятнѣе были условія ихъ наблюденія, тѣмъ они оказывались все уже. Тщательныя наблюденія Флагстаффской обсерваторіи показали, что самые узкіе изъ нихъ имѣютъ, повидимому, не болѣе двухъ километровъ ширины ($1\frac{7}{8}$ версты). Что столь тонкая линія все еще видима глазу, обусловливается ея длиною. Сохраняя на всемъ протяженіи неизмѣнную ширину, каналы чрезвычайно различны между собою по длинѣ. Нѣкоторые имѣютъ не болѣе 400 кил. (375 в.); другіе достигаютъ 5.500 кил. (5.150). По относительной длинѣ его можно сравнить съ прямой линіей, соединяющей Лондонъ съ оз. Байкаломъ или Бостонъ съ Беринговымъ проливомъ. Эти многочисленныя линіи каналовъ образуютъ сочлененное цѣлое. Получается такая картина, какъ-будто весь дискъ оплетенъ кружевомъ сложнаго и изящнаго рисунка, покрывающимъ ликъ планеты. По словамъ Скиапарелли этотъ рисунокъ имѣетъ такой видъ, какъ-будто онъ выполненъ съ линейкой и циркулемъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно провести линіи съ большей точностью или съ большей тщательностью пригнать ихъ одну къ другой. Не только ни одна изъ нихъ не обрывается на полпути, чтобы исчезнуть, какъ рѣки въ пустынѣ, въ огромной пустотѣ желтыхъ пространствъ, но всѣ онѣ всегда очень дружно стремятся сойтись другъ съ другомъ въ опредѣленныхъ пунктахъ; къ этимъ узловымъ точкамъ онѣ направляются съ такой же пунктуальностью въ пространствѣ, съ какой наши поѣзда согласуются во времени. Не двѣ или три линіи соблюдаютъ эту точность: всѣ безъ исключенія аккуратно сходятся изъ далекихъ пунктовъ къ своимъ центрамъ. Много лѣтъ — точнѣе говоря, въ теченіе всего періода наблюденій великаго итальянскаго астронома — предполагали, что область распространенія каналовъ ограничивается свѣтлыми или оранжеватыми пространствами диска. Но въ 1894 г. Дегласъ на Флагстаффской обсерваторіи открылъ системы каналовъ, изрѣзывающихъ синезеленыя области подобно сѣти, покрывающей оранжевыя пространства. Дальнѣйшія работы выяснили тотъ многозначительный фактъ, что эти линіи имѣютъ продолженія въ водѣ соединительныхъ вѣтвей къ полярнымъ снѣгамъ. Значитъ система каналовъ покрываетъ поверхность всей планеты, доходя до границъ полярныхъ шапокъ. Первое

обстоятельство указываетъ характеръ всеобщности каналовъ; а второе — даетъ ключъ къ происхожденію системы.

Но это еще не все. Такъ какъ нѣкогда, такъ называемыя, моря были морями не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ, то наложеніе каналовъ должно было произойти уже послѣ того, какъ моря перестали быть морями; нельзя же допустить, что эти линіи были начертаны на водѣ и все же ихъ можно видѣть и теперь. Такимъ образомъ мы располагаемъ не только данными о происхожденіи каналовъ, но и датой, опредѣляющей, къ какому времени оно относится. Эта дата знаменуетъ собою позднюю эру въ развитіи планеты, болѣе позднюю, чѣмъ всѣ стадіи, которыя уже прошла земля. Этимъ объясняется трудность пониманія каналовъ: на нашей планетѣ мы еще не имѣемъ ничего подобнаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И О П У Т И.

Нельзя развиваться и расти духовно, пренебрегая или относясь отрицательно къ своимъ земнымъ обязанностямъ и вообще къ дѣламъ земного строительства. Иногда — на первый взглядъ — эти дѣла стоятъ какъ бы въ противорѣчій съ высокими духовными тяготѣніями и настроеніями и даже законами духовнаго развитія, но это не такъ, это только наше недопониманіе. Мы воплотились на землѣ именно для того, чтобы реализовать, такъ сказать, воплотить всѣ наши отрицательныя стороны, недостатки, пороки, пожать горькіе плоды ихъ и, понявъ и осудивъ ихъ, сумѣть освѣтить дѣла свои высшимъ разумомъ и знаніемъ. Человѣкъ, который успѣлъ сдѣлать въ себѣ такое пониманіе, уподобится соли, осоляющей то дѣло, какое онъ призванъ дѣлать — ту работу, обязанность, ту тропинку земную, на которой волею Бога онъ стоитъ. Разумѣется, мы говоримъ о дѣлахъ строительства земного, а не о преступленіяхъ и не о дѣяніяхъ, злой волею человѣка предиктованныхъ.

Очень многіе люди склонны объяснять многія способности психическія или «дары духа» воображеніемъ, фантазіей, иллюзіями. Но что же такое воображеніе, фантазія? Этими особенностями изобилуютъ умъ и душа поэтовъ, скульпторовъ и — прозорливцевъ. Воображеніе есть предчувствіе вещей и событій и потому нерѣдко о такихъ людяхъ, геніяхъ и артистахъ, говорятъ: «Онъ былъ впереди своего вѣка». Что эта фраза означаетъ — если она не означаетъ предвидѣнія и ясновидѣнія, — трудно догадаться.

Мы читаемъ въ англійскомъ журналѣ „Light“ буквально слѣдующее:

— Докторъ Джонъ Клиффордъ въ своей рѣчи въ Вест-бурнъ-Паркъ-Чапелъ заявилъ, что очень немногіе въ настоящую минуту еще сомнѣваются, надлежало ли намъ ввязаться въ титаническую борьбу, а эти немногіе сомнѣвающиеся всѣ безъ исключенія люди съ *извращенными* умами, всегда готовые осуждать свое правительсство и свою родину. Мы боремся за человѣчность и за честь человѣчества. Однако, должны помнить, что слѣдуетъ отличать орудіе, которымъ мы боремся, отъ причины, во имя которой боремся.

Въ газетѣ „Daily News“ помѣщена слѣдующая замѣтка:

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сэръ Оливеръ Лоджъ публично произнесъ: «Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые умершіе друзья мои продолжаютъ жить, потому что я говорилъ съ ними. Сообщение возможно. Заявляю вамъ со всей силою моего убѣжденія, что люди переживаютъ смерть, что они продолжаютъ интересоваться земными событіями, отлично знаютъ о нашихъ дѣлахъ и поступкахъ и могутъ иногда входить съ нами въ общеніе». — Весь міръ былъ заинтересованъ этимъ заявленіемъ, и вотъ въ настоящее время, какъ сообщаютъ англійскія газеты, этотъ великій ученый готевится опубликовать тѣ научныя обоснованія, которыя послужили базисомъ для его убѣжденности. Сэръ Оливеръ Лоджъ, какъ утверждаютъ, имѣетъ повѣдать міру «чрезвычайной важности факты». Начавъ скептически или, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія агностика свои научныя изысканія, онъ постепенно достигъ увѣренности сначала въ несомнѣнномъ переживаніи душою смерти, а затѣмъ, уже совсѣмъ недавно, въ возможность сообщенія съ инымъ міромъ. Ожидаемая съ жгучимъ нетерпѣніемъ книга сэра Оливера должна появиться въ Англии въ самомъ не продолжительномъ времени.

Въ будущемъ № нашего журнала начинается печатаніе знаменитой рѣчи профессора Оливера Лоджа, произнесенной имъ въ Британской Ассоціаціи наукъ въ 1913 году по случаю избранія его въ председатели названнаго ученаго общества.

Широкими рѣзкими штрихами Оливеръ Лоджъ обрисовываетъ въ своей рѣчи контуры или границы, въ которыхъ работаетъ и вращается научная мысль современнаго человечества. Эта рѣчь — зеркало современной науки и въ одно и то же время и философія науки во всѣхъ ея отдѣлахъ. И вотъ, безтрепетной рукой знаменитый ученый сводитъ всѣ лучи и аспекты научной мысли къ этому зеркалу и показываетъ, что реальныхъ знаній и пониманія истинной души вещей и явленій человѣкъ доселѣ еще не имѣетъ и долго еще не будетъ имѣть. Правда, есть положительныя штрихи въ его знаніяхъ, но они являются пока лишь основами и предпосылками для будущихъ новыхъ воззрѣній на сущность природы и жизни — т. е., штрихи эти достояніе будущаго, не болѣе.

Окидывая критическимъ взглядомъ и оцѣнивая фундаментальныя данныя современной науки, Лоджъ въ конечномъ выводѣ приходитъ лишь къ одному достовѣрному, по его мнѣнію, положенію: за многообразіемъ познаваемыхъ и узнаваемыхъ человѣкомъ явленій и вещей лежитъ неизмѣнная пребывающая во всѣхъ величина — *Духъ!* И эту реальность Лоджъ считаетъ единственно достовѣрной изъ всего, что можетъ узнать человѣческой умъ.

Въ изображеніи Лоджа познающей субъектъ, восходя все къ болѣе и болѣе широкимъ представленіямъ о вещахъ и явленіяхъ внѣшняго міра, въ концѣ концовъ, неудержимо влечется къ единому постулату: къ признанію бытія Духа какъ истинной сущности всего. Жизнь есть проявленіе энергіи духовной; сознаніе — тѣмъ болѣе. Индивидуальные аспекты духа, проявившаго себя въ матеріи въ формахъ ея — также индивидуально-пребывающіи и уничтоженіе формъ проявленія есть эпизодъ въ жизни индивидуальнаго духа. Другими словами, человѣкъ-духъ — о безсмертенъ; смерть

лишь смѣна формы бытія, выступленіе на планъ высшихъ энергіи, высшихъ возможностей, при чемъ индивидуальность — личность духовная остается сама собою и можетъ даже поддерживать сношенія съ низшимъ міромъ, изъ котораго она выступила; другими словами: возможно сообщеніе между живущими на землѣ и между тѣми, кого мы привыкли называть умершими.

Само собою разумѣется, что подобная концепція, которую Лоджъ развиваетъ во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ работахъ, во всеобщее свѣдѣніе совершенно непріемлема умами позитивными — матеріалистическими. Вполнѣ естественно поэтому то высоконаучное негодование съ какимъ была встрѣчена рѣчь Лоджа на континентахъ. Въ Англии къ ней отнеслись съ уваженіемъ, какъ къ произведенію и интуиціи гениальнаго человѣка, а у насъ Лоджа объявили анархистомъ и еретикомъ науки.

До какого научнаго цинизма могутъ доходить въ подобныхъ случаяхъ научные (если можно такъ выразиться) дѣятели, видно изъ примѣра русскаго научнаго журнала «Физическое Обзоріе», который безъ малѣйшаго анонса и предупрежденія напечаталъ лишь первую треть рѣчи Лоджа, въ виду ея громадной научной авторитетности. Но далѣе этотъ ученый журналъ не могъ переварить концепцій Лоджа и остальныхъ двухъ третей не напечаталъ, предоставляя, такимъ образомъ, читателю предполагать, что знаменитая рѣчь Лоджа только изъ этой трети и состоитъ. Да и вообще ни одинъ изъ научныхъ журналовъ не рискнулъ напечатать цѣликомъ всей рѣчи Лоджа, но ругали ее всѣ. Особенно забавны lamentаціи и критики профессора Тимирязева въ «Вѣстн. Европы» за 1914 годъ.

Непосредственно къ намъ, къ вопросамъ нашего журнала имѣетъ отношеніе лишь одна послѣдняя треть, которую можно было бы озаглавить отдѣльно «Отъ матеріи къ Духу», но мы печатаемъ всю рѣчь, не желая подражать гг. ученымъ въ ихъ некультурномъ отношеніи къ мыслямъ великаго ума. Поэтому заранѣе просимъ читателя запастись терпѣніемъ и пропустить первую половину рѣчи, такъ какъ она касается вопросовъ спеціальныхъ. Вторая же половина относится непосредственно къ намъ и будетъ прочитана всѣми нашими читателями, несомнѣнно, съ громаднымъ и живымъ интересомъ и, кромѣ того, за нашимъ журналомъ, а слѣдовательно и за читателями его, останется крупная заслуга: выпускъ всей рѣчи Лоджа въ полномъ переводѣ *единственнымъ въ Россіи.*

Итакъ, мы обращаемъ вниманіе читателей, главнымъ образомъ на вторую половину рѣчи, гдѣ говорится о жизни, о сознаніи, о духѣ и о безсмертіи.

КАКЪ УСТРОИТЬ МЕДИУМИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ И РУКОВОДИТЬ СЕАНСАМИ.

В. С. Мозесъ *).

Если вы желаете узнать, дѣйствительно ли медиумизмъ есть не что болѣе, какъ обманъ или фокусничество, дайте себѣ трудъ лично испытать его. Если вы можете обра-

*) В. С. Мозесъ — профессоръ Кембриджскаго университета, основатель «Лондонскаго Общества для изслѣдованія явленій Психизма», основатель Лондонскаго «Союза Спиритуалистовъ»; самъ былъ выдающимся медиумомъ. Книга его «*Ученіе духовъ*» переведена и напечатана въ «Рѣбусѣ» за 1908 г.

таться къ какому-либо опытному спириту, на добросовѣстность котораго можно положиться, лучше всего спросить у него совѣта и указаній; и если у него есть частный кружокъ, попросите позволенія присутствовать хотя на одномъ сеансѣ, чтобы видѣть, какъ слѣдуетъ вести дѣло и чего можно ожидать. Однако, обыкновенно бываетъ очень трудно получить доступъ въ частный кружокъ, и вамъ надо, главнымъ образомъ, основываться на опытахъ, производимыхъ въ вашемъ семейномъ кругу или среди вашихъ друзей, не допуская туда никого изъ постороннихъ. Составьте кружокъ отъ четырехъ до восьми лицъ, на половину (или по крайней мѣрѣ изъ двухъ) отрицательнаго или пассивнаго темперамента и предпочтительно женскаго пола, остальные болѣе положительнаго типа. Садитесь, положительный и отрицательный попеременно, при уменьшенномъ свѣтѣ, вокругъ непокрытаго стола подходящей величины и заручитесь напередъ спокойствіемъ, т. е. чтобы вамъ не мѣшали. Положите ладони рукъ ладонями на поверхность стола. Руки сидящихъ могутъ и не соприкасаться, хотя, болѣею частью, это такъ дѣлается.

Не сосредоточивайте слишкомъ вниманія на ожидаемыхъ явленіяхъ. Ведите оживленный, но не легкомысленный разговоръ. Избѣгайте споровъ и разсужденій. Скентецизмъ не препятствуетъ, но ожесточенный духъ оппозиціи въ лицѣ съ сильною волею можетъ совершенно парализовать явленія или сильно мѣшать имъ. Если разговоръ не вяжется, то музыка бываетъ весьма полезна, если она всѣмъ пріятна, и не такого рода, что дѣйствуетъ раздражающе на чуткое ухо. Терпѣніе необходимо и случается такъ, что приходится собираться разъ 10—12, съ короткими промежутками, причѣмъ произойдетъ что-нибудь. Если и послѣ этого времени у васъ ничего не выходитъ, то составьте новый кружокъ. Часть времени долженъ быть предѣломъ для неудачнаго сеанса. Если столъ начинаетъ двигаться, уменьшите давленіе на его поверхность настолько, чтобы быть увѣреннымъ, что вы не способствуете его движенію. По прошествіи нѣкотораго времени вы, по всей вѣроятности, найдете, что движеніе стола продолжается и въ томъ случаѣ, когда руки держатъ надъ столомъ, не касаясь его. Не пробуйте, однако, это дѣлать, пока движеніе не станетъ весьма опредѣленнымъ, и не спѣшите получать сообщенія.

Когда, по вашему мнѣнію, настало для этого время, пусть кто-нибудь станетъ во главѣ кружка и ведетъ переговоры. Объясните дѣйствующей силѣ, что было бы желательно установить условные знаки и попросите его обозначать наклонами, когда, медленно называя всѣ буквы по порядку, вы будете произносить тѣ изъ нихъ, которыя ей нужны для составляемаго ею слова. Обыкновенно одинъ ударъ означаетъ нѣтъ, три—да, а два выражаетъ сомнѣніе или неизвѣстность.

Когда установится удовлетворительное сообщеніе, спросите, хорошо ли вы сидите и, если нѣтъ, спросите, въ какомъ порядкѣ вамъ сѣсть. Послѣ этого спросите, кто говорить съ вами (т. е. какъ называетъ себя говорящая съ вами разумная сила), кто въ кружкѣ медиумъ, и другія вещи въ томъ же родѣ, т. е. имѣющія отношеніе къ сеансу. Если произойдетъ путаница, приписывайте ее затруднительности, съ которой вначалѣ регулируется движеніе. Терпѣніе преодолѣетъ это. Если вы уже пришли къ

убѣжденію, что можно разговаривать съ разумною личностью, отдѣльной отъ всѣхъ присутствующихъ, то вы уже приобрѣли многое. Стуки тоже могутъ служить условными знаками.

Въ такомъ случаѣ, установите тотъ же порядокъ и когда стуки будутъ ясны, попросите, чтобы они раздавались въ столѣ или въ такой части комнаты, гдѣ они не могутъ происходить отъ естественныхъ причинъ, но избѣгайте всякаго нарушенія или ограниченія свободы дѣйствій. Предоставьте сообщающейся силѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Отъ участвующихъ, обыкновенно, зависитъ, что сообщенія бываютъ возвышенны, фривольны или даже ложны.

Если вы замѣтите попытку погрузить медиума въ трансъ или появленія будутъ принимать болѣе рѣзкій характеръ, попросите, чтобы то и другое было отложено до тѣхъ поръ, пока вамъ не удастся заручиться присутствіемъ опытнаго спирита. Если ваша просьба не будетъ уважена—прекратите сеансы. Процессъ развитія трансоваго медиума таковъ, что можетъ смутить человѣка, незнакомаго съ этимъ дѣломъ или неимѣющаго въ этомъ дѣлѣ опытности. Наконецъ, обсудите полученные вами результаты, подвергая ихъ критикѣ. Старайте сохранять равновѣсіе ума и ясное сужденіе. Не вѣрьте всему тому, что вамъ будетъ сказано, потому что если въ обширномъ невидимомъ мірѣ есть много мудрыхъ и разсудительныхъ умовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ есть и скопленіе человѣческой глупости, тщеславія и заблужденія, и послѣднее ближе къ намъ, нежели то, что мудро и хорошо. Не довѣряйте частому употребленію великихъ именъ. Никогда, ни на одно мгновеніе не переставайте руководиться собственнымъ смысломъ. Не приступайте къ такому важному изслѣдованію ради пустого любопытства или легкомыслія. Развивайте въ себѣ горячее стремленіе къ тому, что чисто, доброжелательно и истинно. Вы будете вознаграждены за это, если приобретете твердое убѣжденіе въ томъ, что существуетъ загробная жизнь, для которой чистая и хорошая жизнь до смерти служить самымъ лучшимъ и разумнымъ приготовленіемъ.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КІЕВСКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА ЗА 1915 ГОДЪ. *)

(Отъ 9 сентября по 23 декабря 1915 г.).

Въ 1-мъ академическомъ полугодіи 1915 года Кіевскій Спиритуалистическій Кружокъ началъ свои обычныя (по средамъ 7—11 час.) засѣданія 9-го сентября и закончилъ ихъ 23 декабря. За это время въ кружкѣ состояло 47 членовъ и посѣтило кружокъ 244 гостя. Всего засѣданій состоялось 16, изъ коихъ 2 были посвящены общимъ бесѣдамъ на различныя темы, затронутыя въ докладахъ членовъ Кружка. Докладовъ состоялось 14, а именно: И. А. Марцинчику—1, о личныхъ наблюденіяхъ въ области спиритуализма; В. В. Скибневскаго (члена Варшавск. психологич. Института)—1; источники подсознанія по д-ру Абрамовскому; Я. С. Токаржевскаго-Карашевича (конч. курсъ философск. факультета Фрейбургск. Университета)—1; о современномъ оккультизмѣ; А. Э. Печенева—1; о четвертомъ измѣреніи по воззрѣнію Успенскаго;

*) О прошлой дѣятельности Кіевск. Спир. Кружка просимъ прочесть: „Ребусъ“ 1913 г. № 14; 1914 — № 3; 1915—№№ 9 и 18.

О. А. Дудченко—3: о загадочных явлениях в с. Бучь; воззрения д-ра Папюса на оккультизм, О. О. Радецкого — 7: научные основы теории астрального тѣла; теория оболочек в философии Веданты; роль подсознания в спиритуализмѣ; личные наблюдения в области спиритуализма (о сеансахъ съ Самборомъ); значение символовъ в спиритуализмѣ. Нѣкоторымъ докладамъ по ихъ обширности отводилось по 2 среды. Обычно доклады возбуждали очень оживленный обменъ мыслей и интересные дебаты о прочитанномъ. Съ октября мѣсяца начались также, послѣ окончанія докладовъ и преній, — обычные практическія занятія для ознакомленія членовъ кружка и гостей съ правильной постановкой сеансовъ, ихъ техникой и для того, чтобы при помощи такихъ занятій отыскать медіумическіе организмы. И дѣйствительно — такой организмъ оказался и съ нимъ уже въ отдѣльномъ кружкѣ были произведены 2 сеанса, во время которыхъ были въ полу за медіумомъ и не только за нимъ, но и въ другихъ мѣстахъ — отчетливые стуки, а также появилось на очень недолгое время 2 свѣтовыхъ пятна — тоже за медіумомъ. О дальнѣйшихъ феноменахъ, если сеансы будутъ успѣшны, своевременно послѣдуетъ описание. Какъ и въ прошломъ году, Кружокъ отчислилъ изъ своихъ средствъ на рождественскія подарки войнамъ 100 р., которые вмѣстѣ съ еще пожертвованными 102 р. (всего 202 р.) были истрачены на посылку 30 мѣшковъ подарковъ на фронтъ черезъ Земскій союзъ (въ прошломъ году на пожертвованные и отчисленные Кружкомъ деньги было отослано 40 мѣшковъ), и также въ размѣръ 31 р. на помощь одному заболѣвшему члену Кружка. Библиотека Кружка увеличилась еще на 8 книгъ, такъ что теперь въ Кружкѣ 209 книгъ. По прежнему выписываются „Ребусъ“ и „Изида“. За вычетомъ всѣхъ расходовъ въ кассѣ Кружка — 281 р. 17 коп. Кромѣ того, кружокъ получилъ въ даръ отъ неизвѣстнаго лица прекрасный шкафъ для книгъ, за что кружокъ искренно благодаритъ жертвователя. Слѣдующее академическое полугодіе начинается 13-го января 1916 г. Засѣданія будутъ обычно по средамъ 7—11 час. веч. (Николаевская 11, кв. 18), и закончатся 27 апрѣля общимъ собраніемъ, послѣ чего Кружокъ разойдется на каникулы до сентября.

Предсѣдатель: О. О. Радецкій.
Секретарь: М. Н. Салтынова.

ВЪЩІЕ СНЫ.

— Въ исключительныхъ обстоятельствахъ нынѣшней войны, рассказываетъ от. Г. І. Шавельскій, — приходится испытывать иногда совсѣмъ особенныя переживанія. Нѣкоторыя изъ нихъ я отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ. Напримѣръ, въ ночь съ 14 на 15 августа я вижу во снѣ огромный черный крестъ, напоминающій своими очертаніями надмогильные кресты, который надвигается на меня и я не могу отойти. Я дрожу въ ужасѣ и просыпаюсь съ ощущеніемъ тяжелаго гнета на душѣ. Снамъ я вообще не придаю значенія, но на этотъ разъ настроеніе у меня было настолько тяжелое, что я рассказалъ о немъ кн. Щербатову и кн. Голицыну.

Въ ночь съ 15 на 16 августа я видѣлъ другой сонъ: стою я въ церкви, которая находится на углу улицы. Кто-то говоритъ мнѣ: „Пойте, несутъ чудотворную икону Божіей Матери“. Я вижу, что дѣйствительно въ концѣ улицы по направленію къ церкви движется большая толпа съ очень веселыми лицами и несутъ образъ Божіей Матери.

Сонъ этотъ былъ опять настолько ярокъ, и я проснулся съ такимъ подъемомъ настроенія, что нашелъ

нужнымъ также рассказать объ этомъ снѣ. Но ни перваго, ни втораго сна я не могъ связать съ какими-либо опредѣленными событіями.

17 августа утромъ я встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, который былъ очень тревожно настроенъ и сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній объ арміи Самсонова. Вечеромъ были получены первыя извѣстія, а 20 пришли, наконецъ, всѣ подробности о несчастіи съ арміей Самсонова, какъ разъ происшедшемъ 14 августа. Я и мои собесѣдники вспомнили сонъ о черномъ крестѣ, который совпалъ съ моментомъ тяжелаго несчастія.

25 мы узнали, что по Высочайшему повелѣнію изъ Троице-Сергиевской лавры двинулась и прибываетъ на фронтъ икона Божіей Матери, написанная на доскѣ отъ гроба святителя Сергія. Когда икона прибыла въ ставку и я ее встрѣчалъ, то въ моментъ встрѣчи передо мною во всей яркости всталъ мой второй сонъ, такъ какъ икона совершала именно тотъ путь, и толпа народа, провожавшая икону, такъ была расположена и настроена, была съ такими же выраженіями лицъ, какія я видѣлъ во второмъ моемъ снѣ.

Великій князь Николай Николаевичъ въ день прибытія иконы Божіей Матери въ ставку телеграфировалъ Государю Императору и выразилъ въ своей телеграммѣ вѣру въ то, что молитвенная помощь будетъ особенно благотворна для нашихъ военныхъ дѣлъ. Черезъ два часа послѣ того, какъ эта телеграмма была отправлена, пришли извѣстія о побѣдѣ подъ Львовомъ, давшей намъ 28.000 пѣнныхъ при 200 офицерахъ и 92 орудіяхъ.

Видѣвъ затѣмъ во время завтрака великимъ княземъ было получено извѣстіе о крупной побѣдѣ на французскомъ фронтѣ.

Въ дальнѣйшемъ отмѣчалось, что наиболѣе удачныя наши дѣла совпадали съ Богородичными праздниками.

У меня мелькнуло въ памяти извѣстіе о явленіи Божіей Матери въ облакахъ, видѣнномъ на фронтѣ, о чемъ въ свое время писали, и я спросилъ объ этомъ событіи от. Шавельскаго.

— Вы говорите о явленіи Богородицы въ Августовскихъ лѣсахъ, — да это явленіе, несомнѣнно, имѣло мѣсто. Видѣли его гатчинскіе кирасиры. Всякія попытки объяснить это явленіе тѣмъ, что лучъ прожектора случайно попалъ на придорожную икону, которыхъ много въ Западномъ краѣ, и затѣмъ отразился въ облакахъ и т. п., совершенно не выдерживаютъ критики. Объ этомъ было произведено официальное разслѣдованіе извѣстнымъ участникомъ японской войны свящ. Щербаковскимъ. Изъ этого разслѣдованія вы можете извлечь всѣ интересующія васъ подробности. Я только могу сказать, что это явленіе было и оно бесспорно.

Въ Барановичахъ, между прочимъ, мнѣ рассказывали железнодорожные служащіе, что передъ объявленіемъ войны они видѣли на западѣ бѣлый крестъ, который держался около получаса.

— Особья явленія и исключительныя переживанія, — закончилъ свою бесѣду от. Г. І. Шавельскій, — несомнѣнно есть, но самое главное и величайшее чудо нынѣшней войны — это глубокая, несокрушимая, ничѣмъ не колеблемая вѣра въ Бога, властно захватившая всѣ души, даже холодныя и отчужденныя отъ Церкви ранѣе, столь же несокрушимая и твердая вѣра въ конечную нашу побѣду. Но если бы вы знали, до какой степени ужасенъ по сравненію съ твердостью и непоколебимостью духа на боевой линіи вашъ тылъ и его настроенія...

(„Нов. Врем.“).

СЛУЧАЙ ВЪ СЕМЕЙСТВѢ АРТЕМЬЕВЫХЪ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался одинъ изъ сослуживцевъ К. П. Артемьева, человѣкъ совершенно одиновій. Это событіе ни на кого изъ членовъ семейства не произвело особеннаго впечатлѣнія, потому что умершій не былъ ни близкимъ человѣкомъ, ни другомъ и единственное его отношеніе къ самому К. П. было отношеніемъ человѣка благодарнаго за моральную и матеріальную поддержку, которую ему К. П. всегда посылно оказывалъ. Конечно, узнавъ о его смерти, о немъ поговорили, пожалѣли одинокаго переселенца по ту сторону бытія и могли бы, можетъ быть, вскорѣ совсѣмъ позабыть о немъ, если бы съ его смертью не связалось страннаго и довольно интенсивнаго явленія.

На третій день смерти этого лица, по словамъ дочери К. П., В. К. Артемьевой произошло слѣдующее: привожу цѣликомъ ея собственный рассказъ, который она любезно разрѣшила сообщить редакціи журнала «Ребусъ».

— Какъ разъ въ тотъ день никого изъ нашихъ не было дома. Папа долженъ былъ вернуться поздно вечеромъ, а мама не раньше обѣденнаго времени. Я оставалась во всей квартирѣ одна, да еще въ кухнѣ работала прислуга. Оба мои подростка-брата ушли и должны были вернуться тоже только вечеромъ. Не помню, чѣмъ я была занята, но находилась близъ прихожей. Вдругъ кто-то очень сильно, нетерпѣливо позвонилъ, дернувъ рукоятку проволочнаго старой конструкціи звонка. Меня это нисколько не удивило и я, находясь такъ близко къ дверямъ, тотчасъ же отправилась открывать ихъ. Каково же было мое удивленіе, когда я никого за дверями не нашла. Я собралась было, вернуться въ комнаты, но такой же громкій и рѣзкій звонокъ раздавался снова. Я опять пошла, открыла дверь и опять за нею никого не оказалось. Сначала я не испугалась, потому что у меня явилось подозрѣніе въ томъ, что кто-то шалитъ. Прежде всего я заподозрѣла своихъ братьевъ и рѣшила подкараулить ихъ. Для этого я притаилась за дверью и, приперевъ ее такъ, будто она заперта, держалась за ручку наготовѣ тотчасъ же распахнуть ее и поймать шалуновъ какъ только они позвонятъ. Вновь раздавался рѣзкій, громкій звонокъ, — и въ тотъ же мигъ я распахнула дверь. За нею не было никого. Я бросилась смотрѣть, нѣтъ ли на лѣстницѣ чьей-нибудь убѣгающей фигуры, но и на лѣстницѣ нигдѣ никого не было. И когда я убѣдилась, что дѣйствительно нигдѣ никого не было, мнѣ стало страшно. Я вернулась въ квартиру, пошла на кухню къ прислугѣ и рассказывала про все происшедшее, какъ вдругъ уже изъ кухни мы услышали нетерпѣливые звонки, одинъ за другимъ и вновь, уже вдвѣмъ, опять проверили явленіе — звонокъ *самъ* звонилъ! И какъ еще звонилъ! Звонилъ уже непрерывно, бѣшено. На насъ обѣихъ напалъ непреодолимый ужасъ; мы убѣжали какъ можно дальше отъ прихожей и заперлись. До насъ доносился непрерывный какой-то яростный звонъ. Незадолго до прихода мамы все смолкло. Когда она позвонила, мы едва смѣли пойти открыть двери, такъ были перепуганы. Увидя меня въ слезахъ и узнавъ обо всемъ, мама сначала не повѣрила, но вскорѣ и ей пришлось убѣдиться въ томъ, что намъ не показались эти звонки, а были на самомъ дѣлѣ. Не прошло и двухъ часовъ съ минуты ея прихода, какъ звонъ

возобновился съ тою же силой и настойчивостью. Мама тоже вообразила, что кто-то взялся морочить насъ, однако, всѣ ея проверки доказали, что она ошибается и напрасно ищетъ виновнаго. А звонокъ все дергался самъ собою даже тогда, когда мы, преодолевъ страхъ, стояли и смотрѣли на него, ручка его оставалась неподвижна, а колокольчикъ бѣшено рвался. Дергалась та часть проволоки, которая проходитъ черезъ стѣну. Трѣніе было такъ сильно, что на полъ сыпалась перетертая проволокой штукатурка. Это явленіе тягостно дѣйствовало на насъ своей настойчивостью и мы все хотѣли избавиться себя отъ страха, подыскивая какія-либо естественныя причины, но не находили ихъ. Когда пришелъ нашъ отецъ, звонокъ все такъ же непрерывно продолжалъ звонить. Папа тотчасъ же рѣшилъ, что кто-то подшучиваетъ надъ нами, а мы недостаточно тщательно осмотрѣли стѣну и что это какой-нибудь фокусъ; что гдѣ-нибудь, вѣроятно, протянута нитка, которую дергаетъ какой-нибудь шалунъ, пожелавшій устроить у насъ, себѣ на потѣху, весь этотъ переполохъ. Снова начался всюду самый строгій обзоръ и снова ничего изъ этого не вышло. Въ результатѣ мы всѣ прескверно себя чувствовали, боясь ложиться спать.

Однако, къ полночи все совершенно стихло. Но зато на слѣдующій день повторилась та же исторія съ перерывами болѣе продолжительными. Ночь же снова прошла спокойно. На третій день звонковъ было уже меньше и на этомъ днѣ все и покончилось. Никто изъ насъ не занимался ни спиритизмомъ, ни какими либо вещами изъ области таинственнаго, и мы такъ и не поняли, въ чемъ дѣло. Только впоследствии намъ всѣмъ показалось, что явленіе это непременно должно имѣть отношеніе къ скончавшемуся сослуживцу отца, очевидно, желавшему или напомнить о себѣ, или заявить этими звонками о своемъ присутствіи у насъ, несмотря на свою смерть. Выслушавъ этотъ рассказъ отъ В. К. Артемьевой и еще нѣкоторыя данныя, я прихожу къ заключенію, что В. К. должна быть медиумична и очень возможно, что, благодаря ея воспримчивости, это явленіе прежде всего затронуло ее. Произошло все это въ квартирѣ ея отца К. П. Артемьева въ Петроградѣ.

Ю. фонъ Шульцъ-Сиворцова.

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

„ВОПРОСЫ ПСИХИЗМА“

Комплекты журнала за 1908 г. (шесть книгъ) — 3 рубля.
для подписчиковъ журнала „Ребусъ“ — 2 рубля.
(Съ пересылкою 2 р. 50 к.).

СОДЕРЖАНИЕ: Вступительная статья редакціи; «Будущность психологіи» — Проф. М. Рише; «Экспериментальная телепатія и ясновидѣніе» — П. А. Чистякова; «Левитація медиума Дударина» — Проф. Мурони; «Мои изслѣдованія явленій передачи мысли» — Проф. Ч. Ломброзо; «Намеки о наукѣ будущаго» — М. С.; «Символизмъ и метапсихическіе феномены» — Э. Боссано; «Новый институтъ въ С.-П.» — П. Чистякова; «О безсмертіи» — Б. Тайца; «Мои сеансы съ Евзапиею Палладино» — Проф. Э. Марселли. Затѣмъ: хроника, библиографія записки Русскаго Спиритуалистическаго Общества въ Москвѣ.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА и СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. „ 6 „ . 3 „ — „ За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просятъ адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
<p>№ 1679—80.</p>	<p>28-го Февраля 1916 года.</p>	<p>№ 4—5.</p>

Содержаніе: 1) Отъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества. — 2) Профессоръ Лоджъ, какъ спирить. *А. И. Бобровой.* — 3) «Непрерывность». *Проф. О. Лоджа.* — 4) По пути. — 5) Религіозныя собранія интеллигенціи въ Петроградѣ. — 6) Эволюція души. (Прод.) *Д. О. Карабъновичъ.* — 7) Фердинандъ Болгарскій, преслѣдуемый призракомъ. — 8) Тѣнь учителя. — **Литературный отдѣлъ.** — 9) Въ двухъ плавахъ. — (романъ оккультиста). (Прод.) — 10) Ауроскопъ Чехонина — рассказъ *Я. Гумилевскаго.*

ОТЪ РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Гг. подписчики журнала „Ребусъ“ пользуются правомъ присутствовать на Собраніяхъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества, происходящихъ каждый понедѣльникъ при лѣчебницѣ *А. И. Бобровой* — *Б. Дорогомиловская ул.* — у *Бородинскаго моста*, домъ № 3. — (Телеф. 2-28 93).

Начало собраній 8½ ч. вечера.

О желаніи присутствовать на Собраніяхъ Общества слѣдуетъ предварительно сообщить письмомъ Предсѣдателю Общества — *П. А. Чистякову* по указанному выше адресу.

ПРОФ. ОЛИВЕРЪ ЛОДЖЪ, КАКЪ СПИРИТЬ.

А. И. Боброва.

Общество Британской Ассоціаціи Наукъ существуетъ болѣе восьмидесяти лѣтъ и авторитетность его среди ученыхъ всѣхъ странъ чрезвычайно высока. Членами этого Общества состоятъ самые выдающіеся ученые всѣхъ отраслей знанія всѣхъ цивилизованныхъ странъ, но попасть въ списки Общества гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ члены Парижской Академіи Наукъ.

Засѣданія или, вѣрнѣе, общія собранія Общества определяются впередъ на два года, исключительно на территоріи Великобританіи и каждое такое общее собраніе является до извѣстной степени эпохою въ исторіи научной мысли — чѣмъ то въ родѣ Съѣзда ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ текущей научной жизни.

Президентское кресло въ Британской Ассоціаціи Наукъ занимали наиболѣе выдающіеся всемірные знаменитости ученаго міра; послѣдовательно перебивали президентами Гексли, лордъ Кальвинъ, Тиндаль, лордъ Салисбюри, сэръ Джоржъ Дарвинъ, сэръ Вильямъ Круксъ, сэръ Джонъ Томсонъ и, наконецъ, этотъ блестящій циклъ именъ былъ завершенъ избраніемъ сэра Оливера Лоджа. Въ продолженіе слишкомъ восьмидесяти лѣтъ существованія этой Ассоціа-

ціи рѣдкая сессія не была ознаменована какимъ-либо важнымъ открытіемъ или серьезнымъ изобрѣтеніемъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, беспроволочный телеграфъ Маркони, составили цѣлую эпоху. Слѣдуетъ также отмѣтить президентскую рѣчь сэра Вильяма Крукса въ 1898 году о проблемахъ телепатіи; эта рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе на слушателей, а потомъ на весь ученый міръ Европы. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, прогремѣла президентская рѣчь сэра Джона Тамсона о силѣ и значеніи электричества, и въ 1913 году сдѣлала опять цѣлую эпоху президентская рѣчь сэра Оливера Лоджа, утвердившая научныя доказательства о непрекращаемости жизни за гробомъ.

Однажды съ этой же кафедрой лордъ Кельвинъ заявилъ, что наука обязана безстрашно смотрѣть въ лицо всякой жзненной проблемѣ. Сэръ Лоджъ раздѣляетъ это убѣжденіе. Онъ былъ пионеромъ при постановкѣ беспроволочнаго телеграфа; онъ, какъ это извѣстно, стоитъ во главѣ изслѣдователей, изучающихъ механику эфирныхъ волнъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ выдающихся ученыхъ, вступившихъ въ опытное изслѣдованіе психическихъ явленій и онъ пришелъ къ абсолютному убѣжденію въ конечномъ сліяніи вопросовъ вѣры и науки. Сэръ Оливеръ Лоджъ вступилъ какъ пожизненный членъ въ Общество Британской Ассоціаціи Наукъ еще въ 1873 году, юношей двадцати двухъ лѣтъ, и съ первыхъ же шаговъ заявилъ себя очень дѣятельнымъ работникомъ, занявъ мѣсто секретаря по секціи математики и физики и участвуя въ трудахъ спеціальныхъ комиссій. На ученомъ митингѣ въ 1884 году его докладъ о «Пыли» повлекъ за собой учрежденіе Національной Физической Лабораторіи. Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдилъ сэръ Лоджъ и за трудами своихъ ученыхъ собратьевъ; онъ до сихъ поръ утверждаетъ, что серія лекцій д-ра Тиндала о «Теплѣ» имѣла вліяніе на всю его жизнь, а по поводу рѣчи сэра Вильяма Крукса о «Телепатіи» онъ тотчасъ же высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ, признавая тотъ фактъ, что телепатія представляетъ собою очень важный элементъ въ жизни

человѣческой, потому что, если она будетъ признана всеми людьми, она значительно расширитъ область человѣческихъ познаній; онъ, тѣмъ не менѣе, не признаетъ за телепатіей абсолютнаго, революціоннаго значенія ни въ психологіи, ни въ наукѣ вообще.

— «Мнѣ представляется вполне вѣроятнымъ,—сказалъ сэръ Оливеръ,—что телепатія или передача мыслей есть форма непосредственнаго общенія между умами—т. е. общенія помимо обычныхъ физическихъ или матеріальныхъ посредниковъ. Если это вѣрно, то она, несомнѣнно, является важнымъ жизненнымъ открытіемъ и можетъ быть проверена каждымъ человѣкомъ на самомъ себѣ, такъ что подтвержденіе этого факта легко достижимо помимо всякихъ экспериментовъ и онъ долженъ постепенно сдѣлаться общедоступнымъ явленіемъ въ жизни «человѣческой».

Для многихъ, причисляющихъ телепатическія явленія къ области психизма, покажется нѣсколько страннымъ, что сэръ Оливеръ Лоджъ не связалъ тѣснѣе эти явленія съ тѣми его экспериментами, которые такъ безспорно убѣдили его въ продолженіе человѣческаго существованія послѣ физической смерти. По всей видимости его опыты въ области психизма были столь абсолютно доказательны сами по себѣ, что телепатія играла въ нихъ не большую роль, чѣмъ та, которая отведена ей и въ нашей физической жизни.

Насколько глубоко и отчетливо знакомство сэра Оливера съ міромъ развоплощенныхъ интеллектовъ можно судить хотя бы, напримѣръ, по словамъ, сказаннымъ имъ въ публичной рѣчи, которую онъ произнесъ 10-го октября н. с. сего года въ «Обществѣ Братства» (Men's Brotherhood):

— «...А я говорю вамъ, что они огорчатся, когда вы думаете о нихъ, какъ объ умершихъ. Они пережили тотъ физиологическій процессъ, который мы называемъ смертью, сбросили свое смертное тѣло и только; сами же они чувствуютъ себя болѣе живыми, чѣмъ когда-либо, и если бы оплакивающіе ихъ, скорбящіе о нихъ близкіе могли бы освоиться съ этой истиной, то насколько бы горе разлуки было смягчено».

«Я убѣжденъ, что однимъ изъ результатовъ этой войны будетъ именно открытіе для очень многихъ того факта, что смерть не есть полное разрушеніе: мѣняются лишь условія, но никакъ не личность. Пули и шрапнель поражаютъ тѣло, но онѣ не могутъ быть отнесены къ тѣмъ смертоноснымъ вещамъ, которыя затемняютъ и поражаютъ душу. Душа остается все та же и любовью и заботою мы можемъ доставить хотя бы нѣкоторую радость тѣмъ, которые перешли въ иной міръ и передъ которыми опять вся жизнь впереди, жизнь иная, не наша, но не менѣе исполненная надеждъ на будущее, не менѣе полезная и болѣе счастливая».

НЕПРЕРЫВНОСТЬ.

Профессоръ Оливеръ Лоджъ.

Рѣчь, произнесенная въ Британской Ассоціаціи наукъ въ 1913 г.

(Съ англ.—перев. А. И. Бобровой).

Прежде всего позвольте мнѣ высказать мою печаль по поводу грустнаго событія, которое привело къ тому, что я, въ настоящее время, долженъ былъ занять постъ Предсѣдателя. Предшественникъ мой сэръ Вильямъ Уейтъ (W. White) былъ близкимъ другомъ многихъ при-

сутствующихъ здѣсь и мнѣ хотѣлось бы передъ всеми жителями Бермингама воздать должное памяти его въ высшей степени симпатичной личности и засвидѣтельствовать объ той колоссальной работѣ его, какую выполнилъ онъ, построивъ первую линію укрѣпленій для защиты Имперіи.

Хотя рѣчь, произнесенная въ Британской Ассоціаціи, и не представляетъ собою годичнаго отчета общества, тѣмъ не менѣе я считаю неподходящимъ начинать годъ службы, не упомянувъ еще объ четырехъ утрахахъ нашихъ:—сэръ Джонъ Леббокъ, образованнѣйшій джентльменъ, поклонникъ науки въ лучшемъ смыслѣ этого слова, избранный предсѣдателемъ на юбилей общества, тридцать три года тому назадъ праздновавшемся въ Нью-Йоркѣ. Сэръ Леббокъ, первый лордъ Авбюра, занимался учеными изысканіями ради удовольствія, какъ занимаютъ лишь искусствами, и посвятилъ всю свою энергію оказанію соціальной и политической помощи множеству своихъ единомышленниковъ, менѣе его счастливо поставленныхъ въ жизнь.

Ватѣмъ сэръ Джоржъ Дарвинъ, со смертью котораго міръ потерялъ такого математика-астронома, чьи труды по изученію приливовъ и отливовъ и съ ними связанныхъ феноменовъ являются цѣлымъ монументомъ научнаго знанія и силы ума. Когда я посѣтилъ Ю. Африку онъ занималъ предсѣдательскую кафедру.

Недавно я слышалъ о преждевременной кончинѣ Джона Мельни (John Milne), скончавшагося въ самомъ разгарѣ своей полезной дѣятельности. Его энтузіазмъ и упорныя работы по сейсмологіи создали вокругъ него цѣлое интернаціональное общество. Я слышалъ, что онъ оставилъ послѣ себя на продолженіе своихъ изслѣдованій 1000 ф. ст. и на насъ лежитъ обязанность приотрѣчь, чтобы жало войны не воспрепятствовало его послѣдователямъ организовать въ ихъ сложномъ совмѣстномъ трудѣ.

И, наконецъ, четвертая изъ нашихъ великихъ потерь: смерть блестящаго, галантливаго математика со-сѣдней съ нами державы, Анри Пуанкаре, который столь ясно и вмѣстѣ философски охватилъ взоромъ всѣ запутанныя стороны физики; его краснорѣчивое, хотя и скептическое изложеніе физическихъ законовъ и процессовъ и измѣненій въ нихъ, введенныхъ недавними научными новшествами, широко разольется среди всѣхъ людей, хотя отчасти знакомыхъ съ этой нѣсколько темной отраслью человѣческихъ знаній. Я не скажу, чтобы я былъ во всемъ согласенъ съ положеніями Анри Пуанкаре въ области физики, но ни одинъ физикъ не пройдетъ безъ большого интереса мимо той точки зрѣнія, съ какою смотритъ на этотъ предметъ великій ученый, и въ своей рѣчи я буду имѣть случай обсуждать нѣкоторые пункты его положеній.

А теперь, изъяснивъ изъ нашего обзора великую массу человѣческой дѣятельности вообще, строго ограничивъ себя рамками чистой науки, посмотримъ, каковы характеристическія особенности нашего многообъщачаго, хотя и безпокойнаго, періода жизни? Разные люди дадутъ, конечно, и различныя опредѣленія, но я бы назвалъ его временемъ Быстраго Прогресса и вмѣстѣ Кореннаго Скептицизма.

Быстрымъ прогрессомъ не отличалась послѣдняя половина девятнадцатаго столѣтія—по крайней мѣрѣ въ области физики. Хорошій динамическій фундаментъ былъ подведенъ и зданіе знанія было укрѣплено; но совершенно новыхъ знаній не было еще открыто и совершенно новыхъ построеній еще никто не ожидалъ.

„Во многихъ случаяхъ изучающій физику приходилъ къ выводу, что главные факты въ природѣ всѣ извѣстны, что всякій шансъ великаго открытія, благодаря экспериментальному методу, безнадежно малъ

и что, следовательно, всякая работа экспериментатора сводится лишь к определению преобладания той или другой из предлагаемых теорий; или же на обнаружение какого-либо эффекта, который мог бы внести болѣе или менѣе значительную деталь к имѣющей уже теоріи" — Schuster.

Но за то послѣ реализаціи въ 1888 году предсказанных эфирныхъ волнъ, послѣ открытія X—лучей въ 1895 г., самопроизвольной радиоактивности въ 1896 г. и изоляціи электрона въ 1898 году вензхнулись ожиданія дальнѣйшихъ успѣховъ; и новости, какъ экспериментальныя и техническія, такъ и спекулятивныя, посыпались на насъ съ самаго начала настоящаго столѣтія. Поэтому я и говорю о быстромъ прогрессѣ нашего времени.

Но о самомъ прогрессѣ я говорить много не буду, такъ какъ всегда должна быть нѣкоторая неувѣренность относительно того, какому именно успѣху слѣдуетъ преимущественно приписывать его; я буду говорить объ коренномъ скептицизмѣ.

Позвольте прежде всего объяснить, что подъ этимъ терминомъ я не подразумѣваю истрепанный, и можно сказать, одряхлѣвшій теологическій скептицизмъ; именно теперь-то этотъ спорный пунктъ какъ разъ и упродненъ совсѣмъ. Во всякомъ случаѣ, яркое разногласіе приостановлено; укрѣпленіе, за который укрылся непріятель, не располагаетъ къ атакамъ, и территория, нынѣ имъ занимаемая, не многимъ развѣ болѣе того, что по закону ему полагается. Нѣтъ: нынѣ вступили между собою въ болѣе или менѣе яростный конфликтъ недавніе ученые союзники; даже философы присоединились къ нимъ. А ихъ старинный противникъ—теологія тѣмъ временемъ выжидаетъ своего времени и надеется, что изъ этой борьбы выпадетъ какая-нибудь выгода на его долю. Нѣкоторыя позиціи, чувствуетъ онъ, покинуты имъ черезчуръ поспѣшно и, можетъ быть, потребуются вернуть ихъ назадъ; или, говоря безъ метафоръ, кажется возможнымъ, что коечто изъ преждевременно отброшеннаго только потому, что оно не было установлено съ достаточной доказательностью, можетъ, въ концѣ концовъ, въ той или иной формѣ, быть дѣйствительно существующимъ. Такимъ образомъ старинное теологическое раздраженіе нѣсколько смягчено и проводится или инстинктивно поддерживается политика терпимости съ этой стороны.

Для того, чтобы достаточно иллюстрировать всю суть научной или философской распри потребовалось бы столько рѣчей, сколько секцій въ Британской Ассоціаціи наукъ, или, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько большихъ городовъ въ Австраліи; и, можетъ, быть уже мой замѣститель на этомъ креслѣ продолжить эту тему. Однако, излагая мою мысль очень кратко, я могу переименовать сорта главныхъ разногласій, нынѣ распространенныхъ, причемъ постараюсь возможно жгато опредѣлить сущность.

Въ физиологіи бушуетъ война около *Витализма* (мой предшественникъ говорилъ по этому вопросу въ Дунди).

Въ химіи распри идетъ относительно *Атомической структуры* (мой предшественникъ хорошо осведомленъ о спорѣ въ этой области).

Въ Біологіи споръ идетъ относительно *законовъ Наслѣдственности* (мой предполагаемый замѣститель, вѣроятно, займется именно этимъ вопросомъ и, возможно, что не безъ большаго оживленія).

Кромѣ этихъ главныхъ пунктовъ раздора очень дѣятельныя пререканія ведутся и въ другихъ областяхъ:

Относительно Воспитанія *Curricula* въ общемъ осмѣяна и окритикована въ самомъ основаніи своемъ и распространяются революціонныя идеи относительно преимуществъ свободы дѣтей. Въ Экономической и Политической наукахъ, или соціологіи, чего только не

подвергаютъ обсужденію? Не только собственность, не только земледѣліе, но все рѣшительно: до райскихъ садовъ и взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ включительно!

Наконецъ, обширная корпорація математиковъ и физиковъ! Ихъ скептицизмъ относится къ тому, что я могу опредѣлить однимъ словомъ: *Континуумъ* (непрерывность). Полное значеніе этого термина врядъ ли будетъ понятно безъ обстоятельнаго его объясненія, которымъ я сейчасъ и займусь.

Еще болѣе, чѣмъ посекціонные споры, основательна и глубока общая критика научныхъ построеній; возникаетъ нѣчто вродѣ философскаго скептицизма, идущаго до предѣловъ сомнѣнія въ чисто интеллектуальныхъ процессахъ и до признанія ограниченности науки.

Ибо наука есть, несомнѣнно, дѣло интеллекта, она все разсматриваетъ при холодномъ освѣщеніи разума—и въ этомъ ея могущество. Стало уже слишкомъ общимъ мѣстомъ выраженіе, что въ наукѣ не должно быть излюбленныхъ или нетерпимыхъ вещей, не должно быть другой дѣли, кромѣ истины, или какъ выражается Берtrandъ Расселъ:—„Ядро научнаго воззрѣнія заключается въ томъ, чтобы отброшены были наши личныя тяготѣнія, вкусы, интересы, могущіе вліять на пониманіе вселенной“.

Исключительная прямолинейность науки есть ея сила; но, выведенная за предѣлы своей полезности и введенная въ область догматическаго отрицанія и философствованія, она же становится и ея слабостью, потому что природа человѣка—очень большая вещь, а интеллектъ есть лишь одна часть этой природы. Кромѣ того, часть эта, какъ таковая, всегда страдаетъ, хотя и безсознательно, отъ нѣкоторыхъ дефектовъ новшества и незрѣлости и не должна, поэтому, воображать себя всемъ человѣческимъ существамъ; а, можетъ быть, даже должна воздержаться и отъ признанія себя лучшей частью его.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя, самыя лучшія вещи на свѣтѣ въ силу абстрактности ихъ, исключены изъ науки, хотя не чужды литературѣ и поэзіи; отсюда проистекаетъ, вѣроятно, изъ глубины вѣковъ идущія, недовѣріе и нелюбовь къ наукѣ, прообразомъ чего явилась легенда о Прометѣѣ. Наука систематично размѣрена и мало приложима къ тому, что не подлежитъ измѣреніямъ; или лучше приведемъ слова г. Вальфура изъ рѣчи, сказанной имъ при открытіи новой пристройки зданія Національной Физической Лабораторіи:

— „Наука всецѣло зависитъ отъ измѣреній и, следовательно, явленія и вещи неизмѣримыя исключаются изъ нее или стремятся ускользнуть отъ ея вниманія. Въдѣ жизнь, красота, счастье не могутъ подлежать измѣренію“.—И оригинально добавляетъ:—„если бы можно было найти единицу счастья, то и политика стала бы научной“.

Эмоція, Интуиція, Инстинктъ гораздо древнѣе Науки и съ точки зрѣнія жизненной правды ихъ нельзя игнорировать. Люди науки, однако, ихъ отбрасываютъ, такъ какъ наука должна заниматься своей работой, и имѣютъ на это право; но философы этого права не имѣютъ и такъ поступать не должны.

И вотъ философы начали задаваться болѣе широкими вопросами и разсматривать, не слишкомъ ли далеко съ нашими лабораторными индукціями мы зашли, желая быть болѣе понятными? Законъ сохраненія энергіи, напимѣръ, всегда и вездѣ прочно обоснованъ, или онъ, можетъ быть, при нѣкоторыхъ условіяхъ, нарушенъ? Кажется, что второй законъ термодинамики долженъ быть гдѣ-нибудь въ предѣлахъ вселенной нарушенъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если вселенная безначальна и безконечна, иначе конечное разрушеніе ея давно уже настало бы.

И не только философы, но и люди чистой науки начали вырывать съ корнемъ старыя постулаты. Физики и математики принялись обсуждать вездѣ ли и всегда прочно держатся давно извѣстные и твердо установленные законы механики? или же схемы Ньютона должны быть замѣнены чѣмъ-нибудь болѣе современнымъ, — чѣмъ-нибудь такимъ, къ чему ньютоновскіе законы движенія были лишь первымъ приближеніемъ?

Въ сущности, придумана цѣлая не-ньютоновская механическая система на основаніи недавно открытыхъ измѣненій, происходящихъ въ тѣлахъ, движущихся съ быстротой, близкой къ скорости свѣта. Оказывается, что и форма, и масса суть функции скорости. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ скорость, увеличивается и масса и измѣняетъ свою форму, хотя это происходитъ при обычныхъ условіяхъ въ безконечно маломъ размѣрѣ.

Со всемъ этимъ я согласенъ; я согласенъ съ фактомъ. Однако, я не считаю его настолько революціоннымъ, чтобы опровергнуть ньютоновскую механику. Въ концѣ концовъ варіированіе массы довольно извѣстная вещь и было бы очень ошибочно утверждать, что второй законъ Ньютона опровергнуть тѣмъ только, что масса не постоянна. Капля дождя является примѣромъ измѣненія массы, также и земной шаръ вслѣдствіи метеорической пыли; или солнце вслѣдствіе радиоактивности, или паровозъ, выпускающій паръ. Въ сущности, измѣняющаяся масса суть самая обычная въ мірѣ, такъ какъ треніе можетъ привести всякое движущееся тѣло въ микроскопически малый предметъ.

Понятіе о постоянствѣ массъ есть лишь приближеніе. Масса равна отношенію силы къ ускоренію движенія—это опредѣленіе можетъ быть вполнѣ точно. Оно совершенно вѣрно даже по отношенію къ электрону, движущемуся со скоростью, близкой къ скорости свѣта; и только при помощи втораго закона Ньютона можно было бы экспериментально наблюдать и подвести подъ теорію измѣненія массъ въ зависимости отъ скорости. Я убѣждаю остаться съ законами Ньютона или же вернуться къ нимъ. Я не вижу достаточной причины противъ сохраненія всѣхъ законовъ Ньютона; ничего не вычеркивая, я предлагаю только дополнить ихъ свѣтомъ новаго знанія.

Даже законы геометріи не избѣгли нападокъ, и геометрія Эвклида нынѣ является лишь специальнымъ случаемъ болѣе глубокихъ обобщеній. Какъ относятся они къ существующему пространству, насколько время представляется реальностью или иллюзіей и можетъ ли оно въ какомъ-либо смыслѣ зависѣть отъ движенія или положенія наблюдателя? всѣ эти вопросы, въ той или иной формѣ, подвергнуты обсужденіямъ.

Сохраненіе матеріи—эта гротъ-мачта химіи девятнадцатаго столѣтія, и существованіе эѳира въ пространствѣ, этотъ якорь спасенія физики девятнадцатаго столѣтія—не кажутся ли они оба стремящимися иногда вылетѣть за бортъ?

Профессоръ Шустеръ (Schuster) въ своихъ лекціяхъ такъ описываетъ современное настроеніе умовъ:

— „Состояніе пластичности и подвижности есть, по моему мнѣнію, счастливое состояніе, благодаря которому современная научная мысль приспособляется почти ко всякому нововведенію и это состояніе обнаруживаетъ себя тѣмъ радушіемъ, съ какимъ самые излюбленные толки нашихъ отцовъ отбрасываются нынѣ въ сторону. Хотя никогда не входило въ правила непреложной вѣры, что химическіе элементы неизмѣнны и не могутъ быть въ одно прекрасное время разложены на простѣйшія тѣла, тѣмъ не менѣе, сохраненіе матеріи лежало, повидимому, въ самомъ основаніи мірозданія. Однако, въ наши дни ученые мало беспокоятъ себя—пожалуй, даже слишкомъ мало—идеей, что масса измѣняется со скоростью ея движенія; и не

всегда-то они осмысливаютъ полностью все значеніе тѣхъ послѣдствій, какія изъ этого проистекаютъ“.

Эта готовность принять и усвоить новые факты въ схему физики, можетъ быть и привели къ чрезмѣрному научному скептицизму, стремящемуся урегулировать вѣсы.

Но существуетъ и еще болѣе глубокой видъ широкаго скептицизма, который говорить, что всѣ наши законы природы, столь тщательно установленные и такъ заботливо сформулированные, суть, въ концѣ концовъ, лишь условности, а не истины; что не можемъ мы, не въ состояніи, удостовѣрить дѣйствительную истину; что интеллектъ нашъ не приспособленъ для какой академической задачи; что все, что мы въ силахъ сдѣлать, это—выразить понятіе въ формѣ, подходящей для современныхъ цѣлей, и такимъ образомъ сдѣлать какъ бы попытку или прагматическое поясненіе къ данному явленію.

Даже самый терминъ „объясненіе“, какъ слишкомъ самонадѣянное, отброшено нѣкоторыми людьми науки, признающими лишь право на описаніе. Эти ученые только оцѣниваютъ *какъ*, но не *почему*, такъ какъ до конечныхъ причинъ дойти по ихъ мнѣнію никогда невозможно; они довольствуются очень отвлеченными предположеніями, предпочитая математическія уравненія, какъ болѣе надежныя, чѣмъ механическія аналогіи или примѣры.

Принимая остроумное, популярное выраженіе Густава Кирхгофа, „предметъ науки составляетъ *описаніе* естественныхъ феноменовъ, а не *объясненіе* ихъ и выразивъ при помощи уравненій правильное соотношеніе между различными естественными феноменами, мы уже достигли возможнаго; если же мы двинемся далѣе, то вступимъ уже на чисто спекулятивную почву“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П О Ш У Т И.

Преосвященный Л. Г. Беррингтонъ, ректоръ церкви въ Чѣрчверѣ (Англія), въ рѣчи своей, которую онъ произнесъ въ лимингтонскомъ литературно-философскомъ Обществѣ, отмѣтилъ, что современные изслѣдователи въ области психизма склонны признавать два объясненія «медумическихъ феноменовъ»: 1) сообщенія исходятъ отъ развоплощенныхъ существъ и 2) сообщенія даются отъ подсознательнаго и столь мало обследованнаго «я» человеческого съ помощью передачи мыслей. По мнѣнію лектора и первое и второе объясненія указываютъ на одно и то же, а именно—что материалистическая вонцепція вселенной разрушена и иной взглядъ, духовный, долженъ быть установленъ („Light“).

— «Г-нъ Бушъ сообщаетъ намъ, говоритъ редакция журнала „Light“,—что онъ знаетъ двухъ лицъ, которыхъ лечили магнетизмомъ и которые утверждаютъ, что карманные часы ихъ, очень вѣрные, съ самаго начала леченія стали идти неправильно; магнетизеръ сказалъ имъ, что такова участь часовъ у всѣхъ его пациентовъ и что онъ предупреждаетъ ихъ не отдавать часы напрасно въ починку».

По этому поводу журналъ приводитъ сообщеніе, напечатанное на его столбцахъ еще въ 1885 году:

— Одинъ восточный часовщикъ заявляетъ, что магнетизмъ чловѣка, носящаго на себѣ карманные часы, вліяетъ на правильный ходъ этихъ часовъ и что эти часы, постоянно, то уходящіе впередъ, то отстающіе у своихъ обладателей, будучи отданы къ нему въ починку, совершенно

правильно идти въ его мастерской. Особенно заинтересовалъ его одинъ случай: одна дама очень часто приносила къ нему чинить свои часы, которые, по ея словамъ, то уходятъ впередъ, то отстаютъ періодически и никогда не идутъ вѣрно; у него въ мастерской они оказывались неизмѣнно чрезвычайно вѣрными, вполне исправными часами. Онъ сталъ разспрашивать эту особу и узналъ, что, когда она довольна, весела, то часы ускоряютъ ходъ, депрессивное же состояніе ея духа вліяетъ замедляющимъ образомъ на ходъ ея часовъ.

Мы давно уже осведомлены о такомъ же вліяніи на часы часто-переменныхъ токовъ высокаго напряженія. Въ лечебномъ заведеніи авто-кондуктивного массажа невозможно имѣть вѣрно идущихъ часовъ, такъ что больныхъ, имѣющихъ привычку носить при себѣ часы, предупреждаютъ здѣсь, чтобы, въ случаѣ порчи часовъ, они не отдавали ихъ въ починку: если эти часы полежатъ нѣкоторое время дома, то они сами исправятся — размагнитятся.

Въ послѣднемъ случаѣ вліяетъ, повидимому, не магнетизмъ, а электричество, — можетъ быть и въ связи съ магнетизмомъ.

РЕЛИГИОЗНЫЯ СОБРАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

(28 января.—«Петрогр. Вѣд.» № 24).

Насколько наше передовое духовенство стоитъ на стражѣ охраненія религіи отъ всякаго «сумудрія лукаваго» — можно судить по послѣднему докладу свящ. В. М. Никольскаго, предложившаго на обсужденіе собранія интересную тему: «Оккультизмъ передъ судомъ христіанства». Отмѣчая замѣтное пробужденіе интереса въ обществѣ по отношенію къ религіознымъ вопросамъ, докладчикъ предупреждаетъ, что въ этомъ пробужденіи къ богоискательству не все благополучно. Какъ на грозную опасность, о. Никольскій указываетъ на увлеченіе интеллигенціи оккультизмомъ.

Въ Петроградѣ 37 оккультныхъ кружковъ, въ которыхъ происходитъ усердная работа: устраиваются засѣданія, издаются книги, учреждаются церкви, идетъ обученіе, происходитъ полемика однихъ кружковъ съ другими и проч. Докладчикъ видитъ въ оккультизмѣ страшную силу, такъ какъ въ основѣ этого ученія лежитъ превратное представленіе о Богѣ. «Богъ въ насъ», — говорятъ оккультисты. Все вниманіе поэтому сосредоточивается на изученіи силъ разными способами, разработанными въ цѣлую систему. Главной цѣлью самонаблюденія, самовоспитанія является власть надъ міромъ. Средствами для того служатъ точное развитіе функцій пяти чувствъ, изъ которыхъ зрѣнію отводится первенствующая роль. Установлена сила такъ называемаго центрального взгляда. Недаромъ и Церковь православная молится во время обряда крещенія объ избавленіи младенца «отъ очесъ призора».

Главная опасность, главный соблазнъ оккультизма таится въ его средствахъ достиженія, — говоритъ докладчикъ, — которая родственна отчасти принципамъ истинной христіанской религіи. Цѣломудріе, молитва, недюбостояжаніе — вотъ главные способы самовоспитанія для постиженія тайнъ оккультизма. Это нѣкоторымъ образомъ — мостъ, переброшенный къ истинному христіанству. «Я пришелъ къ лоно православной Церкви черезъ оккультизмъ», — говорилъ отцу Василию одинъ изъ его знакомыхъ.

О. Василій видитъ въ оккультизмѣ страшную враждебную силу, ибо она общается «все» (мефистофельское: «Все!» на вопросъ Фауста: «Что ты можешь мнѣ дать?») — и отнимаетъ все. Оккультизмъ ведетъ къ тремъ цѣлямъ жизни: добру, истинѣ и красотѣ. Красота заводитъ далеко, но вернуться нельзя, какъ во французской легендѣ о ры-

царѣ Урбанѣ, такъ и не возвратившемся къ найденнымъ истинѣ и добру...

Христіанство ведетъ путями любви оккультизмъ ведетъ путемъ сатанизма. Какъ иллюстрацію къ своему доводу, о. Василій разсказалъ случай. Его пригласили отслужить молебенъ въ одинъ домъ. Его ввели въ кабинетъ, обитый чернымъ. Не было тамъ образовъ, но было много символическихъ картинокъ. Его просили покадить по всѣмъ комнатамъ. Вся обстановка этого приглашенія была крайне загадочна. О подобномъ приглашеніи разсказалъ и присутствовавшій на собраніи о. Федоровъ.

Противъ мысли о всепокоряющихъ силахъ оккультизма горячо выступила г-жа С. Увлекаясь прежде оккультизмомъ, она близко подходила къ оккультнымъ организаціямъ. Она хотѣла узнать, въ чемъ сила оккультизма. Она ушла изъ ихъ общества, разочарованная въ ихъ силѣ, въ ихъ власти надъ людьми. Всѣ 87 оккультныхъ кружковъ; по словамъ г-жи С., враждуютъ другъ съ другомъ, ихъ кружки имѣютъ каждая свой особый кланъ, уставъ и нетерпимо относятся къ другимъ.

Дополнить свѣдѣнія объ оккультизмѣ пожелалъ баронъ Таубе, Ораторъ, изучавшій долго оккультизмъ, выносить безотрадный взглядъ на оккультныя науки, находя, что онѣ ведутъ прямымъ путемъ къ сатанизму. Изъ литературы, помогающей разобраться въ этомъ вопросѣ, бар. Таубе рекомендуетъ: «Добротолубіе» препод. Феофана затворника «Психологию христіанина» Игнатія Брянчанинова и друг.

Н—дъ.

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

Д. О. Карabanovichъ.

(Безконечное развитіе человѣческой индивидуальности).

(Продолженіе *).

Чѣмъ больше изучаются каналы, тѣмъ болѣе открывается масса подробностей въ ихъ строеніи, которая невозможно согласовать съ какими-либо извѣстными естественными процессами. Уже самый характеръ этихъ образованій можетъ служить достаточнымъ опроверженіемъ ихъ естественнаго происхожденія. Они не могутъ быть рѣками, т. е. рѣки никогда не бываютъ прямолинейными и одинаковой ширины на всемъ протяженіи.

Не могутъ быть эти линіи и трещинами на поверхности, т. е. трещины тоже не бываютъ прямолинейными и кромѣ того не кончаются въ опредѣленныхъ точкахъ схода. Множество бороздъ на поверхности Луны, если не всѣ, представляютъ несомнѣнныя трещины, но онѣ совершенно непохожи на линіи Марса.

Но чудесное не исчерпывается каналами: столь же загадочны и оазисы. Много лѣтъ послѣ открытія каналовъ были найдены круглыя темная пятнышки на всей поверхности диска планеты. Всѣ они лежатъ въ мѣстахъ встрѣчъ каналовъ. Въ настоящее время извѣстно 186 такихъ пятнышекъ и мы знаемъ съ несомнѣнностью, что это не озера. Въ одно изъ нихъ сходится не менѣе 17 каналовъ. Получается такая картина, что эти пятнышки являются какъ бы узлами сѣти каналовъ. Можно сказать съ увѣренностью, что это не простыя расширенія каналовъ, обусловленные ихъ пересѣченіемъ. Дѣйствительно, пересѣченія бываютъ и безъ этихъ образованій, причемъ сами линіи каналовъ видны совершенно явственно и толщина ихъ въ пересѣченіи такая-же, какъ до него и послѣ него.

*) См. «Ребусъ» № 3, 1916 г.

Эти явления,носящая печать несомненной искусственности не могут быть произведениями самой природы; здѣсь мы очевидно наблюдаемъ работу разума, родственнаго нашему и потому понятнаго намъ; разума, направляющаго все къ нѣкоторой опредѣленной цѣли. (Признание искусственности выводитъ насъ на твердый путь и, чѣмъ дальше мы по немъ двигаемся, тѣмъ больше проясняется горизонтъ).

На этомъ пути сразу становится понятнымъ основное свойство каналовъ съ одной стороны, и оазисовъ — съ другой. Понятно, почему каналы направлены по большимъ кругамъ шара: на шаровой поверхности дуги большихъ круговъ являются кратчайшими расстояніями между двумя точками. Онѣ являются наиболѣе экономной дорогой отъ одного пункта къ другому и разумныя существа должны были остановиться на нихъ свой выборъ. И на нашей землѣ съ ея неравной поверхностью линіи путей сообщения все болѣе выпрямляются, по мѣрѣ того, какъ усиливается власть человѣка надъ силами природы.

Такъ-же объясняется и форма оазисовъ — тѣхъ образований, которыя служатъ для смыканія линій. Они имѣютъ форму круга; но между всѣми линіями, замыкающими площадь, кругъ отличается тѣмъ, что среднее расстояние отъ центра до всѣхъ точекъ его имѣетъ наименьшую величину. Именно такую фигуру должны были избрать разумныя существа, если ждали съ наименьшей затратой труда получить наибольшую площадь для обработки или для иной цѣли.

Не менѣе краснорѣчивыми являются проявленіи жизни и движенія въ этихъ искусственныхъ образованияхъ.

Концы сѣти каналовъ Марсова міра соединены съ темнѣющими пятнами у краевъ того или другого полярнаго покрова. Но они видимы не всегда. Въ зимнее время когда ихъ нельзя обнаруживать въ этихъ мѣстахъ. Онѣ показываются лишь послѣ того, какъ покровъ начинаетъ таять, и затѣмъ становятся все болѣе рѣзкими и темными, т. е. съ наступленіемъ лѣта. Начиная съ концовъ, обращенныхъ къ полюсамъ, каналы начинаютъ темнѣть въ направленіи къ экватору. Одинъ за другимъ, какъ бы подхватываетъ, нить видимости и передаетъ ее слѣдующему ближайшему. Такимъ образомъ тянется эта удивительная передача отъ арктическаго пояса черезъ умѣренной и тропической, а оттуда дальше въ другое полушаріе планеты. Передъ нами *явственное теченіе, размыренно переходящее по поверхности шара.* Черезъ тѣ пространства, которыя нѣкогда были морями, потемнѣніе линій шествуетъ впередъ съ той-же непреодолимостью, какъ и черезъ оранжевыя пространства материка. Усиленіе окрасокъ пропитываетъ и сине-зеленыя области растительности, и безводныя пустыни. Его не удерживаетъ ни широта, ни характеръ поверхности. Оно съ равной живостью бѣжитъ по дугамъ большихъ круговъ, какъ черезъ дно древнихъ морей, такъ и по пустыннымъ степямъ. Съ противоположнаго полюса тающія воды бѣгутъ такимъ-же образомъ, но въ противоположномъ направленіи, черезъ давно иссохшія области. Въ этомъ странномъ явленіи вездѣ слышится шумъ воды.

Но вода сама по себѣ еще не даетъ рѣшенія загадки. Неестественный характеръ явленія еще разъ даетъ знать о себѣ. Въ этомъ мы убѣдимся, если зададимъ себѣ во-

прось о причинахъ описаннаго движенія растаявшаго полярнаго льда, обнаруживаемаго прогрессивнымъ потемнѣніемъ каналовъ внизъ по диску. Дѣло въ томъ, что каждая точка поверхности шара находится въ равновѣсіи, такъ что частица жидкости не двигалась-бы на ней сама собою; такъ точно, какъ на поверхности земли вода не обнаруживаетъ стремленія перемѣщаться по ровному мѣсту. Единственная сила, могущая оказать на нее дѣйствіе въ этомъ смыслѣ—это уклонъ мѣстности. Если-бы тающій ледъ или снѣгъ полярныхъ шапокъ имѣли въ толщину метровъ 10—а онъ, вѣроятно тоньше, то онъ даль-бы въ среднемъ уклонъ водъ въ 5 метровъ, который могъ-бы погнать воду на нѣсколько километровъ. Этого вполнѣ недостаточно для объясненія наблюдаемаго явленія: масса воды проходить на Марсѣ расстояние въ 5300 километровъ со скоростью 82 кил. въ день. Она покидаетъ полярную область, гдѣ тяжесть ея больше, благодаря сплюснутой у полюсовъ формѣ планеты, и странствуетъ къ экватору, куда сила тяжести ее не гонитъ и притомъ безъ малѣйшаго побужденія со стороны какой-либо силы природы.

Отсюда неизбѣжный выводъ: вода проводится по лику планеты искусственными средствами. У насъ нѣтъ другого выхода, кромѣ предположеній что вода перемѣщается для предназначенной цѣли чьей-то разумной волей.

Постараемся выяснитъ мотивы этой удивительной канализации, покрывающей всю поверхность планеты, по мѣрѣ того, какъ планета старится, запасъ воды на ея поверхности становится скуднѣе. Океаны ея съ теченіемъ времени высыхаютъ, рѣки перестаютъ течь, озера испаряются. Потеря воды происходила въ теченіе минувшихъ эпохъ и сейчасъ происходитъ на нашихъ глазахъ на землѣ. Съ момента ихъ образованія моря земнаго шара постепенно исчезаютъ. Проф. Дана составилъ рядъ картъ Сѣверной Америки, представляющихъ убѣдительное доказательство того, что съ момента возникновенія морей площадь суши Сѣверной Америки продолжаетъ увеличиваться за счетъ океана. Европа также представляетъ примѣръ такого-же въ общемъ неуклоннаго, хотя временами колеблющагося завоеванія суши. Та часть земной поверхности, которую мы теперь называемъ Европой, въ полеозейскія времена была покрыта океаномъ, изъ котораго выдавалась лишь сѣверная часть Шотландіи и Скандинавіи. На Марсѣ исчезновеніе воды идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ на землѣ, уже потому, что сама планета гораздо меньше по размѣрамъ. Наконецъ наступаетъ моментъ въ развитіи планеты, когда единственными запасами воды остаются снѣжные покровы на полюсахъ. Это мы и видимъ на Марсѣ. Вода необходима какъ для растительности такъ и для животнаго міра. Последней стадіей въ выраженіи жизни на поверхности планеты должна быть та, которая непосредственно предшествуетъ умиранію отъ недостатка воды, отъ жажды. Дойдетъ-ли планета до этого состоянія вслѣдствіе простого истощенія водяныхъ запасовъ, какъ на Марсѣ, или-же вслѣдствіе замедленія вращенія, что предстоитъ планетамъ Меркурію и Венерѣ,—для самой планеты результатъ отъ этого не мѣняется.

Недостатокъ воды будетъ причиной конца. Если только на такихъ планетахъ есть обитатели одаренные разумомъ, то они почувствуютъ, что ихъ жизни угрожаетъ опасность и задолго могутъ предвидѣть этотъ неизбѣжный конецъ и

приготовиться къ предотвращенію его. Современное состояніе поверхности Марса вполне отвѣчаетъ этому предположенію и канализация только этимъ однимъ и можетъ быть логически объяснена. Точно такъ, какъ на планетѣ землѣ, при видѣ искусственныхъ каналовъ, желѣзныхъ и шоссеиныхъ дорогъ мы, не видя обитателей земли, можемъ съ увѣренностью сказать, что земля населена разумными, т. е. способными разсуждать существами. Но на землѣ пока еще нѣтъ, да и нѣтъ надобности, въ такой поразительной канализации, какъ на Марсѣ, гдѣ каналы достигаютъ 4000 верстѣ, и могутъ быть видимы и фотографированы на растояніи 45 мил. верстѣ.

Водные запасы не исчезаютъ въ одинъ моментъ на всей планетѣ. Прежде чѣмъ вся планета начнетъ испытывать недостатокъ воды, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нужда гораздо раньше заставитъ прибѣгать къ отдаленнымъ источникамъ. Подобно тому какъ въ настоящее время наши большіе города получаютъ свою воду изъ далекой рѣки или озера, такъ должно быть и на Марсѣ. Вначалѣ, когда вода стала убывать впервые, такое водоснабженіе издалика происходило въ небольшихъ и незамѣтныхъ размѣрахъ. Потомъ необходимость заставила получать воду изъ еще болѣе отдаленныхъ мѣстъ и наконецъ погнала обитателей къ самымъ полюсамъ. И этотъ процессъ, носящій характеръ послѣдовательнаго приращенія, не одновременнаго построенія всей сѣти, повидимому запечатлѣлся въ каналахъ. Всѣ они приурочены скорѣе къ мѣстнымъ надобностямъ, т. е. промежуточнымъ пунктамъ удѣлено не меньше вниманія, чѣмъ конечному, хотя въ настоящее время всѣ части связаны въ одно цѣлое. Система была создана не въ одинъ день и это обстоятельство еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ объ искусственномъ происхожденіи ея.

Вода, содержащаяся въ каналахъ необходима для растительности, и мы видимъ, что сине-зеленія пространства, т. е. растительныя полосы изрѣзаны каналами; эти каналы обыкновенно одиночны и есть указанія на то, что слишкомъ широкія для каналовъ полосы на Марсѣ, въ 80 и 200 верстѣ ширины, суть не самые каналы, а растительныя полосы, орошаемыя каналомъ. Такъ, наблюдателю въ междупланетномъ пространствѣ былъ-бы видѣнъ на землѣ не самый Нилъ, а орошаемая имъ полоса, завоеванная у желтой песчаной пустыни.

Оазисы, о которыхъ упомянуто выше, по своему наружному виду являются важными центрами въ системѣ каналовъ. То обстоятельство, что они расширяются и сокращаются въ зависимости отъ времени года, указываетъ на то, что они состоятъ главнымъ образомъ изъ мѣстъ, покрытыхъ растительностью; отсюда и самое названіе ихъ. Онѣ соответствуютъ нашимъ населеннымъ центрамъ. Вѣроятность этого предположенія усиливается еще тѣмъ, что оазисы подвержены измѣненіямъ какъ размѣровъ, такъ и окраски. Въ извѣстные періоды они блѣднѣютъ, сохраняя сравнительно небольшое темное ядро. Такимъ образомъ наружная оболочка указываетъ на растительность, т. е. она слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, что и сине-зеленія полосы; ядро-же является населеннымъ пунктомъ. Самые большіе изъ нихъ имѣютъ до 100 верстѣ въ поперечникѣ: такая площадь достаточно велика для полученія средствъ къ жизни. Если-бы наши города должны были сами снаб-

жать своихъ жителей всѣмъ необходимымъ то они, вѣроятно, были-бы такихъ же размѣровъ.

Спрашивается, какъ разумныя силы Марса, каковы-бы онѣ ни были, могли покрыть всю поверхность планеты сѣтью каналовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тянутся отъ одного полюса къ другому, и искусственно заставить воду двигаться по нимъ. Какъ могли онѣ выполнять такую колоссальную работу и притомъ однообразно общаго характера? Два соображенія помогаютъ рѣшить этотъ вопросъ.

Во-первыхъ, наличность единой цѣли и инстинктъ самосохраненія. Болѣе сильнаго стимула быть не можетъ.

Всѣ отдѣльныя части вида, властвующаго по планетѣ, должны были объединиться въ гармоничной работѣ для общей цѣли, чтобы работать вмѣстѣ на общее благо. Что же должны мы ожидать на Марсѣ въ силу этого соображенія? Оба полярныя покрыва должны быть использованы такимъ образомъ, чтобы въ работу шли всѣ ихъ водные запасы и чтобы возможно лучше были обслужены обитатели обоихъ полушарій. Мы должны ожидать систему проводовъ, распределенныхъ по поверхности всей планеты и своими сѣверными и южными концами направляющихся къ полярнымъ покрывамъ, въ которыхъ они должны заканчиваться. Эти пути сообщенія должны быть по возможности прямолинейными для экономіи пространства и времени; особенно это необходимо для того, чтобы избѣгать по пути потерь испареніемъ. Такую именно картину открываетъ телескопъ на Марсѣ. Во вторыхъ сама природа планеты значительно облегчаетъ работу. Постройка такихъ сооружений на землѣ была-бы если не совершенно невозможнымъ, то очень труднымъ дѣломъ въ виду гористаго характера ея поверхности. На поверхности Марса горъ вовсе нѣтъ. Такимъ образомъ судьба, какъ бы сама позаботилась устранить это великое препятствіе къ созданію каналовъ. Поверхность планеты представляетъ для постройки каналовъ минимумъ сопротивленія; а грозная нужда максимума побужденія.

Далѣе, діаметръ Марса почти вдвое меньше діаметра земли. Вѣсъ и масса его въ 9,5 разъ меньше вѣса земли. Плотность веществъ на этой планетѣ почти вдвое меньше средней плотности на землѣ (0,69). Отсюда слѣдуетъ, что вѣсъ тамъ на поверхности Марса въ 3 раза меньше, чѣмъ на землѣ. — 3 земныхъ фунта вѣсили-бы на Марсѣ 1 фунтъ; человекъ вѣсомъ 3,5 пуда, вѣсилъ-бы 1 п. 12 ф. На Марсѣ онъ могъ-бы пробѣжать 40 верстѣ съ тою-же легкостью, какъ на землѣ 16. Работа, которая можетъ быть произведена противъ силы тяжести, при равной затратѣ энергіи, обратно пропорціональна квадрату этой силы. Сила-же тяжести на поверхности Марса составляетъ около 38% той величины, которую она имѣетъ на поверхности земли. Поэтому при равной затратѣ труда на Марсѣ можно выкопать ровъ въ семь разъ длиннѣе, чѣмъ на землѣ.

При нашемъ изложеніи всего того, что удалось подмѣтить на Марсѣ, мы тщательно остерегались безпочвенныхъ усмотрѣній. Разсмотрѣвъ всѣ фактическія обстоятельства дѣла, мы нашли, что они указываютъ на интеллектъ, дѣйствующій на этой планетѣ и незамѣнимы никакимъ другимъ предположеніемъ. Затѣмъ мы нашли мотивъ или причину, которая вполне объясняетъ факты, открываемые наблюденіемъ. Слѣдовательно мы вправѣ заключить, что странная картина, которую открываетъ телескопъ, подтвер-

ждаетъ то, что на этой планетѣ въ настоящее время есть жизнь и притомъ жизнь высокаго порядка.

Таково резюме изслѣдованій по данному вопросу астронома проф. Персиваля Лаувелля. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о предметѣ, можетъ быть, наиболее интересномъ, именно о самихъ обитателяхъ планеты Марса, объ ихъ внѣшности. Здѣсь мы опять обратимся къ К. Фламмаріону:

«Если мы желаемъ, говоритъ авторъ, попытаться представить себѣ состояніе другихъ міровъ съ точки зрѣнія ихъ обитаемости разумными существами, то методъ изслѣдованія долженъ быть непремѣнно научный и исходить изъ синтеза фактовъ, заимствованныхъ изъ физиологіи, геологіи и общей этнологіи или науки объ общихъ свойствахъ вещей. Такая попытка, благодаря настоящему прогрессу наукъ, дѣлается возможной.

Данный физиологіи и современной статистики несомнѣнно доказываютъ, что всѣ подробности нашей организаціи, всѣ отправленія или функціи нашего существа находятся въ тѣсной, постоянной, безусловной связи или соотношеніи съ природою планеты, на которой мы живемъ».

«Породы существъ медленно слѣдовали одна за другою на нашей планетѣ. Они начали существовать въ отдаленную эпоху первобытнаго періода въ видѣ простѣйшихъ организмовъ, какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ. Такимъ образомъ изученіе природы устанавливаетъ, при помощи геологіи и палеонтологіи, что породы существъ слѣдовали, постепенно совершенствуясь, и что онѣ связаны между собою общимъ происхожденіемъ и всѣ родственны между собою. Человѣкъ вовсе не происходитъ отъ современной обезьяны, также и не отъ пресмыкающихся и позвоночныхъ, нынѣ живущихъ. Онъ происходитъ, подобно современнымъ обезьянамъ, отъ предковъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли.

Изученіе природы доказываетъ, что человѣкъ есть усовершенствованный продуктъ цѣлаго земнаго зоологическаго ряда, который предшествовалъ ему на землѣ; форма человѣка не произвольна, не случайна; а обязана своимъ видомъ комбинаціи органическихъ силъ, дѣйствующихъ на планетѣ. То-же самое должно происходить и на другихъ мірахъ. И такъ какъ тамъ органическія силы не находятся въ томъ-же состояніи дѣятельности, какъ на землѣ, такъ какъ комбинаціи элементовъ тамъ иныя, свѣтъ, теплота, составъ атмосферы варьируютъ въ различныхъ областяхъ неба,—то первыя формы животныя и растительныя должны были различаться отъ момента зарожденія, и расходиться все больше; такъ что послѣдняя порода животныя, та именно, которая въ каждомъ мірѣ была или будетъ разумной, должна представлять результатъ зоологическаго ряда каждаго міра въ отдѣльности, и слѣдовательно, должна вполне отяичаться отъ той породы, къ которой принадлежимъ мы на землѣ.

Не претендуя на возможность теперь-же опредѣлить физиологическое состояніе обитателей Марса, мы однако, пожалуй можемъ попробовать примѣнить предыдущія соображенія къ документамъ, пока еще рѣдкимъ, относящимся къ обитаемости этой планеты.

Слабая сила притяженія на Марсѣ позволяетъ растеніямъ подыматься гораздо выше, чѣмъ на землѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ. То-же можно сказать и о сухо-

путныхъ животныхъ. Эта-же причина должна содѣйствовать преобладанію воздушныхъ формъ, и животныя породы должны были строиться, развиваться и окончательно приспособляться къ воздушной жизни.

Все вышесказанное относится лишь къ животной организаціи вообще; но не къ внѣшнимъ формамъ живущаго. О формахъ тѣла Марсіянъ мы не можемъ составить никакого представленія. Она зависитъ отъ первоначальнаго направленія въ развитіи органическихъ клѣточекъ въ эпоху появленія жизни на поверхности планеты и несомнѣнно, что формы живущаго существенно различаются на разныхъ планетахъ. Но эта разница въ формахъ обитателей Марса, по замѣчанію К. Фламмаріона, не препятствуетъ пребывать въ высшихъ представителяхъ *такой-же человеческой души, со всеми ея духовными особенностями, какъ и на землѣ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Преслѣдуемый призракомъ Фердинандъ Болгарскій.

Въ іюнѣ 1914 года я обѣдалъ въ ресторанѣ «Генриетта» въ Монпарнасѣ (Парижъ). Рядомъ съ моимъ столомъ, помѣстились еще двое какихъ-то господъ и, конечно, въ концѣ-концовъ мы разговорились. Пришедшіе оказались журналистами и назвали мнѣ себя:—одного фамилія была Гильго, а другого—Бонивонъ.

— Вы, навѣрно, будете смѣяться, когда узнаете, что нынѣшнюю ночь я провелъ... въ непокойномъ домѣ въ Монружѣ... предполагаю, что вы не вѣрите въ духовъ...

— Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ Гильго,—я не только вѣрю въ нихъ, но у меня у самого было въ жизни нѣсколько очень странныхъ явленій, также какъ и у моего друга.

— Да,—подтвердилъ Бонивонъ,—намъ памятно продолжки духовъ еще съ той поры какъ мы жили въ одномъ непокойномъ отелѣ, въ Бухарестѣ. Шестъ недѣль мы не знали покоя и, хотя сами не видѣли духовъ, но одинъ изъ сосѣдей каждую ночь будилъ насъ, заставляя слушать невозможные и совсѣмъ не благочестивые крики и вопли.

Разсказывая мнѣ о многочисленныхъ подобныхъ проявленіяхъ на Балканахъ, они коснулись и слуховъ о Фердинандѣ Болгарскомъ.

— Если только существуетъ на свѣтѣ человѣкъ такъ упорно преслѣдуемый призракомъ,—сказалъ Гильго, то первый изъ подобныхъ людей и есть—Фердинандъ. Онъ никогда не выходитъ ночью одинъ изъ своей комнаты; тѣнь Стамбулова, умершаго въ 1905 году неотступно преслѣдуетъ его. Она отдѣляется отъ стѣны и идетъ за нимъ.

— Такъ разсказываютъ, а можетъ быть это и выдумка,—смѣясь сказалъ Бонивонъ,—но вотъ тому, что мы слышали изъ вполне достовѣрнаго источника—нельзя не вѣрить. Многіе видѣли рядомъ съ Фердинандомъ дома, въ экипажѣ, или на прогулкѣ, фигуру умершаго министра, но намъ сообщили интересный случай, при посѣщеніи Фердинандомъ одной принцессы. Во время его визита, она скрыть не могла своего замѣшательства и тревоги, тоже самое испытывала и ея статсъ-дама. Наконецъ, удалось узнать отъ послѣдней причину безпокойства принцессы.

— ...Это все тотъ человѣкъ,—совершенно сказала она,—онъ неотступно находится около его Величества... Онъ никогда не смотритъ намъ въ глаза...

Ея собесѣдникъ попросилъ статсъ-даму описать видѣнную ею фигуру, такъ какъ онъ самъ не можетъ никакъ хорошенько разглядѣть ее. Она исполнила его просьбу и ея описаніе вполне соответствовало наружности Стамбулова.

— Разскажи М. О'Доннелю про Фердинанда и гадалку...—обратился Гильго къ своему товарищу.

— Да, вотъ это уже вполне достовѣрно и случилось тогда,

когда мы жили почти рядомъ съ его владѣніями въ Кохари,—съ живостью отвѣтилъ Бонивонъ...

— Однажды, гуляя, Фердинандъ зашелъ въ то селеніе, гдѣ мы жили съ моимъ товарищемъ. Ему повстрѣчалась очаровательная дѣвушка—венгерка, отыскивающая себя пропитаніе продажей лентъ и пополнявшая свой скудный заработокъ—гаданіемъ. Она что-то сказала ему, гадая по рукѣ, а онъ, думая, что дѣвушка узнала его, захотѣлъ обмануть ее и, этотъ лукавый и скверный человѣкъ очень удачно замаскировавшись, на слѣдующій же вечеръ отъѣхалъ къ ней. Къ его удивленію, несмотря на искусный гримъ и его прирожденную способность всегда играть роли, дѣвушка тотчасъ узнала того, кому она гадала наканунѣ.

— Я васъ ждала...—сказала она.

— Вы меня ждали?—пробормоталъ Фердинандъ,—кажется, я никому не говорилъ, что иду къ вамъ.

— Полноте! стыдно обманывать,—погрозивъ ему пальцемъ, отвѣтила дѣвушка. Господинъ, съ которымъ я васъ встрѣтила, былъ у меня полчаса тому назадъ и предупредилъ, чтобы я васъ ждала.

— Каковъ онъ изъ себя?—сурово спросилъ Фердинандъ.

— Каковъ?... но, вѣдь, вы сами знаете каковъ—и, шутя и болтая она вполне точно описала ему весь виѣшній видъ Стамбулова, котораго между прочимъ, мы съ Гильго видѣли нѣсколько разъ, лѣтъ восемь тому назадъ.

— Передайте ему, когда онъ придетъ—такъ сказалъ вашъ другъ,—добавила дѣвушка,—что онъ погибнетъ почти также, какъ погибъ я—и, при этомъ онъ показалъ мнѣ свою руку.

— Что же вы на ней увидели?—спросилъ Фердинандъ.

— Конецъ линіи жизни одинаковый, но какой... Я лучше не скажу... А!.. да вотъ и вашъ другъ... онъ пришелъ за вами зоветь васъ... идите къ нему...

Къ ей удивленію Фердинандъ повернулся и пошелъ не къ другу, а въ противоположную сторону.

Мы получили этотъ рассказъ изъ первыхъ рукъ; она сама рассказала намъ его два, или три дня спустя и выражала большой интересъ къ одинаковой судьбѣ этихъ двухъ почитателей, а также очень удивлялась ихъ странному поведенію. (Progressive Thinker).

Пер. М. Киселевой.

ТѢНЬ УЧИТЕЛЯ.

Живущій въ Аккерманѣ *Исаакъ Несисъ* рассказываетъ о слѣдующемъ странномъ событіи въ его жизни.

— Это было въ м. Корсуни, Кіевск. губ., Кановск. уѣзда, когда онъ учился въ раввинскомъ училищѣ.

Учился я съ большимъ успѣхомъ. Мои родители присылали мнѣ ежемѣсячно деньги и я нанялъ себѣ учителя по русскому языку.

Этотъ учитель былъ уже пожилой человѣкъ и жилъ въ одной маленькой комнаткѣ у портного.

Жилъ онъ на скудные средства, получаемыя съ уроковъ. Мы другъ къ другу привязались горячей дружбой.

Мнѣ было удивительно: почему онъ живетъ одинъ, безъ семейства.

На мой вопросъ откуда онъ, учитель мнѣ отвѣтилъ, что родился онъ въ Полтавѣ и окончилъ Полтавскую духовную семинарію.

Я съ нимъ занимался около года и, когда онъ заболѣлъ, то я пересталъ заниматься. По прошествіи двухъ недѣль я навѣстилъ больного, но Сергѣй Николаевичъ (такъ звали учителя) былъ уже серьезно боленъ.

Увидѣвъ меня, учитель очень обрадовался и искренно благодарилъ за визитъ и за подарокъ.

Спустя два дня мой учитель скончался.

Узнавъ я это на слѣдующій день въ своей школѣ отъ товарища, который даже видѣлъ, какъ его хоронили.

Узнавъ о кончинѣ своего любимаго учителя, я вышелъ на дворъ и, стараясь не быть замѣченнымъ, горько заплакалъ.

Прошло уже 5 мѣсяцевъ. Я уже почти забылъ про Сергѣя Николаевича. Въ это время мнѣ перестали писать письма изъ дому и я отъ этого имѣлъ большую досаду.

Однажды я легъ спать со слезами на глазахъ и среди ночи проснулся, все съ тою же неотвязной мыслью:

— «Что съ письмами?»

Вдругъ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ я лежалъ, погасла лампочка и передо мной появился мой мертвый учитель. Онъ стоялъ въ углу комнаты, одну руку положивъ на свою грудь, а другой рукой держалъ себя за голову. Мнѣ посылались слова:

— «Исаакъ, поѣзжай домой, тебѣ предстоитъ несчастье».

И призракъ моментально исчезъ.

Я очень испугался, хотѣлъ крикнуть, но языкъ не повиновался. Придя въ себя, я началъ звать людей. Сбѣжались домашніе и опять зажгли маленькую лампочку.

Я не хотѣлъ никому рассказать, что я видѣлъ... Черезъ три дня въ субботу я получилъ изъ дому деньги и письмо. Мнѣ писали, что отецъ мой боленъ, но чтобы я не беспокоился, такъ какъ «ничего опаснаго» нѣтъ.

Я не долго думалъ и вечеромъ курьерскимъ поѣздомъ уѣхалъ домой въ Херсонъ. Черезъ двѣ недѣли умеръ мой отецъ.

Послѣ смерти отца дѣла нашей семьи пошли совсѣмъ плохо.

Я отправился въ Кременчугъ, чтобы продолжать ученіе, но за неимѣніемъ средствъ рѣшилъ поступить на службу: случайно одинъ человѣкъ предложилъ мнѣ поѣхать въ деревню заниматься съ дѣтьми. Я согласился и поѣхалъ въ м.—ко Хорошки, Полт. губ., Кобелякск. уѣзда, гдѣ давалъ уроки по еврейскому языку. Былъ я въ Хорошкахъ всего 3 мѣсяца.

Въ зимній, но очень теплый день я выѣхалъ изъ села Хорошки.

Когда я направился къ станціи желѣзной дороги, вдругъ потемнѣло, близилась мятель, и я началъ просить у сторожа-будочника, чтобы онъ меня впустилъ переночевать.

Я легъ на печку. Въ эту ночь, часа въ три я снова увидѣлъ своего покойнаго учителя, Сергѣя Николаевича. И я снова услышалъ: «Исаакъ, не поступай ко «Льву», а поступай къ «Медвѣдю».

Я тогда не понялъ, что это значить.

Наконецъ, я пріѣхалъ въ Кременчугъ, гдѣ у меня были два мѣста: одно въ желѣзныи магазинъ *Льва Шахновскаго*, а другое въ химическую красильню М. Барта, котораго по уличному звали «Медвѣдь»...

Я поступилъ въ красильню и теперь я красильщикъ, работаю и мнѣ живется очень хорошо. Прошло уже съ тѣхъ поръ 4 года, но Сергѣя Николаевича больше не вижу.

Итакъ, учитель и послѣ своей смерти служилъ другомъ и охранителемъ своего ученика.

Что это?

Фантазія или правда—предоставляю судить каждому по убѣжденію его разума.

Изъ газеты «Одесская почта» 29 января 1915 г. № газеты 2205.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

Продолженіе *).

Другой, очень распространенный между восточными экзотиками, способъ дѣлать чудеса состоитъ въ дѣйствіи при помощи иллюзіи, слова очень плохо передающаго то интенсивное психологическое впечатлѣніе, которое искусный адептъ можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ произвести на группу индивидуумовъ.

*) См. «Ребусъ», № 2, 1916 г.

Почти невозможно перечислить средства, употребляемые для того, чтобы окружить всю толпу людей той атмосферой тумана, галлюцинаций и чаръ, которая настолько насъ проникаетъ, что заставляетъ видѣть оператора въ иллюзорномъ освѣщеніи, представлять себѣ его видимымъ или невидимымъ, сообразно его желанію. Наиболѣе искусные изъ этихъ адептовъ являются не только медиумами для духовъ и очень опытными психиками, но кромѣ того обладаютъ способностью настолько пропитываться аказой (духовной атмосферой) что по своему желанію могутъ принимать любую форму.

Иногда въ видѣ опыта я позволялъ наиболѣе ловкимъ въ этомъ удивительномъ искусствѣ факирамъ магнетизировать себя (я употребляю это повѣйшее слово, чтобы быть лучше понятымъ). Они составляли кругъ и направивъ на меня свои длинные пальцы, начинали вертѣться, танцовать вокругъ меня; я былъ оглушенъ, лишень голоса, очарованъ, хотя и совершенно сознателенъ; они достигали того, что я становился невидимъ для прохожихъ. Факиры останавливали ихъ и просили описать мою внѣшность, но прохожіе энергично отрицали присутствіе кого либо на занимаемомъ мною мѣстѣ.

Случалось, что и другія лица, вмѣстѣ со мной были окружены этой атмосферой невидимости. Однажды мнѣ довелось слышать, какъ факиры убѣждали собравшуюся въ храмѣ Сивы въ Бенаресѣ, толпу въ присутствіи тигровъ, львовъ и другихъ страшныхъ звѣрей, тогда какъ въ указанныхъ мѣстахъ не было ничего подобнаго. Для того, чтобы производить подобныя иллюзіи операторъ долженъ быть хорошимъ психологомъ и окруживъ себя могущественными духами, очистить себя продолжительнымъ постомъ, пропитать свое тѣло частымъ втираніемъ эссенцій и этимъ развить въ себѣ мистическое изступленіе и, накопивъ въ своемъ организмѣ громадное количество аказы, дать возможность вызваннымъ духамъ дѣйствовать при посредствѣ подготовленнаго такимъ образомъ человѣческаго организма. Если я прибавлю, что жители этихъ восточныхъ странъ со своими гибкими, хрупкими формами и естественной склонностью къ упражненіямъ подобнаго рода чувствуютъ необыкновенную любовь къ фокусничеству и достигаютъ въ этомъ искусствѣ совершенно неизвѣстной въ другихъ странахъ ловкости, то читатель пойметъ происхожденіе многихъ чудесъ на Востоку.

Нельзя смѣшивать, однако, дѣйствія профессиональнаго фокусника, съ дѣйствіями религіознаго экстастика. Эти два класса различаются не только по своимъ приемамъ но и по цѣли, которую они преслѣдуютъ. Фокусникъ удивительно ловокъ въ своемъ искусствѣ и умѣетъ убѣдить даже самаго подозрительнаго наблюдателя съ своимъ общеніемъ съ сверхестественными силами, которыя помогаютъ ему. Многіе изъ этихъ индусскихъ экстастиковъ безчестятъ свои замѣчательныя способности самымъ отвратительнымъ попрошайничествомъ, но существуетъ многочисленная группа агентовъ, дѣйствія которыхъ вызываются безконечно болѣе высокими стимулами, ихъ строгій аскетизмъ и система добровольныхъ мукъ представляютъ самыя высокія религіозныя стремленія. Для того, чтобы прославить храмъ или монастырь, къ которому они принадлежатъ, эти адепты отказываются отъ всякаго вознагражденія; они участвуютъ

въ религіозныхъ церемоніяхъ и держать себя съ большимъ достоинствомъ.

Будучи убѣжденъ во вмѣшательствѣ духовныхъ силъ въ большую часть этихъ удивительныхъ феноменовъ и желая полнѣе ознакомиться съ предметомъ, я рѣшился посвятить годъ и все свободное время на экспериментированіе этихъ феноменовъ. Для этой цѣли я долженъ былъ покинуть мою роскошную резиденцію въ окрестностяхъ Бенареса и удалиться съ группой факировъ въ темныя подземелья древнихъ развалинъ, еще и до нынѣ пропитанныхъ, до послѣдняго камня, духомъ древней грандіозной вѣры, пылкія проявленія которой наполняли нѣкогда эти освященные воспоминаніями мѣста. Благодаря данной мною клятвѣ я не могу открыть методовъ моего посвященія, проведеннаго подъ руководствомъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ людей, глубоко знавшихъ тайны и употребленіе оккультныхъ силъ самаго высокаго духовнаго порядка.

Я покорился правиламъ самаго строгаго аскетизма и серьезнымъ отношеніемъ даже превзошелъ наложенную на меня дисциплину. Такъ какъ я былъ по природѣ естественнымъ магомъ, то время моего искуса было сокращено и я могъ бы если бы захотѣлъ, достигнуть у своихъ буддистскихъ учителей самыхъ высокихъ степеней ихъ ордена.

Мое иностранное происхожденіе не позволяло мнѣ принять у Браминовъ духовное званіе, и не смотря на это они умоляли меня остаться съ ними, обѣщая сдѣлать для меня исключеніе, но я не стремился къ этому.

Когда я проникъ въ тайну истиннаго оккультнаго могущества, моя цѣль была достигнута. Я употребилъ всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы убѣдиться въ его реальности. Благодаря испытаніямъ и опытамъ я знаю теперь, что *душа человѣческая можетъ управлять всякимъ элементомъ въ природѣ и что человѣку доступны всѣ проявленія духовнаго и даже божественнаго могущества*. Много и другихъ тайнъ я узналъ, но данная мною клятва мѣшаетъ мнѣ оглашать ихъ; кромѣ того въ нашу эпоху съ ея извращенными нравами, эти знанія создали бы на землѣ скорѣе адъ, чѣмъ рай и заставили бы скорѣе проклинать меня, чѣмъ благословлять. Я обладаю всеми этими знаніями, всѣ я ихъ провѣрялъ на опытъ и убѣдился въ ихъ реальности. Эти изслѣдованія я предпринялъ не въ первое мое посѣщеніе Индіи. Обязанности военной службы на которую я поступилъ по желанію моей семьи, не позволяли мнѣ посвятить этому достаточно времени; мои изслѣдованія въ этомъ направленіи закончились во время моего второго, болѣе недавняго, пребыванія на Востоку, и рассказывая въ этой главѣ о полученныхъ мною результатахъ, я упреждаю событія. Однако не думайте, что эти знанія и способности легко приобретаются. Тотъ образъ жизни, на который я промѣнялъ свое комфортабельное существованіе нашего цивилизованнаго міра, по своей суровости заставило бы многихъ европейцевъ отступитъ въ страхъ и ужасъ.

Размышляя надъ непостижимыми намѣреніями провидѣнія, направляющаго все ко благу человѣка, мнѣ часто приходило на мысль, что моя отчаянная попытка къ самоубійству, вызванная страшнымъ горемъ, т. е. смертью моего горячо-любимаго друга фонъ Маркса, была допущена

лишь для того, чтобы подготовить меня къ страшнымъ по своей суровости, испытаніямъ, благодаря которымъ я переступилъ за порогъ человѣческаго и проникъ въ «жизнь боговъ», въ смыслъ знанія, которымъ можетъ обладать только духъ. Какъ большинство медіумовъ и экзтатиковъ, я не пользовался хорошимъ здоровьемъ, но я самъ пораженъ той необыкновенной выносливостью моего организма для достиженія свѣта и духовнаго могущества при наложенныхъ на меня чрезвычайныхъ испытаніяхъ. Въ то время какъ многіе изъ жившихъ со мной неопитовъ потерпѣли полную неудачу и должны были удалиться, потерявъ здоровье, повредивъ разумъ, а нѣкоторые потеряли даже жизнь, не увидавъ результатовъ своего труда, я преодолевалъ каждое испытаніе, такъ какъ будто могущественные духи помогали мнѣ въ немъ, конечно, я не могу приписать одной чисто человѣческой волѣ, мои товарищи чувствовали это поддерживавшее меня вліяніе, но я одинъ зналъ, что та легкость, съ которой я преодолевалъ всѣ трудности была мнѣ дана для того, чтобы убѣдить меня въ господствѣ духа надъ матеріей и показать существованіе силы, позволяющей человѣческой душѣ перейти предѣлы времени и пространства.

Со дня моего прибытія въ Индію я, въ зависимости отъ обстоятельствъ, проводилъ время или въ изученіи духовныхъ феноменовъ или въ исполненіи обязанностей службы.

Несмотря на поглощавшую меня общественную жизнь, бывшую для меня очень бурной и сложной съ того самого момента, когда я присоединился къ родственникамъ моего отца въ Индіи, я никогда не оставлялъ, насколько мнѣ позволяли силы и здоровье, моихъ духовныхъ исканій, никогда не находилъ ихъ несовмѣстимыми съ рутинной обыкновенной жизни.

Мнѣ приходилось жить во многихъ большихъ городахъ Индостана и Декана; нѣкоторое время я жилъ съ родственниками, о которыхъ говорилъ въ началѣ этой книги; но моимъ «Патмосомъ» была вилла въ окрестностяхъ Бенареса. Тамъ я жилъ среди людей, съ которыми я могъ продолжать мои любимыя занятія.

Съ одного края Индіи до другого, гдѣ я ни проходилъ, вездѣ мои глаза встрѣчали неизгладимые слѣды пылкой вѣры, глубокаго благоговѣнія, которое древніе Индусы проявляли по отношенію къ принципамъ своей религіи. Колоссальные монументы, гигантскія пагоды, грандіозные подземные храмы, каждая изъ этихъ построекъ была жертвой, освященной самой чистой кровью сердца миллионныхъ вѣрующихъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

АУРОСКОПЪ ЧЕХОНИНА.

Рассказъ Льва Гумилевскаго.

Три года тому назадъ, одинъ изъ моихъ свѣтскихъ пріятелей помѣщикъ, графъ Ф., уѣзжая съ семьей за границу, предложилъ мнѣ побывать лѣто у него въ имѣніи, гдѣ то въ глуши Саратовской губ., въ полномъ уединеніи, въ которомъ я такъ нуждался.

Я съ радостью принялъ его предложеніе.

Громадный барскій домъ, дивный паркъ около него,

рѣка рядомъ, прекрасная охота, тишина и солнце-доставили мнѣ много радостныхъ минутъ. Я чувствовалъ себя прекрасно, ни о чемъ не думалъ, работалъ понемногу съ наслажденіемъ и уже собирался уѣзжать, какъ вдругъ получилъ письмо отъ своего друга-доктора Чехонина, извѣстнаго оптика.

— Ты слышалъ уже, — писалъ онъ, — о томъ, что я работаю надъ однимъ интереснымъ изобрѣтеніемъ. Теперь аппаратъ мой готовъ и мнѣ нужна обстановка для экспериментовъ. И судя по твоимъ письмамъ, ничего лучшаго въ мірѣ для этого я не найду, кромѣ твоей деревеньки. Позволь пріѣхать...

Я интересовался изобрѣтеніемъ моего друга и немедленно же телеграфировалъ ему:

— Пріѣзжай. Жду.

Черезъ недѣлю онъ пріѣхалъ.

— Видишь ли, — серьезно заговорилъ онъ вечеромъ, послѣ того, какъ мы досыта набесѣдовались о столицѣ, — мнѣ нуженъ свѣжій человѣкъ, во первыхъ, во вторыхъ совершенно незнакомая обстановка... Ты не знаешь исторіи этого дома?

Я пожалъ плечами.

— Абсолютно ничего не знаю... Ты знаешь мой характеръ — я съ прислугами не болтаю... Графъ Ф. самъ здѣсь не живетъ, да и отъ него я ничего не слышалъ... Но почему это тебя занимаетъ?

Чехонинъ покачалъ головой, потеревъ свои черные волосы, погладилъ эспаньолку:

— Прекрасно... Это очень важно, что и ты ничего не знаешь. Ты можешь самъ экспериментировать?

— Я?! Ну, съ наслажденіемъ, конечно.

Чехонинъ вынулъ изъ кармана простенькій футляръ, раскрылъ его и показалъ какіе то особенной формы очки, съ большими, темноватыми гранеными стеклами.

— Вотъ это мой ауроскопъ. Послѣ я объясню тебѣ мою теорію, а сейчасъ пока давай займемся. Мнѣ завтра надо будетъ уѣхать.

Я кивнулъ головой.

— Начнемъ такъ начнемъ.. Но въ чемъ дѣло все таки?

— Послѣ, послѣ, — замѣтно волнуясь заговорилъ онъ, — прежде всего свѣтъ долженъ быть вполне естественный... Лампы долой. Конечно не обязательно, что мы увидимъ что либо, но... возможно что ты сейчасъ познакомишься съ какой нибудь исторіей изъ жизни обитавшихъ здѣсь людей...

— Что?!

— Ничего, ничего... Сойдемъ на террасу, — закончилъ онъ, погасивъ лампы, — и будемъ въ дверь наблюдать комнату... Allons!

Отчего то мнѣ стало на минуту жутко. Я молча вышелъ за нимъ на террасу. Уже совсѣмъ было темно, но надъ садомъ поднялся полный мѣсяцъ и заглянулъ въ комнату черезъ окна блестящими лучами:

— Луна почти необходима, поэтому я выбралъ полнолуніе, — замѣтилъ мой другъ, — теперь вооружись ауроскопомъ и неподвижно наблюдай комнату... Вѣдь двери заперты, войти никто не можетъ.

— Да заперты.

— Отлично. Теперь смотри и молчи... Послѣ расскажешь.

Я одѣлъ ауроскопъ, какъ простые очки, и сталъ смотрѣть. Первый же мой взглядъ сквозь странныя стекла заставилъ меня удивиться: вѣдь они были темноватые, а между тѣмъ комната сквозь нихъ точно просвѣтлѣла и прояснѣла.

Я смотрѣлъ съ полчаса и ничего не видѣлъ. Уже началъ уставать отъ напряженнаго молчанія, какъ вдругъ замѣтилъ въ комнатѣ движеніе темныхъ человѣческихъ фигуръ. Я вздрогнулъ, подумалъ о какой то мистификаціи, но заинтересовавшись сталъ внимательно смотрѣть.

Фигуры яснили, постепенно вырисовывались. Я разглядѣлъ уже ихъ лица: за громаднымъ столомъ, уставленным приборами сидѣлъ очевидно хозяинъ съ типичнымъ лицомъ паралитика, сохранившимъ слѣды красоты, барственности и высокообрія. Передъ нимъ стоялъ лакей, подававшій блюда и чѣмъ то прогнѣвившій барина. У лакея были темные, злые глаза, закушенные отъ безсильной злобы тонкія губы.

Я отчетливо видѣлъ все и не сомнѣвался, что вижу что-то дѣйствительно происходящее: до того были реальны фигуры, до того были реальны и торчащіе кончики подвязанной у барина салфетки, и масляные волосы лакея и его дрожація, красные руки.

— Откуда же свѣтъ?—неожиданно подумалъ я,—вѣдь мы погасили лампы...

Я взглянулъ на верхъ: горѣла ярко старинная люстра. Подумать мнѣ не было времени. Въ этотъ же моментъ совершилось что-то страшное, зашевелившее волосы на моей головѣ, выдавившее у меня на лбу холодные капли пота отъ охватившаго меня ужаса.

Баринъ замахнулся тарелкой на лакея. И въ этотъ же мигъ, тотъ вдругъ съ выраженіемъ безумной злобы отшатнулся и взмахнулъ надъ головою барина своимъ здоровымъ кулакомъ. Паралитическое лицо изобразило въ своихъ искаженныхъ гримассахъ таковой страшный ужасъ что рука лакея не опустилась.

Баринъ приподнялся. Потомъ упалъ въ кресло и втянувъ голову въ плечи, какъ-то косо взглянулъ, прямо на насъ стеклянными, обезумѣвшими глазами.

Я вскрикнулъ, забывъ обо всемъ, и кинулся къ двери. Тотчасъ же все исчезло: и свѣтъ и люди.

Я снялъ ауроскопъ и тяжело вздохнувъ сѣлъ.

— Не вытерпѣлъ,—раздался около меня спокойный голосъ Чехонина,— а жаль.. Любопытно братъ дальше бы посмотреть...

— Что такое это... Ради Бога,—взмолился я,—ты видѣлъ?! Я съ ума схожу...

Въ самомъ дѣлѣ мнѣ показалось, что съ моимъ мозгомъ творится что-то неладное.

Чехонинъ взялъ меня за руку и повелъ въ садъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ... Я все видѣлъ, я вижу это и безъ ауроскопа. Но ты счастливъ, чтобы видѣть такія штуки, нужна удача, потому что тутъ все зависитъ отъ свѣта, отъ времени, отъ наблюдателей... Ну однимъ словомъ вотъ что: въ минуты страшныхъ нервныхъ напряженій человѣкъ не зная этого фиксируетъ около себя свѣтовые волны такъ что и много лѣтъ спустя ихъ можно наблюдать другимъ... Здѣсь этотъ ужасъ умирающаго старика зафиксировалъ свѣтовые волны и ты получилъ ихъ посредствомъ моего ауроскопа... Я же видѣлъ и такъ. Это

трудно, но можно... Во всякомъ случаѣ, все то что говорилось о привидѣніяхъ, какъ ты видишь теперь не ерунда... Привидѣнія есть вездѣ почти и всегда, ихъ только надо умѣть видѣть..

— И это все?! спросилъ я со вздохомъ тоски и охватившаго меня ужаса передъ этимъ ауроскопомъ, открывающимъ такія перспективы передъ человѣчествомъ.

— Да все... Завтра мы надѣюсь узнаемъ кое-что еще до моего отъѣзда.

Проходя столовой я съ ужасомъ посмотрѣлъ на столъ. А ночью не могъ заснуть до утра.

Утромъ все объяснилось и запуталось еще болѣе. Я позвалъ управляющаго и указывая на Чехонина сказалъ ему, по совѣту друга:

— Передъ отъѣздомъ мы хотѣли бы оглядѣть залъ съ портретами.

Управляющій старенькій нѣмецъ повелъ насъ туда.

И какъ общалъ Чехонинъ, такъ и вышло: среди десятка портретовъ мы въ одинъ голосъ узнали то лицо, которое видѣли вчера.

— Это графъ Александръ Андреевичъ...

— Какъ онъ умеръ,—спросилъ Чехонинъ,— гдѣ?! Когда?!

Управляющій подумалъ и рассказалъ:

— Лѣтъ десять тому назадъ.. Параличъ его хватилъ. Года два онъ послѣ этого еще жилъ, капризничалъ, мучилъ всѣхъ... Потомъ за ужиномъ какъ то лѣтомъ и умеръ...

— Одинъ?—спросили мы оба.

— Одинъ,—отвѣтилъ управляющій,— лакей еще былъ съ нимъ. Онъ значить и видѣлъ, говорилъ что разсердился тотъ на что-то... Тарелка что ли не понравилась. Крикнулъ на него и хлопнулся...

Остальные портреты мы пробѣжали мелькомъ.

Когда управляющій ушелъ, я поздравилъ своего друга.

— Итакъ, значить, необъяснимое объяснено.

— О, да,—счастливо засмѣялся онъ,— мой ауроскопъ—поможетъ разобраться во многомъ.

Вечеромъ мы съ нимъ разстались.

— Какой ужасъ знать что ты окруженъ призраками... И тутъ вотъ и здѣсь вотъ,—думалъ я.

И утромъ уѣхалъ изъ имѣнія.

* * *

P. S. На дняхъ я получилъ извѣстія о томъ, что сброшенная съ аэроплана бомба непріятели упала на перевозный пунктъ у С. Въ числѣ убитыхъ оказался и Чехонинъ.

— Ауроскопъ,—подумалъ я,—что съ нимъ?

Навелъ справки. Никто ничего не могъ сказать мнѣ объ изобрѣтеніи доктора. Гдѣ аппаратъ, гдѣ чертежи, гдѣ его записки? Погибли?!

Я счелъ своимъ долгомъ рассказать объ этомъ для тѣхъ, кто можетъ быть заинтересуется этой идеей, пойметъ и продолжитъ работы Чехонина, унесшаго въ могилу съ собой свою тайну.

Авторъ.

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. » 6 » . 3 » — » За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС- ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просятъ адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
№ 1680—81.	13-го Марта 1916 года.	№ 6

Содержаніе: 1) «Непрерывность». (Прод.). Проф. О. Лоджса.—2) По пути.—3) Эволюція души. (Прод.). Д. О. Кара-
бановичъ.—4) Сверхнормальное на войнѣ.—Литературный отдѣлъ.—5) Въ двухъ плавахъ—(романъ
окультиста). (Прод.).

НЕПРЕРЫВНОСТЬ.

Профессоръ Оливеръ Лоджъ.

Рѣчь, произнесенная въ Британской Ассоціаціи Наукъ въ
1913 г.

(Съ англ.—перев. А. И. Бобровой).

(Продолженіе *).

Но различные способы, предпочитаемые тѣми уче-
ными, которые не доверяютъ нашимъ способностямъ
правильно разбираться въ деталяхъ,—эти способы тоже
далеко не совершенны. Профессоръ Шустеръ коммен-
тируетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

— „Туманность, которую обычно признавали нашимъ
злѣйшимъ врагомъ, нынѣ причислена къ лику люби-
мѣйшихъ идиологовъ. Мы можемъ никогда не узнать, что
составляетъ атомъ, или какова истинная структура
эфира; а, слѣдовательно,—говорятъ—къ чему же и без-
покоиться о дальнѣйшихъ изысканіяхъ? Не благо-
разумнѣ ли, наоборотъ, посвятить себя общимъ обсу-
жденіемъ объ энтропії, о свѣтовыхъ векторахъ и огра-
ничиться неопредѣленными символами, смутно выра-
жающими извѣстныя физическія соотношенія. Въ су-
щности, въ основаніи того очарованія новыми доктри-
нами, какое охватило современное ученое человѣче-
ство, лежитъ просто трусость; боязнь, что заблужденія
ихъ будутъ имъ доказаны“.

„Я считаю, что эти доктрины уже прямо фатальны
для развитія науки. Допуская всю невозможность для
нея проникнуть далѣе, чѣмъ самая лишь поверхност-
ная наслоенія наблюдаемыхъ феноменовъ, я поста-
вилъ бы для опредѣленія двухъ различныхъ направле-
ній ума такую формулу: одно направленіе прославляетъ
наше невѣжество, а другое—принимаетъ его какъ пе-
чальную необходимость“.

Съ этой критикой я согласенъ.

Для дальнѣйшей иллюстраціи современнаго скеп-
тическаго направленія я беру цитату изъ мнѣній
Пуанкаре:

— „Принципы суть условности и замаскированныя
опредѣленія. Однако, они вытекли изъ эксперименталь-
ныхъ законовъ, а эти законы выросли, такъ сказать,

въ принципы, коимъ умъ нашъ придаетъ абсолютную
цѣнность“...

— „Основы геометріи, напримѣръ, по словамъ Эвкли-
да, суть только условности; и одинаково неблаго-
разумно какъ ставить вопросъ объ ихъ истинности или
ошибочности, такъ и объ томъ, истинна ли метрическая
система или нѣтъ. И то и другое суть лишь удобныя
условія“...

„Существуетъ ли эфиръ или нѣтъ—безразлично; пре-
доставимъ это дѣло метафизикамъ; для насъ важно то,
что все происходитъ такъ, какъ если бы онъ суще-
ствовалъ, и эта гипотеза оказалась наиболѣе подхо-
дией для объясненія явленій природы. Въ концѣ кон-
цовъ, совершенно такая же причина побуждаетъ насъ
вѣрить въ существованіе матеріальныхъ предметовъ.
Вѣдь и это послѣднее вѣрованіе есть лишь условная
гипотеза“.

Необходимый противовѣсъ этимъ слишкомъ тяже-
лымъ словамъ мы находимъ у сэра Ж. Лармора:

— „За послѣднее время замѣчается все увеличиваю-
щееся тяготѣніе, отчасти поддержанное общими фило-
софскими воззрѣніями, признать теоритическія по-
строенія физики чрезвычайно искусственными; и, вмѣ-
сто солиднаго изображенія соотношеній предметовъ,
на которое могъ бы опираться дальнѣйшій прогрессъ
науки, эти построенія являются, такимъ образомъ,
немногимъ лучше миража“...

— „Лучшій методъ опроверженія этого скептицизма
заключается въ ознакомленіи съ истиннымъ размѣ-
ромъ и со способами примѣненія представленій, кото-
рыя, на обычномъ языкѣ поверхностнаго изложенія,
а иногда и на шутивно-неосторожномъ языкѣ авторовъ
парадоксальныхъ статей, часто выглядятъ довольно
странно“.

Одно обстоятельство достойно примѣчанія, а именно,
что этотъ видъ научнаго скептицизма появился благо-
даря современному болѣе точному и пристальному изу-
ченію предмета; и, далѣе, что простые законы, съ
которыми мы привыкли обращаться, оказались просты,
и понятны, и что, такимъ образомъ, истинная сло-
жность явленій была скрыта вслѣдствіе элементарности
способовъ наблюденія.

Законы Кеплера не исполнѣ точны, но, если бы онъ
имѣлъ въ своемъ распоряженіи все, чѣмъ обладаемъ
мы теперь, то онъ врядъ ли бы открылъ ихъ. Въ дѣй-

* См. «Ребусъ», № 4—5, 1916 г.

ствительности планета не движется по эллипсу, а по формѣ, близкой къ гипоциклоидѣ, и даже не вполне правильной.

Точно также дѣло обстоит и съ закономъ Бойля и съ другими простѣйшими законами физической химіи. Даже современныя объясненія закона Бойля представляютъ собою лишь дальнѣйшія приближенія. Въ большинствѣ отдѣловъ физики эта простота законовъ поемногу уступаетъ мѣсто большей сложности; но я, разумѣется, стою за простоту, такъ какъ простѣйшіе законы суть вѣрнѣйшіе и вѣрны они и до сей поры, а ихъ отклоненія отъ истины обнаруживаются лишь при серьезныхъ новыхъ открытіяхъ. Причина ихъ возникновенія становится намъ извѣстной; законъ не нарушается, но лишь видоизмѣняется подъ влияніемъ новыхъ добавочныхъ условий. Это-то и есть прогрессъ.

Здѣсь можно опять сдѣлать ссылку на Пуанкаре, такъ какъ въ общихъ чертахъ я съ нимъ вполне согласенъ.

— „Возьмемъ, къ примѣру, законъ отраженія. Френель устанавливаетъ его путемъ простой и привлекательной теоріи, которую экспериментъ какъ-будто подтверждаетъ. Въ дальнѣйшемъ болѣе тщательныя изысканія доказали, что эта проверка можетъ служить лишь приближеніемъ: слѣды эллиптической поляризаціи были обнаружены всюду. Тѣмъ не менѣе именно благодаря этому первоначальному приближенію и была открыта причина этихъ аномалій: существованіе промежуточного слоя и все существенное въ теоріи Френеля осталась нерушимымъ. Невольно думается, что всѣ эти соотношенія никогда не были бы отмѣчены, если бы въ самомъ началѣ ихъ возникновенія явилось бы указаніе на всю возможную сложность изслѣдуемаго явленія. Давно было сказано: если бы Тихо де Браге имѣлъ въ своемъ распоряженіи инструменты, въ десять разъ болѣе точные, чѣмъ тѣ, какими онъ пользовался, то никогда не было бы ни Кеплера, ни Ньютона, ни астрономіи. Несчастіе науки въ томъ, что она возникла слишкомъ поздно,—въ то время, когда аппараты для изслѣдованія слишкомъ точны. И именно это-то и происходитъ въ настоящую минуту въ области физической химіи: работники ея скованы въ своихъ заключеніяхъ третьими и четвертыми десятичными знаками числовыхъ результатовъ; къ счастью эти работники—люди здоровой вѣры. По мѣрѣ нашего ознакомленія со свойствами матеріи, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что здѣсь царитъ непрерывность... Ее трудно бы было удостовѣрить при посредствѣ убѣдительныхъ разсужденій, но безъ этой непрерывности всякая наука сдѣлалась бы невозможной“.

Здѣсь онъ затрагиваетъ мою собственную тему—*„Непрерывность“*—и, приводя къ одному знаменателю споры по физикѣ, я прихожу къ убѣжденію, что главнымъ образомъ тутъ и лежитъ разрѣшеніе всего вопроса: что въ концѣ концовъ побѣдитъ—непрерывность или прерывность.

На первый взглядъ въ природѣ преобладаетъ прерывность; все разрозненно и подлежитъ отдѣльному подсчету. Затѣмъ, мы замѣчаемъ воздухъ и другіе среды (*media*), и усматриваемъ непрерывность и плавно измѣняющіяся количества. Далѣе мы находимъ атомы и численныя свойства и здѣсь вновь является разрывность. Но мы изобрѣтаемъ эфиръ и непрерывность вновь восстанавливается. Однако, похоже на то, что это не конецъ, и каковъ будетъ онъ, и будетъ ли онъ вообще—на это трудно отвѣтить.

Современное направленіе въ наукѣ стремится установить прерывность и атомическій характеръ всѣхъ вещей. Матерія долго считалась атомистической, въ томъ же смыслѣ атомична антропологія; атомъ есть единица ма-

теріи, такъ же какъ единица человечества—особь *). Какъ мужчины, женщины, дѣти могутъ быть исчислены, какъ столько-то „душъ“, такъ могутъ быть исчислены и атомы матеріи.

Несомнѣнно тутъ есть и иллюзія непрерывности. Мы видимъ ее въ водѣ; она кажется сплошной посредствующей средой, а вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ изъ молекулъ. Она опять становится сплошной въ некоторомъ родѣ, если эфиръ заполняетъ ея промежутки; эфиръ представляетъ собою типъ непрерывности, хотя Осборнъ Рейнольдъ и изобрѣлъ прерывчатый или зернистый эфиръ по аналогіи съ морскимъ пескомъ. Пески на морскомъ берегу, волосы на головѣ, потомство патриарха, представляютъ собою типичныя примѣры исчислимаго или, вѣрнѣе, безчисленнаго количества отдѣльныхъ предметовъ. Затрудненіе при исчисленіи въ данныхъ случаяхъ состоитъ не въ томъ, что нечего считать, а въ томъ, что предметы счисления слишкомъ многочисленны. Таковы же и атомы, помѣщающіеся въ каплѣ воды—ихъ больше, чѣмъ капель въ Атлантическомъ океанѣ—и, какъ бы быстро мы ни пересчитывали ихъ, за это кратчайшее время испарится ихъ не менѣе пятидесяти милліоновъ; но ихъ такъ же легко исчислить, какъ и песокъ на берегу морскомъ.

Процессъ счисления есть, очевидно, процессъ прерывности, т. е. процессъ примѣнимый къ вещамъ, естественно состоящимъ изъ единицъ; можно считать яблоки, монеты, дни, года, людей и атомы. Для того, чтобы исчислить непрерывность, ее сначала необходимо раздѣлить, искусственно хотя бы, на единицы; но, тѣмъ не менѣе вы всегда все-таки останетесь съ несоизмѣримыми дробями. Такимъ только образомъ можно обращаться, измѣряя или исчисляя—такіе непрерывныя феномены, какъ теплота въ комнатѣ, высота полета птицы, сила воздушнаго тока.

Но теперь можно спросить, какъ понимать прерывность самыхъ чиселъ? Простой рядъ чиселъ: 1, 2, 3 и т. д., разумѣется, достаточно прерывенъ, но вѣдь существуютъ для заповѣданія промежутокъ дробей; почему мы знаемъ, что эти числа не соединяются дробями и, слѣдовательно, не являются ли они намъ опять непрерывности?

Говоря о числѣ, я вездѣ подразумѣваю соизмѣримые числа; несоизмѣримыя количества—не числа; именно онѣ-то и не поддаются перечисленію. Квадратный корень изъ двухъ не есть число, но можетъ тотчасъ быть обозначенъ, какъ длина линіи. Несозмѣримыя величины обычны въ физикѣ и, часто встрѣчаются въ геометріи; концепціи геометріи по существу непрерывны.

„Ясно, какъ говорить Пуанкаре, что, если точки, которыхъ координаты соизмѣримы считать за единственно реальныя, то кругъ, вписанный въ квадратъ, и діагональ квадрата не пересѣкаются, такъ какъ координаты ихъ точекъ пересѣченія несоизмѣримы.“

Я желаю этимъ напомнить, что соизмѣримыя дроби не соединяютъ чиселъ, а также нисколько не устраняютъ ихъ прерывности. Дѣленія на футовой линейкѣ, какъ бы ни были они мелки, тѣмъ не менѣе все же представляютъ соизмѣримыя части ея, но сами не протяженны; какъ бы ни были они часты, само протяженіе заключается всегда между ними; дѣленія только перегородки и не занимаютъ части пространства, они не сообщаются между собою и раздѣльны по сущности. Промежутки безконечно больше, чѣмъ дѣленія, которыя отгораживаютъ ихъ одно отъ другого; они похожи на рядъ отдѣленій съ раздѣляющими ихъ тончайшими

*) Въ своей недавней рѣчи, произнесенной въ Канадѣ, лордъ Гальденъ (Haldane) разсматривалъ національную и социальную сплошность человѣческой расы, какъ противоположность индивидуальной разрывности.

стѣнками. Всѣ несоизмѣримыя величины лежатъ въ промежуткахъ; отдѣленія заполнены ими и такимъ образомъ онѣ безконечно многочисленнѣе, чѣмъ величины, которыя могутъ быть выражены числами. Возьмите наудачу первую попавшуюся точку на шкалѣ, она непремѣнно ляжетъ въ промежутокъ дѣленія, она никакъ не попадетъ на дѣленіе, такъ какъ шансы при этомъ равны безконечности противъ единицы.

Сообразно съ этимъ несоизмѣримыя количества являются правиломъ въ физикѣ. На практикѣ, при исчисленіяхъ, десятичныя дроби никогда не оказываются конечными, т. е. результаты никогда не выражаются простыми дробями, иначе это означало бы безконечную точность наблюденій; обыкновенно же берется столько десятичныхъ знаковъ, сколько ихъ соотвѣтствуетъ потребной точности. *Слѣдовательно, тамъ, гдѣ соизмѣримое число дѣйствительно оказывается связаннымъ съ естественнымъ явленіемъ, тамъ непремѣнно встрѣчается достойное замѣчанія обстоятельство, существенное для этого феномена, обозначающее нѣчто определенное и, какъ таковое подлежащее строгому доказательству.* Всякая разрывность, которую можно найти и вычислить, есть новое добавленіе къ знанію. Разрывность есть не только открытіе естественныхъ единицъ мѣры вмѣсто искусственныхъ, но и новый свѣтъ, брошенный на природу самаго феномена.

Напримѣръ: отношеніе между скоростью свѣта и числомъ обратнымъ корню квадратному изъ продукта электрическаго и магнетическаго константовъ, какъ открылъ Клеркъ-Максвелль, равно единицѣ; и этимъ открытіемъ создалась новая эра въ физикѣ.

Дальтонъ открылъ, что химическія соединенія совершаются между опредѣленными количествами различныхъ субстанцій, и количество это выражается нѣкоторыми цѣлыми и дробными числами; изъ этого выросла атомическая теорія матеріи.

Гипотеза Прута, которая въ нѣсколько измѣненной формѣ можетъ считаться основательной, состоитъ въ томъ, что атомные вѣса выражаются соизмѣримыми числами; въ этомъ случаѣ должна лежать въ основѣ естественная единица, изъ опредѣленнаго числа которой составлены атомы различныхъ видовъ матеріи.

Малое число степеней свободы молекулы и подраздѣленіе ея общей энергіи на равныя части, соотвѣтствующія имъ, представляется темой, хотя дающей не мало затрудненій, но чрезвычайно важной. На ней покоятся предположеніе, что энергія можетъ также быть атомистической!

Система Менделѣева или открытіе естественной группировки атомныхъ вѣсовъ элементовъ въ семейства изъ семи членовъ представляетъ другой примѣръ значенія чиселъ.

Электричество было опредѣлено Фарадеемъ, какъ численно связанное съ количествами матеріи, и такимъ образомъ, атомъ электричества началъ свою, нерѣшительную вначалѣ, но нынѣ блестящую карьеру.

Довольно странно, но электричество само по себѣ, т. е. электрическіе заряды, оказались атомистическими. Имѣется естественная единица электрическаго заряда, которую подозрѣвали и Фарадей, и Максвелль, и которую установилъ Джонстонъ Стоней. Нѣкоторые видимые эффекты электроновъ въ безвоздушномъ пространствѣ были изучены Круксомъ, а ихъ измѣренія и вѣсъ были доложены впервые въ засѣданіи Британской Ассоціаціи въ 1899 году Ж. Ж. Томсономъ. Это была хорошая прелюдія къ XX-му вѣку!

Электронъ является естественной единицей отрицательнаго электричества и, возможно, что недалеко время, когда будетъ найдена и единица электричества положительнаго. Но въ настоящее время относительно природы единицы положительнаго электричества мнѣ-

нія ученыхъ раздѣляются: одна школа предпочитаетъ разсматривать единицу положительнаго электричества какъ гомогенную сферу, имѣющую размѣры атома, въ которой электроны вращаются по простымъ гармоническимъ орбитамъ и составляютъ собою почти всю дѣйствующую массу. Другая школа, вполне признавая простоту, значеніе и красоту деталей первой концепціи, а также гениальность, съ которой она была разработана, тѣмъ не менѣе полагаетъ, что болѣе доказательствъ на сторонѣ чрезвычайно мелкаго положительнаго центрального ядра или группы ядеръ, составляющихъ почти всю атомистическую массу вещества; вокругъ этого ядра вращаются по астрономическимъ орбитамъ электроны, менѣе сгущенные и, слѣдовательно—менѣе массивные, нежели она сама. Имѣется еще и другой взглядъ; утверждаютъ, что положительные и отрицательные электроны симметрически равны, т. е. представляютъ одинъ какъ бы отраженіе въ зеркалѣ другого, и что способъ ихъ группировки для образованія атома составляетъ предметъ для открытія въ будущемъ. Но никто не сомнѣвается, что собственно электричество атомистично по природѣ.

Подозрѣвали даже магнетизмъ въ атомистичности и впередъ уже назвали гипотетическую единицу его *магнетономъ*; но, сознаюсь, что въ этомъ отношеніи я не сошелъ съ консервативной точки зрѣнія.

Все вышесказанное мы можемъ воспринять какъ вторженіе числа въ область неожиданную.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО П У Т И.

Фонъ-Мольтке сказалъ:—«Война священна, она есть—Божественное установленіе. Это одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ міра. Война поддерживаетъ въ людяхъ благороднѣйшія чувства: честь, безкорыстіе, добродѣтель, мужество—словомъ, она мѣшаетъ людямъ впасть въ бездну матеріализма».

Гюи-де Мопассанъ на это отвѣчаетъ:

— «Слѣдовательно, для того, чтобы не впасть въ бездну матеріализма, надлежитъ: собирать людей въ толпы по 400.000 человекъ и болѣе, заставлять ихъ ходить день и ночь подъ ружьемъ и ранцемъ, безъ отдыха, безъ всякаго опредѣленнаго занятія, которое бы занимало мысль и давало бы интересъ въ жизни, безъ всякой пользы для себя и ближняго своего, въ грязи, часто безъ сна, проводя жизнь по скотски, въ холодѣ и голодѣ; при этомъ вносить всюду разореніе, жечь города и села, разорять цѣлыя націи, набрасываться на человѣческія скопища, бить ихъ и увѣчить, тонуть въ крови, топтать ногами трупы, мѣшать ихъ съ грязью; наконецъ, забывъ о престарѣлыхъ родителяхъ, любимой женѣ, маленькихъ дѣтяхъ—своихъ и чужихъ, лишиться самому если не жизни, то руки, ноги, зрѣнія, разсудка..

И это называется священнѣйшимъ Божественнымъ учрежденіемъ, спасающимъ отъ бездны матеріализма! („Mothers of Men and Militarism“).

* * *

Профессоръ сэръ Оливеръ Лоджъ въ своей книгѣ «Война и послѣ нея» убѣждаетъ отмѣтить нѣкоторыя выдающіяся черты современнаго—тяжелаго, но вмѣстѣ и полнаго надежды—положенія вещей, обратить на нихъ особенное вниманіе. Онъ согласенъ, что англичане до извѣстной степени въ

долгу передъ прежней, старой Германіей и главнымъ образомъ весь цивилизованный міръ остолбѣнѣлъ отъ ужаса именно «потому, что явленное нѣмцами кошмарное поправіе всего возвышенно и всѣхъ моральныхъ цѣнностей утопило въ грязи благородное прошлое Германіи». Происходитъ въ настоящее время не только низверженіе идеалистической философіи—философіи Канта, Фихте, Гегеля,—но и самаго христіанства, потому что «нѣмецкая доктрина, проповѣдующая безконтрольную силу и преобладающее могущество надо всѣми есть въ сущности голый атеизмъ». Во имя чего, спрашиваетъ сэръ Лоджъ, воюютъ нѣмцы? Въ войнѣ не было надобности ихъ торговлѣ, ихъ странѣ никто не угрожалъ—ихъ заявленія относительно этого живы. Рѣдко, говоритъ сэръ Лоджъ, бываетъ отдѣленъ съ самаго начала исходъ войны столь отчетливо и ясно, какъ видится онъ въ этой настоящей войнѣ; тѣмъ добрымъ людямъ, которые еще придерживаются своихъ тяготѣній къ сохраненію во что бы то ни стало мира и всеобщаго братства, сэръ Оливеръ Лоджъ возражаетъ такъ:

«Для поддержанія мира и братства необходимо нѣчто большее, чѣмъ пассивность; нельзя хладнокровно и мирно смотрѣть на избіеніе и поруганье брата и нельзя во имя миролюбія оставить безъ должнаго отпора врага, разоряющаго и уничтожающаго ближняго моего. Въ такомъ мы сейчасъ положеніи и, слава Богу, мы отвѣтили врагу!»

Далѣе сэръ Лоджъ останавливается на тѣхъ измѣненіяхъ, какія должны наступить послѣ войны въ промышленномъ и социальномъ отношеніяхъ; по его мнѣнію эта война научила насъ многому и между прочимъ и тому, что общество можетъ быть лучше организовано для устраненія въ будущемъ множества золъ и бѣдствій, вовсе не неизбѣжныхъ. („Light“).

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

Д. О. Карабановичъ.

(Безконечное развитіе человѣческой индивидуальности).

(Прод. *).

ГЛАВА II.

Отсутствіе воспоминанія о прошлыхъ существованіяхъ души и объясненіе этого явленія.

Настоящая глава посвящена разъясненію и устраненію единственнаго серьезнаго возраженія противъ повторенія жизни человѣка, т. е. противъ его перевоплощеній на землѣ,—возраженія, состоящаго въ томъ, что люди, повидимому, не сохраняютъ никакихъ воспоминаній, ничего не помнятъ изъ своихъ предшествовавшихъ существованій.

Сначала я приведу мнѣнія по этому вопросу нѣкоторыхъ писателей, съ которыми мы уже познакомились въ предыдущихъ главахъ. Всѣ они сходятся въ томъ, что душа только послѣ смерти человѣка, т. е. послѣ отдѣленія ея отъ физическаго тѣла получаетъ воспоминаніе о всѣхъ своихъ предыдущихъ существованіяхъ, сохраняемое ея жизненнымъ флюидомъ.

«Если въ своемъ новомъ существованіи,—говоритъ А. Пеццани¹⁾, душа ничего не помнитъ о своей прежней жизни, если въ ней не окажется, по крайней мѣрѣ, ка-

когонибудь хранилища для такой памяти на будущее время, то исчезнетъ тождественность индивидуума, это будетъ уже нѣкто другой. Изъ многихъ наблюденій, однако, видно, что жизненный принципъ, тотъ таинственный флюидъ, который соединяетъ тѣло съ душою и остается послѣ смерти, сопровождаетъ душу во всѣхъ ея превращеніяхъ, проникая разныя матеріи, сохраняетъ въ себѣ память о всѣхъ ея состояніяхъ къ той порѣ, когда она будетъ чиста и свободна. Послѣ смерти, въ новой жизни люди встрѣтятся и распознаютъ другъ друга».

«Иногда,—говоритъ Эмиль Барро,—мы, какъ-будто, узнаемъ мѣста, которыя посѣщаемъ въ первый разъ; иногда, изучая какую-нибудь науку, намъ кажется, что мы вторично знакомимся съ нею, случается, что когда мы слышимъ о какомъ-нибудь происшествіи, что-то въ глубинѣ души подсказываетъ, что оно намъ знакомо, что мы, какъ-будто, были участниками. Но это только намеки; вообще же наши предыдущія существованія не оставляютъ слѣдовъ въ нашей памяти. Дѣло въ томъ, что каждый изъ насъ, вновь появляясь на землѣ, долженъ обладать полнотою свободы, чтобы слѣдовать новымъ внушеніямъ; если бы память наша временно не прерывалась, то наше настоящее находилось бы подъ вліяніемъ прошлаго. Однако, бываютъ мгновенія, промежуточные между воплощеніями, когда мы убѣждаемся въ нашей тождественности въ различныхъ, пережитыхъ нами формахъ, такъ что мое я то теряется, то опять появляется среди переселеній, точно такъ, какъ оно исчезаетъ и опять находится среди тревогъ сна и бодрствованія, ночи и дня. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ восходить въ іерархіи существъ, память будетъ развиваться одновременно съ нашими способностями. Тогда мы будемъ читать заложенную въ насъ самихъ книгу, содержащую нашу жизнь, которую мы прочитаемъ страницу за страницей.

Съ точки зрѣнія трансцендентальной (сверхчувственной) психологіи²⁾, это явленіе кажущагося отсутствія памяти о прошлыхъ существованіяхъ объясняется гораздо проще. У каждаго человѣка есть сознаніе внѣшнее и внутреннее, сублиминальное, такъ называемое, подсознаніе, и, соответственно, память внѣшняя, связанная съ дѣятельностью мозга и едва достающая для запоминанія вещей прижизненныхъ, и то не всегда,—и память внутренняя, подсознательная или сублиминальная, служащая хранилищемъ всего, пережитаго душою человѣка въ многочисленныхъ прошлыхъ существованіяхъ на землѣ и на другихъ сферахъ.

Во время своей земной жизни человѣкъ пользуется обыкновенно только внѣшнимъ сознаніемъ и разумомъ, приспособленнымъ къ жизни на землѣ и проявляющимся при посредствѣ головного мозга. Поэтому приемы и самая возможность проявленія внѣшняго сознанія или разума совсѣмъ иные, чѣмъ внутренняго или сублиминальнаго сознанія. Если, вспоминая что-нибудь давно забытое, мы усиленно напрягаемъ умъ, то этимъ только мѣшаемъ проявленію внутренняго сознанія и хранящихся въ немъ интуицій. Нерѣдко случается, что человѣкъ внезапно вспоминаетъ что-нибудь забытое, напримѣръ, фамилію, названіе мѣста именно въ тотъ моментъ, когда не думаетъ объ этомъ. Мнѣ приходилось слышать, что люди во время

*) См. «Ребусъ» № 4—5, 1916 г.

1) Pluralité des existences.

2) Карлъ Дю Прель. Магическая психологія.

сна рѣшали задачи безъ посторонней помощи, которыхъ въ бодрственномъ состояніи, т. е. дѣйствіемъ виѣшняго сознанія, рѣшить не могли. Пусть это анекдотъ, но что-нибудь послужило же ему основаніемъ.

Д-ръ Бони въ своемъ трудѣ «Экспериментальныя изслѣдованія условій дѣятельности мозга» говоритъ: характерный фактъ, засвидѣтельствованный всѣми, занимавшимися этимъ вопросомъ, заключается въ томъ, что загипнотизированный субъектъ послѣ пробужденія не помнитъ ничего изъ происшедшаго съ нимъ во время гипнотическаго сна; будучи опять усыпленъ, онъ прекрасно вспоминаетъ все изъ своихъ предыдущихъ сновъ. Повидимому, здѣсь происходитъ раздвоеніе памяти и сознанія.

Д-ръ Азамъ въ цитатѣ, приводимой врачами *Бурю и Бурю* ¹⁾ въ ихъ сочиненіи „*La Suggestion mentale*“ говоритъ: «Воспоминаніе состоитъ изъ двухъ актовъ: сохраненія впечатлѣній и воспроизведенія ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспроизведеніе уничтожается, а сохраненіе остается. Оба элемента памяти, сохраненіе и воспроизведеніе, до того отдѣльны и независимы другъ отъ друга, что каждый изъ насъ,нося въ себѣ образы и впечатлѣнія, можетъ вызвать ихъ по своему желанію лишь въ весьма ограниченной степени. Но вотъ является какой-нибудь ароматъ, музыкальная арія, пейзажъ—и воспоминаніе, не поддающееся призыву, вдругъ всплываетъ, какъ бы само собою, въ ту минуту, когда мы меньше всего объ этомъ думаемъ».

Приведенные нами врачи на своемъ особомъ, такъ сказать, физиологическомъ языкѣ, въ сущности, говорятъ одно и то же, именно о существованіи двухъ родовъ сознанія и о скрытой или сублиминальной памяти. Объ этомъ предметѣ обстоятельно сказано в. Дюпрелемъ въ его „*Магической психологіи*“.

Прекращая дѣятельность виѣшняго сознанія или разума, при помощи временнаго отдѣленія души отъ тѣла (во время сомнамбулизма въ извѣстной его стадіи) мы освобождаемъ подсознательную память, которая и можетъ обнаружиться припоминаніемъ событій предыдущихъ существованій, до послѣдняго рожденія т. е. воплощенія на землѣ. Это именно и было сдѣлано нѣкоторыми изслѣдователями, особенно въ послѣднее время *де-Роша* ¹⁾ и *Дюрвиллемъ* ²⁾, которые приводили субъектовъ въ сомнамбулическое состояніе посредствомъ магнетическихъ пассовъ (гипноза). При этомъ замѣчается интересное явленіе, еще разъ подтверждающее или дополняющее гипотезу о сублиминальной памяти и заключающееся въ томъ, что, какъ извѣстно, сомнамбулы, послѣ пробужденія, т. е. возвращенія къ виѣшнему (моговому) сознанію, не помнятъ ничего, происходившаго съ ними во время сомнамбулическаго сна. Если же опять погрузить ихъ въ это состояніе, въ которомъ прекращается дѣятельность мозга и его сознанія, то сомнамбулы вспоминаютъ и продолжаютъ свой рассказъ съ того мѣста, гдѣ остановились при пробужденіи.

Бываютъ однако случаи, хотя и рѣдко, когда нѣкоторые люди (м. б. сенситивы съ особенно чуткой организаціей) и въ нормальномъ состояніи обнаруживаютъ, какъ ниже

увидимъ, отрывочныя воспоминанія о своихъ предыдущихъ существованіяхъ.

Такия отрывочныя воспоминанія являются чаще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда виѣшнее сознаніе и дѣятельность мозга еще недостаточно развиты; съ возрастомъ эта способность обыкновенно исчезаетъ. У взрослыхъ людей такия воспоминанія происходятъ внезапно и неожиданно, какъ бы интуитивно, безъ всякаго участія мысли. Иногда для этой цѣли необходимо бываетъ какое-либо виѣшнее, глубоко потрясающее событіе, причѣмъ человекъ какъ бы уходитъ въ себя, перестаетъ думать и сознавать окружающее. Слѣдовательно, всѣ эти воспоминанія прошлыхъ существованій всегда, впрочемъ, неполныхъ, живущими на землѣ не противорѣчатъ нашему положенію, представляя въ то же время матерьялъ для доказательства прошлыхъ существованій человека. Спрашивается, почему же не всѣ дѣти, не всѣ взрослые имѣютъ такия отрывочныя воспоминанія о прошлой жизни. По всей вѣроятности по той же причинѣ, по которой не всѣ бываютъ сенситивами, ясновидящими, медиумами.

Англійскій путешественникъ и администраторъ въ азиатской Бирмѣ, Г. Фильдингъ рассказываетъ свои интересныя наблюденія по занимающему насъ вопросу ¹⁾:

«Бирманцы утверждаютъ, что многія дѣти помнятъ свои предыдущія существованія. По мѣрѣ того, какъ они вырастаютъ, ихъ воспоминанія тускнѣютъ и пропадаютъ; но пока они еще малы, они отчетливо помнятъ свое прошлое. Я самъ видѣлъ много такихъ дѣтей.

Около 50 лѣтъ тому назадъ двое дѣтей дѣвочка и мальчикъ родились въ деревнѣ Оксчитгонъ. Они родились въ одинъ день, въ сосѣднихъ домахъ, выросли вмѣстѣ, вмѣстѣ забавлялись и полюбили другъ друга. Потомъ они поженились и образовали семью, воздѣлывая для пропитанія скудныя поля Оксчитгона. Они были извѣстны своей взаимной привязанностью и умерли въ одно время. Ихъ похоронили вмѣстѣ за деревней, потомъ забыли о нихъ. Времена были тяжелыя, именно послѣ покоренія Мандалая; вся Бирманія была охвачена возстаніемъ Страна была наполнена вооруженными людьми, дороги были опасны и ночи освѣщались заревомъ пожаровъ. Оксчитгонъ находился среди округовъ наиболѣе опустошенныхъ и большинство жителей бѣжало; между послѣдними находился человекъ по имени Маунгъ-Канъ съ молодой женой. Они поселились въ Кабу. Жена Маунгъ-Кана родила двухъ близнецовъ еще въ Оксчитгонѣ, до побѣга семьи. Старшій назывался *Маунгъ-Гій*, т. е. братъ большой мальчикъ; а младшій *Маунгъ-Нге*, что значитъ братъ маленькій мальчикъ. Мальчики выросли въ Кабію и скоро начали говорить. Но родители съ удивленіемъ замѣтили, что во время игръ они называли другъ друга не *Маунгъ-Гій* и *Маунгъ-Нге*, а *Маунгъ-Санъ-Ніенъ* и *Ма-Жируэнъ*. Послѣднее есть имя женщины, и Маунгъ-Канъ и его жена вспомнили, что эти имена принадлежали супружеской четѣ, умершей въ Оксчитгонѣ около того времени, когда родились дѣти. И вотъ они подумали, что души того мужчины и той женщины вошли въ тѣла ихъ дѣтей и увезли ихъ для испытанія въ Оксчитгонъ. Оказалось, что дѣти знали все въ Оксчитгонѣ: дороги, дома, жителей—и узнали даже

¹⁾ Les vies succlssives.

²⁾ „Призраки живыхъ“ перев. съ франц. „Les fantômes des vivants“.

¹⁾ H. Fielding Hall. The Soul of People. 1898. (Переведено на русскій языкъ: Фильдингъ.—Душа одного народа).

одежды, которыя они носили въ прошлой жизни. Младшій изъ нихъ вспомнилъ, между прочимъ, что онъ тогда занялъ 2 рупіи у нѣкоей Ма-Тэтъ, когда онъ былъ женщиной Ма-Жириэнь; причеиъ ея мужъ не зналъ объ этомъ, и долгъ этотъ не былъ еще заплаченъ. Ма-Тэтъ была еще жива; обратились къ ней съ разспросами и она вспомнила, что дѣйствительно, она ссудила эти деньги. Я не знаю, возвратилъ ли отецъ дѣтей эти двѣ рупіи.

«Я видѣлъ дѣтей вскорѣ послѣ этого случая Имъ было уже 6 лѣтъ. Старшій, въ котораго перешла душа мужчины, толстый, коренастый, небольшого роста субъектъ; младшій значительно слабѣе съ страннымъ мечтательнымъ выраженіемъ лица, похожимъ больше на лицо дѣвушки. Они рассказали мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ ихъ прошлыхъ существованій. Они говорили, между прочимъ, что послѣ смерти они жили нѣкоторое время безъ тѣла, блуждая по воздуху и прячась среди деревьевъ. Это было такъ, будто бы, за ихъ грѣхи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они опять родились близнецами. Прежде, все это было такъ ясно, — сказала старшій, — я вспоминалъ все; потомъ все это стало исчезать и теперь я ужъ не могу вспоминать такъ хорошо, какъ прежде».

«Встрѣчается очень много дѣтей, подобныхъ этимъ. Но надо ихъ поискать — никто не будетъ показывать ихъ вамъ. Бирманцы, какъ многіе другіе, не терпятъ насмѣшки надъ ихъ вѣрованіями. Они знаютъ по опыту, что иностранцы, освѣдомляющіеся объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, обыкновенно относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, выказывая свое умственное превосходство. Но если они увидятъ, что вы желаете серьезно научиться, то выскажутъ все, что думаютъ».

«Я убѣдился, что они часто вспоминаютъ о своихъ прежнихъ существованіяхъ; совсѣмъ маленькія дѣти могутъ сказать, чѣмъ они были прежде ихъ настоящей жизни и вспоминаютъ подробности своихъ прежнихъ существованій. Воспоминанія эти ослабѣваютъ съ возрастомъ и наконецъ почти совсѣмъ исчезаютъ».

Ручательствомъ въ подлинности этихъ сообщеній служить личность автора. — Это англичанинъ Генрихъ Фильдингъ, посланный калькутскимъ правительствомъ для подавленія возстанія въ Бирманіи, туземцы которой возмутились за отнятіе у нихъ свободы. Но, когда Фильдингъ поближе познакомился съ бирманцами, онъ изъ врага обратился въ друга. Это указываетъ на то, что онъ былъ благородный человекъ. Притомъ онъ вовсе не принадлежитъ къ сторонникамъ перевоплощеній, и не могъ написать свой трудъ съ единственной цѣлью морочить людей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВЕРХНОРМАЛЬНОЕ НА ВОЙНѢ.

Газета „Волынская Земля“ передаетъ со словъ священника одного изъ нашихъ кирасирскихъ полковъ слѣдующее:

1 сентября, въ 11 час. ночи, обозъ 2-го разряда получилъ сообщеніе, что непріятель на автомобиляхъ съ пулеметами и пушками находится близъ шоссе. Охрана обоза была небольшая; невозможно было надѣяться отразить врага своими силами.

Вышше въ обозъ обратились съ моленіемъ о помощи къ Небесной Заступницѣ. И вдругъ видятъ на небѣ явилась необыкновенно яркая звѣзда, изъ которой по-

степенно образовалось сіяніе изъ маленькихъ звѣздъ и чудный образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, причеиъ Божія Матерь рукою указала на западъ. Воины все упали на колѣна. Послали къ офицеру, поручику Зернецъ; когда онъ пришелъ, то увидѣлъ чудное явленіе на небѣ и всѣхъ своихъ воиновъ стоявшими на колѣняхъ. Чудное явленіе продолжалось около 1/2 часа. Когда видніе исчезло, на мѣстѣ явленія возсіяла та же яркая звѣзда.

Послѣ этого, къ общей радости, получено было сообщеніе, что непріятель ушелъ и обозъ благополучно совершилъ дальнѣйшее слѣдованіе.

Къ сожалѣнію, наша современная печать какъ-то мало обращаетъ вниманія на эти чудесныя явленія благодати Божьей русскому воинству.

Вотъ, напримѣръ, пріѣхавшій съ театра военныхъ дѣйствій, пастыръ О. В. весьма удивляется тому обстоятельству, что онъ нигдѣ въ газетахъ не находитъ описаній многочисленныхъ явленій помощи свыше нашей арміи.

Лишь описаніе одного явленія Божіей Матери предъ августовскими боями было отмѣчено нашей печатью. Между тѣмъ, эти явленія такъ много подкрѣпляютъ силы нашихъ героевъ-солдатъ!

Еще недавно нѣсколько ротъ солдатъ удостовѣрили, что явно видѣли Божію Матерь и Николая чудотворца, молящихся на воздухъ.

Сестра милосердія одного изъ передовыхъ отрядовъ передаетъ слѣдующій знаменательный случай.

Однажды подъ утро въ ихъ лазаретъ приходитъ блѣдный... солдатикъ.

— Что съ тобой? Ты раненъ?

— Нѣтъ.

— Боленъ?

— Нѣтъ.

— Что же произошло съ тобой? Зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Странное и небывалое явленіе!

Пришелъ въ лазаретъ солдатъ совершенно здоровый.

— У васъ не найдется ли мѣстечка, чтобы мнѣ отдохнуть?..

— Да что случилось съ тобой?

— А я былъ на передовыхъ позиціяхъ. Наша рота попала подъ перекрестный огонь. Ну, а нѣмецъ-то снарядовъ не жалѣетъ. такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ, что горохомъ. Пострѣлялъ я это часика два-три, а товарищи одинъ за другимъ такъ и отдають Богу душу. Потомъ, смотрю, кругомъ — никого уже и нѣтъ... остался... я одинъ... Думаю: вотъ придуть нѣмцы, захватятъ меня и будутъ издѣваться надо мной, — одна погибель. Какъ бы, думаю, спастись отъ нихъ? Вижу, а сбоку-то у меня — цѣлая гора тѣлъ товарищей моихъ. Взялъ я да, недолго думая, и залѣзъ въ эту гору, схоронился среди мертвыхъ товарищей своихъ... Пролежалъ я такъ до глубокой ночи, пока совсѣмъ темно не стало. Потомъ выдѣзъ и рѣшилъ идти къ своимъ. Только это я хотѣлъ идти, какъ вдругъ вижу свѣтъ. Смотрю, а по полю-то идетъ Сама Божья Матерь. Подходить Она къ моимъ мертвымъ товарищамъ и каждому на голову надѣваетъ вѣнецъ. Было совершенно темно, а вѣнцы-то эти свѣтились... Я совершенно остолбенѣлъ и не могъ двинуться съ мѣста. Потомъ Божія Матерь подошла ко мнѣ и, указывая на свѣрь, сказала:

— Иди туда, къ своимъ. Не бойся. Смѣло иди по этому пути. Никто тебя не задѣнетъ...

Я пошелъ по указанному пути. Сраженіе и ночью не смолкло. Кругомъ летали пули, но ни одна меня не задѣла, никто меня не тронулъ, и вотъ я пришелъ сюда. Я не могу сейчасъ ничего дѣлать. Дайте мнѣ отдохнуть...

Ну, конечно, накормили его и дали ему отдыхъ.

Вотъ еще интересный разсказъ плѣннаго офицера-германца, переданный имъ одному изъ жителей города Варшавы. Записано со словъ этого варшавянина:

— Я былъ на калишскомъ вокзалѣ, и тамъ меня пригласили къ раненому офицеру, съ которымъ никто, по незнанію нѣмецкаго языка, не могъ переговорить, а, между тѣмъ, этотъ офицеръ чего-то требовалъ.

Я спросилъ офицера, что ему нужно. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбой размѣнить 200 марокъ. Послѣ этого я сталъ разговаривать съ офицеромъ о войнѣ. Офицеръ мнѣ сказалъ:

— Мы не предполагали, что намъ придется воевать не только съ людьми, но и съ духами. Когда наши войска начинаютъ брать верхъ, надъ русскими войсками появляется виднѣе — *женщина въ бѣломъ одѣяніи, прикрывающая русскихъ громаднымъ плащомъ*, такъ что мы ихъ перестаемъ видѣть... А женщина глядитъ на насъ огненными глазами... Ея взора никто выдержать не можетъ... Какъ же мы можемъ побѣдить, если русскимъ помогаютъ духи?!

Офицеръ этотъ разсказывалъ, что онъ — по профессіи техникъ, взятъ въ германскую армію изъ резерва, и производилъ впечатлѣніе человѣка вполне нормальнаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

Продолженіе *).

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ отъ ученаго археолога до смиреннаго школьника, болѣе или менѣе говорилось и писалось относительно гигантскихъ слоновъ, колоссальныхъ сфинксахъ, грандіозныхъ памятниковъ скульптуры, о таинственныхъ подземельяхъ этой древней страны. Съ бьющимся сердцемъ, съ пылающей головой блуждаетъ путешественникъ подъ сѣнью этихъ странныхъ идоловъ, въ мрачныхъ пещерахъ или въ огромныхъ рощахъ баньяновъ, въ этихъ лѣсахъ, изобилующихъ столькими воспоминаніями.

Но я лично стремился и думалъ не объ опредѣленіяхъ размѣровъ и стилей этихъ древнихъ реликвій прошедшихъ религій; я стремился проникнуть въ тайну вдохновенія, внушившую эти величественныя постройки. Мнѣ хотѣлось разорвать завѣсу, скрывавшую чрезвычайную духовную мощь, воплощенную въ окружающихъ меня колоссахъ; открыть тайну духовнаго солнца, тайну грандіознаго воображенія древней души, выраженной этими фигурами странной, дикой, величественной скульптуры, удивительно разнообразныя образцы которой я видѣлъ вокругъ себя. Я безумно бросалъ часто страстныя обвиненія къ молчаливому небу и нѣмымъ звѣздамъ, открывавшимъ ясновидящимъ и пророкамъ древности столько тайнъ и пребывавшихъ теперь молчаливыми къ моимъ мольбамъ. Жрецъ древнихъ вѣковъ, освѣщенный ихъ торжественнымъ свѣтомъ, умѣлъ читать тайну альфы и омеги. Почему же теперь на мои мольбы къ свѣту такое ледяное жестокое молчанье? Какимъ отчаяннымъ взглядомъ проникалъ я въ ихъ глубь, въ ихъ неподвижность!

Не пробужу ли я здѣсь, среди этихъ колоссальныхъ твореній, въ которыхъ духъ древнихъ вѣковъ скрылъ тайны обоготворенія существа, воплотилъ свое пониманіе божественнаго могущества, пониманіе отношеній между бо-

гомъ и человѣкомъ, — не пробужу ли я звучное эхо голо-совъ, раздававшихся нѣкогда между этими колоссами, разъяснившихъ внимательной и восторженной аудиторіи учениковъ тайны существованія; не дойдетъ ли до моего уха какой-нибудь заблудившійся звукъ, въ отвѣтъ на мои страстные призывы, мою пылкую потребность свѣта?

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ провинціи Арунгабадъ, я остановился въ гостиницѣ у развалинъ города Давлетабада и имѣлъ обыкновеніе почти каждую ночь отправляться верхомъ въ гористую мѣстность Элоры. Тамъ я проводилъ большую часть своего времени, блуждая между молчаливыми монументами или укрываясь въ теченіе долгихъ ночей въ одномъ изъ многочисленныхъ гротовъ, служившихъ нѣкогда жилищемъ анархистамъ или жрецамъ, служителямъ сосѣднихъ храмовъ.

Однажды ночью я лежалъ въ узенькой пещерѣ, гдѣ часто проводилъ многіе часы и наслаждался тишиной, предаваясь размышленіямъ. Былъ поздній часъ и пора было отправляться въ свою гостиницу. Я всталъ, разсѣянно глядя на плато, образующее центральную ограду горной цѣпи, куполообразные массивы которой, поднимаясь обширнымъ амфитеатромъ къ небу, были изрыты входами, ведущими въ пещеры или гроты, съ колоссальными скульптурными украшеніями, указывавшими, на входы въ подземные храмы.

Полная луна освѣщала своимъ серебристымъ свѣтомъ эти пустынные развалины. Странно было видѣть, какъ лунные лучи останавливались у этихъ мрачныхъ отверстій подземелій и храмовъ, безсилные проникнуть въ ихъ непроходимыя потемки. Можно было сказать, что мистическія тайны, наполнившія эти мѣста, отталкивали лучи луннаго свѣта. Я представилъ себѣ тысячи формъ, отталкивавшихъ волны ея нѣжнаго свѣта, изъ боязни, чтобы какой-нибудь лучъ не освѣтилъ одну изъ тайнъ, скрытыхъ отъ молчаливаго свидѣтельства небесныхъ свѣточей. Моя лошадь, привыкшая къ бродячей жизни столько же, какъ и ея хозяинъ, паслась на освѣщенной лунной площадкѣ, недалеко отъ большого грота, служившаго ей конюшней, и спокойно щипала траву. Вдругъ чуткое животное подняло голову и насторожило уши; въ тотъ же моментъ, по освѣщенной лунной площадкѣ, проскользнула тѣнь и человѣческая фигура, выйдя изъ расщелины горы, остановилась и углубилась, какъ и я, въ созерцаніе открывшейся панорамы. Спустя нѣсколько мгновеній человѣкъ этотъ покинулъ мѣсто, на которомъ я его впервые увидѣлъ, но вмѣсто того, чтобы идти къ выходу изъ этого горнаго амфитеатра, онъ направился черезъ плато ко мнѣ. По его монашеской одеждѣ я узналъ въ немъ одного изъ тѣхъ аскетовъ, которые часто посѣщаютъ эти пустынные мѣста и не рѣдко проводятъ всю свою жизнь въ одной изъ наиболѣе уединенныхъ пещеръ. Его присутствіе въ этомъ мѣстѣ, въ подобный часъ, не показалось мнѣ таинственнымъ, потому что я считалъ, что онъ пришелъ, какъ и я, полюбоваться величественной картиной. Не желая тревожить его сосредоточенности мыслей, которой я и самъ искалъ, я собирался уже скромно удалиться въ мое убѣжище, когда увидѣлъ, что монахъ быстрыми шагами приближается ко мнѣ. Остановившись противъ меня такъ, чтобы свѣтъ падалъ на мое лицо, онъ на любимомъ мною нарѣчій «Ше Тамуль» пріятнымъ голосомъ произнесъ: «Простите меня,

*) См. «Ребусъ» № 3, 1916 г.

если я позволю себѣ похвалить васъ за удачный выборъ такой прекрасной ночи, для того чтобы полюбоваться этимъ пафнительнымъ видомъ».

Въ обыкновенное время, такое несвоевременное въишательство въ мое уединеніе было бы для меня чрезвычайно неприяно; кромѣ того между посѣтителями этихъ пустынныхъ городовъ мертвыхъ, существуетъ очень распространенный обычай никогда не тревожить размысленій тѣхъ, кто пришелъ сюда. Однако, я вспомнилъ, что, выѣхавъ изъ дому поздно вечеромъ, я не успѣлъ переодѣться въ дорожный костюмъ и, слѣдовательно, моя военная форма, видимая при полномъ свѣтѣ луны, указывала, что я былъ не аскетъ, а только случайный посѣтитель этихъ мѣстъ. Мнѣ пришла мысль, что монахъ, а не солдатъ, скорѣе можетъ жаловаться на постороннее присутствіе и, кромѣ того, голосъ говорившаго былъ такъ гармониченъ, такъ нѣженъ, акцентъ былъ такъ чистъ, что я не могъ отказать моему собесѣднику въ обмѣнѣ нѣсколькими любезными словами. Однако, прежде чѣмъ завязать сношеніе, я рѣшилъ узнать о немъ что нибудь, а потому отвѣтилъ съ нѣкоторой холодностью:

— Вы, конечно, имѣете право на эти священные мѣста? Не въ ихъ ли темныхъ глубинахъ находится ваше жилище?

Избѣгая подражать моимъ немного натянутымъ выраженіямъ, допускаемымъ этимъ нарѣчіемъ, онъ отвѣтилъ просто: «Видите ли вы вонъ тамъ внизу черную точку на склонѣ горы? Нѣтъ не тамъ, подвиньтесь пожалуйста немного къ свѣту,—вонъ тамъ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ черная линия раздѣляетъ эту заросль?»

— Вижу,—сказалъ я. И дѣйствительно я увидѣлъ, что, указывая мнѣ рукой на то мѣсто, на которое хотѣлъ обратить мое вниманіе, онъ въ то же время очень пристально разглядывалъ мою военную форму.

— Это Дхарма-Сала,—сказалъ онъ,—жилище, служившее мнѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ убѣжищемъ, послѣ того, какъ я, уставъ отъ долгихъ путешествій, почувствовалъ потребность уступить той всеобщей слабости, отъ которой страдаетъ наше бѣдное хрупкое человѣческое существо; я хочу сказать любви къ домашнему очагу.

— Вашъ домашній очагъ!—воскликнулъ я невольно.—Вы хотите сказать, что эта нора на склонѣ горы служить вашимъ жилищемъ?

— Да.

— Тогда, вы...—Здѣсь я остановился, потому что, не смотря на темное одѣяніе, покрывавшее его тѣло и лицо, въ манерѣ монаха было нѣчто, останавливающее всякіе вопросы.

— Я уроженецъ отдаленной провинціи,—продолжалъ онъ,—вандія (это имя дается докторамъ, происходящимъ изъ смѣшанныхъ кастъ); прелесть этихъ мѣстъ а также и другія причины привлекали меня сюда. Очень важные интересы удерживаютъ меня въ этихъ гротахъ и храмахъ и самый эгоистическій изъ этихъ интересовъ, тотъ, который больше всего говоритъ нашей человѣческой природѣ, т. е. любовь къ очагу, находить свое удовлетвореніе здѣсь въ этой норѣ на склонѣ горы, какъ вы изволили точно назвать мое убѣжище. Развѣ вы сами не любите домашнего очага, или ваша благородная профессія (произнося эти слова, онъ указалъ на мою саблю) настолько васъ поглощаетъ, что вы предпочитаете поле битвы домашнему очагу?

— Я не имѣю другого очага кромѣ лагеря, и ищу лишь покоя могилы,—отвѣтилъ я рѣзко.

— Вы слишкомъ молоды по годамъ и слишкомъ стары по мудрости, чтобы такъ отвѣчать,—съ достоинствомъ возразилъ мой собесѣдникъ.—Послушайте: домашній очагъ не есть пунктъ или мѣсто, это миръ сознанія, это успокоеніе въ безконечной душѣ, которымъ пользуются боги и святой Феухи, это причина добровольныхъ мученій факировъ и ламъ. Миръ въ Брамѣ есть цѣль, дающая Будисатвамъ силу погасить огонь страстей, уничтожить чувства и мысли. Душа только тогда у себя когда она сливается съ центральнымъ источникомъ существованія; однимъ словомъ,—прибавилъ онъ,—дѣлая на прощаніе знакъ рукой и измѣняя странный экстазъ, въ которомъ, казалось, онъ находился въ теченіе своей рѣчи на обыкновенную фарзеологию,—однимъ словомъ, поручикъ, какова бы ни была завѣса, абстракцій, скрывающая цѣль нашихъ дѣйствій, будетъ ли это любовь къ женщинѣ или любовь къ Богу, любовь въ золоту или любовь къ славѣ, каждый разъ какъ мы достигаемъ цѣли, объектъ нашихъ стремленій становится очагомъ, и теперь, и послѣ нашъ очагъ будетъ тамъ, гдѣ наше сокровище. Не правъ ли я?

— Извините, милостивый государь,—возразилъ я, не обращая вниманія на его рапсодію.—Вы назвали мой чинъ, который я не привыкъ слышать изъ устъ монаховъ. Не знаете ли вы меня случайно?

— Вы привыкли, чтобы васъ называли вашимъ военнымъ чиномъ,—отвѣтилъ онъ.—Простите мою нескромность.

— Но кто же вы такой?—воскликнулъ я,—вы, который достаточно скромны, чтобы сохранить свой анонимъ и скрыть свою личность.

— Великіе міра удивляются, что самые смиренные классы смотрятъ на нихъ какъ муравей на слона,—отвѣтилъ онъ проницательнымъ тономъ;—однако, если вы думаете, что стоитъ знать кто я такой, то называйте меня Чундра уд-Деенъ, а чтобы лучше сообразоваться съ обычаями вашей цивилизации, если вы снизойдете къ моей просьбѣ, то благоволите называть меня Бига (докторъ).

Внезапно, безъ церемоніи, онъ предложилъ мнѣ посѣтить его «нору», которую онъ такъ претенціозно назвалъ матомъ (мать—это кругъ хижинъ, построенныхъ для духовнаго учителя и его учениковъ). Но въ его приглашеніи проскользнуло слово, относительно точнаго значенія котораго я не могъ сомнѣваться; это слово служило пропускомъ одной ассоціаціи, съ которой меня связывали самыя торжественныя клятвы, налагая даже на мои мысли печать такой страшной тайны, что, когда звукъ этого слова раздавался въ молчаливомъ воздухѣ, я задрожалъ, какъ если бы обыкновенный фактъ ихъ произведенія былъ самымъ ужаснымъ богохульствомъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. » 6 » . 3 » — » За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За переѣзду адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС- ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просятъ адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
<p>№ 1682—83.</p>	<p>6-го Апрѣля 1916 года.</p>	<p>№ 7—8.</p>

Содержаніе: 1) «Непрерывность». (Прод.). Проф. О. Лоджса.—2) По пути.—3) Вопросы спиритизма. А. и В.—4) Эволюція души. (Прод.). Д. О. Карабановичъ.—5) Графъ Шапарь. Карменъ Сильва.—6) Объявленія.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ.

Профессоръ Оливеръ Лоджъ.

Рѣчь, произнесенная въ Британской Ассоціаціи Наукъ въ 1913 г.

(Съ англ.—перев. А. И. Вобровой).

(Продолженіе *).

Про биологию можно сказать, что и она тоже становится атомистичной. Она уже давно имѣла естественную единицу въ формѣ клѣтки или ядра и нѣкоторую разрывность, представляемую границами тѣла и стѣнками клѣтокъ; теперь же, съ законами наслѣдственности, какъ разсматриваетъ ихъ Мендель, числа и разрывность поразительно ярко выступили въ свойствахъ производительныхъ клѣточекъ, а разнообразіе потомства допускаетъ замѣчательно многочисленныя опредѣленія и предсказанія. Медленныя и постепенныя измѣненія, (составляющія сущность ученія Дарвина), уступаютъ мѣсто или, по крайней мѣрѣ, сопровождаются переменными окончательными и значительными и, повидимому, не постепенными. Въ опроверженіе мнѣнія, что будто бы, природа не дѣлаетъ скачковъ, выдвигается вопросъ: дѣлаетъ ли она что-либо иное? Ея до сихъ поръ безстрастный ходъ при болѣе близкомъ разсмотрѣніи начинаетъ казаться очень похожимъ на скачку съ препятствіями.

Однако, несомнѣнно, что непрерывность есть основа эволюціи; какъ учатъ всѣ биологи — нѣтъ ни искусственныхъ границъ, ни демаркаціонной линіи между видами, а одна лишь сплошная цѣпь наслѣдственностей, идущая отъ амобы вплоть до человѣка, реальная непрерывность неумирающей зародышевой плазмы; прерываемость между постояннымъ элементомъ и послѣдующими органическими клѣточками исповѣдуется одной научной школой; эта прерываемость ставитъ организмъ въ странное положеніе временныхъ разрозненій или изверженій (отбросовъ), не обладающихъ способностью воздѣйствовать или передавать свой опытъ порождаемымъ ими въ дальнѣйшемъ клѣточкамъ.

Идея прерывности вліяетъ притягательно даже на чистую математику. Придумываются кривыя, не имѣю-

щія касательныхъ, — кривыя, состоящія изъ ряда точекъ или изъ точекъ перегиба. Повидимому, теорія соизмѣримыхъ чиселъ оказываетъ давленіе и на философско-математическую мысль, и на область физическихъ проблемъ.

И не только эти крупныя результаты охотно принимаются людьми науки, но поднимаются ими и нѣкоторые, болѣе затруднительныя и неожиданныя темы въ томъ же направленіи, вплоть до признанія атомистичнаго характера энергіи. Мы надѣялись, что насъ почтутъ своимъ присутствіемъ профессоръ Планкъ, авторъ „Теоріи Кванта“ или теоріи недѣлимой единицы — атома энергіи; эта теорія вызываетъ огромный интересъ и нѣкоторыми считается преобладающей.

Загѣмъ радіація являетъ признаки сдѣлаться атомистичной или прерывистой; корпускулярная теорія радіаціи ни въ какомъ случаѣ не столь мертва, какъ мы полагали во дни моей юности. Нѣкоторыя радіаціи, несомнѣнно, корпускулярны и даже эфирный разрядъ показываетъ признаки, можетъ быть, и ошибочные, что онъ кое-гдѣ, мѣстами, концентрируется въ точки, какъ если бы поверхность волны состояла изъ пятенъ или крапа; или, какъ говоритъ Дж. Дж. Томсонъ, „поверхность волны скорѣе походитъ на темный фонъ, усыянный искрами, чѣмъ на равномерно освѣщенную поверхность“, указывая этимъ на то, что эфиръ можетъ имѣть волокнистое строеніе и что волна идетъ по линіи электрической силы. Возможно, что геній Фарадея предвидѣлъ это въ его „Мысляхъ о vibraціи лучей“. Я полагаю, что Ньютонъ догадывался о чемъ-либо подобномъ, когда онъ накладывалъ толчки эфира на свои корпускулы.

Почему столь большое значеніе придается радіаціи? А потому, что это наиболѣе и наилучше изученная связь между матеріей и эфиромъ и единственное свойство, съ какимъ мы знакомы по отношенію къ неизмѣнной массѣ чистаго эфира. Электричество и магнетизмъ связаны съ измѣненіями и особенностями, именуемыми электронами. Теплота и звукъ еще тѣснѣе связаны съ матеріей; радіація же, хотя и возбуждается ускореніемъ электрона, остается однако свободной въ пространственномъ эфирѣ и движется какъ нѣчто опредѣленное измѣримымъ и постояннымъ темпомъ — темпомъ вполне независимымъ до тѣхъ поръ, пока эфиръ свободенъ, не измѣненъ и не обремененъ мате-

* См. «Ребусъ» № 4—5, 1916 г.

рией. Поэтому радиация может научить насъ многому и намъ предстоитъ многое изучить относительно ея природы.

До какихъ предѣловъ можно довести аналогію между гранулярными и корпускулярными, измѣримыми, атомическими и прерывистыми веществами? Существуютъ люди, которые думаютъ, что провести ее можно очень далеко. Но, во избѣжаніе недоразумѣній, я спѣшу заявить, что какъ бы тамъ ни было, лично я—сторонникъ конечнаго континуума и глубоко вѣрую въ эфиръ пространства.

Мы уже кое-что изучили касательно эфира и, хотя, можетъ быть, почти такое же разнообразіе мнѣній, сколько существуетъ людей, способныхъ составить себѣ о немъ понятіе, по моему мнѣнію мы выучили слѣдующее:

Эфиръ есть общая межучочная среда, связующая собою всю вселенную и дѣлающая ее единымъ цѣлымъ вмѣсто хаотическаго собранія независащихъ одна отъ другой отдѣльныхъ частей. Онъ есть передаточная среда для всякаго рода силы, начиная отъ тяготѣнія вплоть до сѣпленія и химическаго сродства; онъ есть, слѣдовательно, какъ бы складъ потенциальной энергіи.

Матерія движется, эфиръ же находится въ состояніи напряженія.

То, что мы называемъ растяжимостью матеріи, есть лишь измѣненіе очертаній, воспослѣдовавшее вслѣдствіе движенія и перемѣненія частицъ, по все напряженіе и вся сила находятся въ эфирѣ. Самъ по себѣ эфиръ неподвиженъ, т. е. не движется въ смыслѣ перемѣны мѣста, хотя и находится, по всей вѣроятности, въ состояніи сильнаго вращенія, или вихря, въ своихъ мельчайшихъ частяхъ и отъ этого происходитъ его чрезвычайная твердость.

Что же касается до его плотности, то она должна быть гораздо больше, чѣмъ плотность какой-либо другой формы матеріи, въ миллионъ разъ плотнѣе свинца или платины. Тѣмъ не менѣе сквозь него матерія движется совершенно свободно, безъ всякаго тренія, безъ всякой вязкости. Въ этомъ, однако, нѣтъ ничего парадоксальнаго: вязкость не есть функція плотности; оба эти свойства не находятся въ непремѣнной связи между собой. Когда плотное тѣло движется черезъ постороннее жидкое, то оно, дѣйствительно, принимаетъ фиктивную, кажущуюся экстра-инерцію вслѣдствіе увлекаемой имъ жидкости; но, въ случаѣ матеріи и эфира, не только плотнѣйшее тѣло является чрезвычайно пористымъ и прерывистымъ, съ крупными промежутками между и внутри атомовъ, но и само строеніе матеріи таково, что перемѣненіе въ обыкновенномъ смыслѣ слова какъ бы не происходитъ совсѣмъ, а эфиръ такъ видоизмѣняется, что *составляетъ* самъ въ нѣкоторомъ родѣ матерію. Разумѣется, эта часть эфира движется; мы наблюдаемъ ея инерцію и количество этой части зависитъ отъ потенциальной энергіи въ соединенномъ съ ней электрическомъ полѣ, но движеніе это не похоже на движеніе посторонняго тѣла: это движеніе чего-то внутренняго, просто индивидуализированной части самого же матеріала. Несомнѣнно, эфиръ не представляетъ никакихъ слѣдовъ вязкости *).

Матерія въ движеніи и эфиръ въ напряженномъ состояніи—вотъ двѣ основныя конкретныя вещи, на которыя мы наталкиваемся въ физикѣ. Первая пара представляетъ кинетическую энергію, вторая—потенциальную энергію, а вся активность матеріальной вселенной является чередованіемъ этихъ формъ, переходящихъ одна въ другую. Вездѣ, гдѣ происходитъ

такое перемѣненіе и превращеніе энергіи, совершается работа и происходитъ какое-нибудь явленіе; но энергія при этомъ никогда количественно не уменьшается: она лишь переходитъ отъ одного тѣла къ другому, всегда отъ эфира къ тѣлу и наоборотъ (исключая случая радиации, симулирующей матерію)—изъ одной формы въ другую.

Виды энергіи можно расклассифицировать на перемѣненіе, вращеніе или колебаніе частицъ матеріи различной величины—отъ звѣздъ и планетъ до атомовъ и электроновъ; или же эфирное напряженіе, которое различнымъ образомъ обнаруживаетъ себя, въ матеріальныхъ массахъ, воздѣйствующихъ на наши высшія чувства *).

Нѣкоторые изъ фактовъ, на основаніи которыхъ построено предположеніе объ атомичности энергіи, зависятъ, по моему, отъ прерывчатой природы строенія матеріальнаго атома и отъ высокой быстроты движенія составляющихъ его частицъ. Кажущаяся прерывчатость излученій радиации зависитъ, я думаю, отъ свойствъ дѣйствительной прерывчатости матеріи. Возмущенія внутри атома кажутся особенно катастрофическими; часть его способна быть выброшена съ силою. Повидимому, здѣсь имѣется критическая скорость, ниже которой выбрасываніе не происходитъ, а когда это случается, то случается также и внезапная перестройка частицъ, слѣдствіемъ чего, повидимому, является нѣкоторая осязаемая эфирная радиация. По этому, какъ я предполагаю, радиация выходитъ въ видѣ брызгъ или взрывовъ и вслѣдствіе этого же она кажется состоящей изъ недѣлимыхъ единицъ. Случайное появленіе новыхъ звѣздъ по сравненію съ правильнымъ орбитнымъ движеніемъ миллионъ давно извѣстныхъ планетъ можетъ служить астрономической аналогіей.

Гипотеза „Квантъ“ была построена для того, чтобы согласовать законъ, по которому энергія группы свободно сталкивающихся молекулъ должна въ концѣ концовъ быть равномерно распределена между всеми степенями свободы, съ наблюдательнымъ фактомъ, доказывающимъ, что въ дѣйствительности энергія распределяется лишь въ небольшомъ количествѣ равныхъ частей. Потому что, если принять въ соображеніе вибраціонныя способности, то число степеней молекулярной свободы должно быть очень велико и энергія, распределенная между этими степенями должна бы скоро расплыться; а между тѣмъ это не такъ. Отсюда возникаетъ идея, что меньшія степени свободы съ самаго начала исключены изъ распределенія энергіи, такъ какъ онѣ не могутъ получить больше одного атома ея.

Я бы предпочелъ выразить этотъ фактъ иначе, сказавъ, что обычное сочетаніе молекулъ не такого рода, чтобы вызвать атомическія вибраціи, или ни въ какомъ случаѣ не таково, чтобы произвести какое-либо возмущеніе въ эфирѣ. Спектроскопическія или свѣтovyя вибраціи атома вызываются только столкновеніемъ исключительно сильнымъ—такимъ, о которомъ можно говорить, какъ о химическомъ разрядѣ; обыкновенныя орбитальныя столкновенія, всегда происходящія миллионы разъ въ секунду, не дѣйствительны въ этомъ отношеніи, исключая случаевъ съ веществами фосфоресцирующими или люминисцирующими. Вполнѣ ясно, что обычныя молекулярныя разгибанія *не дѣйствительны*, вся энергія была бы разсѣяна или превращена изъ матеріи въ эфиръ; основную причину ихъ радіактивной недѣйствительности не трудно сыскать, если принять въ соображеніе сравнительно свободный характеръ молекулярныхъ движеній, сравнимыхъ по

* Подробности опытовъ моихъ по этому предмету см. «Phil. Trans. Roy. Soc.» за 1893 и 1897 года; еще очень сокращенный отчетъ по этому предмету и другимъ вопросамъ, выше упомянутымъ, въ маленькомъ моемъ трудѣ «Эфиръ пространства».

* См. «Philosophical Magazine» за октябрь 1879 года моя статья о классификаціи формъ энергіи.

скорости съ быстротой звука. Слѣдуетъ допустить, однако, что дѣйствительная твердость молекулъ должна быть абсолютна, иначе разсѣяніе энергіи неизбежно совершится; онѣ, повидимому, могутъ начать вибрировать только при извѣстномъ *minimum* въ возбужденіи и это-то и есть основаніе для теоріи *Квантъ*.

Для уясненія самой по себѣ шаткой и недостаточной устойчивости астрономически построеннаго атома была пущена въ ходъ теорія „Квантъ“ Планка, причемъ замѣчательно расчитано было согласованіе ея результатовъ съ результатами наблюденій, включая сюда и опредѣленіе ряда спектральныхъ линій. Одною изъ позднѣйшихъ работъ по этому вопросу является статья д-ра Вора (dr. Bohr), напечатанная въ „Philosophical Magazine“, въ іюль 1916 года.

Съ цѣлью показать, что я не преувеличиваю современную склонность къ прерывчатости, я приведу выдержку изъ сочиненія Пуанкаре „*Dernieres Pensées*“ — положеніе, написанное курсивомъ, такъ какъ оно представляетъ собою взглядъ профессора Планка въ той формѣ, въ какой его, повидимому, одобряетъ Пуанкаре:

— „Физическая система склонна къ конечному только числу опредѣленныхъ состояній; она перескакиваетъ отъ одного изъ этихъ состояній къ другому, не проходя черезъ непрерывную серію межучточныхъ состояній“.

А нижеслѣдующая выдержка взята мною изъ предисловія къ книгѣ Пуанкаре „*Science et Hypotheses*“, написаннаго сэромъ Джозефомъ Ларморомъ (Sir Joseph Larmor):

— „Еще очень недавно было найдено, что логическій выпадъ епископа Берклея противъ ньютоновскихъ идей о флюксіяхъ и предѣльныхъ отношеніяхъ не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ отстраненъ на основаніи строго математическихъ данныхъ до тѣхъ поръ, пока наши кажущіяся непрерывности не сведены мысленно къ раздѣльнымъ агрегатамъ, которые мы только отчасти допускаемъ. Неудержимое стремленіе атомизировать рѣшительно все становится такимъ образомъ не исключительной болѣзью однихъ физиковъ; въ немъ видится корень болѣе глубокой, лежащей въ самой природѣ познания“.

Такое преобладающее настроеніе находитъ себѣ единственное оправданіе въ томъ поразительномъ успѣхѣ, благодаря которому разсмотрѣны или почти разсмотрѣны молекулы, изучены ихъ строенія и распредѣленіе.

Законы газовъ оказались примѣнимыми къ эмульсіямъ и къ мельчайшимъ частицамъ въ подвѣшенномъ ихъ состояніи, броуновское движеніе которыхъ было давно извѣстно. Это движеніе производится давно признаннымъ молекулярнымъ бомбардированіемъ и его средняя амплитуда точно воспроизводитъ теоретическій расчетъ „свободнаго пути“, сдѣланный на основаніи „молекулярнаго вѣса“ этихъ сравнительно гигантскихъ частицъ. Дѣятельность этихъ микроскопически видимыхъ массъ тѣсно и количественно соответствуетъ тому, что можно было „на“ основаніи кинетической теоріи газовъ предсказать относительно такихъ страшно тяжелыхъ атомовъ; они, дѣйствительно, какъ бы представляютъ газъ съ граммъ-молекулами столь высокими, какъ 200.000 тоннъ вѣса.

Что особенно важно и интересно такъ это то, что они стремятся наглядно доказать законъ равнодѣленности энергіи даже и въ такомъ исключительномъ случаѣ, развѣ этотъ законъ правильно установленъ и примѣненъ.

Еще замѣчательнѣе примѣненіе X—лучей для опредѣленія расположенія молекулъ въ кристаллахъ и, наконецъ, расположенія атомовъ въ молекулахъ, что открылъ первымъ профессоръ Лоу вмѣстѣ съ докторами Фридрихомъ и Книнпингомъ, а затѣмъ разработалъ

профессоръ Брагъ съ сыномъ и докторъ Ньютонъ; эти серіи изысканій представляютъ высокій интересъ и очень многообѣщающіе.

Съ помощью ихъ многія теоретическія предположенія нашего соотечественника, Вильяма Барлоу и работавшаго съ нимъ профессора Попа, а также и такихъ выдающихся кристаллографовъ, какъ Грота и Оедорова, были подтверждены поразительнымъ образомъ. Эти блестящіе изысканія, которые весьма возможно сами по себѣ составятъ отдѣлъ физики и которые продолжаютъ вести г-да Мозелей и К. Т. Дарвинъ, а также Кинъ и другіе, могутъ быть названы апофеозомъ атомистической теоріи матеріи.

Я коснусь теперь еще другого спорнаго вопроса въ области физики, хотя коснусь его слегка, потому что онъ не годится для поверхностнаго обсужденія. Если „Принципъ относительности“ въ своемъ крайнемъ смыслѣ оказывается установленнымъ, то, пожалуй, даже и *время* станетъ прерывистымъ и будетъ отпущаться въ атомахъ, какъ деньги по пенсамъ и сантимамъ; въ этомъ случаѣ наше повседневное существованіе станетъ не менѣе прерывистымъ, чѣмъ событія на кинематографической лентѣ; а великій факторъ непрерывности, міровой эфиръ, будетъ сдать въ музей, какъ нѣкая историческая рѣдкость.

Въ этомъ случаѣ дифференціальныя уравненія перестанутъ представлять факты природы, а будутъ замѣнены конечными разностями и тогда совершится самый фундаментальный послѣ Ньютона переворотъ.

Теперь во всѣхъ перечисленныхъ спорныхъ вопросахъ, въ которыхъ я указалъ возможности дальнѣйшихъ выводовъ, я хочу предложить консервативную точку зрѣнія. Я принимаю новыя экспериментальныя выводы, на которыхъ нѣкоторыя изъ этихъ теорій основаны, — напимѣръ, принципъ относительности — и я глубоко заинтересованъ ими, но я не думаю, чтобы они представляли собою столь рѣшительный переворотъ, какъ-то полагаютъ ихъ основатели. Я вижу способъ удержать старое, не отвергая въ то же время и новое, я предлагаю осторожность при исправленіи и уничтоженіи старыхъ межевыхъ знаковъ.

А главный изъ нихъ есть *непрерывность*. Я не могу себѣ представить дѣйствія механической силы черезъ пустое пространство, какъ бы мало это дѣйствіе ни было; сплошная среда мнѣ кажется при этомъ необходимой. Я не могу допустить прерывности ни въ пространствѣ, ни во времени, не могу я также представить себѣ какой-либо видъ эксперимента, который бы оправдалъ подобную гипотезу. Потому что право же мы должны признать, что ничего не знаемъ, ни одного опыта надъ пространствомъ или временемъ, мы не можемъ ихъ ни въ какомъ смыслѣ измѣнить. Мы дѣлаемъ опыты надъ тѣлами и только надъ тѣлами, употребляя слово „тѣло“ въ очень общемъ смыслѣ.

Мы никакого основанія не имѣемъ предполагать что-либо иное по отношенію къ пространству и времени, кромѣ непрерывности. Мы дѣлимъ и то, и другое на условныя доли ради удобства и эти доли мы можемъ сосчитать; но въ сущности въ нихъ нѣтъ ничего атомическаго, ничего исчислимаго. Мы можемъ сосчитать круговращенія земли, обороты электрона, колебанія маятника, свѣтвыя волны. Все это конкретныя, исчислимыя физическія единицы; но пространство и время суть условныя понятія — абстракція, основанная на опытѣ. Мы познаемъ ихъ при помощи движенія и только при помощи движенія, а движеніе по существу непрерывно. Мы должны дѣлать ясное различіе между предметами, какъ таковыми, и между нашимъ способомъ измѣрять ихъ. Наши измѣренія и воспріятія могутъ подвергнуться всякаго рода воздѣйствіямъ, случайнымъ и пустячнымъ причинамъ; мы можемъ спутаться, сбиться, можемъ власть въ ошибку

вслѣдствіе нашего собственнаго движенія; такихъ осложненій не можетъ быть въ самой вещи, точно также какъ не можетъ быть искаженъ ландшафтъ тѣмъ, что мы смотримъ на него черезъ неправильное оконное стекло или съ высоты козель. Только въ древней, давно забытой баснѣ толкуется объ искаженіяхъ, вносимыхъ передвиженіемъ наблюдателя, какъ объ искаженіяхъ реальныхъ, происходящихъ во внѣшнемъ мірѣ.

Продолженіе слѣдуетъ.

ПО П У Т И.

Интересно и знаменательно свидѣтельствованіе о работахъ Лондонскаго Общества для Психич. Исслѣдов., высказанное недавно однимъ изъ старыхъ членовъ этого Общества, г-номъ Оскаромъ Броунингомъ:

— «Въ теченіи многихъ лѣтъ и съ самаго основанія кэмбриджской вѣтви этого Общества члены его собирались на моей квартирѣ при Королевскомъ Колледжѣ и такимъ образомъ все время, вплоть до смерти Генри Сиджвика и Фредерика Мейерса, я могъ близко слѣдить за дѣятельностью Общества и зналъ все, что къ нему относилось. Кромѣ того, будучи секретаремъ его, я велъ всѣ протоколы засѣданій, а также тщательно записывалъ, что видѣлъ и слышалъ на собраніяхъ (всѣ эти записки находятся въ настоящее время у профессора Оливера Лоджа). Неудивительно, поэтому, что я вскорѣ безповоротно убѣдился въ существованіи духовнаго міра и въ возможности и реальности общенія съ нимъ. Вся абсолютная истина и доказательность ея, описанныя профессоромъ В. Джемсомъ въ его книгѣ «Возможно ли общеніе съ умершими», мнѣ хорошо извѣстны, какъ свидѣтелю документовъ; при этихъ опытахъ и я получилъ въ двухъ случаяхъ сообщенія отъ умершихъ членовъ-основателей. Сообщенія эти носятъ на себѣ отпечатокъ безусловной доказательности и по содержанию своему они очень цѣнны для меня. Не менѣе интересное и абсолютно вѣрное посланіе получилъ я и отъ матери моей, умершей въ іюнѣ 1889 года и проявившейся черезъ медиумизмъ г-жи Пайперъ въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ этомъ своемъ сообщеніи мать моя, между прочимъ, предсказала событія, общенія которыхъ въ то время очень утѣшило и поддержало меня и которыя самымъ неожиданнымъ и чудеснымъ образомъ осуществились въ настоящее время. („Christian Commonwealth“).

Всякая новая истина проходитъ всегда три фазы: 1) она неприемлема, потому что противорѣчитъ научнымъ даннымъ, извѣстнымъ человечеству, и вообще она нелѣпа; 2) въ ней нѣтъ ничего новаго, стоитъ лишь ей придумать названіе и 3) всѣ ее давно знали.

Въ журналѣ „The Herald of the Golden Age“ напечатано слѣдующее утвержденіе, далеко не безызвѣстное подписчикамъ журнала «Ребусъ», но особенно цѣнное тѣмъ, что и журналъ „Light“, и журналъ «Ребусъ» могутъ подтвердить истину этого утвержденія и поддержать его во всемъ его объемѣ:

«Въ наше время всеміроваго кризиса, потоковъ слезъ и крови, надлежитъ возможно чаще повторять истину, извѣстную всѣмъ получившимъ и получающимъ помощь и утѣшеніе изъ міра невидимаго. Великіе сонмы обитателей по-

тусторонняго міра непрестанно направляютъ на землю свои симпатію, сочувствіе, благожелательность; охваченные чувствомъ братства, солидарности, жалости, ревности о духовномъ преуспѣваніи нашемъ, они пользуются всякимъ случаемъ придти на помощь людямъ и проявить свое вліяніе и себя возможно болѣе ощутимымъ способомъ. Когда это имъ удается, то всѣ, испытавшіе близость ихъ, могутъ засвидѣтельствовать, что отъ этихъ помощниковъ излучается столько горячаго желанія облегчить, поднять энергію въ людяхъ, утѣшить, ободрить, что въ присутствіи ихъ мгновенно исчезаетъ вся горечь утраты, весь страхъ передъ жизнью и зажигается страстное желаніе скорѣе стать ближе къ тому Источнику вѣчнаго солнца, изъ котораго они черпаютъ столько благодати и любви. Если эти духовные дѣятели и всегда, въ обыкновенное время, искали оказать помощь и научить робкихъ искателей правды, то какъ же напряженно дѣятельна ихъ любовь въ торжественную минуту смерти того воплощеннаго, который пользовался ихъ участіемъ. А тѣмъ болѣе вниманіемъ и участіемъ пользуются тѣ, кто «душу свои положилъ за други своя» и умеръ за братьевъ своихъ и за свободу родины своей. Эти будутъ встрѣчены любящими друзьями по переходѣ своемъ; имъ уберутъ и согрѣютъ ихъ новое жилище въ неизвѣстной, чуждой пока имъ странѣ. Объ нихъ позаботятся такъ, какъ мы не смогли бы и не сумѣли бы позаботиться».

ВОПРОСЫ СПИРИТИЗМА.

Существуютъ два странныхъ, неумѣстныхъ выраженія: 1) «заниматься» спиритизмомъ и 2) «вызывать» умершихъ.

«Заниматься» спиритизмомъ—это, цѣловкое выраженіе. Спиритизмъ есть наука и, какъ таковая, ее можно изучать. Изучать можно, какъ и всякую науку, теоретически, читая и наблюдая; и практически — путемъ опыта. Въ настоящее время собралась уже довольно обширная бібліотека подходящихъ сочиненій и трудовъ; для наблюденія же открытъ цѣлый міръ. Вся вселенная представляетъ собою учебникъ спиритизма; духъ разлитъ и царитъ повсюду и если мы его не замѣчаемъ на каждомъ шагу, такъ только потому, что не привыкъ нашъ глазъ и нашъ умъ къ этого рода воспріятіямъ. Мы въ нашемъ матеріальномъ мірѣ привыкли имѣть дѣло съ формами и за ними не видимъ сущности; стало быть, для желающаго изучать спиритизмъ, слѣдуетъ прежде всего пріучить себя видѣть и наблюдать жизнь и дѣянія духа: въ себѣ, въ людяхъ, въ тваряхъ, во всей природѣ. Когда нашъ разумъ привыкнетъ къ наблюденію, тогда цѣлый міръ откроется передъ нашими глазами, рамки вселенной расширятся передъ нами и мы увидимъ на каждомъ шагу чудеса и откровенія, о которыхъ никогда не догадывались. Тогда и не только спиритическая литература, а многія, многія книги, особенно по естествонавію и философіи, покажутся намъ чрезвычайно цѣнными. Думается, что такая подготовка очень важна для тѣхъ особенно, кто приступаетъ къ опытнымъ изслѣдованіямъ.

Для практическаго изученія спиритизма необходимо прежде всего имѣть умъ открытый, безъ предразсудковъ и предвзятостей, и характеръ подходящій — безстрастный и безстрашный. Человѣку, вооруженному этими свойствами, можно ожидать успѣха, но только такому человѣку; такой

человѣкъ, по нашему мнѣнію, необходимо долженъ быть въ каждомъ кружкѣ спиритическомъ и ему должно представить руководящую роль.

Перейдемъ къ другому выраженію: «вызываніе духовъ». Это тоже совсѣмъ неумѣстное выраженіе. Кого мы можемъ вызывать вообще? Или подчиненныхъ, на службѣ нашей находящихся, или лицъ, по своему общественному положенію обязанныхъ отзываться на нашъ призывъ (телефонистки, доктора и т. п.). Но какъ мы вызовемъ самодѣльные, свободные интеллекты? Почему мы можемъ воображать, что они должны быть безсѣбно около насъ и что дѣлать имъ больше нечего, какъ утѣшать насъ своимъ появленіемъ?

Въ настоящее время громадная масса скопилась матеріала, частію полученнаго въ серьезныхъ спиритическихъ кружкахъ всего свѣта, частію зарегистрированнаго при долготѣнныхъ опытныхъ изслѣдованіяхъ знаменитѣйшими учеными Европы; на основаніи этихъ данныхъ, вполне согласныхъ между собою—къ слову сказать—можно до нѣкоторой степени составить себѣ хотя бы и смутное понятіе о той жизни, которая неизбѣжно ожидаетъ каждого изъ насъ за гробомъ.

Отовсюду до насъ доходятъ свѣдѣнія объ этихъ фактахъ, замѣчательно согласныхъ между собою. Они учатъ насъ, что послѣ смерти мѣняются условія, окружающая среда, самъ же человѣкъ, его «я»—главнымъ образомъ характеръ его—остается безъ измѣненія, въ первое время послѣ перехода во всякомъ случаѣ. На землѣ мы живемъ заключенными въ матерію, ограниченными ею, насквозь обусловленными ею. Человѣкъ, у котораго его орудіе мысли, мозгъ, недоразвитъ почему либо, страдаетъ какимъ-либо дефектомъ, прирожденнымъ или приобретеннымъ, ограниченъ и стѣсненъ въ разумъ своимъ; весь организмъ нашъ, этотъ сложный комплексъ нашихъ внѣшнихъ воспріятій и внѣшнихъ проявленій, требуетъ постоянного вниманія къ себѣ, заботы, попеченія: безъ его благополучія и исправности мы почти что ничто въ земномъ бытіи. Кромѣ того и внѣшнія условія: холодъ, жара, сырость и т. д., держатъ насъ какъ въ тюрьмѣ и нашему высшему достоянію, свободной волѣ, отведено очень опредѣленное мѣсто: она можетъ проявлять себя только во внутреннемъ, психическомъ мірѣ человѣка. Все же остальное, окружающее, подчинено тому же закону какъ и «не единъ бо волосъ не падетъ съ головы вашей».

Вспомнимъ, встати, что спиритизмъ не есть пережитокъ, не есть модное увлеченіе; это—цѣлое стройное ученіе, построенное на твердой почвѣ фактовъ, хорошо обоснованныхъ и доказанныхъ. Поэтому мы можемъ вполне довериться даннымъ, въ настоящее время достаточно уже ярко рисующимъ дальнѣйшую судьбу человѣчества. Матеріалъ для выводовъ взять не изъ книгъ, это не мнѣніе какого-либо авторитета, не какая-нибудь умозрительная система, не измышленіе спекулятивнаго ума, нѣтъ, это все факты, факты и факты, которые можно всякому наблюдать, чувствовать, видѣть, только бы этотъ всякій посвятилъ на изученіе и изслѣдованіе ихъ достаточно времени и терпѣнія. Факты эти какъ бы говорятъ всему человѣчеству:—«Ищи и обрящешь» истину; «проси и дастся тебѣ»—разумнѣе, «стучи и отверзится» дверь изъ тьмы отрицанія и невѣрія въ свѣтъ знанія и пониманія. Эти факты со-

брали около себя миллионы ученыхъ и мыслителей всѣхъ странъ и народовъ и отблески спиритическаго ученія уже проникли всюду во всѣ классы общества, во всѣ сословія.

И вотъ, умираетъ человѣкъ и сразу дѣлается дѣйствительно свободнымъ, и мало того, что онъ свободенъ, онъ еще особенно отчетливо и полно воспринимаетъ самого себя благодаря тому, что путы, которые онъ носилъ, которые отвлекали его и развлекали его, спали. Съ чѣмъ остается этотъ человѣкъ? Достаточно ли онъ развилъ духовный свой міръ, достаточно ли богатъ онъ внутренне для того, чтобы свобода эта не стала ему бременемъ еще горше. Часто посѣтители изъ духовнаго міра предупреждаютъ людей о необходимости развивать и расширять свой духовный міръ, стараться эмансипироваться по возможности отъ власти матеріи, а главное—«Не оставлять долговъ землѣ»—т. е. не оставлять послѣ себя ничего такого, что вызвало бы раскаяніе, сожалѣніе о неправильно содѣланномъ; не оставлять ничего недоговореннаго и недоѣланнаго. Ужъ и безъ того по переходѣ съ земли много бываетъ осложненій, при полной беззаботности человѣчества и незнанія мы мало подготовлены бываемъ для новой жизни, а если еще случатся и осложненія со стороны «долговъ землѣ» или по непониманію оставленныхъ на землѣ любимыхъ и любящихъ, то положеніе перешедшаго можетъ стать прямо невыносимымъ: у него появляются навязчивыя идеи и онъ становится «привязаннымъ къ землѣ духомъ», т. е. существомъ, которое, не живя уже на землѣ, живетъ землею и ея интересами. Поэтому мы не только должны остерегаться «вызывать» духовъ, но должны всячески избѣгать тревожить ихъ и отвлекать своими мыслями или неосторожными поступками; потому-то и существуетъ мнѣніе, что объ умершемъ не надо говорить дурно (aut bene aut nihil). Перешедшему помогаютъ спокойныя, полныя любви, воспоминанія и въ особенности молитва. Первые успокаиваютъ и утѣшаютъ его—новичка въ чуждыхъ пока условіяхъ, а вторая привлекаетъ къ нему теплыя, благія вліянія и помощь.

Съ цѣлю помочь людямъ въ ихъ рабствѣ въ матеріи и въ ихъ полномъ непониманіи всего, что касается будущей ихъ неизбѣжной судьбы, много духовныхъ существъ стремится передать необходимыя знанія на землю. Цѣлыя духовныя общества, стройно, гармонично организованныя, берутъ на себя эту миссію и, отыскавъ себѣ подходящую группу людей, насаждаютъ новыя понятія и знанія, передаютъ крупицы истины, требуя, чтобы кружокъ распространялъ свѣденія, имъ полученныя. Отсюда возникаетъ вопросъ о пропагандѣ, вопросъ довольно трудный и скучный.

Съ одной стороны къ этой пропагандѣ всѣмъ своимъ существомъ рвутся тѣ, кто только что воспринялъ великую истину, что за гробомъ жизнь не прекращается, что вѣчной разлуки нѣтъ и что самое и единственно реальное во всей вселенной есть любовь. Тѣ люди, которые убѣдились въ истинѣ страстно желаютъ утѣшить братьевъ своихъ на землѣ, облегчить самое сильное земное горе—горе разлуки съ дорогими умершими, — однимъ словомъ, вынуть жало у смерти. Но вскорѣ же эти утѣшители убѣждаются, что ихъ рѣчи не нужны, что сами они въ глазахъ братьевъ своихъ смѣшны своими убѣжденіями, и что всѣ мѣры будутъ приложены, чтобы поколебать ихъ соб-

ственную увѣренность, а въ случаѣ неудачи забросать ихъ грязью, оклеветать, дискредитировать ихъ всячески.

Съ другой стороны этой пропагандѣ всѣми силами и мѣрами препятствуютъ носители зла и поборники слѣпоты людской. Какъ существуютъ около земли благостныя вліянія, великое стремленіе во имя солидарности, братства и вселенской любви оказать помощь людямъ; облегчить земной крестный путь человечества, такъ существуютъ и противоположныя вліянія, старающіяся ослѣпить, запугать людей, захватить души ихъ и ослабить путниковъ, поднимающихся по пути восхожденія къ Отцу небесному на родину свою.

Эти злыя вліянія всячески улавливаютъ несчастное человечество въ свои сѣти: завлекаютъ ихъ (или отвлекаютъ ихъ отъ истины) — богатствомъ и бѣдностью другихъ — болѣзнями и лишениями; еще другихъ — властью, почестями и т. д. и т. д.

Люди, подъ злымъ вліяніемъ находящіяся, всегда оказываютъ яростный отпоръ провозгласителямъ Истины. Спросите ихъ почему? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они сами не знаютъ почему и вы услышите цѣлый ассориментъ отвѣтовъ не по существу. Вамъ отвѣтятъ, что не имѣютъ времени отвлекаться такими пустяками, точно надо время для того, чтобы увидѣть свѣтъ вмѣсто тьмы: вѣдь все равно глядятъ же! Вамъ отвѣтятъ: «А почему вы знаете, что то, что вы говорите—Истина?—А какъ вы это узнали?—И выводъ:—«Это грѣхъ; потому что человекъ не долженъ проникать въ то, что сокрыто Богомъ,» — точно человекъ, этотъ червь, ничтожество, можетъ что-нибудь отнять у Бога! Вамъ скажутъ, что «всѣ спириты плохіе граждане», потому что мало интересуются суетностью и сплетнями, забывая, что не въ этомъ заключаются дѣла человеческія и что спириты, какъ болѣе сознающіе задачи жизни, всегда будутъ болѣе цѣнными и разумными работниками на нивѣ Божіей—землѣ.

Всѣ эти противящіяся—злостные скептики и беспокоить ихъ не слѣдуетъ, горемъ и скорбью придутъ они сами къ признанію Истины. Эти въ помощи не нуждаются.

Но есть и иной контингентъ скептиковъ, это—люди, «не родившіеся къ духу». Завершеніе индивидуализаціи духа на землѣ выражается въ формѣ человеческой, но бываютъ люди, еще не вполне округлившіе свое духовное «я». Они не имѣютъ потребности въ жизни духа, вся психика ихъ крайне не сложна, и запросовъ въ этомъ направленіи они еще не ощущаютъ. Для нихъ въ жизни все ясно и просто и они искренно убѣждены, что научныя богатства, накопленныя уже человечествомъ *должны* на все нести отвѣтъ. Очень часто такіе субъекты встрѣчаются среди интеллигентовъ въ 1-мъ поколѣніи—т. е. родители которыхъ едва грамоты умѣли, а дѣтямъ дали высшее образованіе. Это высшее образованіе такъ оглушило ихъ, что имъ едва-едва возможно справиться съ нимъ, ассимилировать его, они полны имъ. Этихъ тоже не слѣдуетъ будить изъ ихъ сна въ матерію. Для нихъ время не настало. Пропагандой высшей истины имъ можно, вмѣсто блага, причинить вредъ также, какъ поворожденнаго не надо преждевременно кормить бифштексомъ и становить на ножки. И эти скептики сами чувствуютъ возможный для нихъ вредъ и всячески отбиваются отъ идей, ненужныхъ, чуждыхъ имъ пока.

Кто же остается? Остаются очень немногіе, но за то эти немногіе пойдутъ за Истиной во что бы то ни стало; не побоятся ни лишений, ни труда, ни злословья. Этимъ «ищимъ духомъ» должно давать духовную пищу по мѣрѣ силъ своихъ по крайнему разумѣнію своему, памятуя, что «Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царствіе Небесное» и въ этомъ случаѣ носители, поборники Истины могутъ оказаться въ положеніи именно такомъ, что именно черезъ нихъ и должны быть переданы первыя проблески «Царствія Небеснаго».

Вотъ по нашему мнѣнію единственно возможный путь пропаганды; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ это будетъ «бисеръ» брошенный...

А. и Б.

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

Д. О. Карбановичъ.

(Безконечное развитіе человѣческой индивидуальности).

(Продолженіе *).

Впрочемъ, о перевоплощеніи пишутъ и многіе другіе авторы. Графъ *де-Гобино* въ своемъ сочиненіи „*Три года въ Азій, 1855—1858 г.*“ свидѣтельствуетъ, что многіе свѣтые Носсапрасы представляли доказательства послѣдовательныхъ существованій. Такъ, *Швекъ Гемиръ* утверждалъ, что онъ сохранилъ память о нѣкоторыхъ предыдущихъ состояніяхъ, имъ пережитыхъ. Между прочимъ, онъ помнитъ, что былъ въ прошлой жизни фабрикантомъ соломенныхъ цыновокъ ¹⁾.

Вотъ свидѣтельство лицъ уже о себѣ самихъ. Пасторъ *Форесъ* ²⁾ рассказываетъ, что будучи въ Римѣ, онъ однажды отправился въ Тиволи. «Тамъ вся мѣстность,—говоритъ онъ,—оказалась такъ же хорошо знакомой мнѣ, какъ мой приходъ. Неудержимымъ потокомъ рѣчей, внезапно выходящихъ изъ моихъ устъ, я описывалъ эту мѣстность въ томъ видѣ, какой она имѣла въ древности. Между тѣмъ я никогда ничего не читалъ о Тиволи; не видѣлъ никакихъ гравюръ, его изображавшихъ, узналъ о его существованіи лишь нѣсколько дней тому назадъ; и между тѣмъ могъ вполне служить руководителемъ и историкомъ для нѣсколькихъ моихъ друзей, заключившихъ, что я долженъ былъ специально изучить этотъ городъ и его окрестности. Вскорѣ видѣніе, возникшее въ моемъ умѣ, начало слабѣть. Я внезапно замолчалъ, какъ актеръ, забывшій свою роль, и не могъ больше ничего прибавить. Это было похоже на мозаику, вдругъ разсыпавшуюся».

«Въ другой разъ я находился съ спутникомъ въ окрестностяхъ Летерчеда, въ которомъ ни разу не былъ до того дня. Страна была совершенно чужая какъ для меня, такъ и для моего друга. Во время разговора послѣдній замѣтилъ: Говорятъ, что существуетъ древняя римская дорога гдѣ-то въ окрестностяхъ; но я не знаю, находится ли она съ этой стороны Летерчеда или съ другой. Я тотчасъ же сказалъ: Я знаю, гдѣ она, и я указалъ дорогу, вполне убѣжденный, что нашелъ ее, что дѣйствительно подтвердилось. Я имѣлъ такое ощущеніе, что когда-то ѣхалъ по

* См. «Ребусъ», № 6, 1916 г.

¹⁾ Cf e A. de-Gobineau. «Trois années dans l'Asie centrale».

²⁾ Rev. Forbes. The Ninteveth Century. Июнь, 1906.

этой дорогѣ верхомъ на лошади и въ панцырѣ. Такіе случаи побуждали меня время отъ времени говорить объ этомъ предметѣ съ моими друзьями и многіе изъ нихъ утверждали, что и сами испытывали нѣчто въ этомъ же родѣ».

Въ трехъ съ половиною миляхъ къ западу отъ того мѣста, гдѣ я живу, находится римская крѣпость, прекрасно сохранившаяся. Одинъ джентельменъ, навѣстившій меня однажды, попросилъ сопровождать его, чтобы осмотрѣть эти развалины. Онъ сказалъ мнѣ, что сохранилъ ясное воспоминаніе о томъ, что онъ жилъ въ этомъ мѣстѣ въ эпоху римскаго владычества, исполняя обязанности жреца. Меня поразило особенно то, что онъ настаивалъ на осмотрѣ одной башни, которая осѣла, не потерявъ однако своей формы. На вершинѣ башни, по его увѣренію, было отверстіе, въ которое вставляли мачту; стрѣлки изъ лука подымались на верхъ въ челнокѣ, обитомъ кожей; отсюда они могли наблюдать за начальниками отрядовъ и стрѣлять въ нихъ. Дѣйствительно, мы нашли отверстіе, о которомъ онъ говорилъ».

Извѣстный французскій писатель и поэтъ *Ламартинъ* въ своемъ „*Путешествіи на востокъ*“ рассказываетъ слѣдующее: «Въ Іудеѣ у меня не было ни библии, ни описанія путешествій на востокъ и никого, кто могъ бы сообщить мнѣ названія мѣстъ и древнее наименованіе долины и горъ; однако я сейчасъ же узналъ, безъ всякихъ указаній, долину Теревентскую и поле битвы Саула. Когда мы прошли въ монастырь, монахи подтвердили точность моихъ указаній, мои спутники не могли этому повѣрить. Также въ Сефорѣ я указалъ пальцемъ и назвалъ холмъ, увѣнчанный развалинами замка, какъ вѣроятное мѣсто рожденія дѣвы Маріи. На другой день у подножія одной бесплодной горы я узналъ могилу Маккавѣевъ, и я указалъ правильно, не зная этого предварительно. Исключая долину Ливискую, я почти не встрѣчалъ въ Іудеѣ мѣста, которое не было бы для меня предметомъ воспоминаній. Значитъ, мы живемъ дважды или, можетъ быть, тысячу разъ?»

Г. Герстеръ, въ „*Milwaukee Sentinel*, 25 сентября 1892 г.», пишетъ слѣдующее: «Десять лѣтъ тому назадъ я жилъ въ Иллѣ, въ графствѣ Эффингамъ. Здѣсь у меня умерла дочь Марія, имѣвшая около 15 лѣтъ. На слѣдующій годъ я поселился въ Давотѣ, которую уже не покидалъ. Девять лѣтъ назадъ у меня родилась вторая дочь Нелли, которая упорно называла себя Маріей, говоря, что это ея настоящее имя, которымъ мы прежде называли ее. Недавно я возвратился въ графство Эффингамъ, чтобы устроить нѣкоторыя дѣла и взялъ съ собою Нелли. Она узнала наше прежнее жилище и нѣсколькихъ лицъ, которыхъ она никогда не видала, но съ которыми моя первая дочь Марія была хорошо знакома».

«Въ милѣ разстоянія помѣщается школа, которую Марія посѣщала. Нелли, никогда не выдавая этой школы, сдѣлала точное ея описаніе и выразила желаніе увидѣть ее. Я привелъ ее туда и она тотчасъ же, безъ всякаго колебанія, подошла къ столу, который занимала ея покойная сестра, говоря:—вотъ мой столъ».

Графъ де Рези, въ своей „*Histoire des sciences occultes*“ томъ II, говоритъ: «Мы можемъ привести наше собственное свидѣтельство о томъ удивленіи, которое мы не однажды испытывали при видѣ многихъ мѣстъ въ различныхъ частяхъ свѣта, вызывавшихъ въ насъ тотчасъ

же давнишнее воспоминаніе, при видѣ предметовъ, какъ-будто, знакомыхъ намъ, но которые однако мы видѣли въ первый разъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ ШАПАРИ.

(Изъ мемуаровъ Карменъ Сильвы—королевы Румынской).

Мой дядя написалъ изъ Америки, что онъ присутствовалъ въ одномъ обществѣ, гдѣ заставляли двигаться столы лишь положивъ на нихъ руки. Онъ общался, что не можетъ никакъ убѣдить отца моего принять участіе въ подобной нелѣпности и тотъ избѣгаетъ даже присутствовать при опытахъ, потому что не желаетъ заниматься такими пустяками и ненавидитъ всякое шарлатанство. Но въ нашемъ домѣ тотчасъ проснулся живой интересъ къ новому спорту, тѣмъ болѣе, что мы успѣли уже познакомиться съ магнетизмомъ, благодаря упомянутой англичанкѣ и обнаруживающейся у моего дяди удивительной силѣ. И мы стали дѣлать опыты со столоверченіемъ. Созывались всѣ, отъ мала до велика, думая, что чѣмъ больше людей, тѣмъ скорѣе будетъ достигнута цѣль. Мы становились всѣ вокругъ стола, соприкасаясь другъ съ другомъ пальцами, въ душѣ смѣялись и находили это занятіе нѣсколько скучнымъ до тѣхъ поръ, пока столъ, несмотря на свой солидный вѣсъ, началъ вдругъ слегка двигаться. Конечно, присутствующіе стали обвинять другъ друга въ умышенномъ подталкиваніи стола, хотя это было невыполнимо, потому что всѣ стояли и могли видѣть руки каждаго изъ участниковъ и контролировать его. Но дѣло мастера бояться и, спустя короткое время, столъ началъ очень быстро вертѣться. Тогда-то мы замѣтили, къ нашему величайшему удивленію, что стоило придвинуть кресло моей матери, а ей лишь положить палецъ на столъ, какъ послѣдній начиналъ тотчасъ двигаться быстрѣе, затѣмъ путешествовалъ по комнатамъ и приходилось катать ее кресло вслѣдъ за нимъ.

Съ громкимъ смѣхомъ мы слѣдили за этой своеобразной медвѣжьей пляской, которая казалась мнѣ очень комичной. Мы пробовали приводить въ движеніе другіе предметы, но убѣдились, что не всѣ они годны для этого и не всѣ люди одинаково способны приводить въ движеніе то, что привыкли считать неподвижнымъ.

Необыкновенная сила развилась у графа Оріолла и достаточно было ему протянуть руку на разстояніи трехъ или четырехъ шаговъ, и маленькій столъ весело придвигался къ нему, къ нашей неописуемой радости и къ неописуемому ужасу моей воспитательницы, изъ комнаты которой брали столикъ. Она отказалась принять обратно въ свою комнату этого страшнаго гостя. И онъ остался навсегда въ залѣ для опытовъ.

Всѣ стулья, диваны, комоды—все у насъ двигалось, все вдругъ заходило. Рассказывали даже, что одна молодая дѣвушка положила руку на стеклянный колпакъ, прикрывавшій часы и колпакъ приподнялся и прилипъ къ ея рукѣ.

Конечно, разъ была установлена возможность подобныхъ фактовъ, то исчезли всякія границы и нужно было все испробовать.

Этотъ спортъ вытѣснилъ на время всякую другую игру и развлеченіе, и всѣ готовы были постоянно предаваться ему. Это совершенно не походило на усыпленіе при помощи возложенія рукъ и не ограничивалось однимъ человѣкомъ. Всякій желающій могъ до-

биться этого, одинъ—скорѣе, другіе—медленнѣе. Тѣ же, которые не могли ничего дѣлать, не обладали магнетической силой, какъ намъ казалось. Но небольшая доля этой силы замѣчалась у каждого человѣка и при постоянномъ упражненіи она значительно разрасталась, не вызывая при этомъ ни малѣйшаго непріятнаго чувства. Пробовали заставлять другъ друга закрывать глаза и нѣкоторымъ это удавалось настолько, что объективы опытовъ не могли открыть глаза безъ помощи загнипнотизировавшаго ихъ. Другіе же относившіеся къ дѣлу не серьезно, смѣявшіеся или шутившіе, не могли ничего добиться. Необходимо было сидѣть смиренно и такъ какъ кто-то утверждалъ, что любимымъ словомъ въ нашемъ домѣ являлось слово „сосредоточиваться“, то и старались всюду и во всемъ выработать эту сосредоточенность. Этому я обязана отсутствіемъ вполне всякой разсѣянности, а при моемъ живомъ воображеніи это, несомнѣнно, заслуга воспитанія и я являюсь въ этомъ отношеніи настоящимъ субстратомъ воспитанія. Итакъ, необходимо было сосредоточиваться.

Въ это время до моей матери дошли слухи объ одномъ господинѣ, производившемъ въ Парижѣ чудеса, излѣчивая при помощи возложенія рукъ, какъ въ библейскія времена.

Она написала отцу въ Америку, что дочь Шлейфмахера, графиня Шверинъ лѣчится у магнетизера и почти совершенно излѣчилась послѣ того, какъ много лѣтъ не могла ходить. По пути изъ Америки мой отецъ отыскалъ въ Парижѣ этого магнетизера—его звали графомъ Шапари—да будетъ благословенно его имя на вѣки!

Когда отецъ попросилъ его заняться лѣченіемъ моей матери, онъ отказался, потому что у него было слишкомъ много пациентовъ. Впрочемъ, онъ обѣщаль пріѣхать на берегъ Рейна и познакомиться съ болѣзнью.

Не прошло и трехъ дней со времени пріѣзда отца въ Боннъ, какъ открылась калитка сада и вошелъ господинъ высокаго роста, съ густыми, уже сѣдѣющими усами и пышными волосами, ниспадавшими ввидѣ локоновъ на лобъ. Онъ прихрамывалъ, потому что сломалъ ногу во время несчастнаго случая съ экипажемъ въ Венгріи. У него были большіе черные глаза и очень добрая улыбка, которая, однако, не появилась на его лицѣ въ тотъ моментъ, когда мой отецъ представилъ его—„Графъ Шапари!“

Его исторія была очень своеобразна. У него была смертельно больная дочь, которую врачи отказались лѣчить. Въ минуту отчаянія онъ вспомнилъ о шумѣвшемъ тогда магнетизмѣ. Выпроводивъ всѣхъ изъ комнаты, онъ сдѣлалъ нѣсколько пассовъ надъ ребенкомъ. И ребенокъ уснулъ, и спалъ, спалъ до тѣхъ поръ, пока не поправился.

Убѣдившись въ своей силѣ, онъ рѣшилъ употребить ее съ пользой для человѣчества и уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ изучилъ немного медицину, для того, чтобы относиться къ врачеванію сознательнѣе и выучилъ ни больше, ни меньше того, что знали всѣ тогдашніе врачи. Слава объ его леченіи распространилась быстро.

Увидѣвъ мою мать, онъ готовъ былъ отказаться лечить ее. Тогда къ нему подошелъ мой несчастный братъ. Кроме того, онъ увидѣлъ моего отца въ послѣдней стадіи чахотки, противъ которой не существовало еще Давоса, а лѣчили молочкомъ съ эмской водой и другихъ средствъ не знали. При видѣ несчастнаго ребенка и красивой молодой женщины въ несчастномъ состояніи онъ проникся такою жалостью къ нимъ, что далъ обѣщаніе заняться лѣченіемъ. Но онъ прібавилъ при этомъ:

— Вашу жизнь мнѣ быть можетъ, удастся спасти, но ваша нога, какъ видите сами, мертва, въ ней нѣтъ больше жизни!

И дѣйствительно: оставались лишь кости, обтянутые дряблой кожей.

Онъ обѣщаль пріѣхать за нами недѣли черезъ двѣ, такъ какъ боялся, что мать не перенесетъ путешествія безъ его помощи.

Мы отправились въ Парижъ, при чемъ дѣти помѣстились въ отдѣльномъ купѣ съ воспитательницей и воспитателемъ, мой бѣдный братъ также отдѣльно со своей няней—добродушнымъ ангеломъ, какихъ я больше не встрѣчала. Она займетъ отдѣльное мѣсто въ моихъ мемуарахъ. Мать же съ отцомъ, фрейлейнъ фонъ Принъ и графомъ Шапари тоже въ отдѣльномъ купѣ.

Мать лежала въ гамакѣ, который графъ придерживалъ все время, отъ Бонна до Парижа, одной рукой, а второй рукой непрерывно производилъ пассы для того, чтобы облегчить судороги, грозившіе ежеминутно смертью. Это было самое ужасное путешествіе.

Но теперь не слышно было запаха хлороформа и эирира, потому что всѣ медикаменты были тотчасъ изгнаны и съ тѣхъ поръ объ нихъ не было больше рѣчи.

Когда мы добрались наконецъ благополучно до нашего дома на улицѣ Верра, на углу Елисейскихъ полей и мою мать уложили въ постель, графъ Шапари бросился на свою кровать и спалъ мертвымъ сномъ десѣть часовъ.

Началось лѣченіе, которое давалось очень трудно и продолжалось первое время отъ восьми до десяти часовъ ежедневно. Графъ все еще боялся, чтобы мать не умерла подъ его руками. Лишь спустя шесть мѣсяцевъ появилось маленькое движеніе въ ножныхъ пальцахъ, такъ что онъ воскликнулъ:

— О! Вы будете ходить!

Онъ массировалъ больщую ногу желѣзною рукой до тѣхъ поръ, пока въ ней не обнаружилась жизнь, и черезъ нѣсколько недѣль моя мать оправилась настолько, что могла сдѣлать первые шаги.

Мы дѣти видѣли въ саду, какъ она съ трудомъ могла сдѣлать нѣсколько шаговъ, лишь опираясь на его руку, при чемъ слезы текли по ея лицу отъ боли и она теряла всякій разъ сознание. Мать рассказывала, что она помнитъ, какъ я подбѣжала къ ней вся красная, а мой мертво-блѣдный братъ удалялъ маленькія камешки изъ подъ ея ногъ.

Нѣсколько дней спустя Отто увидѣлъ ее въ первый разъ въ своей жизни на ногахъ. Онъ всталъ, взялъ ее за руку и торжественно медленнымъ шагомъ водилъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова. Это было величайшее и самое поразительное событіе въ нашей дѣтской жизни.

Мы считали всѣ чудеса Христа естественными и вполне правдоподобными и сдѣлались сами свидѣтелями событий, напоминавшихъ эти чудеса, но намъ суждено было пережить еще больше.

Отто не выговаривалъ буквы р, и называлъ графа Шапари,—„глафомъ“ и съ тѣхъ поръ всѣ въ домѣ называли его такъ. Мало того, что всѣ мы любили, обожали его, считали святымъ, но чувства наши были еще гораздо глубже. Легко понять, какое чувство можетъ вызывать подобное, чудесное исцѣленіе, хотя бы и сопряженное съ несказанными страданіями. Объ этихъ страданіяхъ мы не знали почти ничего, потому что не знали, что массажъ вызываетъ такую боль. Судороги были обращены въ лѣчебное средство, такъ называемую пассивную лѣчебную гимнастику.

Не было ни одного органа, которой не подвергался бы по цѣлымъ часамъ самымъ сильнымъ невольнымъ движеніямъ, распространившимся, главнымъ образомъ, на тѣ части тѣла, которыя были до того времени парализованы или безсильны. Когда моя мать излѣчилась, всѣ увидѣли, что она обладаетъ необыкновенной

магнетической силой и она стала посещать пациентов графа, взяв на себя их лечение.

Она пригласила к себе хромую фрейлейн фон-Бунзен, которую они лечили вдвоем и поставили на ноги после двадцати пятилетней болезни.

С тех пор, так называемое столоверчение, развилось в настоящую науку, потому что у нас все превращалось из спорта в серьезное дело: у нас не было времени для шуток и под просвещенным влиянием моих родителей все принимало серьезный оборот.

Мой отец, которого называли Омой невѣрным, рѣшил разработать и обосновать это учение, и после цѣлаго ряда научных и философских изслѣдованій вопроса, стал много писать о немъ.

Въ это самое время прибылъ въ Парижъ Ньюкомъ и образовался значительный кружокъ изъ друзей, излѣчившихся пациентовъ графа, собиравшихся у насъ. Ньюкомъ игралъ на органѣ для того, чтобы вызвать вдохновеніе. Затѣмъ составляли цѣпи. Карандашъ надѣвался сквозь большой шерстяной мячъ, на который два человѣка, обыкновенно мой отецъ и одна молодая дѣвушка, обладавшая большой магнетической силой — клали свои руки и задавали исключительно философскіе вопросы.

Мой отецъ пришелъ къ заключенію, что такимъ путемъ внутренняя жизнь и мышленіе проявляется безъ участія мозга и назвалъ поэтому свою книгу — „Безсознательная духовная жизнь“. *) Отецъ говорилъ часто:

— Я не столько высокоумѣнъ, чтобы отрицать то, чего я не понимаю!

Было бы нелепо слѣдить за молниеносными движеніями карандаша или же сознательно направлять его, тѣмъ болѣе, что здѣсь принимали участіе два человѣка, которые не придерживали мячика, а лишь держали на немъ руки.

Такимъ образомъ мячикъ двигался свободно, и я наблюдала не разъ, когда мнѣ разрѣшали участвовать въ цѣпи, какъ быстро двигался по бумагѣ карандашъ.

Въ настоящее время мои подтвержденія совершенно излишни, потому что всякій можетъ убѣдиться въ этомъ самъ. Теперь извѣстно, что это сила присуща каждому человѣку и проявляется такимъ образомъ, а иногда обнаруживаетъ въ людяхъ гораздо болѣе знанія, чѣмъ они проявляютъ въ обыкновенной жизни.

И многіе оцѣнили въ роли *monsieur jourdaien'a* **), такъ какъ оказались пассивными писателями. Никто еще тогда, по крайней мѣрѣ у насъ, не думалъ о спиритизмѣ, а причину этихъ явленій искали не извнѣ, а внутри себя.

Время покажетъ кто правъ.

Вскорѣ нашлись отдѣльныя личности, которыя могли писать по-латыни, другіе — писали чудныя молитвы, совершенно безсознательно, третьи — философскія разсужденія или медицинскія трактаты, словомъ, разнообразнѣйшія вещи, которыя въ обычное время имъ въ голову не приходили.

Люди совершенно отдавали себя во власть своему внутреннему голосу и старались главнымъ образомъ вызвать торжественное и возвышенное настроеніе, иначе писали бы всякій вздоръ и къ тому же этотъ даръ считался слишкомъ священнымъ и цѣннымъ.

Для моей матери это было началомъ новой жизни во всѣхъ отношеніяхъ, потому что теперь она была

*) Германъ фонъ Видъ, отецъ Румынской королевы Елизаветы (Карменъ-Сильвы) авторъ философскихъ сочиненій (безъ имени автора) между прочимъ написалъ упомянутую книгу „Das unbewusste peistesleden und die göttliche Offenbarung“, Ein Ergebnis aus der Kritik der Kantschen Freiheitstheorie и друг. Прим. перев.

**) „Le Bourgeois gentilhomme“ Мольера. Прим. перев.

здоровая и обладала сама способностью исцѣлять другихъ.

Я расскажу еще много объ ея врачебномъ искусствѣ, которое совершенно не уступало и даже, быть можетъ, превышало умѣніе графа, по быстротѣ исцѣленія и удивительнымъ явленіямъ, познакомившись позже съ методами леченія массажистовъ и въ особенности доктора Метцгера, моя мать говорила, улыбаясь:

— Все это прекрасно, но я дѣлала гораздо больше! Я могла наложить руку и сказать: „Встань! ты здорова!“

Такимъ образомъ, это пребываніе въ Парижѣ и все, что было связано съ нимъ, составило новую эру въ жизни моихъ родителей: мой отецъ сталъ философомъ и писателемъ, а мать — врачомъ, и оба взаимно поддерживали другъ друга своими интересными наблюденіями. То, что одинъ собиралъ въ практической жизни, другой пересаживалъ на умственную почву, и все вмѣстѣ удивительно обогачало жизнь. Всѣ мы пережили тогда много, особенно я.

Несмотря на то, что мнѣ было одиннадцать лѣтъ — я чувствовала себя почти взрослой и принимала дѣятельное участіе въ духовной жизни старшихъ. Мое воспитаніе получило значительно болѣе серьезное направленіе. Двѣнадцати лѣтъ я попала исключительно въ мужскія руки для того, чтобы мое ученіе велось серьезнѣе и трудъ, который я несла былъ бы подъ силу скорѣе студенту, чѣмъ молодой дѣвухѣ. И все таки ни кому еще не приходило тогда въ голову, что молодыя дѣвушки должны вести себя, какъ мужчины.

Большія мученія причиняли мнѣ постоянныя напоминанія, что нужно быть болѣе женственной, не такой рѣзкой и необузданной, а мягкой, гибкой. Но, увы! Всего этого я была лишена! Я не могла побороть себя! Я любила слишкомъ сильно, чтобы проявлять нѣжность!

Мои родители были для меня настолько священны, что я не могла бросаться имъ на шею и ласкать ихъ. Сама жизнь такъ отдалила насъ другъ отъ друга.

Моя мать лечила больныхъ, какъ Христосъ, мой отецъ былъ писателемъ, а самымъ высокимъ дѣломъ я считала умѣніе сочинять книги! Онъ сталъ съ тѣхъ поръ посвящать мнѣ много времени.

Когда мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, онъ прогуливался часто со мною взадъ и впередъ, знакомилъ меня съ философами и ихъ системами, и читалъ мнѣ многіе отрывки изъ различныхъ книгъ, которыя онъ изучалъ, или же изъ собственныхъ сочиненій. Онъ объяснялъ все терпѣливо до тѣхъ поръ, пока мнѣ казалось, что я поняла все отлично. Но я не понимаю этого и теперь. Вѣдь я такъ и не стала философомъ, а лишь поэтомъ, т. е. занялась именно тѣмъ, чѣмъ мнѣ не позволялось заниматься и что отдѣлено такою глубокою пропастью отъ философіи. Я писала уже тогда стихи, но никому не говорила объ этомъ.

Моя мать была все-таки не настолько здорова, какъ это казалось постороннимъ людямъ. Часто она чувствовала себя очень скверно, но никогда болѣе не хромала.

Мы замѣтили, что магнетическая сила не имѣетъ ничего общаго съ тѣлесной. Къ этому выводу мой отецъ пришелъ путемъ основательныхъ и осторожныхъ наблюденій, въ противномъ случаѣ, если бы это приносило ей вредъ, онъ не позволилъ бы матери лечить больныхъ. Во время столоверченія и писанія обнаружилось, что самые слабые субъекты обладаютъ самой большой магнетической силой. Въ настоящее время, послѣ опытовъ съ электричествомъ, никто не станеть этому удивляться. Не слѣдуетъ забывать, что все это происходило пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда еще не существовалъ Шарко, гипнотизировавшій или за-

нимавшийся внушениемъ, не были еще изобрѣтены даже самыя названія.

Мой отецъ и дядя садились, подобравъ ноги, на нашъ большой шестигонный обѣденный столъ, а необыкновенно пѣжная и слабая женщина клала на него руку, и столъ такъ быстро двигался по комнатѣ, что разорвалъ коверъ. А эта дама не могла бы сдвинуть съ мѣста даже стула!..

Очень интересны были опыты съ сомнамбулизмомъ. Сомнамбулы напоминали лунатиковъ лишь въ томъ отношеніи, что становились какъ бы невѣсомыми. Я была свидѣтельницей, какъ моя мать ходила и стояла на колыняхъ почти на воздухѣ. Точно также и другіе соучастники сеансовъ ходили по спинкѣ легчайшаго стула, который при этомъ нисколько не наклонялся, поднимались также вверхъ по зеркалу, какъ по полу, по двери или стѣнѣ. Все это было возможно, просто, весьма естественно и не удивляло насъ нисколько, потому что совершалось постоянно на нашихъ глазахъ. Единственное, что поражало насъ всякій разъ, — это состояніе экстаза моей матери, во время котораго она молилась и пѣла, сочиняя слова и мелодіи. Мы были свидѣтелями еще многихъ другихъ явленій, о которыхъ расскажу въ другой главѣ.

Небольшому числу людей суждено было познать истину и увидѣть своими глазами, какъ самыя обыкновенные люди производили такъ называемые чудеса. Это очень приблизило насъ къ Христу, и мы стали относиться къ нему еще дружелюбнѣе и искреннѣе. Вотъ почему я написала гдѣ то: „Чудесъ не существуетъ, существуютъ лишь невѣжды!“

Повидимому, все естественно, и мы лишь невѣроятно мало изучили силы природы, такъ что египтяне и индусы могутъ посмѣяться надъ нами. Они связаны съ этими силами значительно тѣснѣе, и, очевидно, изучили ихъ гораздо глубже, чѣмъ они могутъ объяснить намъ. Все это даетъ основаніе предположить, что въ концѣ концовъ останется, вѣроятно, лишь естественный методъ лѣченія тамъ, гдѣ нельзя будетъ примѣнять хирургію. Врачебное искусство графа Шапари сводилось къ тому, чтобы самыя проявленія болѣзни использовать какъ средство для лѣченія.

Всѣ выросшіе подъ строгой ферулой воспитанія того времени прекрасно знали сами, что не слѣдуетъ отдавать свой организмъ во власть судорожнымъ припадкамъ, а они обязаны тотчасъ использовать ихъ для лѣчебной гимнастики, которая приведетъ организмъ въ равновѣсіе и состояніе покоя. Современные массажисты не предъявляютъ подобныхъ требованій пациентамъ, а стараются сами побороть болѣзнь массажемъ. Еще вопросъ, который изъ этихъ методовъ цѣлесообразнѣе. Во всякомъ случаѣ, въ тѣ времена, больного приучали къ большей самостоятельности и заставляли лѣчить себя собственными силами. У многихъ не хватало для этого энергіи и они находились въ полной зависимости отъ своего врача. Въ такихъ случаяхъ отъ нихъ попросту отказывались, потому что они служили бы тормазомъ и мѣшали бы другимъ. Шапари страшно сердился, когда пациенты всецѣло отдавались въ его власть. Нужно было самому желать выздороветь и приложить усилія для достиженія этой цѣли.

Въ настоящее время все сваливаютъ на истерію и не интересуются этимъ больше. Въ наше время считали возможнымъ излѣчить все, если только человѣкъ, пожелаетъ этого. Я держусь до сихъ поръ этого взгляда, потому что выросла съ тою мыслию, что можно заставить себя выздороветь, стоитъ только сосредоточить на этомъ свою волю, исключая, конечно, тѣ случаи, когда необходимо прибѣгнуть къ хирургіи.

Оттого-то меня такъ возмутило, когда мнѣ хотѣли навязать нервную болѣзнь тамъ, гдѣ необходимо было

лишь хирургическое лѣченіе. Когда же впоследствии рѣшили прибѣгнуть къ хирургіи, было уже поздно.

Я привыкла съ ранней молодости или даже съ дѣтства, смотрѣть на нервность, какъ на недостатокъ самовоспитанія и доказала это, когда работала день и ночь, несмотря на невыносимую боль. Необходимо по возможности раньше приучать дѣтей къ самовоспитанію и самообладанію и такимъ образомъ исчезнетъ самая возможность попасть въ такія положенія, какія мы, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчаемъ теперь.

Сомнамбулическое усыпленіе считалось у насъ также переходною ступенью къ полному выздоровленію. Это былъ родъ сна, служившей организму для самоцѣленія, безъ посторонняго вмѣшательства, которое могло бы лишь служить тормазомъ. Я думаю объ этомъ часто, когда слышу разговоры о внушеніи и тому подобныхъ явленіяхъ. Все это примѣнялось у насъ, но лишь подъ другимъ названіемъ. Ни одно лѣченіе не начиналось безъ молитвы, но не молитвы „о здравіи“, какъ ее называютъ теперь, а просто для того, чтобы собрать силы для предстоящей задачи. Требовалось еще, чтобы больной приложилъ всю свою волю, желаніе выздороветь. Шапари требовалъ это отъ всѣхъ своихъ пациентовъ и отъ моей матери. Моя мать вмѣняла мнѣ въ священную обязанность то, что она велѣла выгравировать для меня, когда мнѣ было десять лѣтъ, на печати: „Смиреніе и веселость“. Необходимо быть всегда скромной и веселой—мы обязаны быть такими для нашихъ ближнихъ. Но я была нѣсколько горда, не высокомерна, по упряма и непреклонна, а проявленіе веселости въ нашемъ домѣ требовало большого искусства, потому что не было никакого основанія для этого.

Нужно было обладать величайшей силой воли, чтобы въ угоду другимъ, казаться веселой. Это ставилось въ обязанность и необходимо было поэтому выработать въ себѣ такое самообладаніе. Веселое настроеніе цѣнилось лишь тогда, когда оно достигалось работой надъ собой. Божьи дѣти обязывались быть веселыми и не поддаваться никакому волненію.

Вотъ, почему я чувствую всегда глубокое уваженіе и восхищеніе передъ людьми, которые умѣютъ казаться веселыми. Я считаю ихъ людьми сильной воли, не принимая во вниманіе того, что не всѣ же подвергаются такимъ тяжелымъ испытаніямъ, чтобы веселость являлась для нихъ задачей и требовала самообладанія. Въ Парижѣ, въ кругу тогдашнихъ выздоравливающихъ всѣ были веселы, потому что надѣялись начать новую жизнь, со свѣжими силами, на новыхъ путяхъ съ новымъ мужествомъ. Никто не думалъ, что и дальѣйшая жизнь можетъ сложиться также тяжело и при томъ еще будетъ лишена надежды на облегченіе, которую питали до выздоровленія. Въ Парижѣ все было ясно, и психографическое писаніе поднимало человека надъ собой, всѣ были въ приподнятомъ настроеніи и поэтому легче переносили всякое горе.

Но когда моей матери, по ея выздоровленію, сообщили объ истинномъ состояніи ея несчастьяго ребенка—она чуть не умерла отъ горя и въ душѣ приходила въ отчаяніе при мысли, что ее вернули къ жизни, отъ которой она готова была отречься. С и не подозрѣвала, что это лишь начало и что ей суждено еще сдѣлаться крѣпкой опорой для маленькаго мученика и помочь ему умереть. Хорошо, что наши глаза закрыты, иначе немногіе устояли бы передъ искушеніемъ самоубійства.

Выздоровленіе имѣетъ двѣ стороны. Такъ какъ болѣзнь большинства людей является слѣдствіемъ душевныхъ страданій, то они скоро убѣждаются, что выздороветь значитъ снова взвалить на свои плечи крестъ, который они надѣялись сбросить, и многіе настолько боятся этого, что предпочли бы не выздоравливать.

Съ этимъ необходимо считаться и прежде чѣмъ требовать, чтобы люди сами пожелали выздоровѣть, необходимо вселить въ нихъ бодрость для жизни. Это очень важно и врачи рѣдко считаютъ съ этимъ. Они думаютъ слишкомъ часто, что люди выздоравливаютъ охотно въ то время, какъ, наоборотъ, человекъ лишь мечтаетъ о томъ, чтобы сбросить какимъ-нибудь образомъ бремя жизни и даже приветствуютъ всякую болѣзнь, избавляющую и освобождающую его отъ нѣкоторыхъ обязанностей.

Большое облегченіе приносило психографическое писаніе, становилось какъ-то стыдно передъ собой, что человекъ боится бремени жизни и не желаетъ принимать его на свои плечи, даже когда онъ призванъ писать такія прекрасныя вещи. Люди чувствовали себя избранниками, какъ священнослужители, облеченные новымъ саномъ. Сомнамбулическій сонъ приводилъ къ тому же, причѣмъ открывались такіе широкіе горизонты, что люди, казалось, пропикали взоромъ въ открытое небо, а земля и ея страданія представлялись такими маленькими, что становилось стыдно отказываться нести это бремя.

На меня это не оказывало дѣйствія, такъ какъ я не могла писать и наблюдала лишь блаженство другихъ, подвергавшихся усыпленію. Меня обстоятельства удручали глубже и не могу не признаться, что въ возрастѣ между одиннадцатую и восемнадцатую годами я часто приходила въ уныніе, ложилась иногда на полу въ моей комнатѣ и глядя на облака или смотря, стоя у окна, на Рейнтъ, и умерла бы тогда охотно.

Но лишь только я переступала порогъ другой комнаты или зала, какъ тотчасъ принимала веселый видъ. Я старалась вызвать приподнятое настроеніе и быть достойной такихъ великихъ событій, но это стоило слишкомъ большихъ усилій. Подчасъ я бывала единственнымъ здоровымъ человекомъ въ домѣ и единственнымъ моимъ развлеченіемъ, между отдѣльными уроками, было пять или шесть больныхъ. Тутъ помогала желѣзная дисциплина моей матери, которая не допускала слабости и требовала присутствія духа во всякое время. Она считала бодрость необходимымъ условіемъ, и поэтому я не признавалась ни ей, ни кому-либо иному, что жизнь была для меня часто слишкомъ тяжела и обременительна, я сочла бы такое признаніе непростительною трусостью и недостаткомъ чувства долга, такъ какъ веселость вѣнялась мнѣ во обязанность. Для молодого существа подобная дисциплина весьма полезна. Жизнь часто требуетъ этого и хорошо, когда человекъ заранѣе подготовленъ.

Шапари былъ также постоянно веселъ, казался всегда жизнерадостнымъ, смѣялся и пѣлъ, оживленный, какъ настоящій венгерецъ, со своими крѣпкими зубами, огромной силой и здоровьемъ. Не разъ ему бывало очень жутко съ тяжело-болными, подвергавшимися различнымъ припадкамъ и терявшими голову.

Но это случается со всеми врачами, которые обязаны сохранять вѣншее спокойствіе передъ своими пациентами и ихъ семьями. Вся система лѣченія была основана, главнымъ образомъ, на умѣнн лѣчить самого себя и сохранять свое равновѣсіе. И въ этомъ отношеніи онъ достигалъ необычайныхъ результатовъ.

Книги по вопросамъ Спиритуализма и Медіумизма.

Изданныя до 1903 г. при редакціи журнала „Ребусъ“ въ СПБ. Требования адресовать въ складъ—С.-Петербургъ, книжный магазинъ Мартынова, уголъ Ново-Петергофскаго и Троицкаго проспектовъ, свой домъ № 4—20.

- 1) Кое-что о медіумизмѣ. Профес. А. М. Бутлерова. Ц. 60 к.
- 2) Статьи по медіумизму. Профес. А. М. Бутлерова, съ фото-типич. портретомъ автора и воспоминаніемъ объ А. М. Бутлеровѣ. Н. П. Вагнера. Ц. 2 р.
- 3) Медіумизмъ Елизаветы Дмитріевны Прибытковой. Воспоминанія В. Прибыткова. Подробное описаніе разнообразныхъ медіумическихъ сеансовъ. Ц. 1 р.
- 4) Вопросъ о спиритизмѣ въ Россіи, отъ его возникновенія и до нашихъ дней, съ 8-ю портретами. В. Прибыткова. Ц. 1 р.
- 5) Медіумическія явленія передъ судомъ врачей. В. Прибыткова. Ц. 25 к.
- 6) Откровенныя бесѣды о спиритизмѣ и другихъ явленіяхъ той же области. В. Прибыткова. Ц. 35 к.
- 7) Легенда стариннаго баронскаго замка,—разсказъ, служащій руководствомъ къ устройству медіумическихъ сеансовъ. В. И. Второе изданіе. Ц. 75 к.
- 8) Пережитое въ иномъ мірѣ. Разсказъ очевидца. Ц. 35 к.
- 9) Изъ жизни снѣптина въ иномъ мірѣ. Ц. 30 к.
- 10) Богословско-философскій журналъ о спиритизмѣ. Научное подтвержденіе реальности медіумическихъ явленій. Ц. 40 к.
- 11) Неизвѣстное. Разнообразныя явленія въ области психизма и ихъ объясненіе. К. Фламмаріона. Ц. 1 р.
- 12) О нѣкоторыхъ феноменахъ транса. Отчетъ д-ра Р. Ходжсона члена Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдованій. Ц. 75 к.
- 13) Статьи по медіумизму. Ц. 50 к.
- 14) Индивидуализмъ въ свѣтѣ биологіи и современной философіи. Л. Гелленбаха. Съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ В. С. Соловьева. Изданіе А. Н. Аксакова. Ц. 2 р.
- 15) Человекъ, его сущность и назначеніе, съ точки зрѣнія индивидуализма. Л. Гелленбаха. Съ нѣмецкаго. 1 р. 50 к.
- 16) Спиритуализмъ и наука. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой Уильяма Крукса. Составилъ, перевелъ и издалъ А. Аксаковъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 17) Разоблаченія. Исторія медіумической комиссіи физическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, съ приложеніемъ всѣхъ протоколовъ и прочихъ документовъ.—А. Аксакова.
- 18) Прижитенные призраніи и другія телепатическія явленія («Phantasmе of the living») Э. Герней, Ф. Майерсъ, Ф. Подморъ. Сокращенный переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Владимира Соловьева. Изданіе А. Н. Аксакова. Ц. 2 р.
- 19) Спиритизмъ Э. Гартмана. Переводъ профес. А. М. Бутлерова. Ц. 1 р.
- 20) Спиритизмъ въ исторіи. Е. Барабаша. Ц. 75 к.
- 21) Историческій очеркъ возникновенія и распространенія новѣйшаго спиритизма. В. Тайца. Ц. 35 к.
- 22) Что можетъ вліять на духовную жизнь человека во время покоя его органовъ чувствъ. Д-ра О. К. Стефановскаго. Ц. 25 к.
- 23) Крестъ надъ глетчеромъ. Единственное беллетристическое произведеніе нѣмецкаго писателя-философа Карла дю-Преля. Затрогивающее съ научной точки зрѣнія всѣ вопросы психизма, за пересылку слѣдуетъ прибавлять по 10 коп. на каждый 1 рубль; части рубля можно высылать почтовыми марками.

„ВОПРОСЫ ПСИХИЗМА“

Комплекты журнала за 1908 г. (шесть книгъ)—3 рубля.
для подписчиковъ журнала „Ребусъ“ — 2 рубля.
(Съ пересылкою 2 р. 50 к.).

СОДЕРЖАНІЕ: Вступительная статья редакціи; «Будущность психологіи»—Проф. М. Рихе; «Экспериментальная телепатия и ясновидѣніе»—П. А. Чистякова; «Левитация медіума Дударини»—Проф. Мурони; «Мои изслѣдованія явленій передачи мысли»—Проф. Ч. Ломброво; «Намеки о наукѣ будущего»—М. С; «Символизмъ и метапсихическіе феномены»—Э. Боссано; «Новый институтъ въ С.-П.»—П. Чистякова; «О безсмертіи»—В. Тайца; «Мои сеансы съ Евзашіею Палладино»—Проф. Э. Марселли. Затѣмъ: хроника, библиографія записки Русскаго Спиритуалистическаго Общества въ Москвѣ.

ТРУДЫ Всероссийскаго Съезда Спиритуалистовъ.

(бывшаго въ Москвѣ 20—27 октября 1906 г.).

Свыше 350 печатныхъ страницъ съ массой рисунковъ и чертежей.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Доклады: *П. А. Чистяковъ*. Современная наука и спиритуализмъ. (Вступительная рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Съезда). — *Н. фонъ-Меккъ*. Краткій историческій очеркъ современнаго спиритуализма. — *П. Мельниковъ*. Непокойный домъ въ Томской губерніи. — *Б. Тайцъ*. Случай непосредственнаго письма (съ рисунк.). — *А. и Б.* Два случая доказанной самоличности. — *П. Чистяковъ*. Безсмертіе по традиціямъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ. — *Сербовъ*. Очерки изъ исторіи русской мистики. — *А. К. Никольскій*. Религіозное движеніе алтайскихъ калмыковъ (съ рисунк.). — *П. Чистяковъ*. О фотографіи невидима-

го. — *А. и Б.* О психической—трансцендентальной фотографіи (съ рисунк.). — *Б. Армфельтъ*. Астральная фотографія. — *К. Кудрявцевъ*. Излученія человѣческаго тѣла и примѣненіе ихъ къ лѣченію болѣзней (съ рисунк.). — *П. Чистяковъ*. Экстериоризація нервной силы и опыты доктора Жуара (съ чертеж.). — *Л. Оноре*. Гипнотическая амбулаторія въ городѣ Барнауль (съ рисунк.). — *А. К.* Теософія въ Германіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (рѣчь доктора Рудольфа Штейнера на Теософическомъ Конгрессѣ въ Парижѣ 1906). — *В. Н. Запругаевъ*. Изложеніе ученія оккультистовъ объ астральномъ свѣтѣ. — *П. Чистяковъ*. О воспитаніи и культурѣ медиумовъ. — *П. Чистяковъ*. Радій и ясновидѣніе. (Опытъ физиологическаго истолкованія явленій ясновидѣнія). — II. Протоколы всѣхъ засѣданій Съезда. — III. Отчетъ организаціоннаго бюро. Цѣна 3 р.—для подписчиковъ журнала «Ребусъ»—2 р.

Расходы по пересылкѣ 20 к., съ налож. платережомъ 30.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ—ЮБИЛЕЙНЫЙ—ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РЕБУСЪ“

СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: ТЕЛЕПАТІИ, ЯСНОВИДѢНІЯ, ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЯ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЯ, СОМНАМБУЛИЗМА, ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА, ГИПНОТИЗМА и СПИРИТИЗМА.;—изслѣдов. въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ—ТЕОСОФІЯ, МАСОНСТВО и проч.

Загадочность человѣческаго существа и безсмертіе человѣческой личности.

Вотъ—главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ. Независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ мѣсто **ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ТАИНЪ И ЗАГАДОКЪ ПРИРОДЫ, НАУКИ И ЖИЗНИ.**

ОМПѢЩАЮТСЯ ОТЗЫВЫ о новыхъ и старыхъ книгахъ, РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ на запросы и письма подписчиковъ. ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

Выходить не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣдствіяхъ существованія“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Вутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Аксакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дассье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Максвелля—„Феномены Психизма“; проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шопенгауера—„О духовидѣніи“, д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; и „Магія, какъ естествознаніе“; М. Сабуровой—„Смерть—только метаморфоза“; проф. Шарко—„О снмнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Охоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; Рунксель—„Спиритизмъ и оккультизмъ“; А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суевѣрій“, „Кампъ, какъ спиритуалистъ“, „Радій и ясновидѣніе“, „Ученіе мыслей“, „Магія—quadrivium“, „Тайныя Общества и Франкъ-Масонство“; д-ра Принса—„Множественность человѣческой личности“; Ст. Мозеса—„Ученіе духовъ социальное, религіозное и этическое“; А. Волгина—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; Губалке—„Метампсихозъ (перевоспощеніе)“; проф. В. Джемса—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; проф. О. Лоджа—„О транссовыхъ сообщеніяхъ“; д-ра Бишофа—„Ученіе Каббалы“; Рейхенбаха—„Одо-Магнетическія письма“ и др.; затѣмъ СООБЩЕНІЯ О РАБОТАХЪ: РУССКАГО-СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ МОСКВѢ, ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. За границу: на годъ 6 р. Пробный номеръ 25 коп. (Можно высылать почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. Въ Москвѣ, у редактора-издателя журнала П. А. Чистякова.—Б. Дорогомиловская ул., (у Бородинскаго моста) д. № 3, (телеф. 2-28-93) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА и СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к.
» 6 » 3 » — »

За границу на годъ 6 руб.
Пробн. номеръ 25 коп.

За перемѣну адреса уплачивается
деньгами или марками 40 коп.

ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС-
ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ,
СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ,
ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ;
ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.

Подписку и корреспонденцію
просить адресовать:

П. А. ЧИСТЯКОВУ
редактору - издателю журнала
„Ребусъ“.

Москва, Бол. Дорогомиловская
ул., у Бородинскаго моста
домъ № 3.

№ 1684.

12-го Мая 1916 года.

№ 9.

Содержаніе: 1) «Непрерывность». (Прод.) Проф. О. Лоджис.—2) По пути.—3) Отъ редакціи къ читателямъ.—4) Эво-
люція души. (Прод.) Д. О. Карабатовичъ.—5) Психическое истощеніе мѣста жительства. В. Рейзнека.—
6) Сверхнормальное и война.—7) Въ двухъ планахъ—(романъ окультиста). (Прод.)—8) Объявленія.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ.

(Продолженіе).

Профессоръ Оливеръ Лоджисъ.

Все это отлично, но какъ же быть съ эфиромъ? Возможно ли отнести его къ той же категоріи? Абстракція ли онъ, или простая условность, или же конкретная физическая величина, съ которой возможенъ экспериментъ?

Слѣдуетъ безусловно признать, что чрезвычайно трудно производить опыты съ эфиромъ. Онъ недоступенъ нашимъ чувствамъ и мы не знаемъ средствъ овладѣть имъ. Единственно, что извѣстно намъ о немъ численнаго, это только скорость, съ какой онъ можетъ передавать поперечныя волны. Это ясно и опредѣленно и, слѣдовательно, по моему мнѣнію, этимъ доказано, что онъ есть физическій агентъ, не осязаемый, разумѣется, и не ощутимый, но тѣмъ не менѣе, конкретно реальный.

Эфиръ ускользаетъ отъ нашихъ лабораторныхъ наблюденій. Если мы быстро проводимъ матерію сквозь него, надѣясь схватить его или сдвинуть его, намъ это не удастся, такъ какъ нѣтъ механической связи. И даже если мы дѣлаемъ опыты надъ свѣтомъ, то и тутъ мы терпимъ неудачу. Пока прозрачное вещество движется по отношенію къ намъ, свѣтъ можетъ быть подвергнутъ измѣненіямъ внутри вещества; но, когда вещество находится въ неподвижномъ состояніи только относительно другого вещества, а на самомъ дѣлѣ оба эти вещества перемѣщаются одновременно и съ одинаковою скоростью, тогда ничего доступнаго наблюденію, не происходитъ, какъ бы при этомъ быстро ни было движеніе, если только оно происходитъ одновременно въ обоихъ веществахъ.

Отсюда возникаетъ идея, что движеніе по отношенію къ эфиру лишено смысла и тотъ фактъ, что только относительное движеніе частицъ между собою, доселѣ наблюденное, даетъ основаніе принципу относительности. Подобная постановка звучитъ какъ будто довольно просто, въ дальнѣйшемъ же своею развитіемъ она является хитрой и сложной доктриной, влекущей за собою поразительныя послѣдствія, разработанныя проф. Эйнштейномъ и его учениками съ выдающимся остроуміемъ.

Что могу я возразить по поводу этого? Во-первыхъ, будетъ только согласно съ здравымъ смысломъ признать, что никакого явленія перваго порядка не можетъ быть безъ относительнаго движенія матеріи. Потокъ эюра сквозь наши лабораторіи себя не обнаруживаетъ ни оптически, ни съ помощью электричества; это доказано ясно даже и для непосвященнаго читателя въ моей книгѣ „Мировой Эфиръ“ глава IV. Но принципъ относительности доказываетъ больше: онъ говорить, что никакого эффекта сколько-нибудь значительнаго не можетъ быть наблюдаемо помимо относительнаго движенія матеріи.

Эта доктрина зиждется на той истинѣ, что абсолютное движеніе, *безотносительное*, — безсмысленно. Ближайшее къ абсолютному движенію, какое мы можемъ вообразить себѣ физически, это — движеніе сквозь или черезъ мировой эфиръ. Вполнѣ естественно признавать, что въ общемъ эфиръ неподвиженъ, и относиться къ нему, какъ къ фигурѣ покоя; и въ этомъ смыслѣ движеніе, относящееся къ эфиру, можетъ быть названо абсолютнымъ, но только въ этомъ, а ни въ какомъ другомъ смыслѣ.

Принципъ относительности утверждаетъ, что мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ доказать такого движенія: иными словами онъ отрицаетъ и практически, и прагматически самое существованіе эюра. Всякое изъ научно наблюденныхъ нами движеній согласно этому принципу есть по природѣ своей такое же, какое обычно наблюдается нами, а именно: — только перемѣщеніе однихъ частицъ матеріи, относительно другихъ частицъ матеріи и здѣсь оканчивается все, доступное нашему знанію. Все происходитъ такъ, — утверждаетъ принципъ относительности, — какъ если бы эфиръ и не существовалъ.

Итакъ, до сей поры не наблюденно движенія, которое имѣло бы отношеніе только къ одному эфиру — это фактъ; всегда тутъ имѣются на лицо странныя компенсирующія явленія, разрушающія или въ полной мѣрѣ маскирующія всякій феноменъ въ этомъ родѣ, какого можно было бы ожидать.

Когда матерія движется за матеріей, то наблюденіе дѣлается возможнымъ; но, и тѣмъ не менѣе, никакого послѣдовательнаго передвиженія эюра, внѣ движущихся частицъ, обнаружить невозможно.

Для того, чтобы обнаружить движеніе сквозь эфиръ,

мы принуждены прибѣгать къ услугамъ все того же эѳира. Мы можемъ примѣнить радіацію и попробовать сравнить скорости луча свѣта по движенію и поперекъ движенія; или мы можемъ попробовать измѣрить скорость сперва вмѣстѣ съ движеніями, а затѣмъ противъ движенія. Но какъ мы сдѣлаемъ сравненіе? Если время излученія, идущаго изъ отдаленнаго источника обозначено на отдаленныхъ часахъ, то мы можемъ наблюдать часы при помощи телескопа, т.-е. съ помощью опять таки луча свѣта, что будетъ чисто компенсирующимъ процессомъ. Или же лучъ свѣта отъ сосѣдняго источника можетъ быть намъ отраженъ въ отдаленномъ зеркалѣ и тогда это опять будетъ компенсаціей. Или же: намъ можетъ быть сообщено о всплнкѣ свѣта изъ отдаленнаго земнаго источника по телеграфу, проволочному или безъ проволочному. Но въ обоихъ случаяхъ извѣщенія мы получимъ опять *черезъ посредство эѳира*, слѣдовательно, опять будетъ компенсація. Электричество, Магнетизмъ, Свѣтъ—все это дѣйствія эѳира.

Примѣнимъ тогда соединеніе; возьмемъ пруть или палку, протянемъ ее отъ одного мѣста до другого,—соединимъ ею эти два мѣста и смѣряемъ разстояніе. Но соединить два мѣста можно и эѳиромъ, если, какъ-то полагаютъ, онъ есть соединительная міровая среда. Замяна кажется вполне возможной; на основаніи теоріи электричества эту замяну можно предсказать.

Произведемъ затѣмъ какое-нибудь дѣйствіе, не зависящее отъ эѳира; что мы тогда получимъ?

Дабы иллюстрировать затрудненіе, отсюда происходящее, я приведу цитату изъ статьи сэра Джозефа Лармора, прочитанную имъ на Интернаціональномъ Конгрессѣ Математиковъ въ Кембриджѣ въ прошломъ году.

— „Если мы признаемъ вмѣстѣ съ Максвеллемъ, что всякая радіація есть электродинамическій феноменъ, то тогда одинаково правильно будетъ и его утвержденіе, что всякое электродинамическое соотношеніе между матеріальными тѣлами происходитъ вслѣдствіе воздѣйствія на молекулы этихъ тѣлъ областей силы, разсѣянныхъ въ пространство по законамъ радіаціи“.

Весь фактъ въ томъ, что мы живемъ въ эпоху нѣкоторыхъ очень широкихъ обобщеній. Новымъ открытіемъ физики въ двадцатомъ вѣкѣ является пока Электрическая Теорія Матеріи. Это великая теорія нашего времени; ее касался и г-нъ Вальфуръ съ философскою ея стороны въ своей президентской рѣчи въ Кембриджѣ въ 1904 году. Для нашего времени теорія эта еще слишкомъ нова и мы не можемъ еще разсматривать ее надлежащимъ образомъ, она должна еще обосноваться и развиться въ деталяхъ, но я предвижу, что въ той или иной формѣ она все-таки окажется истиной *).

Привожу здѣсь сокращеннѣйшую сводку первой, такъ сказать, главы Электрической Теоріи Матеріи.

1) Атомы матеріи состоятъ изъ электроновъ—положительнаго и отрицательнаго электрическихъ зарядовъ.

2) Атомы связаны въ молекулы посредствомъ химическаго сродства, которое есть интенсивное электрическое притяженіе на ультра-малыхъ разстояніяхъ.

3) Молекулы держатся между собою соединеніемъ, которое, на мой взглядъ, есть постоянное или дифференцированное химическое сродство на молекулярныхъ разстояніяхъ.

4) Магнетизмъ происходитъ отъ передвиженія электроновъ. Нѣтъ магнетизма помимо электрическаго тока—атомическаго или иного какого-

нибудь. Электрическаго тока безъ движущагося электрона не существуетъ.

5) Радіація возрастаетъ съ ускореніемъ движенія электрона, въ квадратной пропорціи съ этими движеніями; и другого рода радіаціи нѣтъ, исключая, конечно, радіаціи корпускулярнаго рода. Однако, и эта послѣдняя зависитъ отъ быстроты въ электронахъ, а, слѣдовательно, опять-таки можетъ возрастать только съ ускореніемъ ихъ движенія.

Теорія эта способна имѣть странные выводы и уже стоила нѣсколькихъ отринутыхъ положеній и нѣкоторыхъ поколебленныхъ; потому что, если она вѣрна, то взаимодействіе матеріи должно быть исключительно электрическимъ, т.-е. эѳирнымъ, и вотъ отсюда-то и рождается для насъ то затрудненіе, о которомъ я говорилъ. Всякаго рода сила передается черезъ эѳиръ, а поэтому до тѣхъ поръ, пока всѣ наши аппараты перемѣщаются въ эѳирѣ вмѣстѣ и къ одному и тому же мѣсту, у насъ нѣтъ надежды обнаружить движеніе. Въ этомъ все значеніе принципа относительности. Перемѣны не сводятся къ нулю, но онѣ уничтожаютъ одна другую для изслѣдованія.

Многочисленные видоизмѣненія знаменитаго опыта Майкельсонъ-Морлея привели къ отрицательнымъ результатамъ. Утверждаютъ, что время, какое потребно для прохожденія свѣта вмѣстѣ съ эѳирнымъ токомъ, то же самое, какое потребно и для прохожденія свѣта поперегъ или напротивъ этого тока.

Однако, это не доказано. Доказано то, что время, потребное для передвиженія вообще свѣта по определенному, отмѣренному и отмѣченному на твердомъ кускѣ матеріи промежутку, не зависитъ отъ вѣшняго вида этого куска по отношенію къ какому-либо движенію земли въ пространствѣ. Изъ этого опредѣленный и чрезвычайно интересный выводъ: но и это возможно и часто бываетъ при произвольномъ и слишкомъ широкомъ толкованіи.

Я думаю, что можно назвать широкимъ толкованіемъ, когда профессоръ Эйнштейнъ продолжаетъ утверждать, что никакое безотносительное движеніе матеріи не можетъ быть наблюденно даже и въ томъ случаѣ, если принимать въ соображеніе *свѣтъ*.

Отношеніе свѣта къ матеріи очень любопытно. Передній рядъ поступательной волны симулируетъ многія изъ свойствъ матеріи. Онъ обладаетъ энергіей, обладаетъ моментомъ, проявляетъ силу, поддерживаетъ реакцію. Онъ былъ описанъ, какъ часть массы лучистаго тѣла, которая странно и неожиданно даетъ корпускулярное „чувство“.

Но онъ имѣетъ опредѣленную быстроту. Его скорость въ пространствѣ по отношенію къ эѳиру абсолютно постоянна независимо отъ движенія источника свѣта.

Такое положеніе не будетъ вѣрнымъ для корпускулярнаго излученія.

Отсюда я заключаю, что тутъ есть что-то, съ чѣмъ наше собственное движеніе можетъ быть сравниваемо теоретически и я предсказываю, что придетъ день, когда наше движеніе черезъ эѳиръ будетъ обнаружено при помощи этого самаго факта—сравненіемъ нашей скорости со скоростью свѣта: хотя старая астрономическая aberrация, которая легко допускала сравненіе и не успѣла сдѣлать это совсѣмъ просто вслѣдствіе осложненія, которое вызвано необходимостью наблюдать положеніе отдаленнаго источника свѣта, въ отношеніи къ которому движется земля. Если и источникъ, и наблюдатель оба двигаются, то нѣтъ возможности наблюдать aberrацию. Тѣмъ не менѣе я утверждаю, что, когда матерія движется около луча свѣта, тогда мы можемъ опредѣлить движеніе; потому что скорость свѣта въ пространствѣ не есть функція ско-

*) Общій обзоръ электрической теоріи матеріи имѣется въ моихъ лекціяхъ въ Римѣ въ 1903 г. (Clarendon Press)

рости въ источникѣ его, а также и въ матеріи, близъ его находящейся; она совершенно независима отъ движенія въ источникѣ свѣта, а также и отъ точки паденія. Разъ направленный свѣтъ идетъ своимъ путемъ. Если мы пойдѣмъ навстрѣчу ему, то онъ достигнетъ до насъ скорѣе; если мы двинемся отъ него, то онъ дойдетъ до насъ съ нѣкоторымъ замедленіемъ. Это несомнѣнно, наблюденно это ускореніе или замедленіе при помощи спутниковъ Юпитера.

Это циферблатъ часовъ, къ которому или отъ котораго земной шаръ приближается періодически или отходить. Онъ пріобрѣтаетъ въ скорости, когда земля приближается къ нему, и теряетъ, когда удаляется; онъ правильно обозначаетъ время, когда земля неподвижна или движется попереку линіи зрѣнія.

Но, разумѣется, будетъ безразлично, Юпитеръ ли будетъ неподвиженъ, а мы будемъ въ движеніи или наоборотъ: это опять вопросъ относительнаго движенія матеріи. Точно то же и при наблюденіи эффекта Доплера безразлично съ правой или съ лѣвой стороны мы будемъ смотрѣть на лучи вращающагося солнца. Положимъ, если мы допустимъ, что относительнаго движенія матеріи не существуетъ, то намъ придется взять земной источникъ за конечную точку; но тогда мы опять таки ничего не наблюдаемъ.

И не потому мы ничего не наблюдаемъ, что нечего наблюдать; замедленіе должно дѣйствительно произойти, если мы побѣжимъ отъ свѣта и даже въ томъ случаѣ, если источникъ его устремится за нами тѣмъ же темпомъ; этого не случится только тогда, если мы сдѣлаемъ предположеніе, — правильное лишь по отношенію къ корпускулярному излученію—что скорость свѣта не есть нѣчто абсолютное, а зависитъ отъ скорости источника его. При корпускулярномъ излученіи нечего наблюдать, при свѣтовыхъ волнахъ есть мѣсто наблюденію, но мы не можемъ наблюдать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО ПУТИ.

Въ журналѣ „*Psychie Gazette*“ помѣщенъ отчетъ объ очередномъ собраніи въ кружкѣ „Бюро Стѣда“; въ этомъ отчетѣ сообщается объ предложеніи, внесенномъ г-жею Линдъ-афъ-Хагебей (извѣстная поборница лиги защиты животныхъ); она подала мысль организовать и надлежащимъ образомъ обставить институтъ для психич. изысканій и учредить кафедру психизма при университетѣ. Присутствовавшіе отнеслись къ предложенію съ горячимъ и единодушнымъ сочувствіемъ.

На коронаціонномъ торжествѣ въ Японіи произошелъ интересный инцидентъ: пожалована награда младшей степени, Четвертаго Придворнаго Ранга тѣни писательницы Левкадіо Гирнъ. Хотя посмертная назначенія на градъ — обычное явленіе въ Японіи; но этотъ случай представляетъ собой небывалое до сихъ поръ событіе: посмертная награда пожалована иностранкѣ. Придворныхъ наградъ въ Японіи существуетъ восемь: перваго, втораго, третьяго и четвертаго ранговъ и въ каждомъ рангѣ имѣется младшая и старшая степень („*Light*“)

Нѣкто г-жа Алиса Гринфилль, извѣстная своими работами по египтологіи, издала монографію, озаглавленную „Ка и Скарабей“, которая представляетъ собою не только цѣнный матеріалъ по изученію древняго Египта, но

и выдающуюся статью по психизму. Повидимому, въ древности египтяне были хорошо знакомы со всѣми психическими феноменами, ставшими за послѣднее время извѣстными и намъ, и даже знали многое въ этомъ направленіи, чего мы пріобрѣсти еще не успѣли. Въ монографіи „Ка и Скарабей“ описываются „двойники и въ этомъ описаніи есть многое, что страннымъ и близкимъ образомъ совпадаетъ съ изслѣдованіями покойнаго полковника де-Роша.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РЕБУСЪ“.

Постоянный и все усиливающийся недостатокъ въ рабочихъ рукахъ съ одной стороны, а съ другой—недостатокъ бумаги и разныхъ типографскихъ принадлежностей—приводитъ многіе журналы, въ томъ числѣ и „Ребусъ“ къ тому, что выпускаться они стали весьма неаккуратно, не смотря на то, что расходы по ихъ печатанію растутъ съ ужающею быстротою.

Выражая свое сожалѣніе по поводу столь печальнаго и ненормальнаго положенія вещей, Редакція надѣется, что гг. подписчики достаточно оцѣнивають затрудненія, которыя приходится преодолевать при выпускѣ журнала и не ставятъ ему въ вину вынужденную неаккуратность его выхода.

Будемъ надѣяться, что эта грустная и мрачная полоса нашей жизни скоро кончится и что жизнь скоро войдетъ въ нормальное русло.

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

Д. О. Карбановичъ.

(Безконечное развитіе человѣческой индивидуальности).

(Продолженіе).

Ал. де Роша, (у котораго мы заимствовали нѣкоторые изъ приводимыхъ случаевъ), рассказываетъ про себя слѣдующій случай: «Когда мнѣ было 24 года, я проѣзжалъ Овернь верхомъ на лошади, опередивъ на сутки мой полкъ, который шелъ изъ Монпелье въ Аррабъ. Прибывъ въ одинъ маленькій городокъ, я узналъ улицы, которыхъ никогда не видалъ и, безъ колебанія, поѣхалъ прямо къ главной гостиницѣ, которая существовала, какъ оказалось, съ очень давнихъ временъ». Де-Роша допускаетъ однако предположеніе, что здѣсь могло быть воспоминаніе прогулки, которую во время сна совершало его астральное тѣло. Но такое объясненіе, во-первыхъ, ни на чемъ не основано; во-вторыхъ, многіе изъ приведенныхъ случаевъ противрѣчаютъ ему; напр., въ примѣрѣ Горстера, гдѣ дѣвочка узнала школу, въ которой она воспитывалась и парту, которую занимала въ классѣ.

Принцъ Эмиль де В. 18 сентября 1874 г. прислалъ

въ гор. Вева, въ Швейцаріи, въ журналъ „Revue Spirite“ слѣдующій случай съ его младшимъ сыномъ 3-хъ лѣтъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, мальчикъ игралъ и болталъ у меня въ кабинетѣ; вдругъ онъ заговорилъ объ Англіи, о которой никто съ нимъ никогда не заводилъ рѣчь. Тогда я спрашиваю его, знаетъ ли онъ, что такое Англія? Онъ отвѣчалъ: «Еще бы,—это земля, гдѣ я жилъ очень, очень давно». — Ты былъ такой же маленькій, какъ теперь? — О нѣтъ, я былъ большой и у меня была длинная борода. — Ну, а твоя мама и я также жили тамъ? — Нѣтъ, у меня былъ другой папа и другая мама. — Что же ты тамъ дѣлалъ? — Я любилъ играть съ огнемъ и одинъ разъ обжегся такъ сильно, что умеръ».

Французскій спиритуалистъ Деланъ ¹⁾ цитируетъ письмо одного флотскаго офицера, который помнитъ, что онъ жилъ и былъ убитъ во время Варооломеевской Ночи въ Парижѣ. Подробности той жизни глубоко запечатлѣлись въ его душѣ и онъ передаетъ такіе факты, которые свидѣлствуютъ о томъ, что его воспоминанія не суть плодъ фантазіи.

«Когда, говоритъ онъ, я еще юношей въ первый разъ взялъ въ руки шпагу, я уже зналъ, какъ надо салютовать оружіемъ; всѣ тѣ учтивыя прелюдіи, которыми воспитаніе и цивилизація украшаютъ искусство убивать, были мнѣ уже извѣстны въ совершенствѣ, прежде военной выправки».

Профессоръ Даміани въ 1878 году отправилъ въ редакцію „Banner of Light“ изъ Бостона письмо, относящееся къ полемикѣ по поводу перевоплощеній, въ которомъ встрѣчается слѣдующее мѣсто.

«Я очень смѣялся въ то время, когда называлъ эти откровенія выдумками. Но, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, забывъ обо всемъ этомъ, я получилъ даръ духовнаго прозрѣнія; я видѣлъ себя среди семействъ моихъ прежнихъ существованій, одѣтыхъ въ костюмы тѣхъ эпохъ и народовъ, какіе описывали мнѣ другіе ясновидящіе—тогда я не могъ не убѣдиться».

Въ древности многія лица вспоминали о предшествовавшихъ существованіяхъ.

Овидій говорилъ, что онъ присутствовалъ при осадѣ Трои.

Пивагоръ помнилъ, что онъ былъ прежде Гермотиномъ, Эфорбомъ и бѣднымъ рыбакомъ; онъ узналъ въ дельфійскомъ храмѣ шить, который носилъ, когда былъ Эфорбомъ и то, что онъ былъ раненъ Менелаемъ при осадѣ Трои ²⁾.

Значительный интересъ для занимающаго насъ вопроса представляютъ такъ называемыя *измѣненія личности*, протекшія при серьезномъ наблюденіи врачей. Подъ этимъ терминомъ разумѣются всѣ случаи, описанные подъ именемъ *двойнаго сознанія*, *раздвоенія личности* и *периодической потери памяти*.

Изъ огромнаго множества такихъ случаевъ, наблюдавшихся надъ мужчинами и женщинами врачами-специалистами, я приведу только одинъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ сходный характеръ.

Типичнѣйшій изъ нихъ наблюдался д-ромъ Азамомъ, и приведенъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи врачей Бурю и Буро, профессоровъ медицинской школы въ Рашфорѣ, подъ заглавіемъ „Измѣненія личности“ (*Variation de la personnalite*).

Фелида Х. родилась въ Бордо въ 1843 году отъ здоровыхъ родителей. Въ тринадцать лѣтъ она обнаружила симптомы начинающейся истеріи.

Около 14-ти съ половиной лѣтъ съ ней начались особаго рода явленія. Безъ видимой причины, иногда подъ вліяніемъ волненія, Фелида испытывала боль въ вискахъ и впадала въ глубокое угнетеніе, похожее на сонъ. Это состояніе продолжалось десять минутъ; послѣ того она внезапно открывала глаза, какъ бы пробуждаясь и вступала въ особое состояніе, продолжавшееся часъ или два; затѣмъ угнетеніе и сонъ снова являлись и Фелида переходила въ свое обычное состояніе.

Такого рода приступы повторялись черезъ каждые 5—6 дней или рѣже; родственники и лица, окружавшія ее, видя переизмѣненіе въ ея манерахъ и обращеніи въ этотъ періодъ второй жизни и забвеніе всего при пробужденіи, принимали ее за помѣшанную.

Вскорѣ приступы настоящей истеріи усилились.

Въ іюнѣ 1858 года больная была поручена надзору д-ра Азама.

Въ то время Фелида была достаточно образована для своего общественнаго положенія; характеръ у нея былъ грустный, угрюмый; говорила она мало, всегда о серьезномъ; воля ея была рѣшительна, при большомъ усердіи къ труду. Чувство любви и вообще привязанности къ окружающимъ было мало развито.

Она постоянно думала о своемъ болѣзненномъ состояніи, внушавшемъ ей серьезныя опасенія.

Почти ежедневно, безъ извѣстной причины и подъ вліяніемъ волненія, ею овладѣвало то, что она называла своимъ приступомъ; въ дѣйствительности она приходила въ свое второе состояніе. Сидя за шитьемъ, она неожиданно испытывала боль въ вискахъ; опускала голову на грудь, руки ея опускались неподвижно; она засыпала или казалась заснувшей, но сномъ особеннымъ, потому что никакой шумъ, раздраженіе, уколы или щипки не могли разбудить ее. Такой сонъ продолжался 2—3 минуты.

Затѣмъ Фелида пробуждалась, но ея интеллектуальное состояніе было уже не то, что до засыпанія. Все казалось измѣнившимся въ ней. Поднявъ голову, она привѣтствовала съ улыбкой окружающихъ, какъ будто она только что пришла въ домъ. Ея грустная, молчаливая фигура освѣщалась и дышала веселіемъ; говорила отрывисто и напѣвая, продолжала свою работу, начатую въ предыдущемъ состояніи; она вставала, прогуливалась легкой поступью и почти не жаловалась на прежнюю боль; она занималась домашнимъ хозяйствомъ, бѣгала по городу, увлекалась какой-нибудь работой; ея походка и веселость соответствовали вполнѣ состоянію здоровой молодой дѣвушки. Характеръ ея совершенно измѣнился; изъ печальной она дѣлалась веселой, почти вѣдомой; воображеніе было экзальтировано; изъ вполнѣ хладнокровной и безучастной она дѣлалась чувствительной до крайности.

Какъ въ этой жизни, такъ и въ другой ея интеллектуальныя способности и нравственность, хотя и весьма

¹⁾ Delanne. Etude sur les vies successives.

²⁾ Гермотивъ былъ знаменитый вѣщатель въ Клазоменѣ, въ Іоніи.

различны, однако вполне нормальны: не было никаких бредовых идей, ложных представлений или галлюцинаций.

Была другая Фелида, вотъ и все.

Можно сказать даже, что въ этомъ *вторичномъ состояніи*, какъ называетъ его д-ръ Азамъ, всё ея способности казались болѣе развитыми и она помнила все, что было, въ прежнихъ такихъ же состояніяхъ и въ нормальной жизни; между тѣмъ, какъ въ нормальномъ состояніи она утрачивала всякое воспоминаніе о вторыхъ состояніяхъ.

Черезъ нѣкоторое время, веселое настроеніе Фелиды внезапно пропадало, голова опускалась на грудь и она впадала въ оцѣпененіе.

Черезъ 3—4 минуты она открывала глаза и вступала въ обычное нормальное состояніе.

Это происходило почти незамѣтно, потому что съ чрезвычайнымъ усердіемъ продолжала свою работу; обыкновенно шитье, хотя требовалось нѣкоторое умственное усиленіе, чтобы понять, какъ продолжать эту работу и для чего. Нѣсколько минутъ назадъ она напѣвала какой-нибудь романсъ; теперь же, если ее просили продолжать, она рѣшительно не понимала, въ чемъ дѣло. Если ей говорили о только что бывшей у нея гостьѣ, она увѣряла, что никого не было. Это забвеніе касалось лишь того, что произошло только во время вторичной жизни; что касается всего, пріобрѣтеннаго ею въ предыдущей жизни и до болѣзни, оказывалось на лицо, какъ-то: чтеніе, письмо, шитье и проч.

Отдѣльность этихъ двухъ состояній очень рѣзка, какъ это видно изъ слѣдующаго случая. Одинъ молодой человекъ въ 18-ти лѣтъ, знавшій Фелиду еще ребенкомъ, посѣщалъ ее; молодые люди полюбили другъ друга и рѣшили жениться. Во время одного изъ вторичныхъ состояній она отдалась ему и забеременѣла. Въ періодъ нормальной жизни она не знала ничего объ этомъ и жаловалась врачу на тошноту и болѣзнь желудка. Во время слѣдующаго вторичнаго состоянія, она безъ стѣсненія заявила ему же, что чувствуетъ себя матерью и въ этой второй жизни это обстоятельство не тревожило ее. Такой самообманъ не могъ, конечно, продолжаться. Одна изъ ея сосѣдокъ, естественно, подумала, что Фелида просто ломаетъ комедію и въ періодъ нормальной жизни обстоятельно убѣдила ее въ чемъ дѣло; это произвело на дѣвушку такое потрясающее впечатлѣніе, что съ ней сдѣлались продолжительныя истерическія конвульсіи.

Въ 17 лѣтъ она родила перваго ребенка, а черезъ 2 года—второго. Съ этого момента до 24 лѣтъ приступы вторичной жизни происходили все чаще, и продолжительность ихъ уже равнялась періодамъ нормальной жизни.

Отъ 24 до 27 лѣтъ больная прожила цѣлыхъ три года въ нормальномъ состояніи.

Съ 1859 г. приступы вторичнаго состоянія опять начались, сравнялись по продолжительности съ нормальными періодами, превзошли ихъ и въ настоящее время почти всецѣло наполняютъ ея жизнь. Перемѣны характера сдѣлались болѣе рѣзкими. Во вторичномъ періодѣ она болѣе горда, беззаботна, занята своимъ туалетомъ; не такъ трудолюбива, но болѣе чувствительна; наконецъ, въ этомъ со-

стояніи она обнаруживаетъ сильное сердечное расположеніе къ окружающимъ. Въ ея нормальномъ состояніи она до того грустна, что дѣлается жалко ее. Положеніе ея дѣйствительно печально въ то время, такъ какъ она забываетъ всё свои дѣла, знакомства, всё важные случаи и познанія, пріобрѣтенныя въ предыдущемъ вторичномъ періодѣ.

Д-ръ Азамъ замѣтилъ у Фелиды еще и *третье состояніе*, похожее на приступъ умопомѣшательства. Если Фелида, находясь во *второмъ состояніи*, сильно поражена чѣмъ-нибудь, то она впадаетъ въ обычное переходное состояніе, и потомъ, вмѣсто того, чтобы возвратиться къ прежнему, пробуждается въ особенномъ состояніи, отличающемся чрезвычайной пугливостью. Она узнаетъ только своего мужа, и то съ трудомъ, имѣетъ пугающія галлюцинаціи зрѣнія и слуха, видитъ призраки. Это состояніе продолжается отъ $\frac{1}{2}$ до 3 часовъ, возвращается черезъ каждые 3—4 мѣсяца и кончается, какъ и началось, переходнымъ періодомъ, послѣ котораго Фелида попадаетъ во второе состояніе.

Въ 1878 г. Фелида кажется ничѣмъ не отличающейся отъ остальныхъ, нормальныхъ людей; она научилась очень ловко скрывать свою временную утрату памяти и сопровождающія ее неудобства. Она швея, мать семейства, и добросовѣстно исполняетъ всё свои обязанности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВЕРХНОРМАЛЬНОЕ И ВОЙНА.

Отъ начальника штаба... бригады государственнаго ополченія редакціей газеты „Каспій“ получено слѣдующее письмо:

„Вчера получено мною отъ одного изъ славныхъ участниковъ безпримѣрныхъ боевъ подъ Эрзерумомъ письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее:

„Во время бомбардировки форта № 3-й отъ безчисленныхъ взрывовъ нашихъ снарядовъ вѣтромъ какъ-будто на небѣ образовался изъ дыма ясно видный крестъ. Видѣніе это такъ подѣйствовало на нашихъ молодыхъ стрѣлковъ, что они, на дождавшись артиллерійской подготовки, и пренебрегая всевозможными опасностями, бросились въ атаку и быстро водрузили русскій флагъ на фортъ № 3“.

13 февраля 1915 г., одинъ изъ командировъ бригады, полковникъ М., сообщилъ о слѣдующемъ случаѣ, происшедшемъ въ этотъ день въ окопахъ въ его 3-й батареѣ:

Шла перестрѣлка между нашей и непріятельской артиллеріей; во время этой перестрѣлки непріятельская граната попала въ офицерскій окопъ 3-й батареи, въ которомъ сидѣли два офицера, и разорвалась. Мы всё, видѣвши это, считали уже этихъ офицеровъ убитыми, но представьте наше общее удивленіе и радость, когда мы увидели этихъ двухъ офицеровъ живыми и даже не ранеными, несмотря на то, что снарядъ разорвался въ окопѣ и засыпалъ ихъ пескомъ. Когда мы пошли посмотреть этотъ окопъ, то на днѣ его увидели чугунную пластинку вершка въ 4, съ изображеніемъ на ней *благословляющаго Спасителя*; изображенія этого въ окопѣ ранѣе не было, и откуда оно явилось, объяснить нельзя.

А вотъ и еще знаменательный случай напечатанный на столбцахъ „Прав. Вѣстн.“ (25 февраля 1915 г., за № 45):

Главноуполномоченный свѣрнаго района А. Д. Зя-

новьевъ, доложилъ главному управленію, что недавно въ одномъ изъ петроградскихъ лазаретовъ, принятыхъ подъ флагъ Краснаго Креста, именно въ лазаретъ, устроенномъ въ зданіи коллегіи Императорскаго петроградскаго университета и носящемъ имя графа Л. Н. Толстого, произошла трогательный случай съ тяжело раненымъ. Нижній чинъ Павелъ Космаковъ, лишившійся вслѣдствіе ранъ дара слова, внезапно вновь приобрѣлъ таковой. Приступая къ Св. Причастію и будучи спрошенъ священникомъ въ 3-й разъ о своемъ имени, онъ назвалъ свое имя.

ПСИХИЧЕСКОЕ ИСТОЩЕНІЕ МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА.

В. Р. Рейзнекъ.

Въ № 1 „Ребуса“ за нынѣшній годъ помѣщена замѣтка о наблюденіяхъ одной дамы, что „нельзя жить въ одномъ и томъ же помѣщеніи или квартирѣ болѣе пяти лѣтъ“, такъ какъ, по ея мнѣнію, за этотъ срокъ времени „психическій воздухъ“ въ помѣщеніи совершенно истощается. Имѣя по этому вопросу опредѣленные наблюденія и переживанія и даже опредѣленную теорію, я воспользуюсь предложеніемъ редакціи нашего журнала и познакомлю съ ними читателей „Ребуса“.

Начну съ своихъ личныхъ переживаній. Состоятъ они, говоря коротко, въ томъ, что мѣсто моего жительства, начиная съ достижимыхъ взору окрестностей и кончая квартирой, вступаютъ со мною въ опредѣленные психическія отношенія на нѣкоторый срокъ, послѣ чего моя душа начинаетъ тяготиться имъ. Отношенія же эти вовсе не постоянны, а весьма переменчивы. Однако, въ этихъ переменнахъ я наблюдаю нѣсколько переходныхъ стадій. Прежде всего, новое мѣсто жительства дѣйствуетъ нѣсколько *угнетающе* на психику, все кажется незнакомымъ, непривычнымъ, неприятнымъ (первая стадія), а вслѣдъ за тѣмъ душа усердно *знакомится* съ особенностями его (вторая стадія). Въ это время она очень мало способна къ своимъ обычнымъ процессамъ. Третья стадія заключается въ *приспособленіи* души къ новымъ впечатлѣніямъ и въ соответствующихъ соображеніяхъ для устройства жизни. Теперь душа наслаждается новой мѣстностью: ея природой, воздухомъ, солнцемъ, постройками, удобствами квартиры и т. д.

Въ то же время въ душѣ появляются догадки и идеи изъ другихъ областей, въ которыхъ я обычно занимаюсь. Этотъ періодъ я очень люблю: онъ необычайно освѣжаетъ и молодитъ меня душою. Въ четвертомъ періодѣ вся обстановка становится психически *привычной*, она почти не замѣчается, но она и никакъ не мѣшаетъ. Тогда душа работаетъ наиболѣе свободно и продуктивно надъ своими излюбленными вопросами. Но постепенно наступаетъ послѣдняя стадія, когда все окружающее становится *неприятнымъ*, надоевшимъ, застывшимъ, даже мертвымъ.

Тогда прекращается духовная работа и душу одолеваетъ сначала апатія, лѣнь, потомъ скука и тоска; тогда нѣтъ ни новыхъ идей, ни прежней работы; если слишкомъ затягивается этотъ періодъ, то становится крайне тяжело. Такъ, на послѣдокъ одного такого періода, когда пребываніе на одномъ мѣстѣ у меня затянулось, я все время искренно повторялъ: „тяжело жить на свѣтѣ“. Но стоило переменить мѣсто жительства, какъ вся эта тоска быстро прошла. Жизнь же въ общемъ у меня такъ складывалась, что мнѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ года черезъ 3—4 приходилось болѣе или менѣе измѣнять окружающую обстановку. И вотъ я постепенно убѣдился на личныхъ переживаніяхъ, что я могу жить на одномъ

мѣстѣ только года 2—3, потомъ все мертвѣетъ и душа застываетъ.

Объясненіе всемъ этимъ явленіямъ я вижу въ томъ, что душа, живя духомъ, подчинена общимъ законамъ жизни. Съ этими законами, какъ я понимаю, читатели „Ребуса“ отчасти знакомы по моей работѣ „Процессы жизни“ („Ребусъ“ за 1914 и 1915 гг.). Главная мысль тутъ та, что жизнь есть процессъ, и что она состоитъ изъ періодовъ, когда господствуютъ опредѣленные виды основныхъ процессовъ. Первымъ изъ нихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ является періодъ немощи, когда довлѣетъ внѣшній міръ; вторымъ является періодъ, когда человекъ вбираетъ въ себя внѣшній міръ (гувація); третій — когда онъ вобраннымъ перерабатываетъ (даринація); четвертый — когда онъ переработанное пускаетъ въ міръ (ражація) и пятый — періодъ старости, когда онъ для міра и міръ для него становятся лишними. Этимъ періодамъ въ равной мѣрѣ подчинены всѣ міровые элементы и потому также и духъ.

Поэтому, дальше, то, что дама, о которой идетъ рѣчь въ № 1 „Ребуса“, замѣтила относительно себя, и то, что рассказала я о себѣ въ отношеніи къ мѣсту жительства, является частнымъ случаемъ общаго закона. На самомъ дѣлѣ, всѣ отношенія души подчинены ему. Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ, что, напр., книга обычно на насъ сперва производитъ нѣкоторое впечатлѣніе новости, незнакомаго и даже неприятнаго, потомъ мы ею заинтересовываемся, потомъ она въ насъ порождаетъ кое-какія мысли, дальше она побуждаетъ насъ къ опредѣленнымъ поступкамъ, еще дальше она становится безразличной и, наконецъ, — скучной и неприятной. То же бываетъ съ картинами, съ отдѣльными предметами обстановки, съ знакомствами, съ дружбой, любовью, семейной жизнью, службою и т. д., и т. д. Всюду наблюдаются эти пять періодовъ. Въ зависимости же отъ количества впечатлѣній, періоды бываютъ различной продолжительности. Отъ газетной статьи, напр., всѣ періоды переживаются въ четверть часа, книги — въ нѣсколько дней, любви — въ нѣсколько лѣтъ. Есть затѣмъ родовые, государственные, національные и др. періоды этихъ же переживаній. Такимъ образомъ, геніальность, видимо, отчасти обуславливается тѣмъ, что дѣдъ генія переменилъ мѣсто жительства; подобно, культурной жизни предшествуютъ нѣкоторыя политическія переменны.

Упорное же пребываніе при неизмѣнной духовной обстановкѣ душу сначала угнетаетъ, потомъ старитъ, наконецъ, дѣлаетъ больной. Жизнь даетъ множество примѣровъ самыхъ страшныхъ душевныхъ состояній, происшедшихъ по этой причинѣ.

Такъ, мизантропія и вообще злоба есть порожденіе одиночества и скуки, недостатокъ впечатлѣній дѣлаетъ людей глупыми, а идиотизмъ есть прежде всего неспособность къ воспріятію впечатлѣній; тѣмъ же отличается и сумасшествіе. У отшельниковъ дѣло доходитъ до видѣній, главнымъ образомъ, видѣній чертей. Поэтому вообще въ замкнувшихся въ себя сообществахъ людей такъ быстро развиваются душевные болѣзни и самые отвратительные пороки, нерѣдко смѣшанные съ самой изощренной жестокостью. Изъ вышеизложеннаго все это вполне понятно: душа требуетъ непрерывной пищи въ видѣ все новыхъ впечатлѣній, и безъ нихъ она болѣетъ, разлагается, частью даже покидаетъ человека (во время сумасшествія).

Притомъ, чѣмъ скуднѣе психическими элементами среда, окружающая человека, тѣмъ скорѣе все это наступаетъ. Истиннымъ же адомъ для человека должно быть совершенная темнота, отсутствіе всякихъ звуковъ и ощущеній осязанія.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ моя теорія жизни указываетъ аналогичныя переживанія, протекающія отъ недостатка другихъ элементовъ. Такимъ образомъ, истощеніе воздуха влечетъ за собою удушеніе, пища и питье—голодь и жажду, тепло—холодь, недостатокъ пространства—переживанія узничества, а недостатокъ временныхъ переменъ—скуку. Разница между всеми ними только та, что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ круче, острѣе, другіе—слабѣе. Наибольше остры недостатокъ воздуха, жажда, голодь, холодь, сравнительно менѣе—узничество, и еще менѣе скука и разнообразный духовный голодь. Благодаря этому люди въ послѣднихъ двухъ даже не даютъ себѣ отчета и рѣдко когда борются съ ними.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

Продолженіе *).

Ударъ грома надъ моей головой въ эту звѣздную безвѣтрную ночь не такъ взволновалъ бы меня, какъ звукъ этого запретнаго слова. Немногіе знаютъ объ этой ассоціаціи и еще меньшее число можетъ похвалиться принадлежностью къ ней, и однако личность, стоявшая передо мной несомнѣнно принадлежала къ этому меньшинству. Не касаясь другъ друга, мы обмѣнялись другими знаками и словами Этого было достаточно. Не колеблясь, я согласился возобновить наше свиданіе и въ слѣдующую ночь, въ томъ же мѣстѣ и въ тотъ же часъ. Мы разстались. Мой собесѣдникъ исчезъ въ непроницаемой темнотѣ сосѣдняго храма, а я свиснувъ свою лошадь, сѣлъ верхомъ и отправился обратно въ гостиницу въ Довлетабадѣ.

Глава XIII.

Какъ медленно шло время! Какими скучными показались мнѣ мои обычные занятія въ теченіи этого дня! Только вечеромъ я могъ встрѣтить снова Бигу, этого страннаго человѣка, который такъ хорошо сумѣлъ успокоить волненія моей души.

Слушая его ласковый голосъ я испытывалъ давно неизвѣданный мною покой, хотя въ его словахъ и не было ничего замѣчательнаго. Не особенно соблазнительной казалась мнѣ перспектива посѣщенія его жилища, какъ онъ называлъ нору на склонѣ горы, и тѣмъ не менѣе мною овладѣло странное желаніе быть тамъ, а когда я представлялъ себѣ «ту черную линію, раздѣлявшую заросль», мнѣ казалось, что изъ горы выходили бѣлыя руки и знаками приглашали меня подняться къ этимъ дикимъ, почти недоступнымъ высотамъ. Прежде чѣмъ предпринять такое путешествіе, я хотѣлъ немного заснуть, но дѣла удержали меня весь день въ Аурунгабадѣ, главномъ городѣ провинціи. Только поздно вечеромъ я могъ пообѣдать въ компаніи моихъ друзей офицеровъ и отправиться въ путь, чтобы добраться въ полночь до Элаоры. Около одиннадцати часовъ я переѣхалъ оврагъ, оставилъ въ немъ лошадь и отправился пѣшкомъ по направленію къ храмамъ, до которыхъ добрался за нѣсколько минутъ до назначеннаго времени. Луна была закрыта быстро бѣгущими облаками. Все предвѣщало приближеніе бури. Плато амфитеатра, окруженное скалами изъ

краснаго гранита, образующими «великій религіозный городъ», погружено было въ самое глубокое безмолвіе.

Повинуясь необъяснимому импульсу, порожденному, можетъ быть, непреодолимой потребностью движенія для того, чтобы успокоить нервы, я переходилъ съ мѣста на мѣсто, изслѣдовалъ каждую разсѣлину, каждую пещеру, каждый монументъ, нища, не зная чего, стараясь открыть смыслъ моихъ лихорадочныхъ поисковъ. Наконецъ я остановился передъ однимъ изъ древнихъ подземныхъ храмовъ. Чтобы добраться до самыхъ отдаленныхъ частей этого храма, нужно было пройти мимо длиннаго ряда гигантскихъ слоновъ, темные силуэты которыхъ я часто видѣлъ при свѣтѣ факела, или при слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ изъ обширнаго портика. Мнѣ было отлично извѣстно внутреннее расположеніе этой постройки, такъ какъ я много разъ проходилъ мимо ея колоссальныхъ колонадъ. Что-то однако удерживало меня теперь, заставляло колебаться проникнуть дальше. Въ этотъ моментъ нерѣшительности я вдругъ вспомнилъ, что мѣсто моего свиданія съ Бигой находилось около мили отъ этого храма.

Охваченный волненіемъ, боясь не сдержать слово, я быстро повернулся къ выходу, и тотчасъ же почувствовалъ себя схваченнымъ сзади; мнѣ скрутили за спиной руки, а на глаза и ротъ набросили повязки; все это было сдѣлано съ такой силой и такой невѣроятной быстротой, что прежде чѣмъ я подумалъ оказать малѣйшее сопротивленіе, я былъ связанъ.

Вынужденный оставить всякую попытку защищаться, сжатый желѣзными руками, я почувствовалъ, что меня быстро повлекли по направленію къ храму мимо длинныхъ рядовъ колонадъ до мѣста, гдѣ мнѣ дали вздохнуть. Ясно чувствовалась влажная атмосфера подземелья. Послѣ этой остановки начался непрерывный спускъ то по крутымъ лѣстницамъ, то по узкимъ извилистымъ галлереймъ. Иногда проходы становились такъ узки, что мои проводники вынуждены были идти одинъ спереди, другой сзади; иногда ледяной воздухъ показывалъ мнѣ, что мы проходили подъ сводами обширныхъ залъ. Странно, что мое ясновидѣніе въ моментъ этого неожиданнаго плѣненія совершенно исчезло. Воля болѣе могущественная, чѣмъ моя, господствовала надъ моими духовными перцепціями и въ первое время я былъ слишкомъ оглушенъ, чтобы пытаться защищаться. Во все время этого спуска во внутренность земли до моего слуха не доходило ни одного звука, кромѣ моихъ собственныхъ шаговъ,—ничто не нарушало мрачнаго молчанія. Крѣпкія руки моихъ проводниковъ были единственнымъ доказательствомъ, что у меня есть спутники.

Когда мы достигли извѣстнаго мѣста и когда я понялъ, что меня хотѣли заставить спуститься съ почти безконечной лѣстницы, въ моемъ умѣ промелькнула мысль, что если я упрусь прочно ногами, то этимъ я по крайней мѣрѣ выкажу намѣреніе не идти далѣе. Это блѣдное подобіе сопротивленія стоило мнѣ такого толчка, что безъ державшихъ меня желѣзныхъ рукъ, я былъ бы сброшенъ съ не знаю какой высоты; потомъ, для того, чтобы убѣдить меня въ моемъ совершенномъ безсиліи, я былъ поднятъ съ земли и, не смотря на то, что ноша была шести футовъ росту и соответствующаго вѣса, мой проводникъ схватилъ меня своей рукой Титана и несъ нѣсколько времени какъ маленькаго ребенка. Къ счастью, слѣдующій проходъ былъ

*) См. «Ребусъ» № 6, 1916 г.

слишкомъ низко и узко, чтобы позволить такой способъ переноски; меня поставили на ноги, но въ то же время желѣзная хватка одного гиганта спереди, а другого сзади показали мнѣ полную бесполезность всякихъ дальнѣйшихъ демонстрацій съ моей стороны. Наконецъ я почувствовалъ замѣтное измѣненіе въ окружавшей меня атмосферѣ и въ почвѣ. Воздухъ сталъ душистымъ, пропитаннымъ ароматическими эссенціями; грунтъ былъ твердъ, ровенъ, какъ изъ полированныхъ камней. Съ меня быстро были сняты повязки и развязаны руки, и моимъ глазамъ открылось зрѣлище, описать которое я не нахожу достойныхъ выражений. Я находился въ подземномъ храмѣ громаднѣхъ размѣровъ въ видѣ подковы, большой овалъ которой возвышался въ видѣ амфитеатра и служилъ аудиторіей; ступени этого амфитеатра были украшены богато вышитыми подушками. Высокій потолокъ былъ окруженъ тонкой работы карнизомъ, покрытымъ скульптурными украшениями, служащими эмблемами египетскаго и халдейскаго культовъ и пестрѣлъ вырѣзанными на золотѣ изрѣченіями на арабскомъ, санскритскомъ и другихъ восточныхъ языкахъ. Среди куполообразнаго, цвѣта лазури, потолка находился блестящій золотой шаръ; онъ былъ такъ искусно расположенъ, что вся внутренность храма освѣщалась лучами, отражавшимися отъ множества сверкавшихъ надъ моей головой небесныхъ фигуръ. Стѣны состояли изъ краснаго гранита, который служилъ основой горной породы этой области; онъ былъ въ изобиліи украшенъ гигантскими изображеніями индусскихъ и египетскихъ боговъ, съ бордюромъ надъ ними изъ пышныхъ барельефовъ. Нѣкоторые изъ этихъ барельефовъ представляли древнія халдейскія дощечки, на другихъ же были выгравированы планисферы, астрологическія карты или сцены изъ исторіи Вавилона, Ассиріи или Халдеи. Маленькое подковообразное *entrée* вело во вторую пещеру, служившую сценой. Полъ ея былъ покрытъ пышнымъ ковромъ изъ цвѣтовъ или по крайней мѣрѣ такимъ искуснымъ подражаніемъ, что ихъ нельзя было отличить отъ настоящихъ. Пара гигантскихъ сфинксовъ поддерживала обѣ стороны этой грандіозной трибуны, а между сводомъ потолка и ковромъ висѣлъ на воздухѣ, поддерживаемый, вѣроятно, магнетической силой громаднѣхъ крылатый быкъ Няневи. Стѣны и потолокъ этой громаднѣх сцены были лишены всякихъ украшеній. Позолоченная рука надъ аудиторіей держала свертокъ, на которомъ было написано по-арабски слово, означавшее—*неофиты*, такая же рука была надъ карнизомъ аванъ-сцены съ надписью по-арабски, соответствующей слову—*герофанты*. Посреди сцены стояли полукругомъ семь треножниковъ съ жаровнями, изъ которыхъ подымалось разноцвѣтное пламя и клубы душистаго опьяняющаго дыма (*guirlandes de vapeur*) наполняли храмъ. За каждымъ изъ треножниковъ стоялъ сверкавшій серебромъ тронъ, символизировавшій одну изъ планетъ. На тронахъ возсѣдали семь лицъ въ маскахъ, въ черномъ одѣянн; накинутыя на нихъ покрывала не давали возможности опредѣлить ихъ полъ и наружность. Вокругъ меня, глубоко поглощенные, казалось, въ самихъ себя, лежали и сидѣли, по-восточному, много людей, одѣтыхъ большею частью по-европейски, но съ нѣкоторыми подробностями индусскаго костюма. Всѣ были въ маскахъ. Тѣ, которые сняли съ меня повязку, снабдили меня тоже маской, позволявшей свободно разсматривать открывшуюся передо

мною замѣчательную сцену. Во всемъ, что поразило мои глаза, не было ничего мелочнаго. Все было колоссально, великолѣпно и отличалось разнообразіемъ. Всякій предметъ, каковы бы ни были его размѣры, былъ самой совершенной художественной работой. Свѣтъ, исходящій изъ величественной планисферы, былъ нѣженъ, но тѣмъ не менѣе блестящъ. Благодаря извѣстному расположенію громаднѣхъ трубъ, сообщавшихся съ внѣшней атмосферой, какъ мнѣ было потомъ объяснено, въ этой подземной залѣ воздухъ замѣчательно чистъ и свѣжъ. Удивленіе, восхищеніе, чувство боязливаго уваженія, охватившее меня въ первый моментъ, помѣшало мнѣ шевелиться. Спустя нѣкоторое время, оглянувшись вокругъ себя, я увидѣлъ, что всѣ лица были обращены ко мнѣ и изъ всѣхъ угловъ мнѣ дѣлали знаки различныхъ обществъ, къ которымъ я принадлежалъ. Я понялъ тогда, а теперь знаю, что здѣсь не было ни одного челоука, не посвященнаго въ одно или нѣсколько обществъ, къ которымъ принадлежалъ я самъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

Т Р У Д Ы Всероссійскаго Съѣзда Спиритуалистовъ.

(бывшаго въ Москвѣ 20—27 октября 1906 г.).

Выше 350 печатныхъ страницъ съ массой рисунковъ и чертежей.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Доклады: *Л. А. Чистяковъ*. Современная наука спиритуализмъ. (Вступительная рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Съѣзда). — *Н. фонъ-Меккъ*. Краткій историческій очеркъ современнаго спиритуализма. — *П. Мельниковъ*. Непокойный домъ въ Томской губерніи. — *В. Тайцъ*. Случай непосредственнаго письма (съ рисунк.). — *А. и Б.* Два случая доказанной самоличности. — *П. Чистяковъ*. Безсмертіе по традиціямъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ. — *Сербовъ*. Очерки изъ исторіи русской мистики. — *А. К. Никольскій*. Религиозное движеніе алтайскихъ калмыковъ (съ рисунк.). — *П. Чистяковъ*. О фотографіи невидимаго. — *А. и В.* О психической—трансцендентальной фотографіи (съ рисунк.). — *Б. Армфельтъ*. Астральная фотографія. — *К. Кудрявцевъ*. Излученія челоуческаго тѣла и примѣненіе ихъ къ лѣченію болѣзней (съ рисунк.). — *П. Чистяковъ*. Экстеріоризація нервной силы и опыты доктора Жуара (съ чертеж.). — *Л. Онопъ*. Гипнотическая амбулаторія въ городѣ Барнаулѣ (съ рисунк.). — *А. К. Теософія* въ Германіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (рѣчь доктора Рудольфа Штейнера на Теософическомъ Конгрессѣ въ Парижѣ 1906). — *В. Н. Запругаевъ*. Изложеніе ученія оккультистовъ объ астральномъ свѣтѣ. — *П. Чистяковъ*. О воспитаніи и культурѣ медіумовъ. — *П. Чистяковъ*. Радій и ясновидѣніе. (Опытъ физиологическаго истолкованія явленій ясновидѣнія). — II. Протоколы всѣхъ засѣданій Съѣзда. — III. Отчетъ организаціоннаго бюро. Цѣна 3 р.—для подписчиковъ журнала «Ребусъ»—2 р.

Расходы по пересылкѣ 25 к., съ налож. платежомъ 40.

„ВОПРОСЫ ПСИХИЗМА“

Комплекты журнала за 1908 г. (шесть книгъ)—3 рубля. для подписчиковъ журнала „Ребусъ“—2 рубля. (Съ пересылкою 2 р. 50 к.).

СОДЕРЖАНІЕ: Вступительная статья редакціи: «Будущность психологіи»—*Проф. М. Рихе*; «Экспериментальная телепатія и ясновидѣніе»—*П. А. Чистякова*; «Левитація медіума Дударини»—*Проф. Мирони*; «Мои изслѣдованія явленій передачи мысли»—*Проф. Ч. Ломброзо*; «Намеки о наукѣ будущего»—*М. С.*; «Символизмъ и метапсихическіе феномены»—*В. Боссаго*; «Новый институтъ въ С.-П.»—*П. Чистякова*, «О безсмертіи»—*В. Тайца*; «Мои сеансы съ Евзанією Палладино»—*Проф. Э. Морселли*. Затѣмъ: хроника, библиографія записки Русскаго Спиритуалистическаго Общества въ Москвѣ.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. » 6 » . 3 » — » За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС- ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просятъ адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
№ 1685.	29-го Мая 1916 года.	№ 10.

Содержаніе: 1) «Непрерывность». (Прод.). Проф. О. Лоджа.—2) По пути.—3) Случай предсказанія.—4) Психическая фотографія.—5) Бесѣда съ духовнымъ пастыремъ. А. и В.—6) Проявленіе дѣтей. Ю. фонъ-Шульцъ.—7) «Въ двухъ планахъ»—(романъ оккультиста). (Прод.).—8) Объявленія.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ.

Профессоръ Оливеръ Лоджъ.

Рѣчь, произнесенная въ Британской Ассоціаціи Наукъ въ 1913 г.

(Съ англ.—перев. А. И. Вобровой).

(Продолженіе *).

Однако, если и вся солнечная система движется въ средѣ ээира, я не вижу причины, почему относительное движеніе ээира не могло бы быть наблюдаемо при помощи дифференціального остаточнаго эффекта въ связи съ положеніемъ спутниковъ Юпитера или праваго и лѣваго краевъ солнечнаго диска. Эффектъ этотъ, правда, очень малъ для того, чтобы наблюдать его безъ чрезвычайнаго напряженія, но, теоритически разсуждая, онъ долженъ быть на лицо. Поскольку, однако, движеніе матеріи относительно наблюдателя вовлечено въ эти эффекты, постольку можно утверждать, что нахожденіе въ этомъ направленіи однороднаго потока солнечной системы не противорѣчитъ Принципу Относительности. Оно противорѣчитъ нѣкоторымъ положеніямъ этого Принципа и убѣдительность этихъ положеній падаетъ, я полагаю, всюду, гдѣ подразумѣвается скорость свѣта, потому что тамъ мы дѣйствительно имѣемъ нѣчто абсолютное (въ томъ единственномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно можетъ быть примѣнимымъ въ физикѣ), съ которымъ мы можемъ сравнивать наше собственное движеніе, когда мы научимся какъ это надо дѣлать.

Но въ обыкновенномъ астрономическомъ пониманіи—познаниі, какъ и о землѣ съ ея орбитой,—всѣ наши инструменты, всѣ наши мѣрила, весь комплектъ нашей лабораторіи—все движется тѣмъ же темпомъ и въ томъ же направленіи; при такихъ условіяхъ мы не можемъ ожидать сдѣлать наблюденія. Клеркъ Максвеллъ зашелъ даже настолько далеко, что выразился по этому поводу такъ: если бы каждая частица матеріи внезапно получила бы равномерный толчекъ, который произвелъ бы постоянное ускореніе всего въ одномъ направленіи, то мы остались бы въ полномъ невѣдѣніи этого факта. Онъ тогда не зналъ того, что извѣстно намъ теперь о радіаціи. Но и помимо всего

этого, ограничиваясь лишь сравнительно малыми измѣненіями въ скорости, наши измѣренія неизбѣжно примутъ участіе, будутъ заинтересованы всякой перемѣной, кака бы ни случилась. Все, что касается наблюденій,—все останется практически въ томъ же положеніи, какъ-будто никакой перемѣны не произошло; хотя возможно, что это и не такъ. Единственно, что устанавливаетъ экспериментальный методъ то, что до сей поры вездѣ были компенсаціи, а поэтому всѣ попытки наблюдать движеніе сквозь ээиръ были оставлены, какъ безнадежныя.

Вѣроятно, однако, что мелкія и странныя компенсаціи не случайны; необходимы ли онѣ? Несомнѣнно необходимы и я сейчасъ скажу—почему. Предположите случай одного изъ измѣрительныхъ термическихъ расширеній и предположите, что все имѣетъ одинаковую и температуру и расширеніе: наши измѣрители будутъ тоже сокращаться или расширяться какъ и все остальное и мы ничего не наблюдаемъ, а расширеніе тѣмъ не менѣе случится. Этотъ примѣръ очевиденъ, но слѣдующій очевиденъ въ меньшей степени:—если бы все во всей вселенной имѣло бы одинаковую температуру, какова бы эта температура ни была, мы бы ничего не увидели—внѣшній міръ, что касается видѣнія, казался бы несуществующимъ. Видѣніе зависитъ отъ радіаціи, отъ дифференціальной радіаціи. Необходимо присутствіе разнствованій для воздѣйствія на наши чувства; онѣ не созданы для однородныхъ воспріятій.

Поэтому то чрезвычайная вездѣ сущность, однородность и универсальность мірового ээира и дѣлаютъ столь труднымъ для насъ наблюденіе его. Для того, чтобы наблюдать, надо, чтобы имѣлись различія. Если всѣ дѣйствія на разстояніи проводятся съ одинаковой скоростью черезъ ээиръ, ходъ ихъ не можетъ быть наблюденъ. Найдите одно изъ нихъ, которое бы не проводилось черезъ ээиръ и тогда получится шансъ для наблюденій. Но всякое физическое дѣйствіе проходитъ черезъ ээиръ и всегда съ помощью его поперечныхъ или продольныхъ колебаній.

Исключеніе, можетъ быть, представляетъ тяготѣніе. Возможно, со временемъ оно и дастъ намъ ключъ; но въ настоящее время мы совсѣмъ не въ состояніи опредѣлить скорость ея передачи. Не существуетъ никакого плана для опредѣленія ея; ничто не годится для со-

*) См. «Ребусъ» № 9, 1916 г.

зданія единицы вѣсомости, будь то атомъ, или электронъ, или еще что либо. Всего скорѣе—единица вѣса есть электронъ, также какъ и единица массы.

Такъ называемая не-Ньютоновская механика, съ массою и формою, являющимся функціей скорости, есть непосредственное слѣдствіе электрической теоріи матеріи. Зависимость инерціи и формы отъ скорости представляетъ гениальное изобрѣтеніе и, какъ я думаю, есть физическій фактъ. Принципъ Относительности сведеть его къ условной фикціи; онъ будетъ стремиться замѣнить дѣйствительное измѣненіе въ матеріи воображаемымъ измѣненіемъ во времени. Но несомнѣнно мы должны допустить, что пространство и время по существу неизмѣнимы и не подчиняются даже математикѣ.

Тѣмъ не менѣе измѣненія въ размѣрѣ и массѣ по отношенію къ скорости суть не условности, а реальности; и на этомъ я настаиваю на основаніи электрической теоріи матеріи. У меня слабость къ гипотезѣ Фиджеральда-Лоренца, и я не нахожу возможнымъ причислить ее къ разряду несостоятельныхъ. И въ самомъ дѣлѣ: труднѣе примиренія экспериментальныхъ Майкельсона съ теоріей астрономической абберраціи и съ другими извѣстными фактами, при свѣтѣ электрической теоріи матеріи совершенно отпадаетъ. Количество, потребное для эксперимента и слѣдующее по теоріи равновелико сжатію діаметра земли нѣсколько менѣе, чѣмъ на 3 дюйма (inches) въ линіи орбиты ея движенія черезъ эфиръ. Сплюснутый же сфероидъ съ собственной *эксцентричностью* имѣетъ всѣ простыя геометрическія свойства стационарной сферы, а эксцентричность зависитъ опредѣленнымъ образомъ отъ скорости и возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ скорости свѣта.

Все это совершенно самостоятельно замѣтили вскорѣ и профессора Лорентцъ и Ларморъ, и это представляется лишь однимъ изъ незначительныхъ преимуществъ электрической теоріи о матеріи, открытыхъ нашимъ знаменитымъ гостемъ, профессоромъ Г. А. Лорентцомъ.

Ключомъ всего положенія, по-моему, является природа сдѣвленія. Я смотрю на сдѣвленіе какъ на постоянное химическое свойство, какъ на мѣрило избытка электрическаго притяженія надъ отталкиваніемъ между группами послѣдовательно заряженныхъ молекулъ. Боковое электрическое притяженіе уменьшено движеніемъ, такъ же какъ и боковое отталкиваніе. При сдѣвленіи, оба находятся въ дѣйстви и хотя почти уравновѣшены, но притяженіе доминируетъ. При всякомъ же другомъ не молекулярномъ разстояніи, они почти уравновѣшиваются. Отсюда, пока продольное сдѣвленіе или сдѣвленіе въ направленіи движенія, остается безъ измѣненія — боковое сдѣвленіе уменьшено; тогда получится растяженіе и, кубъ X, y, Z , со стороны равной единицы, двигаясь вдоль X съ скоростью U , становится параллелепипедомъ со сторонами $1/k^2, k, k$; гдѣ $1/k^2 = 1 - U^2/V^2$ *).

Электрическая теорія матеріи есть положительное совершенство и имѣетъ положительные результаты. При ея помощи мы производимъ опыты, которые проливаютъ свѣтъ на отношенія между матеріей и эфиромъ пространства. Принципъ Относительности стремящейся замѣнить ее, есть принципъ отрицанія, отри-

*) Различныя способы разсмотрѣнія измѣненій даютъ нѣсколько различные результаты; нѣкоторые вводятъ движеніе вмѣстѣ съ растяженіемъ—въ сущности напряженіе по Томасу Юнгу; детали нѣсколько сложны и здѣсь не мѣсто обсуждать ихъ. Чистое растяженіе, какъ наиболѣе закономерно—спеціальное проще и, повидимому, находится въ согласіи со всѣми экспериментальными фактами, включая сюда и нѣкоторыя тщательныя измѣренія Бюхерера и какъ я ожидаю, оно переживетъ всѣ другіе.

цательная предпосылка, заявленіе о томъ, что наблюдать извѣстные факты нельзя—отрицаніе какого-либо отношенія между матеріей и эфиромъ, послынный отказъ въ самомъ существованіи эфире. А между тѣмъ, если мы допустимъ дѣйствительныя измѣненія, которыя происходятъ вслѣдствіе быстрого движенія, то открывается цѣлая область для изслѣдованія; является возможнымъ даже изслѣдовать измѣненія въ формѣ электрона,—несмотря на чрезвычайную малость его—когда онъ приближается къ скорости свѣта; и свойства, принадлежащіе эфиру пространства,—какъ бы неуловимы онъ ни былъ,—не замедлятъ обнаружиться.

Какъ физикъ, я долженъ заявить, что эфиръ, преимущественно принадлежитъ къ нашей области знаній. Изученіемъ молекулъ мы занимаемся вмѣстѣ съ химиками, а матерія во всѣхъ ея разнообразныхъ формахъ изслѣдуется всѣми учеными, изученіе же эфире пространства есть дѣло только физика. Не я одинъ очарованъ этимъ многозначительнымъ агентомъ. Его странно обманчивый, неосозаемый характеръ вмѣстѣ съ универсальной однородной проникаемостью, его кажущаяся безконечною распространенностью, его свойства, опредѣленные и прекрасныя, дѣлаютъ эфиръ чрезвычайно интереснымъ, ингредиентомъ обширнѣйшимъ и фундаментальнѣйшимъ во всемъ матеріальномъ космосѣ.

Въ Винниегъ (Америка) сэръ Дж. Дж. Томсонъ сказалъ:

—„Эфиръ не есть фантазія спекулятивно философскаго ума; онъ также необходимъ намъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ. Изученіе этой всепроникающей субстанціи является самою чарующей и наиважнѣйшей обязанностью физика“.

Онъ не есть матерія, но онъ матеріаленъ; онъ принадлежитъ матеріальной природѣ и долженъ быть изслѣдованъ обычными методами. Но при всемъ этомъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отрицать, что эфиръ можетъ имѣть функціи духовныя и ментальныя, способныя обслуживать иной порядокъ бытія также какъ матерія обслуживаетъ этотъ міръ.

Наконецъ, міровой эфиръ есть великое орудіе непрерывности; можетъ быть онъ еще и нѣчто большее, такъ какъ безъ него врядъ ли могла бы существовать матеріальная вселенная. Конечно, онъ необходимъ для непрерывности—онъ одинъ есть субстанція всепроникающая, связующая всѣ частицы матеріи между собой. Этотъ объединяющій и соединяющій посредникъ, безъ котораго, если бы и могла существовать матерія, то являла бы собой лишь хаотическіе, разрозненные обрывки—есть міровой посредникъ, для сообщенія какъ между мірами, такъ и между частицами ихъ. А между тѣмъ многіе люди отрицаютъ его существованіе, только потому что онъ недостижимъ для нашихъ чувствъ, кромѣ зрѣнія, да и для зрѣнія онъ доступенъ лишь посредственнымъ и не легко признаваемымъ путемъ.

Для того, чтобы иллюстрировать болѣе точнымъ образомъ, какъ можемъ мы не быть въ состояніи опредѣлить окружающее насъ, если оно не находится въ соединеніи или связи съ чѣмъ нибудь, что бы намъ подчеркнуло его, я позволю себѣ привести другую выдержку изъ рѣчи сэра Дж. Дж. Томсона (Винниегъ 1909 г.) Онъ говоритъ о томъ фактъ, что даже отдѣльные атомы, если только они хорошо электризованы подходящимъ атомическимъ зарядомъ, могутъ быть обнаружены извѣстными чувствительными инструментами: поле ихъ силы вноситъ ихъ въ поле нашего зрѣнія; тогда какъ остальное множество не-электризованныхъ атомовъ ускользаетъ отъ нашего воспріятія.

— Наимельчайшую величину не-электризованной матеріи, когда-либо уловленную, представляетъ собой,

вѣроятно, неонъ, одинъ изъ инертныхъ газовъ атмосферы. Профессоръ Струттъ доказалъ, что количество неона въ $\frac{1}{20}$ кубическаго сантиметра воздуха подъ обыкновеннымъ давленіемъ можетъ быть опредѣлена электроскопомъ; сэръ Вильямъ Рамзай считаетъ, что содержаніе неона въ воздухѣ составляетъ одну часть неона на 100.000 частей воздуха; такъ что въ $\frac{1}{20}$ кубическаго сантиметра воздуха при атмосферномъ давленіи, неонъ займетъ объемъ лишь половину миллионной доли кубическаго сантиметра. При подобномъ подсчетѣ объемъ кажется чрезвычайно малымъ, и, тѣмъ не менѣе, въ этомъ маломъ объемѣ помѣщаются миллионы миллионныхъ молекулъ. Далѣе, народонаселеніе земного шара исчисляется въ тысячу пятьсотъ миллионныхъ, и вотъ — ничтожнѣйшее число молекулъ въ неонѣ, какое только мы только что себѣ представили, будетъ приблизительно въ 7.000 разъ болѣе народонаселенія земли. Другими словами, если бы мы не имѣли иного способа доказать существованіе человѣка, какъ тотъ способъ, какимъ мы улавливали неэлектрическую молекулу, то мы пришли бы къ заключенію, что земля необитаема.

Парабола изъ поражающихъ! На основаніи ея мы не имѣемъ законнаго права утверждать даже относительно пространства, что оно необитаемо. Одно, что мы можемъ съ правомъ утверждать — это что мы не имѣемъ возможности распознать существованія внѣпланетарныхъ не-матеріальныхъ обитателей и что они, если у нихъ нѣтъ какой-либо связи или соединенія съ матеріей, должны навсегда остаться физически внѣ нашихъ чувственныхъ воспріятій. Слѣдовательно мы можемъ, въ практическихъ цѣляхъ, вполне законно считать ихъ несуществующими до тѣхъ поръ, пока не обнаружено этой связи, но, конечно, быть догматичными мы не должны.

Истинный агностицизмъ законенъ, но не законно догматичное, позитивное или гностическое направленіе, потому что, какъ я утверждаю, наука некомпетентна въ этомъ; она не можетъ дать обоснованнаго отрицанія даже въ отношеніи къ эфиру и теряетъ смыслъ, когда дѣлаетъ попытки въ этомъ направленіи. Не дѣло науки заниматься отрицаніями; она сильна въ своихъ положеніяхъ, но ничто, базируемое на абстракціи не должно отвлекать ее отъ ея собственной области. Очень нерѣдко случается, что предметы отброшенные и игнорируемые одной отраслью науки, бывають приняты въ основаніе другой отраслью ея:

Напр., Химія игнорируетъ Эфиръ.

Математика можетъ игнорировать экспериментальныя осложненія.

Физика игнорируетъ и исключаетъ изъ своей области все живое и живущее.

Биологія исключаетъ Разумъ и Намѣренія.

Физиологія можетъ игнорировать происхожденіе челоука и судьбу его.

Изучающіе народныя преданія и сравнительную Мифологію не имѣютъ надобности беспокоиться объ модикумъ истины, заложенной въ легендахъ, которыя они собираютъ и систематизируютъ.

Микроскописты могутъ игнорировать звѣзды.

И тѣмъ не менѣе однако ни одинъ изъ игнорируемыхъ предметовъ не можетъ подлежать отрицанію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО ПУТИ.

Мы много разъ говорили о телепатіи на страницахъ журнала «Ребусъ»; не одинъ разъ отмѣчали и то значительное мѣсто, какое все болѣе и болѣе захватываетъ въ нашей жизни передача мыслей. Мы часто слышимъ фразы:

«мысли носятся въ воздухѣ»; «мысли окружаютъ насъ»; «мнѣ передалась мысль»... и т. д.

Интересную иллюстрацію такого положенія вещей печатаетъ журналъ «Light».

Извѣстный англійскій писатель, Доновенъ Белей, помѣстилъ въ журналъ «Red Magazine» рассказъ подъ заглавіемъ «Окно для Душъ»; этотъ рассказъ являетъ собою примѣръ поразительнаго «совпаденія». Самъ авторъ рассказа говоритъ о немъ такъ:

— «Повѣсть, идея о которой охватила меня какъ-то сразу, была окончена мною 11 ноября 1915 года и напечатана въ журналѣ «Red Magazine» 23 ноября 1915 г. Декабря же 7-го г-нъ Гаральдъ Бегби напечаталъ въ лондонской газетѣ статью, озаглавленную «Духи у Телефона», гдѣ онъ описываетъ электрической аппаратъ, позволяющій входить въ общеніе съ умершимъ при помощи звуковъ. Въ моемъ рассказѣ, если вы его читали, описанъ такой же аппаратъ, пригодный для тѣхъ же цѣлей и производящій работу съ помощью электричества и свѣтовыхъ лучей. Читеніе статьи г-на Бегби производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ дѣйствительно видѣлъ подобную машину; моя же повѣсть есть плодъ чистаго воображенія. Воображенія ли? Я такъ думалъ до тѣхъ поръ, пока не прочелъ статьи г-на Бегби и не усмотрѣлъ, какъ много сходства между машиной, которую онъ описываетъ, и тою, которую я выдумалъ въ своемъ рассказѣ».

Далѣе г-нъ Белей высказываетъ свое недоумѣніе по поводу того, что возможно ли отнести столь близкое сходство описаній только къ совпаденію? И приходитъ къ выводу, что непременно въ данномъ случаѣ играла роль передача мыслей.

— «Мы тоже прочли рассказъ г-на Белей, — говоритъ журналъ «Light» — и были удивлены еще болѣе, потому что онъ не знаетъ лично г-на Вильсона и не знавалъ его никогда, а между тѣмъ та личность, которую онъ описываетъ въ своемъ рассказѣ, какъ изобрѣтателя аппарата, будто списанъ съ самого г-на Вильсона, изобрѣтеніе именно котораго и было описано г-номъ Бегби».

Въ рассказѣ г-на Белей изобрѣтатель, Эдмундъ Рочестеръ, точно также, какъ и г-нъ Вильсонъ, гораздо болѣе заинтересованъ научной стороной своего изобрѣтенія, чѣмъ тѣмъ фактомъ, что оно можетъ служить для общенія съ инымъ міромъ. Напр., въ отвѣтъ на вопросъ своего друга, пришедшаго къ нему посмотреть аппаратъ, Рочестеръ говоритъ:— Никакого иного міра нѣтъ! Все это глупости. Есть только одинъ міръ, одна вселенная. Онъ (аппаратъ) только помогаетъ улавливать вещи, которыя, хотя и вполне реальны, однако не сотворены для невооруженнаго глаза. Во имя здраваго смысла не творите себѣ новаго кумира.

— Такое воззрѣніе вполне совпадаетъ съ точкой зрѣнія г-на Вильсона на его аппаратъ.

Скажемъ отъ себя, что есть значительная правда въ словахъ Рочестера, тѣмъ не менѣе однако другъ его огорченъ столь большимъ равнодушіемъ изобрѣтателя къ психической сторонѣ дѣла; другъ его удивленъ, что онъ гораздо болѣе заинтересованъ электронами, чѣмъ открытіемъ метода общенія съ иными сферами бытія

СЛУЧАЙ СБЫВШАГОСЯ ПРЕДСКАЗАНИЯ.

Въ газетѣ „Financial News“ отъ 8-го марта напечатано слѣдующее:

Въ концѣ прошлаго, 1915 года, одинъ офицеръ, отправляясь на фронтъ, зашелъ въ банкъ, гдѣ лежали его денежные бумаги для того, что бы сдѣлать нѣкоторыя распоряженія.

— Но вы не долго пробудете въ отсутствіи, — сказалъ ему банковый чиновникъ.

— А вы почему знаете?—удивился офицеръ.

— Вы скоро возвратитесь, васъ ранять въ руку.

Офицеръ, дѣйствительно, скоро вернулся домой—онъ былъ раненъ въ руку. Однако, рана его быстро зажила и онъ собрался возвратиться на фронтъ. Онъ опять передъ отъѣздомъ зашелъ въ банкъ.

— Ну, еще напророчьте, — шутя, обратился онъ къ знакомому ему чиновнику.

— На этотъ разъ вы пробудете въ отсутствіе болѣе продолжительное время, — отвѣтилъ тотъ, — и вернетесь съ серьезной раной въ ногу.

И опять предсказаніе оправдалось. Когда офицеръ настолько поправился, что могъ выходить, онъ прежде всего поѣхалъ въ банкъ къ чиновнику — прорицателю.

— Вы такъ вѣрно предсказывали мнѣ мои раны, — сказалъ онъ, — что я пришелъ васъ попросить, не скажете ли и конецъ войны?

— Война окончится іюня 17-го (н/с), въ будущемъ году; но я самъ не увижу ея окончанія, такъ какъ умру вскорѣ послѣ Новаго Года.

Чиновникъ этотъ скончался 20 го января.

ПСИХИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФІЯ.

Въ №-рѣ газеты „Sunday Times“ отъ 9-го января с. г. помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ «Умершій гвардеецъ.—Невѣроятная фотографія».

По этому поводу журналъ „Light“ говоритъ:

«Психическая фотографія совсѣмъ не такая рѣдная вещь, о которой нужно бы было писать въ отдѣлѣ сенсационныхъ слуховъ. Однако, случай, о которомъ говоритъ вышеупомянутая газета, дѣйствительно, замѣчательный.

Гвардеецъ Ионатанъ Оуенъ вернулся тяжело раненый съ французскаго фронта; онъ пріѣхалъ прямо къ себѣ домой въ деревню Риска, въ Монмутширѣ, и вскорѣ отъ ранъ умеръ. Похоронили его на деревенскомъ кладбищѣ рядомъ съ его внучкой, незадолго передъ этимъ умершей.

Послѣ похоронъ родственники рѣшили снять фотографію съ этихъ могилъ, столь красиво обросшихъ деревьями. Но каково было изумленіе всѣхъ односельчанъ, когда на фотографіи отчетливо вышли лица и гвардейца, и его внучки. Оба лица очень ясно видны и очень похожи. Эта фотографія надѣлала много шума во всей округѣ»

БЕСѢДА СЪ ДУХОВНЫМЪ ПАСТЫРЕМЪ.

На дняхъ я зашелъ по дѣлу къ одному священнику, магистру духовной академіи, и вообще человѣку очень образованному. Я почти окончилъ мой дѣловой разговоръ съ нимъ, когда къ нему вошла посѣтительница, еще на ходу заявившая:

— Здравствуйте, батюшка! Я пришла къ вамъ, какъ вы того хотѣли, но вовсе не затѣмъ, чтобы убѣждать васъ или быть убѣжденной вами. Я просто пришла вамъ выговорить себя, потому что больше не хочу разговоръ о спиритизмѣ на исповѣди.

Оказалось, что она спиритка и что ей надоѣли упреки по этому поводу ея духовнаго отца. Я собрался, было, уходить, но они оба меня удержали, утверждая, что я имъ не помѣшаю.

— Послушайте, — говорилъ ей священникъ, — вы вѣдь вызываете мертвыхъ. Это грѣхъ.

— Я мертвыхъ не вызываю. Это и глупо, и не деликатно.

— Глупо и не деликатно?.. Какъ же вы не вызываете мертвыхъ? Вѣдь я знаю, что вы разговариваете съ ними.

— Да, разговариваю. Съ тѣми, которые *меня* вызываютъ.

— Да кто они-то, голубчикъ? Подумайте! Кто къ вамъ приходитъ? Вѣдь не придутъ ангелы, высокіе, свѣтлые духи. Это—гордыня не только ожидать, а даже думать такъ.

— Батюшка, развѣ Господь Нашъ Іисусъ Христосъ не ходилъ и къ мытарямъ, и къ падшимъ женщинамъ? Онъ говорилъ, что пришелъ не спасенныхъ спасать, а именно грѣшниковъ, заблудшихъ... Что же, развѣ истощилась благодать Отца Небеснаго? Развѣ со временъ Спасителя оскудѣла милость Божія и руку помощи уже не подастъ никто изъ слугъ Творца несчастному заблудшему грѣшнику?!

— Ученіе Апостоловъ, Евангеліе—вотъ вамъ рука помощи. Зачѣмъ вамъ другую? Тамъ все сказано.

— Вѣрно, батюшка, тамъ все сказано и даже—больше; Евангеліе—это книга на всѣ времена и сроки, и чѣмъ больше ее читать, чѣмъ больше вдумываться, тѣмъ болѣе и болѣе почерпаетъ знаній и пониманія Истины. Тамъ между прочимъ сказано: «Испытайте духа каждаго иже есть отъ Господа». Если бы духи не приходили къ людямъ, не надо было бы и испытывать. Тамъ еще сказано, какъ надо испытывать: «И по плодамъ ихъ познаете ихъ». И въ «Дѣяніяхъ Апостоловъ (Гл. 2 я § 17-й) указано, что «излію отъ Духа Моего», и всѣ дары медиумизма — дары духа указаны, блюсти которые училъ Апостолъ Павелъ, переименованы...

— Однако, вы хорошо знаете Священное Писаніе.

— Хорошо, батюшка. И удивляюсь, какъ вы, читая постоянно Евангеліе, не обратили вниманія на эти слова.

— А все-таки, голубчикъ, скажу, и тоже на основаніи Писанія: врагъ человѣческой силень, горами качаетъ; онъ всюду поспѣетъ, чтобъ соблазнить душу. Отрицать его нельзя!

— Да я вѣрю, вѣрю въ діавола. Но вѣрю и въ милосердіе Божіе и вѣрую, что, если я Господа буду просить о защитѣ и огражденіи, то не обманетъ Онъ меня и не предастъ въ когти діавола. Батюшка, вспомните:—«...Если вы, будучи злы, умѣете даянія блага давать дѣтямъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ Небесный дастъ благо просящему Его».

— Ну, расскажите, расскажите, что говорятъ вамъ ваши мертвые? Чему васъ учать?

— Я охотно на досугѣ почитаю вамъ кое-что, а пока скажу только одно: учать онѣ меня вѣрѣ въ Бога, молитвѣ, нерушимымъ законамъ Творца, любви къ Нему и всѣмъ тварямъ Его. Вотъ, батюшка, вы діавола помянули: развѣ это дѣло его? Развѣ этому будетъ учить діаволъ? Вотъ

«по плодамъ ихъ и познаете ихъ». Не произрастаетъ на терновникѣ и репейникѣ ни винограда, ни смоквъ. Нѣтъ, батюшка, они такъ много дали мнѣ знанія, пониманія, широту міросозерцанія, теплоту и радость бытія, чувство солидарности съ братьями моими, чувства благодарности и любви къ Создателю моему, что никакіе родители, учителя и наставники никогда столько не сдѣлали и не могли сдѣлать.

— И все-таки скажу, что и говорилъ: Законъ Моисея не мимо идетъ!

— Да я не закона Моисеева, а закона Иисусова. Я христіанка. Если ужъ принимать одинъ законъ изъ законовъ Моисеевыхъ, такъ надо чтить и другіе: не ѣсть съ поля посѣяннаго раньше 5-ти лѣтъ; ни теленка, ни барашка первенцовъ; не носить смѣшанной одежды—шерстяной и льняной; выходить замужъ вдовѣ за брата мужа обязательно и т. д. То было время и былъ золотой телецъ и законъ Моисеевъ; теперь другое время, другіе люди и законъ Христа.

— Какъ же они говорятъ съ вами? Пишутъ?

— И пишутъ.

— И стуками? И блюдечками?

— По разному, батюшка.

— Никогда не повѣрю, чтобы чистый, возвышенный духъ сталъ бы ножками стала стучать!!!

— Да это не по духу надо судить, а по насъ. И въ этомъ именно и проявлена особенно ярко вся безконечная любовь и милость къ намъ Отца Небеснаго. Мы не можемъ воспринять иначе слово Истины и добра. Вотъ погодите, окончу я свою работу насущную, буду на покоѣ, буду ѣсть только растительную пищу, не буду столь угружаться въ житейскія обиходныя дѣла,—тогда будутъ ужъ не стуки, а видѣнія, слышеніе, общеніе болѣе близкое и интимное.

— Ну, тогда отчего же я—іерей, никогда ничего не видалъ и не слыхалъ? Не мало у меня близкихъ и любимыхъ умерло, а вотъ никто же не приходилъ!

— А вы молитесь, батюшка. «Толците и отверзется, просите и дастся вамъ».

— Да-а,—протянулъ священникъ.—Все-таки не знаю, какъ вы будете, если призовутъ васъ и спросятъ: какъ вы вѣрите?

— Очень просто: прочту Символь Вѣры—«чаю воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка». А какъ вы вѣрите? Объ этомъ я иногда думаю. Вѣдь воскреснуть можетъ только то, что умерло. У Бога же мертвыхъ нѣтъ: «Богъ Авраама, Исаака и Иакова, Богъ живыхъ, а не мертвыхъ»—сказано. Стало бытъ умирають у насъ, а не у Бога—у Бога они живы. И стало бытъ воскреснуть они могутъ тоже только у насъ, какъ воскресъ Иисусъ Христосъ. Вотъ тѣ, которые общаются съ нами и суть это воскресіе для насъ; такъ что—я чаю воскресенія этихъ мертвыхъ и жизни будущаго, человѣческаго вѣка, о которомъ эти воскресіе намъ много рассказываютъ, поучая насъ какъ намъ надо жить. А какъ вы?

Священникъ сидѣлъ, глубоко задумавшись.

— Вотъ что,—наконецъ заговорилъ онъ,—есть одинъ іерей—самый умный, какого я когда-либо знавалъ. Давно онъ мнѣ говорилъ, что это все такъ, что это истина есть, а я не вѣрилъ ему... Прошу васъ, придите прочесть мнѣ, что получили вы такимъ путемъ. Кому же и знать надлежитъ, какъ не намъ!

— Позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ,—сказалъ я.— Вы сказали, кажется, что «вызывать» умершихъ глупо и неделикатно. Что вы хотѣли этимъ сказать?

— Вызывать и глупо и неделикатно,—отвѣтила она.— Глупо потому, что никто васъ не послушаетъ и не обязанъ слушать, да и, возможно, не услышитъ. Попробуйте вызвать къ себѣ какого-нибудь профессора или вообще занятаго человѣка. На какомъ это основаніи онъ броситъ все и побѣжитъ къ вамъ, къ человѣку, съ которымъ, съ его точки зрѣнія, ему нечего дѣлать? Или попробуйте вызвать къ себѣ хотя бы мать свою родную, если она живетъ въ другомъ городѣ? Да кричите сколько хотите!

— Ну, положимъ. Я могу написать своей матери, прося ее пріѣхать...

— Да, и подождать ее и, можетъ быть, побѣжать въ назначенный день встрѣтить ее. И она, разумѣется, пріѣдетъ, если ей что либо не помѣшаетъ и ее ничего не задержитъ. Вотъ эдакъ и мы, спириты, поступимъ: создаемъ возможно болѣе подходящія, лучшія условія и терпѣливо ожидаемъ, что наши усилія не окажутся тщетными. А не деликатно «вызывать» потому, что могутъ быть такія обстоятельства, что мы помѣшаемъ тому, кого бы мы желали увидѣть или услышать; онъ, можетъ быть, на отдыхѣ и мы обезпокоимъ его, можетъ быть занятъ, отвлеченъ какимъ-нибудь очень для него важнымъ дѣломъ и мы отвлечемъ его вниманіе. Отличный примѣръ приведенъ въ книгѣ профес. Джемса «Возможно ли общеніе съ умершими». Фредерикъ Мейерсъ, англійскій ученый, бывший одно время предсѣдателемъ Лондонск. Общ-ва для Псих. Исслѣд. и напечатавшій огромный трудъ «Посмертное Человѣчество», послѣ смерти, во имя любви къ своимъ земнымъ братьямъ и въ ущербъ своему дальнѣйшему духовному и интеллектуальному росту, предпринялъ вмѣстѣ съ другими умершими друзьями своими миссію, тщательно организованную, передать на землю свѣдѣнія о загробномъ существованіи. Во время общенія своего съ профес. Джемсомъ онъ жаловался ему на то, что скороспѣлые кружки неразумныхъ спиритовъ тревожатъ его, отвлекаютъ отъ его работы, повторяя его имя и мысленно и устно и возсоздавая, такъ сказать, его прижизненную личность то здѣсь, то тамъ, по лицу всей Великобританіи и во всѣ часы дня и ночи. Онъ говоритъ, что они страшно утомили его.

— Да! «что Богъ сокрылъ, того человѣкъ да не открываетъ».

— Это великая гордыня такъ думать,—возразила наша собесѣдница.—Вотъ это такъ грѣхъ!—Неужели же можно допустить, что такое ничтожество, такой червь передъ лицомъ Божиимъ, какъ человѣкъ, можетъ вырвать тайну изъ ругъ Божіихъ?! Вѣдь даже радій, отъ вѣка въ землѣ лежавшій, и тотъ раньше времени не былъ открытъ. Вмѣсто того, чтобы пасть ницъ передъ величіемъ благодати Божіей и со слезами умиленія возблагодарить «Показавшаго намъ Свѣтъ», мы отталкиваемъ этотъ Свѣтъ, боясь, какъ бы намъ не побѣдить Бога! Помните: «Безъ Бога ничто же бысть еже бысть»—не человѣку же придумать что-либо несуществующее и отъ него сокрытое.

— Однако, поддѣлка вездѣ же есть.

— Разумѣется... Но вѣдь поддѣлываютъ только то, что дѣйствительно существуетъ.

ПРОЯВЛЕНИЕ ДѢТЕЙ НА СПИРИТИЧЕСКИХ СЕАНСАХЪ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. М. Ф. очень хотѣлъ, чтобы ихъ кружокъ собирался у насъ, такъ какъ зналъ, что я бы сдѣлала все зависящее отъ меня, чтобы доставить удобныя условія и, кромѣ того, была бы, можетъ быть, полезна и своимъ собственнымъ участіемъ на сеансахъ, какъ человекъ, серьезно и строго относящійся къ задачамъ подобныхъ экспериментовъ. Меня интересовалъ этотъ кружокъ, состоявшій изъ ревностно относящейся къ дѣлу молодежи. Одно мнѣ было антипатично во всемъ этомъ: сеансы были у нихъ бурные съ бранью, швыряніемъ въ сеансирующихъ книгъ и другихъ предметовъ и даже однажды чуть ли ни тухлыхъ яицъ. Вообще, по всему судя, присутствовавшія на этихъ сеансахъ сущности держали себя, что называется, глупо-развязно.

Кажется, изрекались даже какія-то богохульства или что-то вродѣ этого, — хулиганскаго характера.

Конечно, вліяло на проявляющихся не особенно религиозное настроеніе умовъ членовъ кружка, не отличавшихся набожностью, отнюдь.

Когда я согласилась на то, чтобы кружокъ собирался въ нашей квартирѣ, я все же замѣтила:

— Ну, я думаю, что этимъ духамъ у насъ будетъ не по-себѣ, потому что я рѣшительно противъ такихъ выходокъ и всякой брани и непристойности. Впрочемъ, я увѣрена, что на нихъ повліяетъ атмосфера, такъ сказать, нашей семьи, нашего дома!

Произнося это замѣчаніе, я была увѣрена, что въ назначенный день мы соберемся у насъ, какъ условились. Однако, наканунѣ пришелъ братъ мужа, бывшій однимъ изъ участниковъ въ этомъ кружкѣ и сообщилъ, что на этотъ разъ они не могутъ, по какой-то, уже не помню, уважительной причинѣ, собраться у меня. Сговорились на слѣдующую недѣлю опять назначить день и часъ. И опять сеансъ не состоялся, опять-таки по очень уважительной и непредвидѣнной причинѣ. Рѣшили выбрать снова день. Но и на третій разъ повторилось то же самое.

Какъ ни хотѣлось всемъ и имъ, и мнѣ, — все таки такъ ничего не вышло. Мнѣ было досадно, но въ то же время и смѣшно. Очевидно, сказала я, ваши проявляющіеся рѣшили отдѣлаться отъ меня, такъ какъ я имъ очень не по вкусу. А между тѣмъ, явленія у нихъ становились съ каждымъ разомъ интереснѣе.

Появились, хотя невидимыя, но ощущаемыя матеріализаціи. А. М. Ф. рассказывала мнѣ ощущенія, вызываемыя однимъ изъ лично имъ испытанныхъ проявленій матеріализаціи:

— Это была дѣтская рука, рука шестилѣтняго ребенка... маленькая, неприятно холодная. Сначала она гладила меня по головѣ, а потомъ стала схватывать за волосы щепоткой и довольно больно дергать ихъ. Появлялась только кисть, исчезающая тогда, когда желательное было прощупать, чѣмъ она кончается въ воздухѣ, въ которомъ держалась у головы. — А какое ощущеніе вызывало это явленіе у васъ? — спросила я его, зная, что онъ не изъ трусливыхъ. — Да собственно говоря, неприятное, именно своимъ этимъ холодомъ. — Привожу этотъ знаменательный нашъ *последній* съ А. М. Ф. *разговоръ* въ послѣдній разъ, когда я видѣла его. Тогда никто изъ насъ, бесѣдовавшихъ дружески съ нимъ, не подозревалъ, что недѣли черезъ полторы мы будемъ служить панихиду на его могилѣ. — А вѣрующій вы человекъ? — внезапно тогда спросила я его. — Не очень-то, — конфузливо отвѣтилъ А. М. — Эхъ, напрасно!.. Впрочемъ, кто идетъ на войну, тотъ сдѣлается вѣрующимъ; едва ли много исключеній, — сказала я. Въ этотъ-то достопамятный день я и спросила разрѣшенія у А. М. написать кое-что изъ того, что

мнѣ извѣстно о его кружкѣ. Почему за нѣсколько лѣтъ раньше мнѣ не приходило въ голову никогда спросить у него объ этомъ — не знаю. Могу только сказать, что ни минуты не помышляла о возможности скорой смерти А. М. — Такъ вышло *случайно*, — скажетъ всякій скептикъ!.. Потомъ я узнала, что незадолго до отъѣзда А. М. твердо сказалъ однажды, что онъ не вернется съ войны. Это всѣхъ очень удивило. Вслѣдствіе крайней своей близорукости А. М. Ф. былъ признанъ непригоднымъ для военной службы, но рѣшилъ отправиться непременно по собственному своему желанію. Ни на одну минуту мысль о возможности скорой смерти не появлялась у А. М. и только за нѣсколько дней до отъѣзда внезапно появилась какая-то непоколебимая увѣренность въ этомъ. Это былъ флегматикъ, совершенно не задумывавшійся передъ какими-либо устрашающими обстоятельствами и сначала ничуть не помышлявшій о смерти и лишь за нѣсколько дней до отбытія безъ всякаго страха заявившій близкимъ и друзьямъ съ присущей ему невозмутимостью и въ то же время съ глубокимъ, какимъ-то внутреннимъ, убѣжденіемъ, что онъ не вернется и что непременно будетъ скоро убитъ. Такъ оно и случилось. Предчувствіе его не обмануло.

Юлія фонъ-Шульцъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Продолженіе *).

ГЛАВА XIV.

Благодаря сказанному обстоятельству, я почувствовалъ подъ собою твердую почву и понялъ, что отъ меня требовалось. У нѣкоторыхъ братствъ еще и теперь существуетъ символическій языкъ знаковъ, болѣе изящный и выразительный, чѣмъ слово, и этимъ-то языкомъ и пользовались мои новые товарищи. При помощи этихъ знаковъ мнѣ было дано слѣдующее наставленіе: 1) излить на все человѣчество чувство братской любви; 2) понять, что цѣль нашего собранія состояла въ открытіи оккультизма, и что поэтому наши методы изслѣдованія должны быть оккультными; 3) чтобы избѣгать споровъ относительно значенія приобрѣтенныхъ знаній, никогда даже самымъ осторожнымъ образомъ не намекать о братствѣ или его существованіи членамъ его, случайно встрѣтившимся въ свѣтѣ. Отъ меня требовалось, чтобы всѣ размышленія по этому предмету происходили въ глубинѣ моего сознанія. Я могъ сообщать непосвященнымъ полученныя мною откровенія, но только какъ свои собственные мнѣнія; я могъ дѣлать намекъ на существованіе ассоціаціи и говорить о его цѣляхъ, но я отнюдь не долженъ былъ открывать имена его членовъ и водить постороннихъ по мѣстамъ, гдѣ происходили наши засѣданія; 4) мнѣ предлагалось быть очень внимательнымъ къ агтамъ сеанса. Я перенесъ свой взглядъ на семь маскированныхъ лицъ, сидѣвшихъ на сценѣ. Сначала я принялъ ихъ за простыя изображенія, но какъ только всѣ члены собранія сѣли, они одинъ за другимъ поднимались съ мѣсть, знаками говорили поученія и снова принимали свою неподвижную позу. Первый рекомендовалъ въ теченіе каждаго сеанса пифагорейское молчанье. Второй (обращаясь ко

* (См. «Ребусъ» № 9, 1916 г.)

всѣмъ) требовалъ платоническаго подчиненія во все время принадлежности къ обществу. Третій увѣрялъ насъ въ Божьей помощи. Четвертый сказалъ мнѣ что всѣ мои тайныя желанія были извѣстны. Пятый обѣщалъ мнѣ полное удовлетвореніе этихъ желаній. Шестой рекомендовалъ осторожность въ употребленіи знаній, которыя я приобрѣту, честность въ ихъ примѣненіи и любовь къ человечеству. Я не имѣю права сообщать седьмой совѣтъ, могу однако сказать, что одна изъ этихъ маскированныхъ личностей предупредила меня, что позже мнѣ будутъ предложены всѣ средства для получения полнаго посвященія. Во время этого разговора символическими знаками, въ залѣ становилось все темнѣе и темнѣе, такъ что, когда окончился первый актъ сеанса, свѣтъ, исходящій изъ блестящей планисферы, настолько уменьшился, что походилъ на свѣтъ луны и звѣздъ.

Теперь, когда я закончилъ мое очень несовершенное описаніе великолѣпнаго храма и первыхъ происходившихъ въ немъ сценъ, перейду къ слѣдующимъ:

Глубокое спокойствіе и религіозное молчаніе царило вокругъ меня, когда я замѣтилъ, что вся часть обширной пещеры, образующей сцену съ ея подковообразнымъ *entrée*, незамѣтно исчезла. Стѣны, потолокъ, іерофанты, серебряныя троны, жаровни, все пропало и на ихъ мѣстѣ я увидѣлъ безграничное пространство непроницаемыхъ потемокъ. Спусти моментъ началось легкое движеніе, все усиливавшееся, и слабый просвѣтъ освѣтилъ мрачную тьму, чтобы измѣниться вскорѣ въ сѣрый серебристый паръ, который наконецъ разсѣялся и исчезъ. Тогда я увидѣлъ безграничный небесный сводъ съ міриадами полушарій, представленныхъ во всей своей безконечности. Вверху, внизу, вокругъ, вездѣ свергали миллиарды тѣсно расположенныхъ, но однако вполне другъ отъ друга отдѣленныхъ сферъ. Всѣ онѣ представляли блестящія системы. Каждая система свергала блескомъ своихъ солнць, планеть, кометь, метеоровъ, лунъ, колець, поясовъ и туманностей. Миліоны миліоновъ системъ наполняли пространства міра; всѣ отличались другъ отъ друга, всѣ двигались въ томъ же блестящемъ порядкѣ, тяготѣя вокругъ одного всемогущаго, непостижимаго центра. И въ этихъ чудесныхъ шедеврахъ гармоніи каждая группа вновь созданныхъ огненныхъ облаковъ, казалось, была превосходно согласована съ соответствующимъ ей пунктомъ пространства, какъ и громадныя солнечныя системы со своими планетами и спутниками. Міровыя пространства были раздѣлены на полушарія, полушарія на системы, а эти системы изобиловали солнцами, которыя въ свою очередь образовывали сотворенныя міры всѣхъ степеней эволюціи отъ безформеннаго огненнаго облака до центрального солнца, достигшей совершенства системы.

До этого времени мнѣ приходилось размышлять лишь относительно порядка, согласно которому совершались движенія міра, теперь же я открылъ что движенія небесныхъ тѣлъ въ пространствѣ не были, какъ я до сихъ поръ думалъ, фактомъ простаго автоматическаго вращенія вокругъ центрального орба. Правда, каждое изъ нихъ двигалось вокругъ солнечнаго центра по свойственной ему орбитѣ; ихъ траекторія была круговая, растянута только въ перигемѣ и въ офемѣ; но по мѣрѣ того, какъ глазъ наблюдателя проникалъ въ подробности планетнаго вращенія, онъ подмѣчалъ движенія, неощутимыя въ началѣ вслѣдствіе его непостижимой быстроты, дающія каждому орбу всѣ

свойства живой индивидуальности, одаренной спеціальной душой.

Всѣ эти блестящія міры, носившіяся въ пространствѣ, казалось, двигались въ тактъ, играли, то бросаясь вверхъ, то низвергаясь внизъ, со всей неправильностью молніи. Возможно ли, дѣйствительно, чтобы это были не простыя машины, а живыя, чувствующія существа, превосходныя организмы, пользующіеся всѣми благодѣніями жизни, дѣйствующія по неизмѣнному закону, движущіеся, какъ дитя, которое, переходя съ одного мѣста на другое, уклоняется со своей прямой дороги въ погонѣ за бабочками и за цвѣтами, или какъ человѣкъ, неизмѣнная судьба котораго отъ колыбели до могилы подчинена всѣмъ измѣненіямъ, причиняемымъ его нерѣшительнымъ умомъ, или слишкомъ пылкимъ воображеніемъ? Возможно ли, что бы наше горячее солнце и его блестящая семья планетныхъ орбовъ были бы твореніями, обладающими своими привязанностями и страстями, своими органами и ощеніями, со своими скалами и горами вмѣсто реберь, костей и сухожилій, съ жизненнымъ флюидомъ океановъ и рѣкъ, циркулирующихъ въ ихъ венахъ и артеріяхъ; съ ихъ громадными воздушными легкими, освѣжаемыми дуновеніями вѣтровъ и атмосфернымъ воздухомъ; обладающіе электрическимъ флюидомъ, продуктомъ гальваническаго дѣйствія металлическихъ жилъ, изрѣзывающихъ по всѣмъ направленіямъ каждый орбъ, подобно гигантской первой системѣ; съ обширными резервуарами магнитической силы, порожденной архитическимъ и атархитическимъ полюсами—мозгомъ и ногами этого живого творенія; со своими центрами запасовъ для пополненія расходовъ физической жизни, представленными отношеніями, которыя каждый сателлитъ поддерживаетъ со своимъ солнечнымъ центромъ; одаренными наконецъ громадной комплективной душой, атомы которой ведутъ на поверхности каждой планеты жизнь паразитовъ? «Выводъ изъ апокалиптическаго видѣнія, только что ослѣпившаго мои глаза, тотъ, что каждое солнце, каждая планета, комета, каждое вполне сформированное небесное тѣло было живымъ существомъ, состоящимъ изъ тѣла и души: тѣла представленнаго физической формой, составленной изъ низшихъ ему физическихъ существъ, и предназначеннаго вести естественное мимолетное существованіе, и души, преставленной безсмертнымъ духомъ, сформированнымъ и развитымъ при посредствѣ формирующаго элемента въ лонѣ матеріи—духомъ, предназначеннымъ пережить физическое разложеніе своей тѣлесной формы и жить вѣчно, какъ душа, достигшая совершенства, унося съ собой всѣ атомы души, которые она поддерживала и развивала, какъ листья и цвѣты своего собственнаго плодотворнаго сѣмени. Тѣ, кто прочтеть эти строки, приметъ ихъ за бредъ разстроеннаго воображенія, — они не читали еще, какъ я, оккультной страницы мірового прогресса. Но придетъ время, когда эту коббалу существованія будутъ читать *à livre ouvert*.

То, что сегодня кажется «безуміемъ», будетъ принято, какъ истинная философія; въ ожиданіи этого мнѣ приказано писать и я повинуюсь.

Я подумалъ о непостижномъ, можетъ-быть, центральномъ источникѣ, вокругъ котораго, какъ я замѣтилъ, вращалась сама безконечность. Я видѣлъ, что миліоны миліоновъ сферъ двигались по своимъ совершенно орби-

тальнымъ траекторіямъ, какъ самая маленькая планета, отдѣльной солнечной системы. Слѣдовательно обширная тайна міра должна была находиться въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ на оси, вокругъ которой онъ вращался.

Отвѣтъ не замѣдлилъ прійти. Міръ матеріи сталъ прозраченъ и черезъ безграничныя пространства я увидѣлъ проникающіе міръ лучи, исходящіе изъ центрального солнца жизни. На пространствѣ, меньшемъ, чѣмъ градусъ на школьной картѣ, я могъ насчитать эти лучи милліонами и однако мнѣ была вполне видна ихъ чудесная конструкція. Видимая или видимая сторона каждаго луча была образована изъ физическаго свѣта или матеріи въ самой высокой степени разрѣженія. Эта сторона была удвоена другимъ внутреннимъ лучомъ свѣта или астральной силы, который въ свою очередь удваивался лучомъ духовнаго свѣта, — т. е. элементомъ, изъ котораго образована безсмертная душа. Если вы представите себѣ міръ, проникнутый такой пустой свѣтостью этихъ лучей, что ими уничтожается пространство, и прослѣдите ихъ до источника, то вы достигните того безграничнаго царства, въ которое никогда не проникалъ ни одинъ міръ, ни одно солнце, ни одна система, ни одинъ духъ, ни одна душа, ни одинъ человѣкъ; царства, гдѣ мысль становится заблужденіемъ (aberration) гдѣ теряется идеальность, откуда исходятъ свѣтъ, жизнь, сила, движеніе, матерія, управленіе, порядокъ, могущество, но въ которое ничто изъ того, что существуетъ, не возвращается снова. Тогда вы познаете источникъ, откуда эмануруютъ эти лучи живого свѣта, познаете центральное солнце, тѣло и душу міра, Бога, о которомъ человѣкъ въ теченіе своей земной жизни не можетъ составить себѣ даже понятіе.

Химія солнечнаго луча была моимъ любимымъ занятіемъ въ коллегіи, и я проводилъ много часовъ въ изученіи конституціи, направленія и эффектовъ этого чудеснаго агента въ его дѣйствіи на ростъ растений. По мѣрѣ того, какъ я углублялся въ тайны духовной науки, какими тусклыми, блѣдными, незначительными, по сравненію съ моими теперешними обширными грандіозными взглядами на происхожденіе вещей, казались мнѣ воспоминанія о всемъ томъ, что могла открыть физическая наука. «Не лучше ли были обоснованы химерическія вѣрованія огнепоклонниковъ, чѣмъ торжественныя утвержденія теологовъ?» промелькнулъ въ моей душѣ вопросъ.

На это духъ отвѣтилъ новой серіей видѣній. Я увидѣлъ отдѣльную (нашу можетъ-быть) планету, лишнюю вдругъ солнечнаго свѣта. И тотчасъ же съ ея поверхности исчезли всѣ цвѣты, вся красота, всѣ формы. Потомъ я увидѣлъ міръ, лишенный солнечной теплоты, и на немъ остановилась всякая жизнь. Смерть тяжелая, бессмысленная овладѣла всѣмъ, колеса жизни остановились и сама жизнь угасла.

Я увидѣлъ, что центробѣжная сила солнца удалась изъ нашей солнечной системы и всѣ планеты, луны, кометы, метеоры, весь кортежъ амбріонарныхъ элементовъ, тяготѣвшихъ къ солнцу, умчался въ беспорядкѣ въ пространство, гдѣ царствуетъ хаосъ, чтобы на вѣки исчезнуть въ пустотѣ.

Затѣмъ я увидѣлъ, что удалась центробѣжная сила, и солнечная система, ринувшись къ центру, была поглещена отеческой массой, и само солнце представляло вскорѣ простой обломокъ исчезнувшихъ міровъ.

Если таково дѣйствіе физическаго солнца, поражающаго и поддерживающаго физическую жизнь, то каково же должно быть въ царствѣ безсмертнаго существованія могущество духовнаго солнца? Если таково физическое отношеніе солнца нашей солнечной системы къ міру и формамъ, которое оно посѣяло въ небесномъ саду, какія только мысли не придутъ намъ на умъ, чего мы не сможемъ познать, когда въ будущее вѣка прогресса съумѣемъ подняться къ небу небесъ и понять тайну Божию? Снова я увидѣлъ міръ въ движеніи, и на его блестящей поверхности міры, всѣ обладавшіе матеріальной жизнью, оживленные силой и одаренные духомъ. Эта триада существованія восходила отъ желатинообразныхъ массъ, плававшихъ въ древнихъ моряхъ, до блестящихъ солнцъ, сверкавшихъ въ глубинахъ звѣзднаго неба. При каждомъ новомъ видѣніи въ моемъ жаждавшемъ знанія умѣ, какъ бурныя волны, поднимались новые вопросы.

Я обратился съ мольбой «о большомъ свѣтѣ», и до моихъ чувствъ дошелъ нѣжный упрекъ: «Дитя, не стремись охватить вѣчность въ одинъ часъ времени. Будь терпѣливъ, и тебѣ будетъ открыто все то, что тебѣ полезно знать». Въ теченіе многихъ и многихъ ночей, въ теченіи многихъ послѣдующихъ недѣль почти экстатической жизни, эти драгоцѣнныя обѣщанія были исполнены: я получилъ откровенія, аналогичныя разсказаннымъ выше. Эти откровенія могутъ быть переданы языкомъ достойнымъ высокаго, ослѣпляющаго свѣта, распространившагося въ моей душѣ, а я пользовался самыми простыми фразами, которыя могъ найти. Иногда случается, что нѣкоторыя мысли не могутъ быть переданы словами и не одинъ языкъ не способенъ выразить ихъ, такъ и употребляемая мною форма выраженій настолько груба, что я вполне признаю свое полное безсиліе въ каждой изъ написанныхъ мною строкъ.

Знанія, полученные мною въ этихъ блестящихъ видѣніяхъ, были такой природы, что только одинъ ангелъ Апокалипсиса могъ ихъ открыть. Эти видѣнія длились до тѣхъ поръ пока я не позналъ полностью всю космическую систему міра. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ: конструкція міра и ея творцы; конструкція солнечнаго міра. Боги, люди, духи, ангелы, ростъ и воспитаніе (reconstruction) духа. Царство и судьба душъ. Свѣтъ, теплота, свѣтъ физическій, остральный и духовный. Человѣческая душа, ея способности, возможности, энергіи и ея судьба. Воля; могущества оккультныя и магическія, ихъ силы, ихъ объекты. Соотношеніе и вліяніе планетныхъ орбовъ одни на другія. Человѣческій разумъ, необходимость теологическихъ мѣровъ. Непрерывность существованія, циклы времени, бурные и солнечные дни въ человѣческой жизни и т. д. и т. д.

Каждый изъ этихъ предметовъ объяснялся самымъ грандіознымъ, самымъ оригинальнымъ, смѣлымъ и убѣдительно-образомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XXXV.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. „ 6 „ „ . 3 „ — „</p> <p>За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС- ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ И СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просятъ адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
<p>№ 1686.</p>	<p>12-го Іюня 1916 года.</p>	<p>№ 11.</p>

Содержаніе: 1) «Непрерывность». (Прод.). Проф. О. Лоджа.—2) По пути.—3) О сознательной передачѣ по сочув-
 ствію. И. Вессель. — 4) Изъ пережитаго. Р. П. Я. — 5) «Въ двухъ планахъ» — (романъ оккультиста).
 (Прод.).—6) Объявленія.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ.

Профессоръ Оливеръ Лоджъ.

Рѣчь, произнесенная въ Британской Ассоціаціи Наукъ въ 1913 г.

(Съ англ.—перев. А. И. Зобровой).

(Продолженіе *).

Отрицаніе не менѣ непогрѣшимо, чѣмъ и утвер-
 жденіе. Есть видъ скептицизма, дешовый и легкій,
 какъ и нѣкоторые виды догматизма: въ сущности
 скептицизмъ можетъ сдѣлаться злостно догматичнымъ
 и наука должна также остерегаться личныхъ преду-
 бѣжденій въ сторону отрицанія, какъ и въ сторону
 положительную. Направленіе общаго отрицанія легко
 можетъ быть неосновательнымъ, поверхностнымъ на-
 правленіемъ ума.

„Сомнѣніе во всемъ или вѣра во все имѣютъ одно
 общее основаніе и то и другая упраздняютъ надобность
 въ размысленіи“.

Всѣ интеллектуальные процессы основываются на
 абстракціи— т. е. на сосредоточеніи вниманія, напра-
 вленнаго въ извѣстную сторону при извѣстномъ отгра-
 ниченіи, исключаящимъ все, что можетъ казаться не-
 существеннымъ или не подходящимъ. Напр., исторія
 должна отбрасывать великое множество фактовъ для
 того, чтобы разумно вести свое описаніе: она выбираетъ
 наибавнѣйшее для нея. Точно также искусство—и по-
 этому-то нерѣдко случается, что рисунокъ даетъ болѣе
 яркое представленіе, чѣмъ дѣйствительность. Наука дѣ-
 лаетъ діаграмму дѣйствительности, разбираясь въ ней
 какъ въ часовомъ механизмѣ. Анатомы выдѣляютъ нерв-
 ную систему, кровеносные сосуды, мускулы и описы-
 ваютъ каждое отдѣльно,—распредѣленіе это необходимо
 для того, чтобы разумъ могъ разобраться. Но въ жизни
 они всѣ перемѣшаны между собою; ихъ работа идетъ
 сообща и совмѣстно. Изучать же ихъ приходится по от-
 дѣльности. Скальпель разбирается—кинжалъ или пуля
 пронизываютъ все насквозь. Такова жизнь—или скорѣе
 смерть. Законъ природы—это діаграмматичная
 рамка, анализированная или извлеченная для болѣе
 полнаго пониманія дѣйствительности,

Вотъ поэтому-то наука не имѣетъ авторитета на
 отрицаніе. Для того, чтобы съ правомъ отрицать,
 надо имѣть гораздо болѣе сознательнаго знанія нежели
 для того, чтобы утверждать; абстракція же особенно
 мало понятна: ее нельзя обхватить съ двухъ сторонъ.
 Наука употребляетъ методы абстракціи и черезъ это
 дѣлаетъ открытія.

Причина, почему нѣкоторые физиологи такъ рѣзко
 настаиваютъ на устойчивости и самобытности законовъ
 физики и химіи и сопротивляются всѣми силами по-
 бужденію обратиться къ неизвѣстнымъ даннымъ—
 (даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда является со стороны
 живыхъ существъ руководящее и внезапное побужде-
 ніе, вставшее передъ сознаніемъ и иногда необъясни-
 мое)—заключается именно въ томъ, что они стремятся
 дѣлать свою работу, а ихъ собственная работа со-
 стоитъ въ проведеніи законовъ обыкновенной физиче-
 ской энергіи сквозь запутанность „коллоидальныхъ
 электролитическихъ структуръ великой химической
 сложности“ и въ изученіи своихъ дѣйствій въ этой
 области.

То, что намъ слѣдуетъ уяснить себѣ на основаніи
 ихъ свидѣтельствъ, это—что всѣ проявленія земной
 жизни совершаются на основаніи простыхъ физиче-
 скихъ и химическихъ процессовъ; нѣтъ новыхъ зако-
 новъ для живой матеріи и старыхъ законовъ для мерт-
 вой матеріи, законы одни и тѣ же; или же, если они
 когда и измѣняются, то вся тяжесть ответственности
 за это ложится на того, кто поддерживаетъ подобное
 мнѣніе. Сохраненіе энергіи, законы химическаго сред-
 ства, законы электрическихъ токовъ, радіаціи и т. д.
 и т. д., всѣ законы химіи и физики могутъ быть
 смѣло примѣнены въ органической области. Насколько
 они удовлетворительны это вопросъ открытый, но
 таковы, какъ они суть, они необходимы; а это уже
 дѣло физиолога отыскать и доказать дѣйствіе этихъ
 законовъ въ каждомъ жизненномъ актѣ.

Все это ясно признается лидерами науки и въ
 своемъ опредѣленіи физиологіи Бурдонъ Сандерсонъ
 положительно ограничиваетъ ее изученіемъ „достовер-
 ныхъ отличительныхъ свойствъ химическаго и физи-
 ческаго типа“. Въ своей рѣчи въ подсекціи анатоміи
 и физиологіи (Йоркъ, 1881 г.), онъ говорилъ слѣдующее:

„Для того, чтобы дать вѣрное представленіе о харак-
 терѣ великаго движенія по пути прогресса, какое во-

*) См. «Ребусъ» № 10, 1916 г.

Всѣмъ утр
книги 20/12/37

зымѣло мѣсто въ серединѣ нынѣшняго столѣтія, я опредѣлю это движеніе впередъ, какъ эпоху смерти „витализма“. До этого времени даже величайшіе биологи, какъ на примѣръ Мюллеръ, признавали, что биология, включая въ себя феномены, какъ витальные, такъ и физическіе, не въ состояніи была подвести и тѣ и другіе подъ одну общую мѣрку. Поэтому былъ принятъ методъ изученія жизненныхъ процессовъ только относительный. Съ тѣхъ же поръ сдѣлалось основнымъ положеніемъ въ нашей наукѣ не принимать въ соображеніе и совсѣмъ не считаться съ витальными процессами если они не могутъ быть подведены подъ физическіе устои, а въ основаніе методовъ физиологии былъ поставленъ исключительно тотъ же принципъ. Самымъ существеннымъ поводомъ, для такой перемѣны былъ прогрессъ въ физикѣ и химіи и въ особенности опыты, подтверждающіе доктрину сохраненія энергіи“...

Исѣдователи, столь упорно работающіе для прогресса физиологии во всѣхъ странахъ міра, имѣютъ нынѣ передъ собою вполне опредѣленную и ясную цѣль, а именно достиженіе точныхъ знаній относительно химическихъ и физическихъ процессовъ въ животной жизни и относительно самодѣятельной машины, которою эти процессы регулируются на общее благо организма.

Чѣмъ съ большею цѣльностью и прямолинейностью устремимъ мы свои силы въ этомъ направленіи, тѣмъ скорѣе мы достигнемъ еще болѣе высочайшей цѣли: активнаго примѣненія нашихъ знаній на преумноженіе счастья человѣчества“.

Профессоръ Готчъ (Gotch), смерть котораго недавно столь опечалила насъ, выражается еще сильнѣе:

„Особенно ненаучнымъ, говорить онъ, является мнѣніе, будто какое-либо физиологическое явленіе происходитъ вслѣдствіе витальной силы“.

Замѣчу, что нѣкоторыми критиками я былъ прозванъ виталистомъ, и въ извѣстномъ смыслѣ я виталистъ. Но я не виталистъ, если витализмъ обозначаетъ признаніе столь неопредѣленнаго нѣчто, какъ „витальная сила“, противупоставленная законамъ химіи и физикѣ. Эти законы могутъ быть пополнены, но ни въ какомъ случаѣ не подмѣнены. Дѣло науки ставить себя всюду и вездѣ какъ можно шире и какъ можно полнѣе; и вѣрный инстинктъ подсказываетъ ей сопротивленіе средневѣковымъ приемамъ введенія въ науку спиритуальныхъ и неизвѣстныхъ причинъ. Внѣдреніе оккультныхъ данныхъ въ науку должно быть признано беззаконіемъ и должно служить барьеромъ для эксперимента и для вообще изысканія, какъ вообще и всякое явленіе, которое остается необъясненнымъ и подводится подъ рубрику, называемую Волею Вожіей; объ чемъ, слѣдовательно, дальше не можетъ быть и рѣчи.

Конечно, подобное объясненіе можетъ быть не только вѣрно, но даже и универсально; но тѣмъ не менѣе возможны бываютъ объясненія и болѣе прямыя: ихъ всегда слѣдуетъ искать и разработать съ терпѣніемъ. Такъ напр., молнія, землетрясеніе и другія катастрофы могутъ быть объяснены и естественными причинами. Конечныхъ объясненій наука никогда не давала, а только ближайшія, непосредственныя; онѣ таковы, какими существуютъ въ жизни и служители науки обязаны отыскивать ихъ.

Наука всегда такъ и поступаетъ и ея прогрессъ начинается тамъ, гдѣ неизвѣстныя причины разгаданы и устранены. Эти причины, поскольку они существуютъ, должны быть обоснованы путемъ изысканія и изслѣдованія; онѣ должны быть обособлены отъ твердо-установившихся научныхъ положеній, до тѣхъ поръ, пока эти явленія не будутъ также достаточно опредѣлены. Многоземельныя территоріи могутъ современемъ

образовать штаты, но сперва онѣ должны заставить себя признать и стать достаточно цивилизованными.

Людымъ слѣдуетъ опредѣленно и ясно понять смыслъ этого явленія, иначе они исковеркаютъ до неузнаваемости прекрасную работу биологовъ, причемъ помощь окажутъ имъ нѣкоторые болѣе или менѣе солидные теоретики, между которыми есть такіе, которые могли бы съ болѣе тщательной критикой относиться къ своимъ философскимъ рѣчамъ.

Однако, извѣстно, что среди биологовъ найдутся и такіе, которые при болѣе широкомъ взглядѣ на вещи, ясно видятъ и указываютъ то, что во всѣхъ жизненныхъ явленіяхъ имѣются временно вычеркнутыя причины, долженствующія, однако, быть разсмотрѣнными. Еще со времени Дж. Р. Майера становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что въ рабочемъ отношеніи всякое живое существо подчиняется законамъ физики, наравнѣ со всѣми; но несомнѣнно и то, что само оно возбуждаетъ въ себѣ процессы и результаты, безъ которыхъ работа не могла бы совершаться; безъ этого побужденія не свила бы гнѣзда птица, не собирала бы медь пчела, не дѣлались бы ни ящики, ни военные корабли. Выстрѣлъ съ корабля и летящее при этомъ ядро могутъ быть объяснены въ терминахъ энергіи, но цѣль и смыслъ этого выстрѣла этими терминами не объясняется. Имѣется сколько угодно объясненій физическихъ, химическихъ, механическихъ вокругъ каждаго жизненнаго акта, но для полнаго его пониманія требуется еще что-то, что лежитъ за предѣлами и физики и химіи.

Жизнь вносить сюда элементъ, вычисленію или учету не поддающійся. Причуды огня или циклона могутъ быть предсказаны „Исчислителемъ“ Лапласа, могутъ быть даны въ начальныхъ положеніяхъ, при извѣстной скорости, точно также какъ и законъ ускоренія въ молекулахъ; но ни одинъ математикъ не исчислитъ орбиту полета обыкновенной мухи. Физикъ, въ чей гальванометръ попалъ паукъ и помѣшалъ своимъ внѣдрѣніемъ работѣ, не пойметъ этой помѣхи и причины ему покажутся необъяснимыми, неестественными—буквально сверхфизическими,—пока онъ не обнаружитъ въ гальванометрѣ паука.

Я рискую утверждать, что жизнь вводитъ нѣчто, не поддающееся исчисленіямъ, но цѣлесообразное, въ законы физики; и она такимъ путемъ явно дополняетъ законы физики, оставляя ихъ въ остальномъ неприкосновенными и ненарушаемыми.

Намъ видны лишь проявленія жизни, ее же самое мы не видимъ. Переходъ неорганической матеріи въ органическую постоянно происходитъ въ живыхъ организмахъ; этотъ переходъ несомнѣнно происходитъ и процессъ его можетъ быть изученъ. Жизнь кажется необходимой для совершенія этого перехода и онъ явно происходитъ подъ влияніемъ жизни, хотя самъ по себѣ онъ есть ничто иное, какъ физическій и химическій процессъ. Въ лабораторіи много такихъ переходовъ, совершающихся подъ жизненнымъ влияніемъ, но безъ присутствія экспериментатора они не имѣли бы мѣста.

Далѣе, разложеніе, *ферментация*, очищеніе рѣкъ, болѣзни—все это не исключительно только химическіе процессы. Несомнѣнно—это процессы химическіе, но порождены они и проведены живыми организмами. Какъ разъ теперь, когда медицина становится биологичной, когда надежда оздоровить и сдѣлаетъ обитаемымъ тропическій поясъ привлекаетъ вниманіе могущественнаго народа, мыслящіе биологи не должны бы были отдавать свою науку физикѣ и химіи. Биология самостоятельная наука, химія и физика ей служатъ, а не доминируютъ надъ нею.

Ученые враждебно относятся къ предрасудкамъ и они правы, потому что очень многіе народныя пред-

разсудки вмѣстѣ и досадны, и достойны презрѣнія; однако, случается, что этотъ терминъ (предразсудокъ) употребляется невѣрно и служитъ опредѣленіемъ факта, теорія котораго неизвѣстна. Для поверхностнаго наблюдателя нѣкоторые приемы біологовъ должны казаться грубо суевѣрными; при леченіи маляріи сэръ Рональдъ Россъ просто на просто пускалъ масло въ близъ находящійся прудъ—творилъ возліанія царящему надъ прудомъ духу; а что можетъ быть болѣе забавнымъ, болѣе страннымъ, болѣе близкимъ къ дикому культу, какъ не чудное гигиеническое приспособленіе, устроенное правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для Панамакаго Канала: были прорѣзаны дыры въ брошенныхъ, негодныхъ жестянкахъ съ цѣлью предотвратить заболѣванія! Еще: что можетъ быть нелѣпѣе—съ точки зрѣнія кажущагося предразсудка—какъ не сжиганіе или отравленіе почвы для того, чтобы сдѣлать ее плодородной!

Біологи прекрасны въ своей работѣ и эта работа вызываетъ живой интересъ и энтузіазмъ во всякомъ, кого они вводятъ въ свою научную область. Нѣкоторые изъ нихъ работаютъ съ крайней сосредоточенностью, концентрируя своей трудъ, не отвлекаясь общимъ обзоромъ или обширнымъ толкованіемъ его. Болѣе широкіе взгляды и вѣтъ узкаго поля дѣятельности лежація области чужды ихъ напряженному уму и они отворачиваются отъ нихъ. Такой работникъ не желаетъ считаться ни съ чѣмъ постороннимъ, его отвлекающимъ, и по своему онъ, можетъ быть, и правъ. Глупость отрицанія не отъ него идетъ: она есть постоянное тѣхъ людей, которые неправильно толкуютъ и невѣрно передаютъ слова такого ученаго и ставятъ его учителемъ въ той области, которой онъ—временно, можетъ быть—совершенно чуждъ. Не этимъ путемъ будетъ познана вселенная въ обширнѣйшихъ ея аспектахъ и, если бы человѣчество лучше понимало науку, то не дѣлало бы такихъ ошибокъ; люди признавали бы изученіе того или иного предмета, а также и извѣстныя ограниченія при этомъ, пользовались бы первымъ, признавали бы вторымъ и не принимали бы рецептъ, годный для практической работы за формулу, объясняющую всю вселенную.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО П У Т И.

Нѣкто г-нъ Баррей, въ сочиненіи своемъ „О Христіанствѣ и о Крестѣ по отношенію къ переживаемому нами ужасному бѣдствію“ говоритъ, что „эта война есть результатъ извращенія свободной воли; она есть адскій плодъ систематичнаго, давно зародившагося поруганія нравственной стороны человѣка. Прямые причины войны таковы: 1) чрезмѣрная вѣра въ вещи въ ущербъ вѣрѣ въ людей—т. е., превозношеніе матеріальной силы въ ущербъ духовной сторонѣ жизни; и 2) непризнаваніе истинной природы человѣческаго существа. Мы надѣлали машинъ для того, чтобы онѣ служили намъ и получили, наоборотъ, въ нихъ неумолимыхъ властелиновъ надъ собою“.

Признаки этого второго уклоненія давно уже сказывались въ Германіи; тамъ появлялись очень безпокойные признаки все нарастающей моральной дрянности. Но зато г-нъ Баррей склоненъ признать и нѣкоторую заслугу со стороны этой націи: онъ говоритъ, что „ихъ изувѣрство отчасти излечило насъ отъ такого же зла“.

— „Германія довела насъ до того, что осознали мы, болѣе или менѣе отчетливо, реальное значеніе лично-

сти. Прежде всего, мы вернули себѣ свободу индивидуальной мысли; затѣмъ мы убѣдились, что, чѣмъ менѣе мы заняты собственной личностью, тѣмъ полнѣе, цѣльнѣе становится наша собственная личность, крѣпнѣе въ работѣ для другихъ, ради другихъ; затѣмъ мы поняли, что истинная свобода заключается въ духовной сторонѣ жизни: счастье заключается не въ томъ, чтобы имѣть, а чтобы быть,—оно не во вѣѣ насъ, а внутри. Мы увидали, хотя пока еще издали, «обѣтованную землю».

Въ сочиненіи «Recollections of a Society Clairvoyant», вышедшемъ въ печати въ 1911 году помѣщено слѣдующее:—«Германскій Императоръ Вильгельмъ одинъ изъ суевѣрнѣйшихъ монарховъ. Такъ же какъ и его дядя, король Эдвардъ VII, онъ боится числа 13; очень нерѣдко дежурный офицеръ во дворцѣ получаетъ приглашеніе къ столу Ихъ Величествъ во избѣжаніе числа 13 за столомъ. Кайзеръ твердо убѣжденъ, что умереть онъ отъ руки убійцы: таковы были неоднократныя предсказанія ему нѣсколькихъ цыганокъ, которыя гадали по его рукѣ въ бытность его въ Галиціи, когда онъ гостилъ у австрійскаго кронпринца; объ этихъ предсказаніяхъ Вильгельмъ очень часто бесѣдуетъ въ своими друзьями. И онъ, и Францъ Іосифъ, очень вѣрятъ снамъ: оба утверждаютъ, что они получали много предувѣдомленій черезъ сновидѣнія и оба боятся пятницы, считая этотъ день несчастливымъ».

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что въ послѣднее время психическая фотографія не только привлекаетъ одно лишь вниманіе, какъ это было за долгія—почти—двадцать лѣтъ; *) многіе изслѣдователи начали и, повидимому, довольно настойчиво, разрабатывать этотъ видъ феноменовъ. По крайней мѣрѣ въ англійской спиритуалистической прессѣ стали попадаться серіозные отчеты о психической фотографіи и опыты въ этомъ направленіи намѣренъ, какъ сообщаютъ, предпринять такой усердный и добросовѣстный экспериментаторъ, какъ д-ръ Крофордъ, изслѣдованія котораго въ области физическихъ феноменовъ вскорѣ появятся на страницахъ «Ребуса» въ русскомъ переводѣ.

Вопросъ о „совпаденіяхъ“! Раздражающій это вопросъ. Гдѣ начинаются совпаденія и кончаются проявленія духовнаго міра и—наоборотъ?

Предлагаемъ вниманію читателей съ этой точки зрѣнія слѣдующій фактъ:

Бездѣтныя супруги, англичане, задумали взять на воспитаніе и усыновить ребенка—бѣженца, и съ этой цѣлью отправились въ Сванси; тамъ они отыскали, но не одного, а двухъ сиротокъ, брата и сестру, сильно привязанныхъ другъ къ другу и ни за что не желавшихъ разлучиться. Супруги рѣшили взять къ себѣ обоихъ дѣтей. Каково было удивленіе жены, когда, вечеромъ, укладывая малю-

*) Обстоятельный трудъ по психической фотографіи былъ доложенъ на Рус. Спир. Съѣздѣ въ 1906 году и этотъ докладъ напечатанъ въ книгѣ „Труды Съѣзда“. Изд. журнала „Ребусъ“. Цѣна для подписчиковъ 2 р. 40 к.

тогда спать, она нашла на шеѣ дѣвочки медальонъ съ портретомъ своей покойной сестры. Ея сестра еще въ очень молодыхъ годахъ уѣхала въ Бельгію гувернанткой и тамъ вышла замужъ, а затѣмъ векорѣ она умерла и отношенія между двумя семьями совсѣмъ прекратились. («Light»).

Что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто? „совпаденіе“ или забота изъ духовнаго міра матери о дѣтяхъ? Гдѣ критерій, чтобы судить объ этомъ?

О СОЗНАТЕЛЬНОЙ ПЕРЕДАЧѢ ПО СОЧУВСТВІЮ.

Мнѣ извѣстенъ случай передачи душевнаго страданія одного лица другому, происшедшій между двумя интеллигентными людьми—мужемъ и женой: Нѣкто С. однажды услышалъ шаблонный музыкальный мотивъ. Этотъ мотивъ сталъ его преслѣдовать непрерывно день и ночь, доводя его до отчаянія и не давая ему ни работать, ни спать. Такъ продолжалось три недѣли, по истеченіи которыхъ онъ сказалъ женѣ: „я должно-быть схожу съ ума, такъ-какъ какой-то музыкальный мотивъ не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью“. Она старалась его успокоить, но безуспѣшно. Черезъ нѣсколько дней, поздно вечеромъ, во время какой-то переводной работы, когда она была занята совершенно другимъ, ей пришла въ голову мысль, что она должна взять на себя мотивъ, преслѣдующій ея мужа, и освободить его отъ него. Она тотчасъ отправилась къ нему и это ему объявила. На слѣдующее утро у нея съ самаго пробужденія началъ звенѣть въ ухахъ какой-то шаблонный мотивъ, но когда она спросила мужа, преслѣдуютъ-ли его мотивъ по прежнему, онъ отвѣтилъ, что онъ его даже забылъ. Этотъ мотивъ преслѣдовалъ ее около мѣсяца, вначалѣ не давая покоя ни днемъ, ни ночью, и въ свою очередь доводя до отчаянія. За тѣмъ началъ ослабѣвать, и къ концу мѣсяца она о немъ забыла.

Отсюда можно сдѣлать выводъ: какое большое значеніе имѣетъ доброжелательное отношеніе къ больнымъ, особенно къ нервно-больнымъ. Путемъ самаго простаго сочувствія, входя въ положеніе больного и сочувствуя ему, окружающіе его берутъ часть его страданій на себя и облегчаютъ его состояніе. А отсюда вытекаетъ въ свою очередь, что доброжелательное отношеніе необходимо и ко всѣмъ людямъ, такъ-какъ у всякаго человѣка есть свои страданія. Недостаточно не дѣлать зла, надо его и не мыслить, такъ какъ въ единеніи и доброжелательствѣ людей и заключается залогъ общаго мира и благополучія. Слова „Заповѣдь новую даю Вамъ: да любите другъ друга“, становятся при этомъ особенно понятными. Господь, который никого не забываетъ и всѣхъ призываетъ къ себѣ, посылая людямъ страданія, посылаетъ и облегченіе. Лица, перенесшія за другихъ страданія, навѣрно не сожалеютъ объ этомъ, а скажутъ, что это имъ доставило большое нравственное удовлетвореніе и укрѣпило въ сознаніи, что есть нѣчто высшее надъ нами, иначе у нихъ и не могли-бы явиться подобныя мысли и желанія.

По окончаніи войны, которая, судя по нѣкоторымъ признакамъ, идетъ къ концу, будетъ особенно много страдающихъ, нуждающихся въ сочувствіи, а для ихъ окружающихъ открывается широкое поле дѣятельности, принять въ нихъ нравственное участіе, облегчить ихъ участь, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо взять на себя страданіе тѣхъ, которые всѣмъ пожертвовали за насъ.

И. Вессель.

Мая 2-го дня 1916 г.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Продолженіе.

См. «Ребусъ» № 7, 1914 г.

Р. П. Я.

29.

Съ какимъ волненіемъ и радостью я вышла изъ вагона въ ясное зимнее утро: я спѣшила домой, обнять мою дорогую, незабвенную старушку няню, которая одна оставалась въ живыхъ изъ всѣхъ моихъ родныхъ, ушедшихъ въ невидимый и лучшій міръ! Былъ день ея ангела, и я радовался, что съ утра еще увижу мою безцѣнную именинницу. Она жила въ семьѣ моихъ друзей. Мой пріѣздъ въ этотъ день былъ лучшимъ для нея подаркомъ.

Мы бесѣдовали въ ея милой комнатѣ возлѣ старой конторки моего покойнаго отца. На противоположной стѣнѣ надъ ея уютной кроватью висѣли портреты моихъ родныхъ, писанные мною. Эти портреты замѣняли нянѣ общество любимыхъ отшедшихъ, будя безконечныя вереницы лучшихъ воспоминаній и общая свиданіе за рубежомъ земнымъ. Надъ изголовьемъ висѣлъ портретъ моей бабушки, свѣтлѣйшаго для насъ человѣка, вокругъ котораго здѣсь соединялась вся моя семья и какъ-бы питалась его величіемъ. Моя старушка любила особенно эту личность, которая долѣе всѣхъ родныхъ оставалась съ нею на земномъ поприщѣ.

Всѣ эти портреты были исполнены моею кистью еще до серьезныхъ занятій живописью; художественнаго интереса они не представляли и были дороги мнѣ только тѣмъ, что передавали сходство съ безгранично любимыми лицами...

Во время нашего разговора я услышалъ за стѣною звукъ, похожій на небольшой взрывъ, и замѣтилъ, что стѣна за портретами дала трещину сверху до низу тамъ, гдѣ начиналась печь. Выйдя незамѣтно въ прихожую, я узналъ, что прислуга хотѣла затопить печь и плеснула керосиномъ на еще тлѣвшіе угли; произошла такая сильная вспышка, что треснула печь.

Прислугѣ опалило лицо, и всѣ домочадцы оказывали ей помощь.

Моя дорогая старушка плохо видѣла и слышала и поэтому не замѣтила ничего происшедшаго. Когда я вернулся къ ней въ комнату, она уже отошла отъ конторки и сидѣла на кровати, разбирая маленькіе сверточки изъ ящика ночного столика. Я съ испугомъ замѣтилъ, что изъ трещины надъ ея головой шелъ дымъ и наполнялъ комнату. Я придумалъ поводъ пригласить нянюшку къ себѣ и бережно перевелъ ее въ свою комнату, охраняя отъ испуга и скрывъ отъ нея все случившееся. Она просидѣла у меня около двухъ часовъ. Закрывъ ее въ комнатѣ, я снялъ и перенесъ портреты въ другое мѣсто. Пришлось вынуть костыль, державшій портретъ бабушки, такъ какъ онъ оказался въ самой трещинѣ. Были приняты всѣ мѣры для предупрежденія пожара и призванъ печникъ, который сдѣлалъ необходимыя исправленія печи и замазалъ трещины.

Въ это время мнѣ необходимо было ненадолго отлучиться въ городъ по дѣламъ. Когда я вернулся, то увидѣлъ все въ полномъ порядкѣ и чистотѣ, безъ всякихъ слѣдовъ происшедшаго. Всѣ портреты висѣли на своихъ мѣстахъ; и я подумалъ, что прислуга вбила большой новый костыль вмѣсто прежняго, такъ какъ портретъ покойной бабушки былъ въ широкой тяжелой рамѣ. Моя милая ласковая старушка сидѣла въ своей комнатѣ и съ радостью пригласила меня пить съ нею чай, который только что принесли ей, со свѣжими пряниками, привезенными мною въ подарокъ изъ Москвы...

День отсіялъ, солнце склонилось къ западу, и еле замѣтно стали приближаться сумерки. Мое радужное бодрое настроеніе непонятно для меня тоже начало быстро какъ бы отлетать вслѣдъ за послѣдними лучами дня. Въ мою душу вливалось какое-то загадочное томленіе. Мнѣ стало грезиться, будто эти легкія тѣни вечера, тихо наполняющія комнаты, движиму таинственными силами и медленно колышутся; какъ будто ихъ вкрадчивое вліяніе отуманиваетъ свободы желаній и свѣжесть впечатлѣній.

Хотя вся семья вмѣстѣ съ моей старушкой перешла для мирныхъ бесѣдъ въ часть квартиры съ окнами на западъ, гдѣ еще не погасли послѣдніе блѣдныя отблески золотого вечера, — но веселый лепетъ голосовъ не захватывалъ моего вниманія, и меня все сильнѣе увлекало въ восточную, болѣе темную часть квартиры, гдѣ воцарилась тишина. Здѣсь я не чувствовалъ себя однимъ; мнѣ чудилось дуновеніе тѣней, которыя словно на крыльяхъ влетали въ комнаты и готовы были превратиться въ призраки; чудилось, что ихъ зачарованный кругъ все тѣснѣе замыкалъ меня въ міръ мнѣ невѣдомой жизни.

Властнѣе же всего меня тянуло въ комнату няни. Я нѣсколько разъ проходилъ черезъ нее; посреди на коврѣ я почему то останавливался, голова и глаза невольно поворачивались къ стѣнѣ съ портретами, но въ полѣ зрѣнія вырисовывался только портретъ покойной бабушки, висящій надъ изголовьемъ кровати. И чѣмъ больше я всматривался въ него, тѣмъ пристальнѣе и его взоры проникали въ мою душу. Чѣмъ гуще сплетались паутины сумерекъ, тѣмъ свѣтлѣе расцвѣчивался колоритъ портрета, а въ глазахъ даже заискрился загадочный блескъ. Этотъ портретъ — робкое дитя моей когда-то совершенно неопытной кисти проникло на фонѣ глубокихъ тѣней тѣмъ теплымъ дыханіемъ жизни, котораго въ минуты высшихъ вдохновеній рѣдко достигали на полотнахъ даже великіе художники.

Наконецъ, я почувствовалъ, что не могу уйти изъ этой комнаты, не могу оторвать глазъ отъ портрета. Я видѣлъ, что онъ оживаетъ: голова слегка повернулась, вѣки глазъ задвигались, какъ тогда, когда я ловилъ на холстѣ выраженіе этихъ возлюбленныхъ глазъ. Во мнѣ сверкнула мысль, что я стою на порогѣ чуда. Рама ступавалась совершенно, фигура и лицо какъ будто двинулись отъ стѣны ко мнѣ. Портретъ пересталъ быть портретомъ, и дивная сила преображенного лица неудержимо притягивала и покоряла меня. Мое сердце затрепетало, и душа озарилась мыслью: „она жива, она нисходитъ ко мнѣ, прошлое вернется, всѣ лучшіе дни впереди; земная жизнь только сумрачный фонъ, на которомъ сіяютъ проблески божественныхъ тайнъ загробной жизни, жизни истинной!“...

Въ благоговѣйномъ порывѣ я бросился навстрѣчу къ ожившему обожаемому человѣку, углубиться душою въ его священныя объятія!

Я сталъ на колѣни на кровати няни и принялъ лицомъ къ подножію портрета. Но въ это мгновеніе неожиданно мою мысль и глаза мощно повлекло за портретъ. Я прислонился головой къ стѣнѣ и пытливымъ взоромъ пронзилъ густую тѣнь за рамой.

И увидѣлъ маленькій гвоздь вмѣсто прочнаго большого костыля, державшаго раньше портретъ. Въ окружающей атмосферѣ стало быстро ослабѣвать чудное настроеніе великаго таинства, которому я приобщался. И я съ ужасомъ смотрѣлъ на гвоздь, маленькій гвоздь: его какъ оказалось, вбила несообразительная прислуга на мѣсто прежняго костыля въ только что замазанную трещину стѣны. И этотъ гвоздикъ уже наклонился подъ тяжестью портрета!

Было совершенно очевидно, что портретъ не продержался бы и до утра на гвоздикѣ, не устоялъ бы

противъ небольшого нечаяннаго толчка старушки и несомнѣнно упалъ бы ночью на ея милую сѣдую голову, а это паденіе и ударъ оказались бы для нея роковыми!

Она была спасена такимъ дивнымъ образомъ! И ради ея спасенія моя душа пережила эти высочайшія минуты! Я отошелъ отъ стѣны и посмотрѣлъ еще разъ на портретъ: онъ былъ и казался совершенно такимъ, какимъ я его привыкъ видѣть всегда... И только воспоминаніе объ этомъ чудесномъ проявленіи заботы духовнаго міра ярко свѣтитъ мнѣ среди сѣрой будничной жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Продолженіе *).

Глубоко убѣженъ и надѣюсь, что показанная мнѣ система міра будетъ основой, на которой впоследствии построится новая истинная религіозная наука и новая научная религія. Идеи, которыя четверть вѣка тому назадъ съ такимъ блескомъ появились въ ослѣпительныхъ образахъ передо мной и моими товарищами, эти идеи, дѣйствуя какъ закваска, взволновали за это время массу цивилизованнаго общества. Появился не одинъ пионеръ новой церкви, видѣнной имъ въ экстазѣ, почувствованной имъ душой и затѣмъ преподаванной въ видѣ отдѣльныхъ обрывковъ; но ихъ вліянія были поняты главнымъ образомъ какъ отраженіе неизвѣстной силы. Столь же тонкая, какъ и могущественная, эта сила на пути къ тому, чтобы стать рычагомъ общественнаго мнѣнія, т. е. воля этого гиганта достаточно сильна, чтобы поднять каждый камень новаго храма, положить его на свое мѣсто и создать изъ нихъ конкретное цѣлое въ тотъ день, когда каждый камень — образъ будетъ отдѣленъ, — получить требуемыя качества красоты, гармоніи и прочности, однимъ словомъ будетъ готовъ въ своемъ отдѣльномъ совершенствѣ образовать часть величественной постройки. По опыту людей которые лучше, чѣмъ я, боролись за дѣло прогресса метафизическихъ наукъ, я знаю, насколько содѣйствовали пробужденію свѣта въ массѣ общественнаго мнѣнія XIX вѣка наши ночныя засѣданія подъ сводами одного изъ нашихъ самыхъ древнихъ подземныхъ храмовъ античной Индіи. Никакой языкъ, никакое перо не въ состояніи достойно описать видѣнные нами грандіозныя сцены и я открою моимъ читателямъ способъ дѣйствія, которымъ пользовалось наше братство, чтобы вызвать видѣніе у новыхъ братьевъ, и на этомъ покончу съ этимъ вопросомъ.

Какъ только окончилось первое грандіозное дѣйствіе, меня снова схватили, связали и набросили на глаза повязку. На этотъ разъ я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія сопротивляться; напротивъ при прикосновеніи ко мнѣ я поднялся и позволилъ увести себя другимъ путемъ (я зналъ по интуиціи, что меня должны были вывести другимъ ходомъ): Мы вышли наружу, очень далеко отъ того входа, которымъ вошли. Повязки были такъ же быстро сняты съ меня, какъ и положены, и прежде чѣмъ я об-

*) См. «Ребусъ» № 10, 1916 г.

рѣлъ полное сознание своей свободы, мои проводники скрылись. Въ руках у меня осталась маска, съ пристегнутымъ къ ней лоскуткомъ бумаги, на которомъ было написано по санскритски: «Послѣ завтра въ полночь Чундра удъ — Дсекъ».

Читатели не сомнѣваются, конечно, что я былъ вѣренъ назначенному свиданію. И конечно былъ достаточно вознагражденъ, когда придя на плато, я замѣтилъ высокую фигуру и монашескій костюмъ моего таинственного знакомаго. Онъ сердечно привѣтствовалъ меня съ той же изящной ласковостью, какъ и при нашей первой встрѣчѣ. Прежде, чѣмъ я успѣлъ задать ему вопросъ относительно участія, которое онъ принималъ въ моемъ позавчерашнемъ приключеніи, онъ, извиняясь за грубый способъ, которымъ было произведено мое первое посвященіе, сообщилъ мнѣ серьезныя причины, заставлявшія держать въ тайнѣ входы въ огромныя подземелья, вырытыя, какъ мнѣ было извѣстно, подъ большой частью древнихъ храмовъ и нерѣдко превосходившія своими размѣрами надземныя постройки. Онъ сообщилъ мнѣ, что сегодня ночью должно совершиться мое дѣйствительное посвященіе. лишь бы то, что я видѣлъ, возбудило во мнѣ достаточный интересъ и заставило меня желать вступить въ братство.

Мое имя, мое положеніе, характеръ и духовныя способности были отлично извѣстны братству. Между прочимъ никто не могъ вступить членомъ въ это братство, если онъ не былъ извѣстенъ обществу и не предназначенъ заранее къ выбору, какъ обладающій качествами находящимися въ гармоніи съ асоціаціей. Мои таинственные друзья во всѣхъ отношеніяхъ имѣли надо мной преимущество, но такъ какъ я питалъ къ нимъ полное довѣріе, то въ эту же ночь я произнесъ вступительную клятву.

Изъ многочисленныхъ тайнъ оккультныхъ чудесъ, которые были мнѣ преподаны этими истинными учеными духовной науки, я расскажу о странномъ и оригинальномъ методѣ, употребляемомъ ими для производства ихъ величественныхъ и драматическихъ представленій.

Тонкія металлическія нити бороздили храмъ по всѣмъ направленіямъ и сходились къ шести могущественнымъ гальваническимъ батареямъ, соединенными съ серебряными тронами, занятыми шестью адептами. Эти личности, Адепты, въ самомъ высокомъ и значительномъ смыслѣ этого слова, получали вдохновеніе отъ занимающаго седьмой тронъ. Этотъ послѣдній, хотя и всегда присутствовалъ, но не всегда былъ видимъ: какъ и въ первую ночь, этотъ тронъ былъ занятъ посланцемъ изъ болѣе высокихъ областей.

Функции адептовъ состояли въ томъ, чтобы централизовать и концентрировать полученное вдохновеніе въ одномъ очагѣ. Мысли каждаго изъ нихъ конденсировались сначала на одной идеѣ на трибунѣ, и оттуда распределялись уже каждому неопиту въ аудиторіи. Это впечатлѣніе, ощущаемое каждымъ членомъ, обязано своимъ происхожденіемъ во первыхъ полной гармоніи, царившей въ собраніи, во вторыхъ вліянію воли каждаго, сильно сконцентрированной на одномъ пунктѣ и въ третьихъ распределительной силѣ и могуществу дѣйствія гальваническихъ нитей, которыя шли, какъ было сказано, отъ трибуны къ каждому члену собранія.

Отрицательный полюсъ этой батареи былъ образованъ

неопитами, а положительный іерофантами. Такъ какъ я намѣреваюсь единственно зарегистрировать истины управляющаго нами царства существованія, въ которое мнѣ было позволено бросить почтительный взглядъ, то я подъ самой торжественной клятвой утверждаю, что объектъ этихъ августѣйшихъ представленій, развернувшихся передъ моими глазами въ теченіе многихъ послѣдующихъ за первыми тремя сеансами недѣль, неизмѣнно состоялъ изъ психологическихъ образовъ, запечатлѣваемыхъ въ умѣ адептовъ высокимъ духомъ, который председательствовалъ на нашихъ собраніяхъ, а оттуда уже распределяемыхъ и передаваемыхъ, мысленно, въ сознание каждаго изъ членовъ нашего обширнаго собранія психологически и физически проводниками электрической силы. Напрасно скептикъ иронизировалъ бы надъ возможностью передачи мысли грубо указанными здѣсь физическими средствами.

Опытные біологи не стануть отрицать возможности только что описаннаго мною мысленнаго внушенія, кромѣ случая, когда оно касается многихъ лицъ, загнипнотизированныхъ въ одно и тоже время. Но относительно этого пункта долженъ сказать, что большая часть индусской магіи покоится на психологическихъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на толпу изолированными адептами.

Наука иллюзіи,—слово, плохо передающее первоначальную идею,—не должна имѣть никакой тайны отъ древняго, или повѣйшаго адепта, если онъ желаетъ сдѣлаться «искуснымъ колдуномъ» или хорошимъ, «магомъ». «Rationale» магіи—Воля или наука о душѣ. Практическая сторона этой науки или упражненіе воли требуетъ для своего успѣха абсолютнаго удаленія всякаго препятствія. Напримѣръ, если вы желаете, чтобы ваша мысль дошла на какомъ угодно разстояніи до другого лица, то она и дойдетъ конечно до него, лишь бы она на своемъ пути не встрѣтила болѣе могущественнаго, чѣмъ она, препятствія. Человѣкъ обладаетъ силой производить (въ матеріи) всѣ возможныя для духовъ феномены, лишь бы его духовныя силы не встрѣтили никакого противоположнаго магнетическаго тока, никакой линіи силы, дѣйствующей въ противоположномъ направленіи. Во всѣ вѣка мистики, маги, ясновидящіе и пророки славились могуществомъ воли, знали ее, чувствовали и пользовались ею. Если Воля такъ часто не достигаетъ цѣли, то только потому, что тысячи, миллионы, можетъ быть, воли или магнетическихъ пересѣкаютъ пространство въ противоположномъ направленіи. Если бы воля не встрѣчала на своемъ пути препятствій, то ея могущество, было бы непреодолимо. Но достаточно одной неудачи, какъ тотчасъ же набрасываются на психологовъ, превозносящихъ царственное могущество Воли. Ассоціація, о которой я говорю, существуетъ много вѣковъ и обязана своимъ происхожденіемъ глубокому наблюденію одного великаго метафизика, открывшаго, что силы человеческой души могутъ быть сконцентрированы такимъ образомъ, чтобы подражать творческому дѣйствию и надѣлять идею тѣломъ реальной, осязаемой формой. Я не буду входить здѣсь въ описаніе результатовъ многовѣковыхъ опытовъ, которые, какъ я сказалъ, велись съ переменнымъ успѣхомъ, въ зависимости отъ тѣхъ, кто ихъ велъ.

Открытіе и примѣненіе электрической силы, какъ средства симулировать умственные способности, составило совершенно новую эру въ этомъ замѣчательномъ братствѣ.

Его адепты съ жаромъ принялись за опыты и получили удивительные результаты. Мнѣ не позволено распространяться и давать объясненія по этому предмету, иначе ничего не было бы легче какъ подтвердить выдвигаемыя мною положенія, относительно могущества человѣческой воли, особенно когда она пользуется помощью научныхъ инструментовъ. Что касается передачи мысли посредствомъ электро-магнетизма, я во многихъ случаяхъ доказалъ возможность этого и даже показалъ ея непогрѣшимость на опытахъ, которые я велъ совместно съ моей подругой М-ss Эммой Гардингъ Бриттенъ. Мы уже достигли многого въ опытахъ телепатіи и вели эти опыты съ неизмѣннымъ успѣхомъ, при этомъ утилизируя могущественное, хотя и болѣе матерьяльное дѣйствіе электричества, добытаго изъ минеральныхъ станцій. Мы снабдили измѣнчивыя силы жизненнаго магнетизма такой энергіей, что получали всегда одинаковые результаты, абсолютно достойные полного довѣрія.

Во всякомъ случаѣ я долженъ сказать, что никто не имѣетъ права высказывать мнѣ недовѣріе, если онъ самъ не производилъ подобныхъ опытовъ, конечно при условіи необходимой къ нимъ подготовки. Братство, краткое описаніе котораго я только что сдѣлалъ, окружило свои опыты такой стѣной психологическихъ загражденій, въ которой невозможно было сдѣлать ни малѣйшей бреши. Каждый изъ членовъ этой почтенной ассоціаціи былъ избираемъ за свои спеціальныя качества, которыми онъ могъ служить интересамъ братства. Лицу не обладающему желаемыми качествами, было совершенно невозможно получить доступъ на сеансы ассоціаціи. Психическія учителя были не только адептами, обладавшими необходимымъ знаніемъ для выполнения своихъ функцій, но и опытными «магами» и ихъ знаніе и опытность въ оккультной природѣ дѣлали ихъ господами надъ ея таинственными элементами. Науки, преподаваемыя въ этомъ обществѣ были не только наслѣдіемъ сокровищъ мудрости, накопленныхъ вѣками, но состояли кромѣ того изъ вдохновеній, имѣющихъ своимъ источникомъ болѣе возвышенныя царства, чѣмъ земля, и представляли результаты изслѣдованій въ этихъ царствахъ произведенныхъ со всѣми ресурсами, которые могутъ доставить человѣку его духовные таланты.

Духовныя и физическія науки составляли для нихъ предметъ глубокаго изученія въ поискахъ истины. Практика и теорія разсматривались какъ одинаково необходимыя, чтобы составить себѣ точныя и правильныя понятія о предметѣ. Въ поискахъ абсолютной истины, эти философы изслѣдовали міръ. Отъ центра земли до самыхъ высокихъ областей астральныхъ системъ, отъ силы, кристаллизующей алмазь, до силы, которой приписывается способность разрѣзать тончайшія области эфира. Всѣ они были спиритуалистами въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и ихъ собранія обнимали собой изслѣдователей какъ духовной такъ и земной области. Они несмотря на свой полный возвышенныхъ стремленій культъ, не считали унизительнымъ для человѣческаго достоинства молиться, не отвергали своей зависимости отъ болѣе высокихъ, чѣмъ они существъ и обращались къ нимъ за помощью и вдохновеніемъ. Они вѣрили въ святость извѣстныхъ мѣстъ и вещей и, если въ наукѣ, которую они чтли и культивировали, они видѣли самую высокую цѣль, къ которой долженъ былъ стре-

миться человѣческій разумъ, то тѣмъ не менѣе они всегда подчиняли *разумъ души* и считали науку духовную необходимымъ дополненіемъ науки матерьяльной; если бы между ними не было связи, то душа и тѣло истинной науки не могли бы существовать. Съ момента вступленія неофита въ общество къ нему приставлялись учителя, которые обучали и оказывали ему нужную помощь.

Одинъ изъ такихъ учителей былъ приставленъ и ко мнѣ и, если бы я не извлекъ никакой другой пользы отъ принятія меня въ братство, то тѣмъ не менѣе я глубоко признателенъ его главамъ за вѣрную дружбу Нанака Роу, благороднаго брамина, знанію, благочестію и мужественнымъ качествамъ котораго была довѣрена забота о моемъ посвященіи.

Въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ постоянной дружбы между мной и Нанакомъ Роу я никогда не слышалъ изъ его устъ ни одного слова, никогда ни видѣлъ, чтобы онъ совершилъ какое-нибудь дѣйствіе, недостойное высокаго святаго христіанскаго вѣрованія. Найдется ли въ жизни самаго святаго изъ святыхъ такая чистая страница? Немного спустя послѣ моего вступленія въ братство я былъ избранъ въ число адептовъ. Тщетно я отказывался отъ этого званія подъ предлогомъ другихъ обязанностей и частыхъ отлучекъ изъ мѣстъ собраній. Способъ, которымъ это послѣднее возраженіе было отклонено вынуждаетъ меня рассказать какъ я былъ возведенъ въ санъ адепта. Я принялъ предложеніе послѣ того какъ три раза духовно занималъ седьмой тронъ, въ то время какъ мое тѣло спало за нѣсколько сотенъ миль отъ мѣста собранія. Тѣмъ изъ моихъ читателей, которые откажутся повѣрить этому я скажу только, что они не перешли еще порога храма, посвящающаго въ знаніе способностей и энергіи человѣческой души.

Ихъ духи какъ и мой одарены безконечными способностями, безграничнымъ могуществомъ. Единственнымъ предѣломъ, ограничивающимъ функціи души служатъ не столько узлы, соединяющія ее съ тѣломъ, сколько недостатокъ знанія какъ управлять и подчинять себѣ это тѣло. Воздержаніемъ, чистотой, аскетизмомъ и дисциплиной это тѣло вполне подчиняется волѣ и служитъ лишь простымъ тѣлеснымъ проводникомъ, позволяющимъ душѣ войти въ въ соприкосновеніе съ матеріей. Въ тотъ моментъ, когда страсти и даже умственные эмоціи вынуждаютъ духъ уступить тѣлу, царство духа улетучивается и духъ можетъ дѣйствовать только спазматически, неправильно, лишь моментами. Какъ примѣръ этихъ двухъ альтернативъ со всею искренностью могу привести самаго себя.

Когда я въ первый разъ былъ призванъ къ высокому званію адепта, я былъ скорѣе духомъ, чѣмъ человѣкомъ, живя въ мірѣ, но не составляя его части. Всѣ функціи моего существа были подчинены дѣйствію моей души и ея духовныхъ паломниковъ; мое смертное тѣло казалось не болѣе какъ одеждой, которую по желанію можно было сбросить или одѣть среди поглощающихъ занятій и тяжелыхъ заботъ моей жизни. Я не утверждаю, что такое состояніе нормально или рачіонально; я говорю только, что оно возможно, достижимо, и если я съ такой силой настаиваю на этомъ, то только потому, что спустя нѣсколько лѣтъ эти трансцендентальныя способности оказались совершенно уничтоженными, когда жизненныя испытанія и человѣ-

ческія страсти совершенно разрушили экзальтированный мистицизм моего духа и создали мнѣ смертныя узы болѣе тѣсныя, чѣмъ покрывающая меня въ данное время одежда. Да будетъ Воля Божія!

Можетъ быть человѣческая душа достигнетъ своего полного совершенства лишь послѣ того какъ испытаетъ реальность фразы: «Онъ жилъ въ несчастіи». Можетъ быть Магдалина скорѣе попадетъ въ царство небесное, чѣмъ жеманная дама, которая только потому не грѣшила, что

ее никогда не искушали. Раскаившійся разбойникъ въ возвышенной легендѣ распятія Христа, навѣрное попадетъ въ тотъ рай, котораго тщетно ищетъ фарисей. И однако я охотно до послѣдняго дня жилъ бы въ томъ духовномъ экстазѣ, но Господь, Владыка нашихъ судебъ, рѣшилъ иначе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ—ЮБИЛЕЙНЫЙ—ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РЕБУСЪ“

СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: ТЕЛЕПАТИИ, ЯСНОВИДѢНІЯ, ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЯ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЯ, СОМНАМБУЛИЗМА, ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА, ГИПНОТИЗМА и СПИРИТИЗМА.;—изслѣдов. въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ—ТЕОСОФІЯ, МАСОНСТВО и проч.

Загадочность человѣческаго существа и бессмертіе человѣческой личности.

Вотъ—главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ. Независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ мѣсто **ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ТАИНЪ И ЗАГАДОКЪ ПРИРОДЫ, НАУКИ И ЖИЗНИ.**

ПОМѢЩАЮТСЯ ОТЗЫВЫ о новыхъ и старыхъ книгахъ, РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ на запросы и письма подписчиковъ. ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣсмертномъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Бутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Аксакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дассье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Максвелла—„Феномены Психизма“ проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шопенгауера—„О духовиднѣи“, д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; и „Магнѣя, какъ естествознаніе“; М. Сабуровой—„Смерть—только метаморфоза“; проф. Шарко—„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Охоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; Руксель—„Спиритизмъ и оккультизмъ“, А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суеврій“, „Кантъ, какъ спиритуалистъ“, „Радій и ясновидѣніе“, „Чтеніе мыслей“, „Магнѣ—quadrigium“, „Тайныя Общества и Франкъ-Масонство“; д-ра Принса—„Множественность человѣческой личности“; Ст. Мозеса—„Ученіе духовъ социальное, религиозное и этическое“; А. Болтина—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; Губалке—„Метампсихозъ (перевоплощеніе)“; проф. В. Джемса—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; проф. О. Лоджа—„О транссовыхъ сообщеніяхъ“; д-ра Вишофа—„Ученіе Каббалы“; Рейхенбаха—„Одо-Магнетическія письма“ и др.; затѣмъ СООБЩЕНІЯ О РАБОТАХЪ: РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ МОСКВѢ, ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. За границу: на годъ 6 р. Пробный номеръ 25 коп. (Можно высылать почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. Въ Москвѣ, у редактора-издателя журнала П. А. Чистякова.—Б. Дорогомиловская ул., (у Бородинскаго моста) д. № 3, (телеф. 2-28-93) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА и СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. » 6 » . 3 » — » За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС- ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просить адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
№ 1687.	26-го Іюня 1916 года.	№ 12.

Содержаніе: 1) Эволюція души. (Прод.) Д. О. Карабановичъ.—2) По пути.—3) Вопросы спиритизма. А. и Б.—4) Изъ жизни. Ю. фонъ-Шульцъ.—5) «Въ двухъ планахъ» — (романъ оккультиста). (Прод.)—6) Объявленія.

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

Д. О. Карабановичъ.

(Безкопечное развитіе человѣческой индивидуальности).

(Продолженіе *).

Въ это время съ нею случилась семейная драма, ука-
 зывающая на глубокую пропасть, которую создаетъ отсут-
 ствіе памяти между двумя существованіями Фелиды.

Въ апрѣлѣ 1878 г., находясь во второмъ состояніи
 Фелида убѣдилась, что у ея мужа есть любовница; она
 бросилась на нее съ угрозами и сама, въ отчаяніи, повѣ-
 силась. Но сдѣлала это неудачно, опрокинула ногою столъ,
 сосѣди сбѣжались и возвратили ее къ жизни— „Какъ бы
 я была счастлива,—говорила она,—если бы у меня опять
 появились припадки (теперь она называла такъ уже свое
 нормальное состояніе); тогда, я, по крайней мѣрѣ, не
 знала-бы о моемъ несчастіи“. И дѣйствительно, когда на-
 ступило это состояніе, она принимала любовницу мужа
 и утѣшала ее.

Итакъ Фелида, какъ и многія другія, представляетъ
 любопытный примѣръ двухъ личностей сожительствующихъ
 попеременно въ одномъ индивидуумѣ.

Врачи психіатры Азамъ, Бернгеймъ, Бони¹⁾, Дельбефъ
 П. Жане, пытались объяснить эти явленія раздвоенія или
 перемѣны и личностей и временнаго исчезновенія памяти въ
 одномъ изъ состояній. Всѣ они признаютъ, что здѣсь проис-
 ходитъ раздвоеніе моего Я, попеременное присутствіе двухъ
 нормальныхъ и независимыхъ состояній, двухъ центровъ
 дѣйствія, двухъ или болѣе психическихъ личностей, помѣщаю-
 щихся рядомъ въ одномъ головномъ мозгѣ. Каждая имѣетъ
 свою особенную дѣятельность, одну, такъ сказать, на сценѣ,
 другую за кулисами. Всѣ ихъ объясненія, которыя считаю
 лишнимъ приводить въ подробности, сводятся къ различ-
 ной дѣятельности головного мозга въ разные періоды; а
 временная потеря памяти—къ отсутствію въ тотъ мо-
 ментъ сосредоточенности.

*) См. «Ребусъ» № 101, 1916 г.

1) Recherches experimentales.

Англійскій врачъ Голландъ разсматриваетъ, по этому
 случаю, головной мозгъ, какъ органъ двойного дѣйствія,
 причѣмъ одно полушаріе мозга исправляетъ или дополняетъ
 перцепціи и чувствительности другого. Врачъ-же Вианъ
 находитъ, что у человѣка надо считать даже два голов-
 ныхъ мозга, и что мозолистое тѣло или мозговая спайка
 не связываетъ оба полушарія; а раздѣляетъ ихъ. Можно
 себѣ представить, въ какой лѣсъ можно забрести, если
 продолжать дальше въ этомъ направленіи людямъ, не при-
 знающимъ существованія души въ человѣкѣ. У субъектовъ,
 какъ Фелида, переживающихъ три различныхъ состоянія, при-
 шлось-бы допустить 3 различныхъ головныхъ мозга и т. д.

Не говоря уже о томъ, что эти гипотезы произвольны, онѣ
 не могутъ объяснить появленія въ одномъ человѣкѣ лично-
 стей различающихся не только въ интеллектуальномъ отношеніи,
 но и характерами, настроеніями и чувствами. Между тѣмъ
 эти перемѣны личностей или, собственно говоря, различ-
 ные состоянія (переживанія) одной и той-же личности
 представляютъ поразительную аналогію, въ миниатюрѣ, съ
 различными состояніями души въ разныхъ ея воплощеніяхъ.
 Такъ назыв., первое или нормальное состояніе смѣняется
 вторымъ, переходящимъ опять въ нормальное, иногда же
 и въ особое третье состояніе. При этомъ въ нормальномъ
 состояніи субъектъ теряетъ память о своемъ вторичномъ
 состояніи. Если мы примемъ во вниманіе, что сомнамбулы,
 просыпаясь отъ гипнотич. сна, точно также теряютъ па-
 мять обо всемъ, происходившемъ во время сна, и если
 прибавимъ къ этому всему, что встрѣчаются люди, осо-
 бенно въ дѣтскомъ возрастѣ, которые, какъ мы выше ука-
 зывали, всетаки сохраняютъ отрывочныя воспоминанія
 именно изъ предыдущихъ своихъ жизней на землѣ, то
 всѣ эти совпаденія будутъ говорить несомнѣнно въ пользу
 того положенія, что т. наз., второе состояніе есть про-
 явленіе трансцендентальной личности человѣка, сохраняющей
 воспоминанія о прошлыхъ существованіяхъ, т. е., обла-
 дающее сублиминальной (скрытой) памятью, точно такъ,
 какъ сомнамбулы во время сна проявляютъ свою трансцен-
 дентальную личность, обладающую той-же памятью.

Опредѣлить смыслъ и значеніе такихъ переживаній, если они происходятъ естественнымъ путемъ, съ точки зрѣнія эволюціи души нельзя безъ специальныхъ наблюденій въ этомъ направленіи, которыя не были сдѣланы. Можно допустить, какъ это было въ случаѣ Фелиды, что нѣкоторые субъекты съ неуравновѣшенной организаціей, (всѣ они въ большей или меньшей степени припадочны и истеричны) живутъ на землѣ отчасти въ состояніи прошлыхъ существованій, отчасти въ новомъ, которое можетъ быть болѣе или менѣе совершеннымъ, чѣмъ прошлое. Таковы сенситивы, ясновидящіе, медиумы и т. п.

Въ слѣдующемъ случаѣ, наблюдавшемся психологомъ профессоромъ, бернскаго университета *Флурнуа*, изложенномъ въ его большемъ томѣ, подъ заглавіемъ «*Изъ Инди на планету Марсъ*», (*Des Indes à la planète Mars*) перемѣны личности представляютъ гораздо болѣе рѣзкія различія и несомнѣнно относятся къ переживаніямъ прошлыхъ существованій на землѣ.

Зимой 1895 г., пр. *Флурнуа* познакомился съ г-жей *Шмитъ* и началъ свои наблюденія надъ нею. Г-жа *Шмитъ* молодая женщина, пользующаяся превосходнымъ здоровьемъ и обладающая живымъ умомъ. Долгое время она служила конторщицей въ одномъ большомъ магазинѣ въ Женевѣ. При безупречномъ поведеніи, обладая большимъ природнымъ благородствомъ, она была уважаема всѣми, имѣющими съ ней сношенія. 3 года тому назадъ она начала заниматься спиритизмомъ при помощи типологическаго разговора; имѣла слуховыя галлюцинаціи и видѣнія въ состояніи бодрствованія. Въ настоящее время эти видѣнія занимаютъ выдающееся мѣсто въ медиумичности г-жи *Шмитъ* и она пишетъ масляными красками сцены изъ жизни Христа, никогда не обучавшись живописи.

Ея сообщенія (или откровенія) относились болѣею частью къ прошлымъ событіямъ, обыкновенно неизвѣстнымъ для присутствующихъ, но реальность которыхъ всегда проявлялась или при помощи историческихъ словарей, или преданій среди заинтересованныхъ семействъ. Другія сообщенія касались предшествовавшихъ существованій присутствующихъ лицъ.

Съ того момента, когда проф. *Флурнуа* началъ изучать ее, ея способности видоизмѣнились. Полусомнамбулизмъ безъ потери памяти, въ которомъ она пребывала до тѣхъ поръ, смѣнился полнымъ сомнамбулизмомъ съ послѣдательной потерей памяти и она сдѣлалась медиумомъ для т. н., материализаціи подъ руководствомъ „духа“, который называлъ себя *Балиостро*.

Оказывается, что г-жа *Шмитъ* жила уже 2 раза на нашей землѣ. 500 лѣтъ тому назадъ она была дочерью арабскаго шейха *Пирукса* и подъ именемъ *Симандины* сдѣлалась женою индусскаго раджи *Сиврука Наяка*, который царствовалъ въ Канарѣ, гдѣ онъ построилъ въ 1401 г., крѣпость *Чандрагири*. *Симандина* была сожжена живою на кострѣ умершаго супруга, по обычаю малабарскому. Въ 18 ст., она перевоплотилась въ особѣ французской королевы *Маріи Антуанетты*, а въ настоящее время воплощена, для своего усовершенствованія, въ скромномъ состояніи конторщицы при магазинѣ.

Г-жа *Шмитъ* никогда не была гипнотизирована, ни магнетизирована. Раздѣляя съ большинствомъ медиумовъ ин-

стинктивное отвращеніе ко всякимъ экспериментамъ надъ собою, она всегда отказывалась отъ усыпленія.

«Всѣ сеансы, говоритъ пр. *Флурнуа*, имѣютъ почти одну и ту же психологическую форму, одинаковое развитіе при разнообразіи оттѣнковъ. Она садится за столъ съ мыслью и ожиданіемъ проявленія медиумическихъ способностей. Черезъ нѣкоторое время у нея начинаются видѣнія, сопровождаемыя весьма разнообразными разстройками чувствительности и движенія; потомъ понемногу она впадаетъ въ полный трансъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО П У Т И.

Въ началѣ мая скончался въ Вестминстерѣ извѣстный епископъ англиканской церкви *Уильберфорсъ*. Его большой интересъ къ психизму хорошо извѣстенъ, такъ какъ онъ самъ былъ неоднократно свидѣтелемъ спиритическихъ явленій и даже принималъ активное участіе во многихъ крупныхъ сверхнормальныхъ феноменахъ.

Окончилъ преподобный *Уильберфорсъ* этонскую школу и степень доктора получилъ въ оксфордскомъ университетѣ; сочиненія его имѣли большой успѣхъ и не въ одной Англии. Между прочимъ онъ былъ большой поклонникъ православнаго церковнаго чина и заупокойное служеніе наше переведено имъ на англійскій языкъ.

Нашъ славный единомышленникъ, знаменитѣйшій англійскій ученый, сэръ *Вильямъ Круксъ* овдовѣлъ сего 10-го (по н/с) мая, отпраздновавъ за мѣсяць передъ тѣмъ 60-тилѣтнюю годовщину свадьбы. Переженились они въ очень молодыхъ годахъ: ему было двадцать четыре года, а ей—двадцать лѣтъ, всю жизнь прожили очень дружно и счастливо и профессоръ *Круксъ* постоянно повторяетъ, что жениться надобно какъ можно ранѣе: этимъ сохраняется здоровье и приобрѣтается долготлѣтіе. Самъ профессоръ являетъ своему убѣжденію яркій примѣръ:

— „Все, что увеличиваетъ сумму нашего счастья,—часто говоритъ онъ,—вліяетъ благотворно и на общее наше благосостояніе“.

ВОПРОСЫ СПИРИТИЗМА.

(О пропагандѣ).

Обыкновенно новички, только что познакомившіеся съ сущностью спиритическаго ученія, охваченные красотой и полнотой его идеаловъ, чувствуютъ непреодолимую потребность дѣлиться своимъ восторгомъ—восторгомъ вновь рождающагося къ Духу духа. И, тоже обыкновенно, получаютъ они массу неприятнаго со стороны своихъ близкихъ, рождаются и пробуждаются вовсе не желающихъ, и скоро убѣждаются съ грустью прозелиты, что далеко—очень далеко не всѣмъ пужна великая истина безсмертія, продолжающагося за гробомъ бытія и общенія двухъ міровъ. И первая заповѣдь изъ всего ученія Спасителя, которую имъ приходится выучить на практикѣ, такова: „не мечите бисеръ передъ свиньями, дабы онъ, растоптавъ его, не кину-

лись на васъ и не растерзали васъ⁴. Обыкновенно такъ и бываетъ—и терзаютъ неопитовъ, пока они не выучатъ эту истину.

Но есть и другой контингентъ „мечущихъ бисеръ“; особенно много ихъ было вначалѣ движенія, на брежневской зарѣ спиритизма, когда „края“ еще не знали, а распространение и упроченіе благороднѣйшихъ тезисовъ этого ученія, его лучезарныхъ проблемъ, казалось столь радостно необходимымъ. Да и теперь, когда мы многое поняли, чего не могли по недостаточности матеріала понимать наши пионеры, трудно бываетъ удержаться въ границахъ благоразумія и надлежащимъ образомъ отнестись къ искусителямъ, окружающимъ насъ. Какъ часто даже истинно жаждущіе и алчущіе правды, истинно воспринявшіе великое ученіе—объ тѣхъ, которые видятъ въ немъ лишь пикантную приправу къ праздно своей жизни или основанное на корыстномъ самоутвержденіи любопытства и уже не говорю—какъ часто они всячески пробуютъ склонить работниковъ истины на то, чтобы имъ „показали духовъ“, „утвердили бы въру ихъ дѣлами“, иллюстрировали бы передъ ними процессъ общенія. Разумѣется, чаще всего отъ непониманія и отъ неразумія обращаются они съ горячей просьбой, убѣжденіями и даже съ гнѣвомъ; но бываетъ это и по другимъ причинамъ: узнать какъ вы вѣрите, кому вы вѣрите и, ощутивъ ризы духа, или впасть въ отчаяніе, что вотъ сейчасъ, вотъ всегда не могутъ и они имѣть этого; или же, наоборотъ,—убѣдиться, что это имъ не по плечу и отнестись съ глумленіемъ и критикой профана къ тому, что видѣли. Но случается и еще худшее: съ завѣдомымъ глумленіемъ, съ издѣвательствомъ, съ ложью и обманомъ подходятъ люди къ искателямъ и работникамъ истины и горе этимъ послѣднимъ, если они по крайней добротѣ или по собственной безхитрости и искренности окажутся настолько слабохарактерными, что поддадутся настоянію и уступятъ просьбамъ.

Вотъ передъ нами какъ разъ прекрасный примѣръ такой—скажемъ—безпредѣльной любви къ ближнему. Передъ нами письмо стариннѣйшаго подписчика и сотрудника „Ребуса“, всю жизнь свою посвятившаго изслѣдованію въ области психизма—этой огромной области, требующей столькихъ жертвъ отъ изыскателя.

Приводимъ письмо все, безъ пропусковъ, исключивъ изъ него лишь собственные имена, которыя извѣстны редакціи.

„М. Г. г-нъ редакторъ! Не найдете ли возможнымъ напечатать въ Вашемъ журналѣ нижеслѣдующее:

На Свѣтлый праздникъ пріѣзжалъ ко мнѣ тяжело раненный сынъ мой и между прочимъ разсказалъ, что какъ-то на желѣзнодорожномъ вокзалѣ купилъ померъ иллюстрированного журнала *** и, къ удивленію своему, прочелъ тамъ святочный разсказъ о спиритическихъ явленіяхъ, которыя происходили будто бы у меня въ присутствіи автора этого разсказа и что разсказъ этотъ написанъ въ крайне неприличномъ тонѣ. На дняхъ я получилъ этотъ номеръ журнала ***, прилагаю его при семъ и прошу, если можно, напечатать его въ „Ребусѣ“, а такъ же и этотъ мой разсказъ.

Въ послѣднихъ годахъ прошло столѣтія одинъ изъ многихъ офицеровъ, бывавшихъ у меня на сеансахъ, попросилъ позволенія прійти въ слѣдующій разъ съ своимъ товарищемъ, такимъ-то. Я отвѣтилъ, что объ этомъ товарищѣ его я что-то слышалъ: говорятъ, что онъ любитъ выпить и притомъ скандалить. Но офицеръ увѣрилъ меня, что онъ придетъ съ нимъ тогда, когда онъ будетъ совершенно трезвъ и при этомъ замѣтилъ, что этотъ товарищъ его довольно даровитый человекъ и пописываетъ кое-что. Я согласился и вскорѣ послѣ этого оба они прішли ко мнѣ. Оказалось, что держалъ себя новый участникъ нашъ прекрасно.

Устроили сеансъ при достаточномъ свѣтѣ. Сидѣли полукругомъ: офицеръ рядомъ со мной, а товарищъ его третьимъ или четвертымъ отъ насъ. Что вначалѣ было—я не помню, но черезъ нѣкоторое время товарищъ офицера всталъ, подошелъ къ офицеру и, взявъ его за руку, выйдя на средину комнаты, началъ танцовать и, къ общему нашему удивленію, когда ноги танцующихъ отдѣлялись отъ пола, то началъ показываться на полу и на подошвахъ ногъ у обоихъ ярко-красный свѣтъ, а затѣмъ между ними—изъ которыхъ одинъ былъ за даму, а другой за кавалера—появилось бѣловатое облако, которое начало подниматься вверхъ, много выше ихъ головъ, образуя какъ бы столбъ. Жена моя въ это время играла на пианино. Потомъ оба офицера сѣли на свои мѣста, оба были въ трансѣ и я ихъ разбудилъ; что было дальше—я не помню, но скажу только, что товарищъ нашего знакомаго держалъ себя прекрасно и сеансъ, повидимому, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Что давалъ кушать гостямъ—я не помню, но, по всей вѣроятности, какъ и всегда, угощалъ довольно скромно, такъ какъ, говоря откровенно, мои средства очень и даже очень небольшія. Но продолжаю дальше: черезъ день или два нашъ новый знакомый, назову его г-нъ N, прішелъ ко мнѣ совершенно трезвый и послѣ короткаго разговора попросилъ устроить сеансъ втроемъ, такъ какъ никого больше не было. При этомъ я долженъ сказать, что я держался правила: когда приходилось сидѣть за столикомъ втроемъ, то я гостя всегда сажалъ въ серединѣ и давалъ ему держать объ мои руки; то же самое дѣлала и моя жена. Такъ мы поступили и на этотъ разъ. Сидѣли при слабомъ освѣщеніи. Черезъ нѣкоторое время я замѣтилъ, что гость нашъ склонилъ голову на руки, потомъ приподнялся и какимъ-то особеннымъ голосомъ произнесъ:—„Я генералъ Боровко. Меня отравили на станціи...“ (не помню, какую назвалъ онъ станцію). Повидимому, онъ былъ въ трансѣ. Разбудивъ его, я разсказалъ, что было, при этомъ сказалъ, что я припоминаю, годъ тому назадъ или болѣе того, я читалъ въ газетахъ, что командированный воен. мин. Ванновскимъ для разслѣдованія какихъ-то злоупотребленій въ г. Ташкентѣ, не доѣзжая этого города станціи за двѣ, кажется, генералъ Боровко скоропостижно скончался, причѣмъ высказано было предположеніе, что онъ отравленъ. Г-нъ N, подумавъ немного, сказалъ:—„Да, я припоминаю, что и я читалъ объ этомъ“.—Вотъ только этимъ и ограничилось мое знакомство съ этимъ господиномъ N; очень скоро послѣ того онъ не по своему желанію былъ уволенъ изъ полка и уѣхалъ изъ нашего города. Ко всему сказанному долженъ добавить, что, прочитавъ разсказъ его, я дѣйствительно состроилъ крайне брезгливую гримасу, такъ какъ, кромѣ лжи и дурного тона въ ней ничего нѣтъ, а есть еще и клевета. Я думаю, теперь г-нъ N самъ понимаетъ, хорошо ли онъ сдѣлалъ, что, ради полученія нѣсколькихъ рублей гонорара, онъ не только осмѣялъ людей, ничего дурного ему не сдѣлавшихъ, но даже не постѣснялся пустить въ ходъ и клевету. Редакція того иллюстрированного журнала, гдѣ помѣщенъ разсказъ г-на N, по всей вѣроятности сочтетъ своей обязанностью тоже напечатать это письмо; но если она мнѣ откажетъ, то я потребую этого по суду. Вѣроятнѣе всего этотъ господинъ расчитывалъ, что старикъ давно уже умеръ, а я, какъ нарочно, живу еще, несмотря на свои 78 лѣтъ и пишу, хотя съ трудомъ, но все-таки безъ очковъ“.

(Слѣдуетъ подпись).

Да. Разсказъ святочный, литературное произведеніе невысокаго достоинства, какъ большинство святочныхъ разсказовъ. Дешевенькое измышленіе, которое и вниманія не заслуживало бы, если бы не была названа

фамилія престарѣлаго спирита, его мѣстожителство и если бы разсказъ не былъ снабженъ дикими иллюстраціями—арриатурами на слѣшкомъ добраго старика. Подписанъ разсказъ именемъ человѣка, извѣстнаго всей Россіи не одними своими сочиненіями, но и нетрезвой жизнью, нравственной извращенностью и изувѣрскими выходками. Ничего нѣтъ удивительнаго, что для подобнаго субъекта не существуетъ понятія о деликатности, о порядочности, а тѣмъ болѣе объ уваженіи къ чужимъ убѣжденіямъ, и мы постарались успокоить жертву его издѣвки, уговоривъ не предъявлять къ существу требованій, ему непосильныхъ.

Несомнѣнно, что достойный нашъ единомышленникъ, не принеся никому никакой пользы, доставилъ себѣ своей снисходительностью и попущеніемъ нѣскольکو очень непріятныхъ минутъ.

Но все это внѣшняя, такъ сказать, формальная сторона дѣла; поговоримъ теперь о самомъ существѣ его.

Въ 30—40 годахъ прошлаго столѣтія начали звонить самопроизвольно звонки и колокола по всему земному шару. Въ 50—60 годахъ раздавались стуки, впервые обратившіе на себя вниманіе въ Америкѣ, въ Ротчестерѣ, въ 1848 году. Въ 70—80 годахъ появились медиумы, черезъ которыхъ производились сильнѣйшіе спиритическіе феномены; а затѣмъ стали даваться и здѣсь, и тамъ — опять же во всѣхъ точкахъ земнаго шара—сообщенія, очень схожія между собою въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ имѣли какъ бы общую цѣль—научить человѣка тому главному, что ему знать надо: о будущей судьбѣ его, о значеніи этой жизни въ виду будущаго неизбѣжнаго, о правильности пути въ смыслѣ дальнѣйшей эволюціи и прогресса.

Несомнѣнно, исполнились сроки, настало время, когда духовнымъ миссіонерамъ возможно стало помочь братьямъ, закованнымъ въ броню матеріи, ослѣпленнымъ ею, погрязшимъ въ мірѣ иллюзій и маражей земнаго существованія.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, какъ планомерно организовано было это приблизившееся къ землѣ вліяніе духовныхъ дѣятелей. Съ начала прошлаго XIX столѣтія они стремятся пробуждать людей отъ ихъ духовнаго сна, отъ кошмаровъ его; затѣмъ они привлекаютъ къ себѣ вниманіе человѣчества, заинтересовываютъ его, и уже тогда, когда люди начали обращать вниманіе на аномальное и самодавлѣющее, объясненію какъ бы не поддающееся, и начали искать смыслъ и значеніе происходящему на сеансахъ, тогда постепенно, по мѣрѣ пониманія и моральной и умственной подготовки каждаго кружка, стали получаться объясненія и даваться новыя знанія.

И вотъ, очень послѣдовательно, очень систематично стали спиритическіе кружки, бывшіе въ 60—80 годахъ ареною для непонятныхъ, порождавшихъ удивленіе и любопытство, явленій, преобразоваться въ цѣлыя школы. Начались повсюду — то здѣсь, то тамъ — даваться цѣлыя, глубоко обоснованныя, очень послѣдовательныя, ученія, т. е. развились тѣ явленія, которыя мы, въ отличіе отъ первыхъ—физическихъ—называемъ психическими.

Эти кружки-школы выбираются и подбираются духовными дѣятелями съ большимъ трудомъ и съ большимъ тщаніемъ. Общеніе между ихъ міромъ и нашимъ подчинено множеству законовъ и условій, и въ насъ, и въ ихъ лежачихъ, съ которыми духовными дѣятелями при составленіи кружка—школы необходимо считаться; а кромѣ того, какъ и во всякой школѣ, прежде, чѣмъ насадить новыя понятія, надо подготовить умы учениковъ къ ихъ воспріятію, т. е. воспитать, дисциплинировать эти умы. Долго идетъ время, много шероховатостей приходится имъ преодолевать прежде, чѣмъ ихъ ученики будутъ готовы для правильнаго и систематичнаго воспріятія новыхъ знаній. Какъ

ребенокъ, не выучивъ грамоты, не пойметъ синтаксиса; какъ ученикъ, не окончившій среднее учебное заведеніе, не восприметъ высшей математики, юриспруденціи и т. д., такъ и не получившій должной подготовки участникъ такого сеанса будетъ являть собою одни лишь восклицательные и вопросительные знаки и кромѣ путаницы, шумихи, а въ результатѣ и криво толковъ, ничего не получить. Какъ первому встрѣчному-прохожему на улицѣ: почтовому чиновнику, приказчику, ломовому нечего дѣлать въ химической лабораторіи, такъ нечего дѣлать на сеансѣ кружка-школы постороннему посѣтителю. Обязанность же участниковъ этихъ кружковъ-школъ та же, что и носителей всякой науки: аккумулировать новыя знанія, бережно охранять чистоту ихъ и передавать ихъ на общее пользованіе.

Для неопитовъ же и для людей, не поступившихъ почему-либо въ школу, имѣются два пути удовлетворить своей любознательности: 1) посѣщать сеансы публичныхъ медиумовъ, которые являются какъ бы демонстраторами или публичными лекторами новой науки; или же 2) постараться организовать изъ себя кружокъ-школу. Трудно это послѣднее и требуетъ столько же любви и рвенія къ дѣлу, какъ и достиженіе высшаго образованія для любого подростка.

А. и Б.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Ю. фонъ-Шульцъ.

Случай въ семействѣ Артемьевыхъ.

То, что я здѣсь передаю сообщила мнѣ В. К. Артемьева. Какъ-то, укладываясь спать, она замѣтила какой-то шорохъ въ комнатѣ и даже ей почудилось будто мелькнула фигура. Однако, послѣ тщательнаго осмотра комнаты, она убѣдилась, что ничего не было и вскорѣ спокойно заснула. Прошло нѣсколько дней. Приблизительно въ то же время опять она услышала, что кто-то шевелится въ комнатѣ. Сначала она подумала, что это только показалось ей, но все же какая-то смутная тревога невольно овладѣла ею и на этотъ разъ она уже не могла такъ спокойно уснуть. Ей было жутко, но она стала пристально всматриваться во всѣ углы комнаты, ища причины шороха и припомнивъ, что въ тотъ, предыдущій разъ, когда она, осмотрѣвъ, не нашла ничего, шорохъ былъ именно такой. На душѣ было какъ-то смутно боязно, чего—она сама не могла бы дать себѣ отчета, и въ то же время что-то ожидалось. Шорохъ повторился опредѣленно и уже ясно послышались шаги въ ея комнатѣ.

Шаги направлялись къ туалету. Преодолѣвъ все возрастающій страхъ, В. К. стала вглядываться и вслушиваться. И вдругъ она ясно увидала фигуру своего умершаго брата, который подошелъ къ туалетному столу. Да, это былъ онъ! Замѣтя ея испугъ, братъ грустнымъ голосомъ сказалъ: „Не бойся, это я!..“ Она такъ была потрясена видѣннымъ и слышаннымъ, что лишилась возможности что-либо сказать и только пристально, не отрывая глазъ, смотрѣла на призракъ.

Видъ его былъ такой же грустный, какъ его голосъ. Она хотѣла его что-то спросить, но въ эту минуту видѣніе исчезло. В. К. говоритъ, что въ первый разъ, когда она услышала шорохъ въ комнатѣ, она была далека отъ всякой мысли возможности явленія ея брата и прежде всего подумала, что это ея отецъ подошелъ за чѣмъ-либо къ туалету, что нерѣдко случалось и нисколько не удивило бы ее и теперь, но во второй разъ она уже вполне ясно и отчетливо увидала фигуру брата, причемъ призракъ былъ очень

жизненъ по своему виду, совсѣмъ такой, какимъ былъ братья ея при жизни. Не скоро прошелъ ея испугъ и тѣмъ болѣе, что ей все казалось, что появленіе призрака брата предвѣщаетъ что-то очень печальное. Однако, ничего особеннаго послѣ этого не произошло и видѣніе больше не повторилось.

О способности отошедшихъ вліять на нашу память.

Проясненіе, о которомъ моей покойной тетѣ рассказывалъ одинъ большой другъ нашего дома, очень характерно, какъ показатель того, какъ умѣютъ люди, перешедшіе грань земной жизни, вліять на насъ и приказывать нашей памяти подчиняться своей волѣ. Дѣло происходило въ провинціи. Пріѣхавъ къ своимъ знакомымъ въ собственномъ своемъ экипажѣ и приказавъ кучеру быть къ извѣстному времени на мѣстѣ, В. И. Д. пробылъ, однако, у своихъ знакомыхъ гораздо меньше, чѣмъ предполагалъ и, уйдя отъ нихъ, рѣшилъ взять извозчика и ѣхать домой. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ, несмотря на слабый свѣтъ фонарей, скудно освѣщавшихъ улицу, по которой онъ ѣхалъ, В. И. увидалъ фигуру одного своего большого друга, идущаго по тротуару. Тотъ тоже его увидалъ. Оба страшно обрадовались другъ другу. Извозчикъ былъ моментально остановленъ и оба пріятели, усѣвшись рядомъ, стали радостно и оживленно бесѣдовать, обмѣниваясь разспросами и мыслями, какъ люди, давно не видавшіеся и имѣвшіе многое о чемъ поговорить. Вдругъ, на поворотѣ ближайшей къ дому улицы В. И. увидалъ, что онъ одинъ...

Какъ это произошло, онъ не могъ дать себѣ отчета и страшно встревожился. Но каковъ былъ его ужасъ, когда онъ внезапно вспомнилъ, что этотъ его другъ уже много лѣтъ тому назадъ умеръ и что онъ самъ присутствовалъ на его похоронахъ. Заподозрѣвъ галлюцинацію, В. И. спросилъ извозчика, видалъ ли онъ, какъ садился встрѣтившійся баринъ.

Извозчикъ былъ изумленъ, какъ тѣмъ, что этотъ баринъ исчезъ такъ и тѣмъ, что его спрашиваютъ, видалъ ли онъ его, когда онъ не только видалъ, но и слышалъ, какъ тотъ самъ приказывалъ ему остановиться и усаживался вмѣстѣ съ баринкомъ, нанявшимъ его. В. И. не могъ понять, какъ случилось, что онъ могъ забыть о смерти такого большого друга и встрѣча эта осталась для него на всю жизнь загадкой еще большей, потому что была связана съ такимъ, какъ бы нарочитымъ, забвеніемъ именно на тотъ промежутокъ времени, какой употребилъ отошедшій для того, чтобы пробыть вмѣстѣ съ живымъ.

Когда тетя спрашивала В. И., помнитъ ли онъ ощущение пожатія руки,—не была ли она холодна? Рука была тепла, пожатіе такое же точно, какъ если бы онъ былъ живой и вообще ничто ни на одну минуту не дало повода усумниться въ томъ, что передо мною живой человѣкъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Продолженіе *).

ГЛАВА XV.

Объ оккультизмѣ, его обычаяхъ и о злоупотребленіяхъ.

Я дошелъ теперь до того періода, когда индусская земля, казалось, облегченно вздохнула среди внѣшнихъ или внутреннихъ несчастій, непрерывно обрушивавшихся на эту

несчастную страну. Пользуясь моментомъ этого ложнаго, обманчиваго мира, когда рука демона войны перестала терзать окровавленную грудь Индіи, я нашелъ возможность систематически культивировать высокія поученія возвышавшія мою душу до боговъ древности и позволявшія мнѣ сноситься со святыми существами, могущество которыхъ наполнило бы нашъ міръ ангелами, если бы мы не изгнали ихъ своими демоническими дѣлами.

Почти самыми счастливыми часами моей жизни были часы, проводимыя мною въ лонѣ братства, поученія котораго я изложилъ въ предыдущихъ главахъ. Поскольку я чувствовалъ его вліяніе, мнѣ казалось, что я жилъ среди ангеловъ, боговъ, духовъ; и по мѣрѣ того какъ я знакомился съ высокими идеями, которыя они открывали мнѣ, я примирился съ тяжелымъ настоящимъ и чувствовалъ болѣе довѣрія къ неизбежному будущему. И однако я понималъ тогда какъ и теперь, когда я вспоминаю эти экстазическія и небесныя собранія, насколько неподходящимъ дѣлала они для меня пребываніе на землѣ, возвратъ къ ея безобразіямъ и преступленіямъ. Я зналъ, что мнѣ не только нужно было вернуться на землю, но и принять кромѣ того активное участіе въ страшныхъ событіяхъ, которыя должны были произойти: принять участіе въ еще болѣе ужасной пляскѣ смерти, когда либо наводившей ужасъ на эту страну Востока. Кромѣ того, благодаря своимъ пророческимъ способностямъ, благословенію и проклятію ясновидящаго, я зналъ, что въ моей жизни подготовлялся эпизодъ, совершенно отличный какъ отъ предыдущихъ, такъ и отъ тѣхъ, которые могли послѣдовать. И эти предувѣдомленія, которыхъ нельзя было ни избѣгать, ни измѣнить, не позволяли мнѣ обойти рифы и вывести корабль моей жизни изъ того бурнаго моря, гдѣ ему грозила гибель.

Засѣданія наши окончились. Бига, брамины и братья, по большей части иностранцы, разошлись по различнымъ дорогамъ. Ангелы свѣта, выполнявшіе свои функціи между нами, улетѣли. Духи, служившія намъ, благодаря своимъ усиліямъ поднялись на одну ступень на лѣстницѣ эволюціи, и торжественныя подземелья древнихъ храмовъ стали молчаливыми, пустынными, предоставленными разрушенію, которое слѣдуетъ всегда за каждой вещью, за каждымъ твореніемъ, когда его покидаетъ жизнь.

Всѣ тѣ, кто собирался въ нашемъ подземномъ храмѣ, чтобы принять участіе въ высокихъ подчиненіяхъ, разсѣялись, какъ снѣга прошедшей зимы, за исключеніемъ меня и моего друга Напака Раи.

Въ моментъ нашего отъѣзда изъ Эллары, насъ сопровождалъ капитанъ Грагамъ, молодой шотландецъ, съ которымъ я познакомился нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время моихъ путешествій съ профессоромъ фонъ Марксомъ и котораго я встрѣтилъ блуждающимъ, какъ и я, между этими чудесными храмами. Со времени нашего перваго знакомства прошло нѣсколько лѣтъ, и время произвело въ насъ большія измѣненія; однако мы тотчасъ же узнали другъ друга и съ удовольствіемъ возобновили знакомство, скоро перешедшее въ дружбу. Его симпатіи къ спиритуалистическимъ наукамъ и даръ второго зрѣнія особенно привлекали меня къ нему. Онъ воспользовался короткимъ отпускомъ и покинувъ свой полкъ въ Аллахабадѣ, намѣревался посѣтить знаменитыя подземелья Эллары, гдѣ я

*) См. «Ребусъ» № 11, 1916 г.

встрѣтилъ его и служилъ ему проводникомъ по знакомымъ мнѣ развалинамъ.

Вскорѣ я замѣтилъ его полную неспособность стать членомъ нашего общества, о существованіи котораго онъ совершенно не зналъ какъ и всѣ тѣ, кто ежедневно ходилъ по мѣсту, гдѣ оно собиралось. Однако у него были извѣстныя стремленія къ метафизическимъ знаніямъ и онъ могъ стать ученикомъ философской школы, однимъ изъ основателей которой былъ Нанакаъ Раи. Я представилъ его моему ученому брамну, счастливый при мысли о тѣхъ сокровищахъ мудрости, которыя молодой неюфитъ получить отъ такого профессора. Таковы были мои два товарища по путешествію въ Бенаресъ, гдѣ жилъ браминъ, и въ окрестностяхъ котораго я самъ собирался поселиться на нѣкоторое время.

Какъ я уже сказалъ, въ политической жизни Индостана насталъ моментъ мира. Ничто не возмущало нашихъ бегъ относительно самыхъ абстрактныхъ пунктовъ оккультизма и метафизики.

Однажды, когда мы болтали, куря душистыя сигары подъ тѣнью пальмовой рощи, мой другъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ началъ спрашивать меня объ оккультныхъ силахъ факировъ.

Несмотря на его разглагольствованія, я проникъ наконецъ въ цѣль его вопросовъ. Онъ желалъ знать насколько могущественны эти экстастики и способны ли они благодаря своимъ магическимъ знаніямъ привлечь любовь женщины.

На это я отвѣтилъ съ тѣмъ презрѣніемъ и безразличіемъ, котораго заслуживалъ этотъ предметъ; но вскорѣ я замѣтилъ, что капитанъ Грагаты говорилъ серьезно и даже имѣлъ намѣреніе самъ воспользоваться этими знаніями. Я задрожалъ и думаю довольно грубо спросилъ его какъ такой человѣкъ, какъ онъ могъ подуматъ воспользоваться такимъ недостойнымъ искусствомъ и съ такой низкой цѣлью.

Капитанъ, не обращая вниманія на строгость моего вопроса, посмотрѣлъ на меня своими ясными голубыми глазами и сказалъ:

— Мой дорогой, развѣ дурно пользоваться силами, которыми одѣляетъ насъ природа?

— Все зависитъ отъ цѣли,—отвѣтилъ я.

— Согласенъ, но предположите, что природа одарила меня очень обширными психическими силами; думаете ли вы, что я совершилъ бы низкое и недостойное дѣло, если бы я употребилъ эти силы для того, чтобы заставить полюбить себя женщину, которую я обожаю?

— Не имѣю ничего возразить на это.

— Отлично! вы принимаете значить мое предположеніе,—сказалъ мой другъ.—Тогда въ чемъ же зло, если я къ силамъ, которыми одарила меня природа, прибавлю еще болѣе могущественныя оккультныя силы, лишь бы понятно, цѣль была та же и я пожелалъ бы только приобрести себѣ любовь женщины, которую я люблю?

— Развѣ та, которую вы любите, не раздѣляетъ вашего чувства?

— Нѣтъ!

— И вы желаете заставить ее любить васъ помимо ея воли?

— Я желалъ бы только склонить ея волю къ моей.

Развѣ вы считаете меня способнымъ воспользоваться въ годами, съ дурнымъ намѣреніемъ? Я желаю жениться на женщинѣ, которой я до сихъ поръ безуспѣшно старался внушить свои собственные чувства. Чего я не сдѣлалъ бы ради ея счастья!

— Грагамъ,—отвѣтилъ я,—если бы вы были высокимъ духомъ, освобожденнымъ отъ грубыхъ желаній и земного эгоизма, если бы вы жили въ сферѣ, гдѣ стремленія болѣе высоки, болѣе святы, чѣмъ на землѣ, употребили бы вы для удовлетворенія чисто чувственной страсти духовныя силы?

— Ради Неба, возразилъ мой другъ, задрожавъ и ходя въ волненіи взадъ и впередъ, я никогда не изучалъ этого вопроса подъ этимъ аспектомъ. Конечно, одна мысль просить у блаженныхъ духовъ заняться этимъ дѣломъ была бы богохульствомъ.

— Вы, хорошо отвѣтили, Грагамъ, но не замѣчаете ли вы, что вы исключаете въ этомъ случаѣ вмѣшательство добрыхъ духовъ? А если такъ, то какія же существа вы хотите привлечь къ себѣ и воспользоваться ихъ помощью въ вашемъ колдовствѣ?

— Конечно, дурныхъ духовъ или по крайней мѣрѣ не столь высокихъ, какъ это было бы желательно для меня. Но вы знаете, дорогой другъ, что въ насъ и въ природѣ существуютъ извѣстныя оккультныя силы, благодаря которымъ можно достигнуть желаемой цѣли безъ помощи духовъ. Вы сами, часто доказывали непреодолимую силу вашей воли и вашу способность покорять волю другихъ, почему же я не могу воспользоваться вліяніемъ того же порядка, чтобы заставить себя любить?

— Вы пытались уже дѣлать это?

— Да.

— И безъ успѣха?

— Безъ успѣха.

— Вы просто доказали то, что я вамъ такъ часто говорилъ относительно условій, которыя уничтожаютъ результаты психологическихъ впечатлѣній.

— Не можете ли вы напомнить мнѣ вкратцѣ вашу теорію?

— Я считаю, что моя воля облаченная благодаря моей магнетической силѣ въ флюидическую форму достаточно могущественна, чтобы дѣйствовать на гору, лишь бы только между токомъ моего магнетизма и горой, на которую я хочу дѣйствовать, не было никакого препятствія. Вы можете заставить кого угодно любить васъ, ненавидѣть, повиноваться вамъ, несмотря на разстояніе и матеріальныя препятствія, но для этого необходимо чтобы между вами и вашей цѣлью не существовало бы никакого противоположнаго магнетическаго тока и чтобы противъ васъ не дѣйствовала бы болѣе могущественная воля. Въ противномъ случаѣ ваше дѣйствіе будетъ уничтожено и вашъ магнетизмъ разсѣется въ пространствѣ.

— Но какимъ образомъ я узнаю объ этомъ и какъ я могу воспротивиться этому?

— Это зависитъ отъ удачи. Мы еще недостаточно прозорливы, чтобы быть хозяевами всѣхъ положеній съ которыми мы захотѣли бы экспериментировать. Будьте увѣрены, что противоположные магнетизмы, исходящіе изъ тысячи неизвѣстныхъ источниковъ, являются реальной причиной неуспѣха въ случаяхъ подобныхъ вашему. Успѣхъ

чаще всего бывает тогда, когда оператор электрически положителен, а субъектъ пассивенъ или отрицателенъ, какъ напримѣръ въ случаѣ худшаго изъ преступленій гнуснаго обогащенія. Преступникъ проэктируетъ на отрицательное и совершенно незащитное лицо всю свою психическую силу. Окружающіе обыкновенно не сознаютъ опасности и не оказываютъ никакого нейтрализующаго вліянія, не противопоставляютъ никакого магнетизма, чтобы разрушить чары колдуна. Результатомъ этого является подчиненіе слабаго болѣе сильному, побѣда демона надъ ангеломъ.

— Я вынужденъ согласиться съ вашимъ объясненіемъ — возразилъ Грагамъ. — Я знаю почему вы такъ настаиваете на высшемъ могуществѣ Воли, и я понялъ почему она бываетъ такъ могущественна въ однихъ случаяхъ и бессильна въ другихъ. Пусть такъ. Я принужденъ отказаться отъ помощи добрыхъ духовъ и отъ пользованія психическими силами.

Но не существуетъ ли въ природѣ какого-нибудь снадобія, чаръ или талисмана, которые я могъ бы использовать для реализаціи моего желанія? Я знаю, что я васъ оскорбляю, мой другъ. Вы будете презирать меня, можетъ быть возненавидите за всѣ эти такіе важные для меня и такіе неприятные для васъ вопросы. Но, другъ мой, вы не любите, вы никогда не любили, вы даже не можете понять, что такое любовь! О! вѣрьте мнѣ, любовь сильнѣе смерти и болѣе жестока, чѣмъ могила! Все — разумъ, мудрость, жалость, знаніе надежда на небо или боязнь ада, все блѣднѣетъ передъ этимъ гигантомъ — страстью, впрочемъ я вижу, что говорю въ пустую; вы не можете меня понять...

— Вы ошибаетесь, — отвѣтилъ я, — дружески пожимая руку моего бѣднаго друга; я могу васъ понять, и понимаю васъ. Хотя ни одна смертная не вызывала ко мнѣ страсти, но я знаю, что придетъ день, когда и я буду пораженъ любовью; даже больше, когда я полюблю, какъ вы любите, безнадежно, сознавая свое несчастье. Но я буду презирать себя и откажусь отъ своего дара, если буду вынужденъ пользоваться имъ для того, чтобы господствовать надъ женщиной, любви которой буду тщетно добиваться.

— Это вы то о безнадежной любви? съ удивленіемъ и наивностью воскликнулъ мой другъ, — это невозможно!

— Ваша дружба дѣлаетъ васъ льстецомъ, Грагамъ, и вы неправильно судите о характерѣ женщины въ его самыхъ благородныхъ чертахъ, я говорю вамъ, правду, и хотя я еще не видѣлъ физически ту, о которой мы говоримъ, я знаю, что она не принадлежитъ къ тому классу женщинъ, о побѣдѣ надъ которыми хвастаются мужчины и которыя достойны тѣхъ, кто ихъ покупаетъ. Для каждаго истиннаго мужчины существуетъ женщина, которая должна быть и есть его душа — сестра. Это та которую я не могу обрѣсти здѣсь, на землѣ, но которую я получу въ небесахъ. Давайте лучше посоветуемся какъ оккультисты, а не какъ люди, старающіеся приобрѣсти любовь женщины низкими средствами. Чары, порча, заговоръ обязаны своимъ успѣхомъ лишь помощи духовъ или психологическимъ впечатлѣніемъ. Я уже пытался вамъ доказать, что помогающіе вамъ духи свяжутъ васъ съ собой такими прочными связями, что когда вы сдѣлаетесь какъ и они ду-

хомъ, то окажетесь опутаннымъ такими магнетическими оковами, которыя трудно разорвать и ужасно тяжело переносить. Мы также разсмотрѣли возможный успѣхъ или не успѣхъ психологическихъ впечатлѣній. О какомъ же искусствѣ вы спрашиваете меня?

— Вы мнѣ не отвѣтили до сихъ поръ относительно результатовъ чаръ и талисмановъ. Не фикція ли то могущество, которое имъ приписывается?

— Видите вы этотъ платокъ, Грагамъ; я его купилъ вчера на базарѣ. Какое вліяніе по вашему мнѣнію существуетъ въ его фабрикаціи или въ томъ фактѣ, что онъ былъ выставленъ на продажу?

— Конечно никакого, насколько мнѣ извѣстно.

— Отлично, дайте теперь его въ руки сенситива или психометра, и вы откроете мой характеръ и физическій портретъ; даже больше, мои самыя тайныя намѣренія будутъ отпечатаны въ тканяхъ этого платка. Согласны вы съ этимъ?

— Я имѣлъ доказательство этому. Продолжайте.

— Предположимъ теперь, что къ магнетизму, присущему самой ткани, я прибавлю какую-нибудь сильно сконцентрированную мысль, не будетъ ли также эта мысль заключаться въ немъ; не оставитъ ли слѣда это волевое впечатлѣніе моего духа на эту неживленную субстанцію талисмана?

— Значитъ сила талисмановъ дѣйствительна! — воскликнулъ торжествуя Грагамъ.

— Терпѣніе! — возразилъ я. Прежде чѣмъ продолжать наши разсужденія относительно возможности реализовать оккультными средствами вашу цѣль, позвольте мнѣ открыть вамъ обычныя слѣдствія дѣйствій такого сорта. Вы думаете, что я не понимаю сущности человѣческой любви. Съ физической точки зрѣнія я понимаю ее лучше, чѣмъ вы. Любовь, или двигатель, носящій это имя можетъ имѣть три причины: Первая — это магнетическое средство, движеніе матеріальныхъ атомовъ человѣческаго тѣла, производящія въ присутствіи другой серіи атомовъ, съ которой они находятся въ сильномъ средствѣ, то могущественное влеченіе, которое принято называть любовью. Это простое магнетическое средство, соответствуетъ химическому средству, существующему между атомами тѣла природы, съ тѣмъ различіемъ, что химическое средство постоянно и не измѣняется, тогда какъ средство магнетическое, толкающіе распутника къ его жертвѣ, оканчивается неизмѣнно деполаризаціей съ послѣдующей холодностью, безразличіемъ и отвращеніемъ. Не рѣдко случается, что любовныя интриги, основанныя на страстномъ влеченіи оканчиваются такимъ интенсивнымъ отвращеніемъ, что толкаютъ соблазнителя къ убійству. Вѣрьте мнѣ, что френологи не безъ причины помѣщаютъ на черепѣ рядомъ органы сладострастія и разрушительности.

— О, мой дорогой, удивительный философъ! — воскликнулъ бѣдный Грагамъ, разражаясь смѣхомъ при моемъ тяжеловѣсномъ анализѣ страсти, которую по его мнѣнію можно было изучить только на опытѣ. Это первая фаза любви, какова же вторая?

— Вторая — не любовь. Это только дружба. Она можетъ стать прекраснымъ основаніемъ для брака и имѣетъ гораздо больше шансовъ на длительность, чѣмъ эфемерная страсть. Но это не любовь, а тѣ, которые вступаютъ въ

бракъ на такихъ основаніяхъ, хотя принципиально и далеки отъ невѣрности, тѣмъ не менѣе могутъ чувствовать къ другимъ любовныя влеченія.

— Согласенъ! Дружба между мужемъ и женой или между двумя мужчинами. Я испытываю къ вамъ, самую горячую дружбу, но я не имѣю ни малѣйшаго желанія жениться на васъ, каковы бы ни были мои чувства, если бы вы были женщиной! Въ этомъ я совершенно увѣренъ, а теперь къ № 3. А, вы вздыхаете? Я начинаю думать, что вы влюблены болѣе, чѣмъ хотите это показать. Нѣтъ? Отлично, это выразительное отрицаніе есть ваша исповѣдь и я вынужденъ согласиться, что вы будете также влюблены какъ и я. Но продолжайте, мнѣ хочется поскорѣе узнать вашъ № 3.

— Сродство душъ, Грагамъ, знаніе того факта, что мужчина и женщина не имѣютъ въ дѣйствительности никакой отдѣльной формы существованія, что они составляютъ дополненіе другъ друга и что ихъ отдѣльное существованіе не совершенно. Любовь, реальная любовь, любовь души есть соединительная черта между двумя раздѣленными частями. Она существуетъ помимо личнаго обаянія и умственныхъ качествъ. Она уничтожаетъ эгоизмъ, существуетъ въ болѣзни и здоровьи, умираетъ наконецъ и понимаетъ небо только какъ соединеніе, которое смерть можетъ прервать, но не разрушить. Сродство духовное переживаетъ смерть, соединяетъ двѣ половины одной души и дѣлаетъ на вѣки совершенной двойственную природу мужчины и женщины, составляя изъ нихъ одного духа.

— Ну, другъ мой, — сказалъ Грагамъ, — если вы никогда не любили, то какъ счастлива должна быть та, которая съумѣетъ привлечь такую любовь, какую вы только что описали... Опять тяжелый вздохъ! Вы заставляете думать, что вы, а не я отверженный любовникъ. Но, дорогой мой, вы мнѣ не сказали еще какихъ результатовъ долженъ я ожидать отъ любовныхъ фильтровъ и другихъ магическихъ способовъ, извѣстныхъ вашимъ профессорамъ факирамъ?

— Мои факиры оккультисты, Грагамъ, а не колдуны. Но вернемся къ вашему вопросу. Хотя и можно при помощи извѣстныхъ напитковъ или паровъ вызвать мимолетное возбужденіе, но оно и будетъ мимолетно. На волю можно повліять только временно. Можно возбудить страстное влеченіе, но не вызвать продолжительнаго чувства. Эти напитки производятъ иллюзію, набрасываютъ чары, но результаты ихъ преходящи и за ними всегда слѣдуетъ деполаризація, глубокая реакція, которая производитъ такую же сильную антипатію, какъ и вызванное влеченіе.

— Я вижу, что вы строгій, но правдивый учитель, — воскликнулъ мой бѣдный другъ. Кромѣ того наши опыты доказываютъ, что вы правы. Я конечно рискнулъ бы жизнью и отдалъ бы душу, чтобы добиться любви той, которую я обожаю, но единственная возможность измѣнить ея терпимость на отвращеніе слишкомъ страшный рискъ. Довольно объ этомъ. Для меня нѣтъ больше надежды. А теперь, когда я открылъ вамъ всю глубину моей слабости, вернемся къ оккультизму. Вы говорите, что магнетизмъ которымъ можно зарядить предметъ, даетъ ему силу талисмана. Нѣтъ ли естественныхъ талисмановъ?

— Милліоны, Грагамъ, лишь бы мы умѣли различать ихъ. Существуютъ тысячи травъ и камней, могущественное вліяніе которыхъ можетъ насъ исцѣлить, сдѣлать ве-

селыми или печальными. Существуютъ вещи, могущественныя связи между видимымъ и невидимымъ, могущія вліять на наши чувства и на нашъ духъ. Тѣ, которые въ своемъ горделивомъ знаніи презираютъ эти оккультныя силы природы и пытаются страшнымъ словомъ «суетвѣріе» погасить нашу вѣру въ нихъ, сами глухцы.

— О! мой другъ, — воскликнулъ энтузіастъ шотландецъ, — почему вы не хотите ввести меня въ эти царства оккультной силы?

— Потому что я самъ не могу войти туда, Грагамъ, — отвѣтилъ я. — Я только поставилъ ногу на порогъ и мелькомъ заглянулъ въ безконечные лабиринты невидимаго міра. Я знаю, что эти вещи существуютъ. Я даже констатировалъ силы и опасности, которыя онѣ могутъ представить, но я знаю лишь то, что нужно для того, чтобы рѣшиться на болѣе глубокаго изслѣдованія.

— Вы достаточно знаете, — сказалъ Грагамъ, — чтобы объяснить мнѣ какое оккультное вліяніе запечатлѣлось на этомъ предметѣ?

Онъ вынулъ изъ кармана маленькій конвертъ и протянулъ его мнѣ. Едва я коснулся его, какъ онъ съ удивленіемъ и ужасомъ отступилъ, замѣтивъ какой эффектъ произвелъ на меня талисманъ. Внезапный и смертельный укусъ кобры не причинилъ бы мнѣ такой боли. Въ этомъ конвертѣ было что-то совершенно антипатичное моей натурѣ. Передо мной возсталъ фигура очень красивой молодой женщины, но самое отвратительное изъ существъ, которыя изгоняютъ неопита изъ царства элементаровъ были для меня болѣе симпатичны, чѣмъ эта страшная женщина. Едва дыша, я быстро описалъ портретъ, который былъ въ конвертѣ и эффектъ, произведенный имъ на меня, и почувствовалъ что антипатія уступила мѣсто непреодолимому страданію, столь же загадочному для моего друга, какъ и унижительному для меня. Мрачныя формы промелькнули передъ моими глазами, воздухъ наполнился жалобными звуками и мною овладѣло такое сильное ощущеніе нравственной муки, что, отталкивая моего друга, я бросился къ газону и погрузилъ въ него лицо, чтобы снова обрѣсти свое нарушенное спокойствіе.

Негодую на то, что сталъ игрушкой такихъ непонятныхъ эмоцій, я разжалъ наконецъ пальцы, сжимавшія гнусный портретъ и передалъ его Грагаму, прося избавить меня на будущее время отъ такихъ вліяній. Выслушавъ меня со смѣсью интереса и печали, онъ сказалъ, что описаніе лица, портретъ котораго былъ въ конвертѣ, сдѣлано правильно, и при этомъ добавилъ, что онъ не можетъ понять, почему этотъ портретъ былъ соединенъ съ предсказаніемъ страданій и возбудилъ въ его лучшемъ другѣ, такое сильное чувство антипатіи.

— Грагамъ, — воскликнулъ я, вставая, — если это портретъ женщины, которую вы любите, то благодарите вашего ангела хранителя за неудачу вашего колдовства. Лучше пусть вокругъ вашей шеи обовьется змѣя удавъ, чѣмъ прекрасныя руки этой фатальной женщины!

— Шевалье de В. — воскликнулъ въ бѣшенствѣ шотландецъ, — вы мнѣ отдадите отчетъ въ вашихъ словахъ! — Затѣмъ снова схватилъ мою руку, которую онъ оттолкнулъ, онъ пробормоталъ обычнымъ дружескимъ тономъ.

— Простите меня, Людовигъ, я полусумасшедшій, и я знаю, что вы... да, что вы мистикъ.

<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. » 6 » . 3 » — » За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса улачивается деньгами или марками 40 коп.</p>	<p>ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.</p>	<p>Подписку и корреспонденцію просить адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.</p>
№ 1688.	24-го Іюля 1916 года.	№ 13.

Содержаніе: 1) Эволюція души. (Прод.) Д. О. Карабановичъ.—2) По пути.—3) Загадочное явленіе. А. Оболенской.—4) Не такъ ли умираютъ? Ю. фонъ-Шульцъ.—5) «Въ двухъ планахъ»—(романъ оккультиста). (Прод.)—6) Объявленія.

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

(Безконечное развитіе человѣческой индивидуальности).

Д. О. Карабановичъ.

(Продолженіе *).

Когда сеансъ состоитъ только изъ видѣній, то онъ продолжается не долго,—отъ часу до полутора часа и оканчивается тремя громкими стуками въ столъ, послѣ которыхъ г-жа Шмитъ возвращается въ нормальное состояніе, котораго она, повидимому, окончательно и не покидала. Когда же бываетъ полный сомнамбулизмъ, то сеансъ длится вдвое дольше и возвращеніе къ нормальному состоянію происходитъ медленно сквозь періоды глубокаго сна, прерываемыя сомнамбулической жестикуляціей и позами, каталенсией и т. д. Окончательное пробужденіе всегда предшествуемо многими короткими пробужденіями и засыпаніями.

Каждое изъ этихъ предварительныхъ пробужденій, какъ и окончательное, сопровождается характерною игрою лица. Глаза, давно закрытые, теперь широко раскрываются, тревожный взглядъ обращенъ въ пространство или медленно проходитъ по присутствующимъ, никого не вида; расширенные зрачки не реагируютъ, лицо представляетъ маску неподвижную и лишенную всякаго выраженія. Елена важится совершенно отсутствующей.

Вдругъ, послѣ легкаго выпрямленія бюста и поднятія головы, происходитъ быстрое вдыханіе, лучъ сознанія освѣщаетъ лицо; ротъ граціозно приоткрывается, глаза оживляются, лицо сіяетъ веселой улыбкой и все свидѣтельствуетъ о томъ, что она узнала окружающихъ и пришла въ себя. Но съ тою же внезапностью этотъ проблескъ жизни на 2 секунды снова потухаетъ, лицо опять дѣлается деревянною маской, глаза расширенные и устремленные въ одну точку закрываются и голова опять падаетъ на спинку кресла. Этотъ возвратъ сна опять смѣняется внезапнымъ пробужденіемъ и такъ до окончательнаго возврата къ дѣйствительной жизни.

У г-жи Шмитъ возвращеніе къ прежнимъ существованіямъ не происходитъ, какъ у большинства субъектовъ, посредствомъ внезапной и отчетливой перемѣны личности; а посредствомъ видѣній, постепенно опредѣляющихся. Такъ въ періодъ *востчнаго цикла*, названнаго такъ Флурнуа, первыя видѣнія относятся къ октябрю 1894 г., когда въ саду похаживаетъ на индостанскій, является женщина съ очень черными волосами, исполняющая религиозную церемонію, которая повторится послѣ, когда г-жа Шмитъ приметъ личность Симандини. Только 5 или 6 мѣсяцевъ спустя драма развивается вполнѣ, начинаясь сценами, болѣе близкими къ настоящему времени (сценою на кострѣ), и восходя по лѣстницѣ времени съ добавленіемъ различныхъ лицъ, какъ напр. раджи Сиврука, перевоплощеннаго въ настоящее время въ особу проф. М. Флурнуа. Въ теченіе многихъ сеансовъ происходитъ переходъ отъ простаго видѣнія къ перевоплощенію; при этомъ г-жа Шмитъ играетъ свою роль въ различныхъ обстоятельствахъ съ безукоризненнымъ правдоподобіемъ.

«Характеръ, говоритъ проф. Флурнуа, съ какимъ Симандини скрестивъ ноги, садится на землю, или полу-растянувшись, безпечно оперевшись рукою или головою на воображаемаго раджу Сивруку, поразительнымъ образомъ сохраняя равновѣсіе, требовавшее искусства клоуна;—дальше, религиозная торжественность ея колѣнопреклоненій, когда, покачавъ воображаемой курильницей, она скрещиваетъ протянутыя руки, и преклоняется три раза, ударяясь лбомъ о землю; меланхолическая гармонія ея пѣсенъ въ минорномъ тонѣ, эти тягучіе и жалобные гимны, которые начинаются звуками флейты и въ медленномъ декрещендо угасають протяжной нотой въ 14 секундъ выдержки; гибкость ея движеній волнистыхъ, змѣвидныхъ, когда она забавляется съ воображаемой обезьяной,—вся эта мимика столь разнообразная, какъ и ея экзотическій говоръ, носятъ такую печать оригинальности, свободы и естественности, что въ изумленіи спрашиваешь себя, откуда у такой дѣвушки съ береговъ Лемана, безъ всякаго артистическаго образованія, безъ специальныхъ знаній

* См. «Ребусъ» № 12, 1916 г.

востока, откуда у нея такое совершенство игры, которая наилучшая актриса могла бы достичь не иначе как цѣною продолжительнаго изученія или пребыванія на берегахъ Ганга.

Доказательства реальности переживаемаго г-жею Шмитъ заключаются во 1) въ санскритскихъ словахъ, которыя встрѣчаются въ разговорахъ принцессы Симандины; она цѣлыя пѣсенки на этомъ языкѣ, звуки которыхъ записывались и, при провѣркѣ, оказывались санскритскими фразами; во 2) указаніе на существованіе раджи по имени Сиврука и крѣпости Чандреагири въ эпоху, указанную дѣвушкой, въ одной исторіи востока, очень рѣдкомъ сочиненіи, одинъ экземпляръ котораго, изданный въ 1828 г., былъ разысканъ проф. Флурнуа. Ученый профессоръ пробовалъ объяснить все это впечатлѣніями, оставленными въ безсознательномъ г-жи Шмитъ; но самъ онъ сознается, что ему не удалось рѣшить этой проблемы.

Слѣдующее воплощеніе г-жи Шмитъ въ лицѣ Маріи Антуанетты развивается подобно воплощенію Симандины. Въ 1894 г. ему предшествовали видѣнія, описанныя Еленой и сопровождаемыя типологическими объясненіями, потомъ трансъ сдѣлался глубже и въ 1895 г. г-жа Шмитъ начала олицетворять французскую королеву посредствомъ нѣмой пантомимы, смыслъ которой разъясняется при помощи условныхъ знаковъ ея руководителемъ духомъ Каліостро; затѣмъ она начала говорить, и только лишь въ 1897 г. появилось письмо, (впрочемъ не похожее почеркомъ на извѣстные образцы письма Маріи Антуанетты). Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, олицетвореніе королевы развивается постепенно въ видѣ ряда сценъ и различныхъ картинъ, не связанныхъ между собою въ историческое цѣлое. Это большею частью разговоры, полные ума и даже правдоподобія съ выдающимися людьми той эпохи, именно съ Каліостро, „ея милымъ колдуномъ“, съ Филиппомъ Орлеанскимъ и старымъ маркизомъ Мирабо; эти два послѣдніе воплощены въ гг. *Евген. Демоль, и Авг. Марзьеръ*, обычныхъ участникахъ сеансовъ Елены.

Безполезно, говорить пр. Флурнуа, приводить болѣе подробное описаніе обѣдовъ и вечеровъ Маріи Антуанетты. Они очень забавны и поучительны для зрителя; но много потеряли бы въ пересказѣ. Эти подробности содержатъ все, что только можетъ дать сублиминальное (или подсознательное) воображеніе, живое, гибкое, остроумное. весьма освѣдомленное насчетъ знаменитой государыни: эта освѣдомленность, конечно, легче объяснима, чѣмъ въ индустриальномъ циклѣ.

Добоосовѣстныя показанія проф. Флурнуа имѣютъ для особую цѣнность потому, что самъ онъ рѣшительно не вѣритъ ни въ какія воплощенія душъ и относится крайне скептически и осторожно ко всѣмъ сообщеніямъ Елены Шмитъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П О П У Т Ъ.

Извѣстный писатель Конанъ Дойль поднялъ въ специальной прессѣ вопросъ о томъ, гдѣ находится наша душа во время тѣлеснаго безчувствія—т. е. во время сна нормальнаго или безсознательнаго состоянія подъ влияніемъ анализирующихъ средствъ или обморока?

Нѣкто Г. Т. Q. въ отвѣтъ описалъ, что было съ нимъ, когда его хлороформировали во время оперированія. Онъ подвергся операциі три раза.

— «Въ первый разъ, заснувъ подъ дѣйствіемъ хлороформа, я очутился въ храмѣ, гдѣ священникъ служилъ обѣдню; пока я смотрѣлъ на него, я вижу—подводитъ какой-то человекъ и ударяетъ его пожемъ въ спину. Я ощутилъ сильную боль въ томъ мѣстѣ, куда проникъ ножъ убійцы. Много уже времени спустя я случайно прочелъ въ газетѣ, что 23 го марта 1903 года, въ самый день моей первой операциі, въ одной маленькой деревушкѣ въ Калабріи былъ убитъ священникъ во время обѣдни ударомъ ножа въ спину.

Заснувъ подъ хлороформомъ во время своей второй операциі, этотъ господинъ Г. Т. Q. видѣлъ себя стоящимъ отдѣльно отъ своего тѣла и внимательно наблюдающимъ за тѣмъ, что происходило и между прочимъ видѣлъ, какъ докторъ, производившій операциі, уронилъ свои часы и нѣсколько смѣшался. По приведенію г-на Г. Т. Q. въ чувство все видѣнное имъ оказалось совершенно вѣрнымъ, свидѣтели все подтвердили до мельчайшихъ подробностей.

Наконецъ во время третьей операциі, которую ему дѣлали въ Парижѣ, онъ, будучи захлороформированъ, увидалъ себя дома, въ Римѣ, у своихъ родителей. Онъ слышалъ все, что говорили, и видѣлъ, какъ въ комнату вбѣжала кошка, о существованіи въ домѣ которой онъ ничего не зналъ, вскочила на столъ, уронила и разбила вазу, стоявшую на столѣ. По справкамъ оказалось, что видѣлъ и слышалъ онъ дѣйствительно именно тотъ разговоръ, который былъ прерванъ инцидентомъ съ вазой. («Light»).

Нѣкто Макъ-Артуръ въ предисловіи къ одной своей книгѣ по психизму пишетъ:

— «Если бы мы смогли отдѣлаться отъ страха смерти, если бы мы могли убѣдить человѣчество самымъ непреложнымъ способомъ, доказавъ фактами, что смерть, наводящая такой ужасъ, есть не болѣе, какъ такой же физиологическій актъ, какъ сонъ, ѣда, путешествіе изъ одной мѣстности въ другую, то мы избавили бы нашихъ ближнихъ отъ самаго могущественнаго бѣдствія, какое тяготеетъ надъ нимъ. Мало того: если бы намъ это удалось, то мы могли бы дать надежду еще на большее—на то, что вмѣшательство силъ міръ духовнаго, помимо всякаго человѣческаго контроля, сдѣлался бы нормальнымъ, признаннымъ агентомъ нашей земной жизни, предназначеннымъ намъ на помощь и просвѣтленіе Самимъ Творцомъ Небеснымъ; а съ этой помощью мы скорѣе могли бы достигнуть выполненія провиденціальной задачи человѣчества, его искупленія, т. е. скорѣе достигли бы созданія «Новой Земли и Новаго Неба». («Light»).

Въ журналѣ «Les Ann. des Sc. Psych», помѣщено извѣстіе о томъ, что редакторъ французскаго журнала «La Vie Mystérieuse» и авторъ довольно популярныхъ лекцій по животному магнетизму г. Фернандъ Жиро (Fernand Girod) раненъ шрапнелью. Онъ поступилъ простымъ солдатомъ, успѣлъ въ очень короткое время дослужиться до чина лейтенанта и получилъ двѣ награды: крестъ за отличіе и крестъ Почетнаго Легіона.

ЗАГАДОЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Личные опыты въ области ясновидѣнія).

Докладъ А. Оболенской (Иноземцевой), въ Об-вѣ Спиритуалистовъ, въ Кіевѣ, 2 марта 1916 г.

М. Г. и М. Г.!

Мое знакомство съ кружкомъ спиритуалистовъ натолкнуло меня на одно очень интересное явленіе—способность воспринимать картины прошлаго, настоящаго и будущаго, посредствомъ глядѣнія на поверхность воды.

При помощи, если можно такъ выразиться, внутренняго зрѣнія, благодаря напряженной волѣ, намъ удастся воспринимать явленія тонко-матеріальнаго міра, что недоступно и непостижимо для нашихъ тѣлесныхъ чувствъ въ ихъ обычномъ состояніи.

Форма и состояніе міровой матеріи, доступная нашимъ грубымъ чувствамъ, по мнѣнію выдающихся ученыхъ оккультистовъ, какъ, на примѣръ, Карла Брандлеръ Прахта, *не единственная форма состоянія*. Мы знаемъ, что мы можемъ воспринимать лишь опредѣленное число матеріальныхъ колебаній, что гораздо большее число разнообразныхъ колебаній пропадаетъ для насъ безслѣдно.

Способность ощущать путемъ созерцанія эти добавленія, излученія и разнообразныя астральныя колебанія—(эту такъ сказать форму разрѣженнаго состоянія матеріи)—называется ясновидѣніемъ.

Ниже я приведу Вамъ, М. Г. и М. Г., нѣсколько такихъ примѣровъ, подтверждаемыхъ свидѣтельскими показаніями, но предварительно я должна вернуться назадъ.

Возвращаясь памятью къ далекимъ днямъ дѣтства, я помню себя семилѣтней дѣвочкой, когда я, добывъ откуда-то большую стеклянную пуговицу, совершенно случайно взглянула чрезъ нее на огонь горѣвшей предо мною свѣчи. Одинъ моментъ и мой точно замороженный взоръ не могъ уже оторваться отъ представившейся мнѣ картины:— По огненной рѣкѣ, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, шла Пресвятая Дѣва всѣхъ скорбящихъ радости. Пламя свѣчи колебалось... Мой сотоварищъ, пятилѣтній братишка, котораго я назыву Вавикъ, кричалъ мнѣ:— Ну, чего ты устала на огонь, со своей пуговицей?!—Я ничего не хотѣла слышать: я видѣла св. Дѣву, которая шла по огненной рѣкѣ, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, устремивъ на меня свой скорбный, задумчивый, страдающимъ проникнутый взоръ.

По моему предложенію попробовалъ посмотреть, сквозь пуговицу, на огонь и Вавикъ, но ничего не увидѣлъ тамъ, кромѣ переливовъ огня, и разсердился на меня за мои, яко бы, выдумки.—Все ты обманываешь... Выдумала какую-то чушь.

Я недоумывала: почему я вижу, а онъ нѣтъ. На слѣдующій вечеръ я опять смотрѣла на огонь и опять увидѣла, уже не помню какую, картину движущихся фигуръ, а на третій вечеръ пуговица моя куда-то исчезла и я скоро забыла о ней.

Быль, помню, у меня въ дѣтствѣ еще одинъ случай, о которомъ я рассказала тогда же, сначала нянѣ, потомъ матери, но онѣ не придали ему никакого значенія и я то же вскорѣ забыла о немъ.

Проснувшись какъ-то разъ рано утромъ, я сидѣла въ постели и задумалась о предстоящемъ праздникѣ Рождества Христова.

Мысленнымъ взоромъ я унеслась далеко-далеко, въ теплую, знойную страну, въ священный городъ, именуемый Вилеемомъ. Мое воображеніе работало такъ живо и такъ интенсивно, что поднимая глаза на противоположную стѣну, я ни капельки не удивилась, видя на ней изображеніе Вилеемской пощеры, съ

Младенцемъ Христомъ, лежавшимъ направо, въ корзинкѣ, стоявшаго возлѣ Него старца Иосифа и слѣва—полудежавшую на деревянныхъ мосткахъ Матерь Божію. Я смотрѣла нѣсколько секундъ и видѣніе не пропадало.— Няня, няня, закричала я наконецъ: посмотри какая картина! Видишь?

Няня вышла изъ-за перегородки и, взглянувъ по направленію моей руки, улыбнулась:— Очень даже прекрасная картина. Но я видѣла по лицу няни и по тону ея голоса слышала, что она ничего не видитъ, кромѣ сѣрыхъ обоевъ стѣны, и считаетъ мои слова за одну выдумку.—Видѣла пещеру? видѣла родившагося Христа и Святую Дѣву?—продолжала я допрашивать няню.—А ты будешь выдумывать-то,—отмахнулась она. Вставай скорѣе, да умываться иди.

Я не стала больше увѣрять няню, рѣшивъ въ душѣ, что она большая и, вѣроятно, грѣшница и поэтому ничего и не видѣла.

Во 2 ой стадіи моего, такъ называемаго, „ясновидѣнія“, я еще и тогда, не имѣвшая о немъ никакого понятія, любила, по примѣру своихъ подругъ, молоденькихъ барышень, погадать на святкахъ: посмотреть въ стаканъ съ водой, чрезъ кольцо. Въ большинствѣ случаевъ мнѣ представлялись лица знакомыхъ или родственниковъ, которыхъ я видѣла въ кольцѣ, лежащими въ гробу. Не придавая никакого значенія этому гадапію, я принуждена была, въ концѣ концовъ, повѣрить въ него, такъ какъ картины, видѣнныя мною въ кольцѣ, я видѣла, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ дѣйствительности.

Первый яркій, рельефный случай, запечатлѣвшійся во мнѣ и оставившій неизгладимое впечатлѣніе, заключался въ слѣдующемъ:—Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1899 года я лечилась въ Москвѣ отъ остраго воспаленія нервовъ шеи, плеча и лопатки, вызваннаго сильною простудой. Въ одинъ изъ вечеровъ, въ присутствіи близко знакомой мнѣ княгини Маріи Николаевны Маматкозиной, я вздумала посмотреть въ воду, съ мыслью, что дѣлается дома. Дома у меня оставалась дочь (десятилѣтняя дѣвочка), сестра, больная мать и отецъ, еще довольно бодрый, для своихъ шестидесяти лѣтъ, старикъ. Не имѣя тогда никакого понятія о магнетическихъ пассажахъ, я бросила кольцо въ наполненный водой стаканъ и сейчасъ же увидѣла такую картину: на большой двухспальной кровати, покрытой одѣяломъ, лежитъ моя мать, съ закрытыми глазами, съ блѣднымъ, мертвенно застывшимъ лицомъ. Я стою у ея постели,—въ черномъ капотѣ, ниспадающемъ густыми, мягкими складками, обшитомъ траурными плерезами,—закрывъ рукою лицо. Поза моя выражаетъ отчаяніе. Мнѣ сдѣлалось какъ-то не по себѣ, какъ-то жутко отъ этой картины. Должно быть, я изменилась въ лицѣ, потому что княгиня спросила меня:—Что вы видите? что съ вами?—Посмотрите сами, отвѣтила я.—Но я ничего не вижу, усмѣхнулась княгиня, заглянувъ въ стаканъ. Тогда я, взволнованная видѣннымъ, передала ей содержаніе картины. Она взглянула опять.—Да, да, я теперь вижу, поразилась она. Какое странное явленіе. Но, можетъ быть, это только воображеніе, успокаивала она меня: картина, нарисованная вашимъ воображеніемъ и воспринятая мною подъ вліяніемъ вашего внушенія.— Не знаю, отвѣтила я, но при чемъ тутъ мой трауръ? Очевидно, умереть кто-нибудь еще раньше мамы, по комъ я могла бы носить его.

Марія Николаевна опять усмѣхнулась.— Онъ прелестно спитъ, этотъ капотъ, произнесла она, заглядывая въ стаканъ, но я все-таки не совѣтую вамъ предаваться мрачнымъ мыслямъ.

Разговоръ на эту тему у насъ прекратился, но я цѣлый вечеръ была взволнована и когда на другое утро только что приготовилась было сдѣлать запросъ сестрѣ: все ли у насъ, дома, благополучно, какъ полу-

чила письмо от нея, съ извѣщеніемъ, что папа заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. На 7-ой день его болѣзни я получила отъ сестры телеграмму, что отецъ скончался. Выѣхать на его похороны мнѣ не позволила моя болѣзнь и трауръ мнѣ дѣлалъ въ Москвѣ. Когда я въ первый разъ надѣла на себя черный, суконный капотъ и подошла къ зеркалу, ужасная мысль о грядущей смерти матери уже не покидала меня. Не кончивъ курса леченія, я бросила все и уѣхала домой, къ мамѣ. Мама прихварывала, смерть папы тяжело повліяла на нее, — они прожили долгую, дружную совместную жизнь, — но все-таки она была на ногахъ, похаживала по комнатамъ и скрывая свои страданія, свои боли, (у нея была мучительная болѣзнь сердца), ухаживала за мной, разспрашивая о способахъ моего леченія. Проживъ дома съ большимъ трудомъ до начала января, — у меня все время были ужасныя головныя боли и бессонница, — я снова уѣхала въ Москву лечиться. Сестра, время отъ времени, писала мнѣ, что мамѣ то лучше, то хуже. Въ половинѣ марта, получивъ письмо, что мама слегла въ постель, я полубольная, экстренно выѣхала изъ Москвы и приѣхала къ матери только за четыре дня до ея смерти.

Въ моментъ ея тихой христіанской кончины, и мой черный капотъ, и мое отчаяніе напомнили мнѣ картину, видѣнную около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ въ стаканѣ съ водой. Это было такъ поразительно и такъ ужасно, что съ тѣхъ поръ я никогда уже не смотрю въ воду съ мыслью о своихъ близкихъ. Иногда мнѣ ужасно хочется увидать моментъ своей смерти: при какихъ обстоятельствахъ произойдетъ она, по инстинктъ самосохраненія, робость, трусость, какое-то непонятное чувство отвѣтственности предъ единственной дочерью, удерживаетъ меня отъ этого шага. Пути Господни неисповѣдими и непреложны и если будущее каждаго человѣка заранѣе предначертано въ его астральномъ планѣ — ни измѣнить его, ни исправить нельзя.

Говоря о своей попыткѣ проникнуть мысленнымъ взоромъ въ грядущее, я забѣгу немного впередъ и расскажу одинъ случай, происшедшій у меня на-дняхъ, съ вдовой генерала С. *), которая, надѣюсь, не откажется подтвердить истину моихъ словъ.

Узнавъ о моихъ опытахъ и пожелавъ видѣть своихъ сыновей, находящихся въ дѣйствующей арміи, г-жа С., въ концѣ сеанса, предложила мнѣ посмотреть, при какихъ обстоятельствахъ произойдетъ ея смерть. По нѣкоторымъ даннымъ г-жа С. (убѣжденная спиритка), была увѣрена, что смерть ея послѣдуетъ въ текущемъ году. — Мнѣ кажется, въ этомъ году вы не умрете, — улыбаясь отвѣтила я. — Лучше посмотримъ на то, какое событіе васъ въ этомъ году ожидаетъ. Она согласилась. Я увидала ея дочь, молоденькую барышню, (которая незадолго до этого была у меня) въ вѣнчальномъ костюмѣ, рука объ руку съ офицеромъ, брюлетомъ лѣтъ 27—30. Картины, которыя я вижу въ водѣ даже и безъ кольца и безъ котораго очень затруднительно ихъ видѣть другимъ, г-жа С. видитъ прекрасно. Лицо офицера она разглядѣла хорошо и сказала мнѣ, что не забудетъ его. — Ну, а все-таки посмотрите, при какихъ обстоятельствахъ я умру, — настаивала г-жа С. Я бросила въ воду кольцо: мнѣ представилась комната, слѣва постель, на ней г-жа С., — рядомъ на стулѣ офицеръ, видѣнный передъ этимъ, но значительно, лѣтъ на десять, по крайней мѣрѣ, постарѣвшій, а дальше, справа, другой офицеръ, значительно моложе. — Это мой младшій сынъ! — воскликнула г-жа С.

Я не хочу останавливаться на этомъ, очень удачномъ, опытѣ болѣе подробно, такъ какъ слишкомъ

много заняло бы это мѣста, но не могу не сказать, что слѣдующая, зафиксированная мною, по желанію г-жи С., картина представляла гробъ, въ которомъ можно было рассмотреть лицо г-жи С. и облокотившуюся надъ гробомъ фигуру ея младшаго сына, въ позѣ печали и горя. Изъ своихъ личныхъ опытовъ я вынесла впечатлѣніе, что чѣмъ тоньше субстанція человѣка, подвергающагося опытамъ и чѣмъ чище, въ душевномъ смыслѣ, его эманации, тѣмъ легче и рельефнѣе получаютъ у меня свимки, Богъ знаетъ, гдѣ-то и кѣмъ-то начертанныхъ, картинъ нашего грядущаго будущаго. Болѣе благодарнаго, въ смыслѣ тонкости и чистоты эманаций, субъекта, какъ г-жа С., я пока еще не встрѣчала.

Одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ Карлъ фонъ-Рейхенбахъ благодаря своимъ многочисленнымъ опытамъ, производимымъ строго научнымъ путемъ, доказалъ, что человѣческое тѣло обладаетъ способностью постоянныхъ свѣтящихся излученій, которыя онъ назвалъ „Одомъ“, въ честь мифологическаго норвежскаго бога „Одина“, управляющаго міромъ. По ученію г. Рейхенбаха, одическія излученія свойственны не только человѣческимъ тѣламъ, но и всѣмъ органическимъ и неорганическимъ веществамъ, даже планетамъ какъ солнце и луна. Что излученія человѣческаго тѣла фактъ, а не вымыселъ, доказали опыты, сдѣланные директоромъ Парижскаго политехникума, г. Роша. Ему удалось, между прочимъ, запечатлѣть излученія человѣческаго тѣла на фотографической пластинкѣ.

Благодаря этимъ излученіямъ, этой неизмѣримо тонкой субстанціи, мы и получаемъ все наши астральныя сообщенія, такъ какъ одъ, самъ по себѣ, является матеріальнымъ проводникомъ нашей воли, мысли и жизненной энергіи.

Этимъ, только отчасти конечно, я и могу объяснить загадочность существующихъ въ моихъ опытахъ фактовъ. Сильно развитая воля направляетъ мой мозгъ на желаніе постичь, казалось бы, непостижимое, и я заставляю себя, своей одъ, устремиться, подобно многимъ вновь открытымъ лучамъ, на далекое разстояніе, минуя пространство и преграды, въ видѣ дерева, камней, сквозь стѣны каменныхъ громадъ, минуя цѣлую серію грубо матеріальныхъ тѣлъ. Заставляя свое вниманіе остановиться на какомъ-нибудь событіи, или человѣкѣ, находящемся отъ меня, допустимъ, на разстояніи тысячеверстнаго пространства, я направляю къ нему свои одическіе лучи и снявъ, подобно камеръ-обскурѣ, изображеніе его и окружающихъ предметовъ, оставляю снимокъ, подобно негативу, на поверхности воды. Это объясненіе можетъ касаться прошедшихъ сторонъ человѣческихъ существованій и настоящихъ, а если допустить то же объясненіе и къ будущимъ — тогда мы à priori должны признать, что будущее человѣческой жизни заранѣе уже предначертано въ ея астральномъ планѣ. Ничто въ мірѣ не исчезаетъ, ничто не проходитъ безслѣдно. *Что было — то всегда будетъ.* Была въ жизни смерть близкаго мнѣ лица, зарыли его въ землю и самый домъ тотъ, гдѣ произошла смерть, разрушенъ, но то, что было въ немъ — смерть человѣка — осталось начертаннымъ въ астральномъ планѣ. И я вижу ее опять — эту картину... Посылаю къ ней свою мысль и она опять возвращается къ моей мысли. Ниже я приведу нѣсколько такихъ необъяснимыхъ, но противрѣчныхъ фактовъ, но предварительно вернусь назадъ, къ днямъ возникновенія моихъ опытовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Александра Яковлевна Свѣшнікова: Львовская, д. 14-а.

НЕ ТАКЪ ЛИ УМИРАЮТЪ?

Онъ умиралъ тихо и серьезно, безъ борьбы и страха, нашъ другъ и товарищъ. Это была удивительная смерть. Умиралъ онъ сознательно. Ему видимо нестерпимо были тяжелы, *мѣшали умирать*, стоны и рыданія бившейся въ истерикѣ у его кровати его матери, обезумѣвшей отъ горя. По его вдумчивому лицу скользило порою выраженіе нетерпѣнія и страданія отъ близости этого бурнаго, несдерживаемаго горя, отъ этого напраснаго мучительнаго протеста! Онъ прорывалъ... онъ собиралъ всю силу воли и анализировалъ. Ему мѣшали въ этой трудной работѣ... ему такъ хотѣлось, не теряя сознания, безъ помѣхи, узнать на себѣ самомъ, что такое смерть и есть ли она то, что большинство людей себѣ представляетъ; въ какихъ ощущеніяхъ проходить эта неизбѣжная, страшная для всѣхъ, смѣна. Видимо онъ напрягалъ всю бодрость, чтобы до конца не упустить и прослѣдить еще сколько хватить силъ, нить своей жизни. Онъ ясно и какъ то торжественно произносилъ слова, обращаясь къ сестрѣ, съ трепетомъ прислушивавшейся тутъ рядомъ, у его изголовья, къ тому, что онъ ей говорилъ.— Я знаю, что я уже *начинаю* умирать.. да, *начинаю!* Это пойдетъ быстро. Я чувствую какъ, первыя, умираютъ уже мои ноги. Онѣ не отнимаются, а совсѣмъ, совсѣмъ умираютъ, изъ нихъ улетучивается безъ остатка жизнь. Но я самъ мыслю ясно и могу слѣдить затѣмъ, что произойдетъ и происходить.— Помолчавъ и задумавшись о чемъ-то онъ вспомнилъ друзей.— Скажи имъ мое прощаніе!.. всѣмъ тѣмъ кто помнитъ меня. А! вотъ оно, поднимается, идетъ выше!— снова заговорилъ онъ о своемъ умираиіи.— Отъ ступней идетъ вверхъ, движется постепенно... когда поднимется еще... еще.. дойдетъ до сердца—я умру! Это приближается!.. Еще выше.. выше.. скоро! Прощайте!—Голосъ его замеръ. Губы еще шевелились, словно слясъ произнести какія то слова. Дыханіе становилось рѣже, слабѣе. Вѣки устало опустились. Брови слегка удивленно приподнялись, на лицѣ отразилась какая-то таинственная, загадочная улыбка. Еще нѣсколько рѣдкихъ слабѣющихъ вздоховъ и все стихло... Милая душа умнаго, талантливаго и симпатичнаго человѣка отошла. Какъ ему хотѣлось все, все досказать!..

Про эту смерть рассказала мнѣ его сестра, а черезъ небольшой промежутокъ времени отощавшій явился матери на яву, а мнѣ во снѣ передалъ, какъ онъ себя чувствуетъ тамъ. И его сестра, и я тогда были поражены этимъ самообладаніемъ, этимъ его желаніемъ, въ минуты агоніи приподнять завѣсу тайны смерти. Каждое слово жадно ловила его сестра и эти слабѣющіе звуки дорогаго голоса, тихо, но ясно произносимаго слова, врѣзались въ ея память, въ вѣчную о немъ память. Врѣзались они и въ мою память.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. И недавно мнѣ это все вспомнилось вновь. Мнѣ вспомнилось, какъ усиленіемъ воли человѣкъ смогъ прослѣдить процессъ даже своей собственной смерти. Вотъ почему вспомнилось и то, что было со мною.

Произошло это весной, въ пору переѣздовъ на дачу, приблизительно въ концѣ мая 1915-го года. Въ одну изъ ночей, я, внезапно проснувшись, почувствовала, что со мною творится что то необыкновенное. Ясно безъ малѣйшаго повода къ сомнѣнію, я ощутила, что проснулась *прежде*, чѣмъ моя душа вернулась въ мое тѣло.

Это было такъ внезапно и такъ необычайно, что въ первыя мгновенія я пришла въ какое-то замѣшательство соединенное съ ужасомъ. Но вскорѣ, по привычкѣ

заставлять себя не теряться и непременно точно анализировать все случающееся со мною сверхнормальное я оправилась и тотчасъ же отмѣтила, что мышленіе мое ясно и необыкновенно легко и отчетливо, какъ бы находится внѣ мѣшающихъ такой легкости и быстротѣ физиологическихъ процессовъ. Въ то же время я почувствовала какую то быструю вибрацію своего живого *Я*, оказавшагося внѣ тѣла, но все же связаннаго съ нимъ при посредствѣ *только одной головы* чѣмъ то очень непрочною, какъ бы воздушнымъ, изотой непрочною наводящимъ мгновеніями ощущеніе ужаса предъ этимъ явленіемъ.

Глаза поразительно ясно все видѣли. Тѣло мое было неподвижно и въ различныхъ степеняхъ неощутимо. Въ различныхъ степеняхъ, повторяю, неощутимо, такъ какъ ноги наприимѣръ, не имѣли ни малѣйшей тѣни, жизненности, а руки хотя и были неподвижны, но сознание твердо рѣшало, что при большемъ усилии воли *пальцы* могли бы зашевелиться. Общее состояніе духа непрерывно изумленное, стремящееся не упустить ни одной подробности ощущеній изъ памяти. Охватывавшій мгновеніями ужасъ смѣнялся непреодолимымъ желаніемъ продлить это состояніе, чтобы понять его, изучить и вполне убѣдиться въ дѣйствительной наличности явленія. Мысли неслись такъ быстро, пестро, безостановочно, что о времени невозможно было себѣ составить никакого представленія.

Ужасъ охватывалъ мое *Я* отъ ощущенія какой то непрочности, которая, казалось, могла причинить внезапный исходъ изъ тѣла; являлся протестъ съ массой различныхъ, доводовъ, и самыхъ незначительныхъ мелочей житейскихъ заботъ, неоконченныхъ дѣлъ, и т. д. ярко выступившихъ, при этомъ въ памяти.

Среди пестроты и борьбы противоположныхъ желаній и мыслей, видѣялось какое то безстрастное чувство, или вѣрнѣе мысль, которая, съ какой-то особенной поспѣшностью и краткостью отмѣчала теперь явленія по порядку, одно за другимъ — приблизительно такъ: сердце не бьется или такъ слабо, что пульсація крови нигдѣ во всемъ тѣлѣ не чувствуется. Дыханіе какъ будто безъ участія легкихъ и какое-то сплошное, пропитывающее мое *Я* необходимымъ количествомъ живительныхъ частицъ воздуха. Ноги не чувствую, рукъ, туловища—не чувствую. Плечъ, шеи и даже нижней челюсти не чувствую. Верхняя часть головы живетъ особенно интензивной жизнью въ эти минуты. Зрѣніе и слухъ очень обострены и находятся въ сильномъ нервномъ напряженіи. Замѣчаю, что очень боюсь, чтобы пламя лампы не замигало и чтобы глубокую, окружающую меня, тишину не нарушилъ какой-либо даже слабый стукъ. Тогда, будто, можетъ произойти нѣчто, пугающее неизвѣстной опасностью.

Но вотъ самое интересное изъ всѣхъ этихъ ощущеній: я чувствую что все главное, и связь моей души съ головою, и всѣ мысли страха, желанія, и все словомъ *мое живое Я* зиждется главнымъ образомъ въ какомъ то ступенномъ воздушномъ переходѣ отъ продолговатаго мозга *сквозь кости черепа* наружу во что-то ничѣмъ не вмѣщаемое и не ощущаемое, какъ тѣло, но ясно сознаваемое, какъ продолженіе моего живого *Я*, находящагося одновременно и въ верхней части головы и здѣсь, и притянутое словно струнами къ мозжечку.

На это самочувствіе въ продолженіи феномена и обратила усиленное вниманіе. Я и теперь, когда пишу эти строки, съ тою же отчетливостью помню всѣ мѣсто-нахожденія этихъ своихъ ощущеній, такъ что имѣя передъ собою анатомическій атласъ, нахожу эти мѣста, мозговыхъ и черепныхъ ощущеній на изображеніяхъ таблицъ, точно и непоколебимо. Я безошибочно могу сказать, что въ костяхъ черепа главное ощущеніе *прохожденія* этого ступеннаго тока было въ мѣстѣ

основного отверстія въ черепной кости. Но оно окружено было энергіей какихъ-то животрепещущихъ лучей, не идущихъ далѣ той области моего самочувствія внѣ тѣла, которая могла бы быть сравнена съ какимъ то маленькимъ облачкомъ, не больше размѣромъ, чѣмъ моя голова, какъ бы волнующимся и колеблемся, держась *пока* на одномъ мѣстѣ. И чувство, что это *пока* можетъ внезапно прекратиться было особенно, и любопытно, и жутко. Повторяю, что изъ всѣхъ чувствъ слухъ и зрѣніе были тревожнѣе всего настроены, но слухъ—особенно, настолько сильно, что все время параллельно съ другими мыслями, держалась мысль о желательности абсолютной тишины.

Ощущеніе этого облачка нераздѣльно съ ощущеніями въ головѣ. Сознаніе непрерывно предупреждаетъ что можно вернуться въ тѣло и можно выйти изъ него совершенно отдѣлившись и это страшитъ. Страшитъ главнымъ образомъ—потерять возможность вернуться въ свое тѣло. Эти противоположныя мысли и ощущенія какъ бы колыхаютъ облачко и напоминаютъ что оно готово какъ на то, такъ и на другое, *но подчинится преобладающему рѣшенію мысли и желанія*. Какъ только я дохожу въ своемъ обзорѣ до этого пункта и убѣждаюсь, что все проверено и запечатлѣно въ памяти прочно, встаетъ вдругъ новая упорная мысль, раньше не являвшаяся: „*еще рано*“. Этотъ доводъ оказывается могущественнѣе всего предыдущаго и сразу выдвигаетъ на первый планъ возвращеніе къ обычной нормѣ существованія. Съ момента появленія этого довода первая мысль—собрать силы на дыханіе. Я словно учусь дышать, дѣлая сначала очень слабыя попытки. Добившись нормального дыханія я, съ радостью, уже замѣчаю и слабое бѣненіе сердца, такое слабое что я сначала не вѣрю себѣ.

Съ этой минуты ужасъ внезапно слабѣетъ, совершенно исчезаетъ и смущаетъ еще лишь нѣкоторый страхъ оказаться неспособною къ движенію. Но вотъ постепенно я чувствую быстро пробѣгающую жизнь въ рукахъ, во всемъ тѣлѣ.

Однако во всемъ тѣлѣ довольно продолжительное время ощущается какая-то апатія, желаніе поберечь силы—вѣрнѣе вполнѣ набраться силъ, не шевелиться, отлежаться.

Конечно о желаніи уснуть въ первое время и помину не было, настолько происшедшій феноменъ поразилъ и озадачилъ меня. Долго я еще лежала, повторяя въ своей памяти всѣ отбѣнки перенесеннаго мною страннаго состоянія. Въ тѣ минуты я не могла рѣшить приятно или неприятно мнѣ то, что со мною произошло.

Однако во мнѣ было ощущеніе и радостное, и какое то печально-торжественное. Радостно было потому что я получила полное доказательство того что смерть, если она такова,—совсѣмъ не такой страшный тягостный процессъ—по крайней мѣрѣ первыя ея проявленія. Грустно было, потому что этотъ феноменъ показался мнѣ какимъ то намекомъ, чѣмъ-то вродѣ первой репетиціи.

Продолжая все еще лежать съ широко открытыми отъ пережитаго удивленія глазами, я старалась припомнить, не было ли со мною подобнаго раньше.

Но добросовѣстно перебирая всѣ случаи необычнаго состоянія приходила къ рѣшенію, что ничего подобнаго раньше не бывало. Сколько времени длился феноменъ, я не могу себѣ представить. Когда я окончательно пришла въ нормальное свое состояніе, было около 4-хъ часовъ ночи. Мнѣ захотѣлось непременно хоть сколько-нибудь уснуть, словно я затратила какія-то силы на утомительной работѣ, но не физической, такъ какъ физической усталости я никакой не чувствовала.

Однако сонъ не шелъ и мнѣ припомнилось какъ

умирала А. Б. Щ., какъ онъ говорилъ что тѣло его уже умираетъ а *онъ самъ* еще мыслить и живеть. Много общаго нашла я въ своемъ необычномъ состояніи и сознательной агоніи нашего друга. Только подъ утро я уснула чуткимъ, тревожнымъ сномъ, а утромъ все съ новой силой предстало предо мною, вновь вызвавъ и удивленіе, и грусть. Ничто не вызвало, не дало, такъ сказать, повода въ моей жизни тѣхъ дней, когда это произошло, не дало почвы, казалось бы, такому явленію.—Самыя обыкновенныя дѣла, масса хлопотъ, чисто житейскихъ, такихъ далекихъ отъ чего-либо подобнаго... Возня съ приготовлениями къ переезду на дачу, словомъ все то, что отнюдь не наводило даже на мысли, близкія къ характеру этого феномена. Поэтому онъ надолго поразилъ меня своею необычностью. И долго неотступно вставалъ вопросъ: „не такъ ли умирають!“..

Юлія фонъ-Шульцъ-Сиворцова.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Продолженіе *).

ГЛАВА XVI.

Солнце Индостана возстанавливаетъ нѣкоторые старинные обычаи и, между прочимъ, ноктамбулизмъ. То, что для высшаго европейскаго общества является простой модой, въ Индіи становится настоятельной необходимостью, если вы не хотите совершенно растаять прежде, чѣмъ окончите дневныя занятія.

Послѣ обѣда въ одиннадцать часовъ вечера и кофе въ полночь мы разстались съ Грагамомъ и разошлись по своимъ комнатамъ.

Придя къ себѣ я сталъ размышлять относительно страннаго вліянія, произведеннаго на меня талисманомъ Грагама. Я позволилъ войти въ себя чудесному спокойствію таинственной луны, которая освѣщала священные воды Ганга, омывавшія ступени моей террасы и погрузился въ созерцаніе минаретовъ съ серебряными остріями, куполовъ, башенъ и металлическихъ украшеній храмовъ, нагодъ и дворцовъ, блестящихъ при нѣжномъ свѣтѣ ночного свѣтила. Тайны загробнаго міра, жизни, смерти, вѣчнаго прогресса и вѣчнаго сна, промелькнули въ моей головѣ, при нѣжномъ свѣтѣ луны и всякая вещь преобразалась и порождала во мнѣ новыя идеи, принимавшія подъ вліяніемъ ея успокаивающей силы различныя формы.

Вдругъ я почувствовалъ невадалекѣ отъ себя присутствіе чего-то. Одна луна освѣщала обширную комнату и бросала большой свѣтлый кругъ вокругъ дивана, на которомъ я сидѣлъ. Ничто не прерывало глубокаго молчанія. Ничто не проецировало вокругъ никакой тѣни, и однако что-то приближалось, обогнуло группы разбросаннымъ тамъ и сямъ статуй, колебля листьву апельсинавъ и другихъ тропическихъ растений, образовавшихъ аркады по сторонамъ террасы, и направилось ко мнѣ, вошло въ кругъ, образованной луной, обошло безшумно диванъ, и наконецъ я увидѣлъ стоящую передо мной фигуру въ плащѣ съ каюшономъ на головѣ.

*) См. «Ребусъ» № 11, 1916 г.

Это был Бига из Эллары, Чундра вудь-Дескъ.

„Мой отец и наставник пришел ко мнѣ, — сказалъ я, поднимаясь, — Добро пожаловать“.

Въ первый разъ за все время Бига протянулъ мнѣ руку. Я никогда не прикасался къ нему; онъ даже избѣгалъ моего прикосновенія, и теперь я не удивлялся этому, потому что взявъ его за руку, я почувствовалъ, что она холодна, какъ рука мертвена.

Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу.

„Мой сынъ сталъ теперь моимъ братомъ, — медленно произнесъ Бига съ тамульскимъ акцентомъ:

„Онъ такой же адептъ, какъ и Чундра. Что можетъ ему сказать Вудъ-Дескъ, чего бы онъ уже не зналъ бы?“

— „О, много, много“ — страстно воскликнулъ я, — забывая, въ своемъ желаніи стать ученикамъ, ту сдержанность и хладнокровіе, къ которымъ меня обязывало мое званіе адента.

(Да будетъ понятно, что неожиданное появленіе этого человѣка меня нисколько не удивляло и я не старался объяснить его себѣ).

Въ то время, какъ я воспринималъ поученія братства Эллары, я зналъ Чундру-Вудъ-Дескъ за одного изъ адентовъ. Думаю даже, что онъ былъ однимъ изъ занимавшихъ седьмой тронъ. Онъ приходилъ и уходилъ въ духъ (какъ духъ). Я много разъ посѣщалъ его въ его жилищѣ на горѣ, но я никогда не могъ понять, какъ мнѣ удавалось взобраться на эти головокружительныя высоты и спуститься съ нихъ. Я никогда не видѣлъ его до сихъ поръ, никогда не касался его; никогда я не могъ понять, кто онъ былъ. Я зналъ только, что онъ помѣщался между мной и свѣтомъ когда, гдѣ и какъ онъ хотѣлъ и ничего больше.

— Что хотите вы знать, Людовикъ? — спросилъ онъ. О, какимъ пѣжнымъ показался мнѣ звукъ этого забытаго мною имени, въ устахъ этого пришельца!..

Всѣмъ неопитамъ Эллары, за исключеніемъ ихъ адептовъ, было запрещено говорить между собою о получаемыхъ ими поученіяхъ.

Я и Чундра были изъятые изъ этого запрещенія:

Я могъ свободно спрашивать его о моихъ спиритуалистическихъ проблемахъ, которыя волновали меня въ этотъ моментъ. Если бы я не зналъ до какой степени совершенства доведена была передача мысли между нами, я смутился бы, замѣтивъ, что вопросы, которые я намѣревался задать, были рѣшены заранѣе, раньше даже, чѣмъ они были матеріализованы въ слова.

Въ этой мысленной бесѣдѣ я, по своей волѣ, игралъ пассивную роль и въ теченіе нѣкотораго времени онъ читалъ меня и господствовалъ надо мной. Мы могли бы помѣняться ролями, но намъ невозможно было поддерживать тоже мысленное положеніе по отношенію другъ къ другу. Такъ какъ вопросы, которые мы поднимали интересуютъ спиритуалистовъ вообще и мой собесѣдникъ былъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ авторитетомъ, то я приведу изъ этой бесѣды то, что будетъ имѣть общій интересъ для читателей.

Я спросилъ сначала, почему являвшіеся мнѣ духи не могли давать мнѣ объясненія по высшей философіи и болѣе совершеннымъ образомъ описать родъ ихъ жизни въ духовномъ мірѣ.

— Вы всегда озабочены тѣмъ, чтобы прійти на помощь

къ тому классу пищихъ, которые страдаютъ отъ голода, — отвѣтилъ онъ. — Считаете ли вы это полезнымъ? Васъ часто предупреждаютъ, что они недостойны вашихъ заботъ, но одна мысль, что человѣческое существо страдаетъ отъ голода, выводитъ васъ изъ себя и дѣлаетъ васъ фанатикомъ милостыни. Не такъ ли это?“

Позволю себѣ напомнить моимъ читателямъ ту агонію, которую я перенесъ въ молодости, благодаря голоду и сдѣлавшую меня настолько чувствительнымъ къ этому, что я скорѣе совершилъ бы какой-нибудь сумасбродный поступокъ, чѣмъ вынесъ бы зрѣлище голоднаго человѣка.

„Что сказали бы вы теперь, — продолжалъ Чундра, если бы на этой землѣ, какъ и въ духовной жизни, вы замѣтили бы, что при каждой милостынѣ въ вашемъ саду появился новый цвѣтокъ?“

„Я попытался бы понять отношеніе, существующее между моимъ дѣйствіемъ и цвѣткомъ“, — отвѣтилъ я.

„Вы храбрый солдатъ“, — продолжалъ онъ — и вашимъ подчиненнымъ нечего бояться, что вы заведете ихъ на полѣ битвы не туда, куда нужно.

„Ну, а если бы я вамъ сказалъ, что за каждую каплю пролитой вами или за васъ крови, одинъ изъ цвѣтовъ, порожденныхъ вашимъ милосердіемъ завязъ бы и исчезъ?“

Я задрожалъ. „Три дня тому назадъ за вашимъ столомъ собралось много друзей. Многие ли изъ нихъ воспользовались бы вашимъ гостепрїимствомъ, если бы ваши настоящія мысли были имъ извѣстны? Вы только что получили психометрическое ощущеніе; что сказали бы вы, если бы увидѣли, какъ увидите это въ мірѣ духовъ, что очаровательная женщина, такъ мило улыбающаяся вамъ, приняла бы видъ ядовитаго пресмыкающагося? а вашъ гость превратился бы въ свирѣпаго тигра?“

„Посмотрите вокругъ себя! Видите эти безформенныя камни, которые ваше воображеніе принимаетъ за боговъ древности? Могли бы вы смотрѣть на нихъ, если бы они показали вамъ ту картину преступленія, безумія и безчисленныхъ ошибокъ, которую, такъ сказать, отпечатало на нихъ невидимое дыханіе?“

— Были бы вы счастливы, если бы всѣ ваши дѣйствія, скрытыя рѣшенія, ваши самыя тайныя мысли были выставлены на показъ, какъ это дѣлается въ духовномъ мірѣ? Нѣсколько времени тому назадъ выдумали вернуться въ Европу. Можете ли вы физически понять, какъ однимъ простымъ волевымъ импульсомъ, во мгновеніе ока, вы были бы перенесены туда безъ парохода, безъ экипажа и лошадей? Могли бы вы свободно дышать, находясь подъ прекрасными душистыми деревьями и говорить съ другимъ существомъ, захваченнымъ страшной бурей и окруженнымъ пустынями и глубокой тьмой?“

— Вы говорите загадками, Чундра, — воскликнулъ я.

— И однако все то, что я вамъ говорю испытываютъ въ этотъ моментъ вами невидимые друзья, Людовикъ. При каждомъ ихъ добромъ дѣйствіи, въ ихъ тайномъ саду вырастаетъ цвѣтокъ, а при каждомъ дурномъ дѣйствіи цвѣтокъ вянетъ и умираетъ. Ихъ букеты всецѣло зависятъ отъ нравственной высоты ихъ собесѣдниковъ. Ихъ картины, дома, города съ деревьями, цвѣтами, рѣками и горами не только обнаруживаютъ всѣ ихъ дѣйствія, мысли и слова, но абсолютно образованы и окрашены эманациями ихъ души. Ихъ двигателями являются сила воли и интел-

лектуальная активность. Они строят и разрушают въ такихъ нравственныхъ и умственныхъ условіяхъ, о которыхъ никакое слово человѣческое не можетъ дать понятія. Людовикъ, вы посѣтили ихъ сферы, вы видѣли и чувствовали истину того, что я вамъ говорю, почему же теперь это смущеніе, перѣшитательность, недовѣріе?

Вы желаете спросить меня до какой степени реальна духовная жизнь, не правда ли? Вы желаете знать, что, если жизнь духовъ только тѣнь, то не являются ли въ ней вещи лишь видимостью? Отлично! я васъ беспокою, пытаюсь сдѣлать для васъ осязаемыми нѣкоторыя условія астральной жизни. Вы сомнѣваетесь въ реальности самихъ вещей въ состояніи болѣе высокаго существованія; какъ же вы хотите, чтобы ваши друзья бесѣдовали бы съ вами о понятныхъ вещахъ, говорили бы съ вами о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ земли, которую они только что покинули?

„Развѣ вы не видите, что между духами и людьми не существуетъ никакой общей почвы? Для васъ ничего не было бы понятнаго въ ихъ существованіи; а ваша жизнь для нихъ не имѣла бы никакого интереса. Человѣкъ знаетъ лишь то, что онъ изслѣдовалъ, хотя и можетъ вѣрить въ гораздо большее, но даже и тогда, онъ не можетъ точно опредѣлить то, что не имѣетъ связи съ уже изслѣдованнымъ. Что касается духовнаго міра, то просить одного изъ вашихъ друзей объяснить вамъ условія жизни, занятія и стремленія того состоянія жизни, котораго онъ достигъ, значило бы говорить о телеграфѣ, телескопѣ и микроскопѣ съ африканскимъ дикаремъ“.

— Какая же тогда цѣль того спиритуалистическаго движенія, которое ощущается въ этотъ моментъ, Чундра?

— Человѣчество должно прогрессировать, идти впередъ. Было приказано, чтобы міръ достигъ наконецъ до настоящаго понятія объ астральномъ существованіи и чтобы фикція пустыхъ теологическихъ вѣрованій исчезли навсегда.

Физическая наука привела нашу расу къ порогу истинной науки; Людовикъ, вы знаете, что въ этомъ поколѣніи должна быть снята шестая печать. Есть еще печать, которая должна быть сломана. Будьте терпѣливы. Богъ можетъ ждать. Пусть же его творенія подражаютъ Ему!

— Медіумы, относительно которыхъ Джонъ Дудлей писалъ такія чудесныя вещи, говорятъ, что ихъ вдохновляли великіе духи земли. Они утверждаютъ, что ихъ рассказы точны и описываютъ то, что мы считаемъ невозможнымъ выразить на нашемъ человѣческомъ языкѣ.

— Это секситивы, Людовикъ, заманетизированные духами; они даютъ поученія, которыя міръ способенъ воспринять. Представьте себѣ самую абстрактную проблему Эвклида, сведенную къ пониманію ребенка. Описание страны невидимыхъ, переданныя сомнамбулами также приспособлены къ нашему пониманію. Что касается великихъ именъ, поскольку человѣчество зависитъ отъ ихъ авторитетовъ, то о нихъ будутъ говорить на сеансахъ, такъ какъ на медіумовъ вліяютъ можетъ быть гораздо больше слушатели, чѣмъ духи. Это послѣдніе трудятся лишь для того, чтобы дать намъ одни слова, которыя мы требуемъ.

— Все это недостойно великаго религіознаго движенія, Чундра.

— Міру необходимо прогрессировать и спиритуализмъ есть единственное средство, которое можетъ заставить его двигаться впередъ.

Развѣ вы беспокоитесь о томъ, какъ сдѣланъ вашъ хлѣбъ? Если бы вы знали это, то можетъ быть не стали бы ѣсть его больше. И, между тѣмъ, имъ вы питаетесь физически.

Не занимайтесь слишкомъ деталями. Новѣйшее спиритуалистическое движеніе, пока, еще только хаотическое отраженіе грядущаго знанія.

И, однако, это первый шагъ къ снятію печатей, къ тому апокалиптическому времени, которое приближается къ намъ. Это начало болѣе важно, чѣмъ послѣдующія усилія. Человѣкъ еще больше приблизится къ царствамъ божественнаго, элементы приблизятся къ человѣчеству и

все твореніе поднимется на одну ступень на лѣстницѣ жизни. Все будетъ зависеть отъ перваго движенія, которое разрушитъ старый порядокъ вещей и введетъ новый. Будьте терпѣливы“.

Я молчалъ, затѣмъ, счастливый подчинить свои мысли кому-нибудь, кто могъ бы понять меня, я снова обратился къ Бигъ.

— Чундра, — сказалъ ему, — прошлый мѣсяцъ я посѣтилъ одну деревню, которую беспокоилъ бхуть*). Бхилы убили старуху, обвиненную въ околдованіи ребенка.

Предполагали, что беспокойства были причинены ея духомъ, такъ тотчасъ послѣ смерти этой колдуньи, дѣти убійцъ были избиты невидимыми руками и много страдали отъ оккультныхъ силъ. Ихъ скотъ и дома были разграблены и уничтожены, и одежды порваны. Пронзительные крики, ревъ удары, наполнявшія ихъ жилища, сдѣлали ихъ полусумасшедшими. Бѣдные крестьяне въ точности выполняли всѣ церемоніи заклинанія, которыя считали необходимыми, но безрезультатно. Когда я пріѣхалъ въ деревню, старшина былъ въ отчаяніи, и нанятые имъ браманы были разсланы на поиски болѣе могущественнаго монаха. Благодаря своему ясновидѣнію я увидѣлъ бхута, и мнѣ было позволено войти въ его планъ и раздѣлать, на нѣкоторое время, его духовное плѣненіе. Я нашелъ его между вредоносными элементами, населявшими низшіе слои земной толщи.

Мрачна и пустынна была страна, гдѣ находились хижины этихъ несчастныхъ. Города ихъ были построены изъ пепла и обломковъ. Они постоянно были заняты изготовленіемъ машинъ и инструментовъ для войны, служащихъ моделью воплощеннымъ людямъ, которыхъ они были вынуждены вдохновлять. Но ихъ идеи были слишкомъ рудиментарны, чтобы быть полезными. Они никогда ничего не оговаривали, не могли даже создать самой простой прямой формы, но ощущали вліяніе болѣе высокихъ элементовъ, дошедшихъ уже до созданія полныхъ формъ. Попытки этихъ бѣдныхъ эмбриональныхъ существъ создать что-нибудь продолжались до смерти, до перехода ихъ въ немного болѣе совершенную сферу. Многие изъ нихъ, въ безумной поспѣшности, разрушали свои неудавшіяся модели. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ страна была такъ бесплодна и пустынна, что вызывала во мнѣ мучительное чувство. Я замѣтилъ также, что они стремились привлечь къ себѣ души людей, чтобы войти въ болѣе близкія сношенія съ человѣчествомъ. Всѣ ихъ намѣренія были вредоносны; они доставляли себѣ удовольствіе помогать духамъ людей безпокойтъ воплощенныхъ, и однако эти сношенія съ землей были не бесполезны и должны были улучшить ихъ въ будущемъ. Меня всего болѣе удивило то, что духи людей не замѣчали, что они находятся между элементами, настолько они походили на нихъ.

И увы! всѣ они носили знаки свирѣпыхъ животныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ походили на ядовитыхъ пресмыкающихся, настолько ихъ страсти были близки къ отвратительнымъ инстинктамъ этихъ низшихъ существъ творенія.

Мнѣ было сказано, что земныя желанія вдохновляютъ эти міры несчастныхъ. Грубые инструменты, которые они изготовляютъ суть отраженія человѣческихъ мыслей. И, дѣйствительно, когда я увидѣлъ, какъ эти несчастные анти-типы человѣчества пытались выковать въ огнѣ сабли, когда я открылъ подъ горами пепла, нагроможденными до черныхъ и мрачныхъ небесъ, пушку, я глубоко опечалился при мысли, что и я также пользуюсь смертоноснымъ оружіемъ.

Если наши дурныя страсти вдохновляютъ эти низшіе міры, то какая громадная отвѣтственность лежитъ на человѣчествѣ, такъ какъ мы для элементовъ являемся тѣмъ, чѣмъ для насъ ангелы!“

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Духъ извращеннаго или одушевленнаго злой волей человека.

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

 X $\frac{42}{1}$

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к. » 6 » . 3 » — » За границу на годъ 6 руб. Пробн. номеръ 25 коп. За перемѣну адреса уплачивается деньгами или марками 40 коп.	ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ И СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.	Подписку и корреспонденцію просятъ адресовать: П. А. ЧИСТЯКОВУ редактору - издателю журнала „Ребусъ“. Москва, Бол. Дорогомиловская ул., у Бородинскаго моста домъ № 3.
№ 1689—90.	14-го Августа 1916 года.	№ 14—15.

Содержаніе: 1) «Непрерывность». (Оконч.). Проф. О. Лоджис.—2) По пути. 3) Эволюція души. (Прод.). Д. О. Каравановичъ.—4) Загадочныя явленія. (Прод.). А. Оболенской.—5) «Въ двухъ плавахъ»—(романъ оккультиста). (Прод.)—6) **Объявленія.**

НЕПРЕРЫВНОСТЬ.

Профессоръ Оливеръ Лоджисъ.

Рѣчь, произнесенная въ Британской Ассоціаціи Наукъ въ 1913 г.

(Съ англ.—перев. А. И. Вобровой).
(Окончаніе *).

Что кажется несомнѣннымъ, такъ это то, что никакого проявленія земной жизни внѣ матеріи не можетъ быть. Отсюда естественной кажется такая формула: „въ матеріи заложены потенціи всѣхъ формъ жизни“; люди эту формулу повторяютъ и одобряютъ. И мнѣніе это по отношенію къ проявленіямъ земной жизни совершенно правильно: какъ же иначе, какъ не черезъ матерію можетъ себя проявить жизнь на землѣ?—„Я ничего не различаю въ организмѣ помимо физическихъ и химическихъ законовъ“,—говорятъ люди. Очень хорошо; это вполне естественно: именно это ищутъ и изучаютъ въ физическихъ и химическихъ аспектахъ или проявленіяхъ жизни. А саму жизнь—жизнь, и разумъ, и сознание—этого не изучаютъ и это ускользаетъ изъ поля зрѣнія. Матерія всюду говорить нашимъ чувствамъ; матеріализмъ свойствененъ матеріальному міру, онъ присущъ ему не какъ философія, а какъ наипростейшая и наиблизжайшая формула, руководящая при изысканіяхъ. Все, что за пределами этой формулы, принадлежитъ къ иной области и должно быть изслѣдовано иными методами. Объяснить физиологію въ терминахъ физики и химіи нельзя, а поэтому и имѣется тенденція признавать ея существованіе лишь какъ эпифеноменъ. Но все это философствованіе невѣрно и въ дѣйствительности является плохой метафизикой.

если въ своемъ энтузіазмѣ научные дѣятели зашли слишкомъ далеко и примутся утверждать, что тѣ силы, которыя они исключаютъ изъ своихъ научныхъ трудовъ, не существуютъ въ природѣ, то мы должны, въ опроверженіе ихъ, прибѣгнуть къ непосредственному опыту. Мы сами живые, мы обладаемъ жизнью, разумомъ и сознаниемъ, мы знакомимся съ этими вещами изъ первыхъ рукъ, помимо всякихъ лабораторныхъ экспериментовъ. Онѣ, вещи эти, при-

надлежать къ обыкновенной освѣдомленности всей человѣческой расы. Рожденія, смерти, браки—все это не входитъ въ кругъ занятій біолога, но присуще жизни всего человечества, а между тѣмъ всѣ эти феномены проходятъ непонятными, а происходили они и въ тѣ времена, когда никакой науки не существовало. Мы сами представляемъ собою лабораторію, въ которой экспериментируютъ ученые—психологи и другіе; они могутъ формулировать процессы пищеваренія, измѣненія матеріи, сопутствующія волевому импульсу, чувствительности, мышленію; но сократныхъ, руководящихъ представителей этихъ процессовъ ученые не касаются.

Поэтому, если какой-нибудь философъ скажетъ вамъ, что вы не существуете или что внѣшній міръ не существуетъ, или что вы—автоматъ, лишенный свободной воли, что всѣ ваши поступки вытекаютъ изъ внѣ васъ лежащихъ причинъ и вы не отвѣтственный субъектъ; или что тѣло не можетъ быть сдвинутымъ съ мѣста, или что Ахиллъ не можетъ догнать черепаху—то, во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдуетъ за разъясненіемъ обращаться къ зауряднымъ людямъ, не тронутымъ софизмами специальныхъ наукъ. Въ экспериментѣ всегда заложена опасность ошибки или ошибочнаго вывода; но въ дѣлѣ голаго факта, основаннаго на нашемъ личномъ непосредственномъ опытѣ, мы можемъ сами произнести нашъ приговоръ, мы можемъ ошибиться относительно природы того, что мы видимъ, звѣзды могутъ казаться намъ пятномъ на небосклонѣ, но тотъ фактъ, что мы ихъ видимъ, не допускаетъ сомнѣній. Такъ и Сознаніе, и Воля суть реальности, непосредственно нами ощущаемыя, такъ же какъ и движеніе, и сила—настолько же непосредственно, насколько мы воспринимаемъ и философскія разсужденія агностика. Процессъ зрѣнія непонятенъ для зауряднаго человѣка, онъ не признаетъ въ немъ метода зѣрнаго телеграфа, ничего онъ не знаетъ ни о зѣврѣ, ни о его излученіяхъ, ни о ретинѣ съ ея строеніемъ, ни о дѣятельности нерва и мозга; но онъ видитъ, онъ слышитъ, онъ прикасается, желаетъ, мыслить, сознаетъ. Здѣсь уже не мѣсто апеллировать къ толпѣ за защитой противъ философа—здѣсь опытъ безконечнаго ряда годовъ, возстающій противъ науки одного поколѣнія.

Какимъ образомъ сознаніе находится въ связи съ

*) См. «Ребусъ» № 11, 1916 г.

матеріей? Какъ жизнь руководитъ и направляетъ химическія и физическія силы? Какъ механическія движенія передаются чувствованію? все это смущающіе вопросы, требующіе долгаго изученія. Но что всѣ эти факты существуютъ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а трудность ихъ объясненія не можетъ быть аргументомъ противъ нихъ. Слепецъ, зрѣніе котораго возстановилось, не можетъ опредѣлить какъ онъ излечился, не можетъ онъ также и свидѣтельствовать о моральномъ характерѣ Исцѣлителя, но отлично знаетъ, что онъ былъ слѣпъ, а теперь видитъ; относительно этого послѣдняго факта онъ—наилучшій судья.

Однако, хотя жизнь и разумъ могутъ быть исключены изъ физиологіи, тѣмъ не менѣе они не могутъ быть исключены изъ науки вообще; разумѣется, нѣтъ. Не разумно было бы утверждать, что они выброшены изъ области изслѣдованій только лишь потому, что мы не имѣли данныхъ для отрицанія ихъ. Однако, такая ошибка иногда бываетъ. Эфиръ ничего не говоритъ нашимъ чувствамъ и поэтому есть люди, утверждающіе, что эфиръ не существуетъ. Разумъ, случается, подпадаетъ такому же вердикту. Жизнь не опредѣляется въ лабораторіи иначе, какъ въ ея физическихъ и химическихъ проявленіяхъ; но слѣдуетъ помнить, что жизнь руководитъ и направляетъ эти процессы и ее вполне можно назвать каталитическимъ агентомъ.

Напростѣйшій способъ для того, чтобы понять самый актъ жизни, состоитъ не въ размышленіяхъ о микроскопическихъ организамахъ или о неизвѣстныхъ животныхъ, а въ пользованіи собственнымъ опытомъ,—опытомъ живого существа. Всякій положительный примѣръ служить противодѣйствіемъ всякому отрицанію, и если реальности разума, воздѣйствія и плана отрицаются потому, что, они не поддаются чувственному воспріятію, то помыслите, какимъ показался бы міръ наблюдателю, которому неизвѣстно и не замѣтно существованіе человѣка, а между тѣмъ всѣ законы міра и его дѣятельная жизнь продолжала бы существовать?

Предположите, что *человѣкъ* былъ бы недоступенъ для чувственного воспріятія наблюдателя нашей планеты; предположите, что посторонній наблюдатель могъ бы видѣть всѣ событія нашего міра, исключая людей и животныхъ. Онъ описывалъ бы все, видѣнное имъ, очень схоже съ тѣмъ, какъ описываемъ мы активности, вызываемыя жизнью.

Посмотрите, напримѣръ, такой наблюдатель на Ниль и отмѣтитъ достохвальныя особенности этой рѣки, орошающей пустыню, которая вслѣдствіе этого покрылась растительностью. Затѣмъ онъ увидитъ неблагоприятныя наслоенія, выступающія поперекъ рѣки и запрудившія благотворный источникъ; далѣе, какія-то глыбы, летящія по водѣ, гонимыя какой-то полярной силой, „мы не можемъ сомнѣваться“, что происходитъ это при помощи геліо—или иного какого-либо тропизма. Нѣтъ надобности выходить за предѣлы законовъ механики и физики, нечего затрудняться относительно снабженія энергіею, какой бы то ни было и всѣ законы физики соблюдены. Отсутствие всякой преднамѣренности тоже очевидно, потому что структура мѣстности даетъ возможность потоку заливать окружающую его площадь, что для площади этой оказывается благоприятнымъ, но затопляетъ и структуру саму; между тѣмъ внизъ по теченію эффектъ получается нѣсколько хуже, такъ какъ структура эта препятствуетъ теченію рѣки и заставило бы воду проливаться по пустынь, если бы, по счастью, эта вода не всасывалась бы обратно въ почву, такъ что въ конечномъ результатѣ получаются лишь особенно благоприятныя условія для произростанія и намекъ на преднамѣренность такой структуры.

Если бы сообщить этому наблюдателю, что къ этимъ сооружеціямъ имѣтъ нѣкоторое отношеніе инженеръ, строитель лондонскій, по имени Бенжаминъ Бакеръ, то подобная идея показала бы превратной; такой суевѣрной гипотезѣ противупоставленъ былъ бы одинъ заключительный аргументъ: инженера тутъ нѣтъ и дѣло ясное—не можетъ быть того, чего нѣтъ.

Мы, съ нашими большими противъ этого наблюдателя преимуществами, замѣтимъ, что болѣе правильнымъ было бы признаніе съ его стороны какого-нибудь неизвѣстнаго агента, но тѣмъ не менѣе приходится допустить, что объясненіе въ терминахъ такого туманнаго агента, какъ витальная сила, ничего бы намъ не сказало и могло бы быть и превратно; объясненіе же въ терминахъ механики и физики дало бы ясное, опредѣленное и вѣрное представленіе, хотя несомнѣнно не полное.

И, обратите вниманіе: то, что мы наблюдаемъ въ подобныхъ понятныхъ случаяхъ есть *взаимодѣйствіе* разума и матеріи; это не параллелизмъ и не эпифеноменализмъ, не что-либо трудное и натянутое, а просто прямое приспособленіе свойствъ матеріи и энергіи къ дѣлямъ, надуманнымъ разумомъ и выполненнымъ мышцами, силою воли направленными.

Но, возразитъ мнѣ: это невѣрно, ибо мы *знаемъ*, что цѣлей нѣтъ въ водахъ Нила; мы видѣли планы, понимаемъ дѣло рабочей силы, примѣнявшейся при этомъ: мы знаемъ, что трудъ этотъ внушенъ самою жизнью и проведенъ на основаніи разума и что невѣрно будетъ трактовать его какъ нѣкій автоматическій процессъ.

Совсѣмъ не такъ—говоритъ крайняя школа біологовъ, та самая, которую я критикую, или она должна была бы такъ говорить, если она послѣдовательна: кромѣ химіи и физики ни въ чемъ и нигдѣ нѣтъ ничего; а что касается до разумности, какъ-бы выразившейся въ этихъ сооружеціяхъ, такъ это лишь иллюзія, лишь эпифеноменъ. Законы химіи и физики царятъ надъ всѣмъ и вполне отвѣчаютъ за все.

Они отвѣчаютъ за все,—да, но только до извѣстной степени. Они объясняютъ отчасти цвѣтъ заката, величавость горной вершины, радужный блескъ одушевленнаго бытія. Но развѣ все они объясняютъ? Объясняютъ ли они наши чувства радости и восторга, красоты и великолѣпіе, разлитыя во всей природѣ? Не подсказываютъ ли эти чувства и красота чего-нибудь, болѣе высокаго, болѣе благороднаго, болѣе свѣтлаго—такого, во имя чего происходитъ самая борьба за существованіе?

Разумѣется, долженъ быть болѣе глубокой смыслъ заложенъ въ объектахъ природы. Научныя объясненія, какъ бы вѣрны онѣ ни были, только частичны. Разсматривая перо изъ хвоста павлина или шерсть зебра, мы видимъ раскраску и разнообразные оттѣнки, создающіе опредѣленный рисунокъ, соблюденный во всѣхъ его деталяхъ, и намъ становится чрезвычайно трудно уяснить себя столь гармоничное распредѣленіе красящаго вещества въ живыхъ клѣточкахъ и повѣрить, что приписать его слѣдуетъ просто механическимъ принципамъ. Цвѣты привлекаютъ насѣкомыхъ для оплодотворенія, плоды привлекаютъ птицъ для обсемененія; но объясненія эти конечными быть не могутъ: необходимо еще дать объясненіе относительно насѣкомыхъ и птицъ. Не красота же одна притягиваетъ ихъ вниманіе. Значитъ, далѣе намъ придется объяснять ревнивую жажду жизни. Во имя чего борятся они за свое существованіе? Навѣрное, эти ихъ усилія должны имѣть значеніе на развитіе ихъ—какую-нибудь цѣль. Тутъ мы достигаемъ проблемы существованія и смысла эволюціи.

Механизмъ проявляетъ себя всюду, гдѣ замѣчается существованіе, по крайней мѣрѣ онъ обнаруженъ въ

широких размѣрахъ. Естественный подборъ есть *vera causa* всего; но, если столь много красоты нужно настоящимъ, причемъ же красота въ ландшафтѣ, въ окраскѣ облаковъ? Какой разумной цѣли служить красота въ природѣ вообще? Красота не принимается обыкновенно наукой во вниманіе, это такъ; тѣмъ не менѣе красота существуетъ. Точно также не входитъ она и въ рамки моей специальности, но въ эти рамки входитъ обязанность напомнить вамъ и себѣ самому, что наши науки не исчерпываютъ всю Вселенную и что, если мы догматичны въ отрицательномъ направленіи и утверждаемъ, что можемъ свести все къ физикѣ и химіи, то выставимъ себя смѣшными, узкими педантами и далеко не оправдаемъ богатства природы и одаренности, присущей человѣку по его рожденію. Какъ предпочтительнѣе передъ такой позой будетъ благоговѣйная поза восточнаго поэта, который:

„Опустивъ глаза къ стопамъ своимъ

Съ почтеніемъ внимаютъ молчаливымъ звѣздамъ“.

Поверхностны мы и физически очень ограничены. Наши органы чувствъ приспособлены лишь къ воспріятію матеріи и кромѣ нея непосредственно ничто не доходитъ до насъ. Наша нервно-мышечная система приспособлена къ производству движенія въ матеріи въ желаемомъ направленіи и ничего иного совершить въ матеріальномъ мірѣ мы не можемъ. Нашъ мозгъ и нервная система связываютъ насъ съ остальнымъ физическимъ міромъ. Наши чувства несутъ намъ отчетъ объ движеніяхъ и перемѣщеніяхъ въ матеріи. Наши мускулы даютъ намъ возможность производить эти распредѣленія. Вотъ и вся наша экипировка въ нашей человѣческой жизни, а человѣческая исторія есть отчетъ о томъ, что сдѣлали мы при этихъ скудныхъ привилегіяхъ нашихъ. Нашъ мозгъ, имѣющій еще быть обследованнымъ по мнѣнію нѣкоторыхъ, связуетъ насъ съ остальнымъ міромъ матеріи; полагали, что отчасти онъ же разъединяетъ насъ съ областями ментальной и спиритуальной, къ которымъ мы принадлежимъ, но отъ которыхъ временно въ практическихъ цѣляхъ мы обособлены. Наше повседневное и социальное общеніе съ матеріей даетъ намъ нѣкоторыя облегченія и преимущества въ соединеніи съ препятствіями и затрудненіями, что, взятое вмѣстѣ, порождаетъ борьбу и усилія.

Черезъ посредство матеріи мы познаемъ другъ друга и можемъ входить въ общеніе съ тѣми изъ подобныхъ намъ, которые имѣютъ мысли сродныя нашимъ въ достаточной степени для того, чтобы мы могли подвинуть ихъ простымъ физическимъ процессомъ на активность.

Размѣренной послѣдовательностью колебательныхъ вибраторныхъ движеній (рѣчь, музыка) или же статическимъ распредѣленіемъ матеріаловъ (писаніе, рисованіе, скульптура) мы можемъ входить въ понятное общеніе съ нашими ближними и мы понемногу эти замысловатые и окольные методы вносимъ настолько въ наши привычки, что мы склонны думать, будто они суть не только естественные, но даже и единственно возможные способы сообщенія между нами, и воображаемъ, что всякій другой, болѣе прямой способъ разстроилъ бы всю фабрику науки.

Съ очевидностью ясно, что наши тѣла представляютъ собою нормальные орудія проявленія нашего другъ другу на этой планетѣ и что, если физиологическій механизмъ, черезъ посредство котораго мы совершаемъ матеріальные акты, нарушенъ, то проведенія нашихъ идей и проявленія нашей личности страдаютъ неизбѣжно и пропорціонально нарушенію механизма.

И такъ, совершенно ясно, что возможно принять этотъ сообщающійся механизмъ, нами устроенный и разработанный, за наше истинное бытіе и предпо-

жить, что по существу мы ничто иное, какъ машина, за какую насъ знаютъ. Мы находимъ, что машина эта примѣнима только къ хорошо намъ извѣстнымъ формамъ энергіи и подвержена всѣмъ законамъ химіи и физики, и странно было бы если бы было не такъ! Изъ этого факта мы стараемся извлечь солидные доводы относительно нашей природы и относительно невозможности для насъ существовать помимо и независимо отъ этихъ временныхъ формъ матеріальной активности и нашего въ нихъ проявленія. Мы столь однообразно примѣняемъ ихъ въ нашихъ теперешнихъ условіяхъ бытія, что должны бы были быть насторожѣ именно вслѣдствіе этого однообразія. Единственно что находится въ нашемъ распоряженіи, единственно объ чемъ мы экспериментально освѣдомлены, это наши матеріальные тѣла; все, что мы можемъ сдѣлать съ ними, вполне извѣстно намъ; всякое заключеніе, къ какому мы относительно ихъ придемъ, возможно, что будемъ и законно, и истинно. Выступить же за предѣлы, этими матеріальными тѣлами обусловленные, и отрицать существованіе всякой иной области потому только, что у насъ нѣтъ органа для ея воспріятія или же потому (какъ на примѣръ съ эиэромъ), что область слишкомъ для нашихъ воспріятій однородна и вездѣсуща, это значитъ лишиться пользования нашими преимуществами и привилегіями и обратитъ ихъ, вмѣсто пользы, на затемненіе и заблужденіе.

Если мы научно доказали, что эволюція реальна, то мы уже многому научились; я не берусь философствовать, но, конечно, съ точки зрѣнія науки эволюція высокореальна. Несомнѣнно, что эволюція не есть иллюзія; несомнѣнно все въ мірѣ прогрессируетъ съ теченіемъ времени. Время, пространство, матерія суть абстракціи, но тѣмъ не менѣе—они реальность; имѣются извѣстныя даты, опытнымъ путемъ установленныя, и время—это краеугольный камень эволюціи.

Мы выдѣляемъ изъ живой движущейся реальности извѣстный статическій аспектъ и называемъ его матеріей; мы выдѣляемъ элементъ прогрессивности и называемъ его временемъ. Когда эти двѣ абстракціи соединяются, соработствуютъ одна другой, перемѣшиваются, тогда мы получаемъ опять реальность. Это вродѣ теоремы Поинтинга.

Единственная возможность отбросить или смѣшать теорію эволюціи будетъ состоять въ введеніи во время субъективности. Эта теорія заключаетъ въ себѣ реальность времени и именно въ этомъ смыслѣ профессоръ Бергсонъ говоритъ великіе слова въ своей книгѣ „Творческая эволюція“.

„Я смотрю на все матеріальное существованіе какъ на постоянный переходъ отъ прошедшаго къ будущему; одинъ только мигъ, который мы называемъ настоящимъ, дѣйствителенъ. Прошедшее не существуетъ, оно осталось въ нашей памяти, зачтено матеріей и настоящее зиждется на немъ. Будущее вытекаетъ изъ настоящаго и оно есть продуктъ эволюціи“.

Бытіе похоже на ткань; рисунокъ, направленіе какъ и что влетать *уже заложено*: но, пока наши ткацкіе станки только машины; Ткацкій Станокъ Времени, наоборотъ, осложненъ вмѣшательствомъ множества свободныхъ агентовъ, которые производятъ произвольныя измѣненія въ тканяхъ, украшая ихъ или обезображивая ихъ согласно тому, въ гармоніи ли или въ дисгармоніи находятся эти ткани по отношенію къ общей схемѣ. Я рѣшаюсь утверждать, что являющіяся несовершенства именно такимъ образомъ получаютъ и что *свобода* не можетъ быть получена на другихъ условіяхъ или куплена болѣе дешевою цѣной.

Слѣдовательно, способность работать на свое благополучіе или же на горе и страданіе вовсе не является иллюзіей, это реальность, и отвѣтственность

лежить на сознательных агентах, а поэтому результаты работы не есть нечто заранее предназначенное и неизбежное, хотя при основательном знакомстве с данным характером этот результат и можно предвидеть. Ничего нет непредовратимаго, кроме общего прогресса времени; платье должно быть выткано, но рисунок его не окончательно закреплён и исчислен механически. Тамъ, гдѣ вопросъ касается одной неорганической матеріи, дѣйствительно все распределено заранее, но гдѣ вступаетъ въ свои права сознание—тамъ возникаютъ новыя силы и способности и стремленія сознательной стороны воздѣйствуютъ на общую схему. Воздѣйствія эти идутъ не извнѣ, а изнутри и ихъ направляющее могущество громадно и постоянно. Мы сами являемся малыми, но довольно значительными долями этого направляющаго могущества.

Этотъ эволюціонный прогрессъ есть истинная доктрина—доктрина глубокаго значенія и мы вправѣ прилагать старанія къ нашему бытовому улучшенію, ибо мы части общей схемы, части сознательныя, способныя понимать—хотя бы и смутно—что надлежитъ дѣлать и куда слѣдуетъ стремиться. Соображенія и цѣли не исключены изъ общей работы, потому что мы части общаго и цѣлаго и сознаемъ это.

Или мы бессмертны, или — нѣтъ. Мы можемъ не знать нашей судьбы, но какая-нибудь судьба должна же быть. Тѣ, которые отрицаютъ бессмертіе, могутъ точно также ошибаться какъ и тѣ, кто утверждаетъ, что мы бессмертны; въ сущности отрицанія суть тѣ же утвержденія, выраженные въ отрицательной формѣ. На людей науки міръ смотритъ какъ на авторитеты и они должны тщательнѣе остерегаться вводить въ заблужденія. Наука можетъ быть несостоятельной въ вопросѣ о судьбѣ человѣчества, но, разумѣется, она не затемнитъ его. Вещи остаются таковыми, какія онѣ суть, увидѣли ли мы ихъ или нѣтъ и, если мы будемъ давать скорые и ложные отвѣты, то потомство изобличитъ насъ—если только потомство обезпечитъ себя нами. Я одинъ изъ тѣхъ, которые думаютъ, что методы науки въ стремленіяхъ своихъ вовсе не такъ узки, какъ то полагали: методы эти могутъ быть применены гораздо шире и психическая область можетъ быть изучена и также подведена подъ законы. Позвольте намъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлать попытку, предоставьте намъ свободу. Пускай тѣ, кто предпочитаетъ матеріалистическую гипотезу, разрабатываютъ сколь возможно дальше свои тезисы, а мы попробуемъ, что мы можемъ сдѣлать въ психической области, и посмотримъ, на чьей сторонѣ окажется побѣда. Наши методы въ сущности тѣ же, что и у нихъ, разница лишь въ объектѣ; за эту попытку никто въ обидѣ не останется.

Бываютъ ли такія вещи, какъ интуція и откровеніе—это вопросъ открытый. Есть люди, которые имѣютъ основаніе утверждать, что бываютъ. Во всякомъ случаѣ отрицать эти вещи голословно нельзя. Въ сущности всегда чрезвычайно трудно *что-либо* отрицать, если это „что-нибудь“ общаго характера и доказательство ему въ смыслѣ подтвержденія только скрыто и не является—особенно если доказательство не явилось въ опредѣленный періодъ исторіи или не въ опредѣленное время умственнаго развитія данной эпохи. Мистицизмъ долженъ имѣть свое мѣсто, хотя его отношеніе къ наукѣ до сей поры не найдено; они до сихъ поръ казались отдѣленными, безъ связи между собою, но враждебности въ силу этого между ними не должно быть. Всякій видъ реальности долженъ быть установленъ и разслѣдованъ подходящими для него методами. Если свидѣтельства Сократа и Іоанны д'Аркъ представляютъ собою реальные психическіе случаи, то онѣ должны быть отнесены къ вещамъ вразумительнымъ.

Хотя я говорю съ каедры, какъ представитель правотѣрной науки, тѣмъ не менѣе я не уклонюсь отъ личнаго показанія, суммирующаго результаты моихъ тридцатилѣтнихъ опытовъ въ области психическихъ изысканій, которые начаты были мною съ предубѣжденіемъ—даже съ обычной предвзятой враждебностью.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности или въ обсужденіе фактовъ, осмѣянныхъ правотѣрной наукой; однако не могу не напомнить, что слова, сказанныя съ этой каедры,—не пустая болтовня, такъ какъ они останутся на критику будущихъ, еще не родившихся, поколѣній, знанія которыхъ несомнѣнно будутъ полнѣе и обширнѣе нашихъ. Посему вашъ Президентъ не долженъ быть связанъ цѣлями современныхъ вѣрованій, или ограниченъ модными возрѣніями нашего времени. Во имя справедливости къ самому себѣ и къ соротникамъ моимъ я долженъ рискнуть наскучить моимъ настоящимъ слушателямъ и не только зарегистрировать наше убѣжденіе, что происшествія, нынѣ почитаемыя оккультными, могутъ быть изслѣдованы и приведены въ извѣстный порядокъ методами науки, осмотрительно и настойчиво примѣненными, но и далѣе высказать съ величайшей краткостью, что уже эти теперь обследованные факты убѣдили меня въ томъ, что память и чувства не ограничены своею связью съ матеріей, черезъ посредство которой они единственно могутъ себя проявить здѣсь и теперь, и что индивидуальная личность переживаетъ тѣлесную смерть. Доказательства? ничего новаго или сенсационнаго; одинъ кумулятивный, требующій долгаго и серьезнаго вниманія, научный трудъ, могущій моему уму доказать, что развоплощенный интеллектъ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ входить въ общеніе съ нами на матеріальной плоскости и такимъ образомъ подойти подъ наше научное наблюденіе; что мы можемъ надѣяться постепенно достигнуть пониманія природы болѣе широкаго, можетъ быть, эфирнаго бытія и условій, регулирующихъ общеніе интеллектвъ черезъ пропасть. Корпорация солидныхъ изслѣдователей уже въ настоящее время высаживается на обманчивый, но столь многообѣщающій, берегъ новаго континента.

Да, и больше еще можно сказать. Научные методы не единственный путь—хотя это нашъ путь—къ достиженію истины. „*Uno itinere non potest perveniri ad tam grande secretum*“.

Многіе ученые еще до сей поры чувствуютъ себя воинственно-настроенными по отношенію къ теологіи вслѣдствіе того чрезмѣрнаго догматизма, съ которымъ боролись и который побѣдили въ прошломъ наши предшественники. Они боролись за свободное право по своему искать истину; борьба эта была печальною необходимостью и оставила послѣ себя нѣкоторыя дурныя послѣдствія. Одно изъ этихъ послѣдствій и представляетъ собой отсутствіе сомнѣній, а при случаѣ и враждебность, съ какою встрѣчаютъ другія, болѣе спиритуальныя, формы истины. Не можемъ же мы серьезно и искренно предполагать, что истина появилась на нашей планетѣ лишь нѣсколько сотенъ лѣтъ тому назадъ! Доисторическій циклъ геніевъ—поэтовъ, пророковъ, святыхъ—имѣлъ громадное значеніе и вліяніе этихъ вдохновенныхъ ясновидцевъ на сердца людскія часто бывало очень глубоко; но ихъ преслѣдователи, книжники и фарисеи—и какъ бы ихъ тамъ не называли—обладали не геніемъ ихъ, а только преступнымъ или же глупымъ упорствомъ и пророки новой эры были побиты камнями.

Теперь мы опять въ новой эрѣ, мы побѣдители и въ нашихъ рукахъ камень; но было бы безуміемъ съ нашей стороны подражать старому еклезиастическому поведенію и поддержки мы этой не получимъ: человѣче-

ство въ концѣ концовъ возстанетъ на насъ; наступитъ тогда періодъ реакціи, во время котораго побѣждены будемъ мы. Хотя лучшая эпоха въ двухъ столѣтіяхъ ознаменована возмущеніемъ противъ религіи подъ предводительствомъ Вольтера и другихъ великихъ писателей той эпохи; но, обратите вниманіе, гоненіе прекратилось своевременно, не заходя слишкомъ далеко. Да не впадемъ мы въ заблужденіе и не будемъ воображать, что наши пути суть единственные при изслѣдованіи многообразныхъ тайниковъ вселенной и что все остальное—безсмыслица и ошибка. Вселенная столь велика, что мы и представить себѣ не можемъ и не мало есть методовъ для изслѣдованія сокровищъ ея.

Люди и братья! мы—хранители истины физической вселенной, научно ра слѣдованной, будемъ же вѣрны нашему посту. Истинная религія глубоко пустила свои корни въ сердца человѣческія и въ самую реальность вещей. Ничуть не удивительно, что нашими методами мы ее не охватываемъ; произведенія Божественныя не доступны ни одному изъ нашихъ чувствъ, онѣ универсально воспринимаются, а наши методы, какъ извѣстно, неспособны обнаружить ничего тамъ, гдѣ царитъ совершенная однородность. Тутъ Принципъ Относительности и, если мы не встрѣтимъ трещины, или разладицы, или раскола, то ничто въ насъ не отзовется въ отвѣтъ: мы глухи, мы слѣпы поэтому къ Безконечному Величію; и только въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ достаточно прозорливости, чтобы усмотрѣть съ ткацкой фабрики бытія постоянно вырабатывающуюся ткань, стремящуюся къ безконечному совершенству, только тогда мы усмотримъ въ ней вѣчно пребывающее одѣяніе Бога!..

ПО ПУТИ.

Въ настоящемъ № заканчивается статья проф. Лоджа «Непрерывность». Это—та часть статьи, которая наиболѣе интересна для психистовъ и спиритуалистовъ; въ ней Лоджъ, идя отъ частнаго къ общему, устанавливаетъ реальность *самосуцаго не связаннаго съ матеріей духа* и реальность «сознанія», какъ функціи индивидуальнаго духа, *проявляющаго себя въ матеріи*.

Колоссальная идея можетъ быть сформулирована такъ точно и ясно только выдающимися умами и эти выдающиеся умы не особенно часты. Обращаемъ поэтому вновь нарочитое вниманіе нашихъ читателей на эту часть статьи Лоджа, крупнѣйшаго мыслителя и выдающаго ученаго электролога нашего времени.—(Редакція).

На страницахъ «Ребуса» время отъ времени попадаетъ странно звучащій вопросъ «о вѣсѣ души». По поводу этого вопроса нижеслѣдующія предположенія взяты изъ новой книги проф. Фурнье д'Альба «Новый Свѣтъ Безсмертія» (къ сожалѣнію, неизвѣстно подлинное англійское заглавіе) и цитируются по русскому изданію книги Эд. Карпентера «Любовь и Смерть»—недавно вышедшей въ издательствѣ Пирожкова (стр. 124—125).

Пр. Ф. д'Альбъ высказываетъ нѣсколько весьма интересныхъ предположеній, которыя, хотя и могутъ въ настоящее время считаться предположеніями, тѣмъ не менѣе представляютъ извѣстный авторитетъ, такъ какъ ихъ авторъ весьма близко знакомъ съ новѣйшими открытіями въ области физики и психологіи. Ф. д'Альбъ держится того взгляда, что каждая изъ 25,000 билліоновъ клѣтокъ,

которыя, скажемъ, составляютъ человѣческое тѣло, имѣетъ внутри себя «центрозому», или другой жизненный центръ, который и является въ дѣйствительности управляющей и организующей силой данной клѣтки. Такая точка или собраніе точекъ, несмотря на свою матеріальность, можетъ, вѣроятно, вѣсить всего лишь одну десяти тысячную часть своей клѣтки; отсюда—если извлечь изъ каждой клѣтки эту ея «душу», то вѣсъ ихъ всѣхъ составилъ бы лишь 0,0001 вѣса всего цѣлаго тѣла, т. е. около 0,2 унціи. Но въ то же время всѣ эти «души-частички» составили бы въ совокупности всю душу человѣка полностью и, вслѣдствіе своихъ зарядовъ, могли бы не только поддерживать извѣстныя пространственныя отношенія, находиться въ организациі другъ къ другу, но, благодаря своей чрезвычайной микроскопичности, могли бы легко проходить сквозь ткани и такимъ путемъ освобождаться отъ грубаго наружнаго тѣла. Такое «духовное тѣло», разрядивъ затѣмъ атмосферу своей оболочки, могло бы естественно подняться въ воздухѣ до положенія равновѣсія, на высотѣ, скажемъ, 35—80 миль выше земли, гдѣ и оказался бы первый возможный для нея этапъ существованія послѣ смерти. В. Н.—въ.

Въ февральскомъ №-рѣ журнала Американскаго Общ-ва для Псих. Изсл. помѣщена статья г-на Галль Кука (Hall Cook) о психической фотографіи и почти весь №-ръ занятъ нѣкоторыми изъ наиболѣе удавшихся фотографій и ихъ описаніемъ. Г-нъ Кукъ уже давно систематически ведетъ опыты по психической фотографіи и при самыхъ строгихъ опытныхъ условіяхъ; тѣмъ не менѣе редакторъ журнала и предсѣдатель Общества, профессоръ Хайслопъ, дѣлаетъ оговорку, что хотя онъ и помѣстилъ эти образцы психической фотографіи, тѣмъ не менѣе, самъ онъ считать ихъ «рѣшительно доказательными» не можетъ; однако онъ даетъ имъ мѣсто, такъ какъ «въ задачи журнала не входитъ быть послѣдней инстанціей и выносить окончательныя рѣшенія доказательности».

Однако, когда эти фотографіи поддержаны соответствующими сообщеніями, показаніями ясновидящихъ и другими феноменами, черезъ различныхъ медиумовъ полученными, то по отношенію къ этимъ фотографіямъ трудно воздержаться отъ термина «рѣшительно доказательныя» („Light“).

«Только радостные духомъ видятъ цвѣты древа жизни; только для людей съ чистой совѣстью бьетъ ключъ юности даже и въ преклонныхъ годахъ».

Часто приходится слышать мнѣніе, что «нѣтъ ничего новаго подъ луной»,—что все, достойное вниманія и изученія, было извѣстно еще въ глубокой древности. Намъ говорятъ, что и за духовной истиной мы должны идти не впередъ, а назадъ. Въ этомъ взглядѣ кроется глубокое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что не новую истину мы ищемъ, а новыхъ и болѣе широкихъ путей къ ней. Умъ человѣческій, развиваясь и уточняясь, приобретаетъ все болѣе и болѣе ясныя и полныя познанія о тѣхъ принципахъ, которые не новы и не стары, а существуютъ отъ вѣка. Мы ищемъ не новой истины въ нашихъ изслѣдованіяхъ, а новаго освѣщенія истины или—скорѣе—новыхъ возможностей познания ея. Факты и мнѣнія могутъ быть стары или новы; заблужденія и ошибки тоже имѣютъ свой

часть и свое время, принципы же остаются вѣчными и неизмѣнными и только изучаются и познаются нами все полнѣе и — надѣмся — глубже и основательнѣе.

«Въ настоящее время человекъ въ первый разъ можетъ себя чувствовать дома: онъ нашелъ свое мѣсто въ обширной вселенной, ему не грозитъ личное уничтоженіе съ физической смертью» — *Фред. Мейерсъ*.

Если лицемѣріе, какъ говорятъ, есть дань вѣжливости, которую пороки платить добродѣтели, то суевѣріе несомнѣнно есть такая же дань, уплачиваемая материалистическимъ міровоззрѣніемъ духовной сторонѣ жизни. Говорятъ, что Вольтеръ, на высотѣ своего безвѣрія и скептицизма, былъ до странности отзывчивъ къ религіознымъ обрядностямъ и нерѣдко сбѣнялъ себя даже крестнымъ знаменемъ и не безъ чувства значительнаго благоговѣнія. Можно было бы толстѣйшую книгу написать о разнаго рода предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ со стороны лицъ, исполненныхъ, такъ называемаго, «здраваго смысла». Дикенсъ, на примѣръ, утверждалъ, что всѣ счастливыя событія въ его жизни всегда приходились на пятницу и онъ этотъ день выдѣлялъ изъ всей недѣли, какъ счастливый день. У президента Соединенныхъ Штатовъ, Вильсона, пользуется такимъ же вниманіемъ число 13. — Его имя состоитъ изъ тринадцати буквъ (*Woodrow Wilson*); тринадцать лѣтъ онъ былъ профессоромъ въ университетѣ; онъ былъ тринадцатымъ предсѣдателемъ этого учрежденія, въ которомъ въ его время числилось 1300 студентовъ. Правда, что онъ двадцать восьмой президентъ С. А. Ш., но за то наименованіе это, написанное такъ: «28 — th President» содержитъ тринадцать буквъ. Занялъ онъ постъ президента въ 1913 году и 13-го декабря того же года нашелъ покупателя на свой трудъ «Жизнь Вашингтона».

Какъ это ни странно, но существуетъ не мало людей, у которыхъ въ жизни повторяется безпрестанно одно и то же число. Объясненія этому еще не найдено („*Light*“).

Не найдено также объясненія и другому, гораздо болѣе обыденному для насъ факту, а именно чудодѣйственному, магическому влиянію сна на организмъ, его восстанавливающему, оздоравливающему воздѣйствію. Нѣсколько минутъ сна — минутное хотя бы забытіе — такъ освѣжаетъ, обновляетъ организмъ, какъ никогда не смогутъ этого сдѣлать цѣлые часы лежанья въ абсолютномъ спокойствіи, въ тишинѣ и темнотѣ. Даже простая дремота, когда на секунду склонится голова, способна совершенно измѣнить настроеніе человека, влить бодрость въ его сознание. Многіе люди при этомъ вполне осязательно чувствуютъ извѣстную перемѣну въ ихъ организмѣ: не то составъ крови измѣнился, не то кровяное давленіе ослабло — однимъ словомъ произошелъ какой-то переворотъ во всемъ существѣ. (Изъ сочиненія *Фр. Мейерса* «Посмертное человечество»).

Г-жа Деллесъ, не безызвѣстная нашимъ читателямъ по нѣкоторымъ ея трудамъ, переводъ которыхъ былъ помѣщенъ въ «Ребусъ», пишетъ объ случаѣ на сеансѣ г. Вутъ-Питерса, знаменитаго англійскаго психометриста, тоже хорошо извѣстнаго въ Россіи, какъ въ редакціи «Ребуса», такъ и публикѣ вообще.

— «Я думаю, что случай, который я намѣрена сообщить ко всеобщему свѣдѣнію, служить яркимъ доказательствомъ несомнѣнности того факта, что наши умершіе находятся часто въ возможности общаться съ нами. Я была на психометрическомъ сеансѣ г-на Вутъ-Питерса и онъ описалъ мнѣ стараго джентльмена, будто бы тутъ присутствовавшего. Джентльмена по описанію я не признала и тогда г-нъ Питерсъ добавилъ, что этотъ джентльменъ — свекоръ моей сестры, живущей въ Кантоунѣ. Явившійся джентльменъ велѣлъ передать, что — «онъ не виноватъ по поводу денегъ; его уговорили другіе». — Такъ какъ я ровно ничего не знала о денежныхъ дѣлахъ этого лица (не знала также и моя сестра, которая вышла замужъ за его сына уже послѣ смерти старика), то я тотчасъ же написала въ Кантоунъ, прося сестру разузнать отъ мужа, могла ли бы такая фраза быть умѣстной со стороны его отца? Черезъ 6 недѣль я получила отвѣтъ такого рода: мужъ моей сестры былъ пораженъ именно значительностью этой фразы, такъ какъ его отецъ потерялъ цѣлое состояніе именно потому, что его уговорили отдать его займы на проценты („*Light*“).

Добавимъ, что г-нъ Вутъ-Питерсъ состоитъ представителемъ Русскаго Спирит. Общ-ва въ Англии и нѣкотор. др. государствахъ.

Странный и, пожалуй, загадочный фактъ сообщаютъ «*Вирж. Вѣд.*» въ № 197-мъ отъ 21 іюля с. г.

«Въ Городнянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Безугловѣ, во время погребенія стараго пасѣчника Максима Безбородаго, на могилу прилетѣлъ рой пчелъ, улетѣвшій, когда сталъ расходиться народъ. Случай произвелъ на окружающихъ большое впечатлѣніе».

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

Д. О. Карабановичъ.

(Продолженіе *).

До сихъ поръ мы описывали наблюденія надъ условіями воспоминаній и переживанія прошлыхъ существованій на землѣ, повторявшихся внезапно и естественнымъ путемъ. Теперь мы обратимся къ описаніямъ прежнихъ существованій, вызываемыхъ искусственно посредствомъ внушенія во время сомнамбулическаго сна. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ опыты и изслѣдованія *А. де Роша*. Правда, де Роша заявляетъ, что не онъ одинъ производилъ такого рода наблюденія посредствомъ гипноза. Сообщеніе объ однородныхъ наблюденіяхъ было сдѣлано на пиритическомъ конгрессѣ въ Парижѣ 1900 г. Фернандомъ *Колавида*, основателемъ спиритической группы въ Испаніи; однако всѣ эти другія изслѣдованія далеко уступаютъ опытамъ де-Роша по обстоятельности, законченности и особенно по научному характеру. — Наблюденія его изложены весьма обстоятельно и весьма осторожно, съ упоминаніемъ какъ удачныхъ такъ и неудачныхъ опытовъ въ большомъ томѣ «*Les vies successives*» — послѣдовательныя существованія или регрессированіе памяти».

Прежде чѣмъ излагать наблюденія де-Роша надъ регрессированіемъ памяти, для яснаго пониманія этого процесса, необходимо познакомиться въ общихъ чертахъ съ

* См. «Ребусъ» № 13, 1916 г.

тѣми состояніями, въ которыхъ находится субъектъ во время искусственнаго магнетическаго сна, для того, чтобы судить о томъ, допустимо ли притворство со стороны субъекта въ такихъ состояніяхъ. Подъ вліяніемъ продольныхъ пассовъ получается рядъ состояній, похожихъ на бодрствующее, но имѣющихъ каждое свой особенный характеръ и смѣняющихъ другъ друга всегда въ томъ же порядкѣ. Эти состоянія отдѣляются фазами летаргіи, похожими на нормальный сонъ, отъ котораго, однако, субъектъ самъ не просыпается долгое время, если не будетъ разбуженъ магнетизеромъ.

1-е состояніе. Сомнамбулизмъ.—Субъектъ имѣетъ видъ бодрствующій, владѣетъ своими чувствами. Начинаетъ являться нечувствительность кожи (кожная анестезія). Субъектъ весьма подверженъ внушенію. Если къ здоровому мѣсту тѣла его приложить компрессъ изъ чистаго вазелина или изъ чистой воды и внушить, что это мушка, то черезъ нѣкоторое время на кожѣ подъ компрессомъ является краснота, припухлость и наконецъ легкое подкожное нарываніе.

2-е состояніе. Раппортъ.—Субъектъ сознаетъ присутствіе только магнетизера и лицъ, которыхъ послѣдній приводитъ въ соприкосновеніе съ собою. Уменьшеніе внушаемости и нормальной памяти.

3-е состояніе. Симпатія при прикосновеніи. Субъектъ испытываетъ на себѣ ощущенія магнетизера, когда послѣдній приходитъ съ нимъ въ прикосновеніе. Чувствительность пропадаетъ. На уколы и ущемленія кожи субъектъ вовсе не реагируетъ; амміакъ или крѣпкій нашатырный спиртъ, поднесенный къ носу и вдыхаемый не вызываетъ никакого ощущенія. Субъектъ испытываетъ на себѣ болевья ощущенія магнетизера, напримѣръ, его головную боль.

4-е состояніе. Симпатія на разстояніи. Субъектъ испытываетъ на себѣ болевья ощущенія магнетизера на разстояніи, лишь бы оно не было слишкомъ велико. Онъ не способенъ къ внушенію; знаетъ только двухъ лицъ—себя и магнетизера, но забываетъ имена.

Изъ многочисленныхъ наблюденій *А. де-Роша* я приведу только два, съ сомнамбулами *Жозефиной* и *Евгеніей*, съ которыми авторъ работалъ очень долго, изучилъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и потому менѣе всего рисковалъ быть введеннымъ въ заблужденіе.

Жозефина—молодая дѣвушка 18 лѣтъ; она занимаетъ должность домашней прислуги у портного изъ Вуарона, который вмѣстѣ съ женою занимается спиритизмомъ. Дѣвушка эта не высокаго умственнаго развитія; очень чувствительна къ магнетизаціи. «Я,—говоритъ де-Роша,—усыпилъ ее посредствомъ продольныхъ пассовъ, чтобы узнать, какія она можетъ дать явленія, и я былъ немало удивленъ, заставивъ ее очень скоро вспомнить и пережить свои юные годы. Вотъ она въ возрастѣ 7 лѣтъ. Я спрашиваю ее, чѣмъ она занимается.—«Я хожу въ школу».—«Умѣете вы писать?»—«Да, я начинаю.»—Я даю ей въ руку перо и она пишетъ отчетливо: *мама* и *папа*.—Продолжая магнетическіе пассы, я возвращаю ее къ 5 годамъ.—«Покажите теперь, какъ вы пишете.»—Она пишетъ по слогамъ *па-па*. Я даю ей въ руки платокъ и говорю, что это кукла; она кажется очень довольна и укачиваетъ ее. Она имѣетъ въ эту минуту вполне видъ дѣвочки этого

возраста. Послѣ новыхъ пассовъ, она, вѣроятно, находится въ колыбели, и не можетъ говорить. Я кладу ей въ ротъ конецъ пальца и она *сосетъ* его.

Послѣ нѣсколькихъ сеансовъ, сдѣланныхъ съ цѣлью ускорить время приведенія ее къ раннему дѣтству, мнѣ пришла мысль продолжать дальше продольные пассы. Тогда на мои вопросы *Жозефина* отвѣчала знаками и такимъ путемъ, понемногу, въ нѣсколько сеансовъ, дала мнѣ понять, что она еще не родилась, что тѣло, въ которое ей предстояло воплотиться, находилось еще въ животѣ ея матери, но ощущенія матери мало вліяли на нее.

Дальнѣйшее углубленіе сна вызвало появленіе личности, природу которой я затруднялся сначала опредѣлить. Она не хотѣла говорить ни кто она, ни гдѣ она находится. Она отвѣчала мнѣ съ упрямствомъ и *мужскимъ голосомъ*, что онъ тутъ, потому что говорить со мною; впрочемъ, онъ ничего не видѣлъ, онъ былъ во мракѣ. Когда сонъ сдѣлался еще глубже, на мои вопросы отвѣчалъ больной старикъ, и отвѣчалъ, притомъ, послѣ многихъ увертокъ, какъ крестьянинъ себѣ на умѣ, который боится попасть въ просакъ и хочетъ знать, зачѣмъ его допрашиваютъ.

Въ концѣ концовъ я узналъ, что его зовутъ *Жанъ-Клодъ Бурдонъ* съ хутора Шампванъ, въ общинѣ Полліи. а въ какомъ департаментѣ—онъ не зналъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что было два сосѣднихъ хутора Шампванъ, но его хуторъ былъ ближе къ Мезеріѣ. Эти подробности дали мнѣ возможность разыскать Шампванъ въ департаментѣ Эна, по картѣ Главнаго Штаба. Что касается *Жозефины*, то она родилась и провела молодость въ Манзіѣ, въ Кантонѣ Бюже-ле-Шатель; въ бодрственномъ состояніи она не помнитъ, чтобы когда-нибудь слышала о Шампванѣ близъ Полліи.

Понемногу я овладѣлъ довѣріемъ Бурдона и вотъ что онъ рассказалъ мнѣ о своей жизни, различные періоды которой я заставлялъ его переживать много разъ.

Онъ родился въ Шампванѣ въ 1812 году; ходилъ въ школу до 18 лѣтъ, такъ какъ не могъ научиться многому, посѣщая школу только зимою и часто манкируя. Военскую повинность онъ отбывалъ въ 7-мъ артиллерійскомъ полку въ Безансонѣ и долженъ былъ пребыть въ этомъ городѣ 7 лѣтъ; но смерть отца освободила его отъ службы черезъ 4 года*). Онъ не помнитъ именъ офицеровъ; за то, онъ зналъ, что тамъ проводили очень весело время съ товарищами и дѣвухами; онъ рассказываетъ о своихъ походахъ, покручивая мнимые усы. По возвращеніи на родину, онъ находитъ свою добрую подругу *Жанетту*, на которой обѣщалъ жениться, о чемъ сообщилъ мнѣ, краснѣя, до отправки на службу. Теперь онъ уже не желаетъ жениться и оставляетъ у себя *Жанетту* въ качествѣ любовницы. Онъ умираетъ одинокимъ въ 70 лѣтъ. Онъ чувствуетъ, какъ выходитъ изъ своего тѣла, съ которымъ онъ остается однако связаннымъ въ теченіи довольно долгаго времени. Онъ слѣдилъ за своимъ погребеніемъ, носаясь надъ гробомъ. На кладбищѣ онъ остался у своего тѣла и чувствовалъ, какъ оно разлагается, что причиняло ему большія страданія. Я спросилъ его, видитъ ли онъ червей:—

*) 7-й артиллерійскій полкъ, по наведеннымъ справкамъ, действительно стоялъ гарнизономъ въ Безансонѣ, отъ 1832—1837 г. и невозможно понять, какимъ образомъ *Жозефина* могла знать это.

«Еще бы, отвѣчалъ онъ, меня, вѣдь, не посодили впрокъ». Его флюидическое тѣло, разрѣженное послѣ смерти, приняло болѣе плотный видъ. Онъ живетъ во мракѣ, который очень тяготитъ его; однако онъ не страдаетъ, потому что, по его словамъ не убивалъ, не воровалъ; только иногда чувствуетъ жажду, потому что былъ порядочнымъ пьяницей. Онъ признается, что смерть совсѣмъ не то, что онъ думалъ. Я предлагаю ему дать возможность снова жить. — «Вотъ одолжилъ бы меня, сказалъ онъ».

Мракъ, въ который онъ былъ погруженъ, наконецъ былъ озаренъ отблесками свѣта. Ему вдругъ захотѣлось перевоплотиться въ тѣло женщины, потому что женщины страдаютъ больше мужчинъ; а ему надо было искупить нѣкоторые свои дурныя похождения съ дѣвушками, и вотъ онъ приблизился къ той, которая должна была сдѣлаться его матерью; онъ окружалъ ее до тѣхъ поръ, пока ребенокъ появился на свѣтъ и *въ этотъ моментъ* онъ понемногу вошелъ въ тѣло этого ребенка. До 7 лѣтъ его тѣло было окружено чѣмъ-то вродѣ волнующагося тумана, при помощи котораго онъ видѣлъ многое, чего не могъ уже потомъ видѣть *).

Получивъ отъ Бурдона свѣдѣнія, которыя я считалъ интересными, я постарался пойти еще дальше къ прошлому. Продолжительная магнетизація въ теченіи $\frac{3}{4}$ часа, безъ задержекъ на промежуточныхъ стадіяхъ, привела Жанъ-Клода къ раннему младенчеству. Затѣмъ явилась новая личность. Это была старуха очень злая; она любила сплетничать и вредить другимъ. Поэтому она очень страдаетъ; лицо ея въ судорогахъ и по временамъ она корчится на стулѣ съ ужаснымъ выраженіемъ страданія. Она находится въ густомъ мракѣ, окруженная злыми духами, которые принимаютъ отвратительныя формы, чтобы мучить ее. Иногда ей самой хотѣлось измѣнить свой видъ и слѣдовать за ними, чтобы дѣлать зло людямъ. Она говоритъ слабымъ голосомъ, но отвѣчаетъ всегда точно на предлагаемые мною вопросы, не огрызаясь, какъ это дѣлалъ Жанъ-Клодъ.

Углубляя далѣе сонъ, я вызываю появленіе этой старухи Филомены, еще живущей на землѣ. Она не страдаетъ, кажется очень спокойной, отвѣчаетъ всегда отчетливо и строго. Она знаетъ, что не любима въ странѣ, и надѣется отмстить за это. Она родилась въ 1702 году, называлась Филоменой Шартенъ, когда была дѣвушкой; ея дѣвушка со стороны матери назывался Петръ Машонъ и жилъ въ Озанѣ. Она вышла замужъ въ 1732 году въ Шевру за Картерона и имѣла двухъ дѣтей, которые умерли. Она лишена всякаго религіознаго чувства, не бываетъ никогда въ церкви и думаетъ, что все кончается въ этой жизни. Она не умѣетъ писать.

Фамилии Шарпиньи и Картеронъ действительно, какъ оказывается по справкамъ, существовали въ Озанѣ и въ Шевру, но я не нашелъ тамъ несомнѣнныхъ слѣдовъ Филомены.

До своего воплощенія Филомена была дѣвочкой, умершей въ раннемъ возрастѣ. Передъ этимъ она была мужчиной,

*) Приходскій священникъ въ Поллин, которому я писалъ, спрашивая, не осталось ли въ его приходѣ какихъ-нибудь слѣдовъ Жанъ-Клода Бургона, отвѣтилъ, что это имя у нихъ неизвѣстно; но оно очень распространено въ соседнемъ округѣ, именно въ Гріезѣ, за Понъ де-Вейль (т. е. очень близко).

который убивалъ и воровалъ, какъ настоящій бандитъ; вотъ почему она такъ много страдала, пребывая во мракѣ, даже послѣ жизни въ видѣ дѣвочки, когда она не имѣла времени дѣлать зло.

Я не могъ продолжать еще далѣе опыты съ послѣдовательными существованіями, потому что послѣ очень продолжительной магнетизаціи (около 2 часовъ), потребной для доведенія до состоянія бандита, субъектъ казался совершенно истощеннымъ; *очень тяжело было смотреть на нее во время ея страданій и болѣзненныхъ кризисовъ.*

Жозефина только что покинула семейство, въ которомъ она была прислугой; «она просила меня,—продолжаетъ авторъ,—принять ее временно въ услуженіе; и я согласился. Мой слѣдующій сеансъ имѣлъ цѣлью вызвать у Жозефины переживанія недавнія, которыя было бы легче провѣрить. Я усыпляю ее обычными пассами и довожу до состоянія, предшествующаго рожденію ея въ настоящую жизнь. Она является опять Жанъ Клодомъ, причемъ подтверждаетъ все то, что говорила въ предыдущихъ сеансахъ, безъ малѣйшихъ измѣненій или пропусковъ. Нажимая пальцемъ по срединѣ ея лба, я стараюсь узнать точно въ какое время Жанъ былъ солдатомъ въ Безансонѣ; онъ не могъ назвать числа, но на мой вопросъ отвѣтилъ, что большой солдатскій праздникъ приходился не 14 іюля, а 1-го мая. Действительно, по справкамъ оказалось, что св. Филипъ праздновали отъ 1830 по 1848 годъ 1 го мая, и объяснить это воспоминаніе естественнымъ путемъ я отказываюсь.

«Слѣдующій сеансъ я начинаю придавливаніемъ лба Жозефины въ бодрственномъ состояніи; тогда она вспоминаетъ понемногу свои прошлыя переживанія, которыхъ я касаюсь лишь слегка. Она сказала мнѣ, что когда была маленькой дѣвочкой, прежде состоянія Филомены, она называлась Алисой; она имѣла нѣсколько перевоплощеній и помнитъ только, что страдала въ промежуткахъ между ними».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАГАДОЧНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

(Личные опыты въ области ясновидѣнія).

Докладъ А. Оболенской (Иноземцевой), въ Об-вѣ Спиритуалистовъ, въ Кіевѣ, 2 марта 1916 г.

(Продолженіе *).

Въ 1911 году я съ дочерью пріѣхала въ Кіевъ. Какъ-то разъ, весной, собираясь ѣхать обратно, на родину, я посмотрѣла въ воду съ мыслью, какое событіе ждетъ меня нынѣшнее лѣто и увидѣла въ кольцѣ гробъ, покрытый парчей, на которой рельефно выдѣлялись кресты. Передняя часть гроба, гдѣ помѣщалось лицо усопшаго, было прикрыто священной пеленой изъ темно-коричневой шелковой матеріи. Не смотря на то, что я принадлежу къ православной семьѣ, мнѣ какъ-то никогда не приходилось слышать о томъ, кого у насъ хоронятъ съ закрытымъ лицомъ. Кому я ни рассказывала про этотъ случай, знакомые мои то же не могли мнѣ объяснить его. Узнала я объ этомъ только въ тотъ моментъ, когда, спустя два съ половиной мѣсяца, совершилось предо мной, во-очію, картина, видѣнная въ стаканѣ.

*) См. «Ребусъ», № 13, 1916 г.

Льтомъ изъ Н. я поѣхала съ дочерью на Ставропольскій курортъ и случайно встрѣтилась тамъ съ о. Николаемъ Филипповичемъ Царевскимъ, моимъ духовникомъ, лечившемся на курортѣ отъ какой-то многолѣтней болѣзни. Семья наша была знакома давно. Въ концѣ юля о. Николай скончался. Когда я пришла на первую панихиду по немъ, я поразились этимъ уже знакомымъ мнѣ гробомъ, поразились потому, что ликъ покойнаго былъ прикрытъ священной пеленой, изъ темно-коричневаго шелка. И тутъ только я узнала отъ вдовы покойнаго, подруги моего дѣтства, Елизаветы Васильевны, что православныхъ священниковъ хоронятъ у насъ съ закрытыми глазами. То, что этотъ случай, видѣнный мною весной 1911 г., не продуктъ моей фантазіи и не вымыселъ, можетъ подтвердить семья ревизора Контрольной палаты г. К. (Б. Владимирская, д. 79, кв. 17) и дворянка С. И. Домбровская (Б. Кудрявская, д. 7, кв. 29), которымъ я весной рассказывала про этотъ случай со стаканомъ воды. Выдумывать и измышлять мнѣ, собственно, нѣтъ никакого расчета и если я дѣлаю вамъ, господа, это сообщеніе, то дѣлаю его исключительно ради науки, съ цѣлью заинтересовать тѣхъ, кто можетъ, такъ или иначе, разобраться въ этомъ явленіи. Люди болѣе меня опытные, болѣе просвѣщенные въ вопросахъ оккультизма, найдутъ, быть можетъ, способы и возможность пролить капельку свѣта на данный, если можно такъ выразиться, психическій процессъ, зарождаемый въ основѣ моей индивидуальности и проявляемый такимъ интереснымъ, такимъ, казалось бы, загадочнымъ образомъ. Съ 1912 года, переѣхавъ въ Кіевъ уже на постоянное жительство и познакомившись съ кружкомъ спиритуалистовъ, я занялась своимъ такъ называемымъ „сновидѣніемъ“ систематически и начала дѣлать опыты ежедневно. По воскресеньямъ, въ наши пріемные дни, у насъ собиралось много знакомыхъ, — людей, какъ говорится „всякаго званія и состоянія“. Бывали и дамы изъ общества, курсистки и студентки, инженеры и учащіеся политехники, крайне заинтересованные тѣми явленіями, которымъ я и сама не могла дать тогда никакихъ объясненій. Странно, но каждый разъ при началѣ опыта я вспоминала почему-то мельника — колдуна Кудимыча, выведеннаго А. Толстымъ въ его романѣ „Князь Серебряный“. Вспоминалась мнѣ сцена гаданія, при посѣщеніи этого мельника княземъ Вяземскимъ. Колдунъ бралъ ковшъ воды, шепталъ какія-то заклинанія и въ ковшѣ съ водой представлялась гадающему картина его послѣдующей жизни и будущей смерти. — Я же, не вѣря никакимъ заклинаніямъ, да по правдѣ сказать и не зная ихъ, брала стаканъ съ водой, съ постояннымъ сомнѣніемъ „увиджу-ли что что-нибудь“, — спрашивала вопрошавшаго, что онъ желаетъ увидѣть: близкое лицо на какомъ-бы дальнемъ разстояніи оно не находилось, — грядущее событіе своей жизни, чѣмъ-нибудь замѣчательное, или прошлое — что оставило въ памяти вопрошавшаго неизгладимыя черты. И видѣла, и давала видѣть другимъ. Помню очень интересный случай изъ практики этихъ опытовъ, происшедшій у меня, не то въ 913-мъ, не то въ 914 году, съ инженеромъ Н. А. Ш. Привела его къ намъ на сеансъ г-жа Быковская. Онъ попросилъ меня посмотрѣть на задуманное лицо. Я бросила кольцо въ воду и увидѣла молодую особу, блондинку, лежащую въ гробу. Смущенная этимъ и боясь взволновать г. Ш. правдой, я сказала ему: — я вижу молодую особу, блондинку, и сдѣлавъ паузу — спросила: — вы давно не имѣли отъ нея извѣстій? — Два года, отвѣтилъ г. Ш. — Можетъ быть она больна? задала я осторожный вопросъ. — Она умерла, отвѣтилъ мнѣ г. Ш. — Посмотрите, сказала я: я вижу какую-то блондинку въ гробу, — она это или нѣтъ? Онъ глядѣлъ въ воду съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, по которому пробѣ-

гали тоненькими змѣйками блики печали. — Да, это она, вздохнулъ онъ, оторвавшись отъ стакана и откидываясь на спинку сидѣнья.

Въ половинѣ вечера, послѣ чая, онъ опять подошелъ ко мнѣ и попросилъ меня сдѣлать еще одинъ опытъ, на тему „событія предшествовавшаго смерти блондинки“. Я увидѣла ее въ лѣтнемъ, голубоватаго оттѣнка, платьѣ, въ позѣ человека защищающагося отъ удара. Противъ нея стоялъ мужчина, брюнетъ, съ худощавымъ, нервнымъ лицомъ, держа въ рукахъ направленный въ нее револьверъ. — Что было съ ней? въ нее стрѣляли, изумилась я. — Да въ нее стрѣляли, тихо отвѣтилъ г. Ш., поднимая на меня свой сосредоточенный взглядъ. Позвольте мнѣ взглянуть на эту картину, если я только могу ее видѣть. Я посторонилась. Онъ долго глядѣлъ въ стаканъ; лицо его было задумчиво и печально. — Вы видите? тихо спросила я. — Да, отвѣтилъ онъ: я вижу. Онъ посмотрѣлъ еще нѣсколько секундъ, всталъ взволнованный и поблѣднѣвшій, поклонился и сейчасъ же уѣхалъ. — Я не думаю, что это до такой степени интересно: эти ваши опыты, пояснилъ онъ, прощаясь со мной въ дверяхъ пріемной.

Многіе изъ присутствующихъ на моихъ опытахъ, безуспѣшно старались объяснить ихъ или телепатіей (передачей мыслей), или моимъ внушеніемъ, дѣйствующимъ на другихъ подобно гипнозу. Но въ томъ то и суть, что ни первое, ни второе объясненіе не подходитъ къ рубрикѣ объяснительныхъ причинъ. Что бы разбить эти предположенія, я приведу одинъ очень характерный, очень интересный случай. Крестьянка деревни Сокорки, Кіевской губерніи, по имени Анна, двоюродная сестра которой, Θεодора Рябокрысова, носила намъ молоко, просила меня, черезъ Θεодору, посмотрѣть на ея мужа, находящагося въ дѣйствующей арміи, обѣщавъ на другой день придти сама и принести мнѣ карточку своего мужа, снятаго вмѣстѣ съ товарищемъ. Въ девять часовъ вечера я начала дѣлать опытъ. Мнѣ представилась картина снѣжнаго поля и кучка солдатъ, предъ раскрытой могилой, опускающая, на большомъ квадратномъ холстѣ, фигуры четырехъ мертвыхъ тѣлъ. Второй картиной мнѣ рельефно представилось мужское лицо, судорожно подергивающееся, съ большой, зияющей раной во лбу, надъ лѣвой бровью. Лицо я запомнила прекрасно. Когда на другой день пришла Анна и принесла портретъ мужа, въ одномъ изъ двухъ солдатъ, снятыхъ на карточкѣ, я узнала вчерашнее лицо. Оказывается это и былъ ея мужъ. Не зная, какъ передать ей о томъ, что я видѣла и сомнѣваясь каждый разъ въ правдивости видѣннаго, я сказала ей слѣдующее: — Мнѣ кажется вашъ мужъ раненъ въ голову и очевидно сзади, такъ какъ я видѣла у него во лбу отверстие, какъ-бы отъ разрывной пули, величинной въ мѣдныя три копейки. Она опустила глаза и молчала. — Вѣдь я не Богъ, я могу и ошибиться, продолжала я: самое лучшее вамъ написать въ тотъ полкъ, гдѣ служитъ вашъ мужъ и навести справки. — Она подняла на меня озадаченный взглядъ и вздохнула. — Писали барыня... — Писали? ну и что-же? заторопилась я. — Отвѣтили, что убить, на развѣдкѣ, черезъ силу выжимала она слова. Драгунъ онъ былъ; конный. Когда скакали назадъ — пуля попала ему сзади, а въ лобъ вышла. Я вѣдь васъ, барыня, испытать хотѣла, созналась мнѣ Анна. Сказывала Θεодора, что вы ей про мужа вѣрно сказали, вотъ я и пошла попытать счастья. Теперь ужъ вѣрно, теперь ужъ беспокоиться не о чемъ, заключила она, прощаясь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Продолженіе *).

ГЛАВА XVII.

— Видѣли-ли эти несчастные вашъ духъ, Людовикъ, и какъ они приняли васъ?

— Они почувствовали мое присутствіе и помимо ихъ желанія. Эти жалкія существа въ отрешѣ, бросались на колѣна среди обломковъ ихъ міра, и ихъ молитвы восходили ко мнѣ, какъ къ Богу. Ничто не казалось имъ болѣе высокимъ, чѣмъ состояніе бѣдной души человѣческой. Мое присутствіе они открыли по духовному свѣту. Они плакали и молились, а съ ними молился и я. Бхута почувствовала вдохновеніе и начала говорить имъ. Она выражала мои мысли способомъ, аналогичнымъ тому, какъ это дѣлаютъ медиумы на землѣ. Въ этотъ моментъ я былъ отозванъ и покинулъ ихъ. Но я узналъ послѣ, что безпокойства въ деревнѣ прекратились.

— «Чундра, если бы люди были лучше освѣдомлены объ этомъ «адѣ», не могли ли бы они помочь прогрессу его несчастныхъ обитателей, и избавить такимъ образомъ чело-вѣчество отъ ихъ губельнаго вліянія, отъ того злого дыханія, которое они распространяютъ вокругъ себя?»

Бига молча указалъ на пару пистолетовъ, лежавшихъ на столѣ и на саблю, брошенную на диванъ.

— Пока вы будете пользоваться этими инструментами разрушенія, — сказалъ онъ тихимъ и выразительнымъ тономъ, — существа болѣе несчастныя и менѣе отвѣтственныя будутъ отвѣчать на желанія высшихъ. Людовикъ, будьте увѣрены, что міръ прогрессируетъ въ *массѣ*.

Одна искушенная душа содѣйствуетъ эволюціи всего творенія; а одна погибшая душа влечетъ за собой тысячи твореній. Рано или поздно чело-вѣкъ долженъ узнать о существованіи высшихъ и низшихъ окружающихъ его міровъ; тогда онъ пойметъ, что легионы существъ вынуждены испытывать послѣдствія его дѣйствій. А пока... очищеніе одной чело-вѣческой души является достаточнымъ триумфомъ для одной жизни, такъ какъ адъ людей частью находится въ этомъ царствѣ злыхъ элементаловъ.

— Чундра, вы, который знаете, скажите мнѣ кто такое Метронъ?

— Глава элементаловъ, соответствующихъ магнетическимъ и электрическимъ силамъ арктическихъ и антарктическихъ круговъ. Эти области образуютъ мозгъ и ноги живой земли и служатъ поддержкой обширныхъ царствъ, обитатели которыхъ по своимъ качествамъ соответствуютъ центрамъ этихъ областей. Область, занимаемая ими, даетъ имъ особенный магнетическій темпераментъ и, реагируя на свою область, они наполняютъ ее своей дѣятельностью. Метронъ ихъ глава.

— Онъ элементалъ?

— Нѣтъ! Духъ—духъ хранитель, аналогичный элогимамъ древней каббалы, которые управляли различными царствами творенія. Вы каббалистъ и легко поймете, что всѣ страны, всѣ націи и всѣ планеты управляются спе-

ціальнымъ Ангеломъ. И Метронъ одинъ изъ этихъ ангеловъ хранителей.

— Я знаю это, и если бы я не признавалъ точности этой доктрины, я былъ бы такимъ же плохимъ каббалистомъ, какъ почти всѣ мои братья христіане. Между прочимъ объ этомъ говорится въ св. писаніяхъ, главнымъ образомъ въ книгахъ Іезекіиля, Давіила и въ Апокалипсисѣ. Указанія на это можно также найти въ восточной и еврейской каббалѣ. Но оставимъ это. Еще одна вещь безпокоитъ меня и я хочу поговорить объ ней.

Между блестящимъ Метропомъ и дорогимъ другомъ моей души Феликсомъ фонъ Марксомъ существовало поразительное сходство. Я даже думалъ, что Метронъ былъ его преобразованнымъ духомъ. Эта опасная мысль могла завести меня въ царство фанатизма и галлюцинацій, поэтому я старался изгнать ее.

— «На духовномъ планѣ сродства суть мысленныя подобія и не обладаютъ ни чѣмъ изъ физическихъ формъ. Каждый планетный ангелъ царствуетъ надъ областями, гдѣ развиты извѣстныя умственные и нравственные качества. Въ астральныхъ сферахъ великіе духи руководители являются какъ бы центрами круговъ, гдѣ всѣ походятъ по своимъ мыслямъ и намѣреніямъ другъ на друга.

На землѣ плевелы и пшеница растутъ вмѣстѣ. Всѣ виды духовъ соединены въ одномъ жизненномъ вихрѣ, называемомъ обществомъ, или сгруппированы въ націи. Но въ астральномъ мірѣ ангелъ смерти отдѣляетъ пшеницу отъ плевелъ и обращаетъ вниманіе на все то, что специализируетъ чело-вѣка въ его земномъ существованіи и служить для его эволюціи въ вѣчности.

Каждый помѣщается съ собою подобными. Феликсъ фонъ Марксъ, искусный работникъ, изучившій тайны жизненнаго магнетизма, былъ привлеченъ къ тѣмъ сферамъ, гдѣ изучается оккультная часть природы. Онъ принадлежитъ спеціально къ тѣмъ магнетическимъ царствамъ жизни міра, резервуаръ и порождающій центръ которыхъ управляются на этой планетѣ Метропомъ. Пользуясь несовершеннымъ языкомъ людей я сказалъ бы вамъ, что вашъ другъ является однимъ изъ легионеровъ арміи Метрона. Вполнѣ естественно, что онъ на него походить».

«Артисты, поэты, скульпторы, музыканты, изобрѣтатели, всѣ гении, соединеніе которыхъ образуетъ порядокъ и гармонію міра, съ момента вступленія ихъ въ духовное существованіе тяготеютъ къ своимъ спеціальнымъ сферамъ. До тѣхъ поръ, пока они не пройдутъ всѣхъ отдѣловъ Космоса и не изучатъ всѣхъ его отдѣльныхъ элементовъ, вы можете видѣть ихъ сгруппированными въ кругахъ, управляемыхъ высокими духами. Они привлекаются къ тѣмъ центрамъ, гдѣ ихъ особенныя предрасположенія находятъ самое обширное поле дѣятельности, которое можетъ быть предоставлено духовной жизнью обитателямъ земли.

— „Метронъ планетный ангелъ элементаловъ или людей?

— Онъ есть Ангелъ всѣхъ чело-вѣческихъ духовъ и смертныхъ и бессмертныхъ элементовъ, которые испытываютъ притяженіе управляемаго имъ царства.

Посмотрите на сѣверъ, гдѣ сіяетъ слава сѣверной Авроры, преклонитесь передъ молчаливымъ жестомъ компаса, указывающаго среди безграничнаго океана путь моряку, всегда вѣрнаго невидимому мозгу Земли, находящемуся въ арктическихъ областяхъ!

*) См. «Ребусъ» № 12, 1916 г.

«Посмотрите на гигантское дерево, на траву, на цветы, все трепещет под нѣмымъ вліаніемъ духа жизни. Подумайте о миллионахъ существъ, распространенныхъ на поверхности нашей планеты, вращающейся со скоростью, достаточной для того, чтобы уничтожить ее; однако тяготѣніе удерживаетъ на ея поверхности всѣ живыя формы и даже позволяетъ имъ совершенно безопасно двигаться. И такъ, славный свѣтъ Авроры, невидимыя силы магнита, наконецъ жизнь и тяготѣніе суть только различныя фазы того единого и могущественнаго царства, силы котораго поражаются на сѣверномъ полюсѣ, мозгъ Земли, и отсюда распредѣляются по всѣмъ направленіямъ. Тамъ находится центръ дѣйствія Метрона и его легионеровъ. Хотя эти элементы находятся еще въ зачаточномъ существованіи и не обладаютъ безсмертною душой, тѣмъ не менѣе они обладаютъ высокими стремленіями къ знанію, къ добру и безсмертію. Природа Метрона находится съ ними въ гармоніи. Онъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы подготовить ихъ къ безсмертію, которое ожидаетъ ихъ въ будущемъ; онъ покинулъ небесныя области, къ которымъ принадлежалъ, чтобы помочь этимъ низшимъ расамъ достигнуть того высокаго состоянія, котораго достигъ онъ самъ.

— Почему же присутствіе духовъ и мои усилія бесѣдовать съ ними всегда утомляютъ меня физически?—спросилъ я,—тогда какъ я отдалъ бы жизнь за эти бесѣды съ ними.

— Потому что эти духи не могутъ войти въ соприкосновеніе съ землей не позаимствовавъ у васъ силу, которую имъ для того чтобы стать ощутимыми для вашихъ чувствъ. Для своей матеріализаціи они берутъ у васъ много вашей жизни.

— Всегда ли это такъ будетъ?

— Нѣтъ; чѣмъ больше люди увеличатъ въ себѣ духовный свѣтъ и знаніе, тѣмъ лучше они поймутъ методы сношеній. Земля полна оккультными силами; деревья, камни, минералы, газы и флюиды производятъ непрерывно громадныя количества магнетизма. Древніе маги знали и умѣли примѣнять естественныя тайны, которыя откроетъ со временемъ человѣческая наука. Тогда вмѣсто жизненныхъ силъ человѣческаго духа будутъ пользоваться для сношеній съ духами тайными силами природы. Тогда вмѣсто того чтобы быть пассивнымъ инструментомъ существъ, которыхъ онъ не можетъ понять, человѣкъ приметъ активное участіе въ этихъ сношеніяхъ съ развоплощенными; и въ тотъ моментъ спиритуалистическія и физическія науки вмѣсто вражды обопрутъ одна о другую. То, что имѣетъ мѣсто теперь между людьми и сферами духовной жизни служить лишь слабымъ указаніемъ на приближеніе новой эры. Одинъ циклъ окончится; судъ будетъ произнесенъ, а затѣмъ заблеститъ Аврора новой жизни, новой земли и иныхъ небесъ. Оккультная наука, имя которой для большинства теперь ничего не означаетъ, будетъ понята и изучена, прежде чѣмъ человѣчество проникнетъ въ храмъ спиритизма и поклонится въ духѣ и истинѣ тому Богу, который есть *Духъ*».

Здѣсь Бига сдѣлалъ движеніе, какъ если бы онъ хотѣлъ меня покинуть и протянулъ мнѣ руку. Я хотѣлъ пожать ее но не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Отступивъ отъ него, въ смущеніи я воскликнулъ:

— Неужели я потерялъ чувство осязанія?

— Вы адептъ и вамъ нужно бы умѣть различать физическое прикосновеніе отъ еще болѣе могущественнаго дѣйствія «астральной силы».

Произнося эти слова Чундра съ такой силой сжалъ мнѣ руку, что мнѣ невозможно было ее высвободить даже если бы я былъ Титаномъ.

Внезапно онъ разжалъ пальцы; его тѣло и голова преобразились. Въ моихъ глазахъ помутилось; передо мной съ поразительной быстротой промелькнули сады, террасы, рѣка, освѣщенная луной, отдаленный городъ съ его куполами и минаретами, а кристаллическій сводъ съ его тысячами блестящихъ огней показался мнѣ такимъ близкимъ, что я боялся быть раздавленнымъ имъ. Затѣмъ среди этого хаоса я ощутилъ, что меня перенесли на рукахъ могущественнаго Существа и нѣжно положили на диванъ, на которомъ я сидѣлъ, когда вошелъ Бига. Я былъ окруженъ огненной атмосферой. Кругомъ сверкали ослѣпительныя молніи; я былъ погруженъ въ экстазъ, смѣшанный съ какой-то подавленностью и мнѣ было позволено созерцать нѣкоторое время дивную форму, склонившуюся надо мной. Это былъ Метропъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ такой любовью, которую можетъ чувствовать только Ангелъ къ довѣренному ему смертному. Затѣмъ лучи окружавшаго его свѣта исчезли, и мой духъ хранитель, казалось, преобразился, и я вполне ясно и отчетливо съ довѣрчивостью и глубокимъ спокойствіемъ увидѣлъ благородное лицо Феликса фонъ Маркса. Обо многомъ говорили мы съ нимъ, и его слова изгнали изъ моей души сомнѣніе и заблужденіе. Мой мятуційся умъ снова обрѣлъ спокойствіе и надежду на божественный миръ, и я впалъ въ глубокий укрѣпляющій сонъ.

Если читатели спросятъ меня, какое отношеніе имѣло это видѣніе къ странному посѣтителю, котораго я называлъ «Бига», то я совершенно не въ состояніи объяснить этого. Я никогда не зналъ, кто былъ этотъ мистикъ. Я никогда не могъ вполне понять какимъ образомъ появились и исчезали вокругъ него Духи и какъ они фиксировались въ его атмосферѣ, какъ физическіе образы на свѣточувствительной пластинкѣ. Его природа и отношенія, которыя онъ имѣлъ съ невидимымъ міромъ, образуютъ часть тѣхъ тайнъ, для освѣщенія которыхъ недостаточно трудовъ одной жизни и даже цѣлаго поколѣнія. Мнѣ часто приходилось съ сожалѣніемъ слышать рассказы такъ называемыхъ высокихъ Духовъ, имѣвшихъ претензію объяснять всѣ тайны духовныхъ проявленій. Эти объясненія на почвѣ матеріальныхъ наукъ и освѣщенныхъ вѣками аналогій были просто странны.

По этимъ объясненіямъ жизнь духовъ есть простое отраженіе нашего міра со всѣми его неблагородными идеями, и ограниченными, если не атеистическими взглядами на Бога и на планъ причинъ!

Я боюсь, что между земной и загробной жизнью существуютъ тѣ же отношенія, какъ между утробной жизнью ребенка и его рожденіемъ на планъ физическій. Когда я переношусь къ сценамъ моей прошлой жизни, полной вмѣшательства, духовнаго міра, я ощущаю только какъ бы руки духовъ, ткущія нити человѣческой жизни, и ничего больше. По мѣрѣ того какъ проходятъ года я стараюсь усердно при помощи моихъ конечныхъ чувствъ и переходящихъ силъ познать безконечное и вѣчное и все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я ничего не знаю.

Громадный океанъ, по которому я долженъ плыть прежде чѣмъ буду въ состояніи дать моимъ послѣдователямъ малѣйшій совѣтъ, кажется мнѣ все страшнымъ и мрачнымъ.

Вѣрно, ничего не измѣняя, описалъ я результаты своихъ изслѣдованій въ «мирѣ Духовъ».

Въ жизни пророкамъ рѣдко вѣрятъ и я вѣроятно раздѣлю ихъ участь. Очень немногіе попытаются послѣдовать за мной въ моихъ опытахъ, но вѣрнѣе, что легкомысленный эгоизмъ людей просто отвергнетъ или объяснитъ все такъ нелѣпо, что отниметъ у понятія о *Духовной Жизни*

все ея достоинство, всю религиозную благодать и святость. Что касается меня, то я убѣжденъ, что «Оккультное Знаніе», должно служить связью между Видимымъ и Невидимымъ, раньше чѣмъ мы въ состояніи будемъ когда либо сказать, что мы *знаемъ* и что насъ знаютъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ—ЮБИЛЕЙНЫЙ—ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РЕБУСЪ“

СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: ТЕЛЕПАТИИ, ЯСНОВИДѢНІЯ, ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЯ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЯ, СОМНАМБУЛИЗМА, ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА, ГИПНОТИЗМА и СПИРИТИЗМА.;—изслѣдов. въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ—ТЕОСОФІЯ, МАСОНСТВО и проч.

Загадочность человѣческаго существа и безсмертіе человѣческой личности.

Вотъ—главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ. Независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ мѣсто **ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ТАИНЪ И ЗАГАДОКЪ ПРИРОДЫ, НАУКИ И ЖИЗНИ.**

ПОМѢЩАЮТСЯ ОТЗЫВЫ о новыхъ и старыхъ книгахъ, **РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ** на запросы и письма подписчиковъ. ВЪ **ЛИТЕРАТУРНОМЪ** отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Выходить—въ невоенное время не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣсмертномъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Вутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Аксакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дассье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Максвелла—„Феномены Психизма“; проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шопенгауера—„О духовидѣніи“, д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; и „Магія, какъ естествознаніе“; М. Сабуровой—„Смерть—только метаморфоза“; проф. Шарко—„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Охоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; Руксель — „Спиритизмъ и оккультизмъ“; А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суевѣрій“, „Кантъ, какъ спиритуалистъ“, „Радій и ясновидѣніе“, „Чтеніе мыслей“, „Magin—quadrivium“, „Тайныя Общества и Франкъ-Масонство“; д-ра Принса—„Множественность человѣческой личности“; Ст. Мозеса—„Ученіе духовъ социальное, религиозное и этическое“; А. Волгина—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; Губалке—„Метампсихозъ (перевосплиценіе)“; проф. В. Джемса—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; проф. О. Лоджа—„О транссовыхъ сообщеніяхъ“; д-ра Вишофа—„Ученіе Каббалы“; Рейхенбаха—„Одо-Магнетическія письма“ и др.; затѣмъ **СООБЩЕНІЯ О РАБОТАХЪ: РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ МОСКВѢ, ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ** и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. За границу: на годъ 6 р. Пробный номеръ 25 коп. (Можно высылать почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. Въ Москвѣ, у редактора-издателя журнала П. А. Чистякова.—Б. Дорогомиловская ул., (у Бородинскаго моста) д. № 3, (телеф. 2-28-93) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к.
 „ 6 „ „ 3 „ — „

За границу на годъ 6 руб.
 Пробн. номеръ 25 коп.

За пересылку адреса уплачивается
 деньгами или марками 40 коп.

ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС-
 ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ,
 СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ,
 ГИПНОТИЗМЪ И СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНИЯ
 ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ МИСТИКИ;
 ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.

Подписку и корреспонденцію

просятъ адресовать:

П. А. ЧИСТЯКОВУ
 редактору - издателю журнала

„Ребусъ“.

Москва, Бол. Дорогомилловская
 ул., у Бородинскаго моста
 домъ № 3.

№ 1690—1691.

11-го Сентября 1916 года.

№ 16—17.

Содержаніе: 1) Научное изслѣдованіе явленій физическаго медиумизма. Д-ра Кроффордъ.—2) По пути. 3) Эволюція души. (Прод.) Д. О. Карабановичъ.—4) «Священная книга Тота». В. Шмакова.—5) «Въ двухъ планахъ»—(романъ оккультиста). (Прод.)—6) Объявленія.

НАУЧНОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ ЯВЛЕНІЙ ФИЗИЧЕСКАГО МЕДИУМИЗМА.

Д-ръ Кроффордъ.

СТАТЬЯ I (вступленіе).

Недавно начата мною серія опытовъ съ цѣлью открыть составныя части психоплазмы, эманаций, окружающихъ медиума и участниковъ, и невидимой связи, производящей при помощи этихъ силъ физическія феномены. Эти опыты я произвожу періодически и надѣюсь съ помощью сообщений о нихъ въ печати получать содѣйствія читателей въ смыслѣ указаній или совѣтовъ, если эти читатели опытни въ спиритическихъ изысканіяхъ; поэтому я, не ожидая окончания моихъ работъ, немедленно буду отдавать въ печать сообщенія о результатахъ, получаемыхъ мною. Всѣ совѣты и указанія, какія будутъ поступать ко мнѣ, я буду тщательно разсматривать и, если окажется возможнымъ, то и немедленно провѣрять ихъ. Разумѣется, въ изысканіяхъ подобнаго рода невозможно предвидѣть насколько мой трудъ окажется достойнымъ вниманія, такъ какъ я иду въ совершенно неизвѣстную доселѣ область; а потому читатели не должны претендовать на непослѣдовательность и несвязность моихъ отчетовъ: это не такой трудъ, когда весь матеріалъ уже имѣется подъ рукой и его возможно систематически обработать. Тѣмъ болѣе я связанъ еще и недостаткомъ времени, не позволяющимъ мнѣ отдаться моимъ опытамъ настолько, насколько это было бы желательно. Во всякомъ случаѣ я постараюсь быть насколько возможно точнымъ.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ о медиумѣ и о кружкѣ. Медиумъ, Кетлинъ Голейферъ (въ Бельфаствѣ), молодая дѣвушка 16-ти лѣтъ; помогаютъ ей медиумизму — и сильно помогаютъ — участники сеансовъ: отецъ, ея братъ, три ея сестры и зять. Кружокъ этотъ можно назвать идеальнымъ по дружеству и гармоніи, царящимъ въ немъ; всѣ члены его вполне солидарны и смотрятъ на свое общеніе съ міромъ духовъ какъ на религіозный и торже-

ственный моментъ жизни. Всѣ феномены и спиритическія явленія на сеансахъ настолько сильны и разнообразны, что этотъ кружокъ считается самымъ совершеннымъ въ Ирландіи, а можетъ быть и во всей Великобританіи. Сеансы происходятъ въ специально для этого отведенной комнатѣ, при красной электрической лампочкѣ, причѣмъ свѣтъ можетъ быть усиленъ и убавленъ по желанію, у каждаго изъ участниковъ имѣется свое опредѣленное мѣсто и свой стулъ; Сеансовая комната никакого иного употребленія не имѣетъ. Замѣчательно разнообразіе стукновъ: отъ чрезвычайно легкихъ, едва уловимыхъ ухомъ, и до громкихъ и тяжелыхъ, звучащихъ какъ удары топора. Бываютъ отдѣльные удары, двойные, тройные, наконецъ — цѣлые взрывы стукновъ; подражанія различнымъ звукамъ, пѣнію, пляскѣ. Слышатся иногда шаги; удары, какіе бываютъ при игрѣ въ футболъ; топотъ лошадиныхъ копытъ. Такъ называемыя левитаціи, т. е. подъемы стола, представляютъ явленіе очень обычное. Иногда летаетъ и звонить колокольчикъ, тонкая трубка — трюмбетка — взлетаетъ и движется по воздуху. Изъ этого перечня читатель можетъ заключить, что съ точки зрѣнія физическихъ феноменовъ сеансы наши даютъ все, что только можно пожелать, и я хотѣлъ бы во всеуслышаніе поблагодарить медиума и кружокъ за возможность, какую они мнѣ дали, подвергнуть эти феномены обслѣдованію.

СТАТЬЯ II.

Записанные фонографомъ звуки.

Если мы будемъ разсматривать каждый физическій сеансъ въ его общихъ чертахъ, то мы увидимъ, что наше вниманіе должно быть направлено на три главныхъ пункта: а) на медиума (и на участниковъ, отъ которыхъ, вѣроятно, берется сила); б) на психолазмическое поле; и в) на видимые или слышимые результаты дѣйствующей психической силы — т. е. на феномены. Такъ какъ, по моему мнѣнію, самое трудное первое, и самое легкое послѣднее, то я приступлю сперва къ легчайшему и разсмотрю феномены.

Одинъ изъ аргументовъ противъ спиритической гипотезы гласить, что слѣдуетъ все феномены приписывать обману чувствъ, протекающему вслѣдствіи особаго рода гипнотическаго трансa, въ который впадаютъ присутствующіе, благодаря предрасполагающимъ къ нему условіямъ сеансовой комнаты. Поборники этого взгляда утверждаютъ, что мозгъ человѣческой такъ изощренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мало еще изученъ, что невозможно предусмотрѣть тѣ заблужденія, въ какія можетъ онъ впасть при благоприятныхъ къ тому обстоятельствахъ. Или, другими словами, стукі, удары, левитации и пр. и пр. необъективны, а суть галлюцинаторные эффекты, порожденные подсознаніемъ. Это воззрѣніе, однако, много утратило изъ своей разумности подъ тяжестью множества наблюденій, продолжительныхъ, систематическихъ, какія производятся людьми, сомнѣваться въ здравомъ разсудкѣ и научной подготовкѣ которыхъ не приходится. Читатель, вѣроятно, хорошо ознакомленъ, къ тому же, съ моментальными фотографіями, которыя неоднократно снимались со столика во время его подъемовъ; фотографическій аппаратъ вѣдь не вмѣстѣ подсознанія, а потому фотографическій снимокъ представляетъ вполне объективное доказательство. Точно также и фонографъ регистрируетъ исключительно объективные звуки и строго игнорируетъ субъективные. Поэтому первѣйшей заботой для экспериментатора является необходимость проверитъ объективность всѣхъ звуковъ на сеансѣ: стуконъ, ударовъ, скрипа, музыкальныхъ или струнныхъ звуковъ и т. д.

Экспериментъ I-й. Я нашелъ, что для сколько-нибудь удовлетворяющаго примѣненія фонографа въ сеансовой комнатѣ придется измѣнять условія сеансовъ, а сдѣлать это невозможно; слѣдовательно надлежало приспособить къ этимъ условіямъ пользованіе фонографомъ. Я отправился къ продавцу этихъ аппаратовъ, г-ну Осборну, хорошо знакомому съ ихъ особенностями, и просилъ его помочь мнѣ въ моей задачѣ. Въ небольшой, пустой комнатѣ мы сдѣлали нѣсколько опытовъ съ фонографами и нашли, что поставленный на полъ аппаратъ Эдисона, „Стандартъ“, хорошо воспринимаетъ и воспроизводитъ звуки, которые происходятъ въ разстояніи приблизительно около фута отъ него. Я произвелъ еще нѣсколько опытовъ, зарегистрировалъ на цилиндрѣ нѣсколько словъ и рѣшилъ примѣнить аппаратъ на дѣлѣ.

На сеансѣ, начавшемся въ восемь часовъ вечера, я поставилъ фонографъ съ заправленнымъ цилиндромъ на полъ въ кружокъ участниковъ, противъ столика, который помѣщался передъ медиумомъ. Красный свѣтъ убавили и сеансъ начался слабыми стуками, вскорѣ постепенно усилившимися. Я долженъ упомянуть, что духовные дѣятели—я ихъ буду называть просто дѣятели, такъ какъ мнѣ не нравится слово „духъ“ въ примѣненіи къ развоплощенному человѣку, — и такъ дѣятели были освѣдомлены о приспособленіи для этого сеанса и, повидимому, живо интересовались имъ. По требованію одного изъ участниковъ я объяснилъ дѣятелямъ механизмы фонографа, хотя, кажется, въ этомъ не было надобности, и просилъ сдѣлать репетицію. Мою просьбу тотчасъ же исполнили и произвели рядъ разнообразнѣйшихъ стуконъ, причемъ, въ заключеніе, былъ поднятъ въ воздухъ рѣзко позвонившій колокольчикъ. Далѣе возникъ вопросъ относительно времени: надо было въ извѣстные періоды переставлять ци-

линдръ: я отсчиталъ 1½ минуты и мы условились съ дѣятели относительно сигнала. Послѣ сигнала я вошелъ въ кружокъ, переставилъ цилиндръ и спросилъ, готовы ли они и можно ли пустить фонографъ? Послышались утвердительные три удара и я сказалъ: „Пошло!“ Послышался громовой отвѣтный ударъ и раздался цѣлый залпъ послѣдовательныхъ двойныхъ, тройныхъ стуконъ, стуконъ ножками стола, подражаніе третию песка по полу и т. д. Продолжался этотъ страшный шумъ пока я не вскрикнулъ: — „Стопъ!“ — Воцарилось мгновенно мертвое молчаніе, полнѣйшая тишина. Послѣ этого мы попробовали запись фонографа: большинство звуковъ оказалось отлично зарегистрированными, только звонъ колокольчика былъ едва намѣченъ, вслѣдствіи того, что при подъемѣ колокольчика, его слишкомъ далеко отнесли отъ аппарата. Я просилъ поэтому для слѣдующей записи позвонить какъ можно ближе къ трубкѣ фонографа; это было исполнено, и съ такимъ тщаніемъ, что колокольчикъ ударился объ трубку, что испортило до нѣкоторой степени запись.

Въ общемъ было сдѣлано три записи и четвертая, нѣсколько испорченная. Этотъ опытъ доказалъ, въ возможности всякаго сомнѣнія, что обычные звуки на сеансѣ безусловно объективны; разумеется, въ фонографъ все они выходятъ гораздо слабѣе, особенно звонъ колокольчика, но тѣмъ не менѣе они все на лицо и при помощи этого аппарата можно, въ ослабленной степени, воспроизвести всю гамму звуковыхъ феноменовъ на сеансѣ.

СТАТЬЯ III.

Природа Психической Силы.

Подъ названіемъ психической силы я разумю ту силу которая передается черезъ психоплазмическое поле и при воздѣйствіи которой на матеріальные предметы сводятся, повидимому, къ нулю такія силы, какъ гравитация, тренія и т. д.; эта психическая сила отличается непостоянствомъ или импульсивностью, что много дѣтъ тому назадъ было экспериментально доказано сэромъ Вильямомъ Круксомъ. Привычные участники сеансовъ хорошо знакомы съ колебаніями этой силы, а я имѣю основанія предполагать, что при физическихъ манифестаціяхъ дѣятели считаютъ дѣломъ труднымъ поддержать достаточную ровность психической силы для того, чтобы желаемое явленіе получилось, и потому они бывають особенно довольны благоприятными для того условіями.

Стукъ производится вибраціей въ матеріальномъ тѣлѣ, вызванной внезапнымъ толчкомъ со стороны психической силы; онъ варьируетъ по своей интенсивности вслѣдствіе имѣющейся на-лицо психической силы съ одной стороны и силы волевого импульса дѣятели съ другой.

Столикъ, употребляемый у насъ на сеансахъ: верхняя доска 24 на 17 дюймовъ; высота—2 фута; вѣсъ его 13 фунтовъ; онъ о четырехъ ножкахъ.

Начало левитации. Столъ колеблется, поднимается на двухъ ножкахъ, падаетъ и поднимается на двухъ другихъ; опять падаетъ и поднимается на одной ножкѣ, падаетъ на двѣ, сильно вертится и наконецъ поднимается на воздухъ причемъ сторона стола, которая оставалась опущенной, подскакиваетъ кверху съ очевиднымъ намѣреніемъ уровнять столешницу. Подъемъ бываетъ обыкновенно высотой 18 дюймовъ отъ пола.

Продолжительность подъема—четыре минуты и тридцать секунд максимум; в продолжении четырех минут столъ остается неподвиженъ въ воздухѣ — результатъ работы дѣятелей, желающихъ такимъ образомъ доказать свое искусство поддержать въ равномѣрности и въ извѣстномъ направленіи психическую силу. По окончаніи левитаціи столъ сразу падаетъ на полъ, какъ бы сразу лишенный поддерживающей его силы.

Психическое давленіе. При поднятомъ на воздухъ столѣ, при горизонтальномъ положеніи его столешницы, мы можемъ считать, что воздѣйствующая на него психическая сила равномѣрна во всѣхъ точкахъ ея направленія. Вѣсъ стола 13 фунтовъ, размѣръ столешницы (24×17) 408 квадратныхъ дюймовъ; слѣдовательно психическое давленіе равняется $13:408=0,32$ фунта на квадратный дюймъ что представляетъ собою, конечно, небольшое давленіе. Однако, есть основанія предполагать, что сила прилагается не равномѣрно, а лишь въ отдѣльныхъ толчкахъ; на это указываютъ тѣ движенія стола, какія наблюдаются передъ левитаціей.

Экспериментъ 3-й былъ произведенъ самими дѣятелями внезапно и совершенно не по моей инициативѣ. Я принесъ на сеансъ деревянный ящичекъ, размѣромъ 4×4 дюйма и вышиной 8 дюймовъ, заключавшій съ себѣ электрическій звонокъ и сухіе элементы. Вѣсилъ этотъ ящичекъ со всѣмъ содержимымъ 3 фунта. Я поставилъ его на край нашего стола—и вдругъ началась левитація. Является очевиднымъ, что центръ тяжести при этомъ долженъ былъ перемѣститься; тѣмъ не менѣе при подъемѣ, столешница стала горизонтально, дѣятели, при помощи усиленныхъ круженій стола, сумѣли поднять его равномѣрно. Этимъ опытомъ доказывается тотъ фактъ, что величина приложенной психической силы можетъ варіировать сообразно измѣнившимся условіямъ. Но неравномѣрное распредѣленіе силы оказалось недостаточно благоприятнымъ условіемъ для дѣятелей, когда они старались сдвинуть ящичекъ на средину стола: это имъ не удалось.

Экспериментъ 4-й — съ *электрическимъ звонкомъ*. Звонокъ и сухая батарея были заключены въ ящичекъ, а кнопка находилась снаружи его; звонокъ могъ звонить нормально только тогда, когда нажимали кнопку. Я поставилъ ящичекъ на полъ, около медиума, гдѣ, по моимъ убѣжденіямъ, психоплазмическое поле было сгущеннѣе. Нѣкоторое время ящичекъ двигался по полу, затѣмъ звонокъ позвонилъ. Потомъ онъ позвонилъ рѣзче, а къ концу сеанса онъ отчетливо и много разъ звонилъ. Самый продолжительный звонъ длился 60 секундъ.

Я очень удивился тому обстоятельству, что, повидимому, вначалѣ дѣятели нѣсколько затруднились производить звонъ, но когда я сдѣлалъ свои вычисленія, то все разъяснилось. На опытѣ оказалось, что механическая сила, необходимая для электрическаго контакта равняется 8 фунтамъ; площадь кнопки 246 кв. дюймовъ, а равномѣрное (предполагая его таковымъ) давленіе равняется $8:246=3,24$ т. е. $3\frac{1}{4}$ фунтамъ на кв. дюймъ, слѣдовательно оно во много разъ превышаетъ ту силу, которая необходима для левитаціи.

Экспериментъ 5-й.—Онъ опять былъ произведенъ самими дѣятелями. Столъ медленно поднять на двѣ ножки и въ такомъ положеніи положенъ бокомъ на полъ; затѣмъ онъ поставленъ снова на свое мѣсто, но съ замѣтнымъ затруд-

неніемъ. Усиленное раскачиваніе стола и толчки въ немъ достаточно показывали всю силу напряженія при этомъ феноменѣ; вращательныя движенія стола указывали на то, что въ данномъ случаѣ мѣстоположеніе медиума безразлично. Последнее обстоятельство явствуетъ также и изъ опыта со звонкомъ: во время звона кнопка находилась не противъ медиума, а противъ меня—стало быть сбоку отъ медиума, почти подъ прямымъ угломъ къ нему.

Нѣсколько примѣчаній помогутъ уяснить дѣло въ отношеніи направленія и величины психической силы.

а) Я держалъ крѣпко въ рукѣ металлическую трубку, длиной около фута, направивъ свободный конецъ ея въ воздухъ подъ угломъ около 45° и просилъ дѣятелей потянуть ее. В продолженіи секундъ 20-ти не было ни движенія и вдругъ трубку дернули съ такой силой, что едва не вырвали ее у меня. Этотъ опытъ былъ повторенъ нѣсколько разъ, причемъ различное направленіе какое я давалъ трубкѣ, никакой разницы не дѣлало.

б) Я сѣлся на столъ и столъ двигался вмѣстѣ со мною по полу съ такой свободой, которая заставляла забывать всю величину силы тренія.

в) Столъ поднимался на двухъ ножкахъ, а я старался опустить на полъ поднятую сторону его. Всякій разъ попытка моя оказывалась напрасной: напрягая всю мою мускульную силу я достигалъ лишь того, что пригибалъ столъ на вершокъ не болѣе — и, какъ только сила моя нѣсколько ослабѣвала, столъ тотчасъ же принималъ свое прежнее наклонное положеніе. При этомъ у меня было характерное ощущеніе, какъ-будто я толкаю или сдавливаю подушку, наполненную сжатымъ воздухомъ.

д) Иногда столъ самъ отодвигался въ сторону отъ центра круга и дѣятели приглашали меня подвинуть его опять на мѣсто. Исполненіе этого оказалось тоже невозможнымъ: какая-то превосходящая все сила какъ-будто тянула столъ въ противоположномъ направленіи. Въ этихъ случаяхъ противодействующая сила походила на силу присасыванія.

е) столъ спокойно стоитъ на полу и при этомъ работою дѣятелей тяжесть его можетъ быть увеличена настолько, что ни я, ни другіе участники, не можемъ поднять его; или же вѣсъ его можетъ быть настолько убавленъ, что можно поднять столъ однимъ мизинцемъ,

Всѣ эти наблюденія указываютъ на слѣдующіе факты: 1) психическая сила можетъ быть передана черезъ психоплазмическое поле въ какомъ угодно направленіи, безотносительно къ положенію медиума и участниковъ; 2) психическая сила можетъ варіировать (до безконечности) сообразно даннымъ условіямъ; 3) психическая сила можетъ быть при-мѣнена равномѣрно (подъемы стола) или импульсивно (стуки и т. п.); 4) дѣятели легче справляются съ импульсивнымъ типомъ этой силы.

Принимая во вниманіе эти факты, а также и многіе другіе, я принужденъ былъ выработать временную теорію подвижнаго психоплазмическаго нуклеуса, имѣющаго мѣсто въ срединѣ круга, образуемаго медиумомъ и участниками.

СТАТЬЯ IV.

Психоплазмическій нуклеусъ.

Объясню свою теорію подробнѣе. Подъ названіемъ «психоплазмическій нуклеусъ» я разумѣю пространство, напол-

ненное болѣе плотной, сравнительно, психоплазмой или— можетъ быть— психоплазмой, отличающейся своей структурой отъ остального психоплазмического поля; опредѣленіе же «подвижный» я прилагаю потому, что этотъ «нуклеусъ», не стационаренъ, а, смотря по надобности, движется по кругу среди сидящихъ за сеансомъ.

(Въ подлинникѣ здѣсь приведенъ чертежъ, наглядно показывающій идею д-ра Крафорда: въ срединѣ ядро, обозначенное буквой N (нуклеусъ); отъ него идутъ кругомъ радіусы, обозначенные буквою S (участники); къ одной же изъ точекъ, обозначенной буквою M (медіумъ), проведенъ радіусъ въ нѣсколько линий, что должно означать наибольшее значеніе медіума въ дѣлѣ образованія нуклеуса).

Я долженъ упомянуть, что въ нашемъ кружкѣ нормальное положеніе нуклеуса находится, какъ мнѣ кажется, въ разстояніи 18-ти дюймовъ передъ медіумомъ и занимаетъ пространство приблизительно около фута. Повидимому, передвигаясь по кругу, нуклеусъ можетъ поддерживать свою связь съ сидящими вокругъ организмами, не нарушая ее.

Упомянутый мною выше фактъ, что психическая сила дѣйствуетъ во всякомъ направленіи, не смотря на положенія сидящихъ въ кругу медіума и участниковъ, въ моихъ глазахъ имѣетъ большое значеніе: эта сила, очевидно, воздѣйствуетъ на матеріальныя тѣла черезъ нуклеусъ, а не прямо черезъ медіума. Такимъ образомъ, при подъемѣ стола, нуклеусъ долженъ находиться подъ столомъ и противодействовать силѣ гравитациі.

Хотя нуклеусъ и способенъ двигаться во всѣхъ направленіяхъ внутри круга, тѣмъ не менѣе сила его кажется наиболѣе могущественной тогда, когда онъ находится въ нормальномъ своемъ мѣстонахожденіи или, какъ я называю, въ *наполненномъ* состояніи около медіума. Если при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ подтвердится съ полной достовѣрностью присутствіе такого нуклеуса на сеансахъ, то это позволитъ намъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ *modus operandi* при физическихъ явленіяхъ вообще.

Что же касается до интеллекта—или того, что соответствуетъ названію интеллекта дѣятелей, который обнаруживается въ нуклеусѣ во время производства физическихъ феноменовъ, то объ этомъ мнѣ бы не хотѣлось загадывать въ настоящую минуту. Возможно, что нуклеусъ является резервуаромъ всѣхъ психическихъ токовъ кружка въ его совокуинности, причѣмъ дѣятель, идя отъ мозга медіума, направляетъ всю работу; однако, должно сознаться, что предположеніе это мало вѣроятно, такъ какъ медіумъ остается все время въ совершенно нормальномъ состояніи и самъ заинтересованъ въ происходящемъ. Но, можетъ быть, онъ направляетъ нуклеусъ.

Эта теорія нуклеуса не простая догадка съ моей стороны: она является результатомъ 18-ти мѣсячнаго пристального наблюденія. Кромѣ того, я чувствовалъ необходимымъ для рациональнаго веденія опытовъ, придерживаться какой-нибудь руководящей гипотезы; эта гипотеза наиболѣе подошла къ моимъ воспріятіямъ во время опытовъ. Но, во всякомъ случаѣ, это только теорія, пригодная для настоящихъ моихъ экспериментовъ—не болѣе; я, не колеблясь, отброшу ее, если будущія наблюденія докажутъ ея несостоятельность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П О П У Т И.

Въ началѣ прошлаго года нѣкоторые иностранные журналы сообщали, что знаменитыя «говорящія лошади» изъ Эберфельда подпали военной повинности, не смотря на вмѣшательство и протесты членовъ Королевской академіи въ Берлинѣ, и пали на полѣ битвы гдѣ-то во Фландріи..

Вскорѣ, однако, эти свѣдѣнія оказались невѣрными. Г-нъ Карлъ Кроллъ просто разстался со своими лошадьми въ самомъ началѣ еще войны; онъ, наконецъ, измучился и усталъ отъ града нареканій, лжесвидѣтельствующихъ и всевозможныхъ и невозможныхъ преслѣдованій, какія ему приходилось переносить изъ-за своихъ «говорящихъ лошадей»; нервы его болѣе не выдержали и лошадей онъ продалъ.

Лошади Мухамедъ и Царифъ находятся въ настоящее время (начало 1916 года) въ прекрасной конюшнѣ въ Крефельдѣ, гдѣ они превратились опять въ обыкновенныхъ, экипажныхъ и верховыхъ лошадей.

Маленькаго Гансхена, пони, приобрѣлъ профессоръ Циглеръ изъ Штутгарта; онъ намѣренъ продолжать образованіе Гансхена.

О собакѣ Рольфѣ извѣстно, что онъ тоже въ добромъ здоровьѣ. Владѣлица его, Паола Мокель, перенесла серьезную операцію, оправилась и вновь занимается воспитаніемъ Рольфа и его десяти сыновей, которые всѣ, повидимому, чрезвычайно умны.

Недавно была напечатана статья профессора Кремера, товарища проф. Циглера при высшемъ учебномъ заведеніи по Агрикультурѣ и Зоологіи въ Гогенгеймѣ-Штутгартѣ. Этотъ профес. Кремеръ пишетъ о лошадяхъ изъ Эберфельда и собакахъ изъ Мангейма, сообщаетъ свои наблюденія и между прочимъ говоритъ въ своей статьѣ:

— «Всѣ предупрежденія и апріористическія опроверженія приводимыхъ мною фактовъ въ концѣ концовъ должны растаять передъ очевидностью, какъ таетъ снѣгъ подъ лучами солнца“...

И приводитъ слова Вильгельма Йордана:

— «Тотъ, кому доведется сдѣлать открытіе раньше другихъ, осужденъ пожинать долгіе годы одни лишь насмѣшки и осужденія; когда же съ теченіемъ времени люди привыкнутъ къ открытію, то поднимается общій крикъ—„да вѣдь это всѣмъ извѣстно!“...

Года три тому назадъ группа нѣмецкихъ ученыхъ выступила съ яростными нападками противъ наблюденій, которыя напечаталъ г-нъ Кроллъ о своихъ лошадяхъ; эта же группа ученыхъ въ началѣ войны выступила съ хвалебной статьёю своему правительству по поводу захвата Бельгіи.

— «Очень жаль—добавляетъ журналъ „Les Ann. des Sc. Psych.“—что и въ средѣ французскихъ якобы психологовъ нашлись головы, которыя рѣшились опровергать наблюденія такихъ ученыхъ, какъ проф. Клапаредъ, д-ръ Вильямъ Макензи или такіе писатели, какъ Морисъ Метерлиньк“... („Les Ann. des Sc. Psych.“).

Извѣстный медиумъ, Евзаія Паладино, несмотря на свой уже преклонный возрастъ, нисколько не теряетъ своихъ психическихъ способностей. Въ журналъ „Luce e Ombra“ помѣнены описанія ея сеансовъ съ левитаціями, переносомъ вещей и съ прикосновениями невидимыхъ рукъ.

Сэръ Вильямъ Бареттъ, профессоръ и извѣстный ученый, очень извѣстный и среди нашихъ читателей своими обширными трудами по психизму, будучи уже въ возрастѣ 72 лѣтъ только что женился на миссъ Флорансъ Уилли, докторѣ медицины, очень извѣстной въ лондонскомъ ученomъ мѣрѣ („The Two Worlds“).

ЭВОЛЮЦІЯ ДУШИ.

Д. О. Карабановичъ.

(Окончаніе *).

И такъ, мы видимъ, что г. де-Роша заставляетъ своихъ субъектовъ и въ бодрственномъ или нормальномъ состояніи вспоминать о прошлыхъ своихъ существованіяхъ, надавливая одну точку посрединѣ лба, такъ называемую, гипногенную, т. е. вызывающую къ дѣятельности сублиминальную память. Г. де-Роша продѣлывалъ это только съ своими субъектами, т. е. лицами, которыхъ онъ хорошо изучилъ и съ которыми постоянно имѣлъ дѣло и довелъ ихъ до легкой внушаемости; но очень можетъ быть, что того же можно достигнуть и съ каждымъ изъ насъ, и я думаю, что имѣть въ своемъ распоряженіи опытнаго магнетизера не менѣе, если не болѣе, интересно, чѣмъ присутствовать на сеансахъ знаменитаго медиума.

«Въ слѣдующемъ сеансѣ, — говоритъ де-Роша, — я рѣшилъ узнать, что произойдетъ, если направить память Жозефины на прошлое посредствомъ пассовъ, и затѣмъ предоставить дѣйствовать одной природѣ.»

Я усыпляю ее продольными пассажами и на мой вопросъ она отвѣчаетъ, что ей 15 лѣтъ. Она заявляетъ, что не видитъ меня, но слышитъ мой голосъ, и ей кажется, что это дьяволъ говоритъ съ нею; однако она не обнаруживаетъ страха. Она совсѣмъ не знаетъ г-на де-Роша».

«Тогда я предоставляю ее себѣ самой. Теперь 1 ч. 30 м. Въ 1 ч. 40 мин. я снова спрашиваю ее. Она долго не отвѣчаетъ. Затѣмъ говоритъ, что ей 10 лѣтъ; она не видитъ меня, но слышитъ. Она находится съ молодыми подругами, которыя не слышатъ меня и называютъ ее сумасшедшей. Въ 2 ч. 10 м. ей 5 лѣтъ.»

Въ 2 ч. 25 м. она не знаетъ своего возраста. Она сосетъ грудь матери и дѣлаетъ соответствующія движенія губами. Она сосетъ мой палецъ, если я подношу его къ ея рту.

Въ 2 ч. 35 м. она волнуется и кажется страдающей. Она въ состояніи умершаго Жанъ-Клода. Тогда я разбудиваю ее поперечными пассажами и предоставляю себѣ самой, когда она достигла 2 лѣтъ въ настоящей жизни.

2 ч. 50 м. Она сама продолжала движеніе во времени и теперь ей 4 года.

Она употребила $\frac{1}{4}$ часа, чтобы состариться на 2 года. Слѣдовательно, чтобы состариться на 14 лѣтъ (отъ 4 до

18) понадобится $\frac{7}{4}$ часовъ, т. е. 1 ч. $\frac{3}{4}$. Значитъ, она должна проснуться естественнымъ путемъ въ $4\frac{1}{2}$ часа. Въ одномъ мѣстѣ ходъ немного ускорился, и она внезапно проснулась въ 4 ч. 8 м.»

Этотъ фактъ, повидимому, незначительный, служитъ значительнымъ контролирующимъ факторомъ. Магнетизеръ по своимъ часамъ высчитываетъ, когда субъектъ долженъ проснуться, и вотъ неграмотная дѣвушка, не видя никакихъ часовъ и пролежавъ съ закрытыми глазами цѣлыхъ два часа, просыпается приблизительно въ назначенное время.

«Въ то время, какъ я экспериментировалъ въ Вуаронѣ съ Жозефиной, — продолжаетъ г. де-Роша, — я встрѣтилъ въ Греноблѣ другого субъекта, котораго я изучилъ въ томъ же направленіи совмѣстно съ д-ромъ Бордье, директоромъ медицинского училища, строгимъ материалистомъ, но всегда готовымъ уступить передъ очевидностью фактовъ.»

Этотъ субъектъ была женщина 35 лѣтъ, Евгенія, вдова съ двумя дѣтьми, зарабатывавшая средства къ жизни уборкою комнатъ; при жизни мужа она служила приказчицей въ перчаточномъ магазинѣ. Натура апатичная, откровенная и не любопытна. Здоровье превосходно.

Вотъ резюме нѣсколькихъ сеансовъ, происходившихъ въ медицинскомъ училищѣ.

«Она заснула въ нѣсколько минутъ при помощи продольныхъ пассовъ сверху внизъ. Я отвелъ ее на нѣсколько лѣтъ назадъ. Она отвѣчаетъ только въ случаѣ, если ее спрашиваютъ и не отвѣчаетъ вовсе, если вопросъ приходится во время фазы летаргій. Продолжая продольные пассы, я замѣчаю слезы на ея глазахъ. Она говоритъ, что ей 20 лѣтъ и что у нея только что умеръ ребенокъ.»

«Продолжаю пассы. Она съ ужасомъ вскрикиваетъ, замѣчая подлѣ себя призраки ея бабушки и одной изъ тетокъ, недавно умершей. Ей теперь 14 лѣтъ. Это появленіе призраковъ, случившееся съ нею въ этомъ возрастѣ, произвело на нее очень глубокое впечатлѣніе.»

Вотъ ей 11 лѣтъ. Она отправляется къ первому причастию; ея самые большіе грѣхи состоятъ въ томъ, что она иногда не слушалась бабушки и особенно въ томъ, что однажды взяла одно су изъ кармана отца; ей было очень стыдно и она просила прощенья.

«Въ 9 лѣтъ; ея мать умерла недѣлю тому назадъ; она очень груститъ. Ея отецъ увезъ ее изъ Вине, гдѣ онъ былъ красильщикомъ, и отправилъ въ Гренобль къ дѣдушкѣ, учиться шитью. Она ужъ не посѣщаетъ больше школы, такъ какъ научилась читать, писать и считать.»

Въ 6 лѣтъ. Она посѣщаетъ школу въ Вине и уже умѣетъ писать.

Въ 4 года. Она смотритъ за своей маленькой сестренкой, когда не занята въ школѣ. Пишетъ палочки и гласныя буквы.

Затѣмъ Евгенія сдѣлалась еще моложе и не можетъ уже сказать, сколько ей лѣтъ; она еще не говоритъ, а произносить только *papa*, *мама*. Посредствомъ поперечныхъ пассовъ я разбудилъ ее, причемъ она прошла въ точности черезъ всѣ тѣ же фазы и тѣ же состоянія души.

«На прошломъ сеансѣ мы оставили Евгенію въ состояніи грудного младенца. Теперь я углубилъ еще далѣе ея сонъ и вызвалъ пережѣну личности. Она не жила уже на землѣ; она витала (носила) въ полумракѣ, не имѣя ни

*) См. «Ребусъ», № 13, 1916 г.

мыслей, ни потребностей, ни сообщенія съ кѣмъ-либо.

«Послѣ новыхъ пассовъ она видитъ себя въ колыбели, очень слабой; ее называютъ Нини или Аполлони. Еще въ болѣе отдаленномъ прошломъ, она снова витаетъ въ пространствѣ, въ состояніи полнаго покоя. Надо замѣтить, что у ея матери была цѣлая дюжина дѣтей, изъ которыхъ большинство умерло въ нѣжномъ возрастѣ.

Я не рѣшился продолжать глубже ея сонъ, потому что магнетизація продолжалась болѣе $\frac{3}{4}$ часа и мы оба чувствовали себя истощенными; но нажимая лобную часть сомнамбулической памяти, я вызвалъ воспоминанія болѣе отдаленныя. Она была прежде маленькая дѣвочка, умершая очень молодой, отъ горячки, при прорѣзываніи зубовъ, она видитъ своихъ родителей въ слезахъ надъ ея тѣломъ, отъ котораго она очень скоро освободилась.

«Я приступилъ къ пробужденію посредствомъ поперечныхъ пассовъ. Пробуждаясь, она проходитъ въ обратномъ направленіи всѣ жизни, раньше обозначенныя, и даетъ мнѣ новыя подробности, вызванныя моими вопросами.

За нѣсколько времени до ея послѣдняго воплощенія она почувствовала, что надо снова жить въ извѣстной семьѣ; она приблизилась къ той, которая должна была сдѣлаться ея матерью и которая только что зачала: она не вошла въ зародышъ, а витала подлѣ матери до той минуты, пока ребенокъ появился на свѣтъ. Тогда она вошла мало-помалу, какъ бы толчками, въ маленькое тѣло и окончательно заключилась въ немъ только къ 7-ми годамъ. До тѣхъ поръ она жила отчасти внѣ своего физическаго тѣла, которое она видѣла въ первые мѣсяцы своей жизни, какъ будто сама она помѣщалась спаружи. Тогда она не различала, какъ слѣдуетъ, матеріальныхъ предметовъ, окружавшихъ ее; но зато она чувствовала, что вокругъ нея носились духи. Одни, очень блестящіе, защищали ее отъ другихъ; темныхъ и злыхъ, которые стремились повліять на ея флюидическое тѣло; когда послѣднимъ все-таки удавалось это, они вызывали у ней приступы злости, которую мамы называютъ «капризами».

Далѣе рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, 18 лѣтъ, *Майо*, дочери французскаго инженера, занимавшагося постройкой желѣзныхъ дорогъ на востокѣ. Она воспитывалась до 9-тилѣтняго возраста въ Бейрутѣ, гдѣ за нею ухаживала туземная прислуга, и она выучилась читать и писать по арабски. Потомъ она была привезена во Францію, гдѣ и живетъ у тетки въ Провансѣ. Она вполне здорова и никогда не слышала ничего ни о магнетизмѣ, ни о спиритизмѣ. Почти на всѣхъ сеансахъ *А де Роша* присутствовали *Д-ръ Бертрамъ*, и г-нъ *Акостъ*, инженеръ, которые и составляли журналы каждаго сеанса.

На одномъ изъ нихъ, когда Майо была приведена къ возрасту 1-го года, г. де Роша спросилъ ее, умѣетъ-ли она говорить. Она отвѣтила, что нѣтъ.

— Какъ же вы можете отвѣчать мнѣ—нѣтъ?—спрашиваетъ г. де Роша.

— Да, вѣдь, я сама отвѣчаю вамъ; то, что я вижу со всѣмъ маленькимъ, составляетъ только часть меня.

— Значитъ вы не вся цѣликомъ въ вашемъ дѣтскомъ тѣлѣ?—Нѣтъ, это тѣло окружено свѣтящимся туманомъ.—Нѣтъ-ли еще чего-нибудь?—Да, снаружи есть мой духъ, который видитъ оба мои тѣла;—одно то, которое у меня теперь.

— Я отдаляю память еще назадъ.

Майо подтверждаетъ, что она (ея астральное тѣло) входитъ въ ея тѣло (физическое) только лишь незадолго передъ ея рожденіемъ, и притомъ не вполне. Передъ тѣмъ, она не находится въ маленькомъ тѣлѣ; а вокругъ матери и однако же начинаетъ воспринимать нѣкоторые ощущенія того и другой. Когда она появляется на свѣтъ, первое отчетливое ощущеніе—это дыханіе.

Прежде чѣмъ она была привлечена къ ея нынѣшней матери, она находилась въ «сѣромъ» и не испытывала никакихъ страданій.

«Отдаляю ее дальше въ прошлое. Она находится во мракѣ. Она страдаетъ, но не можетъ объяснить родъ страданій—это не физическая боль, а нѣчто, похожее на упреки совѣсти.

Вотъ еще запись журнала:

Г. де Роша посредствомъ продолжныхъ пассовъ возвращаетъ Майо къ 16, 14, 12 и 8 годамъ. Въ 2 года она не умѣетъ говорить и произносить только «па».

Г. де Роша старается опредѣлить мѣстонахожденіе того, что она называетъ своимъ духомъ. Она отвѣчаетъ нерѣшительно, что онъ похожъ на бѣлое пламя, и стоитъ, какъ свѣтящійся палецъ, между ея физическимъ тѣломъ и маленькимъ астральнымъ.

Затѣмъ А. де Роша заставляетъ ее возвратиться въ сѣрое. Майо заявляетъ опять, что она не страдаетъ, ничего не видитъ и ни о чемъ не думаетъ; она чувствуетъ вокругъ себя духовъ, но не видитъ ихъ. Въ данную минуту она вынуждена воплотиться и приближается къ своей матери, которую окружаетъ. При наступленіи момента рожденія, ея астральное тѣло исчезаетъ, но она видитъ тогда нѣчто вродѣ флюидическаго облака, окружающаго физическое тѣло матери и котораго прежде не было (это безъ сомнѣнія зародышъ, изъ котораго образуется потомъ астральное тѣло).

Вотъ еще запись д-ра Бордые:

Въ одинъ изъ сеансовъ дѣвушка Майо была возвращена къ одному изъ прошлыхъ существованій, когда она была молодымъ человекомъ Карломъ Мовилемъ. Г-нъ де Роша замѣтилъ, что субъектъ въ эту минуту *не имѣетъ вовсе чувства женской стыдливости, потому что она мужчина, а не Майо. Экспериментаторъ прикасается къ ея грудямъ, цѣлуетъ ее—причемъ она не оказываетъ никакого протеста.* Опытъ происходилъ подъ наблюденіемъ д-ра Бордые.

Однажды, подъ вліяніемъ поперечныхъ пассовъ та же молодая дѣвушка была приведена въ состояніе предыдущей жизни, когда она была молодой женщиной Линой, женой рыбака, отъ котораго она имѣла ребенка, умершаго въ возрастѣ 2 лѣтъ. Опытъ производился также въ присутствіи д-ра Бордые.

«Нѣсколько минутъ спустя, сдѣлавшись опять Линой, она плачетъ, корчится, хватается руками за сюртукъ г-на де Роша, — *груды ея действительно увеличиваются въ объемъ (мы всѣ свидѣтельствуемъ это)*—Лина испытываетъ настоящія родильныя боли—и, вдругъ успокаивается. Все кончено—Лина родила».

Могу кстати замѣтить, что набуханіе грудей послѣ воображенныхъ или фиктивныхъ родовъ не представляетъ ничего удивительнаго. Всѣмъ, конечно, извѣстны опыты,

когда по внушенію магнетизера у субъекта, погруженнаго въ сонъ, дѣлаются на здоровомъ тѣлѣ опухоли и нарывы, отъ прикладыванія тряпки, смоченной чистой водой, если магнетизеръ заявляетъ, что это пластырь мушки или горчичникъ. Всѣмъ извѣстны конечно, стигматы, т.-е. раны отъ гвоздей, появляющіяся на кистяхъ рукъ у монаховъ во время молитвеннаго экстаза, при которомъ происходитъ самовнушеніе. Важно замѣтить то, что при появленіи нарывовъ и ранъ на тѣлѣ субъекта онъ долженъ *реально переживать* такія состоянія — ощущать нарывной пластырь и пригвожденіе къ кресту. Значитъ и сомнамбула Майо дѣйствительно переживала періодъ фактивной беременности, который могъ случиться только въ одно изъ ея прошлыхъ существованій, ибо по свидѣтельству врача, она была дѣвушка, ни разу не родившая.

Во время опытовъ съ дѣвицей *Джюдати*, 19 лѣтъ, бывшей служанкой у одной акушерки, А. де Роша усыпилъ ее магнетическими пассами и довелъ до младенческаго возраста, до одного года. Но, прибавляетъ онъ, не смотря на надавливаніе гипногеннаго пунгета посрединѣ лба и на усыпляющіе пассы, я не могъ вызвать у нея никакихъ воспоминаній о прошлой жизни. Это несомнѣнно указываетъ на то, что *не я внушаю субъекту исторію о его прежнихъ существованіяхъ.*

Слѣдуетъ обратить вниманіе на это важное обстоятельство.

Въ 1907 г. А. де Роша производилъ свои опыты и наблюденія съ г-жею *Треншамъ*, 40 лѣтъ, медіумомъ, хорошо извѣстнымъ въ Парижѣ.

Посредствомъ внушенія магнетизеръ произвелъ возвратъ ея памяти къ прошлому, къ 25, 20 и 10-лѣтнему возрасту. Она принимала выраженія и дѣлала жесты, соответствующіе каждому возрасту. Въ возрастѣ *до семи лѣтъ былъ рефлексъ стыдливости, меньше семи лѣтъ — онъ исчезалъ.* Въ возрастѣ *1-го года, продолжаетъ де Роша, она сосетъ мой палецъ.* Въ утробѣ матери, она закрываетъ глаза кулаками. До рожденія, она находится въ сѣромъ (пространствѣ). Подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ усыпляющихъ пассовъ, она вспоминаетъ, что была арабской дѣвушкой и переживаетъ эту жизнь, окончившуюся въ 20 лѣтъ убійствомъ: она была заколота винжаломъ разбойника. Вся умственная дѣятельность молодой арабки всецѣло поглощена костюмомъ, который она вышиваетъ, и лошадьми; она богата и имѣетъ много лошадей.

«Она, вообще, старается быть подалеже отъ меня.

Арабскія женщины избѣгаютъ общества мужчинъ.

«Я имѣлъ съ г-жею Треншамъ только одинъ сеансъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, я получилъ отъ нея слѣдующее письмо:

— Вы помните, вѣроятно, опыты возврата къ прошлому памяти, которыя вы дѣлали со мною при помощи магнетическаго сна. Отвѣчая на ваши вопросы, я сообщила вамъ, что въ одномъ изъ прежнихъ существованій я жила въ Африкѣ и была убита ударомъ ножа. Я съ улыбкой рассказала моей матери объ этомъ сообщеніи.

Каково же было мое удивленіе, когда она замѣтила мнѣ, что во время моего ранняго дѣтства я часто жаловалась на то, что иногда ощущаю ударъ ножомъ; это ощущеніе, конечно, не можетъ относиться къ настоящей

жизни, потому что ничего подобнаго со мною не случилось въ дѣйствительности, но оно можетъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ убійству, жертвой котораго я, будто бы, была въ моемъ прошломъ существованіи.

И такъ, изслѣдованія проф. де Роша устраняютъ сомнѣнія, насчетъ кажущагося отсутствія у людей памяти объ ихъ прошлыхъ, до земныхъ существованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ научную, т.-е. прочную основу ученію о перевоплощеніяхъ. Эти опыты такъ поразительны и такъ противорѣчатъ нѣкоторымъ традиціямъ, что многіе прибѣгаютъ къ послѣднему и обычному въ этихъ случаяхъ орудію, утверждая, что всѣ сомнамбулы или умышленно обманываютъ довѣрчивыхъ экспериментаторовъ, придумывая свои исторіи; или же даютъ волю своей фантазіи все-таки морочатъ, хотя и неумышленно; тѣмъ болѣе, что сомнамбулы, съ повышенною чувствительностью, истеричны и склонны къ обману и фантазированію. При описаніи, хотя и въ очень краткихъ чертахъ, опытовъ съ разными лицами, мы указывали на многія обстоятельства, устраняющія возможность обмана, или дѣлающія его весьма сомнительнымъ. Теперь же мы спросимъ, неужели г-да скептики думаютъ, что экспериментаторы, систематически занимающіеся такими наблюденіями и опытами, основательно знакомые съ привычками, нравами и способностями сомнамбулъ, не задавали себѣ этого самаго вопроса объ обманѣ и не принимали мѣръ для его устраненія, прежде чѣмъ рѣшиться печатать свои открытія?

Говоря о сознательномъ обманѣ въ данной стадіи сомнамбулизма, пришлось бы допустить сознательный обманъ у субъектовъ, утратившихъ внѣшнее сознаніе, т. е. всякое сношеніе съ внѣшнимъ міромъ и людьми ихъ окружающими, причемъ воля ихъ (значитъ и возможность волевого обмана) всецѣло подчинена волѣ магнетизера.

Пришлось бы допустить сознательный обманъ у субъектовъ, которые корчатся отъ боли, блѣднѣютъ и холодѣютъ, переживая моменты своихъ прошлыхъ страданій, смертей, родовъ, семейныхъ драмъ, которые иногда доходятъ до такого состоянія, что экспериментаторъ спѣшитъ прервать сеансъ изъ опасенія реальной смерти.

Пришлось бы допустить сознательный обманъ у дѣвушекъ, никогда не рожавшихъ, у которыхъ, по свидѣтельству врачей, набухаютъ груди при фиктивныхъ родахъ, или получаютъ на здоровой кожѣ нарывы отъ воображаемой мушки.

Наконецъ, пришлось бы допустить, что дама 40 лѣтъ (м-ме Треншонъ), благовоспитанная дѣвушка 18 лѣтъ (Майо) съ большимъ удовольствіемъ сосутъ палецъ посторонняго мужчины въ присутствіи постороннихъ лицъ единственно ради удовольствія одурочить кого-нибудь.

Конечно, бываютъ разные капризы и причуды, но для всего есть, всетаки, извѣстный предѣлъ, и въ данномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ приходится отказаться отъ умышленнаго обмана.

Но есть скептики болѣе упрямые, даже среди самихъ экспериментаторовъ, которые допускаютъ возможность обмана безсознательнаго, въ силу котораго всѣ рассказы сомнамбулъ являются просто игрою ихъ возбужденной фантазіи, безъ всякой цѣли и умысла. Такъ экспериментаторъ *Буве* предлагаетъ разобрать, что именно въ этихъ опытахъ можно отнести къ *сонному видѣнію*, т. е. игрѣ

воображенія, которое помогает субъекту переживать его болѣе или менѣе проблематическое прошлое. Г. Бувье производилъ свои опыты съ молодой женщиной, которая воспитывалась въ семьѣ и получила аттестатъ и званіе учительницы средней школы. Ей было во время опытовъ 27 лѣтъ; она замужемъ за офицеромъ и имѣетъ маленькую дочь. Г. Бувье самъ заявляетъ, что во время опытовъ, несмотря на перегруппировку и прямоту порядка задаваемыхъ имъ вопросовъ, субъектъ ни разу не ошибся и всегда сохранялъ личность, соответствующую данному моменту переживанія. «Я могъ, говоритъ онъ, спрашивать его нѣсколько разъ, черезъ нѣсколько дней и даже недѣль о тѣхъ же мелкихъ подробностяхъ переживаемой жизни; при этомъ никогда не оказывалось противорѣчій.

Мало того, субъектъ иногда напоминалъ мнѣ подробности, ускользавшія отъ моего вниманія оживляя въ точности моментъ существованія, который я заставлялъ его переживать. И вотъ г. Бувье заставилъ г-жу Ж. вспомнить, пережить и рассказать ему 10 своихъ перевоплощеній на землѣ, стараясь сбивать ее вопросами.

2-я жизнь ея была въ лицѣ Маргариты Дюшень, дочери бакалейнаго торговца, 1835—1860 г.

3-я жизнь въ лицѣ мужчины Жюля Роберта, подмастерья, у скульптора Паоли. 1738—1780 г.

4-я жизнь въ лицѣ женщины Женни Людовикъ, жены дровосѣка Августа Людовика, жившей въ 1702 г.

5-я жизнь въ лицѣ Мих. Берри, солдата при королѣ Францискѣ I, жив. въ 1515 г.

6-я жизнь въ лицѣ Маріетты Мартенъ, жившей въ 1302 г. въ качествѣ наставницы у графини де Гизъ.

7-я жизнь въ лицѣ сестры Марты, впоследствии абатессы и настоятельницы монастыря, жившей въ 1010 г.

8-я жизнь въ лицѣ Карломея, вольнонаемнаго воина, жившаго въ 449 г. и взятаго въ плѣнъ Атиллого при Шалокѣ на Марнѣ.

9-я жизнь въ лицѣ мужчины Езіуса, жившаго въ Римѣ (Ромулѣ) въ 279 г. при императорѣ Пробѣ и сожженнаго за покушеніе на жизнь императора.

10-я жизнь въ образѣ женщины Иризен, язычницы, жившей въ 100 г. по Р. Х., состоявшей при жрецѣ Али, который похитилъ ее у родителей.

Противъ гипотезы сонныхъ видѣній, или игры воображенія на этотъ опытъ основательно возражаетъ другой экспериментаторъ, пишущій подъ инициалами М. Л. Д.

— Сонное ли это видѣніе?—говоритъ онъ. Не есть ли это скорѣе пересмотръ освобожденнымъ духомъ, прошлаго, которое онъ ясно видитъ, благодаря почти полной экстеріоризаціи, до которой довелъ его экспериментаторъ? Въ подтвержденіе моего мнѣнія прошу замѣтить слѣдующее:

Во 1-хъ. Воображенія субъекта не хватило бы для того, чтобы создать и воспроизвести то, что я называю возобновленіемъ существованій *реально пережитыхъ* до 10 вѣковъ назадъ.

Такое допущеніе было бы, пожалуй, мыслимо для одного существованія, подробно описаннаго; но здѣсь дѣло идетъ о десяти и о воображеніи не преднамѣренномъ, безцѣльномъ.

Во 2-хъ, нынѣшнее состояніе наукъ спиритуалистической и психической не позволяетъ приписывать *воображенію* субъекта, погруженнаго въ магнетическій ясновидѣ-

даній сонъ, очень подробный отчетъ о существованіяхъ, которыя онъ вновь видитъ и цѣликомъ переживаетъ.

Въ 3-хъ, замѣчательная сторона явленія заключается въ повтореніи однообразно точныхъ отвѣтовъ и свѣдѣній, даваемыхъ г-жею Ж., которые всегда и во всѣхъ пунктахъ согласны съ данными, полученными о той же жизни въ предшествовавшихъ опытахъ.

Если бы воображеніе субъекта безсознательно создавало полностью существованія, которыя онъ описываетъ, то онъ постоянно варіировалъ бы свой рассказъ; то же самое случилось бы, если бы это было, отчасти или вполне, сновидѣніе въ точномъ значеніи слова; потому что характеръ сновидѣнія заключается въ постоянныхъ варіаціяхъ, измѣнчивости и неустойчивости; поэтому каждое новое изложеніе отличалось бы отъ предыдущихъ. Полная же тождественность показаній даетъ право заключить о «добросовѣстности» сомнамбулы, или ея экстеріоризованнаго духа, получившаго свободу на нѣкоторое время.

Есть, наконецъ, критики, которые подлодятъ съ другой стороны къ вопросу, утверждая, что ни одинъ изъ рассказовъ сомнамбулъ объ ихъ прошлой жизни не подтвердился, при проверкѣ посторонними лицами, въ отношеніи указанія мѣстности и дѣйствующихъ лицъ и что, будто бы, самъ де Роша признался, что показанія его сомнамбулъ—сплошной обманъ.

Первая часть утвержденія неправильна, ибо въ двухъ случаяхъ съ Клодомъ Бурдономъ, въ случаѣ Мартиньи и Картеронъ, въ случаѣ съ Жанъ Клодомъ проверки дали удовлетворительные результаты. Второе утвержденіе допускаетъ—ни больше, ни меньше,—то, что извѣстный всей Франціи ученый, признаваясь въ томъ, что былъ обманутъ, все-таки подробно изложилъ этотъ обманъ, въ сотрудничествѣ врачей, и издалъ въ объемистомъ томѣ.

Впрочемъ, неискренность этихъ послѣднихъ критиковъ просвѣчиваетъ въ ихъ откровенномъ признаніи, что они опасаются, какъ бы общество не увлеклось, прочитавъ де Роша, ученіемъ о перевоплощеніяхъ души. Конечно, оберегать общество отъ соблазна вообще дѣло похвальное; но едва ли этотъ мотивъ можетъ имѣть значеніе для безпристрастной оцѣнки ученаго труда.

Отвѣтивъ на всѣ возраженія, искреннія и неискреннія, мы можемъ, съ спокойной совѣстью, принять наблюденія де Роша, Борье, Бертрана и другихъ сотрудниковъ, хотя представляющихъ пока матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, — какъ прочную научную основу для ученія объ эволюціи души человѣка.

К о н е ц ъ.

„Священная книга Тота“.

Выпуская въ свѣтъ свою книгу—„Священная книга Тота—Великія арканы Таро“ я считалъ нужнымъ предпослать ей въ журналѣ „Ребусъ“ нѣсколько словъ, чтобы читающіе эту книгу могли знать, что я имъ хотѣлъ дать и чего они могутъ отъ меня требовать.

Книга Тота есть не только древнѣйшій памятникъ человеческой мысли, но и самое возвышенное изъ гениальныхъ твореній; это есть кристаллизированный разумъ, совершенное отображеніе духа. Обнимая собой исчерпывающимъ образомъ всю совокупность, а priori возможныхъ частныхъ относительныхъ міровоззрѣній,

система Аркановъ Таро является той первоосновой, изъ которой весь религіозный и философскій системы міра вытекаютъ какъ слѣдствія; она объемлетъ ихъ и объединяетъ въ единомъ синтезѣ, который воистину является послѣднимъ словомъ разума, ибо за этой гранью начинается завѣтная область сознанія духа.

Не смотря на всю безграничность вліянія книги Тота на умственную жизнь человечества, самъ этотъ памятникъ былъ всегда закрытъ отъ взоровъ толпы густымъ покровомъ эзотеризма, а потому самое существованіе его оставалось извѣстнымъ лишь немногимъ.

Цѣль моего труда заключалась въ томъ, чтобы собрать, по возможности полно, мнѣнія о книгѣ Тота различныхъ авторовъ и, пользуясь интуиціей, выявить насколько я могъ ярче принципы отдѣльныхъ Аркановъ. Въ виду ограниченности числомъ и крайняго несовершенства сочиненій, специально посвященныхъ Таро, я долженъ былъ главнымъ образомъ сосредоточиться на косвенныхъ источникахъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ Каббала. Ея главнѣйшія доктрины расположены мной въ различныхъ мѣстахъ моей работы, какъ наиболее яркіе выразители эзотерическихъ ученій. Я старался не передавать ихъ своими словами, а давать буквальные переводы, при чемъ наиболее важные тексты я цитирую въ примѣчаніяхъ въ подлинникѣ.

Стремясь дать возможно болѣе полную картину, я разбираю и цитирую *болѣе полутора тысячъ* авторовъ различныхъ эпохъ и народовъ. Я смѣю думать, что для русскаго читателя приводимая мною библиографія можетъ оказать существенную поддержку въ случаѣ желанія посвятить себя самостоятельному изученію отдѣльныхъ дисциплинъ эзотеризма. Къ глубокому сожалѣнію, война чрезвычайно затруднила выписку книгъ, а потому, несомнѣнно, цитируемая мною литература далека отъ должной полноты.

Отводя особо почетное мѣсто эзотерической космогоніи, какъ единственному возможному методу изученія соотношеній между Богомъ и человекомъ, я въ то же время старался выявить отдѣльныя наиболее важныя доктрины; таковы, на примѣръ, теорія бинера, тернера и кватернера, теорія познанія, проблема зла, проблема пола, ученіе о магнетизмѣ и флюидахъ, учительство и т. д.

Стремясь сократить объемъ моей книги, я долженъ былъ поэтому излагать весьма сжато, что, безъ сомнѣнія, повлекло за собой трудность ея для чтенія. Избѣжать этого я не могъ, ибо, прибѣгнувъ къ болѣе легкому языку, я неминуемо бы увеличилъ во много разъ объемъ книги, что имѣло бы свои недостатки.

Вообще же я буду весьма признателенъ всѣмъ, кто укажетъ мнѣ на допущенные мною ошибки, пропуски и недосмотры.

Владиміръ Шмаковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.—„Книга Тота“ издана in octavo и съ оглавленіемъ содержитъ 500 стр. Этого достаточно, чтобы видѣть, что для такого капитальнаго творенія обычной библиографической замѣтки недостаточно, а болѣе подробный критическій отзывъ о такой книгѣ, подразумевая, конечно, толковый и солидный—врядъ ли можетъ появиться ранѣе, какъ черезъ годъ или два.

И тѣмъ не менѣе, не зная автора и ознакомившись съ этою книгой только бѣгло, — Редакція, тѣмъ не менѣе находить возможнымъ обратить на нее вниманіе своихъ подписчиковъ. Богатая и нарядная внѣшность книги вполне опредѣленно и ясно говорить, что авторъ ея и издатель отнесся къ ней не какъ къ коммерческому предпріятію, а какъ къ важному и любимому дѣлу

своей жизни. Изобиліе же цитатъ и выписокъ, даже при поверхностномъ просмотрѣ книги, указываетъ, что авторъ относился къ своей работѣ не только съ любовью, но и со всею возможною научною строгостью.

„Книга Тотъ“ имѣетъ свою исторію и тѣни далекаго прошлаго этой книги доселѣ еще ложатся и на торную дорогу философіи и на боковые пути Гнозиса и Мистика. На русскомъ языкѣ это первая работа и нельзя не быть благодарнымъ автору за его почтенный трудъ, дышащій серьезностью и любовью къ предмету.

Высокая цѣна книги (10 руб.) не должна смущать интересующихся. Думается, что при современной дороговизнѣ ее нельзя считать дорогою. Но даже и эта цѣна врядъ ли окупитъ стоимость этого солиднаго изданія, сдѣланнаго, повторяю, очень изящно и щеголевато.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Продолженіе *).

ГЛАВА XVIII.

Колдунья.

Элоха, когда я рѣшилъ измѣнить свою жизнь и сферу дѣятельности, быстро приближалась. Со времени моего отъѣзда изъ Англии прошло 8 лѣтъ. Я утомился военной службой подъ жгучимъ солнцемъ Индостана и сильно стремился вернуться на родину, чтобы жить такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Индусы, которыхъ я зналъ, надѣялись на продолжительность моего пребыванія у нихъ, дабы усилить мои психическія способности, поэтому я остерегался говорить имъ что либо о своихъ проэктахъ.

Моему возвращенію въ Европу воспротивились бы также и мои родственники, но меня привлекала, больше всякой славы и богатства, надежда окончить вскорѣ мои посвященныя испытанія въ очень древнемъ обществѣ, попасть въ которое я страстно стремился. Для моихъ читателей не важно, гдѣ собиралось это общество и въ чемъ состояли его обряды и работы. XIX вѣкъ является кульминаціоннымъ пунктомъ матеріалистической философіи, медленно развивавшейся въ цивилизованномъ обществѣ въ теченіи пяти вѣковъ, а поэтому люди этой эпохи не въ состояніи оцѣнить значеніе общества, главная цѣль котораго состояла въ уничтоженіи всѣхъ теологическихъ мифовъ и во введеніи истиннаго духовнаго царства. Какъ могли бы они понять, что оккультная наука должна соединить прошлое съ настоящимъ, міръ духовный съ міромъ физическимъ?

Рѣдкіе избранные изъ нашего поколѣнія, достаточно подготовленные для вступленія въ это общество, будутъ призваны, какъ и я, прежде даже чѣмъ они узнаютъ о его существованіи. Для остальныхъ—тщетная надежда разыскать это общество. Я былъ призванъ, и даже былъ вынужденъ вступить въ него и только послѣ мучительныхъ испытаній я могъ надѣяться получить все то, что могла мнѣ дать эта ассоціація. Я трудился, страдалъ, ради этого покинулъ все то, что дѣлаетъ жизнь счастливою. Я принесъ въ жертву мое тѣло и душу и готовился уже полу-

*) См. «Ребусъ» № 14—15, 1916 г.

чить ожидавшую награду. По мѣрѣ того, какъ приближался этотъ высокій моментъ, я все болѣе и болѣе думалъ о немъ и съ большимъ трудомъ исполнял свою ежедневную работу. Мнѣ хотѣлось быть готовымъ къ предпринятому мною и, въ то же время, я желалъ покинуть Индію безъ сожалѣній. Все шло хорошо, согласно, съ моими тайными намѣреніями, когда наступилъ навсегда памятный для меня день. Ему предшествовалъ одинъ эпизодъ, который я хотя и не видѣлъ еще отчетливо, но испытывалъ уже мрачныя предчувствія.

— Мой дорогой другъ,—сказалъ Грагамъ,—мнѣ необходимо немедленно отправиться въ Калькутту. Это письмо призываетъ меня выѣхать не теряя времени. Очень жаль мнѣ покидать васъ и ваше любезное гостепріимство...

— Подождите до ночи, Грагамъ, я поѣду съ вами, потому что и я долженъ какъ можно скорѣе отправиться въ Калькутту.

Этотъ разговоръ происходилъ во время завтрака на другой день послѣ посѣщенія Бичи, рассказаннаго въ предыдущей главѣ. Кромѣ важнаго дѣла, требовавшаго моего присутствія въ Калькуттѣ, я имѣлъ и другой мотивъ. Я получилъ отъ своего друга Джона Дудлея настоящее письмо, которое сильно запоздало. Пробѣгая это внушительное посланье, я узналъ, что Д. Дудлей вслѣдствіи отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ наслѣдовалъ графу Д. Его возвышеніе въ санъ пэра было совершенно неожиданнымъ и не измѣнило сердечности его характера и чувствъ его милыхъ дочерей. Онѣ испытали только нѣкоторое удивленіе, когда въ одно прекрасное утро услышали, что ихъ зовутъ леди Софія, леди Эдитта и леди Бланка. Письмо Джона было полно описаній опытовъ съ американскими спиритуалистами и напомнило мнѣ данное мною ему обѣщаніе, черезъ десять лѣтъ вернуться въ Европу. Онъ добавлялъ, что я могу имѣть хорошій предлогъ для возвращенія въ Англію, сопровождая его дочь, леди Бланку, уѣхавшую вмѣстѣ со своей теткой леди Эмилией Р. въ Индію. Ему невозможно было отказать въ этомъ путешествіи, такъ какъ сами духи принимали въ немъ участіе. «А теперь, мой дорогой другъ,—писалъ онъ, заканчивая письмо,—не думайте, что я хочу возложить на васъ какую-нибудь обязанность; я васъ прошу только посмотреть счастливы ли мой «Закатъ солнца». Людовикъ, я даю вамъ *carte blanche*; дѣйствуйте такъ, какъ если бы она была вашей дочерью. Если она предпочитаетъ еще луну своей родины огненному солнцу Индіи, не откажите тогда привезти ее къ ея старому отцу. Окружите ее легиономъ «айяковъ» для услугъ и для ея защиты выставте полкъ сипаевъ, и вы можете быть увѣрены въ вознагражденіи, даже если бы это стоило мнѣ моего графства».

Такова была сущность письма моего стараго друга и, хотя я былъ очень опечаленъ при мысли, что оно дошло до меня нѣсколькими мѣсяцами позже, тѣмъ не менѣе я нацѣлялся поспѣть во время.

Цѣлый часъ провелъ я за письмомъ къ лорду Дудлею, а весь остатокъ дня употребилъ на сборы къ отъѣзду. Мы съ Грагамомъ выѣхали ночью въ городъ дворцовъ и прибыли въ Калькутту въ назначенный часъ. Здѣсь мы расстались и отправились по своимъ дѣламъ.

Я тотчасъ же поѣхалъ къ виконту Р. и просилъ доложить обо мнѣ его женѣ и племянницѣ. Мнѣ отвѣтили,

что онѣ на дачѣ и вернутся завтра. Пришлось ограничиться визитными карточками. На слѣдующее утро я получилъ отъ виконта дружеское приглашеніе на обѣдъ. Я уже готовился выйти, когда въ мою комнату вошелъ со своей обычной безцеремонностью капитанъ Грагамъ и, протянувъ мнѣ чрезвычайно раздушенную оригинальнаго вида записку, съ оживленіемъ умолялъ меня принять приглашеніе на вечеръ, даваемый мадамъ Еленой Лаваль, вдовой индускаго набоба и неоспоримой царицей Калькутскаго общества. Я почувствовалъ приступъ гнѣва, и, несмотря на соединявшую насъ дѣйствительную дружбу, былъ оскорбленъ тѣмъ, что Грагамъ могъ считать меня способнымъ терять время на посѣщеніе этихъ пустыхъ собраний.

Онъ зналъ хорошо, что я съ трудомъ переношу официальные церемоніи, на которыхъ принужденъ бывалъ присутствовать; какимъ же образомъ могъ онъ вообразить,—спросилъ я его холодно,—что я пойду на балъ, чтобы увеличить собою поклонниковъ пустой и тщеславной женщины.

Бѣдный Грагамъ очень терпѣливо выслушалъ мои упреки, но не сдался. Онъ утверждалъ, что прекрасная Елена была какъ и я мистикомъ и оккультисткой. Она уже давно слышала обо мнѣ и хотѣла меня видѣть. Что касается тѣхъ, кто бываетъ у нея, то все это были глубокіе мыслители, реформаторы и метафизики. Она принимала, конечно, и свѣтскихъ людей, но я могъ встрѣтить тамъ многихъ извѣстныхъ мнѣ лучшихъ лицъ города. «Я прошу васъ ради себя, главнымъ образомъ, добавилъ пылко Грагамъ. У мадамъ Лаваль будетъ «нѣкто» кого я хотѣлъ бы, чтобъ вы увидѣли, и былъ бы очень счастливъ, если бы вы приняли приглашеніе друга, который ни въ чемъ не можетъ вамъ отказать».

— «Вы хотите, чтобы я увидалъ вашу очаровательницу, Грагамъ? согласенъ, но не ранѣе окончанія обѣда, на который я приглашенъ; послѣ него я отправлюсь къ мадамъ Лаваль».

Виконтъ Р. принялъ меня гораздо сердечнѣе, чѣмъ тогда, когда я былъ только нѣмецкимъ мистикомъ; его жена во всемъ блескѣ своего новаго положенія, встрѣтила меня съ тѣмъ же дружескимъ интересомъ, какъ и раньше. Рядомъ съ ней стояла граціозная леди Бланка Дудлей. Это не была больше маленькая Бланка «Закатъ Солнца». Она немного возмужала, но была все такая же маленькая, хрупкая, эфирная и замѣчательно красивая. Сильфы, ундины и легендарныя феи поблѣднѣли бы передъ блескомъ этого чудеснаго, божественнаго творенія. Я смотрѣлъ на нее какъ на *chefd'oeuvre* Апулея или Фидія. Въ эту эпоху она была для меня больше мраморной богиней, чѣмъ смертной. Легкая печаль омрачала ея прекрасныя черты лица, а въ ея граціозныхъ формахъ было столько достоинства, что я остановился передъ ней въ восхищеніи и удивленіи, позабывъ даже ее привѣтствовать. Ея манеры были уже не тѣ, и въ ея дружескомъ пожатіи чувствовалась женственная сдержанность, а ея разсѣянный и задумчивый видъ заставилъ меня совершенно забыть смѣшливую дѣвочку, которую я зналъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Передъ моими глазами быстро промелькнула толпа поклонниковъ, тщетно вздыхавшихъ по этому свѣтлому творенію, по этой не имѣющей равной ундины, въ этомъ

жаркомъ, удесятярившемъ всё желанія, климатъ. Это было все, абсолютно все, что я думалъ о леди Бланкъ Дудлей. И однако въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ я неизмѣнно сопровождалъ ее на прогулкахъ, помогалъ ей на официальныхъ приемахъ, слушалъ ее очаровательный голосъ, болѣе нѣжный, чѣмъ голоса сирень, и наблюдалъ за толпой ее обожателей, внутренно улыбаясь при видѣ того, какъ самые богатые и знатные оспаривали другъ у друга взглядъ ее фіалковыхъ глазъ. Я смотрѣлъ на нее, по выраженію моихъ лучшихъ товарищей, «какъ айсбергъ ледовитаго океана, отражавшій лучи солнца и никогда не таявшій отъ его теплоты».

Никогда Бланка не измѣняла своего костюма изъ бѣлаго газа, скрывавшаго ее изящныя формы, никогда не замѣняла она драгоценными бездѣлушками свѣжіе цвѣты, составлявшіе ея единственное украшеніе. Никто не удивился бы, видя ее цѣлью всѣхъ восхищенныхъ взглядовъ, кромѣ моихъ. Ради ея отца и воспоминанія о томъ, какъ ея нѣжное сердце сочувствовало нѣкогда моимъ страннымъ горестямъ, я отдавалъ ей все свободное время. Мнѣ нравилось водить ее по развалинамъ древняго искусства и величія, изобилующихъ въ Индіи и оцѣненныхъ только незначительнымъ меньшенствомъ.

Часто я удивлялся необыкновенной красотѣ моей спутницы и подносилъ къ своимъ губамъ локонъ ея золотистыхъ волосъ. Иногда я вкалывалъ въ нихъ цвѣты. Она никогда не поднимала на меня глазъ, едва говорила со мной, и однако я зналъ, что съ ея стороны не было никакого дурного чувства.

Вечеромъ въ день моего перваго визита, я сказалъ моимъ друзьямъ, что послѣ обѣда я принужденъ ихъ покинуть, такъ какъ рѣшилъ отправиться съ Грагамомъ на вечеръ. Я освободился лишь въ полночь и готовился распрощаться, когда виконтъ спросилъ меня, не желаю ли я замѣнить его и быть спутникомъ его жены и племянницы, которыя также должны были отправиться къ Мадамъ Лаваль.

— Развѣ вы знаете эту даму?—спросилъ я виконтессу.

— Да,—отвѣтила леди Эмилиа.—Елена лучшая подруга Бланки. Онѣ неразлучны. Кромѣ того,—прибавила она тихо, Елена мистикъ, медіумъ. Она читаетъ по звѣздамъ и приготовляетъ фильтры и т. д. Мы, страшные матеріалисты, очарованы ея способностями.

— Дорогая тетя,—прервала Бланка, не говорите такъ объ Еленѣ. Эта женщина стоитъ гораздо выше окружающихъ,—прибавила она обращаясь ко мнѣ, краснѣя.

— Почему вы не называете меня какъ прежде Людовикомъ?—спросилъ я.—Развѣ вы хотите, чтобы я называлъ васъ леди Бланка Дудлей?

— Людовикъ,—сказала она какъ-то драматически, и звукъ ея голоса и теперь еще раздается въ моихъ ушахъ.—«Людовикъ, теперь и навсегда!»

— Я ничего не скажу о приемѣ мадамъ Лаваль и блескѣ ея салоновъ. Читателю достаточно знать, что какъ только мы вошли, Бланка побѣжала впередъ къ своей подругѣ, обняла ее и съ веселымъ видомъ, напомнившимъ мнѣ прежнюю Бланку, представила меня ей. Предо мной стояла высокая, граціозная брюнетка съ большими восточными глазами и брильянтами, сверкавшими въ ея эбеновыхъ волосахъ. Я тотчасъ же узналъ въ ней то лицо, которое

вызвало во мнѣ такія болѣзненные ощущенія, когда я психометризировалъ съ талисманомъ Грагама. Эта дама, которой ея друзья дали прозвище «волшебницы», приняла меня съ замѣтнымъ предпочтеніемъ. Она удержала мою руку дольше, чѣмъ это было необходимо и сказала мнѣ, что я не былъ для нея незнакомцемъ, хотя она и не была мнѣ извѣстна. Она назвала мнѣ различныя мѣста моей общественной жизни, гдѣ я могъ оказаться въ присутствіи многихъ извѣстныхъ ей лицъ; сказала мнѣ, что она съ большимъ интересомъ слѣдила за моей жизнью и что она особенно очарована моими отношеніями къ ея молодой подругѣ. Наконецъ она выпустила мою руку, но при этомъ сжала ее особеннымъ образомъ, давъ понять, что она принадлежитъ къ извѣстному мнѣ обществу, которое, между прочимъ, никогда не принимало въ свою среду женщинъ. Не давая времени оправиться отъ безпокойства, причиненнаго мнѣ ея взглядомъ, и обсудить ея комплименты, эта странная женщина представила меня своему брату г. Полю Перро, высокому и довольно красивому французу, похожему на свою сестру.

Прикоснувшись къ рукѣ этого человѣка, я почувствовалъ содроганье, похожее на то, которое я испыталъ бы, погружая руку въ гнѣздо ядовитыхъ змѣй.

О, ясновидѣніе, фатальный даръ, проклятіе смертной жизни, страшная сила, проникающая за завѣсу, скрывающую съ такой мудростью, внутреннюю и тайную суть людей! Въ тотъ моментъ, когда эта женщина устремила на меня свой пронизательный взглядъ, я сталъ ясновидящимъ. Завѣса откинулась. Рядомъ съ хозяйкой дома блестяло серебристое платье леди Дудлей, надъ мадамъ Лаваль и ея братомъ летали три отвратительныхъ элемента, изображая своими гримасами тенденціи этой злой пары, проникая въ ауру несчастнаго ребенка, отданнаго имъ въ жертву,—чистую жертву, какъ въ какомъ-нибудь мрачномъ обрядѣ.

Невдалекѣ отъ этой группы я замѣтилъ Грагама и на меня удручающимъ образомъ подѣйствовалъ его взглядъ, перехваченный мною въ ту минуту, когда меня знакомили съ Полемъ Перро. Я часто наблюдалъ, что развитіе духовнаго зрѣнія рѣдко сопровождается властью извлекать изъ него пользу. Ясновидящій вынужденъ созерцать то, что скрыто отъ другихъ, но стѣснительныя связи общества нейтрализуютъ значеніе его открытій. Если бы я слѣдовалъ предувѣдомленію моихъ астральныхъ перцепцій, я съ отвращеніемъ оттолкнулъ бы брата и сестру, вмѣсто того, чтобы склониться передъ ними и позволить имъ коснуться моей дрожащей руки. Я ихъ прогналъ бы отъ всего добраго и красиваго и скорѣе свелъ бы Бланку въ могилу, чѣмъ позволилъ бы имъ вліять на ея молодую жизнь. Но тѣнь будущаго окутала меня какъ ледянымъ саваномъ и, когда я увидѣлъ устремленные на меня глаза Грагама, я былъ ошеломленъ, несчастенъ, и онъ понялъ, что я узналъ оригиналъ моего видѣнія.

Когда хозяйка и его сестра отошли отъ меня для встрѣчи другихъ гостей, Грагамъ приблизился ко мнѣ и сказалъ:

— Вы знаете мою тайну, вы видѣли передъ собой мою волшебницу. И я полагаю, что вы не удивляетесь теперь моему увлеченію; какъ и я не удивляюсь вашему. Говоря это онъ бросилъ взглядъ въ сторону Бланки.

— «О,—сказалъ я дрожа, какъ во снѣ,—ничто не привлекаетъ меня здѣсь, Грагамъ. Здѣсь все меня угнетаетъ, и самая атмосфера настолько удушлива, что я не останусь ни минуты больше.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

„ВОПРОСЫ ПСИХИЗМА“

Комплекты журнала за 1908 г. (шесть книгъ)—3 рубля.
для подписчиковъ журнала „Ребусъ“ — 2 рубля.
(Съ пересылкою 2 р. 50 к.).

СОДЕРЖАНІЕ: Ветупительная статья редакціи: «Будущность психологіи»—Проф. М. Рише; «Экспериментальная телепатія и ясновидѣніе»—П. А. Чистякова; «Левитація медиума Дударини»—Проф. Мурони; «Мои изслѣдованія явленій передачи мысли»—Проф. Ч. Ломброзо; «Намеки о наукахъ будущаго»—М. С.; «Символизмъ и метаспихическіе феномены»—Э. Боссано; «Новый институтъ въ С.-П.»—П. Чистякова; «О безсмертіи»—Б. Тайца; «Мои сеансы съ Евзапіею Палладино»—Проф. Э. Морселли. Затѣмъ: хроника, библиографія записки Русскаго Спиритуалистическаго Общества въ Москвѣ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ—ЮБИЛЕЙНЫЙ—ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РЕБУСЪ“

СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: ТЕЛЕНАТИИ, ЯСНОВИДѢНІЯ, ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЯ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЯ, СОМНАМБУЛИЗМА, ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА, ГИПНОТИЗМА и СПИРИТИЗМА;—изслѣдов. въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ—ТЕОСОФІЯ, МАСОНСТВО и проч.

Загадочность человѣческаго существа и безсмертіе человѣческой личности.

Вотъ—главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ. Независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ мѣсто **ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ТАИНЪ И ЗАГАДОКЪ ПРИРОДЫ, НАУКИ И ЖИЗНИ.**

ПОМѢЩАЮТСЯ ОТЗЫВЫ о новыхъ и старыхъ книгахъ, РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ на запросы и письма подписчиковъ. ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

Выходить—въ невооруженное время не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣсмертномъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Бутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Аксакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дасье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Максвелла—„Феномены Психизма“ проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шолленгауера—„О духовидѣніи“, д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; и „Магія, какъ естествознаніе“; М. Сабуровой—„Смерть—только метаморфоза“; проф. Шарко—„О самнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Охоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; Руксель—„Спиритизмъ и оккультизмъ“, А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суевѣрій“, „Кантъ, какъ спиритуалистъ“; Радій и ясновидѣніе“, „Чтеніе мыслей“, „Маги—quadriguit“, „Тайныя Общества и Франкъ-Масонство“; д-ра Принса—„Множественность человѣческой личности“; Ст. Мозеса—„Ученіе духовъ социальное, религиозное и этическое“; А. Волгина—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; Губалке—„Метампсихозъ (перевоплощеніе)“; проф. В. Джемса—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; проф. О. Лоджа—„О трисовѣстныхъ сообщеніяхъ“; д-ра Вишофа—„Ученіе Каббалы“; Рейхенбаха—„Одо-Магнетическія письма“ и др.; затѣмъ СООБЩЕНІЯ О РАБОТАХЪ: РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ МОСКВѢ, ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНИЙ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. За границу: на годъ 6 р. Пробный номеръ 25 коп. (Можно высылать почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Москвѣ, у редактора-издателя журнала П. А. Чистякова—Б. Дорогомиловская ул. (у Бородинскаго моста) д. № 3, (телеф. 2-28-93) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣсяцевъ . 5 р. — к.
» 6 » . 3 » — »За границу на годъ 6 руб.
Пробн. номеръ 25 коп.За перемѣну адреса уплачивается
деньгами или марками 40 коп.ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫС-
ЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ,
СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ,
ГИПНОТИЗМЪ И СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ МИСТИКИ;
ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.Подписку и корреспонденцію
просить адресовать:П. А. ЧИСТЯКОВУ
редактору - издателю журнала
„Ребусъ“.Москва, Бол. Дорогомилоская
ул., у Бородинскаго моста
домъ № 3.

№ 1692.

12-го Декабря 1916 года.

№ 18.

Содержаніе: 1) Значеніе философскихъ идей Трубецкаго. Проф. Л. М. Лопатина. — 2) По пути. — 3) Изъ опыта
прошлыхъ поколѣній. — 4) Загадочныя явленія. — 5) Къ смерти Китченера. — 6) «Въ двухъ планахъ» —
(романъ оккультиста). (Прод.) — 7) Объявленія.

Проф. Л. М. Лопатинъ.

ЗНАЧЕНІЕ ФИЛОСОФСКИХЪ ИДЕЙ ГНЯЗЯ С. Н. ТРУБЕЦКАГО
ВЪ НАШИ ДНИ *).

I.

Современный міръ переживаетъ огромную истори-
ческую катастрофу, — настолько ужасную, настолько
кровавую, настолько чреватую самыми неожиданными
перспективами, что передъ ней имѣетъ мысль и кру-
жится голова. Великій мистикъ XVIII вѣка, Сведен-
боргъ училъ о *множественности страшныхъ судебъ*.
Изъ своихъ загадочныхъ проникновеній въ невиди-
мый духовный міръ онъ вынесъ глубокое убѣжденіе,
что страшный судъ на землѣ повторяется: когда за-
вершится какой-нибудь важный періодъ въ жизни че-
ловѣчества, ему подводятся итоги, — происходитъ ра-
дикальный переворотъ и во внутренней, мистической,
и во внѣшней, феноменальной судьбѣ участниковъ
этого періода, — надъ всею прожитою эпохою въ выс-
шихъ невидимыхъ сферахъ духовнаго царства произ-
носится судъ, опредѣляющій дальнѣйшіе пути чело-
вѣческой исторіи. Можно подумать, что мы сами сей-
часъ переживаемъ великій и скорбный моментъ такого
страшнаго суда надъ современнымъ человѣчествомъ, —
во всемъ, чего оно достигло, во всемъ, что оно дѣла-
етъ, во всемъ, къ чему оно стремится. Въ свирѣп-
ствующей теперь небывалой исторической бурѣ не
только рѣками льется кровь, не только крушатся го-
сударства, не только съ неудержимой стремительно-
стью, — чуть не каждый день, — передвигаются гра-
ницы, не только гибнутъ и возстаютъ народы, — про-
исходить и нѣчто другое. Въ нашемъ внутреннемъ,
слабомъ, человѣческомъ судѣ относительно всего, что
нами прожито, и надъ всемъ, во что мы такъ благо-
душно и серьезно вѣрили, совершается жуткая пере-
мѣна: крушатся старые идеалы, блекнутъ прежнія
надежды и настойчивыя ожиданія; столь привычная
нашимъ умамъ картина предстоящаго культурному

человѣчеству близкаго и счастливаго будущаго, когда
и въ политическихъ, и въ общественныхъ, и въ эко-
номическихъ отношеніяхъ съ широкою полнотою осу-
ществятся требованія разума и справедливости, улы-
вается въ тусклую, если не безконечную даль. А глав-
ное — непоправимо и глубоко колеблется самая наша
вѣра въ современную культуру: изъ-за ея устоевъ
вдругъ выглянуло на насъ такое страшное звѣриное
лицо, что мы невольно отвернулись отъ него съ отвра-
щеніемъ и недоумѣніемъ. И поднимается неотступный
вопросъ: да что же такое, въ самомъ дѣлѣ, эта куль-
тура! Какая ея моральная, даже просто жизненная
цѣнность?

Главное преимущество современной культуры спра-
ведливо указываютъ въ необыкновенномъ совершен-
ствѣ и ростѣ техники. Теперь мы воочию можемъ убѣ-
диться, что это весьма опасное преимущество: совре-
менная техника представляетъ двуликаго Януса. Если
она насъ одарила удобствами, о которыхъ раньше не
могли и мечтать, она одновременно обладаетъ такою
разрушительною мощью, для которой не видно ника-
кихъ границъ. И соответственно общему правилу, что
разрушеніе легче созиданія, все заставляетъ думать,
что разрушительная сила техники растетъ быстрѣе
созидательной и перегоняетъ ее въ каждый данный
моментъ; во всякомъ случаѣ, любое техническое от-
крытіе можно повернуть на борьбу и истребленіе.
Яркимъ тому примѣромъ является авіація: еще какъ
недавно, послѣ многолѣтнихъ усилій, люди, након-
ецъ, практически овладѣли третьимъ измѣреніемъ
обитаемаго нами міра; связанная съ этимъ переворо-
томъ огромныя надежды еще оставались въ области
неосуществленныхъ мечтаній. Но грянула война, и
авіація сразу превратилась не только въ могучее сред-
ство борьбы на поляхъ битвы, но и въ грозное ору-
діе самыхъ безмысленныхъ и кровавыхъ преступле-
ній. Или какой неожиданностью явились удушливые
газы, на десятки верствъ истребляющіе всякую жизнь, —
и людей, и животныхъ, и даже растенія. Мысль цѣ-
пенить, когда подумаешь, что принесутъ человѣче-
ству грядущія войны. Если техника будетъ расти въ
такой же прогрессіи, чего не достигнетъ, съ ея по-
мощью, не только злая воля массъ, но и отдѣльныхъ
лицъ? Исключается ли даже возможность, что въ бу-
дущемъ, при неограниченномъ господствѣ человѣка

* Изъ рѣчи; прочитанной 13 дек. 1915 г. въ торжествен-
номъ засѣданіи Псих. Общ. посвященномъ чествованію па-
мяти кн. С. Н. Трубецкаго по поводу десятилѣтія со дня его
кончины.

Вопросы философіи, кн. 131.

надъ силами окружающей природы въ ея трехъ измѣреніяхъ, какая-нибудь компактная кучка меланхолическихъ челоѡконенавистниковъ окажется въ состояніи уничтожить всю жизнь на землѣ и осуществить мечту Эд. Гартмана о самоистребленіи челоѡчества болѣе простыми путями, чѣмъ онъ хотѣлъ?

До сихъ поръ отъ всѣхъ этихъ возможностей намъ закрывала глаза надежда, что въ соответствии съ колоссальнымъ ростомъ техники будетъ непрерывно расти моральный уровень челоѡчества. И вотъ эта надежда въ наши дни поколеблена самымъ основательнымъ образомъ. Техника развивается неудержимо, а моральный уровень людей не только не повысился, онъ скорѣе значительно понизился. И это всего очевиднѣе именно на томъ народѣ, который считался чуть ли не самымъ культурнымъ на всемъ земномъ шарѣ и который самъ изъ поклоненія культурѣ сдѣлалъ своего рода религію. Быть можетъ, самый изумительный результатъ современной войны—тотъ нравственный обликъ, который получила въ ней Германія. Въ этомъ отношеніи война представила рядъ потрясающихъ открытій. Передовая нація Европы сознательно вступила на путь небывалаго варварства. Мы не знаемъ, чѣмъ кончится война, но въ одномъ можно быть увѣреннымъ: она положитъ неизгладимое моральное пятно на германскую націю. Циническое нарушеніе самыхъ элементарныхъ правилъ международнаго права и международной честности, вандалское опустошеніе цѣлыхъ странъ, безмысленное истребленіе памятниковъ искусствъ и старинъ, бездушная жестокость и къ своимъ и къ чужимъ, дикая вакханалія грабежей, насилія и звѣрскихъ убійствъ вездѣ куда появятся германскія арміи, изуѣрскія истязанія плѣнныхъ и мирныхъ жителей, безчисленные казни и расстрѣлы,—все это горемъ и страхомъ наполнило землю и этого не забудетъ челоѡчество. Сдѣлаемъ всевозможныя смягченія, допустимъ, что факты, которые на устахъ у всѣхъ, преувеличены, уменьшимъ то, что рассказывается, вдвое или втрое,—все же останется слишкомъ много, чтобы этого нельзя было забыть никогда. Безъ всякой риторики и безъ всякихъ гиперболей, невольно припоминаются гунны, монголы и другіе истребители рода челоѡческаго въ наиболѣе катастрофическіе періоды далекаго прошлаго. Однако, такое сопоставленіе едва ли справедливо по существу. Гунны, монголы и другіе степные завоеватели этого типа были ордами дикарей, которые дѣйствовали съ слѣпой и грубой стихійностью. А вѣдь нѣмцы—самый сознательный, самый рациональный, самый дисциплинированный и педантически планоѡрный народъ въ свѣтѣ. Гунны и монголы грабили, жгли и убивали, потому что они не умѣли и не могли дѣйствовать иначе. Германцы знаютъ и понимаютъ, что они дѣлаютъ,—въ своихъ пріемахъ они осуществляютъ опредѣленную систему. Недаромъ императоръ Вильгельмъ когда-то рекомендовалъ гунновъ, какъ высшій образецъ для подражанія, своимъ войскамъ, отправляемымъ въ Китай. Что особенно загадочно и странно въ современной Германіи, это совершенное отсутствіе среди ея населенія серьезныхъ протестовъ противъ примѣняемыхъ въ нѣмецкихъ войскахъ звѣрскихъ способовъ борьбы. Это не значить, чтобы въ Германіи вообще не высказывалось общественныхъ протестовъ: тамъ иногда очень громко и рѣзко протестуютъ и противъ самой войны, и противъ ея завоевательныхъ задачъ. Но то, что заставило въ происходящей войнѣ содрогнуться остальное челоѡчество,—кровоавое варварство новыхъ военныхъ пріемовъ,—какъ-то не вызываетъ противъ себя въ Германіи серьезнаго возмущенія,—по крайней мѣрѣ, о немъ почти ничего не слышно. Какъ будто тамъ всѣ сошлись на убѣжденіи, что въ борьбѣ съ національнымъ врагомъ все дозволено и всѣ средства святы.

Переживаемая нами война есть великій моральный крахъ современной Европы. Конечно, это прежде всего приходится сказать о Германіи; но о ней ли одной идетъ дѣло? И у противниковъ Германіи все ли благополучно? Оглянемся кругомъ себя: не поражаетъ ли въ протекающихъ событіяхъ какая-то жуткая и угрожающая моральная пестрота? Съ одной стороны, мы являемся изумленными свидѣтелями такихъ яркихъ, такихъ свѣтлыхъ проявленій героизма и беззаѡтнаго самоотверженія, какихъ мало видѣла челоѡческая исторія и которыхъ трудно было ждать въ наше время и притомъ нерѣдко у людей, которые раньше съ головой были погружены въ тусклыя дразги будничной жизни, ни о какой войнѣ никогда не думали и никакого героизма ни въ чемъ не проявляли. А съ другой стороны, сколько вездѣ низости, преступной безпечности, безстыдной жадности, наглаго безсердечія! Предъ нами носится какой-то вихрь противоположныхъ инстинктовъ и чувствъ, которые вздымаются съ непосредственной и стихійной мощью, но въ которыхъ слишкомъ часто отсутствуетъ твердость сознательнаго убѣжденія. Одно ясно: война застала насъ врасплохъ,—и не только въ матеріальномъ смыслѣ внѣшней подготовки, но и въ смыслѣ духовномъ и внутреннемъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, было общаго между современнымъ аморализмомъ, съ единственной утверждаемой имъ обязанностью не признавать никакихъ обязанностей, между современнымъ безпринципнымъ культомъ безвкусоно понятой красоты, между провозглашеніемъ неограниченныхъ правъ на полноту жизни и личнаго счастья, несмотря ни на что, между космополитическимъ радикализмомъ и столь распространеннымъ забвеніемъ національныхъ интересовъ, съ одной стороны, и тяжелой, скромной, изъ сѣдого прошлаго перешедшей къ намъ задачей—защищать свой народъ и свою родину отъ безошаднаго вражескаго нашествія, съ другой стороны? И какъ внезапно стала передъ нами эта задача, и какую небывало трудною она явилась при современныхъ условіяхъ! Какую внутреннюю ломку надо было пережить героямъ Арцыбашева, Максима Горькаго, Леонида Андреева, чтобы обратиться въ сѣрыхъ и скромныхъ героевъ великой войны! И мы съ удовлетвореніемъ можемъ сказать, что огромное большинство современныхъ русскихъ людей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто принялъ непосредственное участіе въ кровавой борьбѣ, выдержали испытаніе съ честью: они сказали выше своихъ идеаловъ и жизненныхъ правилъ; въ ихъ душахъ открылись сокровища, которыхъ они и не знали и во всякомъ случаѣ не культивировали. Въ этомъ отношеніи у нашихъ противниковъ было несомнѣнное преимущество: они были совсѣмъ готовы и извнѣ, и изнутри. Они единодушно взяли за общее дѣло и начали его дѣлать съ непоколебимой энергіей. Но они такъ поняли это дѣло и такъ стали вершить его, что мѣръ ужаснулся.

И опять подымается мучительный вопросъ: какъ все это могло случиться? Вѣдь Германія, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая страна, потрудилась для созданія гуманныхъ идеаловъ и для ихъ вдохновенной проповѣди, въ лицѣ своихъ поэтовъ и мыслителей. Самое понятіе о челоѡчествѣ, въ его современномъ смыслѣ, въ значительной мѣрѣ есть ея пороженіе. Куда же она дѣвала все это и отчего такъ измѣнила себя? Мнѣ кажется, что и для нашей моральной растерянности и пестроты, и для кроваваго единодушія нѣмцевъ основной источникъ общій: онъ заключается въ моральномъ банкротствѣ европейской культуры.

Въ нѣмецкой этикѣ послѣднихъ десятилѣтій евангельская мораль все болѣе отступаетъ на отдаленный историческій планъ, и даже моралисты, въ общемъ настроенные весьма идеалистически, рѣшаются ее раз-

смачивать, как наивное порождение первобытных общественных условий, которое не удовлетворяет уже сложным требованиям современного культурного быта. Вместе с христианским нравственным учением блѣднѣет и разсыивается возвышенный гуманный идеалъ, видящій въ каждой человеческой личности и въ каждой человеческой душѣ нѣчто абсолютно самоцѣльное и незамѣнимое. Его вытѣсняетъ взглядъ на человѣка, какъ на неотдѣлимый и во всѣхъ отношеніяхъ зависимый элементъ и органъ общественнаго организма, въ которомъ онъ выросъ и живетъ. Только организованное общество съ его культурнымъ достояніемъ есть настоящая и самоцѣльная реальность, а отдѣльное лицо лишь фикція и отвлеченность,—все, что въ немъ дѣйствительно дано, есть культурный даръ общества. Типическимъ построениемъ нѣмецкой этики является довольно неуклюжій силавъ идеи абсолютнаго долга съ принципомъ подчиненія волѣ и культурнымъ интересамъ организованнаго общества. По этому построению, *долгъ* есть апіорное понятіе нашего ума, и оно составляетъ основу самой возможности нравственной жизни. Но въ то же время это понятіе чисто формальное, оно не имѣетъ содержанія, оно лишь предписываетъ, чтобы какой-нибудь долгъ былъ. Откуда же берется содержаніе для него? Оно внушается общественной жизнью и ея задачами, оно опредѣляется той системой культуры, которую общество осуществляетъ въ своей внутренней и внѣшней эволюціи. При этомъ весьма характерно, что понятіе человечества въ его цѣломъ въ новѣйшей нѣмецкой этикѣ играетъ довольно тусклую и двусмысленную роль—оно даже рѣдко выдвигается и какъ-то не связывается съ представленіемъ о моральныхъ обязанностяхъ однихъ народовъ къ другимъ. Въ этомъ отношеніи даже у самыхъ видныхъ нѣмецкихъ моралистовъ иногда приходится встрѣчаться съ самыми странными утверженіями. Такъ, одинъ изъ нихъ увѣренно говоритъ: „Мы не испытываемъ никакихъ сомнѣній и даже относимся съ рѣшительнымъ одобреніемъ, когда европейское общество, опираясь на распространеніе своей цивилизаціи, пользуясь нашими миссіями и завоеваніями, пользуясь огнестрѣльнымъ оружіемъ и военными флотами, физически и морально разрушаетъ одно „дикое“ государство за другимъ и постепенно стираетъ ихъ съ лица земли“¹⁾. Эти поистинѣ классическія слова принадлежатъ одному изъ значительнѣйшихъ философовъ современной Германіи, весьма популярному и у насъ въ Россіи, идеалисту по своимъ воззрѣніямъ, главѣ очень распространенной школы, недавно умершему Вильгельму Виндельбанду. Самое страшное въ этихъ словахъ—твердое убѣжденіе ихъ автора, что они ни у кого не могутъ встрѣтить возраженій. Виндельбандъ почтенный и опытный писатель и онъ, конечно, хорошо зналъ своихъ читателей. Что же христіанскаго осталось въ этомъ передовомъ народѣ христіанской Европы?

III.

Въ разразившейся предъ нами великой исторической трагедіи самый грозный симптомъ—это явное угасаніе христіанства въ культурномъ человечествѣ. Въ такой странѣ, какъ Германія, съ ея свободной вѣроисповѣдною формою, этотъ процессъ разложенія христіанства получилъ рѣзкую наглядность. Конечно, и тамъ еще сохранилось ортодоксальное протестантство съ его традиціонной догматикой, но оно обратилось въ достояніе темныхъ массъ, сузилось, окаменѣло и влачитъ свое замирающее существованіе только по инерціи. А вездѣ, гдѣ христіанство встрѣтилось съ

культурными теченіями, оно вынуждено было вступить въ тяжелый конфликтъ. Оно боролось долго, отстаивало одну позицію за другою—подобно Діонису древняго міа оно мѣняло всякіе образы,—но все же его поглотили враждебныя силы. Подъ натискомъ новыхъ взглядовъ христіанство нѣмецкихъ богослововъ бросило идею личнаго Бога, идею безсмертія, идею Божественности Христа, торжественно отвергло все сверхъестественное и чудесное и охотно признало неограниченное господство физической причинности надъ всякою жизнью, замѣнило всю религіозную догматику неопредѣленнымъ пантеистическимъ обоженіемъ природы, до плоскости сгладило все своеобразное и шокирующее въ христіанской морали, наконецъ ушло въ тусклый и совершенно безсодержательный міръ чисто субъективныхъ переживаній,—и не замѣтило, что его самого больше нѣтъ,—нѣтъ какъ духовнаго міропониманія, нѣтъ какъ религіи,—что оно даже превратилось въ свою собственную противоположность. Что же оно могло противопоставить поднявшейся бурѣ безграничнаго національнаго самоутверженія и беззащитнаго попраанія всѣхъ завѣтовъ Евангелія?

Все произошло естественно и логично. Но тѣмъ ужаснѣе значеніе происшедшаго. Теперь яснѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ когда-нибудь, видно, что значитъ сознательно покинуть вѣру въ высшій смыслъ жизни и въ ея абсолютныя задачи и отречься отъ идеаловъ всечеловѣческой любви и безконечной цѣнности всего духовнаго. Кто знаетъ? Быть можетъ, вся европейская культура стоитъ предъ своимъ смертнымъ часомъ. И во всякомъ случаѣ стоятъ предъ лицомъ смерти миллионы людей. Въ такія минуты у каждого невольно подымается вопросъ; точно ли жизнь такъ научно-раціональна и такъ бессмысленна? Точно ли человѣкъ такое мимолетное ничтожество и такой клубокъ самообмановъ, какъ это выходитъ по катехизису современнаго міровоззрѣнія? Точно ли въ этомъ міровоззрѣніи *вся* истина, да и есть ли въ немъ *настоящая* истина?

Я утверждаю, что этотъ вопросъ законенъ. Онъ диктуется не только кровавымъ ужасомъ современныхъ переживаній, онъ имѣетъ строгое логическое и теоретическое основаніе. Міросозерцаніе, монополизовавшее науку и отважно ставшее подъ ея знаменемъ, давно и съ разныхъ сторонъ стало вызывать серьезно мотивированное сомнѣніе именно въ своей научности. Съ виду парадоксальное утверженіе, что въ научномъ міросозерцаніи далеко не все научно, получаетъ достаточно сильное оправданіе въ соображеніяхъ простыхъ, но едва ли устранимыхъ. Господствующее надъ умами культурныхъ людей новое міровоззрѣніе въ наибольшей своей долѣ опирается на логически неправомѣрную переоцѣнку фактическихъ данныхъ, гипотетическихъ допущеній и даже просто методологически удобныхъ фикцій отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ; въ этомъ источникъ его психологической обаятельности, но въ этомъ же его неисцѣлимо слабое мѣсто. Каждая наука рассматриваетъ живую природу въ своемъ разрѣзѣ и подъ своимъ аспектомъ; по самой своей задачѣ, она вынуждена пропускать мимо очень многое въ безконечномъ разнообразіи дѣйствительности и останавливается только на томъ, что представляетъ важность и интересъ для ея спеціальныхъ цѣлей; она отдѣляетъ нужныя ей явленія отъ всѣхъ остальныхъ, если не прямо экспериментально, то, по крайней мѣрѣ, логически, и лишь въ этихъ предѣлахъ устанавливаетъ свойственные имъ законы. На почвѣ такого сознательнаго самоограниченія спеціальныя науки строятъ свои обобщенія и гипотезы, считаясь только съ ихъ практической пригодностью, но вовсе не заявляя претензій на ихъ абсолютную безошибочность, а тѣмъ болѣе на ихъ непрерываемое антологическое значеніе: строго говоря,

¹⁾ Windelband. Präludien, 2-te Autl., стр. 338.

для этих наук даже безразлично, съ чѣмъ собственно онѣ имѣютъ дѣло,—съ удобными и практически цѣлесообразными схемами или съ абсолютными истинами,—вѣдь у нихъ все равно нѣтъ въ рукахъ критерія для установленія абсолютныхъ онтологическихъ истинъ. Естествоиспытатель подходитъ къ своимъ опытамъ съ полной увѣренностью, что единообразіе въ дѣйствіи законовъ природы есть совершенно удовлетворительное въ практическомъ отношеніи правило при изслѣдованіи занимающихъ его явленій; но какія основанія могъ бы онъ привести для утверждения, что единообразіе природы есть абсолютная истина, распространяющаяся на всѣ сферы опыта и даже за предѣлы всякаго возможнаго опыта? Физикъ, изучая физическія явленія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, хорошо знаетъ, что наблюдаемые имъ факты вызываются физическими причинами. Но какими соображеніями или какими опытами могъ бы онъ доказать, что никакихъ нефизическихъ причинъ или агентовъ нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ и никогда не было, и что поэтому чисто физическая связь явленій природы на всемъ безконечномъ пространствѣ вселенной, во всей безконечности прошлаго и безконечности будущаго, никогда не была и не будетъ нарушена? Пожалуй, онъ можетъ въ это вѣрить, но съ своей точки зрѣнія чѣмъ могъ бы онъ оправдать такое убѣжденіе? А вѣдь совершенно аналогическія соображенія можно высказать и объ законахъ сохраненія вещества и энергіи. Въ качествѣ практическихъ руководящихъ правилъ изслѣдованія эти законы вполнѣ достигаютъ цѣли, но, съ другой стороны, можетъ ли быть опытнымъ путемъ абсолютно установленъ фактъ, что вещество *никогда и нигдѣ* не исчезало и не появлялось вновь, хотя бы въ неумовимыхъ для наблюденія дозахъ, или что запасъ энергіи въ мірѣ *нигдѣ и никогда* не поколебался? Самое понятіе о веществѣ, какъ оно установилось въ физикѣ и химіи, на основаніи какихъ опытовъ можетъ получить онтологическое значеніе за предѣлами опыта и даже превратиться въ абсолютное начало вещей? Не значить ли все это, что реалистическое міросозерцаніе въ самыхъ коренныхъ своихъ основахъ зиждется на логически недопустимой *абсолютизаціи* приблизительныхъ обобщеній и условныхъ гипотезъ естествознанія? Въ такой абсолютизаціи опытъ не при чемъ. Чтобы ее логически оправдать, нужны какія-нибудь независимыя отъ опыта, принципиальныя, иначе сказать, умозрительныя основанія. Но какія же они и кто ихъ указалъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

П О П У Т И.

Г-жа Станислава Тамчихъ, варшавскій медиумъ, съ помощью котораго профессоръ Охоровичъ произвелъ въ послѣдніе года (1908—1913) рядъ изслѣдованій, сильно заинтересовавшихъ французскихъ ученыхъ, дала серію сеансовъ въ Лондонѣ лѣтомъ 1914 года.

Началомъ для этихъ сеансовъ послужило знакомство секретаря Лонд. Общ-ва для Псих. Изсл., г-на Эверарда Фильдинга, съ г-жею Тамчихъ, которую онъ два раза посѣтилъ въ Варшавѣ, въ 1912 и 1913 годахъ и еще однажды г-нъ Фильдингъ видѣлъ ее въ Мюнхенѣ у д-ра Шренкъ-Нотцинга, подъ наблюденіемъ котораго происходили опыты съ г-жею Тамчихъ. Опыты съ этимъ медиумомъ показали г-ну Фильдингу интересными и онъ пригласилъ ее въ Лондонъ. Была составлена тамъ комиссія, въ со-

ставѣ которой вошли: г-нъ Фильдингъ, г-жи Сиджвикъ и Верраилъ (дочь извѣстнаго пишущаго медиума, нынѣ умершаго), д-ръ Вуллей, г-нъ Коурнеръ-Колесъ (специалистъ по электричеству и фотографіи) и г-нъ Маркъ Барръ.

Всего состоялось одиннадцать сеансовъ, прошедшихъ при вполнѣ удовлетворительныхъ условіяхъ, и однако не давшихъ ничего особо выдающагося. Благодаря очень строгому контролю всякая возможность поддѣлки или симуляціи должна быть исключена совершенно, но тѣмъ не менѣе и опредѣленныхъ, хотя бы сколько нибудь достаточныхъ для возможности оцѣнки медиума, феноменовъ тоже получено не было. («Les An. des Sc. Ps.»).

Звѣзда первой величины зажглась на медиумическомъ горизонтѣ въ Бразиліи—сообщаетъ журналъ «Les. Ann. des Sc. Psych.» Всѣ мѣстные органы печати занялись нѣкимъ Карломъ Мирабелли (псевдонимъ?), медиумическія способности котораго, вспыхнувшія внезапно, превзошли, будто бы, способности Евзапіи Паладино. Длинный перечень именъ ученыхъ, докторовъ, государственныхъ людей, заинтересовавшихся этимъ медиумомъ, увеличивается съ каждымъ днемъ и, повидимому, дѣйствительно г-нъ Мирабелли представляетъ собою нѣчто очень цѣнное въ смыслѣ медиумическихъ феноменовъ, такъ какъ объ нихъ толкуютъ не смотря на ихъ гласность и на неосторожную доступность сеансовъ г-на Мирабелли для широкой публики. («Les. Ann. des Sc. Ps.»)

Въ этомъ же журналѣ, т.-е. въ Les Ann. des Sc. Psych. помѣщено извѣщеніе, что правительство штата Нью-Йорка утвердило законопроектъ о религіозныхъ корпораціяхъ страны; этимъ законопроектомъ легализируется между прочимъ и «Спиритическая Ассоціація», которая переименовывается въ «Национальное Спиритическое Собраніе». За этимъ Собраніемъ утверждаются всѣ права Независимой Церкви и Церковной Общины и всѣ гражданскія права Юридическаго Общества».

ИЗЪ ОПЫТА ПРОШЛЫХЪ ПОКОЛѢНІЙ.

(Изъ статьи г-жи де-Морганъ).

Когда молва о сеансахъ (первыхъ изслѣдователей спиритизма) распространилась, то появилось много желающихъ попасть на эти сеансы; это обстоятельство породило затрудненіе, чреватое многими послѣдствіями. Если медиумъ въ данномъ кружкѣ былъ застѣчивъ или очень сенситивенъ, то въ большинствѣ случаевъ появленіе постороннихъ свидѣтелей на сеансѣ совершенно гасило феномены; на сеансѣ ничего не получалось. Если же и бывали стуки или движенія безъ прикосновенія, то появлялись и подозрительныя взгляды, недовѣріе къ кружку и особенно къ медиуму со стороны посѣтителей, а вслѣдъ за этимъ все окончательно на сеансѣ прекращалось. Мнѣ это довелось видѣть много разъ. И я наблюдала также людей великаго ума и научной подготовки (напр. д-ръ Робертъ Чемберсъ, д-ръ Вильямъ Грегори, баронъ Поллокъ, г-нъ де-Морганъ и др.), медиумизмъ которыхъ проявлялся очень ярко только благодаря отсутствію подозрительности и сомнѣнія и благодаря живому интересу, съ какимъ они

приступали къ изслѣдованіямъ. По моимъ наблюденіямъ—чѣмъ выше и развитіе умъ, тѣмъ болѣе его могущество въ смыслѣ содѣйствія спиритическимъ явленіямъ, такъ и въ смыслѣ помѣхи или препятствія. И изслѣдователи скоро убѣдились, что *какимъ-то образомъ* всѣ, скептически относящіеся (т.-е. съ недоувѣріемъ и недоброжелательностью), мѣшаютъ успѣху на сеансѣ; а подобное убѣжденіе—само собой понятно—оказалось въ высшей степени *ненаучнымъ*, непопулярнымъ, неприемлемымъ. Такимъ образомъ случилось, что у первыхъ изслѣдователей спиритизма не получили поощренія различные способы такъ-называемаго «строгаго контроля», но мы на сеансахъ получали безчисленные, самыя вѣскія доказательства («Light»).

ЗАГАДОЧНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

(Окончаніе).

Этотъ случай по моему мнѣнію можетъ служить яркимъ показателемъ того, что подобныя опыты отнюдь не телепатія или внушеніе, такъ какъ въ день опыта я даже и не видала эту крестьянку, о мужѣ которой смотрѣла въ воду. Приведу еще одинъ фактъ, разбивающій предположеніе о передачѣ мыслей и самовнушеніи. Въ началѣ настоящей войны мой кузень, прапорщикъ запаса Арсеній З., былъ раненъ въ бою подъ Ж. Его привезли, въ числѣ другихъ раненыхъ офицеровъ, въ Кіевъ и помѣстили въ одинъ изъ Кіевскихъ госпиталей. Повидавшись съ нимъ я нашла его здоровѣе въ удовлетворительномъ состояніи: температура была нормальная, аппетитъ и сонъ прекрасные, и, успокоившись, написала о томъ въ Петроградъ его матери, моею теткѣ. Но вечеромъ моя дочь попросила меня посмотрѣть „поправится-ли дядя Арся?“

Я посмотрѣла и увидѣла Арсю въ гробу. У меня въ это время жила (живетъ и сейчасъ) дѣвушка прислуга, Ульяна Андрейгунова (изъ села Мохначки, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи,) которую я тутъ-же позвала взглянуть въ стаканъ—и то, что видѣла я и дочь, подтвердила и она.

— Бачу, барыня, гробъ и лежитъ въ немъ якій хлопцевъ и усы у него длинныя, якъ у казака. Черезъ нѣсколько времени брата перевезли по его просьбѣ на мѣсто его постоянного жительства въ Петроградъ и помѣстили въ одну изъ лечебницъ, которой завѣдовалъ тогда лейбъ-хирургъ Павловъ. Профессоръ Павловъ, осмотрѣвъ брата, сказалъ что рана его (онъ былъ раненъ въ область печени) опасности для здоровья не представляетъ, такъ какъ въ моментъ вхожденія пули, печень, очевидно, подъ вліяніемъ вздоха, который сдѣлалъ братъ, была опущена книзу. Черезъ нѣсколько времени я получила письмо отъ старшаго брата Арси, что онъ настолько уже поправился, что изъ лечебницы прибылъ домой. (Казанская, 12). Дочь моя, помню, еще тогда сказала мнѣ:—Ну, вотъ и хорошо, мама, что наврала твой стаганъ. Черезъ двѣ недѣли, однако, у Арси внезапно повысилась температура, появились сильныя боли въ области печени и его опять отвезли въ лечебницу, гдѣ и сдѣлали ему операцію. Операція, какъ писалъ мнѣ мой старшій братъ, показала что не только была задѣта печень, но и легкое и діафрагма. Было это не за долго до Рождества Христова. 28-го декабря я вторично смотрѣла въ стаканъ въ присутствіи одной нашей знакомой, дворянки, Евгеніи Ивановны Домбровской (Тургеневская д. 21. кв. 27.) и опять увидѣла Арсю въ гробу. Видѣла его и г-жа Домбровская, такъ

какъ приблизительное понятіе о немъ имѣла по журналу „Огонекъ“, который она въ этотъ вечеръ сама принесла намъ и гдѣ былъ помѣщенъ портретъ Арси, съ его характерными „казацкими усами“.

Внезапное ухудшеніе въ ходѣ болѣзни брата и мой вторичный опытъ, упрямо, настойчиво, показывавшій ту-же картину, оставили во мнѣ тяжелое, тягостное впечатлѣніе. Всѣ мы какъ-то притихли. И дѣйствительно, предчувствіе не обмануло меня. Черезъ семнадцать дней, я получила отъ старшаго брата извѣщеніе, что 15-го января Арся скончался.

Прислуга моя Ульяна Андрейгунъ попросила меня какъ-то разъ посмотрѣть на ея жениха, Романа Оводенко, находившагося въ дѣйствующей арміи. Отъ него долго не было извѣстій и она безпокоилась. Зафиксированная въ стаканѣ картина представила комнату госпиталя и Романа Оводенко—лежащаго на одной изъ коеекъ. Возлѣ него находилась сестра милосердія, дѣлающая ему перевязку правой ноги.

Ульяна сама могла разсмотрѣть представившуюся картину и узнала Романа. Черезъ двѣ недѣли она получила письмо отъ него изъ Петрограда. Романъ писалъ ей, что былъ раненъ въ правую ногу и лежитъ сейчасъ въ одномъ изъ Петроградскихъ госпиталей. Послѣ этого случая, который произвелъ на Ульяну сильное впечатлѣніе, изъ ея села, очевидно подъ вліяніемъ ея писемъ, пріѣхалъ ко мнѣ отецъ ея Лука Андрейгунъ, съ убѣдительною просьбой отъ лица одной старушки-матери, получившей извѣстіе о смерти въ бою единственнаго сына.—Проситъ она васъ, барыня, посмотрѣти въ воду: чи живъ ея сынокъ, чи померши.—Да вѣдь ей писали изъ полка, что убить? произнесла я,—Не вѣрять, тряхнулъ Лука головой характернымъ жестомъ. Дни и ночи плачетъ: а може, говорить и живъ мой Грицюкъ.

Такъ какъ Лука пріѣхалъ специально съ этой цѣлью и торопился на поѣздѣ, то я въ тотъ же вечеръ сдѣлала опытъ и увидала Григорія Музиченко, какъ зовутъ сына старушки, въ австрійскихъ казармахъ, въ числѣ другихъ нашихъ плѣнныхъ.

Черезъ два или полтора мѣсяца, Лука опять заявился къ вамъ и сообщилъ что отъ Музиченко на имя матери пришла изъ Австріи открытка въ которой онъ пишетъ ей, что и живъ и здоровъ. Этотъ случай Лука Андрейгунъ и дочь его могутъ удостовѣрить.

Было у меня и еще нѣсколько случаевъ, описаніе которыхъ потребовало бы слишкомъ много времени. Остановлюсь пока только на одномъ изъ ихъ, какъ на случаѣ провѣренномъ и фактически засвидѣтельствованнымъ присланнымъ мнѣ письмомъ, которое я при семъ прилагаю. За два мѣсяца до Рождества Христова ко мнѣ пріѣхала изъ Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда, изъ села Масковецъ, крестьянка, Софья Юровая, мужъ которой, по слухамъ, былъ убитъ на войнѣ. Пріѣхала она ко мнѣ въ сопровожденіи своего отца, который рассказалъ мнѣ, что извѣстіе о смерти зятя онъ получилъ на-дняхъ: „бумага изъ волости пришла“, и что дочь его, у которой четверо малолѣтнихъ дѣтей, очень убивается.

— Чего же вы, собственно, хотите отъ меня? расспрашивала я заплаканную Софью.—Да ужъ такъ, барыня, отвѣчала она: балакають у насъ, что ты все знаешь, можетъ навѣрное что скажешь.—Да вѣдь мужъ то убить? отвѣчаю. Чего же сказать?—А можетъ ошибочка вышла, замѣтилъ старикъ-отецъ: на войнѣ мало-ли хлопцевъ, можетъ и ошиблись часомъ: другого кого за него приняли.—Нѣтъ ужъ ты посмотри, мое золотце, просила Софья.—Ну, хорошо, посмотрю, согласилась я, только заранѣе прошу не особенно довѣрять мнѣ, вѣдь и я могу ошибочку сдѣлать. Картина, которая представилась мнѣ въ водѣ отнюдь не намекала на смерть Григорія Юроваго, какъ зовутъ мужа

крестьянки. Онъ находился въ плѣну, среди австрійскихъ солдатъ. Не отрывая глазъ отъ скакана, я описала примѣты появившагося лица и когда эти примѣты (брюнетъ, худощавый, высокій, сжатый съ боковъ лобъ и т. д.) совпали съ примѣтами Юрового, предложила Софья самой заглянуть въ воду. Сначала она какъ и большинство, ничего не могла разобрать, затѣмъ вдругъ вскрикнула:—Він, він, я его бачу: и радостно улыбнулась. Я предложила посмотреть и отцу ей, но тотъ ничего не увидѣлъ. Обрадованная и успокоенная Софья расцѣловалась со мной на прощаньи и сказала, что непременно напишетъ мнѣ, какъ придетъ ей отъ мужа вѣсточка. Въ этотъ вечеръ она уѣхала обратно. Прошло нѣсколько времени, я уже совсемъ какъ-то начала забывать этотъ случай, какъ вдругъ въ 1-хъ числахъ января, получила письмо изъ Полтавской губерніи. Непонимая отъ кого и въ чемъ дѣло, распечатываю его и читаю:—

„1916 г. января 2-го дня. Письмо отъ Софьи Гордеевны Юровой. Слѣжу я вамъ великою благодарностью за ваши труды, Анна Андреевна, что вы меня порадовали, когда я была у васъ. Какъ я порадовалась, когда я пріѣхала отъ васъ, великою радостью и ждала отъ своего мужа вѣсточки, когда на праздникъ Рождества Христова я получила письмо отъ своего мужа, что онъ находится въ плѣну, въ Австріи, и живъ и здоровъ теперь. Я посылаю вамъ великую благодарность и кланяюсь вамъ до самой сырой земли, и не знаю какую вамъ благодарность за ваши труды, что вы мнѣ не отказали въ моей просьбѣ. Я къ вамъ пріѣду и привезу великую благодарность, что вы меня порадовали въ моей жизни, а еще лучше порадовалась, когда я получила письмо отъ мужа своего. Теперь я благодарю васъ нѣсколько разъ за ваши труды. Когда вы сказали, что онъ живъ и здоровъ, то я все Бога молила, когда онъ теперь есть живъ и здоровъ. Съ тѣмъ до свиданія. Остаюсь жива. Когда получите мое письмо, то дайте мнѣ отвѣтъ, что получили мое письмо, по слѣдующему адресу: г. Переяславъ, Полтавской губерніи, Скопецкая волость, село Масковцы. Софья Гордеевна Юровая“.

Какъ видите, М. Г. и М. Г., эти нѣсколько описанныхъ случаевъ исключаютъ всякую возможность объяснить ихъ самовнушеніемъ и внушеніемъ. Есть тутъ что-то непостижимое и странное, надъ чѣмъ не мѣшало бы серьезно подумать и поработать.

Скорблю душой, что на данную мнѣ природой способность я обратила вниманіе слишкомъ поздно и только случайно, благодаря моему знакомству съ обществомъ спиритуалистовъ. И силы и здоровье мое теперь уже не тѣ, что въ молодости, да и времени для упорнаго, усидчиваго труда быть можетъ уже осталось немного... Кто знаетъ, что выросло бы изъ этой способности при другихъ условіяхъ, при внимательномъ изученіи этого явленія съ самыхъ первыхъ шаговъ его возникновенія.

Можетъ быть мнѣ и удалось бы открыть хоть частицу той завѣсы, что скрываетъ наши взоры отъ потусторонняго міра. Но жизнь прошла среди терній матеріализма, среди скептицизма и невѣрія и только теперь, на склонѣ лѣтъ, я упорно останавливаю свой взоръ на этомъ загадочномъ явленіи, въ надеждѣ, что заинтересуется имъ тотъ, кто самъ мнѣ поможетъ разобраться въ немъ и прольетъ лучъ свѣта на темную стѣну, отдѣляющую наше нынѣшнее временное бытіе отъ грядущаго вѣчнаго.

Можетъ быть среди васъ, М. Г. и М. Г., найдутся люди-молодые, энергичные, которымъ удастся открыть въ себѣ частицу той-же способности:—растите ее, берегите, посвятите ей все силы ума и сердца и подъ знаменемъ науки идите смѣло и бодро впередъ, по дорогѣ къ истинѣ, къ свѣту.

А. Оболенская.

КЪ СМЕРТИ ЛОРДА КИТЧЕНЕРА.

Въ 1894 году лорду Китченеру, тогда еще не носившему этого титула, было предсказано, что въ 1914 г. ему предстоитъ занять высокій и отвѣтственный постъ.

Это предсказаніе было сдѣлано извѣстнымъ хиромантомъ Шейро, который рассказываетъ объ этомъ свиданіи въ журналѣ «Strand». Шейро открылъ лорду Китченеру роковое значеніе въ его жизни чисель 6, 8, 5, и тотъ, точно подъ вліяніемъ таинственной интуиціи, обратилъ вниманіе на число 66, въ которомъ два раза повторяется шестерка, сумма даты его рожденія (24 іюля нов. ст.), и замѣтилъ, что шестьдесятъ шесть лѣтъ ему исполнится въ 1916 году, сумма чисель котораго даетъ восьмерку—„роковое число“—(1916—17—8).

На вопросъ лорда Китченера, нельзя ли узнать, какая смерть ему назначена судьбой, Шейро отвѣтилъ утвердительно и сказалъ, что, сопоставляя знаки небесныхъ свѣтилъ въ годъ его рожденія, кабалистическое толкованіе чисель и положеніе Юпитера въ 1916 г., можно заключить, что смерть послѣдуетъ на водѣ во время бури, причѣмъ имѣется угроза непріятельскаго плѣна и безвозвратной разлуки съ родиной. „Предпочитаю морскую катастрофу“, смѣясь сказала Китченеръ и вспомнилъ, что всегда сознавалъ какую то опасность, грозившую ему отъ воды, что заставило его сдѣлаться хорошимъ пловцомъ.

Прощаясь, Китченеръ въ шутиломъ тонѣ обѣщала дать знать о себѣ въ часъ своей гибели.

„5 іюня (23 мая), ровно въ восемь часовъ (часъ катастрофы),—рассказываетъ Шейро,—я сидѣлъ съ двумя пріятелями въ залѣ своей дачи, когда внезапно раздался сильный трескъ отъ упавшаго предмета—упалъ и разбился пополамъ большой дубовый щитъ съ изображеніемъ великобританскаго герба; щитъ сломался по линіи, соединяющей гербы Англій и Ирландіи. Показывая сломанныя части своимъ пріятелямъ, я сказалъ, что вижу въ этомъ признакъ страшнаго удара, постигшаго Англій, чувствую, что совершилась морская катастрофа, коснувшаяся также и Ирландіи; но какъ далеко былъ я отъ мысли, что въ этотъ часъ на рубкѣ «Hampshire'a» великій ирландецъ Китченеръ смотрѣлъ въ лицо смерти. Вслѣдствіи я спрашивала себя, не былъ ли это знакъ, обѣщанный лордомъ Китченеромъ“.

(„Колоколь“ № 3073).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Продолженіе *).

Подъ предлогомъ нездоровья, которое я чувствовалъ и на самомъ дѣлѣ, я успѣшилъ удалиться домой. Въ эту же ночь, когда слабые лучи утренней зари уменьшили слегка темноту, я проснулся съ невыразимымъ ощущеніемъ нравственной тяжести. Мнѣ казалось, что все доброе и истинное покинуло меня и что я нахожусь въ зараженной тюрьмѣ. Рѣшивъ силой воли прогнать этотъ кошмаръ, я быстро поднялся и отчетливо различилъ между мною и слабо освѣщеннымъ небомъ, которое можно было видѣть черезъ открытую стеклянную дверь, граціозную, прекрасную форму мадамъ Елены Лаваль въ царственной позѣ Медеи.

Одной рукой она держала маленькій локонъ черныхъ

*) См. «Ребусъ» № 14—15, 1916 г.

волосъ, а другой ящикъ. Глубокомъ, нѣжнымъ и даже симпатичнымъ голосомъ она пробормотала: «Не стремись бѣжать меня, я люблю тебя, я всегда любила тебя. Отвѣчай на мою любовь или я уничтожу все то, что ты больше всего любишь». Она открыла ящикъ, и я увидѣлъ, что въ немъ была моя миниатюра на слоновой кости, которую Д. Дудлей взялъ у меня передъ отъѣздомъ изъ Англии. Я думалъ, что она была въ его семьѣ.

Не вполне отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я вскочилъ съ кровати и схватилъ фантомъ за руку, пытаясь въ то же время овладѣть портретомъ. То, до чего я коснулся произвело на меня впечатлѣніе субстанции, похожей на смолистый газъ или на легкій колеблемый воздухомъ муслинъ. Субстанція начала моментально исчезать подъ моими пальцами, форма таяла, уменьшалась и, наконецъ, исчезла. Я видѣлъ только устремленные на меня два черные миндалевидные глаза, выраженіе которыхъ я хотѣлъ бы забыть.

Я часто касался «атмосферическихъ духовъ» включая и мой. Я зналъ сопротивленіе, оказываемое ими и похожее на сопротивленіе тѣла наполненнаго водородомъ, но мнѣ никогда не приходилось видѣть такую массу материализованной жизненной эссенціи. Ужасное привидѣніе исчезло, но съ этого времени въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ оно посѣщало меня день и ночь.

Послѣ исчезновенія моей ночной посѣтительницы я машинально провелъ рукой по волосамъ и замѣтилъ, что отъ нихъ была отрѣзана одна прядь. Какъ? Когда? Какимъ образомъ эта прядь волосъ попала въ руки Духа?

Спустя недѣлю послѣ этого событія я долженъ былъ обѣдать у виконта Р. Когда я вошелъ въ салонъ, тамъ была леди Эмилиа. Она стояла ко мнѣ спиной и смотрѣла въ окно. Зная ея сѣнситивность, я тотчасъ же погрузилъ ее въ сомнамбулическій сонъ. Заставивъ ее сѣсть въ кресло, я началъ ее спрашивать.

— Скажите мнѣ, леди Эмилиа, кому было отданъ мой портретъ, когда я уѣзжалъ изъ Англии?

— Моей племянницѣ, Бланкѣ.

— Для какой цѣли?

— Она хотѣла снять съ него копію, такъ какъ это былъ chef-d'oeuvre искусства.

— Для кого?

— Для себя самой. Она мнѣ сказала о своемъ желаніи имѣть съ него копію и я согласилась попросить эту миниатюру какъ бы для себя.

— Гдѣ теперь эта копія?

Леди Эмилиа начала сильно дрожать, но отвѣтила, хотя и съ трудомъ: «У Елены Лаваль».

— Какъ она попала къ ней?

Елена попросила оригиналъ у Бланки, чтобы скопировать, а та отдала его ей, такъ какъ ни въ чемъ не можетъ ей отказать.

— Какъ же г. Лаваль узнала, что этотъ портретъ у Бланки?

— Эта женщина все знаетъ! Бланка совершенно ей подчинена и Елена можетъ читать тайны ея сердца.

— А также и вашего, леди Эмилиа?

— Не такъ хорошо. Она магнетизировала Бланку, но никогда не дѣйствовала на меня.

— Не можете ли вы употребить вашъ авторитетъ,

чтобы разрушить эту интимность?

— Попытаюсь, но я боюсь Елены. Она можетъ придти въ духѣ, гдѣ и когда ей это угодно.

— Вы видите когда-нибудь ея двойникъ?

— Очень часто, въ тотъ моментъ, когда онъ выходилъ изъ комнаты Бланки.

— И другіе видѣли его?

— Конечно, горничная, виконтъ, и метръ д'отель.

— Почему Бланка захотѣла имѣть мой портретъ?

Я упрекнулъ себя за этотъ вопросъ, и это колебаніе разорвало магнетическій раппортъ съ сомнамбулой. Я увидѣлъ ея нерѣшительность и окончилъ сеансъ. Размагнетизировавъ ея, я представился ей, какъ если бы я только что вошелъ. Леди Эмилиа привскочила и воскликнула: «Людвикъ! Вы? какъ вы меня испугали! До сихъ поръ я еще не могу придти въ себя!»

Обязанности моей службы вынудили меня остаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Калькутты, а интимность, царившая между мною и моими англійскими друзьями позволила мнѣ открыть три вещи. Во-первыхъ, что леди Дудлей была совершенно во власти г-жи Лаваль, во-вторыхъ, что г. Перро былъ влюбленъ въ прекрасную Бланку и хотѣлъ жениться на ней, несмотря на высокое положеніе своихъ соперниковъ. Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что онъ старался очаровать бѣдное созданье разными искусственными средствами, кромѣ личнаго обаянія. И, наконецъ, я былъ увѣренъ, что сестра этого джентльмена направила на меня атаку оккультными средствами и что несмотря на все мое оккультное знаніе, я не могъ успѣшно бороться съ ней и уничтожить ея вліяніе. Ни разу я не ложился спать, не увидѣвъ около себя ея «атмосферическій духъ». Заклинанія, концентрація воли, все было бесполезно. Я не могъ освободиться отъ этого страшнаго привидѣнія. Оно не могло еще касаться меня и магнетизировать, но эта женщина была такимъ могущественнымъ адентомъ, такой смѣлой въ своихъ сношеніяхъ съ наиболее сильными элементами, что отъ ея чаръ я могъ освободиться только въ теченіи дня. Я имѣлъ въ своемъ распоряженіи средства, чтобы покончить совершенно съ этимъ колдовствомъ и направить его обратно на колдунью, но для этого нужно было оставить несчастную Бланку безъ защиты отъ гнусныхъ нападеній этой женщины и ея брата. Въ виду этого я рѣшилъ, для блага этого невиннаго ребенка и ради моей дружбы съ ея отцомъ, молча, тайно и безъ отдыха защищать ее. Къ несчастью, ко дню моего прибытія въ Калькутту, леди Бланка была уже совершенно рабой и, когда я попытался поколебать ея неограниченное довѣріе къ Еленѣ, она удивилась, что я чувствую отвращеніе къ такой очаровательной особѣ и спросила меня, уже не желаю ли я отнять отъ нея единственную подругу?

— Это она сказала вамъ это, Бланка?—спросилъ я.

Елена одна понимаетъ меня. Кому же другому могу я довѣряться?

— Развѣ вы не питаете довѣрія ко мнѣ Бланка?—спросилъ я съ колебаніемъ.

Она стала краснѣе розъ, приколотыхъ къ ея бѣлому платью и отвѣтила: «Еще до вашего пріѣзда Елена предупредила меня, что вы не поймете ее и что вы попытаетесь разсорить насъ. Она узнала это отъ окружающихъ»

ее могущественныхъ духовъ. Она сказала мнѣ еще, что въ скоромъ времени я не смогу рассчитывать на нее. Не наступилъ ли уже этотъ моментъ?

Въ голосѣ этого прекраснаго и молодого созданія чувствовалась глубокая тоска. Она заломила свои маленькія руки, а ея устремленные въ пространство глаза заставляли меня думать о рапеной лани, ищущей послѣдняго убѣжища.

Этотъ молчаливый призывъ нашель путь къ моему сердцу, и я заковалъ бы себя въ цѣпи, которыхъ боялся больше всего, если бы мнѣ не пришла счастливая мысль.

Я вспомнилъ о письмѣ лорда Дудлея. Въ данныхъ обстоятельствахъ я могъ замѣнить ей отца и отправить ее немедленно подъ родительскій кровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РЕБУСЪ“

“ СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: ТЕЛЕПАТИИ, ЯСНОВИДѢНІЯ, ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЯ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЯ, СОМНАМБУЛИЗМА, ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА, ГИПНОТИЗМА и СПИРИТИЗМА;—изслѣдов. въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ—ТЕОСОФІЯ, МАСОНСТВО и проч.

Загадочность человѣческаго существа и безсмертіе человѣческой личности.

Вотъ—главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ. Независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ мѣсто **ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ТАИНЪ И ЗАГАДОКЪ ПРИРОДЫ, НАУКИ И ЖИЗНИ.**

ПОМѢЩАЮТСЯ ОТЗЫВЫ о новыхъ и старыхъ книгахъ, РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ на запросы и письма подписчиковъ. ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ будутъ помѣщаться новѣсти, разсказы и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

Выходить—въ невоенное время не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ; въ военное же время выпусковъ можетъ быть и меньше. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣдствіяхъ существованія“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Бутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Ансакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дасье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Маквелла—„Феномены Психизма“; проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шолленгауера—„О духовидѣніи“; д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; и „Магія, какъ естествознаніе“; М. Сабуровой—„Смерть—только метаморфоза“; проф. Шарко—„О самнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Охоревича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; Руксель—„Спиритизмъ и оккультизмъ“; А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суевѣрій“, „Кантъ, какъ спиритуалистъ“; Радіи и ясновидѣніе“, „Ученіе мыслей“, „Маги—quadrivium“, „Тайныя Общества и Фрэнк-Масонство“; д-ра Принса—„Множественность человѣческой личности“; Ст. Мозеса—„Ученіе духовъ социальное, религіозное и этическое“; А. Болтина—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; Губалке—„Метампсихозъ (переволоченіе)“; проф. В. Джемса—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; проф. О. Лоджа—„О триговныхъ сообщеніяхъ“; д-ра Бишопа—„Ученіе Каббалы“; Рейхенбаха—„Одо-Магнетическія письма“ и др.; затѣмъ СООБЩЕНІЯ О РАБОТАХЪ: РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ МОСКВѢ, ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи на годъ 6 руб., на полгода 5 руб. За границу: на годъ 8 р. Пробный номеръ 25 коп. (Можно высылать почтовыми марками). Въ виду военнаго времени редакция оставляетъ за собою право сократить число выпускаемыхъ номеровъ или же повысить цѣну на журналъ.

ПОДПИСКУ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ Москва, редактору-издателю журнала „Ребусъ“ П. А. Чистякову— Б. Дорогомиловская ул., (у Бородинскаго моста) д. № 3, (телеф. 2-28-93).
ПРОСЯТЪ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: Подписка принимается также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ЖУРНАЛЪ

ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И СПИРИТУАЛИЗМА

„РЕБУСЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣсяцевъ . 6 р. — к.
» 6 » . 3 » 50 »

За границу на годъ 8 руб.

Пробн. номеръ 25 коп.

За перемѣну адреса уплачивается
деньгами или марками 40 коп.

ТЕЛЕПАТІЯ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЕ, СОМНАМБУЛИЗМЪ, ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМЪ, ГИПНОТИЗМЪ и СПИРИТИЗМЪ; ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ; ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ, МАСОНСТВО и пр.

Подписку и корреспонденцію
просятъ адресовать:

П. А. ЧИСТЯКОВУ

редактору - издателю журнала
„Ребусъ“.

Москва, Бол. Дорогомиловская
ул., у Бородинскаго моста
домъ № 3.

№ 1693.

31-го Декабря 1916 года.

№ 19—20.

Содержаніе: 1) Міросозерцаніе князя С. Н. Трубецкаго (Оконч.) Проф. Л. М. Лопатина — 2) Спиритизмъ—путь къ Евангелію по Ф. Мейеру. — 3) По пути. — 4) «Въ двухъ плавахъ» — (романъ оккультиста). (Оконч.) — 5) Объявленія.

Проф. Л. М. Лопатинъ.

ЗНАЧЕНІЕ ФИЛОСОФСКИХЪ ИДЕЙ КНЯЗЯ С. Н. ТРУБЕЦКОГО
ВЪ НАШИ ДНИ.

МИРОСОЗЕРЦАНІЕ КНЯЗЯ С. Н. ТРУБЕЦКОГО *).

(Окончаніе).

Выдвигается огромный вопросъ о радикальномъ пересмотрѣ господствующаго міросозерцанія въ его глубочайшихъ основахъ и въ его жизненныхъ послѣдствіяхъ. Въ такомъ пересмотрѣ настоятельная необходимость, и она вызывается не одними теоретическими потребностями—въ немъ прежде всего гнетущая и неотложная нравственная нужда. Современное сознаніе растеряло духовныя цѣнности—отъ нихъ остались только пустыя и обманчивыя призраки—и оно готово задохнуться въ безумномъ чадѣ челоуѣконенавистничества и безпощаднаго самоутвержденія. Съ этимъ жить нельзя, и все-таки жить надо! Когда кругомъ непроглядною ночью сгустился мракъ, нужно отыскивать проблески свѣта; когда обмануль старый путь, нужно искать новаго!

IV.

Надо искать новыхъ путей. Когда мы чего нибудь ищемъ, мы невольно обращаемся къ близкому намъ и знакомому и о немъ спрашиваемъ, не можетъ ли оно помочь намъ и поддержать въ нашихъ исканіяхъ. Миѣ кажется, въ переживаемомъ нами положеніи мы должны поступить такимъ же образомъ. Уже давно въ Россіи возникло самостоятельное философское направленіе, которое серьезно работало надъ вопросами, получившими теперь такую большую остроту. Его представители съ самаго начала стремились къ серьезному пересмотру рѣшеній философской проблемы въ новой европейской философіи и къ уясненію неполноты, односторонности и принципиальной ложности этихъ рѣшеній; своей поло-

жительной задачей они ставили оправданіе духовнаго пониманія міра. Имъ казалось, что лишь въ этомъ пониманіи примиряются и устраняются кричащія логическія противорѣчія, которыя сами собой возникаютъ при натуралистическомъ и отвлеченно рационалистическомъ толкованіи жизни; и они были увѣрены, что оно одно можетъ дать дѣйствительное удовлетвореніе не только теоретическимъ требованіямъ ума, но и самымъ высокимъ запросамъ нравственнаго и религіознаго сознанія. Имя Владимира Соловьева знаменуетъ тотъ моментъ въ развитіи этой русской философской школы, когда ея взгляды облеклись въ разработанную форму широкой и законченной системы. И вотъ рядомъ съ Соловьевымъ стоитъ его близкій другъ князь С. Н. Трубецкой.

Было бы мало сказать, что князь С. Н. Трубецкой былъ послѣдователемъ и ученикомъ Соловьева; это былъ совершенно самостоятельный и глубокий умъ съ своими особыми приемами изслѣдованія и съ очень строгими научными требованіями отъ философскихъ изысканій. Я бы рѣшился сказать, что онъ обладалъ извѣстнымъ преимуществомъ предъ Соловьевымъ во внутренней выдержкѣ и болѣе объективномъ складѣ своего мышленія: онъ менѣе поддавался субъективнымъ взглядамъ, личнымъ настроеніямъ и временнымъ увлеченіямъ. Онъ ставитъ для себя ту же общую задачу, какъ и Соловьевъ, но идетъ къ ея разрѣшенію по своему. Въ своихъ немногихъ статьяхъ съ принципиальнымъ философскимъ содержаніемъ онъ набрасываетъ смѣлыя черты своеобразнаго и систематическаго построенія. Онъ сосредоточивается на гносеологическихъ вопросахъ о природѣ и задачахъ познанія, но не для того, чтобы превратить всю философію въ одну гносеологию, а чтобы, наоборотъ, сдѣлать изъ гносеологии прочный фундаментъ для онтологическихъ выводовъ. Помощью тонкаго діалектическаго анализа, онъ вскрываетъ неискоренимыя недостатки эмпиризма и рационализма въ ихъ отвлеченной исключительности, но въ то же время показываетъ, въ чемъ заключается относительная правда этихъ двухъ

*) Читано въ торжественномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества въ память кн. С. Н. Трубецкаго, 13 декабря 1915 года.

точекъ зрѣнія и старается ихъ примирить въ широкомъ и содержательномъ синтезѣ. Въ результатъ онъ приходитъ къ такому взгляду на природу разума и на сущность бытія, который представляетъ рѣзкую противоположность общераспространеннымъ философскимъ догматамъ. Ходъ мысли у князя С. Н. Трубецкого, при всей своей тонкости и сложности, ясенъ, чрезвычайно логиченъ, полонъ искренняго убѣжденія и душевнаго подъема и обаятельно оригиналенъ.

Чему же училъ князь С. Н. Трубецкой? Поневоля я могу напомнить его воззрѣнія только въ самыхъ общихъ и основныхъ чертахъ. Вотъ совсѣмъ краткая и очень упрощенная схема его философскихъ выводовъ *).

Нельзя свести всю дѣйствительность и нашего собственного духа, и окружающаго насъ міра только къ непонятной игрѣ нашихъ субъективныхъ состояній, — чистыхъ явленій, въ которыхъ ничто и ничему не является, — какъ этого хотятъ послѣдовательные сторонники эмпиризма. Но нельзя все обратить и въ чистую мысль, никому не принадлежащую и ни къ чему не относящуюся, какъ это дѣлаютъ абсолютные рационалисты въ родѣ Гегеля. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы получаемъ нѣчто фантастически противорѣчивое и не только не объяснимъ реальности, но уничтожимъ самую возможность ее понять. Поэтому нужно разъ навсегда бросить предположеніе, будто наше сознание погружено и замкнуто въ себя, переживаетъ только свои субъективныя измѣненія и не соприкасается ни съ чѣмъ постороннимъ. Каждое наше чувственное воспріятіе и каждая наша мысль выражаетъ отношеніе даннаго въ насъ субъекта къ данному намъ объекту. Этотъ фактъ надо принять во всей его несомнѣнной дѣйствительности и отъ него отправляться а не перетолковывать его въ его собственное отрицаніе. Но вѣдь этотъ фактъ, понятый во всемъ его значеніи, ведетъ къ полной переоцѣнкѣ природы познавательныхъ процессовъ: онъ означаетъ, что въ каждомъ актѣ нашего сознания мы *метафизически*, т.-е. не кажуцимся, а вполнѣ реальнымъ образомъ, выходимъ изъ себя и вступаемъ въ *дѣйствительное* отношеніе къ тому, что уже не мы и что отъ насъ независимо. Такое непосредственное воспріятіе реальности, независимой отъ нашего сознания, князь Трубецкой называетъ *вѣрою*: поэтому понятно, что для него вѣра обуславливаетъ и нашу мысль и наше чувственное воспріятіе; она есть коренное условіе всего нашего опыта, т.-е. и внутренняго и внѣшняго міра, какъ они нами сознаются.

Но какъ возможна вѣра въ этомъ смыслѣ? Что надо допустить, чтобы понятіе о ней не содержало внутренняго противорѣчія? Вѣра, какъ реальное воспріятіе сущаго, мыслима лишь въ томъ случаѣ, если сущее есть нѣчто сродное нашей внутренней реальности, т.-е. нашему духовному существу.

Только духовное можетъ быть воспріяно и понято духомъ. А это значитъ, что основное условіе самой

*) Болѣе подробное изложеніе философскихъ воззрѣній князя С. Н. Трубецкого можно найти въ моей статьѣ: «Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозерцаніе». («Философія характеристика и рѣчи», стр. 157—236).

возможности познанія и опыта заключается во внутренней духовности міра: внутренняя духовность существующаго есть непремѣнное условіе и всякаго познанія и всякаго бытія. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, яснымъ тому показателемъ является несомнѣнная и въ то же время весьма загадочная особенность всего реальнаго: съ одной стороны, всякій объектъ, по всѣмъ своимъ опредѣленіямъ и свойствамъ, соотносительнъ познающему субъекту, весь міръ насквозь переплетенъ и охваченъ логическими отношеніями и познавательными формами, каковы пространство, время, причинность; а съ другой стороны, нашъ ограниченный человѣческій субъектъ самымъ безспорнымъ образомъ зависитъ отъ окружающаго міра и по своему пространственному положенію, и по тѣмъ причиннымъ воздѣйствіямъ, которыя онъ получаетъ извнѣ. Съ одной стороны, какъ показалъ Кантъ, пространство, время, причинность неизбѣжно даны въ какомъ-нибудь сознаніи и даже имъ только и полагаются: что бы, на примѣръ, могли обозначать эти формы для абсолютно безсознательнаго и бездушнаго матеріальнаго атома, котораго никто не сознаетъ и не воспринимаетъ? Вѣдь для такого атома нѣтъ никакого *прежде и послѣ*, нѣтъ ничего внѣшняго и ничего внутренняго, нѣтъ ни тождества съ собою, ни различія отъ другого, нѣтъ ни единства, ни множества: онъ для себя *совсѣмъ не существуетъ* и можетъ существовать лишь для сознающаго субъекта, который видитъ и понимаетъ, что онъ такое. А съ другой стороны, мы съ очевидностью знаемъ, что не мы, какъ ограниченныя человѣческія индивидуальности, создали атомы и не отъ насъ зависятъ ихъ расположеніе. Какъ разрѣшить эту антиномію?

По мысли князя С. Н. Трубецкого, она разрѣшается въ признаніи *всемірнаго субъекта* всякой чувственной реальности. „Когда мы мыслимъ весь необъятный міръ въ безконечной совокупности его функцій и отношеній“, — говоритъ князь Трубецкой, — „мы тѣмъ самымъ необходимо предполагаемъ *субъектъ* этого міроваго объекта, какъ его трансцендентальное метафизическое условіе“. Такой универсальный субъектъ или міръ въ его психической основѣ опредѣляется у князя Трубецкого, по примѣру Платона, какъ міровая душа. Въ логической неизбѣжности признать для міра внутреннюю субъективную сторону, которая составляетъ неустранимую основу всего внѣшняго въ немъ, князь Трубецкой видитъ рѣшающій судъ надъ матеріалистическимъ ученіемъ съ его реалистическими догматами. Онъ говоритъ: „Въ наши дни, послѣ вѣковаго развитія критической философіи, матеріализмъ представляется столь же отжившей теоріей, какъ, на примѣръ, геоцентрическая теорія“.

Но міровая душа еще не есть абсолютное начало дѣйствительности: по самому своему понятію, она уже предполагаетъ наличность чувственнаго міра, связаннаго и собраннаго въ ней въ единое космическое существо. Абсолютное начало, напротивъ, есть одинаково основа и всего чувственнаго и всего сверхчувственнаго, оно самобытный источникъ всего даннаго, и поэтому оно возвышается надъ всѣмъ; въ себя оно сверхвременно, сверхпространственно и абсолютно свободно. Оно только тогда отвѣчаетъ понятію о немъ, когда мы въ самомъ

дѣлѣ покажемъ, что оно есть истинное универсальное основаніе *всего* сущаго, *всей* дѣйствительности во всемъ ея объемѣ. Тогда мы *докажемъ* его изъ него самого, т.-е. сдѣлаемъ яснымъ, что понятіе о немъ не произвольная отвлеченность, а имѣетъ вполне реальный и жизненный смыслъ. Что же нужно предположить, чтобы наше пониманіе абсолютнаго стало конкретнымъ? Требуется найти такое его опредѣленіе, которое могло бы обосновывать дѣйствительность, т.-е. міръ существъ и вещей, въ ихъ реальномъ различіи отъ абсолютнаго. А тогда мы уже не можемъ мыслить его, какъ что-го, погруженное въ себя и отъ всего замкнутое: абсолютное обосновываетъ міръ, какъ отличный отъ него, стало быть, какъ свое *другое*,—слѣдовательно, оно существуетъ не только въ себѣ и для себя, но и для всего другого. Лишь черезъ это абсолютное становится дѣйствительнымъ, живымъ субъектомъ,—вѣдь безъ отношенія субъекта къ опредѣленному объекту нѣтъ ни воли, ни мысли, ни чувства, ни сознанія. Поэтому только въ своемъ *альтруизмѣ*, т. е. какъ бытіе *для всего другого*, абсолютное есть универсальное и актуальное абсолютное, обнимающее въ себѣ полноту бытія. Говоря болѣе простымъ языкомъ, Богъ только въ своей любви открывается, какъ истинный Богъ. Онъ есть конкретный, себя объективирующий и опредѣляющій духъ, посящій въ самомъ себѣ абсолютное начало своего самоопредѣленія и своего творчества: это означаетъ, что Онъ есть безконечный личный духъ. Въ абсолютномъ началѣ, такъ понятомъ, съ неизбѣжностью объединяются воля и разумъ. Абсолютное, какъ реальный и конкретный самоутверждающійся субъектъ, раскрывающій себя въ своемъ творествѣ, по необходимости есть субъектъ *волящій*. Съ другой стороны, оно идеально содержитъ въ себѣ всѣ мыслимыя отношенія дѣйствительности и въ самомъ себѣ имѣетъ начало своего Логоса, т.-е. смысла своего бытія. Иначе сказать, абсолютное есть начало и объектъ мысли и для себя и для всего другого: только черезъ Божественный Логосъ міръ логиченъ и подчиняется логическимъ отношеніямъ во всемъ ходѣ и строѣ своей жизни; и только отражая въ себѣ вѣчное содержаніе Логоса, наша человѣческая мысль составляетъ и улавливаетъ логическое въ вещахъ. Всѣмъ этимъ окончателно устанавливается конкретное понятіе объ абсолютномъ началѣ вещей: абсолютный духъ есть живой, личный творческій разумъ.

Теоретическимъ содержаніемъ философіи князя С. Н. Трубецкого опредѣляется его взглядъ и на нравственное назначеніе человѣка. Богъ есть Любовь, и міръ есть созданіе любви,—поэтому въ осуществленіи любви весь смыслъ человѣческой жизни и человѣческой дѣятельности. Въ евангельскихъ требованіяхъ: любить ближняго, какъ самого себя, и превыше всего любить вѣчный конкретный идеалъ добра и правды, заключается всѣмъ строемъ міра установленная норма человѣческой жизни, а слѣдовательно, въ нихъ коренится и абсолютный нравственный долгъ, который раскрывается во внутреннемъ судѣ человѣческой совѣсти. Нравственный законъ есть законъ всеобщей солидарности всѣхъ разумныхъ существъ. Въ такихъ существахъ цѣль творенія и предметъ любви Божіей, стало быть, и другъ въ другѣ они должны видѣть *цѣли въ себѣ*. Этимъ верховнымъ идеаломъ должны руководиться

люди и при выполненіи своихъ общественныхъ обязанностей: человѣкъ не только продуктъ общества, отражающій его стремленія и повинующійся общественной волѣ: человѣческая личность имѣетъ безусловное достоинство помимо того общества, которое оно представляетъ; личность можетъ и должна вносить въ свое общество нѣчто безусловное,—свою свободу и творческую реализацию своего высшаго назначенія въ мірѣ. Помимо временныхъ и мѣстныхъ идеаловъ, человѣкъ долженъ вѣдрить въ свое сознаніе высшій вселенскій идеалъ, безъ этого не можетъ быть нормальнаго общественнаго развитія. Во внушеніяхъ всечеловѣческой любви, въ сознаніи безконечныхъ духовныхъ возможностей, заключенныхъ въ духѣ каждаго человѣка, въ проникновенномъ пониманіи божественной цѣнности человѣческой личности лежитъ источникъ нравственной вѣры въ безсмертіе: кто увидѣлъ «образъ Божій» въ человѣческой личности,—тотъ не вѣритъ и не можетъ вѣрить ея уничтоженію.

Изъ общаго воззрѣнія на міръ и человѣка вытекаетъ взглядъ князя С. Н. Трубецкого на смыслъ исторіи: это былъ горячій и убѣжденный противникъ того пониманія историческаго процесса, которое получило ясное выраженіе еще у Гегеля и по которому поступательное развитіе человечества состоитъ въ поглощеніи и пожираніи однихъ народовъ другими. «Разумная цѣль человечества», говоритъ князь Трубецкой, «не можетъ заключаться въ безконечномъ порожденіи борющихся враждующихъ государствъ, чудовищныхъ левіаановъ, соперничающихъ въ величинѣ и разрушительной силѣ и пожирающихъ другъ друга. Великое существо будущаго или божественное общество, должно обнять все человечество и осуществить царство разума, мира и свободы... Въ какомъ образѣ явится Великое Существо грядущаго человечества? Въ образѣ одухотвореннаго Человѣка, «Сына человѣческаго», который будетъ «пасти народы», или въ образѣ многоголоваго «звѣря», новаго всемірнаго дракона, который растопчетъ народы, поглотитъ ихъ и поработитъ себѣ все?... Что дастъ человѣку такой левіаанъ, кромѣ увѣковѣченія его гнета и рабства? Его сила не упразднитъ внутренней розни, не создастъ братства людей; его мудрость, его просвѣщеніе и знаніе, чудеса его искусства и техники не преобразятъ человѣка, не побѣдятъ звѣря въ человѣкѣ..., не искупятъ страданій и жертвъ исторіи, гибели прошлыхъ поколѣній. Но съ другой стороны, можетъ ли человечество надѣяться на нѣчто большее и лучшее? Побѣдитъ ли оно когда-нибудь въ себѣ звѣря, преодолѣетъ ли оно левіаана, чтобы осуществить иной высшій и свободный союзъ? Осуществимъ ли идеалъ Церкви Христовой, идеалъ царства Божія на землѣ..., идеалъ одухотвореннаго, преображеннаго человечества, въ которомъ воплощается Божество истины и любви? Такой идеалъ, безспорно достоинъ желанія и для человѣка и для человечества, заключаая въ себѣ искупленіе отъ всѣхъ золъ. Но соответствуетъ ли онъ нашей природѣ, достижимъ ли онъ, составляетъ ли онъ возможную и дѣйствительную цѣль, общую, конечную цѣль человечества,—это зависитъ отъ того, истинно ли христіанство, и есть ли Христосъ дѣйствительное откровеніе живого смысла міра—его Логосъ или Слово. Ибо для осуществленія такого идеала недостаточно еще ограниченнаго господства разума и добра въ человѣкѣ,—нужно, чтобы

разумъ и добро господствовали во вселенной» *). Думалъ ли князь С. Н. Трубецкой, когда писалъ эти вдохновенныя строки, что всего черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ ихъ напечатанія, поставленные имъ вопросы превратятся въ самые насущные, неотвязные и гнетущіе вопросы для всего современнаго человѣчества?

Князь С. Н. Трубецкой былъ во всемъ цѣльной и законченной натурой; у него не было раздвоенія въ мысли, какъ его не было въ жизни. И теперь, среди бушующей извнѣ кровавой бури и среди внутренней смуты умовъ, когда поднялось столько мучительныхъ вопросовъ о самыхъ коренныхъ загадкахъ бытія, многимъ, очень многимъ стоило бы прислушаться къ спокойному, трезвому и глубоко убѣжденному слову почившаго философа, память котораго мы чествуемъ сегодня.

Л. Лопатинъ.

СПИРИТИЗМЪ—ПУТЬ КЪ ЕВАНГЕЛІЮ.

По Ф. Мейерсу.

Мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ о посмертномъ трудѣ Фредерикса Мейерса «отрывки прозы и поэзіи», изданномъ его вдовою.

Нашимъ читателямъ конечно памятно имя этого ученаго, проторившемъ новые пути въ области психизма и спиритизма, тѣ пути, по которымъ велѣдъ за нимъ и двинулся другой всемирно-извѣстный ученый, другъ его—психологъ проф. В. Джемсъ. Фредериксъ Мейерсъ занималъ одно время постъ предсѣдателя Лонд. Общ-ва для Псих. Изслѣд. Изъ многочисленныхъ трудовъ по психизму въ Россіи, очень извѣстна книга «Прижизненные призраки». Въ собираніи фактическаго матеріала для этой книги Ф. Мейерсу помогали Гурней и Подморъ. На русск. яз. книга вышла съ предисловіемъ нашего знаменитаго философа В. Соловьева. Затѣмъ наши читатели вѣроятно знакомы по рефератамъ и многочисленнымъ цитатамъ, которые были своевременно помѣщаемы въ журналѣ «Ребусъ», съ другимъ поистинѣ волосальнымъ трудомъ Ф. Мейерса, носящемъ заглавіе: „Посмертное Человѣчество“.

Въ посмертномъ трудѣ «Отрывки прозы и поэзіи» обращаетъ на себя особенное вниманіе глава «Конечная Вѣра», ярко обрисовывающая жизненный путь высокой души, поднимающейся къ духу и къ истинѣ.

Ф. Мейерсъ былъ отмѣченъ свыше рѣдкимъ сочетаніемъ духовной интуиціи и способностью излагать свои интуиціи въ строго раціональной философской и научной формѣ—сочетаніемъ рѣдкимъ и дающимъ въ удѣлъ немногимъ избранныкамъ, жизнь Ф. Мейерса была сплошнымъ свѣтлымъ и смѣлымъ порывомъ къ великимъ вопросамъ духа, которые въ концѣ своей жизни, онъ счастливо разрѣшилъ для себя, но не успѣлъ еще сообщить своихъ окончательныхъ выводовъ своимъ современникамъ.

Въ упомянутой главѣ «Конечная Вѣра», Ф. Мейерсъ пишетъ:—«Исторія моей жизни есть исторія души, пробивающейся къ сознанію своего собственнаго существованія, отринувшей все и все соединившей въ одномъ вопросе: переживаетъ ли жизнь и любовь, смерть тѣла? И отвѣтъ я получилъ, наконецъ, утвердительный».

Далѣе онъ разбираетъ степень достовѣрности отвѣта и степень увѣренности въ полученномъ отвѣтѣ; это разслѣдованіе его блещетъ присущими ему талантливостью и глубиной сужденій. Приходитъ онъ къ слѣдующему выводу: «въ отвѣтъ я получилъ ученіе Христа, научно обоснованное и подтвержденное всѣми ресурсами доступными человѣческому разуму».

«Передо мной, пишетъ онъ, возсіяло Откровеніе Христа, этого Высочайшаго пионера всяческой Истины, и всяческаго разума, научающаго насъ познавать вещи и дѣла невидимыя».

Но при этомъ Мейерсъ признаетъ необходимымъ для людей идти впередъ, «къ новымъ подтвержденіямъ и открытіямъ». Ученіе Спасителя онъ называетъ „открытой тайной“ и призываетъ все человѣчество приложить общій трудъ къ разбору и изученію этой тайны, призывая при этомъ, что изученіе и научное ея обоснованіе должно быть сдѣлано.

П О П У Т И.

Въ № 14—15 «Ребуса» перепечатана изъ «Бирж. Вѣд.» замѣтка, передающая «странный и, пожалуй загадочный фактъ»—прилетъ на могилу, во время погребенія стараго наслѣдника Максима Безбородаго (въ селѣ Безугловѣ, город-пьянскаго уѣзда) роя пчелъ и отлетъ его, когда сталъ расходиться народъ. Замѣтка поясняетъ, что этотъ случай произвелъ на окружающихъ большое впечатлѣніе.

Это сообщеніе даетъ мнѣ поводъ передать въ «Ребусѣ» слѣдующее.

Въ 1893 г., живя въ татарской деревнѣ Бусанъ въ евангелійскомъ уѣздѣ, я слышалъ рассказъ отъ жившихъ тамъ людей о томъ, что былъ нѣкій старикъ, который каждую зиму, во время снѣжныхъ заносовъ и холодовъ, выходилъ въ поле и разбрасывалъ хлѣбныя зерна птицамъ. Птицы слетались и клевали зерна. Когда старикъ умеръ, то, во время похоронъ его, птицы слетѣлись стай и летѣли за его гробомъ, приемъ нѣкоторыя изъ нихъ снижались къ самому гробу и касались крыльями его крыши...

Совпаденіе въ обоихъ случаяхъ разительное.

Чѣмъ объяснить его—трудно сказать... Для насъ лишь вполне ясна полная осмысленность дѣйствій такихъ «малосмысленныхъ», на нашъ взглядъ, существъ, какъ пчелы и птицы...

Д. Колоніецевъ.

Въ журналѣ «Weekly Dispatch» напечатана была статья профес. сэра Оливера Лоджа подъ заглавіемъ «Обѣтованіе Надежды Осиротѣлымъ:» въ ней онъ опредѣляетъ смерть, какъ «естественный процессъ, черезъ который проходитъ все живущее; станція на пути существованія».

Несомнѣнно, крупная станція—говоритъ профес.—станція, гдѣ происходитъ нѣсколько больше, чѣмъ пересадка; смерть скорѣе похожа на портъ, откуда отплываютъ корабли. И въ этомъ смыслѣ смерть только можетъ быть приравнена къ концу, концу извѣстнаго *способа* путешествія. Смерть великое происшествіе, но ни въ какомъ случаѣ не конецъ существованія».

*) Собраніе сочиненій, кн. С. Н. Трубецкого. Т. IV, стр 7—8.

Отвѣчая на вопросы, какимъ образомъ сэръ Оливеръ Лоджъ столь положительно знаетъ, что смерть есть лишь переходъ, а не конецъ, онъ сказалъ:

— «Вся индивидуальность остается послѣ смерти безъ измѣненія: память, характеръ, привязанности остаются все тѣ же», и пришелъ профессоръ къ этому знанію не путемъ религіи, или вѣры, а просто путемъ накопленія фактовъ. Черезъ пропасть два міра раздѣляющую, черезъ завѣсу, которая перестала быть непроницаемой (да и никогда такой и не была), получено великое множество сообщений для каждаго, кто посвятитъ усердному изученію этихъ фактовъ нѣсколько лѣтъ, сомнѣній быть уже не можетъ; сомнѣнія станутъ логически невозможными, по мнѣнію проф. Лоджа. Далѣе онъ продолжаетъ такъ:

— «Нѣтъ никакой возможности дать хотя бы приблизительную идею всей доказательности этого значенія въ одной статьѣ: объ ней необходимо написать по крайней мѣрѣ книгу и эту книгу я напишу — уже пишу ее».

Изрѣченіе Кей Робинзона: «Людей, требующихъ себѣ помощи и не могущихъ оказать таковой другимъ, мы называемъ дурными людьми; тѣхъ, кто могъ бы много дать ближнему, но даетъ мало, мы называемъ добрыми, а тѣхъ, кто по примѣру Спасителя все отдаетъ людямъ, мы называемъ глупыми».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. ВЪ ДВУХЪ ПЛАНАХЪ.

(Романъ оккультиста).

(Окончаніе *).

ГЛАВА XIX.

Черная магія.

Съ большимъ колебаніемъ рѣшился я предупредить виконта о нашемъ желаніи вернуться въ Англію.

Какъ оправданіе этому я имѣлъ лишь письмо лорда Дудлей. Виконтъ холодно выслушалъ меня и отвѣтилъ, что прежде чѣмъ что-либо рѣшать ему, необходимо поговорить со своей женой и племянницей, и прибавилъ, что такъ какъ я счелъ своимъ долгомъ сообщить ему этотъ проектъ, то онъ въ свою очередь, считаетъ моментъ благоприятнымъ для того, чтобы сказать мнѣ нѣчто касающееся меня лично. Затѣмъ, пользуясь официальной фразеологіей, онъ покровительственнымъ тономъ предложилъ мнѣ формально руку Бланки. Онъ видѣлъ, что я не искалъ этого союза; но онъ не могъ предположить, чтобы мнѣ былъ противенъ этотъ бракъ, котораго добивались столько знатныхъ лицъ. Очевидно, что бракъ молодой дѣвушки встречалъ могущественное препятствіе, такъ какъ она безъ колебанія отказывалась отъ всѣхъ блестящихъ партій. Онъ умолялъ меня не истолковывать въ дурную сторону его измѣреній, если онъ скажетъ, что я былъ главнымъ препятствіемъ въ этомъ вопросѣ; однимъ словомъ, что Бланка Дудлей ради меня отвергла столько блестящихъ предложеній.

Я не поблагодарилъ лорда Р. за это дѣйствительно лестное предложеніе и откровенно объяснилъ ему мотивы, по

которымъ я могу смотрѣть на леди Бланку только какъ на свою дорогую сестру. Я сказалъ ему, что совершенно поглощенный одной идеей, отдавшись занятіямъ совершенно чуждымъ браку, я чувствую себя неспособнымъ составить счастье Бланки, и вслѣдствіе такого положенія вещей прошу его позволенія отправить ее на родину. Плохо скрывая свой гнѣвъ и униженіе, лордъ Р. попросилъ меня прежде чѣмъ я уйду, потерять одну минуту моего драгоценнаго времени и поблагодарить поздороваться съ дамами. Я молча послѣдовалъ за нимъ въ будуаръ леди Эмили, гдѣ мы нашли лежащую на диванѣ больную Бланку. Я пробормоталъ одинъ изъ тѣхъ банальныхъ совѣтовъ, которые даются въ подобныхъ случаяхъ и уже готовился раскланяться, когда молодая дѣвушка внезапно поднялась, отбросила назадъ свои золотистыя волосы и воскликнула. «Елена меня исцѣлитъ, она зоветъ меня, я чувствую уже ея благотѣльное вліяніе». Одинъ моментъ она оставалась неподвижной, очевидно магнетизируемая какою-то невидимой силой, въ положеніи пифіи, ожидающей вдохновенія. Затѣмъ ея сомнамбулическое состояніе усилилось и ея прекрасная фигура преобразилась. Мы всѣ смотрѣли на нее съ восхищеніемъ. Она начала пѣть и эта музыкальная импровизація была обращена ко мнѣ; она выражала безнадежную любовь и казалось предупреждала меня о грядущемъ несчастіи. Вскорѣ я могъ различить «атмосферическій духъ» Елены Лаваль, стоявшій около сомнамбулы и вдохновлявшій ее.

Виконтъ, въ достаточной степени артистъ для того, чтобы оцѣнить эту чудесную гармонию, объявилъ, что такъ какъ его племянница была подвержена подобнымъ приступамъ музыкальнаго пророчества, то ей лучше всего быть подъ родительскимъ кровомъ и какъ можно скорѣе.

Когда Бланка пришла въ себя, я нѣжно спросилъ ее, часто ли ее магнетизируетъ г-жа Лаваль.

«О, да, — отвѣтила она, — она очень часто исцѣляетъ меня отъ мигрени — и можетъ призвать меня къ себѣ на любомъ разстояніи. Мы производили этотъ опытъ, и я увѣрена, что она можетъ заставить меня придти къ себѣ съ другого конца свѣта».

Я посмотрѣлъ на виконта и поднялся, чтобы попрощаться. Онъ послѣдовалъ за мной дружески, сжимая мою руку и сказалъ:

«Шевалье, вы правы. Мѣсто этого бѣднаго ребенка подъ родительской кровлей, я напрасно допустилъ эти опасныя месмерическіе опыты; а такъ какъ здѣсь это не кончится, то пусть она уѣзжаетъ безъ промедленія».

— «Да, — отвѣтилъ я, — очень жаль, что такая чистая и впечатлительная дѣвушка, какъ Бланка, подчинилась гибельному вліянію г-жи Лаваль».

Виконтъ покраснѣлъ и я убѣдилась, слыша, какъ онъ пытается защищать эту фатальную женщину, что и онъ не могъ воспротивиться чарамъ «волшебницы». Между нами было условлено, что Бланка уѣдетъ въ Англію черезъ 10 дней, а на это время леди Эмилиа увезетъ ее на дачу находящуюся за семь верстъ отъ Калькутты. Я общалъ часто посѣщать ее и приготовить все къ ея путешествію съ комфортомъ.

Успокоенный насчетъ Бланки, я могъ подумать о своемъ другѣ Гратамѣ, котораго я общалъ сводить въ эту ночь къ одной женщинѣ изъ племени Воду, могущую, какъ онъ

*) См. «Ребусъ» № 14, 15 и др. 1916 г.

думалъ, помочь ему въ реализаціи его теперь почти безнадежнаго желанія. Тщетно я пытался разубѣдить его въ этомъ. Грагамъ не желалъ или не могъ видѣть характера той, которую онъ безумно любилъ. Чары, которыя она благодаря своему магическому могуществу направила на него и на всѣхъ тѣхъ, кого хотѣла очаровать, заставили моего друга думать, что еще немного энергіи и вссы склонятся на его сторону. Онъ много слышалъ объ одной женщинѣ, по имени Аника, соединившей много извѣстныхъ ему паръ.

Въ услуженіи у меня былъ факиръ, Назиръ Саибъ, искусство котораго производить оккультные феномены въ экстазѣ было поистинѣ чудесно. Его учителями были извѣстные вертящіеся дервиши Египта. Этотъ факиръ былъ малаецъ, а колдунья Аника его сестра. Я никогда не видѣлъ ее и совершенно не желалъ этого знакомства; но Назиръ Саибъ очень привязанный ко мнѣ много рассказывалъ о способностяхъ своей сестры, изъ которыхъ мой другъ могъ извлечь нѣкоторую пользу.

Обсудивъ съ Назиромъ это дѣло, я избралъ ночь для нашего визита къ Аникѣ, и вотъ каковъ былъ результатъ этого посѣщенія. Мы отправились въ самую отдаленную часть «Чернаго города». Въ полночь мы подошли къ низкому строенію. Я предупредилъ Грагама, чтобы онъ шелъ какъ можно ближе ко мнѣ, не оборачиваясь и молчалъ, прибавивъ, что никто намъ не скажетъ ни одного слова, такъ какъ мы будемъ невидимы, и шаги наши будутъ неслышны.

Если мои читатели спросятъ меня насколько я былъ серьезенъ говоря это, то я отвѣчу что вполне. Если же они пожелаютъ знать какимъ образомъ я могъ располагать такими силами, на это я скажу, что я развилъ ихъ пользуясь средствами, которыя употребляютъ индусскіе фаиры, для того, чтобы насытить свое тѣло жизненной силой и подчинить всѣ физическія силы могуществу духа. Эта способность приобрѣтается долгими постами и многолѣтнимъ аскетизмомъ до тѣхъ поръ, пока измѣненія въ организмѣ посвященнаго не сдѣлаютъ болѣе тѣсными и интимными его сношенія съ міромъ духовъ и изъ него самого не сдѣлаютъ почти духа, тогда онъ легко можетъ окружить себя аказой (жизненной эссенціей его астральнаго тѣла) и вполне владѣя своими средствами воздѣйствія на физическіе предметы, онъ станетъ невидимымъ. Безполезно описывать сибариту европейцу способы, которые позволяютъ жителю Востока достичь этого духовнаго состоянія или ожидать, чтобы гордый англичанинъ поднялся на воздухъ. Между тѣмъ Ирда—пада, проводящій всю свою жизнь въ подобныхъ опытахъ и кромѣ того получившій въ наслѣдіе приспособленный организмъ, легко можетъ подняться на воздухъ.

Я также обладалъ этой способностью, а духи помогли мнѣ использовать ее для моего товарища.

Пройдя послѣднія жилища и рядъ пустынныхъ дворовъ, мы очутились у развалинъ древняго храма. Я направился къ двери въ подземелье, открывшейся по моему знаку. Спустившись на нѣсколько ступеней, мы вошли въ большую комнату, вырубленную частью въ скалѣ. Въ центрѣ ея находился водоемъ, около котораго были приготовлены предметы для выполненія древнихъ обрядовъ. На каменной скамьѣ сидѣли три женщины подъ вуалю и ихъ костюмы показывали, что онѣ ждали кого-то.

«Не обращайтесь на нихъ вниманіи, — сказалъ я громко

Грагаму, идите какъ я говорилъ вамъ; онѣ не увидятъ насъ. И, дѣйствительно, поравнявшись съ ними, мы громко безъ всякихъ предосторожностей заговорили, но онѣ даже не посмотрѣли на насъ. Пройдя черезъ вторую дверь, открывшуюся какъ и первая, мы вошли въ залу большихъ размѣровъ, гдѣ должны были совершаться церемоніи.

Сѣвъ на камень у подножія разбитаго перистилія, мы стали наблюдать за развернувшейся передъ нами сценой.

Группа полубнаженныхъ факировъ, между которыми я узналъ Назира, начала танцевать и вертѣться вокругъ одѣтой въ бѣлое женщины, съ обнаженными руками и ногами съ распущенными черными волосами, почти касавшимися земли, стоявшей въ центрѣ круга, образованнаго танцующими. Каждый экстатикъ вертѣлся съ такой быстротой, что скорѣе походилъ на колонну, чѣмъ на человеческое существо. Громадное количество аказы и магнетизма, который они выдѣляли, наполнило всю комнату и могло быть почти видимо въ видѣ пара. Грагамъ упалъ бы въ обморокъ, если бы я не поддержалъ его и не успокоилъ. На другомъ концѣ комнаты видѣлся алтарь, покрытый кабалистическими знаками, на которомъ стояли три жаровни. Передъ алтаремъ стояла сестра Назира, прелестное созданіе, одѣтое въ короткую тунику, украшенную кабалистическими знаками, съ блестящей короной на головѣ, отдѣланной магическими пантаклями. Она поддерживала огонь, бросая въ него очень душистыя травы.

Танецъ прекратился. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла факиры моментально остановились, какъ будто они превратились въ камни. Они подняли свои худыя руки и направили ихъ на стоящую въ центрѣ женщину. Грагамъ узналъ въ ней Елену Лаваль. Его ужасъ былъ такъ силенъ, что онъ чуть чуть не разорвалъ флюиды, въ которыхъ онъ былъ заключенъ мною; къ счастью онъ быстро пришелъ въ себя и сѣлъ рядомъ со мной.

Фаиры продолжали держать свои руки, направленные на Елену Лаваль. Ея черты лица приняли такое выраженіе, что мое отвращеніе къ ней на моментъ сгладилось и я смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что въ этотъ моментъ свѣтоносный флюидъ, исходившій изъ факировъ, блестѣлъ какъ маленькіе огненные языки; сомнамбула подняла руки, испустила дикій крикъ и, бросившись вверхъ, поднялась на воздухъ, гдѣ и оставалась въ теченіи многихъ минутъ. При этомъ зрѣлищѣ экстастики принялись кричать и, поднимая руки, простерлись ницъ и оставались въ такомъ положеніи до окончанія сеанса. Тогда Аника приблизилась къ Еленѣ Лаваль и начала пѣть монотонное вызваніе, обращенное къ духамъ воздуха въ то же время повелительными жестами заставляя медиума опуститься на землю, послѣ чего она взяла ее за руку и ввела въ начерченный на землѣ кругъ. Затѣмъ ходя все время вокругъ алтаря и огня и подбрасывая въ него различныя ароматическія эссенціи, запахъ которыхъ распространялся по всей комнатѣ, она запѣла вызваніе къ элементамъ.

Спиритуалистовъ не удивитъ этотъ феноменъ левитаціи, но мой рассказъ не дастъ имъ ни малѣйшаго понятія о мрачной и магической сценѣ, которую я стараюсь описать. Какъ въ дѣйствительности описать мрачную античную торжественность этой вырубленной въ скалѣ пещеры, страшный видъ окружающихъ насъ фетишей, демонически ди-

кій видъ простертыхъ на землѣ факировъ, полусумасшедшую руководительницу обрядовъ и главнымъ образомъ необыкновенный видъ экстатички въ бѣломъ платьѣ, поднятіе на воздухъ которой, преступая всѣ извѣстные законы, обязано было или непонятнымъ силамъ или существамъ такимъ же ужаснымъ, какъ и колдунья, рабами которой онѣ были?

Все это было такъ ново для Грагама, что я не удивился, видя какъ этотъ испытанной храбрости солдатъ сжалъ мою руку и дрожа, какъ листъ, оперся на мое плечо.

Вотъ очень несовершенный переводъ стиховъ, которые пѣла сибилла, вращаясь вокругъ магическаго круга.

О прекрасное огненное твореніе.

Окружи эту смертную твоимъ пыломъ!

Пусть пламя жизни броситъ къ ея ногамъ всѣ
творенія

Пусть сила ея сожжетъ ихъ

И обратить въ прахъ, если они не склонятся
передъ ней!

О духъ огня, духъ теплоты, духъ пламени!

Духъ огненныхъ элементовъ слушай и повинуйся!

Наконецъ эти отвратительныя вызванія окончились. Воздухъ странно сгустился; весь нашъ организмъ и даже самая скела, въ которой была вырублена пещера, казалось, вибрировала. До нашего слуха донеслось нѣчто похожее на долгій вздохъ или на завыванье вѣтра; странной формы глаза засвѣтились въ тьмѣ, а надъ нашими головами заблестѣли языки пламени. Мы съ Грагамомъ испытали нѣчто въ родѣ нравственной подавленности, очень близкой къ отчаянію, и я увѣренъ, что всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ водуизма не изобличатъ меня во лжи. Я зналъ многихъ путешественниковъ, которымъ случалось присутствовать при подобныхъ сценахъ, и наименѣе впечатлительные изъ нихъ испытывали тоскливое чувство покинутости Богомъ, овладѣвшее въ данномъ случаѣ нами.

Когда все было окончено, Анина низко поклонилась г-жѣ Лаваль,—затѣмъ выпрямилась и, скрестивъ на груди руки, сказала:

— Что еще прикажетъ своей рабѣ дочь Индры? Она теперь прекраснѣе Парвати, могущественнѣй священнаго Тельца; что еще желаетъ она?

— Анина я уже испытала вашу власть надъ извѣстными мнѣ людьми, кромѣ одного единственнаго, котораго я люблю,—отвѣтила г-жа Лаваль.—Онъ одинъ оказалъ сопротивление! И я знаю, что онъ меня ненавидитъ!

— Онъ любитъ другую,—холодно сказала малайка,—не такъ ли?

— Не говорите мнѣ этого. Я не хочу еще этому вѣрить. Слушай женщина, у тебя есть въ груди сердце, несмотря на твою холодность; развѣ ты ничего не можешь сдѣлать? Нѣтъ ли еще какихъ-нибудь средствъ?

— Развѣ я не говорила вамъ, Владыка духовъ сильнѣе меня? Мнѣ кажется даже, что я чувствую сейчасъ его вліяніе. Эта комната полна имъ, онъ уничтожаетъ мою силу. Остается только одно средство; поразите его физически; убейте его тихо и тогда вы будете имѣть возможность коснуться его души.

Говоря это, Анина обогнула алтарь и отдернула занавѣску. Я былъ менѣе удивленъ, чѣмъ Грагамъ, когда мы увидѣли, что за этой занавѣской находился довольно хорошо исполненный мой портретъ и слегка походившая на меня восковая фигура.

При видѣ этихъ предметовъ мой другъ задрожалъ; въ первый разъ передъ нимъ обнаружилась полная истина. Когда же г-жа Лаваль обратилась къ этимъ предметамъ съ страстными рыданіями, мольбами и проклятіями, не оставлявшими никакого сомнѣнія, бѣдный Грагамъ внѣ себя бросился вонъ и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось его удержать.

— О, другъ мой, бѣжимъ изъ этого ужаснаго мѣста!—пробормоталъ онъ. Это Водуизмъ? Я содрогаюсь при мысли въ какую пропасть могли толкнуть меня мои нечистыя желанія и безразсудныя намѣренія! Да проститъ мнѣ Богъ мое невольное преступленіе!

Безполезно было удерживать его долѣе или пытаться успокоить. Онъ достаточно видѣлъ, чтобы исцѣлиться отъ своего безумія. Что касается меня, то я зналъ, что произойдетъ дальше и былъ увѣренъ въ томъ, что мнѣ нечего бояться.

Мои читатели знаютъ, конечно, почему, т. к. я уже говорилъ, что успѣхъ всякаго магическаго обряда зависитъ отъ психологическаго эффекта, иначе говоря, отъ силы дѣйствія одного мозга на другой, и это дѣйствіе кромѣ того должно быть непрерывнымъ. Если можно поразить намѣченное лицо, не встрѣтивъ никакого противоположнаго топа, то успѣхъ несомнѣненъ; но когда это лицо знаетъ о томъ, что противъ него замышляется, и если его охраняетъ воля и духовная сила болѣе могущественныя, чѣмъ воля мага, то колдовство никакого успѣха имѣть не будетъ.

Благодаря условности идей, на которыхъ основываются творенія воображенія, романисты (считающіе себя вообще вынужденными защищать то, что они называютъ «интересами морали») заставляютъ всегда въ концѣ торжествовать добродѣтель надъ порокомъ. Если бы это было такъ въ дѣйствительности, то оккультныя попытки Воду никогда не удавались бы. Къ несчастью физическіе и психологическіе законы не подчиняются морали. Самыя чистыя и лучшія существа раздѣляютъ участь злыхъ во время кораблекрушенія или пожара. Родители любятъ столько же, если не больше порочныхъ дѣтей, какъ и добрыхъ. Судьба неумолима, дѣйствуетъ ли она въ интересахъ добродѣтели или порока. Не будемъ смѣшивать законовъ съ принципами. Законъ психологическаго дѣйствія есть законъ силы, магнетическаго могущества и взаимодѣйствія положительнаго и отрицательнаго полюсовъ.

Принципы добра и зла дѣйствуютъ совершенно другимъ образомъ. Колдовство Воду могло подѣйствовать на чистую и невинную Бланку, потому что она была беззащитна отъ магнетизма, которому разъ уступила. На меня же напротивъ эта сила не имѣла никакого дѣйствія; такъ какъ я былъ положителенъ по отношенію къ колдунѣ и, кромѣ того былъ окруженъ непроницаемыми вліяніями.

А теперь позвольте мнѣ попытаться опредѣлить Водуизмъ. Всѣ опытные спиритуалисты скажутъ, что при этихъ сеансахъ присутствуютъ и помогаютъ производить феномены духи порочныхъ людей и элементары. Всѣ эти обряды, пѣнія, вызванія, куренья и пораженія, наносимыя пор-

третамъ, фигурамъ и другимъ неживленнымъ предметамъ были бы безрезультатны относительно добра и зла, если бы они не возбуждали мага и не позволяли бы ему достичь состоянія экстатического иступленія.

Дѣйствительность этихъ обрядовъ зависитъ отъ намѣренія, количества умственной силы, отъ силы экстеріоризированной воли и главнымъ образомъ отъ того удовольствія, которое испытываютъ вредоносныя существа, помогая людямъ выполнять дѣйствія, гармонизирующія съ ихъ собственной природой.

Меня спросятъ можетъ быть: что же дѣлаютъ Ангелы хранители? Почему они не противопоставляютъ свое вліяніе, для того, чтобы спасти насъ?

На это я отвѣчу, что они всегда съ нами, всегда расположены помочь и оградить насъ; но исторія доказываетъ, что это не всегда бываетъ возможно. Конечно, грубые и матерьяльные духи ближе къ землѣ, чѣмъ они? Лучшее средство предохранить себя отъ злыхъ вліяній вообще состоитъ въ томъ, чтобы развить въ себѣ духовную чистоту, которая сама по себѣ является очень большой силой. Но когда эта чистота подпала подъ магнетическое вліяніе, нашъ долгъ заниматься болѣе не законами морали, а законами магнетизма, зависящими отъ принциповъ совершенно чуждыхъ морали. Мы должны примѣнить принципы Природы, какими мы ихъ находимъ, а не по идеямъ или предположеніямъ, которыя мы составили о нихъ. Мы не должны думать, что наше невѣжество можетъ служить убѣжищемъ отъ всякой опасности. Мнѣ приходилось слышать, что многіе, не зная магіи, утверждали, что имъ нечего бояться. Они воображали, что ихъ безопасность зависитъ отъ ихъ невѣжества, и я уже доказалъ противное въ главахъ, посвященныхъ одержанію. Почти все видѣнные мною одержимые подвергались нападенію, независимо отъ ихъ невинности.

Маленькія дѣти часто подвергаются одержанію и я встрѣчалъ множество чистыхъ и невинныхъ женщинъ, ставшихъ жертвами гнусныхъ колдуновъ, въ то время какъ лица гораздо менѣе чистыя избѣгали опасности, потому что они знали о ней.

Реальная защита заключается, слѣдовательно, въ пониманіи природы оккультныхъ вліяній, въ знаніи управляющихъ ими законовъ и средствъ борьбы съ ними. Не знать о присутствіи воровъ около нашего дома можетъ быть и очень хорошо, лишь бы они не воспользовались нашей увѣренностью; но еще лучше знать о ихъ присутствіи, чтобы лучше охранить себя отъ ихъ нападенія, такъ какъ *знаніе—сила, невѣжество—слабость.*

Вотъ почему мнѣ хотѣлось бы показать истиннымъ мыслителямъ необходимость изучать оккультное и познавать въ великомъ резервуарѣ естественныхъ законовъ различные источники добра и зла, которые непрерывно насъ окружаютъ. Недостатокъ времени и мѣста мѣшаютъ мнѣ распространиться подробнѣе объ этомъ предметѣ. Согласимся пока признать то, что рано или поздно станеть извѣстно человечеству, именно: что воля есть высшее могущество, направляющее твореніе къ добру и злу. Пока мы не будемъ освѣдомлены о пользованіи и злоупотребленіи психологическими способностями, мы будемъ жертвами управляющихъ нами слѣпыхъ силъ, независимо отъ того, будемъ мы или нѣтъ знать объ этомъ. Наши больницы

умалишенныхъ наполняются одержимыми, тюрьмы бѣдняками слишкомъ слабыми для того, чтобы сопротивляться заразѣ преступности, а наши дома развратными мужчинами и женщинами, дурныя страсти которыхъ питаются самой атмосферой, которой они дышутъ.

Да придетъ къ намъ на помощь знаніе и наука: знаніе Оккультнаго и наука о Душѣ!

ГЛАВА XX.

Психологія.

Насталъ канунъ нашего отъѣзда. Утромъ я отправился къ виконту на дачу, чтобы отдать Бланкѣ отчетъ о моихъ послѣднихъ приготовленіяхъ и спросить ее не желаетъ ли она еще чего-нибудь. Бѣдное дитя отлично понимало, что я былъ причиной ея изгнанія; тѣмъ не менѣе она просто поблагодарила меня за мои братскія заботы о ней и сказала, что она готова къ отъѣзду. Ея странный и разсѣянный видъ во все время нашего разговора обезпокоилъ меня. Это не была холодность, а скорѣе двойственность, если я могу употребить это слово, оставившая во мнѣ впечатлѣніе будто бы чужой духъ пользовался ея органами. Она слушала, когда я говорилъ ей, но не мой голосъ, а чей-то другой. Въ ея отвѣтахъ была какая-то нерѣшительность, скрытность; это меня удивило и огорчило выше всякаго выраженія. Желая вывести ее изъ этой разсѣянности, я вынулъ изъ принесеннаго мною букета нѣсколько цвѣтотъ и хотѣлъ какъ и раньше приколотъ ихъ къ ея волосамъ, но она въ первый разъ за все время оттолкнула меня и сдѣлавъ мнѣ на прощанье знакъ рукой убѣжала испуганная. Я ушелъ изъ виллы не выдавъ ей больше.

Долженъ признаться, что я подверженъ различнымъ впечатлѣніямъ, которыя не могу объяснить удовлетворительнымъ образомъ ни себѣ, ни другимъ. Въ эту же ночь я замѣтилъ, что мною овладѣло странное и оккультное вліяніе. Я не могъ успокоиться. Мнѣ было невыносимо всякое общество, а мое уединеніе было наполнено видѣніями. Около полуночи утомившись блуждать по саду и не будучи въ состояніи разгадать и проанализировать мое умственное состояніе, я ушелъ въ свою комнату и попытался побѣдить тяготѣвшее на мнѣ оккультное вліяніе, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ счетовъ. Все было бесполезно: я не могъ ни читать, ни писать. Я не могъ даже сидѣть. Я снова вышелъ въ садъ старинной и нѣкогда блестящей виллы. Безцѣльно бродилъ я, не находя облегченія. Слуги въ ожиданіи меня заснули; ихъ присутствіе увеличивало лишь мои страданія и я ихъ поспѣшно отослалъ. Я рѣшилъ наконецъ вызвать сонъ, если это необходимо, котораго я страшился, хотя и желалъ. Я уже наполовину раздѣлся, когда мною снова овладѣлъ тотъ же приступъ, съ ощущеніемъ невидимаго присутствія кого-то около меня. Мнѣ было извѣстно, что чѣмъ болѣе духъ безпокоенъ, тѣмъ слабѣе его ясновидѣніе. Чтобы достигнуть высшей степени духовности необходимъ самый полный контроль надъ импульсами, страстями и эмоціями. Меня учили, а теперь я имѣлъ и доказательства этому, что самыя высокія степени духовности требуютъ чистой жизни и полного господства надъ страстями и земными желаніями.

Чтобы управлять другими нужно быть господиномъ надъ

самимъ собою и, достигнуть того состоянія совершеннаго равновѣсія, которое подчиняетъ адепту природу и ея оккультныя царства. Импульсивный, страстный и впечатлительный, я никогда бы не смогъ достичь этой духовной высоты, если бы отъ рожденія не одаренъ былъ этими духовными способностями, развить которыя весьма трудно, хотя я пунктуально исполнялъ предписанныя мнѣ, какъ испытанія; упражненія. Я приобрѣлъ такое господство надъ самимъ собою, котораго достигаютъ рѣдкіе молодые люди моего возраста, и, теперь очень рѣдко бѣдная слабая человѣческая природа торжествовала надъ волей адепта, по настоящимъ обстоятельствамъ мое умственное поражение было полное и я дорого заплатилъ за него!

Въ концѣ концовъ я рѣшилъ не истощать себя болѣе въ этой борьбѣ и мысленно произнесъ слѣдующіе слова. «Пусть дѣйствуютъ могущества зла, я не буду больше защищаться!»

Бросившись на кровать, я заснулъ какъ только коснулся подушки. Когда я проснулся, луна уже заходила и звѣзды поблѣднѣли. Мое вниманіе привлекъ шумъ, происхождение котораго я не могъ сначала объяснить себѣ. Съ полуоткрытыми глазами я поднялся на постели и прислушался. Вскорѣ я услышалъ такой болѣзненный, жалобный стонъ, что по тѣлу моему пробѣжала дрожь. Вздохъ повторился нѣсколько разъ. Я не грезилъ; я былъ убѣжденъ, что онъ исходилъ изъ наружной террасы и постепенно приближался. Спустя моментъ къ этимъ вздохамъ примѣшался легкій шумъ шаговъ и черезъ открытую стеклянную дверь террасы я увидѣлъ фигуру несчастной Бланки Дудлей. Ея длинныя волосы ниспадали на разорванное вечернее платье, испачканное, какъ будто она бѣжала по дорогѣ полной камней и свалъ. Достаточно было одного взгляда, чтобы увидѣть, что въ ея устремленныхъ въ пространство глазахъ не было никакой мысли. Она была смертельно блѣдна и шла какъ въ глубокомъ сомнамбулическомъ снѣ, а ея маленькія ноги были очевидно изранены, такъ какъ бѣлые башмаки были въ крови. Руки ея висѣли вдоль тѣла. На груди я узналъ цвѣты, которые принесъ ей днемъ. Бѣдное дитя одѣто было въ легкое платье, плохо защищавшее ее отъ ночного холода, который въ это время года и въ этотъ часъ былъ гораздо опаснѣе въ Индіи, чѣмъ въ сѣверныхъ широтахъ. Бланка прошла черезъ комнату, остановилась у моей кровати и громко вскрикнувъ, замертво упала на полъ.

Отбросивъ въ одинъ моментъ занавѣси, защищавшіе спящаго отъ тропическихъ наѣтковъ, я поднялъ на руки повидимому безжизненное тѣло Бланки. Но въ тотъ моментъ, когда я почти парализованный отъ удивленія и ужаса поднимался, комната вдругъ освѣтилась и на верандѣ появились семь или восемь Браминовъ, принадлежавшихъ къ одному оккультному обществу, членомъ котораго я состоялъ. Нѣкоторые изъ нихъ вошли въ комнату, другіе остались на верандѣ. Они строго смотрѣли на меня.

«Во имя Бога, что вамъ угодно, господа?—воскликнулъ я негодуяще.

— Людовикъ de В мы здѣсь, чтобы убѣдиться въ правдивости возводимыхъ на васъ обвиненій;— отвѣтилъ одинъ изъ посѣтителей, Гуронъ, которому я далъ обѣщаніе соблюдать нѣкоторое время въ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ самый строгій аскетизмъ.

— Какъ,—возразилъ я,—какое вы имѣете право входить въ частное жилище во время священныхъ часовъ покоя? Положивъ на диванъ несчастную женщину, я сталъ между нею и вошедшими.

— Людовикъ,—сказалъ Гуронъ,—насъ увѣдомили, что вы чарами привлекли къ себѣ эту даму и хотѣли ее погубить. Вамъ извѣстны страшныя наказанія, которыхъ вы заслуживаете за нарушение данныхъ вами обѣтовъ; но даже честь нашего ордена ничто въ сравненіи съ тѣмъ долгомъ, который мы, ваши духовные отцы, исполняемъ, пытаясь помѣшать гнусному дѣянію, въ которомъ васъ обвиняютъ?

— Кто меня обвиняетъ?—спросилъ я.

— Одинъ неопитъ нашего общества,—сказалъ Гуронъ.

— Фердинандъ Перро,—прибавилъ музыкальный голосъ рядомъ со мной. Я быстро повернулъ голову, и увидѣлъ Бига Чундра-удъ-Деень.

Прежде чѣмъ я успѣлъ обратиться къ нему за помощію, онъ проскользнулъ къ группѣ статуй, украшенныхъ розами и тропическими растеніями, находившейся въ глубинѣ комнаты, и оттуда послышался его отчетливый голосъ: «Вотъ колдунья!» Въ ту же минуту, скорѣй силой воли, чѣмъ инымъ способомъ, онъ извлекъ скрывавшуюся въ этомъ мѣстѣ замаскированную женщину. Несмотря на ея видимый ужасъ и упорное сопротивленіе, она вскорѣ очутилась въ кругу браминовъ. Я быстро сорвалъ маску и увидѣлъ, какъ и ожидалъ поблѣднѣвшее хотя еще горделивое лицо Елены Лаваль.

— Такъ вотъ кому я обязанъ вашимъ осужденіемъ, господа!—сказалъ я съ горячностью.—Этому демону, гнусной колдуньѣ, преступное и безжалостное искусство которой привело сюда ея довѣрчивую, всегда защищавшую ее подругу. А васъ пригласили быть свидѣтелями ея позора и отчаянія! Кому непонятенъ теперь весь заговоръ? Задолго до этого гнуснаго преступленія г-жа Лаваль хвасталась своей магической властью надъ леги Бланкой и неоднократно привлекала къ себѣ свою безсознательную и невинную жертву. Это называлось «интересными психологическими опытами. Эти опыты, производимые съ одной стороны лицомъ знающимъ оккультную науку, а съ другой чистой молодой дѣвушкой, должны были, казалось, окончиться потерей душевнаго покоя и чести этой послѣдней; не говоря уже о намѣреніи навлечь на меня стыдъ и несчастье».

Если бы я былъ болѣе хладнокровенъ, то замѣтилъ бы, конечно, чрезвычайную умственную подавленность Елены Лаваль, такъ хорошо управлявшей собою въ другое время. Ея черные блестящіе глаза сверкали еще, но она тщетно пыталась протестовать.

Надъ ней господствовала болѣе могущественная воля, и пока Бига касался ея руки, она могла бросать лишь бѣшеные взгляды на окружавшихъ ее, не будучи въ состояніи произнести ни одного членораздѣльнаго звука. Что касается браминовъ, то зная меня повѣрили моимъ словамъ. Между ними находился мой другъ Нанагъ Раи, а маленькій факиръ Назаръ переходилъ отъ одного къ другому объясняя кѣмъ была въ дѣйствительности Елена Лаваль и магическія церемоніи, которыя она производила съ его сестрой съ цѣлью покорить меня и погубить Бланку Дудлей.

— Это моя сестра сдѣлала все, — горячо воскликнул маленький факиръ. — Увы, кровь Назара Сагиба, течетъ въ жилахъ «шандала». О, отцы! — продолжалъ онъ, энергично указывая въ сторону сада, — несчастье невиннымъ! Скройте бѣдную даму, спрячьте ее, если вамъ дорога ея жизнь, тамъ идутъ ея дядя и Перро, этотъ сынъ Судры. Они съ факелами разыскиваютъ отсутствующую, которую Перро отлично знаетъ гдѣ найти... Слишкомъ поздно, — прибавилъ онъ, — падая на полъ. — Враги окружаютъ насъ! И дѣйствительно въ комнату вошелъ виконтъ Р. въ сопровожденіи Перро и племянника.

Какъ я узналъ послѣ, леди Бланка пропадала съ 10 часовъ вечера. Зная, что она любила гулять въ садахъ при свѣтѣ луны, для ея поисковъ слуги были разосланы во всѣхъ направленіяхъ.

Проходили часы въ безплодныхъ поискахъ. Около часу ночи, Перро, думая, что гнусный планъ его сестры долженъ быть уже выполненнымъ, отправился къ виконту, симулировалъ горячее желаніе быть полезнымъ и сказалъ, что ему извѣстно отъ одной женщины по имени Анина, что шевадьё de В. колдовствомъ привлекъ къ себѣ несчастную молодую дѣвушку и что она теперь должна быть еще у него.

Вѣстникъ этой дурной новости чуть-чуть не былъ убитъ гродымъ джентльменомъ за гнусную клевету. Но когда Перро избѣжалъ первой вспышки гнѣва, виконтъ позвалъ племянника и спросилъ его мнѣніе. Было рѣшено, что Перро долженъ доказать истину своихъ словъ или заплатить за ложь. Они заставили его сѣсть съ ними въ карету и галономъ помчались къ моей виллѣ.

Таковы были обстоятельства еще болѣе увеличившія мое несчастье въ эту фатальную ночь. Только благодаря Бига и спокойной, вѣрной дружбѣ Нанака Раи, я избѣжалъ помѣшательства въ теченіи этихъ часовъ испытаній. Доброта и авторитетъ этого послѣдняго надо мной помѣшали мнѣ убить Елену Лаваль и ея гнѣвнаго брата. Сила характера Брамина, и ясное объясненіе, которое онъ далъ по поводу совершившихся фактовъ, спасли мнѣ жизнь, потому что виконтъ твердо рѣшилъ убить меня, когда узналъ, что Бланка находилась въ моей комнатѣ.

— Успокойтесь, — обратился браминъ къ виконту и выслушайте то, что я вамъ скажу. — Затѣмъ, онъ въ простыхъ словахъ изложилъ вкратцѣ разсказъ факира, описалъ магическіе опыты г-жи Лаваль и подтвердилъ мою полную невинность. Онъ предложилъ г-жѣ Лаваль и ея брату доказать противное, но такъ какъ эти жалкіе люди не произносили ни одного слова, онъ указалъ на несчастную молодую дѣвушку, лежавшую на диванѣ и находившуюся еще въ сомнамбулическомъ снѣ. Нѣжно отстраняя меня, этотъ вѣрный другъ, бывший очень искуснымъ магнитизеромъ, взялъ ее за руку и, еще безсознательную, поставилъ среди насъ.

Ея видимое утомленіе, разорванная одежда, испачканные кровью башмаки, неопишное выраженіе невинности ея лица, мысль, что это несчастное дитя сдѣлало болѣе семи миль по этой полной опасностей странѣ, — всѣ эти обстоятельства произвели тотъ эффектъ, котораго и ожидалъ мудрый мистикъ. Виконтъ закрылъ себѣ лицо руками, брамины пробормотали нѣсколько словъ сожалѣнія, и даже сама безжалостная колдунья казалась взволнованной.

Въ этотъ моментъ произошелъ странный феноменъ.

Надъ головой молодой дѣвушки, такой трогательной въ своей невинности и несчастьи, появился легкій свѣтъ, искра, свѣтъ этотъ увеличился, сталъ ореоломъ и наконецъ превратился въ корону надъ головой сомнамбулы. Мнѣ часто приходилось слышать отъ спиритовъ о красотѣ свѣта, производимаго духами. Я не знаю каковы были ихъ опыты, но убѣжденъ, что никогда не видывалъ такого феномена въ такомъ прямомъ соприкосновеніи со смертной. Среди восклицаній, послѣдовавшихъ за появленіемъ свѣта, Браминъ нѣжно сказалъ: «Бланка, дитя мое, почему вы здѣсь? Отвѣчайте, какъ если бы вы находились въ присутствіи своего Бога».

— Да, она передъ своимъ Богомъ, — отвѣчалъ голосъ чуждый леди Дудлей, все время находившейся въ трансѣ. — Ея духъ отсутствуетъ, а вамъ отвѣтить болѣе могущественное существо. Произнося эти слова Бланка медленно двинулась къ Еленѣ Лаваль, которую сильно держалъ одинъ изъ браминовъ, такъ какъ Бига ушелъ.

Жестомъ, полнымъ энергіи, она сняла съ г-жи Лаваль вуаль и сказала ей глубокимъ и проникновеннымъ тономъ.

— Отвѣчайте Елена Лаваль, зачѣмъ привлекли вы въ эту комнату Бланку Дудлей? Какой силой и для какой цѣли? Отвѣчайте!

Мы всѣ испытали дрожь ужаса, когда увидѣли, какъ хрупкое созданье, казавшееся теперь величественной, приблизилось къ своему злему генію, чтобы смутить ее.

— Что я сдѣлала? — пробормотала мрачная сибилла, подчиняясь въ свою очередь волѣ своего бывшего субъекта.

— Говорите правду, Елена; отвѣчайте! — повторила сомнамбула голосомъ, заставившемъ задрожать своего врага.

— Я привлекла ее силой своей воли, — отвѣтила съ такимъ трудомъ колдунья, точно каждое слово вырывалось у нея съ мученіемъ.

— Зачѣмъ? — закричалъ виконтъ; — отвѣчайте, проклятая колдунья!

Елена не отвѣчала. Она была совершенно во власти той, которую она магнетизировала, и всѣ ея чувства были подчинены ей.

— Какая у нея была цѣль, хотите вы спросить? — повторила Бланка, съ достоинствомъ поворачиваясь къ виконту. Развѣ вы не знаете, что она хотѣла погубить незапятнанную репутацию своей жертвы?

— Пусть она сознается въ своемъ преступленіи, — сказалъ одинъ изъ браминовъ.

— Довольно уже было сказано для избличенія преступницы и оправданія невинной, — прервала ясновидящая съ невыразимой нѣжностью соединенной съ приказаніемъ. Мнѣ отмщеніе, — сказалъ Господь, и азъ воздамъ.

Затѣмъ выпустивъ руку г-жи Лаваль, она молитвенно соединила руки и, поднявъ въ экстазѣ къ небу свои глаза и съ выраженіемъ, неподдающимся описанію тихо произнесла:

— Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникамъ нашимъ. — Ореоль постепенно исчезъ. Дѣвушка пошатнулась и ее Нанакъ принялъ на свои руки. По моему знаку онъ поднялъ ее и перенесъ въ ожидавшую насъ карету виконта. Въ этотъ моментъ, какъ бы подстрекаемый негодованіемъ, факиръ Назаръ, указывая на Елену; бросающую на насъ бѣшеные и злобные взгляды, воскликнулъ:

— Преступница! Она заслуживает осужденія людей и суда Браны. Я не знаю долго ли она сопровождала свою жертву, но я видѣлъ ее въ каретѣ въ то время, какъ молодая дама съ трудомъ шла за ней по каменистой дорожкѣ. Ея одежды были слишкомъ легки, чтобы защитить ее, а черезъ разорванные башмаки виднѣлись ея окровавленные ноги. Она шла, какъ во снѣ; а эта женщина, высунувшись изъ окна кареты, дѣлала ей знаки рукой и насмѣхалась надъ ней:

— Скорѣе, моя изящная птичка, скорѣй! Я васъ приведу къ вашему жениху, и прежде чѣмъ исчезнутъ звѣзды, у насъ совершится прекрасный бракъ! Прежде чѣмъ солнце освѣтитъ твою обезцвѣченную голову, всѣ будутъ знать, что прекрасная леди Бланка Дудлей отдалась своему любовнику.

Я приказалъ факиру замолчать, угрожая потребовать у него отчета, почему онъ не защитилъ несчастную жертву. Одни изъ браминовъ дружески распрощались со мной, другіе остались, предлагая свои услуги. Оставляя брата и сестру подъ охраной своихъ друзей, я пошелъ искать Нанака. Онъ стоялъ опершись на окно кареты и пытался утѣшить проснувшуюся и горько плакавшую Бланку. Слегка отстранивъ его, я вошелъ въ карету и, обнявъ Бланку, сказалъ ей:

— Вотъ заря того дня, когда вы уѣдете, но не къ отцу, а въ домъ вашего супруга!

— Пусть ваши служанки одѣнутъ васъ въ бѣлое платье и приколютъ къ вашимъ волосамъ, присланные мною цвѣты. Сегодня вечеромъ въ 8 часовъ я буду у васъ и передъ вашими друзьями и врагами вы дадите мнѣ право защищать васъ всю жизнь. — Сказавъ ей въ утѣшеніе нѣсколько словъ, я покинулъ ее.

— Ваша карета ожидаетъ васъ, сударыня, — сказалъ я, г-жѣ Лаваль, которую я встрѣтилъ на порогѣ. — Ни слова. Садитесь!

Мои слуги втолкнули ее въ карету и кучеръ тронулъ лошадей.

— Не спѣшите, сударь, — прибавилъ я, — видя бѣгущаго Перро, который пытался остановить карету.

— Оставьте меня, — прорычалъ онъ, — когда я схватилъ его за плечо. Вы хотите убить меня? Караулъ! меня душатъ!

Что вы дѣлаете Людовикъ? — воскликнулъ Нанакъ, тщетно пытаясь вырвать у меня несчастнаго. — Оставьте его, не омрачайте свою душу изъ-за этой гадины. Я приказываю вамъ это словомъ, которому вы обязаны повиноваться. — Слово было произнесено и обезоружило меня.

— Онъ ничего не потеряетъ, если подождетъ! — сказалъ я, тагъ какъ, вся текущая въ моихъ жилахъ индусская кровь возмутилась противъ этого гнуснаго злодѣя, и я хотѣлъ отплатить ему за ихъ совмѣстное съ сестрой преступленіе.

Виконтъ и его племянникъ тоже вступились за подлеца.

Тогда я швырнулъ его въ кустъ терновника; я приказалъ ему помнить, что его ждетъ еще часть возмездія.

Въ этотъ же день въ 8 часовъ я сталъ мужемъ нѣжной, чистой и невинной Бланки Дудлей. Ея дядя счелъ себя вполне удовлетвореннымъ, а сердце бѣдной Бланки раскрылось наконецъ къ радости и счастью.

Что касается меня... я сказалъ прощай всѣмъ моимъ надеждамъ на жизнь среди звѣздъ, сказалъ прощай всѣмъ оккультнымъ матеріямъ, всѣмъ моимъ грезамъ о духовномъ развитіи, всѣмъ изслѣдованіямъ царства небесной славы.

Надежды, стремленія, все было разбито, и я искренне и честно рѣшилъ отдать себя новому долгу, который отнынѣ наложило на меня чувство жалости и чести.

* * *

Редакторъ-Издатель П. А. Чистяковъ.

Книги по вопросамъ Спиритуализма и Медіумизма.

изданныя до 1903 г. при редакціи журн. «Ребусъ» въ Петр.

Требованія адресовать въ складъ—Петроградъ, книжный магазинъ Мартынова, уголь Ново-Петергофскаго и Троицкаго проспектовъ, свой домъ, № 4—20.

- 1) Кое-что о медіумизмѣ. Профес. А. М. Бутлерова. Ц. 60 к.
- 2) Статьи по медіумизму. Профес. А. М. Бутлерова, съ фотографіи, портретомъ автора и воспоминаніемъ объ А. М. Бутлеровѣ. Н. П. Вагнера. Ц. 2 р.
- 3) Медіумизмъ Елизаветы Дмитриевны Прибытковой. Воспоминанія В. Прибыткова. Подробное описаніе разнообразныхъ медіумическихъ сеансовъ. Ц. 1 р.
- 4) Вопросъ о спиритизмѣ въ Россіи, отъ его возникновенія и до нашихъ дней, съ 8-ю портретами. В. Прибыткова. Ц. 1 р.
- 5) Медіумическія явленія передъ судомъ врачей. В. Прибыткова. Ц. 25 к.
- 6) Откровенныя бесѣды о спиритизмѣ и другихъ явленіяхъ той же области. В. Прибыткова. Ц. 35 к.
- 7) Легенда стариннаго баронскаго замка, — рассказъ, служащій руководствомъ къ устройству медіумическихъ сеансовъ. В. И. Второе изданіе. Ц. 75 к.
- 8) Пережитое въ иномъ мірѣ. Рассказъ очевидца. Ц. 35 к.
- 9) Изъ жизни светлица въ иномъ мірѣ. Ц. 30 к.
- 10) Богословно-философскій журналъ о спиритизмѣ. Научное подтвержденіе реальности медіумическихъ явленій. Ц. 40 к.
- 11) Неизвѣстное. Разнообразныя явленія въ области психизма и ихъ объясненіе. К. Фламмаріона. Ц. 1 р.

12) О нѣкоторыхъ феноменахъ транса. Отчетъ д-ра Р. Ходжсона члена Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдованій. Ц. 75 к.

13) Статьи по медіумизму. Ц. 50 к.

14) Индивидуализмъ въ свѣтъ біологіи и современной философіи. Л. Гелленбаха. Съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ В. С. Соловьева. Изданіе А. Н. Аксакова. Ц. 2 р.

15) Человѣкъ, его сущность и назначеніе, съ точки зрѣнія индивидуализма. Л. Гелленбаха. Съ нѣмецкаго. 1 р. 50 к.

16) Спиритуализмъ и наука. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой Уильяма Крукса. Составилъ, перевелъ и издалъ А. Аксаковъ. Цѣна 1 р. 25 к.

17) Разоблаченія. Исторія медіумической комиссіи физическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, съ приложеніемъ всѣхъ протоколовъ и прочихъ документовъ.—А. Аксакова.

18) Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія («Phanstame of the living») Э. Герней, Ф. Майерсъ, Ф. Подморъ. Сокращенный переводъ съ англійскаго *подъ редакціей и съ предисловіемъ Владиміра Соловьева*. Изданіе А. Н. Аксакова. Ц. 2 р.

19) Спиритизмъ Э. Гартмана. Переводъ профес. А. М. Бутлерова. Ц. 1 р.

20) Спиритизмъ въ исторіи. Е. Барабаша. Ц. 75 к.

21) Историческій очеркъ возникновенія и распространенія новѣйшаго спиритизма. Б. Тайца. Ц. 35 к.

22) Что можетъ вліять на духовную жизнь человѣка во время покоя его органовъ чувствъ. Д-ра Э. К. Стефановскаго. Ц. 25 к.

23) Крестъ надъ глетчеромъ. Единственное беллетристическое произведеніе нѣмецкаго писателя-философа Карла дю-Преля. Затрагивающее съ научной точки зрѣнія всѣ вопросы психизма, за пересылку слѣдуетъ прибавлять по 10 коп.

ТРУДЫ Всероссийскаго Съезда Спиритуалистовъ.

(бывшаго въ Москвѣ 20—27 октября 1906 г.).

Свышо 350 печатныхъ страницъ съ массою рисунковъ и чертежей.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Доклады: I. А. Чистяковъ. Современная наука и спиритуализмъ. (Вступительная рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Съезда). — Н. фонъ-Меккъ. Краткій историческій очеркъ современнаго спиритуализма. — П. Мельниковъ. Непокойный домъ въ Томской губерніи. — Б. Тайцъ. Случай непосредственнаго письма (съ рисунокъ). — А. и Б. Два случая доказанной самоличности. — П. Чистяковъ. Безсмертіе по традиціямъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ. — Сербовъ. Очерки изъ исторіи русской мистики. — Ал. К. Никольскій. Религіозное движеніе алтайскихъ калмыковъ (съ рисунокъ). — П. Чистяковъ. О фотографіи невидима-

го. — А. и Б. О психической—трансцендентальной фотографіи (съ рисунокъ). — Б. Армфельтъ. Астральная фотографія. — К. Кудрявцевъ. Излученія человѣческаго тѣла и примѣненіе ихъ къ лѣченію болѣзней (съ рисунокъ). — П. Чистяковъ. Экстеріоризація нервной силы и опыты доктора Жуара (съ чертежъ). — Л. Оноре. Гипнотическая амбулаторія въ городѣ Барнауль (съ рисунокъ). — А. К. Теософія въ Германіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (рѣчь доктора Рудольфа Штейнера на Теософическомъ Конгрессѣ въ Парижѣ 1906). — В. Н. Запругаевъ. Изложеніе ученія оккультистовъ объ астральномъ свѣтѣ. — П. Чистяковъ. О воспитаніи и культурѣ медиумовъ. — П. Чистяковъ. Радій и ясновидѣніе. (Опытъ физиологическаго истолкованія явленій ясновидѣнія). — II. Протоколы всѣхъ засѣданій Съезда. — III. Отчетъ организаціоннаго бюро. Цѣна 3 р.—для подписчиковъ журнала «Ребусъ»—2 р.

Расходы по пересылкѣ 25 к., съ налож. платежомъ 40.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РЕБУСЪ“

СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: ТЕЛЕПАТІИ, ЯСНОВИДѢНІЯ, ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, РАЗДВОЕНІЯ ЛИЧНОСТИ, ОДЕРЖАНІЯ, СОМНАМБУЛИЗМА, ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА, ГИПНОТИЗМА и СПИРИТИЗМА;—изслѣдов. въ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ МИСТИКИ—ТЕОСОФІЯ, МАСОНСТВО и проч.)

Загадочность человѣческаго существа и безсмертіе человѣческой личности.

Вотъ—главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ. Независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ мѣсто **ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ТАИНЪ И ЗАГАДОКЪ ПРИРОДЫ, НАУКИ И ЖИЗНИ.**

ПОМѢЩАЮТСЯ ОТЗЫВЫ о новыхъ и старыхъ книгахъ, РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ на запросы и письма подписчиковъ. ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Выходить—въ невоенное время не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ; въ военное же время выпусковъ можетъ быть и меньше. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣсмертномъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Вутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Аксакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дассье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Максвелля—„Феномены Психизма“; проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шопенгауера—„О духовидѣніи“, д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; и „Магия, какъ естественное“; М. Сабуровой—„Смерть—только метаморфоза“; проф. Шарко—„О самнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Охоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; Руксель—„Спиритизмъ и оккультизмъ“, А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суеврій“, „Кантъ, какъ спиритуалистъ“, „Радій и ясновидѣніе“, „Чтеніе мыслей“, „Маги—quadrigium“, „Тайныя Общества и Франкъ-Масонство“; д-ра Принса—„Множественность человѣческой личности“; Ст. Мозеса—„Ученіе духовъ социальное, религіозное и этическое“, А. Болтина—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; Губалке—„Метампсихозъ (переволоченіе)“; проф. В. Джемса—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; проф. О. Лоджа—„О тригоновскихъ сообщеніяхъ“; д-ра Вишофа—„Ученіе Каббалы“; Рейхенбаха—„Одо-Магнетическія письма“ и др; затѣмъ **СООБЩЕНІЯ О РАБОТАХЪ: РУССКАГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ МОСКВѢ, ЛОНДОНСКАГО ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ и др.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи на годъ 6 руб., на полгода 3 р. 50 к. За границу: на годъ 8 р. Пробный номеръ 25 коп. (Можно высылать почтовыми марками). Въ виду военнаго времени редакція оставляетъ за собою право сократить число выпускаемыхъ номеровъ или же повысить цѣну на журналъ.

ПОДПИСКУ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ Москва, редактору-издателю журнала „Ребусъ“ П. А. Чистякову—
ПРОСЯТЪ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕССУ: Б. Дорогомилловская ул., (у Бородинскаго моста) д. № 3, (телеф. 2-28-93). Подписка принимается также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

2015596399

